

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт
Исторический факультет
Кафедра истории государственных учреждений
и общественных организаций

Николай Петрович Ерошкин (1920–1988)

История
российской государственности

*Доклады
Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
профессора Н.П. Ерошкина*

Москва, 19 декабря 2020 г.

Москва
2021

УДК 930.1(063)

ББК 63.1я431

И90

Составитель: Л.Д. Шаповалова

Тексты публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-7281-2988-2

© Шаповалова Л.Д., составление, 2021

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2021

Содержание

Предисловие. <i>Т.Г. Архипова, А.С. Сенин</i>	14

Выступления на открытии конференции

<i>А.Б. Безбородов</i> , ректор РГГУ	19
<i>Е.И. Пивовар</i> , президент РГГУ	21
<i>Е.М. Бурова</i> , директор Историко-архивного института	22

Пленарное заседание

Л.Н. Мазур

Роль государства в формировании человеческого потенциала российского общества в XIX–XX вв.: смена вех	23

В.И. Дурновцев

Власть, общество и природа: российский опыт	32

В.В. Шелохаев

Многопартийность в России как историческое явление....	40

В.С. Христофоров

ГПУ-ОГПУ (1922–1934 гг.) и проблемы исторической памяти.....	48

Е.М. Бурова

Значение изучения истории государственных учреждений для архивоведения.....	57

Секция 1. Государственное управление в России до XX века

А.А. Космовская

Документация приказных изб и воеводских канцелярий
как источник для изучения истории воеводского управления
в Прикамье (опыт уточнения датировок) 65

А.Ю. Конькова

Государственная служба и виды документов
о ее прохождении: документоведческий аспект..... 73

М.А. Приходько

Два этапа создания министерской системы в России..... 80

Н.В. Черникова

Мемории Государственного совета и формирование
императорских решений 84

А.В. Прохорова

Архивные документы по истории Караимских
благотворительных организаций Таврической губернии
в XIX – начале XX в. 90

Т.Н. Кандаурова

От автономии управления к министерской структуре:
расширение сферы деятельности военно-поселенного
ведомства в первой половине XIX в. 95

Л.Г. Рогушина

Государственная власть и общественные благотворительные
учреждения помощи пострадавшим в войнах
в первой половине XIX в: механизм взаимодействия 103

Д.А. Прохоров

Формирование органов конфессионального самоуправления
мусульман и караимов Таврической губернии
в первой половине XIX в.: общее и отличия 109

Т.Г. Фруменкова

Императрица Мария Федоровна как "главноначальствующая
над воспитательными домами" в 1812 г. 115

<i>К.В. Доник</i>	Комитет образования флота и его роль в подготовке реформы центральной морской администрации в 1825–1827 гг.	121
<i>В.В. Ефимова</i>	Специфика государственного регулирования предпринимательской деятельности в г. Архангельске в 1820–1840-е гг.	128
<i>И.В. Ружицкая</i>	Особенности функционирования Государственного совета при Николае I (1825–1855 гг.)	137
<i>Г.Н. Бибиков</i>	Жандармский надзор и местное управление в Российской империи в правление императора Николая I	144
<i>Р.Э. Герман</i>	Военно-административная деятельность Н.И. Евдокимова на Северном Кавказе в 20–50-е гг. XIX в.	150
<i>А.Г. Горак (Польша)</i>	Управление Ловичского княжества (1825–1915 гг.)	157
<i>Г.Н. Ланской</i>	Особенности изучения системы российского самодержавия пореформенного периода в советской и зарубежной историографии.....	169
<i>А.Е. Иванов</i>	Проблема управления высшей школой Российской империи начала XX века: реальность и планы реформирования	179
<i>Ф.И. Мелентьев</i>	Наследники престола и карательный аппарат пореформенной России	184

- Н.М. Селиверстова*
Дворянин или чиновник? проблемы самоопределения
представителей просвещенной бюрократии
эпохи реформ 60–70-х гг. XIX в. 189

**Секция 2. Российская государственность
эпохи революций начала XX века**

- Р.А. Фандо*
История высших негосударственных учебных заведений
в Российской империи в конце XIX – начале XX в. 195
- В.И. Куликов*
Дипломатический чиновник при генерал-губернаторе
в административной системе Российской империи 201
- Д.М. Софьин*
Дневники Великого князя Сергея Александровича
как источник по истории повседневной деятельности
московского генерал-губернатора 209
- А.А. Орлов*
Взаимодействие гражданского общества и российского
государства в начале XX в. (на примере деятельности
Министерства юстиции по разработке законодательства
в сфере обеспечения свободы обществ и союзов) 215
- А.Н. Недорубов*
Особенности организации системы управления
частных железных дорог в России в начале XX в. 220
- Е.Д. Тоголева (Беларусь)*
Эволюция идеи белорусской государственности
в программных документах
Белорусской социалистической громады 227
- К.А. Соловьев*
Общественное движение накануне 1905 г.:
формы и практики. 234

<i>С.С. Новосельский</i>	
Проекты создания объединенного правительства в условиях революционного кризиса 1905 г. в России	244
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	
Макс Вебер и Георг Еллинек о российской государственности в 1905–1908 гг.	250
<i>С.В. Панов</i>	
Взгляды Романа Дмовского на перспективы Взаимодействия с российским правительством в 1905–1914 гг.	257
<i>А.П. Сопова</i>	
Функционирование цензурных учреждений в Российской империи в 1905–1914 гг.	262
<i>А.М. Лаврёнова</i>	
Покидая Департамент полиции: несколько штрихов к портрету его директора М.И. Трусевича	268
<i>А.Л. Юрганов</i>	
Российская государственность в кризисном самосознании русского модернизма в годы Первой мировой войны	275
<i>А.К. Лаптев</i>	
Государственные учреждения Смоленской губернии в годы Первой мировой войны: новые задачи, проблемы и вызовы	281
<i>А.Н. Грицаева</i>	
Государственная помощь беженцам в России в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.)	287
<i>Ф.А. Гайда</i>	
Власть и оппозиция в 1916 г.: смена модели политического взаимодействия	294

<i>Н.А. Тюков</i>	Революционная бюрократия России: товарищи министров в 1917 г.	299
<i>С.Н. Базанов</i>	Объединительное значение I Всероссийского съезда сестер милосердия (август 1917 г.)	308
<i>А.А. Олифиренко</i>	Конституционный проект осени 1917 г.: неудавшаяся попытка спасения демократии в России	314
<i>О.А. Шашкова</i>	«Революция в печати» начала XX века. Судьба Марии Малых	322

Секция 3. Российская и советская государственность: преемственность или разрыв

<i>И.Б. Белова</i>	Проблемы формирования и деятельности государственного аппарата российской провинции в первые годы советского периода (по материалам Калужской губернии)	330
<i>С.С. Войтиков</i>	Советские военная разведка и военная контрразведка в 1918–1921 гг.: из истории становления центральных органов	337
<i>Л.Р. Париева</i>	Особенности системы управления вооруженными силами антибольшевистских правительств России в период Гражданской войны	343
<i>Т.И. Хорхордина</i>	Государственная политика в области архивного строительства в годы Гражданской войны	350

<i>Т.Ю. Красовицкая</i>	Тюркские элиты России: опыт этнокультурного взаимодействия. Конец XIX в. – 1920-е гг.	358
<i>М.И. Старовойтов (Беларусь)</i>	Административно-территориальное устройство белорусско-российского пограничья в 1920-е гг.	366
<i>О.А. Литвинова</i>	Продналоговые кампании начала 1920-х гг. в системе раннесоветской государственности	373
<i>М. Ю. Мухин</i>	История формирования системы органов мобилизационного планирования экономики в Советской России и СССР в 1921–1927 гг.	379
<i>И.С. Ратьковский</i>	Дискуссии вокруг создания СССР в партийно-государственном руководстве в 1922–1923 гг.	384

Секция 4. Государственный аппарат СССР в конце 1920-х – середине 1980-х годов

<i>О.В. Горбачев</i>	Переписи населения как инструмент социальной политики советского государства.....	388
<i>Е.В. Барышева</i>	Советские государственные праздники как коммуникативный проект власти и общества	394
<i>А.К. Гагиева</i>	Проведение административной реформы 1929 г. в Коми Области как один из рычагов укрепления административно- командной системы управления	400

<i>В.В. Тихонов</i>	Государственная политика в 1940–50-е гг. в организации исторических юбилеев союзных и автономных республик СССР	407
<i>А.А. Киличенков</i>	«Танковый вызов» накануне войны и «танковый ответ» АБТУ РККА	412
<i>Ю.А. Соколова</i>	Государственное управление дошкольными учреждениями и детскими домами в РСФСР в годы Великой Отечественной войны	419
<i>А.И. Бутвило</i>	Третий путь: отвергнутый вариант совершенствования советской системы государственного управления экономикой в середине 50-х гг. XX в.	426
<i>И.К. Ушакова</i>	Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР	433
<i>С.А. Байбаков</i>	Пересмотр замысла конституционной реформы в СССР после смещения Н.С. Хрущева (1964–1968 гг.): историографический аспект	441
<i>А.Н. Дулов (Беларусь)</i>	П.М. Машеров в воспоминаниях современников: портрет руководителя и человека	448

**Секция 5. Государство и общество
на рубеже XX–XXI веков**

<i>Л.Е. Лантева</i>	Административная этика в России: история и современность	456

<i>Н.И. Балахонцев</i>	Развитие института работы с обращениями граждан в историческом аспекте	465
<i>А.Д. Попова</i>	Влияние советской ментальности на представления российского общества о механизмах управления	472
<i>Ф.Г. Тараторкин</i>	Союз писателей СССР и политика перестройки (1985–1989 гг.)	477
<i>М.Д. Пищук</i>	Русская Reconquista: пути институционализации русского национализма в системе российской государственности в конце XX в.	482
<i>Ю.А. Реент</i>	Реорганизация управления пенитенциарной системой России и перевод ее в состав Министерства юстиции на рубеже XX–XXI вв.	487
<i>В.В. Фортунатов</i>	Общественные организации в России: «приводные ремни» или гражданское общество? (проблемы методологии и реальность)	494
<i>А.А. Сундиева, М.С. Стефко, О.Е. Черкаева</i>	Университетские музеи: модели развития в контексте научной и культурной политики российского государства	500
<i>А.А. Яганова</i>	Механизмы информационно-коммуникационного взаимодействия при предоставлении гражданам государственных услуг в социальной сфере: институциональный аспект	515

Предисловие

Международная научная конференция «История российской государственности», состоявшаяся в Москве в Российском государственном гуманитарном университете 19 декабря 2020 г., была посвящена 100-летию со дня рождения Николая Петровича Ерошкина, советского историка, внесшего значительный вклад в становление истории государственных учреждений как важной исторической дисциплины, благодаря которому она из прикладной превратилась в специальную.

Николай Петрович Ерошкин родился в 1920 г. в Москве в семье рабочего, учился в средней школе № 20 и педагогическом училище № 5. Из-за трудного материального положения в семье, он был вынужден прекратить учебу и пойти работать. В 1939 г. Н.П. Ерошкин экстерном сдал экзамены за полную среднюю школу. В 1939–1942 гг. учился в Московском областном педагогическом институте. Летом и осенью 1941 г. участвовал в строительстве оборонительных сооружений в Белоруссии, Смоленской и Московской областях.

Поступив в 1943 г. в аспирантуру Историко-архивного института, он связал с ним всю свою жизнь, пройдя путь от аспиранта до и.о. ректора вуза. В аспирантуре под влиянием своего научного руководителя П.А. Зайончковского он стал специализироваться на истории государственного аппарата. Ерошкин самостоятельно разработал курс истории государственных учреждений дореволюционной России и читал его студентам. В феврале 1952 г. была создана кафедра истории государственных учреждений¹, на которой он проработал 36 лет, с 1975 г. был ее заведующим. В разные годы он читал курсы и спецкурсы «Основные особенности государственных учреждений дореволюционной России», «Самодержавие и первая русская революция», «Буржуазно-демократическая революция и изменение государственного строя России», «Государственный строй России в 1917 г.», «Министерства России первой половины XIX века – фондообразователи центральных государственных архивов СССР», «Местные государственные учреждения дореформенной России» и др.

Николай Петрович автор монографии «Крепостническое самодержавие и его политические институты: (первая половина XIX века)», учебного пособия для учителей «Самодержавие накануне краха», многочисленных учебных пособий для студентов-архивистов. Наибольшим успехом не только у обучающихся, но и у специалистов пользовался и продолжает пользоваться учебник Николая Петровича «История государственных учреждений дореволюционной России», выдержавший пять изданий в 1960–2008 гг.² Почти десять лет Н.П. Ерошкин осуществлял научное руководство подготовкой многотомного справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России». Это была плановая работа Главархива СССР, в которой участвовали специалисты центральных государственных архивов СССР – ЦГИА, ЦГАОР, ЦГА ВМФ, ЦГВИА, а также АВПр. Редактирование и рецензирование первого тома было завершено Ерошкиным за полгода до смерти. Первый том этого фундаментального издания вышел в свет только в 1988 г. Редакционная коллегия отметила, что данный справочник «стал, по существу, последним крупным делом жизни Н.П. Ерошкина, делом, которому он отдавал все свои силы, талант и огромные знания».

Н.П. Ерошкин был редактором ряда тематических сборников научных статей: «Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР», «Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР», «Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность». Среди авторов были не только преподаватели кафедры, научные сотрудники Института истории СССР АН СССР, центральных архивов, музеев, но и аспиранты кафедры, студенты, интересовавшиеся историей государственного аппарата Российской империи и Советского Союза.

Важное место в научной жизни кафедры занимали создаваемые по инициативе Ерошкина ежегодные научные конференции, ставшие традиционной формой обмена опытом и регулярного общения преподавателей и аспирантов кафедры с сотрудниками центральных государственных архивов и музеев, научных учреждений системы Академии наук СССР. Наряду с известными специалистами, в них участвовали аспиранты и студенты, специализировавшиеся по истории российской государственности.

Под руководством Н.П. Ерошкина было подготовлено и защищено 36 кандидатских диссертаций³. Он же консультировал докторские диссертации, готовившиеся его учениками.

Диссертационные исследования, монографии и статьи Н.П. Ерошкина и его учеников сформировали уникальную научно-

педагогическую школу исследователей государственного аппарата России, особенностью которой стало изучение отечественной истории через призму государственных и общественных институтов. Для ее исследовательской специфики характерны системность и детальность анализа всех основных характеристик конкретного учреждения и государственного аппарата в целом: причины и цели создания, реорганизации и ликвидации; изменения в функциях, компетенции, организационной структуре, методах деятельности, персональном составе, объемах финансирования и др. Историю государственных учреждений отличает ретроспективный подход и значительно более широкая источниковая база: не только и не столько нормативно-правовые акты, а главным образом делопроизводственная документация, эпистолярные, мемуарные источники. Особое внимание при этом уделяется архивным документам. Если правоведа делают акцент на законе, то историки – на его исполнении.

Конференция памяти Н.П. Ерошкина стала знаковым событием в 2020 г. для Историко-архивного института. Особенностью стал и смешанный формат ее проведения, который способствовал существенному расширению круга ее участников.

Открывая конференцию, заведующая кафедрой Т.Г. Архипова коротко остановилась на роли и значении Н.П. Ерошкина в истории МГИАИ, а затем и РГГУ, назвав Николая Петровича украшением их обоих и всего научного исторического сообществ. Она проинформировала собравшихся о только что вышедших биобиблиографическом указателе трудов ученого и сборнике статей его памяти, состоящем из двух частей: мемориальной и научной.

С приветственным словом выступил ректор РГГУ профессор А.Б. Безбородов, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар, директор Историко-архивного института профессор Е.М. Бузова, декан исторического факультета ИАИ профессор Е.В. Барышева (их выступления публикуются).

Т.Г. Архипова зачитала приветствие первого проректора РГГУ профессора О.В. Павленко, которая отметила огромный вклад Н.П. Ерошкина в изучение истории дореволюционной России через призму ее политических и общественных институтов.

В докладах участников пленарного заседания было отмечено значение изучения истории государственных учреждений для архивоведения, роль государства в формировании человеческого потенциала российского общества, взаимодействие власти, природы и общества. Была подчеркнута роль многопартийности в истории России, проанализирована трансформация органов ГПУ-ОГПУ в 20-е гг. XX столетия.

На конференции работало пять секций: Государственное управление в России до XX в., Российская государственность эпохи российских революций начала XX в., Российская и советская государственность: преемственность или разрыв, Государственный аппарат в годы форсированного строительства социализма в СССР (конец 20-х – 60-е гг. XX столетия, Государство и общество в годы «развитого социализма» и социально-экономической трансформации на рубеже XX–XXI веков. Участники секционных заседаний обсудили вопросы взаимодействия государства и общества в XX столетии, проблемы преемственности при смене имперской государственности на советскую, положение властных институтов в периоды социально-политических и экономических кризисов, современные проблемы российской государственности. Были заслушаны сообщения о состоянии государственной службы в XIX–XXI вв., об отдельных представителях российского чиновничества. Ряд сообщений посвящен административно-территориальному делению, вопросам государственного строительства в Беларуси, истории местного управления в Польше, взглядам европейских ученых на историю российского государства.

В конференции принимали участие преподаватели, аспиранты, магистры и студенты российских вузов, институтов системы Российской Академии наук, федеральных архивов. Участники конференции заслушали доклады ученых Беларуси и Польши. Всего было заслушано 96 сообщений. Большая часть докладов прозвучала в формате ВКС.

Пленарные и секционные доклады (или статьи на их основе) публикуются в авторской редакции в максимально возможной хронологической последовательности.

Т.Г. Архипова,
*заведующая кафедрой истории государственных учреждений
и общественных организаций,*
А.С. Сенин,
*профессор кафедры истории государственных учреждений
и общественных организаций*

Примечания

¹ 1952–1960 гг. – кафедра истории государственных учреждений и делопроизводства; 1960–1965 гг. – кафедра истории государственных учреждений; 1965–1969 гг. кафедра истории государственных учреждений и организации архивного дела; 1969–1975 гг. – кафедра государственных учреждений и управленческого труда; 1975–1991 гг. – кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций СССР; с 1992 г. – кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций.

² *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. / Под ред. А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. М.: РГГУ, 2008.

³ Николай Петрович Ерошкин: Библиографический указатель / Сост. и предисловие Л.Д. Шаповаловой; библиограф. ред. Е.А. Горбунова; отв. ред. Л.Н. Простоволосова; РГГУ, ИАИ. М., 2020.

Выступления на открытии конференции

А.Б. Безбородов
ректор РГГУ

Дорогие коллеги, присутствующие в этом зале, и те, кто нас видит, слушает и участвует в работе, хотел бы поздравить вас и одновременно открыть нашу конференцию. Ее весьма насыщенная повестка задаёт формат очень напряженной деятельности. Эта международная научная конференция «История российской государственности», посвященная Н.П. Ерошкину, очень важна для университета. Конференция, безусловно, необычна, не только научной насыщенностью, составом её участников, но и тем, что посвящена она человеку, ученому, опыт и личность которого невозможно повторить, какими бы мы не были в будущем, и, какими бы не были наши последователи.

Зная историю Историко-архивного института, можно говорить о том, что ничего подобного и сравнимого с личностью Николая Петровича Ерошкина по масштабу, по уровню человечности и многому другому не было. Как человек очень значимый, как большая фигура, он, безусловно, неповторим. Татьяна Григорьевна, я поздравляю Вас, его ученицу, с тем, что ваша кафедра прекрасно спланировала, организовала, и, уверен, проведет эту конференцию. Ваше личное участие в ней определяющее. Мне приятно сказать и о том, что была и есть на кафедре очень мощная научно-педагогическая школа. Мы её будем развивать.

Очень своевременным с исторической точки зрения считаю факт создания, наконец, в Историко-архивном институте исторического факультета и переход кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций в его состав. Декан факультета Е.В. Барышева очень хорошо знакома с историей этой кафедры, что для нас является, безусловно, важным и определяющим. Надеюсь, это объединение будет плодотворным не только в научной сфере, но и поможет выпускникам факультета найти интересную и высокооплачиваемую работу.

В то время, когда Н.П. Ерошкин активно трудился, был заведующим кафедрой, формировал научную школу, работал проректором, каждая из

немногочисленных встреч очень хорошо отложилась в памяти (видимо, связано с его магнетизмом): каждую встречу могу пересказать.

Он очень хорошо понимал, как должен развиваться Историко-архивный институт. Он видел в начинающем ученом ученого, а в ученом – его биографию. И это видение, новизна его научных поисков, которые сочетались с фантастической, колоссальной любовью к ИАИ и к тому делу, которым он занимался, – всё это сплавилось в одном человеке и «цементировало» сам Историко-архивный институт.

Когда Николай Петрович скончался, даже для сильной кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, это была большая утрата, которую до сих пор тяжело восполнить. Более того, ни один сотрудник МГИАИ не мог сделать вид, что этого человека нет, или он бесконечно мал по своему значению, что говорит о многом.

Он – блестящий ученый, и мы знаем его монографии о самодержавии. Они и сегодня имеют большой научный вес. Я благодарен коллегам за то, что эти монографии воспроизводятся в том или ином виде. Это для нас очень важно.

Книга «История государственных учреждений в дореволюционной России» из числа тех, которые у любого историка, вообще у любого человека, интересующегося историей дореволюционной России, являются настольными.

Для меня, как ректора, сегодня, в первую очередь, стоит задача не только сохранить ИАИ РГГУ, где я проработал много лет, но и, соблюдая преемственность, развивать его, находить новые формы взаимодействия с обществом, с архивной системой, которая стремительно меняется на глазах, искать новые методы преподавания. Сегодня студентам очень интересно учиться в ИАИ, потому что вы не забываете о том, какое время на дворе, какой век – век цифровой информационной революции, цифровизации. Поэтому, для того, чтобы иметь современный исторический факультет, давать хорошее историческое образование в РГГУ, нам нужно как можно больше встречаться в таком формате и проводить такие же замечательные конференции.

Для меня большая честь выступать на этой конференции по многим обстоятельствам. Мы цествуем уникальное явление не только в Историко-архивном институте, но и в российской исторической науке. Н.П. Ерошкин принадлежит к школе выдающего российского, известного в мировой науке, исследователя П.А. Зайончковского. Николай Петрович в отличие от многих создал свою, не имеющую аналогов школу, продолжая развивать идеи своего учителя. Для наших стен имена учеников Ерошкина – это великое наследие: А.Д. Степанский, Т.П. Коржихина, С.П. Стрекопытов, Т.Г. Архипова, А.С. Сенин.

Я сам, как студент, был знаком с его трудами. П.А. Зайончковский рекомендовал его работы к прочтению перед сдачей экзамена по истории 19 века на Историческом факультете МГУ. Я был знаком с ним по работе в журнале «История СССР», потому что он был известным автором, его знали в редакции, он очень много публиковался. Николай Петрович написал много энциклопедических статей.

Когда я был назначен деканом в первый раз, ко мне одним из первых подошел Николай Петрович, лидер общественного мнения, что очень много значило как для меня, так и для всего МГИАИ.

Николай Петрович был непростым человеком: он был решительным, очень активным и, бывало, неумолимым в своих оценках, считал, что реформирование образовательной деятельности должно опираться на опыт предшествующих поколений. Он являлся одним из таких реформаторов, проявляя тщательность в этом деле.

Великолепный оратор, он был не чужд артистизму и прекрасен в аудитории. Это вспоминают все, кто его слушал.

Николая Петровича нет уже с нами долгие годы, он ушел из жизни будучи сравнительно молодым, хотя провел в стенах МГИАИ более сорока двух лет. Все его работы в деле, все его труды используются в учебном процессе, его ученики продолжают курс, который он читал. Его учебники переиздаются и используются не только в нашей стране, но и за рубежом, как очень важный элемент учебного процесса. Я встречал труды Ерошкина в списках рекомендуемой литературы во многих странах. Это реальность, которую мы должны принять, беречь и всячески продвигать дальше, ведь это не только наше наследие, но и наше настоящее и будущее.

Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций по сей день хранит традиции, заложенные Николаем Петровичем. Я помню ту кафедру, с которой я впервые познакомилась: это и Архипова Татьяна Григорьевна, и Смирнова Татьяна Михайловна, и Коржихина Татьяна Петровна. Николай Петрович действительно организовал команду профессионалов. Мы до сих пор приводим студентам в качестве примера тот каталог по истории государственных учреждений, который в свое время был подготовлен в ЦГА РСФСР, один из авторов которого – Татьяна Петровна Коржихина. Это уникальное справочно-поисковое пособие по фондам государственных учреждений Советской России. Можно многое сказать и о работах других членов кафедры. Мы – архивисты, часто обращаемся к трудам кафедры, рассматривая историю госучреждений в контексте, в первую очередь, истории фондообразователей. Но мне хотелось бы сказать о Н.П. Ерошкине не только как об ученом и педагоге, но и человеке, сыгравшем важную роль и в моей судьбе.

Николай Петрович многие годы был проректором по научной работе. Я вспоминаю, как он характеризовал наши «любимые» УМК, которые только-только вводились в вузах. Я запомнила Николая Петровича как одного из активнейших борцов против формализации и излишнего «бумаготворчества» в учебном процессе.

Мне в качестве ученого секретаря довелось работать под непосредственным руководством Николая Петровича. Работалось мне с ним легко, хотя до сих пор можно услышать точку зрения о его непростом, сложном характере. Я этого никак не ощущала и могу высказать лично своё восприятие – многие рабочие моменты решались четко и профессионально. А когда освободилось место преподавателя на кафедре и руководство института не хотело меня отпускать, именно Николай Петрович настоял на моем переходе на кафедру. Так решилась и моя профессиональная судьба. Поэтому я вспоминаю Николая Петровича не только как великого ученого, но и как человека, серьёзно повлиявшего на мою профессиональную деятельность. Мне очень приятно участвовать в научной конференции, посвященной его памяти.

Пленарное заседание

Л.Н. Мазур
Уральский федеральный университет

Роль государства в формировании человеческого потенциала российского общества в XIX–XX вв.: смена веж¹

Аннотация

В статье рассматриваются основные этапы становления социального государства в России и его роль в формировании социальной инфраструктуры общества и городской среды, в частности. На примере Екатеринбурга-Свердловска прослеживается влияние власти на динамику численности населения города и развитие его человеческого потенциала. Однако это влияние реализовывалось в рамках политики власти, выраженной в формуле «регион для страны», т.е. она была направлена на достижение приоритетных государственных задач в сжатые сроки. Эта вертикальная модель взаимодействия формировала определенный тренд эволюции города, поскольку отводила ему строго определенное место в производственной специализации и тем самым ограничивала возможности комплексного развития, а в ряде случаев деформировала его.

Ключевые слова: социальное государство, социальная инфраструктура, провинциальный город, человеческий потенциал, Екатеринбург-Свердловск.

The role of the state in the formation of human potential
of russian society in the 19-20 centuries:
change of milestones²

Abstract

The article examines the main stages of the creation of the welfare state in Russia and its role in the formation of the social infrastructure of society and the urban environment, in particular. On the example of Ekaterinburg-Sverdlovsk, the influence of the authorities on the dynamics of the city's population and the development of its human potential is traced. However, this influence was realized within the framework of the government's policy expressed in the formula "region for the country", it was aimed at achieving priority state tasks in a short time. This vertical model of interaction formed a certain trend in the evolution of the city, since it assigned it a strictly defined place in production specialization and thereby limited the possibilities of integrated development, and in a number of cases deformed it.

Keywords: Welfare state, social infrastructure, provincial city, human potential, Ekaterinburg-Sverdlovsk.

Человеческий потенциал – понятие, пришедшее в историческую науку из экономики, – представляет собой попытку оценить качественный уровень развития общества в категориях теории человеческого капитала. Человеческий потенциал, реализованный на рынке труда, конвертируется в человеческий капитал и, согласно Г.С. Беккеру, представляет собой совокупность навыков, знаний и умений человека, а также физических качеств, позволяющих ему эффективно трудиться и приносящих доход себе, работодателю и/или иным субъектам³. Фундамент формирования человеческого потенциала общества составляет *система образования, а также здравоохранения, профессиональной подготовки, культуры, т.е. социальная среда, в формировании которой ведущая роль отводится государству.*

В 2018 г. индекс человеческого развития России составил 0,824 и страна заняла 49 место из 189 стран мира⁴. Это достаточно высокий показатель, который свидетельствует о наличии условий, обеспечивающих

расширенное воспроизводство человеческого потенциала, но так было не всегда.

История преобразования государства из «аппарата насилия» в социальное государство имеет свои закономерности и цивилизационные особенности. Общие тенденции связаны с процессами модернизации политических систем, в том числе их либерализацией, демократизацией, социальной ориентацией – это общий тренд, который может иметь отклонения, связанные с формированием авторитарных/тоталитарных режимов, но и они активно используют социально-ориентированную риторику.

Эпохой, знаменующей переход государства от концепции «для себя» к идеологии «общественной пользы», стали XVII и XVIII вв. Такой переход непосредственно связан с процессами формирования внутренней политики – сначала в области экономики, а затем – и в социальной сфере⁵. На этом фоне постепенно происходит замена вассальных отношений государства и общества на гражданские (договорные), основанные на законодательно оформленном принципе взаимных обязательств. Обязанности государства (власти) нашли отражение в конституциях, равно как и гражданские права⁶. Обязанности общества и отдельных его групп по отношению к власти содержатся в законодательстве (налоговом, уголовном, административном, семейном и проч.), которое оформляется в более ранний период, нежели принятие конституции.

На пути к социальному государству

Вопросы становления социального государства в России стали предметом исследования в исторической науке сравнительно недавно и сосредоточены, преимущественно, в изучении социально-правовых аспектов⁷. Действительно, анализируя процессы, связанные с формированием человеческого потенциала, мы сталкиваемся со сложной динамикой взаимодействия двух подсистем – общества и государства, отражением которой выступает право. С учетом этой динамики, не претендуя на развернутую периодизацию, можно выделить определенные вехи в развитии российской государственности, связанные с наращиванием социальных функций:

– до XVII в. Основные функции государства – защита от внешнего врага и обеспечение стабильности внутри страны, гарантирующей безопасность самой власти. Социальные функции до XVIII в. не входили в сферу ответственности государства и реализовывались либо путем самоорганизации общества с опорой на традицию, либо находились в ведении церкви⁸;

– *XVII в.* По мере усложнения общественной жизни расширяются функции государства, заставляя власть заниматься не только вопросами общественной и личной безопасности, но и развитием экономики, в том числе созданием мануфактур, регулированием торговли (Торговые уставы 1653 и 1667 г.). К этому времени также относятся попытки упорядочения отношений общество-государство. В частности, Соборное уложение (1649 г.) содержало комплекс норм, регулирующих прикрепление крестьян к земле, режим въезда и выезда из страны, статус вотчин и поместий, а также вопросы административного, гражданского и уголовного права. Таким образом, в XVII в. складываются предпосылки формирования нового типа власти, ответственной не только за безопасность, но и экономическое процветание общества;

– *XVIII в.* Мероприятия власти в экономической и социальной сфере начинают приобретать системный характер и знаменуют новый этап развития российской государственности. Начало ему положили реформы Петра I, которые были направлены на создание экономически мощного государства, славного не только своими пушками, но и образованием, наукой и искусствами. Реформы были продолжены в эпоху Елизаветы Петровны и Екатерины II. С именем последней связана реформа местной власти и проведение градоустроительной политики, которые дали толчок развитию социальной инфраструктуры провинции и формированию в губернских и уездных городах социальной среды, необходимой для роста человеческого потенциала. В 1775 г. Екатериной II были образованы Приказы общественного призрения⁹, в функции которых входило устройство и заведывание народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями, работными и смирительными домами. В 1782 г. создана Комиссия об учреждении народных училищ. Так социальные проекты власти получают институциональное оформление.

В *XIX веке* социальная политика государства обретает системные институциональные формы. 8 сентября 1802 г. Александр I подписал манифест «Об учреждении министерств». В ходе министерской реформы в структуре власти были созданы ведомства, в зону ответственности которых вошло решение социальных вопросов: развитие системы образования и руководство академией наук было отнесено к ведению Министерства народного просвещения, а вопросы общественного призрения – первоначально к Министерству полиции, а затем (с 1819 г.) – к Министерству внутренних дел. Одновременно растет активность общества и его вклад в развитие социальной среды, проявляясь в различных формах благотворительности, меценатства, социально-ориентированного бизнеса¹⁰.

Таким образом, XIX век стал временем не только промышленной революции, развития экономики и социальной трансформации российского общества, но и эпохой формирования социальной среды, нацеленной на расширенное воспроизводство человеческого потенциала. Значительную роль в этом процессе стало играть государство, принимая на себя обязательства перед обществом. Однако, конституционное оформление новой системы отношений государства и российского общества до 1918 г. так и не состоялось.

XX в. Принятие первой конституции в России было непосредственно связано с Революцией 1917 г., которая отменила «старые» формы отношений государства-общества, провозгласила диктатуру пролетариата, основной целью которой было строительство нового справедливого общества. Понятие справедливости носило классовый характер и включало эсхатологические смыслы, что предопределило принципы конструирования социальной политики в советский период: она была классово-ориентированной, способствуя формированию двойного стандарта социального обеспечения (для элиты/для масс). А ожидание скорой победы коммунизма, когда все потребности будут удовлетворены, неизбежно отодвигало проблемы социального развития страны на второй план. Главными были задачи, связанные с победой мировой революции и защитой социалистического отечества. Остаточный принцип финансирования социальной сферы сокращался до минимума в низовых структурах власти, перекадывая социальные функции на плечи промышленных предприятий, профсоюзов, колхозов. Основная проблема советской модели социальной политики – это разрыв между декларируемыми правами граждан, обязанностями государства и реальной практикой их реализации. Кроме того, советская модель опиралась на принцип полного огосударствления и контролируемости социальной сферы, что способствовало абсолютизации роли государства в процессах формирования человеческого потенциала, ограничению рыночных механизмов развития социальной среды и преобладанию бюрократических.

Итак, оформление социальных обязательств государства перед обществом прошло несколько этапов: от первых шагов и единичных мероприятий в социальной сфере до разработки полноценной социальной политики и конституционного закрепления социальных функций государства.

Екатеринбург: от завода крепости к мегаполису

Темпы развития социальной сферы российской провинции заметно отставали от столичных и во многом зависели от ее попадания в зону

внимания центральной власти. В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести историю Екатеринбурга/Свердловска – города, расположенного на границе Европы и Азии. Удаленность от столицы в известной мере спасала его от контроля и давления центра, активизируя механизмы самоорганизации и саморазвития.

Екатеринбург был образован в 1723 г. как завод-крепость и очень быстро вырос, меняя свой статус – до уездного горнозаводского центра, а затем региональной столицы и мегаполиса. На этом пути он преодолел планку провинциальности, вышел за пределы статистических закономерностей эволюции уездных городов. Судьба Екатеринбурга с этой точки зрения уникальна и позволяет предположить наличие определенных факторов, способствовавших накоплению инновационного потенциала и обусловивших устойчивость города как системы и его поступательное развитие в разных исторических условиях. К их числу можно отнести:

во-первых, природно-географическое положение Екатеринбурга-Свердловска, которое определило его развитие как промышленного города. «Срединное» положение объективно ставило его в центр межконтинентальных и межрегиональных перемещений, обеспечивая оптимальный баланс доступности и формируя столичные притязания;

во-вторых, политика власти, ориентированная на укрепление обороноспособности страны и развитие оборонно-промышленной специализации города;

в-третьих, разнообразие источников формирования населения, среди которых большую роль играла миграция, способствуя притоку квалифицированных кадров.

Таблица 1

Динамика численности населения Екатеринбурга/Свердловска в XVIII – начале XXI в.*

Год	Население (чел.)	Темпы роста в сравнении с предшествующим уровнем (%)	Административный статус
1724	4000		Завод-крепость, с 1845 г. – Екатеринбургский посад
1781	7 969	199,2	Уездный город (1781)
1807	10 023	125,8	Горный город (1807)
1836	14 973	149,4	

1869	25 035	167,2	Уездный город (с 1863 г.)
1897	43 239	172,7	
1917	71 590	165,6	Губернский город (с 1919 г.)
1926	148 200	207,0	Центр Уралобласти (с 1923 г.)
1939	426 996	288,1	Центр Свердловской области (с 1934 г.)
1945	489400	114,6	Город республиканского подчинения (1943 г.)
1959	803 506	188,2	
1970	1 060 619	132,0	
1979	1 249 055	117,8	
1989	1 404 016	112,4	
2002	1 293 537	92,1	
2010	1 375 444	106,3	

* Составлено по: Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100; Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб, 1874. С. 1–6; Итоги переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг.

Как демографическая система город демонстрировал высокие темпы роста, особенно на начальном этапе своей истории (от момента строительства завода до получения им статуса уездного города), когда численность населения за полвека выросла почти в два раза (см. табл. 1). Второй рывок в демографическом плане город сделал в 1920–1930-е гг., когда в ходе административных реформ и индустриализации его население выросло к 1939 г. по сравнению с 1917 г. (т.е. за 20 лет) почти в 6 раз. Новый этап в истории города приходится на послевоенный период (1959–1989); к концу его население Свердловска по сравнению с 1939 г. увеличилось в 3,3 раза.

Демографическая траектория развития города в сочетании с его административной карьерой позволяет выделить в истории Екатеринбурга-Свердловска несколько этапов, характерной чертой которых является поступательное наращивание не только экономического и административного, но и культурного потенциала:

- 1 этап (1723–1780) – завод-крепость;
- 2 этап (1781–1807) – уездный город;

3 этап (1807–1863) – горный город – административный центр горнозаводской промышленности;

4 этап (1863–1917) – региональный торгово-промышленный центр;

5 этап (1917–1941) – административный центр – столица Урала;

6 этап (1941–1991) – опорный край державы, крупный оборонно-промышленный город;

7 этап (1991–2023) – многофункциональный мегаполис с развитой экономикой и социальной инфраструктурой.

Важным фактором развития города была политики власти, выраженная в формуле «регион для страны», т.е. она была направлена на достижение приоритетных государственных задач в сжатые сроки. Эта вертикальная модель взаимодействия задавала тренд эволюции города, поскольку отводила ему строго определенное место в экономике страны, тем самым ограничивая возможности комплексного развития, а в ряде случаев деформируя его. Вместе с тем, в рамках каждого этапа можно выделить периоды «свободного» развития территории (петровская эпоха, пореформенный период, нэп, 1990-е гг.), когда давление центра снижается и формируются альтернативные возможности, усиливая совокупный потенциал системы. Эти циклы свободы/несвободы получили непосредственное отражение в динамике населения города и его качественных характеристиках, т.е. уровне человеческого потенциала.

Примечания

¹ Тема поддержана грантом РФФИ 19-29-07154 мк «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга-Свердловска)».

² The research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research: project 19-29-07154мк «Family as a Factor of Formation of Human Potential of an Industrial City during the Demographic Transition: Historical Models and Scenarios of Capitalization (the Case of Ekaterinburg-Sverdlovsk)».

³ *Becker G.* Human capital: a theoretical and empirical analysis (3rd edition). Chicago: The University of Chicago Press. 1993. 402 p.

⁴ Human Development Report 2019. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (Дата обращения: 10.10.2020).

⁵ *Голубева Л.Ф.* История развития системы социальной политики в обществе // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-sistemy-sotsialnoy-politiki-v-obschestve> (Дата обращения: 08.10.2020).

⁶ *Доренко К.С.* Модели социального государства: конституционно-правовой аспект // Образование и право. 2013. № 7 (47). С. 91–97.

⁷ *Ульянова Г.Н.* Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32; *Дуплий Е.В.* Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864 гг.): комплексное исследование института первых региональных структур социальной помощи и поддержки. М., 2005; *Доренко К.С.* История возникновения социальной политики в современных государствах // Право и управление. XXI век. 2011. № 3 (20). С. 46–55 и др.

⁸ *Ширяева С.В.* Генезис социальной помощи в России (с момента появления христианства до рубежа XVIII–XIX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-sotsialnoy-pomoschi-v-rossii-s-momenta-poyavleniya-hristianstva-do-rubezha-xviii-xix-vm> (Дата обращения: 19.10.2020).

⁹ Учреждения для управления губерний. 7 ноября 1775 г. // Конституции Российской Федерации: сайт. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/#sub_para_N_20 (Дата обращения: 19.10.2020).

¹⁰ *Гуркина Н.К.* Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2016. № 11 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvornost-i-metsenatstvo-v-rossiyskoy-provintsii-na-rubezhe-xix-xx-vekov> (Дата обращения: 19.10.2020).

Власть, общество, природа: российский опыт

Аннотация

Environmental History/история окружающей среды/экологическая история – мейнстрим современной мировой историографии. Гносеологические корни возникшего во второй половине минувшего века нового научного направления, преодолевающего издержки последовательной антропологической истории, обнаруживаются в классическом наследии, оставленном выдающимися русскими учеными. Тема «Природа и власть» в национальном контексте явно нуждается в масштабной разработке. Ее значение возрастает в условиях планетарного экологического кризиса.

Ключевые слова: история окружающей среды, экологическая история, власть, общество, природа.

V.I. Durnovtsev
Russian State University for the Humanities

Power, Society, Nature: Russian Experience

Abstract

Environmental History/ Ekologicheskaya Istoria – a mainstream of a modern world historiography. Gnoseological roots of the past eyelid which has arisen in the second half of the new scientific direction overcoming expenses of consecutive anthropological history, are found in the classical heritage left by outstanding Russian scientists. The subject "Nature and Power" in a national context obviously needs large-scale development. Its value increases in conditions of planetary ecological crisis.

Keywords: environmental history, power, society, nature.

Проблема, вынесенная в заголовок предлагаемого сообщения, как будто не нуждается в обосновании – значение каждого слагаемого в нем очевидно в реконструкциях исторической реальности – политическая история, социальная история... Но что такое история природы? С.М. Соловьев писал о трех условиях, которые имеют «особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают»¹. В.О. Ключевский указывал на три основные исторические силы, которые строят людское общество – «человеческая личность, людское общество и природа страны»². И все, что «совершается во времени, имеет свою историю». Природа, разворачивающаяся во времени, тоже имеет прошлое, как и часть ее – человечество. Я понимаю эти слова великих русских историков так: задача состоит в том, чтобы привести два потока – людской и природный – в единый процесс научно-исторического познания. А сами они сделали важные шаги в этом направлении – достаточно упомянуть актуальную во все времена, включая нынешние – теорию колонизации. С одной, впрочем, поправкой на современность: Россия не только колонизовалась, не только колонизируется, но и колонизует.

Но можно ли дополнить дискурс старой русской историографии? Полагаю, что – да. И первое, что приходит на ум – Власть.

Власть, политика власти, действия власти, направленные на природу, на окружающую среду – человека, людское общество и его этносы, на внешнее окружение. Это реализация властных интересов в управлении природными ресурсами, в первую очередь, законодательство, подзаконные акты, правоприменительная практика. Сейчас мы называем все это экополитикой, добавляем к политологии приставку эко – экополитология, исследуем эколого-политические дискурсы. Но одновременно с этим обнаруживаем властные «следы угасшей жизни» в исторической действительности.

Что касается «людского общества», то действия общественных сил, направленных на природу, на разумное использование природных ресурсов – водных ли, лесных, энергетических не раньше, ни теперь далеко не всегда не выставлялись в роли, определяющих историческое развитие. Не всегда – не значит никогда. Для США мощное общественное движение в защиту «дикой местности» сыграло исключительную роль в исторической судьбе, как принято говорить, нашего «партнера», в том числе в развитии исторической науки.

А в нашей исторической памяти сохраняется российское экологическое движение, общественные экологические организации и деятельность «частного человека» по сбережению природы. Борьба за

экологию стала существенным фактором борьбы за обновление страны, за выбор пути общественного развития в эпоху перестройки.

Припомним студенческие дружины охраны природы, борьбу против браконьерства, программы «Ель» (против незаконных рубок в предновогодние дни), программу «Первоцвет» (против сбора и продажи весенних дикорастущих цветов), программу «Заповедники». Трагедия Чернобыля положила начало социальному движению, ориентированному на поиск новой идентичности, на ценности постиндустриального общества. Структура тогдашних политических возможностей оказалась благоприятной для самоорганизации населения. Экологизация сознания привела к формированию базовых ценностей, а в качестве первоосновы самоценность природы, т.е. самой жизни. Политическое проникновение в проблемы окружающей среды, «environment», стало мощным фактором культурно-исторического развития.

Государство и природа – вот благодарная тема для нынешних и будущих исследований, преодолевающих границы академической, традиционной антропологической историографии, а точнее – обогащающей ее осознанием могучей роли окружающей человека среды в цивилизационных координатах. «Природа и власть» Йоахима Радкау – название одной из наиболее серьезных исследований, непосредственно связанных с этой проблематикой³. В ней почти нет истории России, но под этим девизом легко вмещаются работы нескольких поколений отечественных историков. У нас тоже есть капитальная исследовательская проблема – Природа и Власть.

Именно власть и ее институты могут быть дополнением триады, предложенной в прошлом веке классиками отечественной историографии в контексте истории окружающей среды.

В новейшей истории понимание и осознание могучей роли природно-климатического фактора проявляется достаточно осязаемо в деятельности и политических и социальных акторов. Скажем определенно – в судьбе человечества.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая в начале декабря этого года в Колумбийском университете с лекцией «О состоянии планеты»⁴ заявил, что ключевой макроэкономический показатель – валовый внутренний продукт – утрачивает свое значение, так как не учитывает вред экологии. Образ мыслей меняется, – констатировал он. – Все больше людей осознают необходимость собственного ежедневного выбора для снижения «углеродного следа». В этом контексте А. Гутерриш указал на «вдохновляющие проявления социальной мобилизации молодежи». А. Гутерриш также заявил, что прогресс в борьбе с изменением климата возможен, если все страны, ответственные за вредные

выбросы, включая Россию, Турцию и Индию, возьмут на себя обязательства по их сокращению до нулевого уровня. Сегодня наша планета находится в «очень тяжелом состоянии», так как человечество развязало самоубийственную войну против природы, которая в свою очередь наносит «ответный удар» и экосистемы «исчезают на наших глазах». Каждый год человечество теряет по 10 млн гектаров леса, океаны «задыхаются от пластмассовых отходов». Загрязнение воздуха и воды ежегодно уносит жизни 9 млн человек, что более чем в 6 раз превышает нынешние потери от пандемии. В двух новых авторитетных докладах Всемирной метеорологической организации и Программы ООН по окружающей среде говорится о том, «насколько мы близки к климатической катастрофе». Последнее десятилетие стало самым теплым в истории человечества. Температура океана достигла рекордно высокого уровня. В Арктике в 2020 г. были зафиксированы исключительно высокие температуры, более чем на 3 градуса Цельсия выше среднего, а в северной Сибири – более чем на 5 градусов. В октябре площадь арктического льда сократилась до рекордно малого значения, а сейчас его восстановление идет рекордно низкими темпами».

Кроме того, тает вечная мерзлота и, соответственно, выделяет метан, мощный парниковый газ. Апокалиптические пожары и наводнения, циклоны и ураганы все чаще становятся новой нормой. За сезон ураганов в северной части Атлантики прошло 30 ураганов, что более чем в два раза превышает средний показатель за долгие годы и является новым сезонным рекордом. В прошлом году такие бедствия обошлись миру в 150 млрд долларов. По словам генсека ООН, карантинный режим в связи с COVID-19 привел к временному уменьшению выбросов и загрязнения окружающей среды. Однако уровень содержания углекислого газа все еще является рекордно высоким и продолжает расти. В 2019 г. уровень содержания углекислого газа достиг 148 процентов от доиндустриального уровня. В 2020 г., несмотря на пандемию, тенденция к повышению сохранилась. Показатели содержания метана взлетели еще выше – до 260 процентов. Содержание закиси азота, которая является мощным парниковым газом, также наносящим вред озоновому слою, увеличилось на 123 процента. «Во-первых, в ближайшие три десятилетия нам необходимо добиться глобальной углеродной нейтральности, заявил Генеральный секретарь ООН. – Во-вторых, мы должны обеспечить глобальное финансирование деятельности в рамках Парижского соглашения, которое является глобальным планом действий в климатической области. В-третьих, мы должны добиться прорыва в области адаптации, чтобы защитить мир – и особенно наиболее уязвимые народы и страны – от воздействия климата». Главной целью ООН на 2021

год станет создание Глобальной коалиции за обеспечение углеродной нейтральности.

Естествен вопрос для нашей аудитории: в какой мере историки в содружестве с другими представителями гуманитаристики и естественно-научного знания могут принять участие в решении глобальных и региональных проблем преодоления надвигающейся катастрофы?

И в каких дисциплинарных рамках? Теперь он вполне риторический.

На рубеже 60–70-х гг. минувшего века общественное движение в США в защиту окружающей среды и, добавлю, историографическое осмысление взаимодействия Человека и Природы во времени, привело к возникновению нового направления в системе исторических наук Environmental History/истории окружающей среды, а в вольном русском переводе, не слишком удачном, – экологической истории.

Это направление получило ошеломляющую поддержку в среде, заметим, антропологических историков. Не всех, конечно. Многие фыркнули – нам предлагают изучать историю человечества вместе с историей червяков. Environmental History охватило научно-образовательные центры в Европе, перекинулось в Азию, Африку, расцвело в Австралии. Сейчас трудно найти более или менее заметный университет, в котором не исследуются и не преподаются дисциплины экологической истории, естественнонаучные и гуманитарные, в первую очередь – исторические.

Многогранность, содержательность и нерасторжимая связь между всеми составляющими экологической повестки предполагают приложение разносторонних интеллектуальных усилий едва ли не большинства представителей гуманитаристики и естественных наук. А информационные ресурсы ее научного освоения выходят далеко за границы традиционных источников историописания, ограничивающихся, припомним, результатами человеческой деятельности, реализованными продуктами человеческой психики.

В этой связи уместно вспомнить Ф. Броделя, отчасти согласившимся со своим учителем, Люсьеном Февром – «История – это человек», но добавившим: «История – это человек, и всё остальное: почва, климат, геологические движения»⁵.

Но коль скоро речь идет о опыте, подведении исторических итогов, относящихся природно-исторической динамике развития в контексте власти и общества, несмотря на очевидность его междисциплинарного научного осмысления, он, естественно, находится в поле научно-исторического познания. Слагаемые этого опыта – данные различных векторов развития властных отношений, истории энергетических ресурсов, экологического права, истории общественных организаций в сфере

экологии, и собственно истории экологии как отрасли биологической науки, а в конечном счете длинный и открытый список научных направлений, разными сторонами связанные с человеческой и природной историей.

Конечно, здесь речь может идти исключительно о наблюдениях историографического характера, причем в самом общем виде, но связанных с тем, что необходимым образом включено в соответствующее исследовательское пространство.

Границы этого пространства подвижны, расплывчаты, порой едва просматриваются и, тем не менее, они определяются, представляя в системе исторических наук направление, адепты которого уверенно включают в поле своего исследовательского внимания все обозначенные компоненты – властные, социальные, наконец, природно-географические и климатические факторы. Определить это направление как новое невозможно при всех оговорках. Природа давно, собственно с первых шагов осмысления и изучения давнего и недавнего прошлого включена в историописание, и уже «отец истории» ощущал зависимость людей от природных условий деятельности.

«Environmental History» – это результат естественного, органического развития исторической науки и ответ на требование «людского общества», предъявленное прежде всего к институтам власти, – защиты окружающей среды.

Историки оказались среди тех, кто откликнулся на общественный запрос. По-своему. Начался поиск исторических корней экологического кризиса, масштабы и последствия которого, как оказалось, были куда более значительными, чем заботы о сохранении «дикой местности». Знаменитая «Безмолвная весна» Рэйчел Карсон⁶ – предостережение от бездумного распространения пестицидов – стала прорицанием неизбежности планетарного экологического кризиса.

«Environmental History» объединяет историков, биологов, философов, социологов, политологов, геофизиков, этнологов, почвоведов, лесоводов, климатологов. Междисциплинарные подходы – естественный спутник экологической истории. То, что казалось очевидным, само собой разумеющимся, не требующим исследовательского внимания, в лучшем случае неким фоном, достаточным для антропологического освоения исторической реальности, неожиданно выдвинулось на первый план.

Сегодня «Environmental History»/история окружающей среды/ экологическая история в организационном, образовательном и собственно научно-исследовательском контексте – это несколько десятков ассоциаций, объединяющих экоисториков по всему миру. Это авторитетные научные журналы. Это тысячи оригинальных исследований,

некоторые из которых можно уверенно отнести к выдающимся классическим образцам современной мировой историографии.

В свое время Дж. Даймонд поставил в повестку дня решения серьезную и нерешенную проблему – «становление гуманитарной истории как исторического естествознания». В другом месте он высказался точнее – о неизбежном будущем истории как естественной истории, понятно, что в ее новом, обновленном смысле и содержании⁷.

Труды в области экологической истории, которые увидели свет за несколько лет до современной цивилизационной драмы, теперь можно назвать пророческими⁸. Впрочем, экоисторические книги-предупреждения, актуализированные исторической действительностью, составляют заметную часть библиографии «Environmental History».

Еще один поучительный пример, на этот раз из антропологии и экологической археологии. Известны примеры экологической деградации в древних обществах, которые к моменту их гибели оставили окружающую среду в худшем положении, чем изначально. Археолог Ч. Редман, используя кибернетическую модель управления, представляет теоретическую структуру нескольких подобных обществ, склоняясь к направлению, известному среди антропологов, как культурная экология, и объясняет культурные формы как адаптацию к технологическим факторам окружающей среды (ранние города в Месопотамии, остров Пасхи, острова Полинезии, народ майя).

Вывод исследователя неутешителен: увеличение масштабов воздействия на окружающую среду, усложнение и развитие общественных структур влекут за собой уязвимость и разрушительность социума. Развитие становится фактором экологической деградации. Именно этим объясняется тревога авторов «Манифеста истории»⁹: призрак преследует наше время – призрак краткого срока, отпущенного человечеству. И мы нуждаемся в историях о том, как мы оказались на краю экологического кризиса и кризиса исторических перспектив.

Разумеется, естественная история – это и гуманитарная история. Экологическая история – это тоже история людей, которая разворачивается в определенных природно-географических средах, оказывающей на них не всегда замечаемое давление. И произведение человеческого интеллекта.

Российская историография на всем протяжении ее истории, так или иначе, иногда учитывала, часто опиралась на данные окружающей среды, в которой действовали человек, «людское общество», государство.

В гуманитарной истории России иногда очевидные, иногда скрытые обнаруживаются могучие природные обстоятельства.

Представляется, что в современной отечественной историографии мало-помалу складываются основные, но далекие от исчерпанности, исследовательские направления области экологической истории России. Имеющиеся обзоры состояния экологической истории в России и о России с достаточной для этого жанра полнотой определяют лакуны и дискуссионные вопросы, неизбежно возникающие в этой сфере.

Примечания

¹ *Соловьев С.М.* Начала русской земли // Соловьев С.М. Собр. соч. СПб., б.г. Стлб. 793.

² *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. Ч. 1. С. 40.

³ *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Пер. с нем. Н. Штильмарк. М.: ВШЭ, 2014.

⁴ *Гуттерши А.* О состоянии планеты. URL: <https://www.news.ung.org> (Дата обращения: 02.12.2020).

⁵ Fernand Braudel apud Moore, 2003. P. 431.

⁶ *Карсон Р.* Безмолвная весна: пер. с англ. Silent Spring. М.: Прогресс. 1965. С. 216.

⁷ *Даймонд Джаред.* Ружья, микробы и сталь: Пер. с англ. М.: Аст: Corpus, 2010 (1-е изд. «Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies», 1997). С. 45.

⁸ *McNeill W.* Plagues and Peoples. Garden City, New York: Doubleday / Anchor. 1976.

⁹ Манифест истории. URL: <https://www.cambridge.org/core/what-we-publish/open-access/the-history-manifesto> (Дата обращения: 20.11.2019).

Многопартийность в России как историческое явление

Аннотация

В статье раскрывается совокупность факторов, обусловивших особенности формирования и функционирования многопартийности в России в начале XX века.

Ключевые слова: партия, лидеры, программа, стратегия, тактика, власть, общество.

V.V. Shelokhaev
Institute of Russian History Russian Academy of Sciences

Multiparty System in Russia as a historical phenomenon

Abstract

The article reveals a set of factors that determined the peculiarities of the formation and functioning of a multi-party system in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: party, leader, program, strategy, tactic, power, society

Еще в процессе подготовки энциклопедии «Политические партии России» (в этом проекте участвовало около 100 исследователей, в том числе из бывших республик СССР и из зарубежных стран) возникло немало вопросов, на которые в рамках общепринятой тогда классификации партий ответить было затруднительно. Почему в России за кратчайшие исторические сроки (примерно 20 лет) возникло и действовало около 280 политических партий и союзов (из них 57 общероссийских и 223

национальных)? Почему их число многократно превышало все гипотетически мыслимые альтернативы общественного переустройства страны? Почему в России процесс формирования партий реализовывался слева направо и начался в национальных регионах (Польша, Финляндия, Закавказье, черта еврейской оседлости), а не в Центральных регионах? Почему процесс формирования партий в России осуществлялся не снизу вверх (от классов к партиям), а сверху вниз (от партий к социальным стратам)? Эти и другие вопросы стали проясняться в процессе освоения огромного фактического материала, собранного участниками проекта за многие годы. Накопленный материал буквально «взрывал» бытовавшую в советский период схему классификации партий и требовал разработки новой методологии их изучения.

Прежде чем приступить к ответам на все эти и множество других возникающих при изучении российской многопартийности вопросов приведу приходящее на ум сравнение жизнедеятельности Мирового океана и Мирового человеческого сообщества, которые равным образом происходят в ритме приливов и отливов. Рассматриваемые в диалектическом единстве, морские приливы и отливы, с одной стороны, выполняют очистительную функцию, а с другой – оставляют на берегу все старое и отжившее. Так и в человеческом бытии: приливы и отливы выполняют ту же очистительную функцию, раскрывая простор для всего нового и жизнеутверждающего, и одновременно выносят из глубин человеческого сознания разного рода фобии и тревожные предчувствия.

Подобные аналогии просматриваются и при рассмотрении российской многопартийности. С одной стороны, массовое движение, его подъемы и спады стали мощным стимулом для интеграционных процессов, выразившихся в ускоренном темпе формирования весьма значительного числа партий и союзов, а с другой – они способствовали усилению дезинтеграционных процессов, приведших к дальнейшей дифференциации трех основных направлений общественной мысли и общественного движения. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на процессе формирования политических партий. Иными словами, революционный массовый прилив, привел к стремительному росту партий и союзов, а отлив массового движения обусловил их дальнейшую дифференциацию, нашедшую отражение в появлении внутри партий новых группировок и течений, а также в «распадах» многих из них на совершенно самостоятельные партии и группировки.

Во вводной статье энциклопедии «Политические партии в России» мной было обращено внимание на необходимость, при выявлении особенностей процессов формирования политических партий в России,

иметь в виду специфику протекания тех же процессов, которые наблюдались в западноевропейских странах, но на несколько десятилетий раньше. Опыт формирования и функционирования западноевропейских партий всех типов оказался в центре внимания российского интеллектуального инициативного меньшинства и стал для него неким «мерилом» в ходе инициирования им собственных партий, правда, уже в иных исторических условиях. Фактор стадийного различия уровня развития стран, безусловно, оказывал (и не мог не оказывать) своего влияния на процессы формирования политических партий в западноевропейских странах и России. К этим проблемам за последние десятилетия и мне, и другим исследователям приходилось не раз возвращаться. К настоящему времени исследовательские наработки позволяют дать более полную, но, разумеется, еще не окончательную, картину учета всего комплекса причин и факторов, объясняющих, почему в России на протяжении длительного периода процесс формирования приобрел форму многопартийности.

Как известно, именно Первая российская революция 1905–1907 гг. вызвала настоящий взрыв в становлении многопартийности. По данным энциклопедии «Политические партии России», в это время в стране действовало не менее 100 партий и союзов, организаций и течений социалистической, либеральной и консервативной ориентации, что намного превосходило соответствующие показатели по другим странам. Каковы же причины такого невиданного взлета российской многопартийности?

Во-первых, революция в России породила принципиально новую политическую реальность. Пробудившиеся от многовековой спячки массы, подобно океанской стихии, в буквальном смысле слова, хлынули и затопили улицы и площади городов и деревень. Впервые за много веков народные массы открыто и громко, во весь голос, перебивая и стремясь перекричать друг друга, самым решительным образом (и силой слова, и силой оружия) потребовали от власти немедленного предоставления им гражданских прав и политических свобод: права создавать собственные общественные и политические организации; права не только пассивного участия в выборах депутатов в законодательное народное представительство, но и права непосредственного участия в разработке законодательства, столь важного и непосредственно для себя, и для последующих судеб России в целом.

Эти требования, выдвинутые глубинными народными «низами» сразу же поставили под сомнение утверждения официальных властей и идеологов русского консерватизма, которые в течение многих десятилетий внушали мысль о русском народе как о народе сугубо «не политическом»,

готовым молчаливо соглашаться с волей монарха и представителями самодержавной властной вертикали и господствующей православной церкви. На многочисленных митингах и собраниях шли острейшие публичные дискуссии между представителями различных идейно-политических направлений и группировок, которые ранее ограничивались их обсуждением в узком кругу своих единомышленников в уютных аристократических салонах или подпольных кружках демократической интеллигенции.

На открытых массовых собраниях и митингах «общетеоретические» и «программные» разработки инициативного меньшинства проходили публичную апробацию общественным мнением. То или иное их восприятие массовым сознанием становилось важным индикатором либо их публичного одобрения, либо столь же бурного отвержения.

Во-вторых, издание царского Манифеста 17 октября 1905 г. впервые в истории России открывало реальную возможность выхода из подполья уже ранее сформировавшихся социалистических партий, а также возвращения их лидеров из эмиграции. Новая политическая реальность, созданная Манифестом, подтолкнула и либералов и консерваторов к немедленному формированию собственных партий и союзов. В октябре 1905 г. прошел учредительный съезд Конституционно-демократической партии (с января 1906 г. получившей дополнительное название Партия народной свободы), возникла Партия правового порядка. В ноябре объявили о своем создании Союз русского народа и Торгово-промышленная партия, в декабре – Партия демократических реформ. В конце декабря 1905 г. – начале января 1906 г. в Финляндии состоялся учредительный съезд Партии социалистов-революционеров (эсеров). В феврале 1906 г. прошел первый съезд Союза 17 октября. В период избирательной кампании в первую Думу процесс возникновения партий разных направлений и течений принял лавинообразный характер. Если учесть, что партии в революционное время возникали явочным порядком и не должны были проходить обязательной официальной регистрации, то это во многом объясняет столь бурный процесс их возникновения. По сути, идеологи и политики, представлявшие разные направления и течения общественной мысли и общественного движения, получили уникальную возможность удовлетворить свои лидерские амбиции, а различные социальные страты и национальные группы – реализовать свою тягу к самоорганизации и самоидентификации.

В-третьих, огромную роль в организации российской супермногопартийности (данный термин ввел в научный оборот С.В. Тютюкин) сыграла российская интеллигенция, которая доминировала во всех без исключения политических партиях. Поэтому, как было мной отмечено во

вводной статье к энциклопедии, подавляющее их большинство носило интеллигентский, а не классовый характер. Более того, большинство российских партий, как правило, представляли собой весьма эфемерные образования и, не успев возникнуть, вскоре сходили с политической сцены, не оставив ни малейшего следа в общественном и тем более массовом сознании. Исследователи, поставившие своей задачей изучить их кратковременную историю, с большим трудом, капля за каплей, пытаются обнаружить соответствующие источники, которые бы позволили воссоздать объективную картину формирования и практической деятельности таких партий и организаций.

В-четвертых, внутри трех основных блоков российских политических партий (социалистических, либеральных и консервативных) на всем протяжении их бытования продолжали идти интеграционные и дезинтеграционные процессы, которые, начавшись задолго до революции, продолжались вплоть до 1917 года. Так, весной 1906 г. объединились большевики, меньшевики, польские, литовские и латышские социал-демократы, а несколько позже к ним присоединился и Бунд. Однако после поражения революции в обеих фракциях РСДРП вновь начались разного рода «отколы» и «расколы». В меньшевистской фракции появились т. н. «ликвидаторы», а в большевистской – «ультиматисты» и «отзовисты». Лидеры обеих фракций РСДРП (меньшевики, как всегда, менее решительно, большевики, как всегда, более решительно) взяли курс на создание независимых друг от друга, самостоятельных политических партий. Большевики во главе с В. И. Лениным сделали это в 1912 г., объявив на Пражской конференции о создании собственной партии. Лидеры меньшевизма с завершением процесса формирования собственной партии не спешили. В результате формально обе партийные фракции продолжали «жить под одной крышей» – единой Программой, а их тактические линии все более и более расходились. Окончательно процесс распада РСДРП завершился во время Второй российской революции в 1917 г.

В рядах социалистов-революционеров в 1906 г. произошел раскол, приведший к созданию трех неонароднических партий: Партии социалистов-революционеров (эсеров), Союза эсеров-максималистов и Народно-социалистической партии (энесы). После спада революционной волны и возвращения на улицы городов «законности и порядка» в рядах неонароднических партий начались «свои разборки», приведшие к возникновению новых группировок и течений. Эти «разборки» были до предела обострены т. н. «делом Азефа», приведшем Партию социалистов-революционеров к системному кризису, охватившему все «ее этажи»: идеологический, тактический и организационный. Неслучайно после «дела

Азефа» в эсеровской среде возникла необходимость «сборки» новой партии. В эту работу активно включились сам ее идеолог В.М. Чернов, И.И. Бунаков (Фондаминский), Н.Д. Авксеньев, С.Н. Слетов, предпринявшие попытку издания в 1912 г. теоретического журнала «Почин». На страницах единственного номера этого журнала они попытались обосновать свои (правда, не теоретические и программные), а тактические расхождения с В.М. Черновым. Смысл этих разногласий сводился к перестановке акцентов деятельности партии в новых постреволюционных условиях. Если В.М. Чернов продолжал настаивать на возрождении нелегальной партии, на сохранении прежней тактической линии на подготовку новой революции, то «починовцы» хотели ее приспособить к новым условиям, перенеся центр тяжести партийной работы на различные формы легальной деятельности – думскую, профсоюзную, кооперативную, просветительскую.

После неудачной избирательной кампании в I Думу, в которой приняли участие такие партии, недавно объявившие о своем возникновении, как Прогрессивно-экономическая, Всероссийский торгово-промышленный союз, Правового порядка, Торгово-промышленная, Умеренно-прогрессивная сошли с политической дистанции и влились в Союз 17 октября.

В свою очередь сам «Союз 17 октября» напоминал «Ноев ковчег», где нашли временный приют представители разных идейных течений общественной мысли и общественного движения (славянофилы, неославянофилы, конституционалисты). Вполне понятно, что в таком союзе шли (и не могли не идти) постоянные конфликты между лидерами различных группировок, в частности, между одним из основателей Союза Д.Н. Шиповым и молодым и весьма амбиционным политиком А.И. Гучковым, следствием чего стал уход Шипова в Партию мирного обновления. Став единоличным лидером «Союза 17 октября», Гучков сделал ставку на молодого премьер-министра П.А. Столыпина, обладавшего не менее сильным, чем у Гучкова, характером и непреклонной волей. Рано или поздно конфликт между тем и другим должен был произойти, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на самом Союзе, оказавшемся прочно ориентированным на политический курс Столыпина. Конфликт между Гучковым и Столыпиным, начатый в 1909 г., завершился окончательным разрывом в марте 1911 г. Этот нарастающий конфликт сначала привел к расколу думской фракции Союза 17 октября, а в более отдаленной перспективе завершился фактическим прекращением деятельности его Центрального комитета в 1915 г.

Еще сложнее складывалась ситуация в среде консервативных партий. Здесь наряду с Союзом русского народа параллельно существовали и

действовали Русское собрание, Русская монархическая партия, Союз русских людей. После роспуска II Думы и издания нового избирательного закона 3 июня 1907 г. из Союза русского народа в 1908 г. выделился Русский народный союз имени Михаила Архангела, который возглавил бывший заместитель А.И. Дубровина, депутат Думы В.М. Пурешкевич. В 1911–1912 гг. Союз русского народа раскололся на Всероссийский дубровинский союз Русского народа, во главе которого остался А.И. Дубровин, и обновленческий Союз русского народа, который возглавил депутат Думы Н.Е. Марков. Кроме того, в спектр консервативных партий входили такие организации, как, например, Двуглавый орел, Всероссийский национальный союз, Партия умеренно-правых, Русский монархический союз, Отечественный патриотический союз. Перечисленными выше партийными объединениями далеко не исчерпывается весь обширный и пестрый спектр консервативных объединений, которые дополнялись множеством групп и группок, возникших и действовавших в различных регионах России, которых насчитывалось не менее 30. По сути, консервативный блок партий и союзов представлял собой рассыпанную и неуправляемую хранину, здания которой было готово рухнуть в любой момент.

Либеральный спектр политических партий был не менее пестрым, включавшим в себя, кроме вышеназванных Конституционно-демократической партии и Союза 17 октября, еще и Партию демократических реформ, Партию мирного обновления, Радикальную партию, Партию свободомыслящих, Демократический союз конституционалистов. В 1912 г. возникла Партия прогрессистов, основатели которой попытались перехватить лидерство в либеральном блоке партий. Тем не менее, в блоке названных либеральных партий лишь кадетам удалось (несмотря на наличие в ней разных течений) сохранить единство своих рядов и не выпустить из своих рук (благодаря ее главе П.Н. Милокову) лидерства.

По сути, во всем многообразном спектре российской многопартийности лишь две политические партии – большевистская и кадетская – могли вести соперничество за лидерство в освободительном движении России. Дело в том, что именно эти партии наиболее адекватно выражали логику и сами тенденции общественного прогресса на данной стадии мирового исторического развития. Если партия кадетов наиболее полно и концентрировано выступала за эволюционное капиталистическое развитие на стадии его демократической трансформации, то партия, возглавляемая В.И. Лениным, настаивала на революционном сломе капиталистической системы (не только в национальном, но и мировом масштабе). Недаром оба партийных вождя, обладавшие обширными теоретическими

познаниями в области общественных и политических наук, хорошо знакомые с мировой и российской историей, а также личными лидерскими качествами, прекрасно сознавали, что именно их партии наиболее адекватно выражают две разные тенденции и формы реализации общественного прогресса (эволюционную и революционную). Для опытных политиков не было секретом, что самой логикой развития революционного процесса в России между кадетами и большевиками (рано или поздно) произойдет решительное столкновение, которое должно закончиться уходом с исторической арены либо той, либо другой политической партии. Обе партии, и большевики, и кадеты, самой логикой общественного развития были обречены вести друг с другом непримиримую борьбу, что, кстати, и нашло отражение в словах Милокова, сказанным им в 1905 г. о «врагах слева», а также обвинениях Лениным партии кадетов в предательстве революции и интересов народа. Очевиден был и финал этого «соперничества-вражды», когда, Ленин, придя к власти в октябре 1917 г., сразу же объявил кадетов партией врагов народа, немедленно применив против ее членов репрессивные меры воздействия. Как в подобном случае мог бы поступить Милоков, можно только строить догадки. Оба выдающихся политика обладали твердым и непреклонным характером.

В-четвертых, не менее активно процесс возникновения политических партий проходил в национальных регионах России. Причем процесс формирования здесь многопартийности (помимо общих закономерностей) имел и свои специфические особенности. Так, в национальных регионах фактически не было общероссийских партий консервативного типа, вместе с тем здесь существовали общероссийские партии социалистического и либерального типа. В свою очередь, собственно национальные партии разделялись на социалистические, либеральные и консервативные. Так, в Царстве Польском и на Украине было создано по 12 партий, в Литве – 11, Латвии – 9, Финляндии – 8, Эстонии – 5. По сути, та же картина наблюдалась в Армении, Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Средней Азии, в черте еврейской оседлости, а также в ряде национальных регионов в центре империи.

В-пятых, несмотря на многочисленность российских политических партий, совокупная численность их членов была сравнительно невелика. По моим прикидкам, сделанным в ходе подготовки энциклопедии «Политические партии России», она в 1905–1907 гг. не превышала 0,5 % населения страны, а в 1917 г. – возросла примерно до 1,5 %.

Как видим, образование после Первой российской революции множества политических партий и союзов свидетельствовало о том, что полностью преодолеть многопартийность в России не удалось, ибо, с

одной стороны, так и не решенными остались проблемы всего спектра российской реальности, а с другой – внутри самих партий и союзов еще окончательно не завершились интеграционные и дезинтеграционные процессы. По сути, российская многопартийность являлась одной из модификаций генезиса, формирования и функционирования политических партий как общемирового явления Нового времени.

В.С. Христофоров
*Российский государственный гуманитарный университет
Институт российской истории РАН*

ГПУ-ОГПУ (1922–1934 гг.)
и проблемы исторической памяти

Аннотация

Советские спецслужбы в период 1917–1991 гг. неоднократно реформировались, изменялись их названия, задачи, функции и полномочия. ГПУ-ОГПУ функционировали в период 1922–1934 гг. В настоящей статье рассматривается, как шло формирование исторической памяти о ГПУ-ОГПУ, историография вопроса, рефлексии государства и самих спецслужб.

Ключевые слова: ГПУ, ОГПУ, историческая память, историография, рефлексия, функции, полномочия.

V.S. Khristoforov
*Russian State University for the Humanities
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences*

GPU-OGPU (1922–1934)
and problems of historical memory

Abstract

The Soviet special services were repeatedly reformed in the period 1917–1991, their names, tasks, functions and powers were changed. The GPU-OGPU functioned in the period 1922–1934. This article examines how the historical memory of the GPU-OGPU was formed, the historiography of the issue, the reflection of the state and the special services themselves.

Keywords: GPU, OGPU, historical memory, historiography, reflection, functions, powers.

Победа в Гражданской войне упрочила внутреннее и международное положение молодого советского государства. Москва во внешней политике в 1920-е годы стремилась пробить брешь в стене международной изоляции, укрепить позиции советского государства путем распространение коммунистического движения и на Запад, и на Восток. В условиях перехода к мирной жизни была проведена реорганизация Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК), на базе которой было образовано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, с ноября 1923 г. – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, ставшие одним из элементов сформированной в 1920-е годы административно-командной системы управления в СССР.

Для того, чтобы понять, как менялось общество, государственная идеология, как формировалась историческая память о советских спецслужбах, необходимо обратить внимание на систему представлений о них, на осмысление исторической памяти о ГПУ-ОГПУ, которая складывалась на протяжении десятилетий из нескольких составляющих. Во-первых, это общественное восприятие системы ГПУ-ОГПУ, во-вторых, рефлексия государства (партийно-государственного аппарата) и самой системы обеспечения госбезопасности, в-третьих, научная оценка специальных служб и их деятельности.

В современных условиях общественные дискуссии об отечественных спецслужбах несут на себе все более отчетливую тень прошлого. Историческая память в официальной интерпретации постоянно мобилизуется на войну с «фальсификациями» или, чаще всего, с неприемлемыми для государственного аппарата интерпретациями истории, принижающими силу и мощь советского государства и его спецслужб. Критические статьи или интервью в отношении отечественных специальных служб, объявляются непатриотичными, провокационными, направленными на дискредитацию их деятельности.

По мнению ряда исследователей, политика исторической памяти сегодня осмыслена как сфера, напрямую связанная с вопросами безопасности. Суть политики памяти понимается и как символическая борьба по поводу восприятия социального мира¹, и как непримиримое противостояние политических оппонентов, в котором один непременно должен выиграть, а другой проиграть. «При таком подходе невозможен диалог и поиск совместных интерпретаций, как и поиск исторической правды»².

Цель написания статьи – осмысление исторической памяти об ГПУ-ОГПУ и ее влияния на историю советской и постсоветской России. Мы будем исследовать феномен ГПУ-ОГПУ через систему представлений о спецслужбах, рассматривая различные дискурсивные традиции – научные представления, знания о спецслужбах, саморефлексию системы и оценки внешних наблюдателей.

На формирование исторической памяти в этом случае особенно большое влияние оказывала и оказывает культура советской секретности, которая формировалась на протяжении длительного времени. Так, например, в 1926 г. к Дзержинскому поступило письмо из отдела истории партии ЦК ВКП(б) с предложением подготовить к 10-летию Октябрьской революции материал по истории органов безопасности. Дзержинский поручил Г.Г. Ягоде дать ответ о том, что «историю ВЧК-ОГПУ можно будет писать лишь после того, как исчезнет нужда в нем»³.

ОГПУ регулярно принимало решительные меры по засекречиванию своей деятельности. Так, в 1925, 1926 и 1929 годах были изданы приказы, запрещающие публикацию в печати любых вопросов, связанных со структурой ОГПУ, методами его работы, а при направлении личных писем в иные ведомства и при заполнении анкет запрещалось указывать наименования подразделений ОГПУ⁴.

В настоящее время становится все более очевидно, что осмысление истории спецслужб прямо коррелирует с государственными установками, колебаниями общественных настроений, собственным позиционированием спецслужб.

Научное осмысление истории ГПУ-ОГПУ

Рассматривая этапы историографии, мы условно выделим два основных этапа: советский (1920–1992)⁵ и постсоветский (с 1992 г.).

Для советского этапа историографии характерны следующие особенности: авторами, как правило, были ведомственные ученые и ветераны госбезопасности, а также эмигранты и перебежчики⁶; научные и учебно-методические работы были немногочисленными⁷; редко издавались сборники документов, в основном относящиеся к периоду

деятельности ВЧК⁸, а также мемуары и научно-публицистическая литература. Для всех работ типична всеобъемлющая секретность всех тем, которые относились к обороне страны и обеспечению государственной безопасности; закрытый характер научных работ и невозможность широкой общественности знакомиться с ними; запрещение работать по темам, которые могли бы скомпрометировать деятельность сотрудников; замалчивание темы репрессий; создание мифов об образовании и деятельности органов госбезопасности; попытки формирования мифа о героях-чекистах через образы разведчиков. В 1969–1991 гг. публикация материалов о деятельности советских органов госбезопасности была возможна только после согласования материалов в пресс-бюро КГБ СССР. При этом наиболее популярными персонажами публикаций были: Ф.Э. Дзержинский⁹, М.С. Кедров, М.Я. Лацис, М.А. Трилиссер и некоторые другие¹⁰.

Несоответствие между реальной ролью спецслужб и их отражением в советской историографии привело к настоящему буму постсоветского периода. Началась архивная и археографическая революция, появилось много новых источников и сборников документов, на основе которых проводились историографические исследования: десятки монографий и сотни научных статей, посвященных истории ОГПУ. При этом после 2015 г. мы наблюдаем, что вновь возникает проблема доступа к источникам спецслужб.

Для постсоветского этапа характерны следующие особенности: авторами публикаций стали как ведомственные исследователи¹¹, так и обычные ученые, а также журналисты и публицисты; появились многочисленные открытые научные статьи и монографии, диссертационные исследования, сборники документов, мемуары, словари, энциклопедии, научно-публицистическая литература. Ключевые характеристики названного этапа – стремительное расширение источников и круга тем, по которым проводятся исследования, появление значительного количества работ региональных авторов¹²; неравномерность разработки сюжетов, превалирование темы политических репрессий. При этом, как и в советский период, наиболее популярным персонажем оставался Ф.Э. Дзержинский, а также некоторые известные представители спецслужб.

Для обоих этапов характерны высокая степень зависимости научных и публицистических работ от политического курса страны и ограниченное обращение к зарубежной историографии. Авторы, исходя из личных политических, идеологических, и нравственных позиций по-разному интерпретируют историю создания и функционирования ВЧК-ОГПУ, их роли и места в системе государственных органов, базовые идеологические

установки и правовое положение, масштабы и обоснованность репрессий¹³.

Исследователи отмечают, что среди многочисленных работ, посвященных деятельности ГПУ-ОГПУ достаточно много публикаций, подготовленных историками ФСБ России, общей особенностью которых стало обильное цитирование документов и статистики внутреннего делопроизводства, что объясняется практически монопольным доступом к важным документам. Основной заслугой этих авторов является введение в научный оборот большого массива неизвестных ранее источников. В то же время очевидны тенденциозность и небрежность, в большой мере присущие этой литературе, трансляция в ней ведомственной точки зрения и подробное перечисление разоблаченных мифических шпионов, вредителей, диверсантов, давно уже реабилитированных, излишнее доверие к ведомственной информации, повторение ряда старых клише¹⁴.

В современной историографии условно сталкиваются две точки зрения на проблему формирования ГПУ-ОГПУ как органа, отвечавшего за национальную безопасность, поддержания общественного порядка. Первая трактует ГПУ-ОГПУ как инструмент удержания власти правящей партией и рассматривает деятельность спецслужб исключительно как инструмент принуждения. Вторая – ГПУ-ОГПУ – структура, имевшая широкий спектр универсальных задач, существовала в соответствии с потребностями общества, охваченного насилием и раздираемым внутренними противоречиями. В рамках этого подхода ОГПУ можно рассматривать как институционализацию общественного запроса на радикальные социальные перемены (коллективизация сельского хозяйства и индустриализация) и на насилие. Условно говоря, ОГПУ явилась результатом «творчества масс», которые сами просили дать им условно легитимные инструменты для расправы с классовыми врагами – шпионами, кулаками, вредителями, реализуя предложенную большевиками марксистскую схему классовой борьбы. При этом надо отдавать себе отчет в том, что данный подход не снимает ответственность с большевиков за радикализм и аморальность революционной целесообразности.

Саморефлексия системы

Формирование исторической памяти внутри системы госбезопасности и саморефлексии о собственной роли в истории страны началось с первых лет ее образования. К этому приложили руку такие известные представители органов безопасности, как А. Артузов, М. Лацис и Я. Петерс, написавшие достаточно большое количество работ, посвященных ВЧК-ОГПУ¹⁵.

Начиная с 1922 г., складывается культ отмечаания годовщины образования советских спецслужб во всесоюзном значении. Особое внимание уделялось «круглым датам», к которым, впоследствии (с 1922 г.) присоединяется традиция учреждения ведомственных памятных знаков¹⁶, издания юбилейных научно-популярных¹⁷ и научных изданий¹⁸. В память пятилетия образования ВЧК был учрежден «Почетный знак ВЧК-ГПУ (V)», в 1927 г., к 10-й годовщине – юбилейный жетон. В 1932 г., к 15-летию, издан приказ ОГПУ о награждении сотрудников органов и войск ОГПУ орденами СССР, а также знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ. 1917–1922». 16 ноября 1932 г. принято положение, а 23 ноября опубликован приказ об учреждении нового нагрудного юбилейного знака «Почетный знак ВЧК-ОГПУ. 1917–1932. (XV)» как новой высшей награды Коллегии ОГПУ¹⁹.

ОГПУ, с одной стороны, постоянно подчеркивало свою значимость по информированию партийно-государственного руководства о положение в стране, с другой, в материалах для внутреннего пользования, указывало, что не стоит переоценивать значения получаемой информации. Так, 27 июля 1927 г. В.Р. Менжинский в записке Сталину отметил, что ежемесячные обзоры и материалы, которые готовит ОГПУ для ЦК ВКП(б)²⁰, нецелесообразно «широко распространять, так как этот материал агентурный и односторонний может служить лишь известным дополнением ко всем остальным источникам информации Центрального Комитета»²¹.

Мифы о создании и деятельности ВЧК-ОГПУ, о тесной связи с народом формировались на самом высоком партийно-государственном уровне. Так, 5 ноября 1927 г. Сталин, во время беседы с иностранными рабочими делегациями отметил, что «ГПУ или ЧК есть карательный орган Советской власти... Этот орган был создан **на другой день после Октябрьской революции** (в действительности создан 7 (20) декабря 1917 г. – прим. В.Х.), после того как обнаружили всякие заговорщики, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими заграничными капиталистами. Этот орган развился и окреп после ряда террористических актов против деятелей Советской власти, после убийств Урицкого и Володарского, после покушения на жизнь Ленина. Сталин подчеркнул, что ГПУ наносил тогда удар и врагам революции, метко и без промаха.... ГПУ является грозой буржуазии, неуспешным стражем революции, обнаженным мечом пролетариата»²².

Член Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микоян, выступая в Большом театре на торжественном заседании актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, посвященном двадцатилетию советских спецслужб, 20 декабря 1937 г., продолжил мифотворчество. Он

фактически процитировал Сталина, подчеркнув, что «этот орган был создан на другой день после Октябрьской революции» после того, как обнаружились всякие заговорщицкие, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими и иностранными капиталистами»²³. Микоян призывал население поддерживать борьбу НКВД с «врагами народа». В то время, когда НКВД проводило массовые репрессии, когда сотни тысяч невинных людей были расстреляны и отправлены в тюрьмы и ИТЛ, Микоян говорил об успехах НКВД: «Секрет успеха НКВД не только в способностях его работников. Секрет успехов НКВД и в том, что НКВД, советская разведка опиралась и будет опираться на поддержку народа. Она служит народу, имеет его крепкую поддержку, опирается на него... Советская разведка любима своим народом. Она отстаивает его интересы. Она защищает его кровью завоеванные права и свободы и зорко стоит на страже его завоеваний. В мире нет больше такого государства, где бы органы государственной безопасности были так крепко спаяны с народом и где бы народ так помогал своей разведке»²⁴.

Выводы

Изучение истории ГПУ-ОГПУ (1922–1934) ведется уже более ста лет, изданы сотни научных работ по этой теме, однако в связи с избирательным подходом при рассекречивании и публикации документов из архивов спецслужб, до сих пор не написано обобщающего академического труда, показывающего с научной точки зрения причины образования, реорганизации, структурной трансформации и деятельности, его взаимосвязи с ЦК ВКП(б) и зависимости ведомства от линии проводимой в жизнь правящей партией большевиков, героические и трагические страницы истории.

Попытки саморефлексии и осознания самими спецслужбами своего исторического прошлого зачастую сводятся к созданию мифов, а также желанию без должного критического анализа придать исторический вес своей деятельности, невзирая на очевидные недостатки и трагические страницы истории. В эту логику вписывается и стремление переосмыслить фигуру Дзержинского и, в конечном счете, вернуть его памятник на Лубянскую площадь.

Примечания

¹ *Бурдые П.* Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994. С. 192–194, 199–200.

² *Миллер А.* Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности. URL: <https://carnegie.ru/?lang=ru> (Дата обращения: 05.01.2021); *Колесников А.* История под ружьем: несекретная война Кремля. 9 апреля 2020 г. URL: <https://carnegie.ru/2020/04/09/ru-pub-81437> (Дата обращения: 05.01.2021).

³ Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928 гг. М., 2006. С. 23.

⁴ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. 1917–1991. М., 2003. С. 38, 40, 42.

⁵ Советский период некоторыми исследователями в свою очередь условно делится еще на несколько этапов (первый – начало 1920 – первая половина 1950-х; второй – середина 1950-х – первая половина 1980-х; третий – середина 1980-х – первая половина 1990-х). См.: *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 10.

⁶ *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. Берлин, 1931.

⁷ *Анимян Н.А.* Органы государственной безопасности Советской Армении в период строительства социализма (1920–1934). Ереван, 1980; *Васильев И., Корнилов Ю., Наумов Г.* Из истории органов госбезопасности Урала. М., 1982; *Вялков Л.И.* Борьба приморских чекистов с врагами Советской власти в 1922–1928 годах. Владивосток, 1972. История советских органов государственной безопасности: Учебник. М., 1977.

⁸ Казанская губернская чрезвычайная комиссия 1917–1922 г.: Сб. док. и мат. Казань, 1989; В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922). М., 1987.

⁹ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1986.

¹⁰ Чекисты: Сб. М., 1987; Чекисты Башкирии. Уфа, 1967; Чекисты Татарии. Казань, 1990.

¹¹ *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008; Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М., 2018. С. 73–136; Правовое обеспечение безопасности российского государства: история и современность. М., 2016; ФСБ. На рубежах защиты экономики. М., 2013.

¹² *Картов С.Г.* Щит и меч Советской Республики (органы государственной безопасности в Вологодской губернии в 1922–1934 годах) / Доверено охранять Отечество. (Из истории органов безопасности в Вологодском крае). Вологда, 2008. С. 264–289. *Соловьев А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. М., 2002. С. 11–118; Без грифа «Секретно». Из истории органов безопасности на Кубани: Очерки, статьи, документы. Краснодар, 2005. С. 32–46; Из истории органов госу-

дарственной безопасности в Ивановской области. 1918–1954 гг. Иваново, 2008; От ЧК до ФСБ. 1918–1998: Сб. док. и мат. по истории органов государственной безопасности Тверского края. Тверь, 1998. С. 9–196.

¹³ *Казанцев А.П.* Красная жатва на Урале: 1930–1950-е: Документальное исследование. Екатеринбург, 2014; *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008; Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей. М., 2010.

¹⁴ *Тепляков А.Г.* Органы ОГПУ-НКВД-НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.) Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 2011. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/2011/000403223/000403223.pdf> (Дата обращения: 05.01.2021).

¹⁵ *Артузов А.* Лекции по истории ВЧК-ОГПУ. М., 1928; *Лацис М.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1920; *Петерс Я.Х.* Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10 (33) и др.

¹⁶ Более подробно о ведомственных наградах см.: *Н. Петров, К. Скоркин.* Ведомственные награды в ВЧК-КГБ. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/znaki/chapter1.htm> (Дата обращения: 06.01.2021).

¹⁷ 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1938; К двадцатилетию ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1937.

¹⁸ Эта традиция жива и в настоящее время. Так, к 100-летию образования отечественных органов безопасности изданы: В.Ч.К. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Главные документы: Альбом. М., 2017; ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания: Сб. статей и документов. М., 2017 и др.

¹⁹ *Буяков А.М.* Ведомственные награды ВЧК-НКВД (1922–1940). Ч. I. Владивосток, 2002.

²⁰ Ежемесячные обзоры политико-экономического состояния РСФСР-СССР готовились в ГПУ-ОГПУ в период 1922–1929 годов. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. Т. 1–7. М., 2001–2004.

²¹ Политбюро и органы государственной безопасности: Сб. док. М., 2017. С. 240.

²² Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. 1917–1991. М., 2003. С. 143–144.

²³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 120. Д. 547.

²⁴ *Микоян А.И.* Славное двадцатилетие советской разведки. Доклад на торжественном заседании в Большом театре. 20 декабря 1937 года / 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1938. С. 37–40. URL: <https://www.Kommersant.ru/doc/2076900> (Дата обращения: 30.12.2020)

Значение изучения истории государственных учреждений для архивоведения

Аннотация

В отечественной литературе взаимосвязь архивоведения и истории государственных учреждений традиционно рассматривалась в контексте изучения организаций как фондообразователей. Однако эта взаимосвязь намного шире. Изучение системы, функционирования и внутреннего структурирования организаций необходимо для познания и прогнозирования структуры Архивного фонда РФ, комплектования архивов и экспертизы ценности документов, осуществления генетической классификации архивных документов и поиска архивной информации. Во взаимодействии научных дисциплин наиболее ярко проявляют себя системный, функциональный и информационный подходы.

Ключевые слова: архивоведение, архивный фонд, архитектура АФ РФ, комплектование, экспертиза ценности, фондирование, классификация, архивная эвристика, системный, функциональный, информационный подходы.

Е.М. Burova
Russian State University for the Humanities

The importance of studying the history of state institutions for archival studies

Abstract

In the Russian literature, the relationship between archival science and the history of state institutions has traditionally been considered in the context of studying organizations as fund-makers. However, this relationship is much broader. The study of the system, functioning and internal structuring of organizations is necessary for understanding and forecasting the structure of the AF of the Russian Federation, completing archives and examining the value of

documents, performing genetic classification of archival documents and searching for archival information. In the interaction of scientific disciplines, the system functional and information approaches are most clearly manifested.

Keywords: archival science, architecture of the AF of the Russian Federation, acquisition, value assessment, funding; classification, archival heuristics, system, functional, information approaches.

Тема доклада достаточно традиционна и связана не столько с сутью проблемы, сколько с названием кафедры – кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций.

Для архивоведения сегодня большое значение имеет не столько изучение собственно государственных учреждений и общественных организаций, сколько познание всей системы (с внутренними и внешними связями), функционирования и внутреннего структурирования государственных органов, органов местного самоуправления и организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности.

Во взаимодействии архивоведения и истории организаций, государственных учреждений, наиболее ярко прослеживается уровень общенаучных принципов и форм (методов), исследования, имеющие междисциплинарный характер (который сегодня отличается значительным уровнем глобализации). Большую роль в этом процессе играют системный подход – метод, который как общее основание объединяет специальные дисциплины, а также функциональный и информационный методы. В архивоведении междисциплинарный подход используется очень широко, он стал проявляться почти с момента становления научной дисциплины.

Архивоведение имеет устойчивые связи, использует методы, подходы других научных дисциплин в решении своих задач. К дисциплинам, наиболее тесно взаимодействующим с архивоведением, можно отнести такие как история, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, археография, документоведение, информатика, право и др., а также, что важно в данном контексте – история государственных учреждений и общественных организаций. Специалисты отмечают, что взаимодействие смежных дисциплин происходит, в основном, на уровне информации о методах исследования и получения фактической информации.

Традиционно архивоведение связывают с историей государственных учреждений, рассматривая последних как потенциальных фондо-

образователей. Однако представляется, что наши связи – архивистов и историков – «госучрежденцев» более обширны.

В архивоведении одним из системообразующих понятий является Архивный фонд Российской Федерации (АФ РФ). Формируется АФ РФ, в основном из управленческой документации, которая на сегодняшний день в федеральных, государственных субъектов РФ и муниципальных архивах составляет 69,1%¹. При этом управленческая документация в составе АФ РФ представлена, в первую очередь, фондами государственных органов, органов местного самоуправления, лишь частично фондами государственных организаций и совсем малым процентом фондов негосударственных организаций.

Понимание структуры этого блока АФ РФ, его фондовый состав основывается на структуре государственных органов, органов местного самоуправления и организаций. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что фонды всех государственных органов и органов местного самоуправления (далее органы) обязательно вливаются в состав АФ РФ без исключения.

Но в процессе комплектования архивов фондами этих структур необходимо учитывать их уровень: федеральный, субъектов РФ или муниципальный. Система органов напрямую связана с системой государственных архивов: фонды федерального уровня поступают в федеральные архивы, уровня субъекта РФ – в государственные архивы субъектов РФ и муниципального уровня – в муниципальные архивы.

Архитектура (структура) фондов в составе АФ РФ как «слоеный пирог» отражает систему построения органов и напрямую связана с федеральным устройством Российской Федерации. Но любое правило не есть догма, из любого правила бывают исключения. Одно из серьезнейших исключений в настоящее время закреплено законодательством². Речь идет о документах, образующихся в деятельности территориальных органов федеральных органов государственной власти и федеральных организаций, иных государственных органов РФ, расположенных в субъектах РФ, которые в соответствии с нормативными требованиями должны поступать в федеральные архивы, но могут передаваться и в государственные архивы субъектов РФ (но только по договору). Впоследствии процесс поиска документной информации по таким фондам должен учитывать и эти исключения из общих норм формирования Архивного фонда РФ.

В процессе комплектования архивов обязательно учитывается соответствие фондов органов и организаций компетенции того или иного архива. Что входит в понятие компетенции архива? Это ранг – федеральный, государственный субъекта РФ или муниципальный (о чем выше уже было сказано), тип – государственный (муниципальный),

ведомственный, негосударственный и профиль – то, что традиционно учитывается в первую очередь при комплектовании. Профиль – понятие объемное, в него включают достаточно часто все составляющие понятия компетенции. В данном случае остановимся на такой составляющей профиля, как его отраслевой признак, что напрямую связано с изучением системы определенной отрасли, ведомства, организаций. На федеральном уровне фонды организаций народнохозяйственного профиля поступают в РГАЭ, военного – РГВА и отраслевой фонд Минобороны России, военно-морского – РГАВМФ, литературы и искусства – РГАЛИ. Следовательно, мы учитываем в процессе комплектования не только федеративное устройство страны и соответственно уровень (ранг), но и отраслевые связи.

При определении организаций-источников комплектования (это не относится к органам, которые являются обязательными источниками комплектования) архивисты применяют такой научный инструментарий как система критериев. Если их проанализировать, то все они связаны с самой природой функционирования организаций, процессами документообразования и формирования их архивных фондов³. В качестве ведущего критерия определения организаций-источников комплектования рассматривается их функционально-целевое назначение или, если рассматривать шире (как сейчас принято в Правилах 2020 г.), значение деятельности организации в политической жизни, социально-экономическом развитии государства и общества⁴.

В связи с этим хотелось бы отметить, что современному архивисту сегодня уже недостаточно знаний только в области истории становления и современного состояния государственного аппарата (для комплектования – все органы-источники). Необходимо знать типологию государственных и негосударственных организаций, уметь ориентироваться в терминологии этой сферы, важно изучать правовые и иные аспекты деятельности организаций разных организационно-правовых форм и форм собственности. В качестве дополнительных критериев могут рассматриваться особая роль организации, место в ряду других организаций, а для негосударственных организаций рассматриваются еще и такие дополнительные факторы как многопрофильность деятельности, состав учредителей, форма объединения и т.д., а для общественных объединений – известность среди населения, количество членов и др.

Изменения, происходившие в государстве, обществе в 1990-е и последующие годы привели к упразднению старых органов власти и управления и созданию новых – думы, администрации, мэрии, префектуры и т.д., стали появляться новые типы и виды организаций и их объединений – концерны, ассоциации, корпорации и т.д. В настоящее время архивисты

рассматривают организации с точки зрения их различий по роду деятельности, организационно-правовой форме и форме собственности, подчиненности, целям деятельности.

В данном контексте главное заключается в том, что новые формы и связи влияют на информационно-документационные потоки, а в итоге и на связи между архивными фондами.

Одной из составляющих процесса комплектования выступает экспертиза ценности документов. Одним из важнейших научных методов экспертизы ценности документов и, в конечном счете – комплектования является функциональный анализ, который позволяет строить прогноз. Собственно функциональный метод предполагает оценивать документы во взаимосвязи с теми функциями органов и организаций, для реализации которых они были созданы. Другими словами, функция наиболее важная – документы наиболее ценные. И как критерий экспертизы ценности документов на первом месте выступает значение организации, с учетом значения ее функций в системе управления. Изучая функции организации, анализируя их значимость и структурируя их по степени важности архивисты могут строить прогноз поступления в состав АФ РФ тех или иных комплексов документов, т.е. моделировать состав АФ РФ. Но прогноз эффективен, когда он подкреплен анализом фактов, в частности, изучением уже отложившихся комплексов документов. А это уже суть ретроспективного метода. Поэтому архивисты говорят и о функционально-ретроспективном методе, на основе которого разрабатываются в стране списки источников комплектования и перечни документов со сроками хранения для проведения экспертизы ценности. И перечни, и списки строятся также на основе системного подхода, т.е. с учетом объективных закономерностей документирования процессов управления, документных связей, состава документов, отражающих информацию по определенному вопросу (функциям управления). Документы в перечнях систематизируются в соответствии с основными функциями управления и отраслевыми направлениями деятельности, т.е. на основе функционально-отраслевого подхода⁵.

Системный и функционально-отраслевой методы эффективно сочетаются с информационным подходом. Наибольшую ценность имеют документы, информация которых отражает основную деятельность организации, соответственно документы, содержащие информацию по второстепенным направлениям деятельности, признаются менее ценными.

Более того, информация в документах одного архивного фонда может повторяться в фондах других, но не при случайных связях (это практически не учитывается при формировании АФ РФ). В этой ситуации учитываются связи, возникающие при функционировании современных

систем управления. Такой подход позволил в свое время при разработке списков организаций-источников комплектования выделить группу организаций так называемого опосредованного приема (когда деятельность организаций низового звена отражена в фондах вышестоящих организаций). И позднее, в Методических рекомендациях 2012 г. (как и в ранее выходивших), в качестве основного критерия наряду с функционально-целевым назначением организации была названа полнота отражения информации о деятельности организации в фондах других организаций⁶.

Самые тесные связи, которые чаще всего и рассматриваются, это связь архивоведческого фондирования с историей государственных учреждений. «Например, оперируя понятиями фондообразователя, фонда, принципами происхождения и недробимости фонда, – писал в свое время В.Н. Автократов, мы подразумеваем в первую очередь учреждения и их документацию. С профессиональной точки зрения архивистов, история учреждений – в основном история фондообразователей»⁷. И далее В.Н. Автократов отмечал, что одно то, что архивные фонды называются именами соответствующих фондообразователей, есть существенный вклад истории учреждений в архивоведение.

В процессе фондирования очень важно определить характер деятельности, место и связи в отраслевой, ведомственной системе и типологию организаций, что напрямую связано с типологией архивных фондов, например, создания объединенных архивных фондов. И главное – это внутреннее устройство государственных органов, органов местного самоуправления и организаций.

История учреждений тесно связана с правом. Не рассматривая всех аспектов правового регулирования деятельности организаций, в качестве примера можно затронуть только один – юридической самостоятельности.

Архивный фонд формируют (по правилам) только юридически самостоятельные структуры. А если структурное подразделение, например, в составе министерства, обладает юридической самостоятельностью, то архивисты формируют разные архивные фонды, объединенный архивный фонд или вообще это явление никак не учитывают? И даже если сегодня юридическая самостоятельность подразделений не так распространена, то ранее – до 1990-х гг., эта ситуация имела место быть. Знание этих ситуаций позволяет не только архивистам правильно выстраивать архивные фонды, но и пользователям – систему поиска архивной информации, понимать алгоритм поиска архивной информации по правильно организованным фондам.

Изучение истории государственных учреждений и организаций подразумевает и глубокое изучение их внутренней структуры, что напрямую связано уже с внутренним устройством архивного фонда.

Наиболее ярко это проявляется в процессе построения схем классификации документов внутри архивного фонда. При четком структурировании организации наиболее предпочтительной является схема, в основе построения которой лежат такие основные признаки как структурный и хронологический. Архивисты рассматривают, как на протяжении времени складывалась и менялась структура, какие комплексы документов отложились в разные периоды в тех или иных структурах. И далее решая вопросы классификации с учетом принципа происхождения (как основного принципа научной классификации документов внутри архивного фонда) архивисты рассматривают ее как генетическую классификацию.

Все рассмотренные выше аспекты знаний по истории государственного аппарата и организаций (в широком смысле слова) важны не только для понимания современной архитектуры АФ РФ и ее моделирования, но и комплектования и экспертизы ценности документов, фондирования и генетической классификации документов внутри архивного фонда, а в итоге – для понимания структуры информационных пластов, выстраивания модели поиска архивной информации и в конечном итоге ее использования.

Примечания

¹ Информационно-методическое письмо «Об итогах паспортизации государственных и муниципальных архивов, государственных музеев и библиотек, научных организаций по состоянию на 01.01.2019 и качестве составления паспортов». URL: <http://archives.ru>.

² Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Ст. 21. Ч. 2 // СЗ РФ. 2004. N 43. Ст. 4169.

³ Бурова Е.М. Репрезентативность Архивного фонда Российской Федерации в его видовом составе // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Мат. Всероссийской научно-практической конференции. М.: Архив РАН, 2018. С. 42–43.

⁴ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. М., 2020. С. 33.

⁵ Экспертиза ценности управленческих документов и комплектование ими государственных архивов (теория и методика) / Росархив, ВНИИДАД. М., 2007. С. 151.

⁶ Методические рекомендации «Определение организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов» / Росархив, ВНИИДАД. М., 2012. С. 3.

⁷ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. С. 92–93.

Секция 1. Государственное управление в России до XX века

А.А. Космовская

Пермская государственная фармацевтическая академия

Документация приказных изб и воеводских канцелярий
как источник для изучения истории воеводского управления
в Прикамье (опыт уточнения датировок)¹

Аннотация

В статье рассмотрены возможности использования документации приказных изб и воеводских канцелярий как источника для изучения истории воеводского управления в Прикамье. Датировки функционирования воеводской администрации Прикамья нуждаются в уточнении. Автором проанализирована финансовая документация воеводских учреждений как ценный источник по датированию отдельных эпизодов деятельности воевод Прикамья (на основе документов фондов Российского государственного архива древних актов). Автор приходит к выводу о том, что обращение к финансовой отчетности даст возможность реконструировать даты нахождения на воеводстве конкретных уездных администраторов, их чины и титулы.

Ключевые слова: Прикамье, XVII век, XVIII век, воеводское управление, документация приказных изб, воеводы.

Documentation of provincial offices as a source for studying
the history of the voivodship management in Prikamye
(an experience of specifying dates)

Abstract

The article discusses the directions of using the documentation of the voivodship offices as a source for studying the history of the voivodship administration in Prikamye. The activities of local institutions in the Russian state have been studied by historians from various points of view, but individual chronological gaps in regional history still exist. The dates of the functioning of the provincial administration of Prikamye need to be clarified. In this article, the author analyzes the financial documentation of the provincial institutions as a valuable source for dating individual episodes of the activities of Prikamye governors (using the example of materials from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts). The author of the article comes to the conclusion that the use of financial statements makes it possible to reconstruct the dates of the presence of specific county administrators in the voivodship, their ranks and titles.

Keywords: Prikamye, XVII century, XVIII century, voivodship management, documentation of provincial offices, voivode.

Вопросы функционирования системы управления на окраинах Российского государства традиционно вызывают интерес у исследователей. Изучение деятельности воеводских канцелярий дает возможность понять принципы взаимодействия органов управления внутри региона, а также отношения местных властей с центром.

Воеводское администрирование в уездах Российского государства XVII в. являлось основным способом обеспечить управление на местах и поступление финансовых средств в центральные приказы. Система воеводского управления, просуществовавшая в своем первоначальном виде с конца XVI до начала XVIII века, оказалась удобной для правительства и в более поздний период. Недолгие попытки отказаться от уездных администраторов с широким функционалом в петровское время

привели к возрождению воеводского управления на новых началах (Наказ губернаторам и воеводам 1728 г.²).

Необходимость анализа системы воеводского управления в Прикамье обусловлена существованием пробелов в изучении деятельности царских администраторов на региональном уровне в конце XVI в. и последующей эволюции функций органов местного управления в XVII в. В исследуемый хронологический период Прикамье в составе Чердынского, Соликамского и Кунгурского уездов активно развивалось в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях как неотъемлемая часть Российского государства.

Назначения уездных администраторов осуществлялись через приказы, а должность воеводы в богатом городе была желанной для многих представителей дворянства. В крупные и богатые города направлялись князья и обладатели статусных думных чинов. Стольники часто возглавляли населенные пункты на Урале и в Сибири. На территории Прикамья в городах на воеводстве в основном «сидели» стольники, которые управляли населенным пунктом (Чердынь, Соликамск и Кунгур) и соответствующим ему уездом в течение примерно 1,5–2 лет. С 1636 г. Чердынь и Соликамск управлялись одним воеводой, а Кунгур появляется и развивается во второй половине XVII в. Нас интересуют данные по Чердынскому и Соликамскому уездам, поскольку имеющаяся документация проясняет ситуацию именно по этой местности.

Упомянутые города, хотя и малочисленные по сравнению с центральными, вносили свой вклад в государственный бюджет благодаря торговле, солеваренным промыслам и выгодному положению на пути в Сибирь. Несмотря на то, что исследование местного управления Прикамья является интересной историографической проблемой из-за сложности переходного этапа от сословно-представительной монархии к абсолютной, большого количества работ по данной тематике не появилось. Проблемы воеводского управления были изучены в ряде монографий³, но применительно к прикамским территориям историография не является обширной.

На региональном уровне воеводское управление было исследовано в монографии автора статьи. Об этом далее и пойдет речь. Датировки нахождения прикамских воевод на своих должностях не всегда можно установить точно. Источниковая база довольно фрагментарна, поэтому исследователю имеет смысл обращаться ко всем источникам, так или иначе затрагивающим направления деятельности воевод. Экономическая документация в таком случае очень важна. Счетные и сметные списки воевод представляют собой комплексный источник по истории

регионального управления, экономики, географии отдельных регионов в составе Российского государства.

Сметный список как ежегодный отчет в центральные приказы о состоянии вверенного воеводе города, денежной казны и запасов, позволяет установить не только имя воеводы и его товарищей, но и примерные даты нахождения уездного администратора в городе.

Для составления счетного списка (при передаче города следующему назначенному администратору) воеводы делали оценку и запись всех сборов, определяли, на какую сумму по сравнению с прошлым годом собрано больше доходов, выясняли размер недобора и его причины.

Выявить точные даты управления отдельных воевод помогли чердынские счетные и сметные списки из Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 137. Оп. Чердынь).

При составлении списка прикамских воевод автором⁴ были использованы труды А.А. Дмитриева⁵, А.П. Барсукова⁶, О.В. Семенова⁷, Акты исторические⁸ и некоторые другие опубликованные и неопубликованные источники⁹. Многие датировки принимались условно, только по упоминанию воеводы в документации.

Сметные и счетные списки позволяют установить конкретную дату «работы» воеводы в качестве уездного администратора. Например, обратимся к Чердынскому счетному списку 7185 г. (1676/77 г., числа указаны по старому стилю)¹⁰. С 1 февраля 1676 г. по 23 ноября 1676 г. можно датировать пребывание на воеводстве в Чердыни и Соликамске Ивана Кузьмича Кузьмина. У А.А. Дмитриева данный воевода является стряпчим с ключом («Иван Козмин Корбин»¹¹), дата пребывания на должности уездного администратора – 1676 г. Согласно счетному списку, Иван Кузьмич Кузьмин определенно был стольником и находился на должности в строго указанные даты.

«Лета 185 год ноября в 23 день... стольник и воевода Дмитрий Никитич Наумов считал стольника и воеводу Ивана Кузмича Кузьмина февраля с 1 числа 184 году да нынешнего 185 году ноября по 23 число Великого государя в казне во всяких чердынских денежных доходах в приходе и росходе и в вагульской мяжкой рухляди. В прошлом во 184 году по счетной росписи воевода Иван Кузьмич Кузьмин у воеводы у Ивана Головкина принял налицо Чердынских неокладных доходов збору прошлого 184 году с судных пошлин и ездовых денег и мировых гривен и поголовных и всякого мелкого збору и с купчих и закладных записных пошлин и всякого мелкого збору 42 руб. 30 алтын 3 денги»¹².

В данном документе можно зафиксировать появление другого чердынского и соликамского воеводы – Ивана Семеновича Головкина (ранее у А.А. Дмитриева и в монографии автора статьи 2019 г. –

Головнина, но в списке явно Головкин). Он находился на воеводстве с 1672 г. (данные А.А. Дмитриева) до 1 февраля 1676 г. – непривычно долго для прикамских воевод, средний срок службы которых составлял 1,5–2 года.

По счетному чердынскому списку 7194 г. (1685/86) 16 февраля 1686 г. стольник и воевода Михаил Федорович Шейдяков «считал стольника и воеводу Назарья Петровича Мельницкого прошлого 192 году генваря с 31 числа да на 194 году февраля по 16 число... во всяких чердынских денежных доходах в приходе и расходе и в вагульской мяжкой рухляди. В прошлом во 192 году стольник и воевода князь Назарей Петрович Мельницкий у стольника и воеводы у князя Федора Юрьевича Борятинского по счетной росписи принял Чердынских неокладных доходов збору 192 году... 48 руб. 9 алтын 4 денги. Да во 192 году при стольнике и воеводе при князе Назарье Петровиче Мельницком чердынских денежных доходов и мяжкой рухляди в приходе с Чердыни с посаду и с уезду стрелецких денег на 192 год достали 888 руб. 19 алтын 4 денги»¹³.

31 января 1684 г. Назарий Петрович Мельницкий сменил стольника и князя Федора Юрьевича Борятинского на воеводстве. 16 февраля 1686 г. Назарий передал свой «пост» следующему царскому чиновнику – Михаилу Федоровичу Шейдякову.

Приведем пример установления датировки по сметному списку 7197 г. (1688/89)¹⁴. В январе 1688 г. по указу великих государей и по грамоте из Новгородского приказа (Чердынский и Соликамский уезды относились к ведомству именно этого учреждения) посчитал «ближний стольник и воевода Иван Алексеевич Головин князя Афонася Михайловича Медведева с приведу отца его стольника и воеводы князя Михаила Федоровича Шейдякова прошлого 194 году февраля с 16 числа (16 февраля 1686 г.) да нынешняго 196 году генваря по ... (нет даты, пробел, январь 1688 г.) число в казне во всяких чердынских денежных доходах в приходе и расходе и в вагульской мяжкой рухляди. В прошлом во 7194 году (1685/86) стольник и воевода князь Михаило Федорович Шейдяков у стольника и воеводы у Назарья Петровича Мелницкого принял Чердынских неокладных денежных доходов збору 194 году... 77 руб. 19 алтын полтретьи денги»¹⁵. Вместо январской даты в документе в обоих случаях стоит пробел, что редко встречается в таких материалах. Возможно, сей факт объяснялся тем, что Михаил Федорович Шейдяков скончался 4 мая 1687 г. Дослуживал за него его сын князь Афанасий Михайлович.

Новый воевода учел даты воеводства отца и сына вместе. Можно установить, что М.Ф. Шейдяков исполнял свои обязанности с 16 февраля

1686 г. формально до своей смерти 4 мая 1687 г., а потом выполнял воеводские функции его сын – с того же числа 1687 г. до января 1688 г.

Для реконструкции других дат привлекались и отдельные опубликованные документы, например, счетный список прихода и расхода денежной казны в Соликамске 24 января 1682 г. «Стольник и воевода князь Федор Юрьевич Борятинской считал окольного и воеводу Семена Тимофеевича Кондырева, прошлого 7188 году декабря с 8 числа, до нынешняго 7190 году генваря по 24 число, в казне великого государя, во всяких усольских денежных доходах, в приходе и в росходе»¹⁶. Теперь можно реконструировать датировки правления чердынских и соликамских воевод и их чины в таблице ниже.

Таблица 1

Список чердынских и соликамских воевод (фрагмент)¹⁷

Сведения из монографии автора 2019 г.		Уточненные данные по документации в 2020 г.	
Годы воеводства	Имя	Годы воеводства	Имя
1672	Иван Семенович Головнин, под. Савва Тутчев (1672–1675 гг.) Упоминается под. с пр. Никита Списков	1672 г. – 1 февраля 1676 г.	Ст. Иван Семенович Головкин, под. Савва Тутчев (1672–1675 гг.) Упоминается под. с пр. Никита Списков
1676	Стряпчий с ключом Иван Козмин	1 февраля 1676 г. – 23 ноября 1676 г.	Ст. Иван Кузьмич Кузьмин
1677–1680	Ст. Дмитрий Никитич Наумов	23 ноября 1676 г. – 8 декабря 1679 г.	Ст. Дмитрий Никитич Наумов
1680–1682	Окольный Семен Тимофеевич Кондырев	8 декабря 1679 г. – 24 января 1682 г.	Окольный Семен Тимофеевич Кондырев
1682–1684	Ст. Федор Юрьевич Борятинский	24 января 1682 г. –	Кн. ст. Федор Юрьевич

		31 января 1684 г.	Борятинский
1684–1686	Ст. Назар Петрович Мельницкий	31 января 1684 г. – 16 февраля 1686 г.	Кн. ст. Назарий Петрович Мельницкий
1687	Кн. ст. Михаил Федорович Шейдяков. Скончался 4 мая 1687 г. Дослуживал за него его сын кн. Афанасий Михайлович	16 февраля 1686 г. – январь 1688 г.	Кн. ст. Михаил Федорович Шейдяков. Скончался 4 мая 1687 г. Дослуживал за него его сын кн. Афанасий Михайлович
<i>Условные сокращения:</i> Кн. – князь Под. – подьячий Под. с пр. – подьячий с приписью Ст. – стольник			

Сложнее дело обстоит с документацией XVIII в., где воеводская власть сопоставима с чиновничьей. Из финансовой отчетности почти исчезают данные о воеводах. Упоминания уездных администраторов в приходных книгах («Книга окладная приходная Соликамской канцелярии при воеводе Демиде Аркатове»¹⁸) и прочих документах («Книга расходная таможенным кабацким и прочим канцелярским сборам Соликамской канцелярии 1754 г.»¹⁹) становятся редкими. В таком случае имеет смысл просматривать всю прикрепленную документацию («За скрепами секунд-майора и воеводы Демиды Аркатова... За стрепами воеводы Федора Разварина»²⁰).

Итак, обращение к материалам приказных изб и воеводских канцелярий дает возможность реконструировать даты нахождения на воеводстве конкретных уездных администраторов, их чины и титулы. На текущий момент основным направлением работы автора статьи является анализ финансовой документации приказных изб и воеводских канцелярий, что позволяет надеяться на появление уточненных сведений о разных сторонах деятельности воевод и дальнейшей разработки проблемы воеводского управления Прикамья в XVII–XVIII вв.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007 «Эффективность финансовой политики воеводской администрации Прикамья в XVII–XVIII вв.».

² Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать // ПСЗРИ-1. 1649–1825. Т. 8. 1728. № 5333. С. 94–112.

³ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 204 с.; *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII в. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб.: РНБ, 2000. 351 с.; *Семенов О.В.* Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2006. 423 с.; *Симачкова Н.Н.* Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2002. 185 с.

⁴ *Космовская А.А.* Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. 244 с.

⁵ Список воевод приводится по: Пермские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С. 118–125; Соликамские воеводы // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. III. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1897. С. 126–127; *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1891. С. 170–181.

⁶ *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1902. С. 213.

⁷ Данные XVI в. – 1636 г. представлены в монографии: *Семенов О.В.* Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2006. С. 384–386.

⁸ Царская грамота Чердынскому воеводе князю Федору Борятинскому о доставлении в Верхотурье из Поморских городов хлебных запасов деньгами, а из Перми и Сысольских волостей хлебом, и о высылке плотников для судебного дела, 15 декабря 1681 г., № 76 // Акты исторические. Т. 5. (1676–1700). СПб., 1842. С. 118–119.

⁹ СПИИРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 2, 5, 25, 28; Кунгурские акты XVII века. (1668–1699 гг.) / Ред. А.А. Тутов. СПб.: Кузнецов, 1888. 338 с.

¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 2.

¹¹ *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. II. Пермь Великая в XVII в. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1890. С. 228.

¹² РГАДА. Ф. 137. Чердынь. Д. 2. Л. 22–23.

¹³ Там же. Д. 8. Л. 55–56об.

¹⁴ Там же. Д. 10.

¹⁵ Там же. Л. 49–50.

¹⁶ Дополнения к Актам историческим. Т. 9. Спб., 1875. С. 191–199.

¹⁷ *Космовская А.А.* Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII в. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. С. 263–265.

¹⁸ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79.

¹⁹ Там же. Д. 125.

²⁰ Там же. Л. 1, 3.

А.Ю. Конькова

Российский государственный гуманитарный университет

Государственная служба в Российской империи и виды документов о ее прохождении: документоведческий аспект

Аннотация

В статье рассмотрены причины складывания и основные этапы формирования документной системы прохождения государственной службы в Российской империи. Рассматривается порядок составления патентов на чины, формулярных (послужных) списков, аттестатов о службе, наградных и кондуитных списков, анализируется законодательная регламентация данных видов документов в период XVIII – начала XX в.

Ключевые слова: государственная служба, Российская империя, патент на чин, формулярный (послужной) список, аттестат о службе, наградной список, кондуитный список.

Public service in the Russian Empire and types of documents on its passage: document management aspect

Abstract

This article discusses the reasons for the folding and the main stages of the formation of the documentary system on the passage of public service in the Russian Empire. The procedure for compiling Patents for Ranks, Formulary (Service) Lists, Service Certificates, Award and Conduct Lists is considered. The article analyzes the legislative regulation of these types of documents in the chronological period XVIII – early XX century.

Keywords: civil service, Russian Empire, Patent for Chin, Formulary (service) record, Certificate of service, Award list, Conduct list.

Проведенные Петром I реформы повлекли за собой ряд изменений, ставших началом формирования системы документов по оформлению прохождения чиновниками государственной службы в Российской империи, которая стала напрямую зависеть от выслуги лет¹.

Табель о рангах, введенная 24 января 1722 г. Петром I, заложила основы государственной службы².

Принципиальным новшеством стала возможность приобретения патента на чин, с оформления которого начинался процесс документирования чиновпроизводства. Его введение потребовало утверждения единого порядка выдачи патентов, и поэтому последовал целый ряд указов, закреплявших соответствующие нормы³.

Во второй половине XVIII в. потребовалось более полно и всесторонне отражать различные аспекты деятельности чиновников, влияющие на повышение по государственной службе, что повлекло значительные изменения в документировании ее прохождения.

В январе 1764 г. была утверждена форма послужных списков, которая давала представление о свойствах и характере несения службы чиновником. На основании данных, оформляемых таблицей из 9-ти граф, формировалось представление о госслужащем, различных аспектах его жизни и службы.

В графах послужного списка указывались основные персональные данные, отметки о продвижении по службе и служебном «усердии»

чиновника. Послужной список был установлен и для военной службы. Информация о наличии имущества (имений и их местоположения, количество душ крестьян) свидетельствовала о материальном положении служащего.

В 70-х – 80-х гг. XVIII в. был принят ряд указов, «потребовавших» более «прозрачного» документирования всех обстоятельств службы⁴. Сенатским указом от 15 марта 1798 г. устанавливалась еще большая детализация информации о чиновнике: помимо прочего, теперь было необходимо указывать даты награждений, результаты приговоров судов, перспективы повышения по службе, местонахождение детей⁵.

Таким образом, к концу XVIII в. оформились основные документы, фиксирующие прохождение государственной службы, и сформировался порядок их выдачи. Сложился порядок документирования, «стремящийся» во все большую детализацию раскрытия личности чиновника⁶.

«Общее учреждение министерств» Александра I, определившее в 1811 г. типовую структуру министерств и единый порядок их деятельности, стало значимой вехой в организации порядка прохождения государственной службы. Так, четвертая глава данного законодательного акта определила порядок увольнения, производства в чин, награждения⁷.

Целый ряд последующих указов был направлен на совершенствование системы учета чиновников⁸.

Следующим документом в регламентации рассматриваемой деятельности явился Устав о службе гражданской по определению от правительства⁹.

Поскольку наличие наград надо было подтверждать, то в 1816 г., помимо актуализации формы патента на чин, устанавливается формуляр Грамоты о пожаловании ордена¹⁰.

Стремление «увидеть» истинное «лицо» чиновника приводит к постоянному уточнению информации, включаемой в первой половине XIX в. в формулярные списки. Теперь требуется указывать «денежные подарки, пенсии, аренды»¹¹ и др.

Особые требования предъявлялись к заполнению формулярных списков военных чиновников.

В соответствии с Указом от 15 марта 1816 г. стало обязательным не только указывать факт не аттестации, но и его причину. В 1817 г. правила документирования корректировались: к представлению о награждении пенсией стало обязательным прилагать послужной список чиновника и отмечать уже полученные награды¹².

В 1826 г. был уточнен порядок отражения информации о взысканиях, выносившихся военнотружущим¹³, с образцами «примеров формулярных

списков, показывающих, как писать сии списки после уничтожения штрафов»¹⁴.

В 1827 г. утверждается иной образец послужных (формулярных) списков для военных, морских и гражданских служащих. Характерным уточнением явилось не общее указание количества крестьян в имении (как это было в прежних списках), а конкретизация этой информации. Обязательно указывалось не только имущество, в том числе недвижимое, самого чиновника, но и его близких родственников с указанием его нахождения.

Документ о прохождении морской службы по числу граф был более сокращенным. Однако необходимо было фиксировать все полученные поощрения¹⁵.

В 1828 г. вышел Сенатский указ, в соответствии с которым при поступлении на службу необходимо было указывать свое происхождение, а с 1831 г. – сведения из метрических книг о рождении¹⁶.

Новая форма формулярного списка для военных чиновников была введена в мае 1831 г. Список предусматривал 18 граф и содержал сведения, необходимые для представления к знаку отличия беспорочной службы. При этом, по правилам, в формуляре не могло быть исправлений и «подчисток».

Таким образом, основной документ о службе – формулярный список, составляемый с разной степенью детализации для чинов военного, морского и гражданского ведомств, имел устойчивый формуляр и был востребован для управления кадрами государственного аппарата. В законодательном регулировании составления этого документа на рубеже XVIII – начала XIX в. наблюдается устойчивая тенденция к «оглашению» всех обстоятельств служебной и бытовой жизни отечественного чиновничества. Кроме того, еще в 1826 г. поощрения и наказания гражданских чиновников стали объявляться публично в печати¹⁷.

В 1832 г. в Своде законов Российской империи был окончательно сформирован состав документов для поступления на государственную службу для разных сословий.

Особое внимание уделялось подтверждению принадлежности к тому или иному сословию, о чем должны были представляться соответствующие документы. Необходимо было подтверждение законного рождения и крещения на основании метрик.

В Уставе о службе по определению от правительства было указано три служебных акта – послужные списки, патенты на чины и аттестаты о службе.

После публикации Свода законов Российской империи документирование прохождения государственной службы получило

дальнейшее развитие. Вводилось требование (1835 г.) обозначения в формулярных списках вероисповедания чиновника, его жены и детей¹⁸. Устанавливался запрет (1836 г.) на внесение в формулярные списки военных сведений о ранах и увечьях, полученных не в боевых действиях. Необходимо было для чиновников, носящих иностранные фамилии, указывать, что они являются российскими подданными (1838, 1839 гг.)¹⁹.

С 1846 г. все изменения в порядке оформления гражданских чинов стали утверждаться «высочайшими приказами». Был утвержден «Краткий список о службе гражданских чиновников, представляемых к производству в следующие чины за выслугу лет»²⁰. С 1847 г. неточное указание недвижимого имущества у чиновника (фабрик, заводов, земель, строений) начинает приравниваться к представлению «фальшивого документа»²¹.

В 1849–1851 гг. комплекс документов о прохождении военной службы пополняется Наградным списком и Конduitным списком (о нравственных качествах).

В наградном списке указывалась причина награждения и вид «испрашиваемой» награды. Конduitный список характеризовал человека по следующим показателям: «усерден ли по службе; каких способностей ума; каков в нравственности; каков в хозяйстве; каков по фронту»²².

Кроме того, предусматривалось предоставление каждые пять лет в вышестоящие командование полного послужного списка.

Указом от 16 июля 1849 г. вводились новые формы послужных списков для военнoслужащих и для гражданских лиц, подробно отражавшие социальные, бытовые, финансовые, имущественные и служебные характеристики жизни чиновника²³.

Вторая половина XIX в. – время социально-экономических и политических перемен в стране. Происходит децентрализация чиновнопроизводства²⁴, изменяются сроки выслуги для производства в чины²⁵, увеличивается круг лиц, имеющих возможность стать государственными служащими²⁶. В это же время вводятся запреты на совмещение государственной службы с членством в политических партиях и движениях²⁷.

В 1861 г. военное ведомство утвердило «Порядок представления, возвращения и хранения документов дворян и вольноопределяющихся, поступающих в военную службу и определяющихся в военно-учебные заведения» с приложением списка необходимых для этого документов, в том числе: подписки о непринадлежности к масонским ложам, свидетельства об отсутствии медицинских противопоказаний по здоровью, документов из полиции о законопослушности²⁸.

В 1864 г. в послужных списках чиновников гражданского ведомства была упразднена аттестация, отменена выдача патентов на чины²⁹.

В 1880-х гг., вследствие правительственной реакции, была установлена более детальная фиксация в послужных списках преступлений и проступков чиновников³⁰.

Все указанные изменения законодательно оформил вышедший в конце XIX в. Свод Уставов о службе гражданской.

В 1904 г. были утверждены формы кратких списков о производстве в чины, о награждении за служебные отличия и за благотворительную деятельность³¹. 31 января 1905 г., согласно «Высочайшему повелению», было добавлено требование указывать в послужных списках дату венчания и дату рождения жены³².

В дальнейшем, вплоть до 1917 г. существенных изменений в документировании прохождения государственной службы не было.

Таким образом, законодательство Российской империи предусматривало комплекс документов о прохождении государственной службы. Отправной точкой стала Табель о рангах 1722 г. Для продвижения по служебной «лестнице» для каждого последующего уровня требовался патент на чин.

Для оценки деятельности чиновника стали составляться аттестаты (характеристики) с места прохождения службы.

Информация о поощрениях и взысканиях фиксировалась в базовом документе – формулярном (послужном) списке, который в полном и сокращенном вариантах сопровождал чиновника на протяжении всей его службы. Для награждений был разработан наградной список. Необходимость отслеживать нравственные качества служащих способствовала появлению кондуитного списка.

Вся эта система документов складывалась на протяжении XVIII в. и функционировала вплоть до 1917 г. Требования к содержанию документов постоянно актуализировались, но базовый формуляр при этом не менялся.

Примечания

¹ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3006, 3265; Т. 6. № 3846.

² Они разделили на 14 последовательных классов все чины военной, гражданской и придворной службы. (Там же. Т. 6. № 3890, № 3969; Т. 7. № 4500)

³ Там же. № 3890, 3997; Т. 7. № 4589.

⁴ ПСЗРИ-1. Т. 19. № 13690, 13991; Т. 20. № 14292, 14353, 14588; Т. 21. № 15529.

⁵ Там же. Т. 25. № 18440.

⁶ Была установлена обязательность сообщения в сенатскую типографию сведений о произведенных в чины для напечатания патентов, установлена платность выдачи патентов, зависимость стоимости от чина.

⁷ Была установлена более четкая, чем ранее, номенклатура назначения на должности.

⁸ ПСЗРИ-1. Т. 32. № 25087, 25403; Т. 33. № 26041; Т. 34. №. 27117; ПСЗРИ-1. Т. 35. № 27421; Т. 38. № 28927; ПСЗРИ-2. Т. 2. № 1313; К 1-й относились потомственные дворянке; ко 2-й – дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дяков; 3-й – дети приказных служителей, не имеющих чинов; к 4-й – не имеющие права на гражданскую службу, но принятые ранее издания данного закона.

⁹ СЗ РИ. Т. 3. Устав о службе по определению от правительства. СПб., 1833. Ст. 16–73, 153–163, 249–380, 521–570, 620, 661–672, 881–892, 1384, 1478–1484

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. 33. № 26239. См также: Т. 34. № 26824; Т. 35. № 27379; ПСЗРИ-2. Т. 1. № 199; Т. 7. № 5118.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 33. № 26041. П. 7.

¹² Там же. Т. 40. № 26197; Т. 34. № 26696, 26862.

¹³ ПСЗРИ-2. Т. 1. № 451, 558.

¹⁴ Смысл этого указа А.В. Елпатьевский усматривает в его связи с восстанием декабристов и последствиями этого восстания для многих офицеров. (*Елпатьевский А.В.* Документирование прохождения государственной службы... С. 169)

¹⁵ ПСЗРИ-2. Т. 2. № 1240 и прил.; № 815, 1534.

¹⁶ Там же. Т. 6. № 4313.

¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. 34. № 26615; Т. 37. № 28532; ПСЗ РИ-2. Т. 1. № 445.

¹⁸ Там же. Т. 10. № 7948.

¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. 11. № 9702; Т. 13. № 11539; Т. 14. № 13019.

²⁰ Там же. Т. 21. № 20401.

²¹ ПСЗРИ-1. Т. 22. № 21221, 21350.

²² Там же. Т. 24. № 22900.

²³ Там же. Т. 24. № 23401.

²⁴ ПСЗРИ-2. Т. 29. № 28430, 28516; Т. 33. № 32667.

²⁵ Новые сроки выслуги для производства в чины по гражданской службе были установлены именным указом от 9 декабря 1856 г.

²⁶ ПСЗРИ-2. Т. 36. № 36657; Т. 37, № 38189; Т. 40, № 42079; Т. 41. № 43308; Т. 42. № 44195

²⁷ ПСЗРИ-2. Т. 26. № 28392; Высочайший указ 5 октября 1906 г. об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных состояний // СУ. 1906. Отд. 1. № 237. Ст. 1700; Устав о службе по определению от правительства .../ Сост. *А.М. Нюренберг.* С. 9, 278, 331.

²⁸ ПСЗРИ-2. Т. 36. № 37623.

²⁹ Указ от 15 ноября 1865 г. установил годичный срок для заявлений о выдаче патента на чины тем лицам, которые ранее внесли деньги на его

изготовление. (ПСЗРИ-2. Т. 39. № 40938; Т. 37. № 38306; № 38968; Т. 40. № 42680).

³⁰ *Елпатьевский А.В.* Документирование прохождения государственной службы ... С. 198–199; ПСЗРИ-3. Т. 3. № 1473. Указанные изменения были внесены в Устав о службе гражданской и в Устав о службе по военному ведомству.

³¹ ПСЗРИ-3. Т. 24. № 23880.

³² Там же. Т. 25. № 25782.

М.А. Приходько
*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина*

Два этапа создания министерской системы в России

Аннотация

Автор доклада разработал научную концепцию, творчески развивающую взгляды Н.П. Ерошкина. В основе концепции лежит выделение двух основных этапов в процессе создания министерской системы управления: этапа проведения министерской реформы в 1802–1811 гг., подразделяющегося в свою очередь на начальный (1802–1810 гг.) и завершающий (1810–1811 гг.), и этапа завершения правового оформления министерской системы управления в 1811–1835 гг.

Выделение этапов реформирования позволяет комплексно рассмотреть и определить основные закономерности общего процесса создания министерской системы управления в России в 1-й трети XIX в.

Ключевые слова: государственная система, государственное управление, министерская система управления, министерская реформа, министерство, коллегия.

Two stages of creating a ministerial system in Russia

Abstract

The author of the report followed the path of N.P. Eroshkin in the study of the Russian Ministerial reform and developed a scientific concept of this process that creatively develops the views of N.P. Eroshkin. This concept is based on the identification of two main stages in the process of creating a Ministerial management system: the stage of Ministerial reform in 1802–1811 (divided in turn into the initial (1802–1810) and final (1810–1811) periods of Ministerial reform) and the stage of completing the legal formalization of the Ministerial management system in 1811–1835.

This 2-stage scientific concept allows us to take a comprehensive look at and highlight the main regularities of the overall process of creating a Ministerial management system in Russia in the 1st third of the XIX century.

Keywords: state system, public administration, ministerial management system, ministerial reform, ministry, board.

Волею судьбы, мне пришлось пройти по пути Н.П. Ерошкина.

В 1998 г. я начал погружение в тему министерской реформы в Российской империи, и в 2020 г. вышла в свет моя монография, посвященная общему процессу создания министерской системы управления¹.

Изучение общего процесса реформы центральных учреждений государственного управления и создания министерской системы управления в России в первой трети XIX в. со всей определенностью позволило нам построить научную концепцию развития этого процесса.

В основе данной концепции лежит выделение двух основных этапов в процессе создания министерской системы управления: этапа проведения министерской реформы в 1802–1811 гг. (подразделяющегося в свою очередь на начальный (1802–1810 гг.) и завершающий (1810–1811 гг.) периоды министерской реформы) и этапа завершения правового оформления министерской системы управления в 1811–1835 гг.

Начало становлению министерской системы управления в России было положено изданием 8 сентября 1802 г. Манифеста «Об учреждении министерств» и Указа Сенату «Об образовании первых трех коллегий в образе производства дел на прежнем основании и о лицах, избранных к

управлению министерствами»². Этими правовыми актами были учреждены первые восемь министерств и назначены первые министры и их заместители.

Законодательные акты 1810–1811 г. (Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 г.; «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. и «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.)³ фактически завершили министерскую реформу в России. Практически все основные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства и главные управления и установлены единые основы министерской системы управления.

После издания «Общего учреждения министерств» от 25 июня 1811 г. начинается следующий этап в создании министерской системы управления, этап завершения ее правового оформления, т.е. распространения «Общего учреждения министерств» на все центральные учреждения государственного управления в виде «Учреждений» или «Образований» каждого конкретного министерства.

Первыми получили свои «Учреждения» Министерство полиции и Министерство финансов⁴. В 1812 г. «Общее учреждение министерств» было распространено на Военное министерство⁵. В 1817 г. «Общее учреждение министерств» распространяется на объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения⁶. В 1820 г. на Главное управление путей сообщения⁷. В 1826 г. на основную часть учреждений придворного управления, в виде образования объединенного Министерства императорского двора и уделов⁸. В 1827 г. на Морское министерство⁹. В 1832 г. на Министерство иностранных дел¹⁰. В 1835 г. с вступлением в законную силу свода законов Российской империи¹¹, содержащего «Образования» Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения¹², Главного управления почт¹³, Главного управления ревизии государственных счетов, Министерства юстиции и «Учреждение Капитула российских императорских и царских орденов»¹⁴, «Общее учреждение министерств» было распространено на эти государственные учреждения.

Таким образом, процесс создания министерской системы управления в России в первой трети XIX в. прошел в своем развитии различные степени правового оформления.

Если к моменту окончания этапа проведения министерской реформы были заложены единые законодательные основы министерской системы управления, закрепленные в «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. и министерская система управления была фактически

создана, то окончание следующего этапа – этапа завершения правового оформления министерской системы, означало распространение этих законодательных основ на каждый элемент системы, завершив, тем самым, создание министерской системы управления де-юре.

Предложенная научная концепция, выделяющая два этапа в становлении министерств, позволяет комплексно взглянуть и выделить основные закономерности общего процесса создания министерской системы управления в России в 1-й трети XIX в.

Данная концепция идет в русле общих выводов Н.П. Ерошкина.

Монография снабжена 66 схемами, отражающими особенности структурной организации центральных государственных учреждений (и близких к ним) в данный временной отрезок. И в этом еще одна переключка с трудами Н.П. Ерошкина.

Примечания

¹ Приходько М.А. Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века: (историко-правовой аспект). М.: Проспект, 2020. 480 с.

² ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 27. № 20406. С. 243–248; № 20409. С. 249–250.

³ Там же. № 24307. С. 278–280; № 24326. С. 323–328; № 24686. С. 686–719.

⁴ Там же. Т. 31. № 24687. С. 719–728; № 24688 С. 728–756.

⁵ Там же. Т. 32. № 24971. С. 23–39.

⁶ Там же. Т. 34. № 27106. С. 814–834.

⁷ Там же. Т. 37. № 28291. С. 245–247.

⁸ ПСЗРИ-2. Т. 1. № 541. С. 896–897.

⁹ Там же. Т. 2. № 1325. С. 702–725.

¹⁰ Там же. Т. 7. № 5286. С. 196–197.

¹¹ То есть 1 января 1835 г.

¹² Уже в качестве самостоятельного центрального государственного учреждения.

¹³ В виде единого и специального «Образования Главного управления почт».

¹⁴ СЗ РИ. 1-е изд. Т. 1. Ч. I. С. 329–373, 390–428, 512–574.

Мемории Государственного совета и формирование императорских решений

Аннотация

Статья раскрывает историю возникновения меморий Государственного совета, их эволюцию, а также показывает значение, которое они имели для верховной власти. Впервые мемории рассматриваются как важный источник получаемых императором сведений как о позиции Государственного совета в отношении того или иного дела, так и об обсуждавшихся им проблемах в целом. Во второй половине XIX в. мемории содержали подробное изложение проекта, отзывы других министерств, передавали суждения (временами с разногласием) членов Государственного совета по тому или иному вопросу. Таким образом, они давали императору возможность вникнуть в тонкости проекта и служили основой для его решений.

Ключевые слова: Государственный совет, мемории, верховная власть, источник информации, экспертное заключение.

N.V. Chernikova
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The memorandums of the State Council and shaping imperial decisions

Abstract

The article explains genesis and evolution of the memorandums of the State Council, reveals their considerable significance for supreme power. For the first time memorandums are treated as an important and independent information source for emperors not only on the opinions of the State Council on any affair, but on the issues under consideration in general. In the second half of the 19th century memorandums contain all the details of every draft Legisla-

tion, reviews from other ministers and also statements of differences of opinion among Council members on a particular issue. So, they provided the opportunity for emperors to delve into all the questions and served as the basis for their decisions.

Keywords: State Council, memorandums, supreme power, information source, expert opinion.

Среди документов, освещающих работу Государственного совета Российской империи, особое значение имеют его мемории – краткое изложение журналов его заседаний. При этом в отличие от журналов, каждый из которых был посвящен отдельному делу, мемории включали все дела, рассмотренные на одном заседании. Появление меморий относится к 1816 г. и связано с постоянным отсутствием на заседаниях Общего собрания председателя Совета – императора Александр I, который принимал довольно активное участие в работе этого учреждения только в первые годы его существования, до начала Отечественной войны 1812 г. Затем его появления стали эпизодическими, а времени на подробное знакомство в журналами заседаний правитель империи не имел. Главной задачей меморий было донесение до императора сущности рассмотренных вопросов и аргументации в пользу того или иного решения¹. Мемории излагали совокупное мнение Совета, не выделяя отдельных заявленных точек зрения, и, поскольку для верховной власти они становились основанием принятия решений, закон предписывал при их составлении совмещать краткость с ясным и полным обозрением «всех обстоятельств, подлежащих суждению и решению»².

Первые мемории были не очень обширны. В опубликованном варианте мемория 10 января 1816 г. заняла, например, всего 7 страниц³. Впоследствии их объем значительно увеличился, в том числе и за счет подробного изложения дел, первоначально рассматриваемых департаментами и только потом – Общим собранием. В начале царствования Николая I мемории нередко достигали 100 и более рукописных листов и имели устойчивую тенденцию к росту. В конце концов, император выразил желание «дабы мемории излагаемы были в возможной степени ясности и краткости». И государственный секретарь барон М.А. Корф в конце 1835 г. с гордостью докладывал, что он сумел добиться того, что «вместо прежних 150 листов и более, в 1835 г. самая большая мемория не превзошла 63-х; средний же размер меморий,

простиравшийся в 1834 году до 42-х, в 1835 г., при значительнейшем числе вносимых в оные дел, составлял около 24-х листов»⁴.

Во второй половине XIX века ситуация была уже далеко не столь радужной. По существовавшим к этому времени правилам Совета журнал заседаний переносился («прописывался») в меморию целиком⁵. Кроме того, в 1880-е гг. мемории были расширены за счет включения в них преамбулы, заимствованной из сопровождавшей законопроект министерской записки и излагавшей предысторию вопроса (до этого изложение дела в мемориях начиналось сразу с перечисления предположений министра, после чего следовало изложение принятых Советом решений⁶). Соответственно, в конце века объем меморий значительно вырос, хотя и не был постоянным. В осенние месяцы при очень коротких заседаниях, заполненных «пустыми» делами, мемории составляли 40–50 страниц, зимой их объем стремительно нарастал, достигая 100 и более страниц, с конца марта и до конца сессии (в конце мая – начале июня) устойчиво держался на 250–350 страницах, а в отдельных случаях, как, например, в 1884 г. при обсуждении университетского устава – превышал 400 страниц⁷. Среди абсолютных рекорсменов можно назвать меморию заседания Общего собрания 18 мая 1887 г., занявшую 666 страниц⁸ или громадную меморию в 1500 страниц, утвержденную императором 12 июня 1886 г. и включавшую Положение о найме на сельские работы и ряд других крупных вопросов⁹.

Однако в это время вопрос о кардинальном сокращении меморий уже не стоял, хотя Александр III и признавал, что «мемории бывают иногда очень объемисты, несмотря на то, что не содержат в себе особенно существенных дел»¹⁰. Для облегчения «многообъемистого напрасного чтения»¹¹ императором был избран другой путь. Он согласился на предложение государственного секретаря Е.А. Перетца представлять ему вместе с мемориями краткие резюме (изложения сути каждого дела). Такие «извлечения» писались на небольших листах и занимали, от 4–6 до 12 и даже 16 страниц, – в зависимости от видения задачи составителем и от его почерка. Изложение одного дела, в мемории занимавшего около 10 страниц, здесь могло уместиться на половине странички. Более сложные законопроекты, объем которых в мемории достигал 60–70 страниц, занимали в изложении страницу; двух страничек требовало изложение сути дел, в мемории располагавшихся на 100 и более страницах¹².

Эти своеобразные дайджесты составлялись государственным секретарем (или заменявшим его лицом), носили полуофициальный характер и давали монарху возможность больше внимания уделять действительно важным вопросам. В случае несложных дел император даже позволял себе не читать, а лишь местами перелистывать меморию¹³.

И у нас нет никаких оснований придавать этому чисто делопроизводственному приему политическое значение. Тем более что в принципиальных случаях император знакомился с меморией самым подробным образом.

Дело в том, что во второй половине века значение меморий уже не ограничивалось рамками информирования императора о позиции Совета по тому или иному вопросу. В условиях характерного на высших административных ступенях дефицита информации о происходящем в стране, мемории частично восполняли эту лауну. Они раскрывали суть существовавшей проблемы, ход обсуждения дела и высказанные членами Совета замечания. Из них император получал наиболее полную и структурированную информацию по каждому проекту, независимую от ведомственной точки зрения, а нередко и корректирующую ее. Кроме того, с течением времени, по мере усложнения управления в целом, мемории стали играть роль своеобразного экспертного заключения по сложным экономическим, финансовым, административным и юридическим проблемам.

Особенную ценность имели те мемории, которые включали изложение произошедших в Совете разногласий и представляли собой квинтэссенцию различных мнений, тем более что их составители старались достичь максимальной объективности, чтобы не стеснять решения царя.

Профессор римского права Д.Д. Гримм, вспоминая о дореформенном (т.е. до 1906 г.) Государственном совете, в Канцелярии которого он служил в 1893–1900 гг., писал, что «техника» написания таких меморий «сводилась к тому, чтобы число доводов pro и contra по данному вопросу, независимо от того, были ли они высказаны большинством или меньшинством, было примерно одинаковое; при этом следили за тем, чтобы те и другие доводы были бы изложены в такой форме, чтобы они с внешней стороны производили равносильное впечатление и в этом смысле не связывали бы государя»¹⁴.

Другое дело, что временами эта объективность оставалась не востребована, поскольку император мог уже иметь собственное мнение по обсуждавшемуся вопросу. Однако в других случаях разногласия получали особенное значение. И Александр III как-то раз во время обсуждения в Совете оснований устройства Дворянского земельного банка даже обратился к председателю Совета великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой, «чтобы в Государственном совете выразились по возможности различные взгляды, на основании коих он и примет определенное решение»¹⁵. Просьба была обусловлена отсутствием у императора в тот

момент «окончательно установившегося взгляда»¹⁶, способствовать формированию которого и должны были суждения членов Совета.

Мемории с разногласиями император читал особенно внимательно, независимо от того, насколько излагавшийся в них сложный вопрос уже был ему известен. Так, мемория по рассматривавшемуся в Общем собрании в начале в 1884 г. делу об устройстве элеваторов, была им задержана на целых три дня, тогда как обычно на знакомство с ней и наложение резолюции требовалось не более суток, и вместо понедельника или, по крайней мере, вторника, отослана обратно в четверг, 9 марта. При этом накануне император говорил, что «еще не dokonчил чтение этой обширной мемории», хотя «с делом этим уже давно знаком»¹⁷.

Разногласия в Совете, таким образом, давало возможность монарху более подробно ознакомиться с разными точками зрения. Точно так же относились к нему и в обществе. Разногласиями «разъясняется дело со всех сторон»¹⁸, – писал редактор консервативных «Московских ведомостей» М.Н. Катков. Сходной позиции придерживался и ведущий автор либерального «Вестника Европы» К.К. Арсеньев, указывая на особую важность свободы обсуждения и критики: «ничего не предрешая, она увеличивает лишь количество света, падающего на предмет, и облегчает произнесение решительного слова»¹⁹.

Как инструментом, с целью привлечь внимание монарха, им пользовались и министры. Так, при рассмотрении в Совете в 1884 г. проекта университетского устава Д.А. Толстой, видя, что побеждает мнение противников проекта, принципиально отказывался от любых соглашений, оставаясь на своей точке зрения и возбуждая разногласия²⁰. Сходным образом собирался поступить управляющий Морским министерством И.А. Шестаков при обсуждении в Совете вопроса об уступке 500 верст железной дороги «военным аферистам-инженерам». «Нужно произвести разногласие, чтобы государь очнулся, и я намерен держать речь. Может быть, здесь есть и самолюбие, но я буду прав», – записывал он в дневнике²¹.

Таким образом, мемории Государственного совета отражали весь диапазон мнений по сложным и спорным вопросам, подробную аргументацию сторон и тем самым давали императору возможность в спокойной кабинетной обстановке еще раз взвесить все за и против той или иной резолюции. А поскольку через Государственный совет, как через высшее законосовещательное упреждение, проходило подавляющее большинство законопроектов, то именно мемории ложились в основу основной массы императорских решений.

Примечания

¹ *Раскин Д.И.* Предисловие // Документы Государственного совета Российской империи. Мемории Общего собрания. В 2 т. Т. 1. 1816–1821. М., 2008. С. 7.

² Учреждение Государственного совета. 1842 // ПСЗРИ-2. В 55 т. Т. 17. СПб: Тип. Второго отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1843. № 15518. Ст. 101. С. 292.

³ *Раскин Д.И.* Предисловие. С. 17–23.

⁴ Государственная канцелярия, 1810–1910. СПб.: Государственная типография, 1910. С. 129.

⁵ См.: Письмо А.В. Головнина Д.А. Милютину от 26 декабря 1881 г. (НИОР РГБ. Ф. 169. К. 61. Д. 33. Л. 47).

⁶ См., например: РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 277. Л. 126 об–140 об.

⁷ РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 314, 321, 346, 347, 362–364.

⁸ Там же. Д. 366.

⁹ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. В 2 т. / Под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 440. Запись 12 июня 1886 г.

¹⁰ *Перетц Е.А.* Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 105. Запись 29 октября 1881 г.

¹¹ *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 39. Записи 4 февраля 1883 г.

¹² См.: ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706.

¹³ *Перетц Е.А.* Указ. соч. С. 107, 127. Записи 16 ноября 1881 г., 18 февраля 1882 г.

¹⁴ *Гримм Д.Д.* Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. СПб.: Нестор – История, 2017. С. 207.

¹⁵ *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 304. Запись 27 марта 1885 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 193. Запись 8 марта 1884 г.

¹⁸ Значение Госсовета в системе русского государственного права (№ 123. 5 мая. Б) // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1886 г. М.: издание С.П. Катковой, 1898. С. 239.

¹⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 837.

²⁰ Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову от 23 мая 1884 (НИОР РГБ. Ф. 120. К. 12. Д. 27. Л. 11 об, 14).

²¹ *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882–1888). СПб.: Судостроение, 2014. С. 92. Запись 2 февраля 1883 г.

А.В. Прохорова
Симферопольский экономический лицей

Архивные документы по истории Караимских
благотворительных организаций Таврической губернии
в XIX – начале XX в.

Аннотация

В статье дана характеристика архивных документов караимских благотворительных организаций Таврической губернии в XIX – начале XX в., хранящихся в Государственном архиве Республики Крым. Автором рассмотрены документы по созданию организаций, финансовой отчётности, выявлены основные направления их деятельности. Наиболее информативными источниками об организации караимских благотворительных обществ являются их уставы и проекты уставов, разработанные для последующего утверждения органами власти.

Ключевые слова: Российская империя, Таврическая губерния, караимы, благотворительные общества, уставы.

A.V. Prokhorova
Simferopol Economic Lyceum

Archival documents on the history of Karaite charitable
organizations of the Tauride province (gubernia)
in the 19th – early 20th century

Abstract

The publication analyzes the key issues in the history of the development of document circulation in the Karaite charitable societies of the Taurida province in the 19th – early 20th century. Based on the example of various sources, archival materials related to the history of charitable institutions, the main directions of the activities of these societies were identified, documents on

their creation, as well as on financial reporting, were considered. The most informative documents on the activities of Karaite charitable societies are their charters and draft charters (handwritten or printed), developed for subsequent approval by the authorities.

Keywords: Russian Empire, Taurida province, Karaites, charitable societies, statutes.

Наиболее распространённой формой организации благотворительной и филантропической деятельности в XIX в. становятся официально разрешённые к открытию и зарегистрированные общества. Получив в высших органах власти разрешение на осуществление своей деятельности, «официально дозволенные» общества функционировали под контролем Министерства внутренних дел, которому представляли подробные отчёты о всех действиях, сведения о капитале, доходах и расходах, имуществе обществ, а также о числе лиц, получивших помощь. Обычно учреждавшееся благотворительное общество содержало за свой счёт заведение по призрению нуждающегося населения¹. По мнению Г.Н. Ульяновой, если в первой половине XIX в. инициатива в развитии благотворительности принадлежала элитным слоям общества, то после отмены крепостного права и других реформ 1860–1870-х гг., (и, в частности, земской и городской реформ), был дан толчок проявлению общественной активности, тех кругов, которые имели желание и возможность участвовать в благотворительной деятельности².

Активно развивалась благотворительная работа и в национальных регионах империи, к числу которых относилась и Таврическая губерния. С предоставлением ряда гражданских прав и экономических льгот караимскому населению, проживавшему в Российской империи³, традиционная караимская общинная благотворительность приобрела новые формы. После того, как в марте 1837 г. был утверждён проект «Положения об учреждении Таврического Караимского духовного правления, которому предоставляются самоуправление в караимских общинах» (ТОКДП), вся исходящая и входящая документация фиксировалась в канцелярии ТОКДП. Одним из первых официальных документов, относящихся к истории караимской благотворительности, можно считать рапорт Таврического и Одесского караимского гахама С.С. Бабовича, отправленный им в 1855 г. на имя таврического губернатора графа Н. В. Адлерберга. Гахам внёс предложение об организации среди караимов дополнительного сбора средств в пользу караимских учебных заведений⁴.

Среди материалов Государственного архива Республики Крым (ГАРК) имеются документы, непосредственно относящиеся к истории создания на территории Таврической губернии караимских благотворительных обществ и организаций. Так, например, в деле № 1523 «Отношение Евпаторийской городской думы Таврическому и Одесскому караимскому гахаму о явлении в думу для обсуждения проекта о помощи бедным» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1) собраны документы по проекту учреждения в Евпатории «Общества попечения о бедных караимах» (1869). Устав общества, после необходимых согласований и корректировок, вышестоящие инстанции утвердили 5 сентября 1871 г. Основной задачей общества, созданного по инициативе Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова, стала организация материальной помощи малоимущим и бедным членам караимских общин полуострова, оказание им врачебной и медикаментозной помощи, субсидирование караимских учебных заведений и пр.

Отметим широкое разнообразие материалов, относящихся к процессу создания и функционирования караимских благотворительных учреждений различного уровня и специализации. Среди наиболее значимых документов можно выделить такие, как: протоколы заседаний представителей караимских общин об открытии благотворительных обществ; «общественные приговоры», в результирующих частях которых обосновывалась необходимость создания того или иного общества и формулировался текст ходатайства к представителям власти; непосредственно сами проекты создания благотворительных обществ и организаций; списки членов обществ (действительных и почётных), а также их «соревнователей»; ведомости о внесении денежных сумм на благотворительность, членских взносов; решения губернской администрации и вышестоящих властей относительно открытия того или иного благотворительного учреждения, прочая документация. Обычно на местах уставы создававшихся обществ рассматривали специально созданные для этих целей административные органы. Так, например, в случае с утверждением Устава «Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Евпаторийской гимназии» 21 января 1908 г. документ сначала обсуждался на заседании Таврического губернского по делам об обществах и союзах присутствия, а затем был направлен для утверждения в МВД.

Наиболее информативными документами о деятельности караимских благотворительных организаций являются их уставы и проекты уставов (рукописные или же отпечатанные типографским способом), разработанные для последующего утверждения в органах власти. Как правило, текст устава благотворительного общества состоял из нескольких частей.

Например, Устав Феодосийского караимского благотворительного общества, учреждённого в конце XIX в., включал такие обязательные пункты, как: «1. Цель Общества. 2. Состав Общества. 3. Средства Общества. 4. Управление делами Общества. 5. Правление Общества» (с указанием состава его членов и перечнем их обязанностей). Помимо этого, в Устав была включена информация об общих собраниях благотворительного общества, на которых принимались все важные решения о деятельности организации, рассматривались и утверждались его отчёты, проводилось избрание и исключение членов общества⁵. В заключительной части Устава размещалась информация о правах Общества и об условиях возможного прекращения его деятельности.

Обычно правление караимского благотворительного общества состояло из нескольких человек, права и обязанности которых закреплялись уставом. Так, например, в правление вышеупомянутого Феодосийского благотворительного общества входили казначей и секретарь, а возглавлял его председательствующий, причём обязанности последнего, как следовало из соответствующей статьи Устава, «могли быть исполняемы безразлично лицами обоего пола»⁶. В большинстве обществ должность председательствующего замещал в случае отсутствия его товарищ (заместитель), на которого возлагалось решение всех вопросов.

Благотворительное общество состояло, как правило, из неограниченного числа лиц обоего пола, «всех званий, сословий и вероисповеданий». В уставах также встречается стандартная формулировка, касающаяся тех лиц, которые не могли стать членами общества. Это касалось состоявших на действительной военной службе нижних воинских чинов, юнкеров и тех, кто подвергся ограничению гражданских прав в результате судебного решения. Кроме того, не пользовались правом голоса несовершеннолетние и учащиеся учебных заведений, которые также не могли быть избраны членами благотворительных обществ⁷. В ряде случаев в уставах приводилось пояснение, что «офицеры, посещающие академии, не считаются учащимися»⁸.

Разнообразными были цели и задачи караимских благотворительных организаций. Помимо вышеупомянутых, в Российской империи в конце XIX – начале XX в. действовали такие общества как: «Феодосийское караимское общество вспомоществования бедным при караимской кенасе», «Общество попечительства о недостаточных учащихся казённых учебных заведений г. Евпатории», «Общество вспомоществования учащимся в г. Евпатории недостаточным караимским ученикам и ученицам», «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в караимских училищах г. Евпатории», «Общество пособия нуждающимся караимам» в Симферополе, «Бахчисарайское благотворительное общество», «Куппат-

аниим», Одесское караимское благотворительное общество. Существовали подобные организации также в Санкт-Петербурге, Москве, Николаеве, Харькове, Киеве, Кременчуге, Екатеринославе и других городах.

Примечания

¹ *Шило Е.В.* Формы и особенности дворянской благотворительности на белорусских землях Российской империи в первой половине XIX в. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 9. Минск: БГУ, 2014. С. 101–112.

² *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 383.

³ *Прохоров Д.А.* Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Юридические науки». 2015. № 1. С. 76–88.

⁴ Доклад караимского Гахама об изыскании средств на содержание учебных заведений для детей караимов (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 16. Л. 4об, 5).

⁵ Об утверждении благотворительного общества караимов в г. Феодосии (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 644. Л. 6–12об).

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Материалы по организации общества вспомоществования нуждающимся караимам (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 713. Л. 60об).

⁸ Там же. Л. 19.

Т.Н. Кандаурова

Российский государственный гуманитарный университет

От автономии управления к министерской структуре:
расширение сфер деятельности военно-поселенного
ведомства в первой половине XIX в.

Аннотация

Статья посвящена процессу трансформации системы управления военными поселениями в первой половине XIX в., эволюцию ее структурных составляющих и интеграцию в военную министерскую систему, особенности развития, факторы, способствующие ликвидации автономии управления в 1820-х гг., сферы деятельности Департамента военных поселений в 1830–1850-х гг.

Ключевые слова: Военное министерство, Департамент военных поселений. Главный штаб е.и.в. по военному поселению, Экономический комитет военных поселений, Корпус инженеров военных поселений, граф А.А. Аракчеев.

T.N. Kandaurova

Russian state University for the Humanities

From management autonomy to a ministerial structure:
extension of the spheres of activity of the military settlement
agency in the first half of the XIX century

Abstract

The article presents the process of transformation of the military settlement management system in the first half of the XIX century, the evolution of its structural components and integration into the military Ministerial system, specificities of the development, factors contributing to the liquidation of administrative autonomy in the 1820s, and the areas of activity of the Department of military settlements in the 1830s and 1850s.

Keywords: Military Ministry, Department of military settlements, General staff of the E.I.V. for military settlement, Economic Committee of military settlements, Corps of engineers of military settlements, count A.A. Arakcheev.

Система управления российскими военными поселениями (далее – ВП) складывалась постепенно и изначально на автономной основе, но за время их развития претерпела ряд существенных трансформаций и была, в конечном счете, интегрирована и скоррелирована с системой министерского управления в 1830-х гг. Процесс формирования управленческих военно-поселенных структур также имел ряд особенностей. Их оформление проходило по траектории – от низовых структур к центральным органам управления (1810/1816 – 1821 гг.) или от периферии к центру¹ – и далее от автономной системы управления до министерской структуры (1826–1835 гг.). Развитие системы управления ВП шло «вслед за развитием самой поселенной системы»², и она складывалась постепенно в многоуровневую структуру, как и другие военные управленческие органы. Изначально, с середины 1810-х гг., оформлялись ротные и эскадронные комитеты при командирах поселенных рот и эскадронов³, и при командирах полков формировались комитеты полкового управления. Все комитеты на местах «создавались сразу по прибытии поселенных батальонов к местам поселения, а в кавалерии после отвода определенных территорий в состав ВП»⁴.

Для системы управления военными поселениями было также характерно сочетание части *военного* управления, что связано с боевой подготовкой войск и их квартирным размещением, кадровым обеспечением, и части *хозяйственного* управления, так как в поселенных округах развивалась масштабная хозяйственная инфраструктура – аграрное производство, торговля, промышленность, строительство, мелиорация, лесоводство. Вопросами управления поселенных войск в регионах занимались также штабы поселяемых батальонов в пехоте⁵ и командиры поселяемых дивизий и дивизионные штабы, командующий Отрядом поселенных войск в Новгородской губернии генерал-майор Б.Я. Княжнин⁶ и командующий Отрядом поселенных войск в Витебской и Могилевской губерниях генерал-лейтенант А.И. Цвилнев (1818 г.). В 1818 г. все поселенные войска уже составляли Корпус поселенных войск во главе с Главным над ВП начальником генералом графом А.А. Аракчеевым⁷. По мере расширения масштабов строительных работ в ВП пехоты формировались специальные учреждения по их руководству. В 1817 г. был создан Комитет о строениях в округе поселенного гренадерского графа Аракчеева полка в составе: инженер-генерал-майора

Ф.А. Бухмейера (председатель), генерал-майора Б.Я. Княжнина (командир полка), майора Ф.К. фон Фрикена (командир поселенного батальона) и архитектора Л. Руско⁸. На следующий год была учреждена должность Директора работ, им стал военный инженер генерал-майор Л.Л. Карбоньер. Директору полагался штат чиновников и инженерных офицеров⁹. Тогда же, летом 1818 г. начал функционировать Экономический комитет (ЭК) ВП в составе присутствия и канцелярии¹⁰ (председатель генерал-майор Ф.А. Бухмейер). Комитет подчинялся непосредственно графу Аракчееву, был независим от «других учреждений и лиц». Потребности и масштабы хозяйственного развития поселенных округов начальном этапе определяли первостепенное формирование органов управления именно данной сферой развития ВП. Только в 1819 г. в системе управления ВП была введена должность начальника штаба (флигель-адъютант П.А. Клейнмихель) для оперативного управления войсками поселений. В 1821 г. было высочайше утверждено образование Штаба поселенной дивизии¹¹. Начали формироваться и Штабы региональных военных поселений¹². Структура управления военными поселениями на региональных уровнях в основном была сформирована. По мнению К.М. Ячменихина, «уже образованием ЭК была заложена своеобразная автономия ВП, при которой ни Главный штаб е.и.в., ни Военное министерство не имели права вмешиваться в их управление»¹³. Автономия системы управления военными поселениями была закреплена в 1821 г., когда были учреждены новые головные учреждения данной структуры – Штаб отдельного Корпуса ВП и Совет Главного над ВП начальника.

Главные органы управления всеми поселенными частями пехоты и кавалерии оформились уже в начале 1820-х гг., по мере роста и развертывания новых поселенных структур, интеграции всех региональных отрядов в единую системно-структурную организацию, накопления управленческого опыта на полковом, дивизионном и региональном уровне и в структурах Главного над военными поселениями начальника. На это понадобилось более пяти лет. По мнению графа А.А. Аракчеева, которому было поручено дело организации военных поселений, необходимо было его ближайшему окружению или команде наработать определенный опыт, так как создание военно-поселенной системы было делом новым, обширным и многосложным¹⁴. Вопросами организации и развития ВП при Аракчееве занимались канцелярия Военного департамента Государст-венного совета¹⁵ и Собственная е.и.в. канцелярия, здесь разрабатывалось законодательство по ВП. Личные адъютанты Аракчеева также занимались вопросами поселения войск, они координировали «действия по управлению военными поселениями в

первые годы их существования, вплоть до образования штаба отдельного Корпуса ВП»¹⁶. При этом система управления военно-поселенной организацией, как и сам новый военно-хозяйственный институт, была полностью автономной, что обусловлено было тем, что она состояла непосредственно в ведении графа Аракчеева, который был обличен особым доверием императора Александра I и имел широкие полномочия, а сама организация была закрытой для общества, и даже для армейского руководства и армейского сообщества.

Положение о Штабе отдельного корпуса ВП было подтверждено в марте в 1821 г.,¹⁷ и он учреждался непосредственно при Главном над ВП начальнике графе Аракчееве. Возглавил Штаб ранее назначенный на должность начальника штаба П.А. Клейнмихель. Три части – квартирмейстерская, экономическая (2 отделения) и дежурство (2 отделения) составили Штаб корпуса, при Штабе также существовала типография и архив. По необходимости собиралось общее присутствие Штаба в составе обер-квартирмейстера корпуса, дежурного штаб-офицера, директора работ и начальников отделений. При этом ЭК поселений оставался самостоятельной управленческой структурой с ранее определенными функциями и полномочиями. Но Штаб корпуса ВП уже концентрировал в себе управление всеми частями поселенных войск – хозяйственной и военной¹⁸, включая разработку законодательных материалов. Параллельно со Штабом Корпуса был сформирован и работал Совет Главного над ВП начальника¹⁹. В его компетенции находились более сложные вопросы развития военно-поселенной системы (проекты нового законодательства, изменения в законодательные акты, вопросы земельной собственности ВП, объемные закупки по строительству и др.). Состав Совета включал: начальника штаба, он же являлся председателем Совета, председатель Экономического комитета и директор работ. На заседания приглашались дивизионные и отрядные начальники ВП. Позднее в Совете присутствовали и «непременные члены» – генерал-майоры Ф.А. Бухмейер, А.К. Сиверс, А.Я. Фабр и подполковник Г.С. Батеньков. Совет Главного над ВП начальника стал головной инстанцией в управленческой структуре ВП. С созданием Штаба и Совета Главного начальника было завершено в основе своей формирование вертикали управления военными поселениями, которая строилась по восходящей, по принципу от нижних уровней до верхних управленческих структур.

Вторая половина 1820-х гг. стала временем трансформации управления военными поселениями. Еще в 1824 г. произошло расширение управленческих структур ВП. Под управление ведомства Аракчеева были переведены все кантонисты русской армии²⁰. И тогда же началось формирование округов поселения 2-й и 3-й гренадерских дивизий. Для

обустройства округов был сформирован Старорусский ЭК (председатель полковник Акерман) – «своего рода филиал ЭК»²¹, которому была подчинена Новгородская Межевая комиссия. В 1823–1829 гг. поселенные дивизии были сведены в корпуса, из них формировались резервные корпуса и в 1826 г. были образованы корпусные штабы ВП, что расширяло масштабы регионального управления ВП. После ухода Аракчеева в вынужденную отставку весной 1826 г. началась ликвидация автономии управления ВП. Император Николай I с середины 1820-х гг. пошел по пути реформирования ВП, не пожелал оставлять автономное управление для военно-поселенной системы, действуя в русле политики централизации государственного управления²², в том числе и в военной сфере. В начале 1830-х гг. была начата реформа военного управления²³, инициированная графом А.И. Чернышевым, управлявшим Главным Штабом, итогом которой стала полная централизация в системе управления в 1836 г.²⁴ Процессом реформирования руководил лично сам император Николай I.

Военно-поселенное управление (Штаб ВП и ЭК) постепенно переходило в ведение Главного штаба е.и.в. (начальник генерал И.И. Дибич)²⁵. Теперь Штаб отдельного корпуса ВП назывался Главным штаб е. и. в. по военному поселению. В 1827–1831 гг. Штаб е.и.в. по ВП претерпел ряд изменений в структурной части. Квартирмейстерская часть стала частью Генерального штаба, образован Аудиториат²⁶; учрежден при Штабе корпус инженеров ВП, батальоны военных кантонистов подчинены Штабу; сам Штаб разделен на две части – управление действующими частями в Польше в 1830–1831 гг. и поселенными в округах; восстановлен Совет управляющего Главным штабом е.и.в. по ВП²⁷. Сфера деятельности и компетенция Штаба за это время были расширены. При этом автономия военно-поселенного управления была ликвидирована, оно было интегрировано в управление общегармейское.

В рамках реорганизации высшего военного управления в 1832 г. Главный штаб е.и.в. по ВП и ЭК вошли в состав Военного министерства, образовав Временный Департамент по военным поселениям²⁸, возглавляемый генерал-лейтенантом Клейнмихелем. В 1835 г. Временный Департамент стал постоянным Департаментом Министерства и функционировал теперь как одна из министерских структур²⁹. В его состав входили отделения: хозяйственное, иррегулярных войск, военно-учебных заведений, счетное, «искусственное» и исполнительное. В ведении Департамента, помимо военных поселений и округов пахотных солдат (бывшие ВП пехоты), теперь состояли: все иррегулярные войска, военные учебные заведения; устройство постоянных помещений для полковых штабов войск, губернских кадетских корпусов и батальонов военных кантонистов; воинские здания и сооружения, включая госпитальные,

находившиеся вне крепостей, «в отношении ремонтного их содержания и нового устройства», расходы по отоплению и освещению части зданий из ведения Инженерного Департамента, и довольствие высшего и среднего офицерства квартирными деньгами по особому назначению. При Департаменте был и Корпус инженеров ВП «для действий по строительной части»³⁰ и военно-рабочие батальоны и роты ведомства ВП. Военные здания, состоявшие в ведении Инженерного, Артиллерийского, Провиантского и Коммисариатского департаментов, переходили в подчинение Департамента ВП³¹.

Многолетний опыт сочетания управления по части военной и хозяйственной прежних высших руководящих звеньев ВП, включая масштабное строительство и экономику, позволял расширить сферы деятельности и компетенции Департамента, передать ему часть функций других структур военного управления. Общее присутствие Департамента координировало деятельность двух основных департаментских частей. В 1838 г. в департаментское управление поступила из ведения МВД С.-Петербургская медико-хирургическая академия, по специальному назначению снабжавшая армию и флот медицинскими кадрами³².

В 1843 г. Департамент был реорганизован, получал «устройство по примеру прочих хозяйственных Департаментов Военного министерства». Сфера его деятельности была еще раз расширена, в частности, по части инженерно-строительной и управления военными городами ВП. В его ведение дополнительно переходили обязанности по устройству «постоянных помещений для штабов войск и военно-учебных заведений» и иных зданий с их последующим содержанием (отопление и освещение), гидротехнические работы по военному ведомству³³. Корпус инженеров ВП теперь включал не пять, а семь округов, которые «заведывали воинскими строениями» в губерниях. Правда, часть воинских зданий в Пермской, Казанской и трех поволжских губерниях переподчинялись местным губернским строительным комиссиям ведомства Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Строения в Архангельске переходили в ведение Инженерного департамента Военного министерства³⁴. Таким образом, в этой части управление вновь было дезинтегрировано по трем разным структурам. При Департаменте также состоял Инспектор батальонов военных кантонистов³⁵. Отмечался и рост кадрового состава Департамента, он увеличивался более чем на одну треть³⁶.

Военно-поселенное управление в 1810–1850-х гг. имело ряд особенностей. Новизна и целеполагание самого военно-хозяйственного института обусловила как особенности формирования его системы управления – поэтапность оформления и развития, центростремительные

тенденции, периодические трансформации, наличие двух управленческих частей – военной и хозяйственной, так и автономию ее в первый период развития (1810–1826 г.). Вторым фактором, обеспечивавшим его автономность, был фактор личностного порядка – особое положение графа Аракчеева при императоре Александре I и безграничное доверие с его стороны в части развития военных поселений. С вступлением Николая I на престол изменился и подход к развитию управленческих структур и системы управления в целом, все было подчинено централизации, интеграции отдельных частей в единое целое, в том числе и в части военного управления, в рамках министерства, подчинение всех структур военному министру. Военно-поселенное управление утратило автономию и вошло в состав министерства, но с дополнительными сферами деятельности и новыми компетенциями в части хозяйственной и с дальнейшей структуризацией, иерархизацией и бюрократизацией.

Примечания

¹ *Кандаурова Т.Н.* Военная бюрократия XIX века: региональные военно-поселенные структуры и служащие // *Dzieje biurokracji*. Том IX. 2019. Pod redakcją Artura Górnika, Julii Kukariny i Jacka Legiecia. Lublin, 2019. С. 170–171.

² *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 100.

³ Проект Учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 1. Спб., 1817. С. 1–3.

⁴ *Ячменихин К.М.* Армия и реформы... С. 101.

⁵ Приказ по поселенным баталионам I-й Гренадерской и II-й пехотной дивизии. 18.07.1818 г. № 13 // Приказы Главного над военными поселениями начальника генерала графа Аракчеева по корпусу поселенных войск 1818 года. Спб., 1819 г.

⁶ Приказ по отряду поселенных в Новгородской губернии войск. 20.08.1818 г. № 17 // Приказы Главного над военными поселениями... 1818 г.

⁷ Приказы Главного над военными поселениями... 1818 г.

⁸ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1 Д. 490. Л. 7–12.

⁹ *Ячменихин К.М.* Армия и реформы... С. 104.

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. XXXV. 1818 г. № 27472. Спб., 1830. С. 443–445; Т. XXXXIII. Книга Штатов. Ч. 2. 1813–1821 гг. № 27355. Спб., 1830. С. 94–95; Положение об Экономическом комитете военных поселений. Спб., 1819.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. XXXVII. 1820–1821 г. № 28770. Спб., 1830. С. 867 – 871; Т. XXXXIII. Книга Штатов. Ч. 2. 1813–1821 гг. г. № 28800. Спб., 1830. С. 191–192.

¹² Там же. № 2880. С. 905–906.

- ¹³ Ячменихин К.М. Армия и реформы... С. 105.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 88. Л. 232 об.
- ¹⁵ Двухсотлетие Военного министерства. 1802–2002 гг. Очерки истории Военного министерства. М., 2003. С. 71–76.
- ¹⁶ Ячменихин К.М. Армия и реформы... С. 103–104.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 88. Л. 232–277.
- ¹⁸ Ячменихин К.М. Армия и реформы... С. 107.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 88. Л. 279–283.
- ²⁰ Ячменихин К.М. Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского университета. Сер. 8: «История». 2000. № 1. С. 62.
- ²¹ Ячменихин К.М. Армия и реформы... С. 109.
- ²² Андреева Т.В. Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 48.
- ²³ Чеботарев А.В. Военное министерство России в первой половине XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 15; Двухсотлетие Военного министерства ... С. 80–81.
- ²⁴ Добровольский А. Основы организации центрального военного управления в России и в важнейших Западно-Европейских Западно-Европейских государствах. Спб., 1901. С. 175–180.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 409. Л. 630–644об.; ПСЗРИ-2. Т. I. 1825–1826 гг. № 644. Спб., 1830. С. 1163–1165; Т. III. 1828 г. № 1763. Спб., 1830. С. 78–81; Двухсотлетие Военного министерства ... С. 77.
- ²⁶ ПСЗРИ-2. Т. V. Ч. 2. 1830 г. № 4028. Спб., 1831. С. 208–209.
- ²⁷ Ячменихин К.М. Армия и реформы... С. 112–113.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 5601. Л. 54.
- ²⁹ Положение о преобразовании Департамента военных поселений. Спб., 1835.
- ³⁰ ПСЗРИ-2. Т. X. Ч. 1. 1835 г. № 8233, 8234. Спб., 1836. С. 716–717; 730–732.
- ³¹ Там же. № 8235. С. 732–734.
- ³² Там же. Т. XIII. Ч. 2. 1838 г. № 11781, 11791. Спб., 1839. С. 346, 355.
- ³³ Образование Департамента военных поселений. Спб., 1843. С. 3–4.
- ³⁴ Там же. Указ Военному министру. С. 1–6.
- ³⁵ Там же. С. 41–42.
- ³⁶ Кандаурова Т.Н. Российская военная канцелярия XIX века: по материалам департамента военных поселений // Dziejе biurokracji. Том VII. Pod redakcia T. Wukowej, A. Goraka, J. Legiescia. Lublin, 2018. С. 275; Кандаурова Т.Н. Департамент военных поселений как новая военно-бюрократическая структура первой половины XIX века // Dziejе biurokracji. T.V. część 1. Lublin-Torun-Wloclawek, 2013. С. 331–349.

Л.Г. Рогушина
*Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена*

Государственная власть и общественные
благотворительные учреждения помощи пострадавшим
в войнах в первой половине XIX в.:
механизм взаимодействия¹

Аннотация

Оказание помощи различным категориям населения в ходе наполеоновских войн становится необходимостью. Власть не могла справиться с этой проблемой самостоятельно и частично перекладывала ее решение на общество. С этой целью появляются общественные организации, которые оказывают помощь пострадавшим от войн. Государственная власть различными способами принимает участие в их деятельности. Вырабатывается определенный механизм взаимодействия государства с благотворительными обществами и жесткого контроля над ними. Формируется вид общественно-государственной благотворительности.

Ключевые слова: общественно-государственная благотворительность, государство, помощь жертвам войн, благотворительное общество, комитет, императорская фамилия.

L.G. Rogushina
A.I. Herzen Russian state pedagogical University

State power and public charitable institutions to help victims
of war in the first half of the XIX century:
mechanism of interaction²

Abstract

Assistance to various categories of the population during the Napoleonic wars becomes a necessity. The government could not cope with this problem on its own and partially shifts its solution to society. Public organizations are emerging that aim to help victims of war. The state authorities participate in their activities in various ways. A certain mechanism of interaction between the state and charitable societies and strict control over them is being developed. A type of public-state charity is being formed.

Keywords: Public and state charity, state, assistance to war victims, charitable community, Committee, Imperial family.

История благотворительности в российской историографии освещена достаточно широко и полно. При этом представляется, что отдельные проблемы российской благотворительности и благотворительных учреждений изучены недостаточно. Это касается в первую очередь благотворительных учреждений, специализирующихся на помощи пострадавшим от войн. Выделение отдельных видов благотворительности, специализирующихся на оказании помощи, пострадавшим в военных конфликтах, образование общественных организаций, связанных именно с такой помощью, взаимодействие государства и благотворительных обществ; все эти вопросы требуют подробного исследования.

Со стороны государства были попытки оказания помощи различным категориям военных чинов (офицерскому составу и нижним чинам). Однако появление нового вида благотворительности по отношению к пострадавшим от войн относится к периоду наполеоновских войн, а именно к периоду Отечественной войны 1812 г. Оказание помощи различным категориям населения становится настоятельной необходимостью, и со всей очевидностью эта задача встает перед государством. Однако власть в полной мере не могла справиться с этой проблемой самостоятельно и частично перекладывает ее решение на общество и частных лиц. Инициатива в этом вопросе, как и в целом в деле благотворительности, принадлежит императорской фамилии, которая становится законодателем «моды» на благотворительность. Инициатива императорского дома была подхвачена обществом.

Уже во время войны появляются общественные организации, целью которых стала помощь различным категориям населения, пострадавшим от войны. В ноябре 1812 г. учреждаются две благотворительные организации: «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году» и «Императорское женское патриотическое

общество», деятельность которых была направлена на оказание помощи пострадавшим от военных действий³. Их можно назвать первыми обществами, посвятившими себя оказанию помощи пострадавшим от войн. Обе организации образованы по инициативе императорской власти и являются обществами на «особых основаниях». Но участие в их деятельности государственной власти было различным.

«Сословие» было учреждено с согласия и пожелания императора. В ПСЗ опубликован именной указ Александра I Сенату от 19 ноября 1812 г.⁴ «Сословие» было небольшим и состояло из пяти попечителей, находящихся на придворной и государственной службе⁵. Покровительницей «Сословия» стала Елизавета Алексеевна. В соответствии с Уставом попечители каждый месяц должны представлять отчетную ведомость своему покровителю – Елизавете Алексеевне, но в действительности общество отчитывалось о своей деятельности, особенно о расходовании средств непосредственно перед императором⁶. «Сословие» весь период деятельности было под жестким контролем государства, которое также оказывало обществу всяческое содействие. Так, подача прошений на оказание помощи как от отдельных лиц, так и от всего селения проходила через гражданского губернатора данной губернии⁷. Также сведения о поданных прошениях в соответствии с указом царя должны были поставляться и через министерство полиции. Данные о сборе средств общества печатались в Санкт-Петербургских ведомостях⁸. Наиболее активные гражданские губернаторы по своей инициативе проводили обязательную подписку в пользу «Сословия» и организовывали сбор средств с представителей всех сословий как обязательный (Архангельский губернатор, Томский губернатор и некоторые др.)⁹. В целом размеры пожертвований в «Сословие» были различны и варьировались от одного до десятков тысяч рублей. Но этот один рубль вносили крепостные крестьяне, сельские священники, вдовы чиновников маленького чина с детьми, солдаты; т.е. люди не просто с небольшим достатком, а и вовсе без такового. Чиновники и военные жертвовали часть, а то и целое жалованье. Вносили деньги на помощь пострадавшим представители всех сословий, мужчины и женщины, даже дети; иностранцы, находившиеся на службе в России, иностранные купцы, жители европейских городов. Созданная благотворительная организация в таком виде и с таким составом стала продолжением и подкреплением государственной помощи пострадавшим от войны.

Похожим образом взаимодействовало с государством и Женское патриотическое общество (ЖПО). Оно было создано «на особых основаниях управляемым», т.е. находилось под покровительством императорской фамилии и стало первым женским благотворительным

обществом в стране. «Общество патриотических дам», провозгласило своей целью облегчение участи вдов и вообще лиц, пострадавших от нашествия Наполеона, и образовалось в 1812 г.; о чем свидетельствовала заметка в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹⁰. Первоначально общество предполагало оказывать помощь только вдовам и детям, пострадавшим в ходе войны 1812 г., затем задачей стало призрение всех пострадавших от войн, а затем и благотворительность по отношению к женщинам и детям в целом. Общество находилось под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны, и к концу 1812 г. оно получило название «Санкт-Петербургского Женского Патриотического общества». В начале 1813 г. свет увидел его первый Устав¹¹. Для управления делами ЖПО избирался Совет, полномочия которого составляли три года. На заседаниях Совета каждый член имел право представлять проекты, служащие к улучшению деятельности общества. Предложения вносились в журнал, подписываемый председательницей и действительными членами. Журнал передавался на утверждение не патронессе общества Елизавете Алексеевне, а непосредственно императору¹². Члены Совета избирали из своего состава особу-председательницу, которая должна была представлять общество перед императорской фамилией. Для управления финансовой деятельностью при ЖПО создавалось казначейство, в котором чиновники несли службу безвозмездно, тем самым, освобождая общество от финансовых трат, связанных с выплатой им жалованья. У ЖПО, как у «общества на особых основаниях» была собственная печать и адрес для письменных сообщений, а также льготы для ведения переписки. Главной статьей статей дохода общества являлись пожертвования императорской фамилии. Первоначально сумма, выделенная императором, составила одновременно 50 тыс. руб. Еще 10 тыс. перечислялись ежегодно¹³. Эта сумма вносилась до 1817 г., а затем была урезана до 5 тыс. руб. в год. Ежегодные суммы на Женское патриотическое общество выделяла и Елизавета Алексеевна, его высочайшая покровительница. Она представляла ежегодную сумму для найма дома – 1 тыс. руб., а также ежегодный взнос в размере еще 4 тыс.¹⁴ С 1821 г. вся сумма, передаваемая императрицей в пользу Общества, сократилась до 3 тыс. руб. После смерти Елизаветы Алексеевны сумма, передаваемая императорской фамилией, перестала быть фиксированной. Таким образом в данном случае взаимодействие с властью носило сложившийся, уже отработанный на подобных организациях раньше характер, и в большинстве ограничивалось тщательным контролем за деятельностью общества.

Интересным примером взаимодействия государства и власти стал Комитет 18 августа, который был создан по высочайшему повелению Александра I в годовщину боя под Кульмом 1814 г. для помощи

раненым¹⁵. Он стал первой крупной организацией, созданной императорской властью на основе частной инициативы и имеющей конкретную задачу оказания различных видов помощи раненым и увечным военным чинам и их семьям. Образованию этого комитета предшествовала частная благотворительная деятельность коллежского советника П.П. Помиан-Пезаровиуса. С 1813 г. на средства, получаемые от издания газеты «Русский инвалид», он помогал пострадавшим в войне 1812 г. воинами их семьям. Инициатива была замечена и поддержана императорской фамилией. Целью Комитета стало рассмотрение прошений о помощи и оказание необходимой помощи «недостаточным» офицерам, пострадавшим на войне, а затем и нижним чинам. Первоначально члены Комитета назначались лично императором.

С момента создания Комитет фактически находился в непосредственном подчинении верховной власти. Это официально было закреплено в «Положении Комитета о раненых», высочайше утвержденном 9 февраля 1869 г.¹⁶ Таким образом Комитет был поставлен в один ряд с высшими правительственными учреждениями. Комитет был причислен к министерству внутренних дел на особом положении и не входил в его структуру и не подчинялся ему. Именно Комитет положил начало подотчетности всех благотворительных обществ министерству внутренних дел, что будет сохраняться вплоть до 1917 г. Главным докладчиком по делам Комитета императору стал граф А.А. Аракчеев, который исполнял эти функции до 1826 г., затем его на этом посту сменил генерал-майор П.А. Клейнмихель. С 1842 г. все доклады императору передавались через дежурного Генерала Главного штаба и военного министра. Члены Комитета назначались непосредственно по высочайшему усмотрению. В Комитете достаточно часто происходили изменения, которые касались как структуры, так и содержания деятельности. Все изменения происходили только с участием и согласованием с верховной властью¹⁷. Финансирование Комитета частично происходило за счет государства и императорской фамилии. «Комитет» был причислен к системе государственных органов и подчинялся министерству внутренних дел.

Крымская война привела к продолжению подобной политики по отношению к благотворительным обществам, оказывающим помощь пострадавшим от войн. В ходе Крымской войны создавались Комитеты по оказанию помощи в городах, пострадавших от неприятеля. Это созданный в Одессе Комитет для призрения неимущих жителей. Он стал первым специальным благотворительным учреждением оказывающей помощь мирным жителям, пострадавшим в войне Комитет был создан в начале войны и действовал на протяжении практически всего военного времени, с 1854 г. по 1856 г., но лишь в зимнее время – с ноября по апрель¹⁸.

Одесский Комитет, как и последующие подобные организации, был общественной организацией, деятельность которой по образцу Александровского Комитета полностью направлялась и контролировалась государством.

Такой принцип регулирования со стороны государства деятельности общественных организаций, оказывающих помощь пострадавшим от войн не случаен. В вопросе военной благотворительности политика власти была весьма противоречивой. С одной стороны, из-за масштабов проблемы ее невозможно было решить только силами государства, и власть перекладывала большую часть тягот по ее решению на общественную и частную инициативу, но, с другой стороны, очевидно стремление власти все держать под жесточайшим контролем. Ввиду этого одной из удобных форм стали общества, создаваемые на особых основаниях (прежде всего под покровительством членом императорской фамилии или самого императора). Они представляли некий симбиоз общественных (частных) и государственных усилий и ресурсов. Такие формы общественных организаций, фактически управляемых властными структурами, можно считать государственно-общественными.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00128.

² The article was prepared with the financial support of the RFBR under project No. 19-09-00128.

³ *Розушина Л.Г.* К вопросу об организации помощи пострадавшим от военных действий в царствование Александра I // *Петербургские военно-исторические чтения*. Сб. научн. ст. СПб., 2017. С. 47.

⁴ ПСЗРИ-1. Т. 32. № 25269.

⁵ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5.

⁶ Там же. Л. 3

⁷ Там же. Л. 44–46об.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 5.

⁹ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 48.

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1812. 15 нояб.

¹¹ Учреждение Санкт-Петербургского Женского патриотического общества. СПб., 1813. С. 3–6

¹² Там же. С. 8.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1813. 14 февр.

¹⁴ Там же. 1821. 1 июня.

¹⁵ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. № 25643.

¹⁶ Раздел третий. Александровский Комитет о раненых // СВП. 1869. СПб., 1893. П. 557–579.

¹⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. Александровский Комитет о раненых / Гл. ред. генерал-лейтенант Д.А. Скалон. СПб., 1902. С. 47.

¹⁸ *Смылова Е.А.* Комитет для призрения неимущих жителей г. Одесса (1854–1856) // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. ст. СПб., 2019. С. 101–105.

Д.А. Прохоров
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Формирование органов конфессионального самоуправления мусульман и караимов Таврической губернии в первой половине XIX в.: общее и отличия

Аннотация

В статье рассматривается история создания органов конфессионального самоуправления крымских мусульман и караимов (термин, обозначающий одновременно этническую и конфессиональную принадлежность) после присоединения Крыма к России в 1783 г. Проанализированы проблемы интеграции старожильческих народов полуострова в российское общество. Выяснено, что в рамках российского правового поля были законодательно закреплены различные права и привилегии караимов и крымских мусульман. Выявлены основные тенденции, сопровождавшие интеграционные процессы в среде старожильского населения, проживавшего в регионе.

Ключевые слова: Крым, этносы, конфессии, караимы, мусульмане, органы конфессионального самоуправления, религиозная жизнь.

Formation of confessional self-government bodies of muslims
and karaites in the Tavrida province
in the first half of the 19th century: general and differences

Abstract

The article examines the history of the creation of bodies of confessional self-government of Crimean Muslims and Karaites (this term denotes both ethnic and confessional affiliation) after the annexation of Crimea to Russia in 1783. The problems of integration of the old-time peoples of the peninsula into Russian society analyzed. It was found that within the framework of the Russian legal field, various rights and privileges of the Karaites and Crimean Muslims were legislatively enshrined. The main trends that accompanied the integration processes in the environment of the old-time population living in the region were revealed.

Keywords: Crimea, ethnic groups, confessions, Karaites, Muslims, bodies of confessional self-government, religious life.

Одним из первоочередных мероприятий российских властей после присоединения Крыма к России в 1783 г. стала организация управления новыми территориями, а также определение административного и правового положения представителей местного «инородческого» населения. Манифестом императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. объявлялось о том, что крымские жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи. Одновременно происходил и процесс инкорпорации представителей крымскотатарской родовой аристократии и служилой знати в российское общество. Важной задачей стало определение структуры духовного управления мусульман и функциональных обязанностей его членов.

18 июня 1792 г. правитель Таврической области генерал-майор С.С. Жегулин подал официальное представление в Санкт-Петербург на утверждение в должности муфтия кадиаскера Сеит-Мегмет эфенди. Правитель предложил также упразднить должность кадиаскера¹ и разрешить избрать коллегию, состоявшую из шести «эфендиев» – они под

руководством муфтия должны были «составлять духовную в Тавриде консисторию». 23 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, в соответствии с которым Сеит-Мегмет эфенди вновь утвердили в должности муфтия².

В период с 1794 по 1831 гг. предпринималось несколько попыток (в основном неудачных) законодательно утвердить права Таврического муфтията. 18 февраля 1803 г. сенатор И. В. Лопухин представил доклад по вопросу о существовании и функционировании мусульманского духовного правления, а также дал соответствующие рекомендации. Данный документ (положения которого, кстати, так и не были реализованы) можно считать первым реальным шагом администрации в деле регламентации прав и обязанностей духовного правления и его членов³.

В первых десятилетиях XIX в. Таврический муфтият всё ещё не был открыт. Одной из основных причин этого стало то, что делами Таврической мусульманской общины занимались сразу несколько ведомств: в их числе были Комитет министров, департамент полиции, министерство юстиции. В сентябре 1802 г. учредили Министерство внутренних дел, затем – Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ). В функции данного ведомства входил надзор за делами католического, армяно-григорианского и протестантских вероисповеданий, а также духовные дела мусульман, евреев, караимов и ламаистов.

Наконец, 23 декабря 1831 г. в именном указе Правительствующему Сенату предписывалось: «Признав необходимым дать предназначенному ещё в 1794 г. Таврическому Магометанскому Духовному Правлению надлежащее, твёрдое и полное образование и определить с точностью правила производства Духовных дел Магометан, обитающих в губернии Таврической и некоторых местах Западных Губерний Империи Нашей, Главное Управление Духовных дел Иностранных Исповеданий <...> составило проект Положения о Таврическом Магометанском Духовенстве и порядке отправления подлежащих ведению его дел»⁴. Документом закреплялось Положение о ТМДП, а также был утверждён его штат. Устанавливалось разделение мусульманского духовенства на высшее и приходское. Председателем правления стал Таврический муфтий, а его членами – кадиаскер (формально сохранивший свою титулатуру в структуре ТМДП) и пять уездных кадиев (симферопольский, феодосийский, перекопский, евпаторийский и, до 1839 г. – ногайский, а с 7 апреля 1841 г. – ялтинский). В состав канцелярии ТМДП входили секретарь, переводчик, два столоначальника, «журналист» (архивариус), шесть канцелярских служащих и сторож. 29 ноября 1832 г. на заседании Таврического губернского правления было утверждено решение об

официальном открытии духовного правления. Высшее мусульманское духовенство состояло из Таврического муфтия (который официально являлся духовным главой мусульман Таврической и Западных губерний и председателем ТМДП), кадиаскера и уездных кадиев.

Позднее были приняты Уставы ДДИИ, в которых, на основании «Положения» 1831 г., утверждались права и обязанности мусульманского духовенства и духовного правления (этот документ опубликовали в 1857 г.). Второй Устав появился в 1913 г.: он включал законодательные акты, касавшиеся мусульманского населения Таврической и Западных губерний, функционировавшие и принятые к началу XX в. Законом «О управлении духовных дел магометан» (1913) подтверждалось основное разделение мусульманского духовенства Крыма на высшее и приходское⁵.

После присоединения Крыма к России караимы также принимали активное участие в процессах, связанных с оформлением гражданско-правового статуса, где основной целью стала борьба за признание их общностью, отличающейся от евреев-раввинистов, а основным считался довод о непризнании караимами Талмудического учения (с целью доказать своё особое происхождение и добиться социальных и экономических льгот). После обнародования указа о том, что евреи с 1 июля 1794 г. должны были платить двойной промысловый налог, к правителю Новороссии и Бессарабии графу П.А. Зубову с ходатайством об освобождении от уплаты этого налога обратились крымские караимы – в связи с тем, как указывалось в прошении, что для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно»⁶. В 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация влиятельных членов крымской караимской общины, уполномоченных представлять интересы караимов. Им удалось добиться отмены действия указа в отношении караимов «...как малого племени, остающегося на лице земли».

В заключении, составленном по итогам этого визита и представленном П.А. Зубовым императрице Екатерине II, говорилось о том, что караимы, в отличие о евреев-раввинистов, «живут на местах пребывания своего мирно и постоянно, упражняются в разных рукоделиях трудолюбиво, поведением своим, тишиною и доставляемою пользою всей Тавриде со стороны распространения полезных рукоделий и торговли, заслужили от начальства особливую похвалу и уважение», а также «отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием». 8 июня 1795 г. в соответствии с Высочайшим рескриптом крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя, однако с оговоркой, «чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Рабинов»⁷.

В марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. «Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство»⁸. Проект, составленный неофициальным главой караимской общины Крыма, евпаторийским купцом 1-й гильдии Симхой бен Шломо Бабовичем, фактически повторял основные положения об организации ТМДП; различия состояли только в конфессиональной составляющей и некоторых деталях. Правление первоначально было названо «Крымским и Одесским караимским обществом Таврического губернатора».

В соответствии с «Положением» о караимском духовном правлении, выборы и назначение караимского гахама (духовного главы караимов) осуществлялись на съезде представителей всех караимских общин в Евпатории, путём прямого голосования. Собрание по выборам гахама считалось правомочным, если в нем участвовало не менее половины представителей от общин: от каждой общины по одному человеку (впоследствии этот пункт был изменён, и выборы проводились на основании принципа пропорциональности). Таврический губернатор предоставлял министру внутренних дел сведения о двух кандидатах, набравших наибольшее число голосов; в свою очередь, министр утверждал в должности караимского гахама одного из кандидатов, представляя своё мнение в Правительствующий Сенат. 4 апреля 1839 г. был утверждён указ № 19266 об утверждении в должности Таврического и Одесского караимского гахама Симхи бен Шломо Бабовича⁹.

Возглавлял караимское духовное правление гахам, а членами правления являлись газзаны (должность, аналогичная должности раввина). Последние имели право совещательного голоса, а гахам – решающего. При каждой караимской кенасе состояло по два газзана (старший и младший) и шамаш (староста кенасы), избиравшиеся караимскими общинами. По согласованию с гахамом и по его представлению кандидаты на духовные должности утверждались губернатором, после чего они приносили присягу на верность российскому престолу.

Закон, принятый 8 апреля 1863 г., окончательно закрепил статус караимов в российском правовом поле: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит»¹⁰. С этого момента караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т.п.

Таким образом, создание органов конфессионального самоуправления мусульман и караимов Крыма стало важным шагом в осуществлении интеграционных процессов по отношению к старожильческому населению Крымского полуострова. И хотя Положения об утверждении ТМДП и ТОКДП появились практически одновременно (соответственно, в 1831 и 1837 гг.), тем не менее следует отметить, что верховная власть действовала более оперативно в отношении создания соответствующих институтов, инициированных караимской общиной Крыма. Об этом могут свидетельствовать и законодательные акты начала XIX в., закреплявшие за караимским населением ряд прав и преимуществ. Существенно отличалось «Положение об утверждении ТОКДП» 1837 г. в правовом отношении и от структур самоуправления, созданных в соответствии с «Высочайше утверждённым 13 апреля 1835 года Положением о Евреях», декларировавшим создание кагалов¹¹.

Примечания

¹ Кадияскер – должность верховного судьи по военным и религиозным делам, введённая в Османской империи в середине XIV в. В Крымском ханстве кадияскер входил в состав ханского дивана.

² Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51. С. 213–215.

³ Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009. С. 129.

⁴ ПСЗ РИ. 1830. Т. 6. Отд. 2. С. 337.

⁵ Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009. С. 140–142.

⁶ Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 20, 21.

⁷ ПСЗ РИ. 1849. Т. 23. Отд. 1. С. 705.

⁸ ПСЗ РИ. 1837. Т. 12. Отд. 1. С. 132.

⁹ ПСЗ РИ. 1840. Т. 14. Отд. 1. С. 348, 349.

¹⁰ ПСЗ РИ. 1863. Т. 38. Отд. 1. С. 303.

¹¹ ПСЗ РИ. 1836. Т. 10. Отд. 1. 1835. С. 309–323.

Т.Г. Фруменкова
*Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена*

Императрица Мария Федоровна как
"главноначальствующая над воспитательными домами"
в 1812 г.¹

Аннотация

Работа Собственной канцелярии императрицы Марии Федоровны (1799–1828) мало изучена. На основе исторических источников, главным образом, документов РГИА, часть которых впервые вводится в научный оборот, в статье анализируется состав, структура и основные черты работы канцелярии императрицы в 1812 г. в Петербурге, руководство эвакуацией московских учреждений, началом восстановительных работ в освобожденной от французов Москве.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., императрица, канцелярия, опекунский совет, почетные опекуны, деловая переписка.

T.G. Frumenkova
A. I. Herzen state pedagogical University

Empress Maria Feodorovna
as "chief of the foundling houses" in 1812

Abstract

The work of Empress Maria Feodorovna's own Chancery (1799–1828) has been little studied. Based on historical sources, mainly RGIA documents, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the article analyzes the composition, structure and main features of the work of the Empress and her office in St. Petersburg, a special year for Russia in 1812, and, mainly, the correspondence guide for the evacuation of Moscow institutions, as well as the beginning of restoration work in Moscow, liberated from the French.

Keyword: Patriotic war of 1812, the Empress, Chancery, Board of trustees, the honorary trustees, business correspondence.

Историю ведомства императрицы Марии обычно начинают с 1828 г., с создания IV отделения с.е.и.в. канцелярии, лишь мимоходом упоминая о том, что оно было создано из канцелярии императрицы. Вопросом о том, как работала собственная канцелярия императрицы, почти никто не занимался. В статье предпринята попытка рассмотреть устройство и деятельность канцелярии в 1812 г. 2 мая² 1797 г. вышел указ Павла I о принятии Марией Федоровной «главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах»³. К 1812 г. под ее покровительством, кроме Петербургского воспитательного дома и Смольного института, в столице находились еще 5 учебно-воспитательных учреждений, больница для бедных и вдовый дом; в Москве, помимо воспитательного дома, два женских института, две больницы, два заведения общественного призрения, а также финансовые учреждения воспитательных домов – сохранный казна (банк) и ссудная казна (ломбард) в каждом из городов.

Руководителем собственной канцелярии императрицы был действительный статский советник Г.И. Вилламов. Второе место занимал действительный статский советник И.Ф. Вольф. В 1812 г. появилась должность экспедитора канцелярии, то есть, чиновника, руководившего работой всех помощников. Ее занял наворный советник М.В. Константинов. У него было три помощника из тех, что до 1812 г. занимались заведениями императрицы, трое специализировались на работе с прошениями, еще двое служащих находились «при архиве и журналах»⁴.

Основное деловое общение проходило по линии опекунский совет – императрица. Опекунские советы работали в Петербурге и Москве, руководили почти всеми благотворительными заведениями. Они состояли из почетных опекунов – знатных лиц, хорошо знакомых императрице, выбранных ею на эту должность и работавших без жалования. Это была их почетная придворная должность⁵.

Опекунские советы и отдельные опекуны представляли императрице всеподданнейшие доклады и рапорты, а также письма делового характера с определенным личным оттенком. К ним шли высочайшие повеления или просто письменные ответы императрицы – рескрипты. Подлинные экземпляры высочайше утвержденных докладов, рапортов, резолюций Марии Федоровны, ее рескриптов по Петербургскому совету хранятся в материалах РГИА (Ф. 758. Опекунский совет Ведомства учреждений императрицы Марии. Оп. 1). Последний зарегистрированный номер входящего документа за 1812 г. – 3745 (письма «полуличного характера»

обычно не регистрировались), исходящего – 3150⁶. Выполняя волю императрицы, к почетным опекунам и руководителям учреждений могли обращаться Г.И. Вилламов и И.Ф. Вольф. Последний, как правило, подключался к делам, требовавшим дополнительных расходов.

Переписка Совета и почетных опекунов содержит сведения не только о важных проблемах устройства благотворительных учреждений. Среди тем для докладов, рапортов и писем преобладают частные вопросы жизни совета и его подчиненных. Мария Федоровна вникала во все подробности жизни своих заведений, хотела знать все обо всех служащих и прислуге, о каждом воспитаннике и призреваемом. Без ее согласия нельзя было ни уволить пьяницу-дворника, ни поместить вдову во вдовый дома, ни принять на работу надзирателя или учителя, ни добавить дров в какое-либо заведение, ни выдать большой заем, ни заключить контракт на поставку круп.

28 июня 1812 г. Мария Федоровна сообщила Петербургскому совету, что «по поводу возгоревшейся ныне войны» она учреждает при местной больнице для бедных «отделение для 50 раненых штаб- и обер-офицеров»⁷. Отделение продолжало работать до августа 1816 г. В августе 1812 г., когда опасность вражеского нашествия стала угрожать Москве и Петербургу, императрица сосредоточилась на разработке планов эвакуации своих заведений. Относительно Петербурга эти проекты остались на бумаге, если не считать того, что для предполагаемой эвакуации императрица закупила 15 больших лодок – тихвинок⁸.

Московский проект эвакуации пришлось срочно претворять в жизнь. В военное время принципы работы канцелярии и разновидности деловой переписки несколько изменились.

Во-первых, в канцелярии понимали ценность документов и сохранили их в особых делах (Ф. 759. Оп. 18. Исторические и секретные дела. Д. 60–64. Переписка по мариинским заведениям 1812–1813 гг.). Это отпуски и копии повелений и рескриптов императрицы, писем чиновников канцелярии, подлинники и копии всеподданнейших докладов, рапортов и писем.

Во-вторых, сохранялся отстроченный принцип действия распоряжений. Документы по почте шли от Петербурга до Москвы в среднем дней 6. Во время пребывания Наполеона в Москве связь прервалась (со 2 сентября до середины октября), в октябре она работала нерегулярно, в ноябре – наладилась. Если императрица и ее корреспонденты пользовались эстафетой, письмо могло быть вручено адресату через 4 дня. Проблемы со связью отражались на содержании переписки (нетерпение, иногда почти истерическое состояние императрицы, и неизбежная большая самостоятельность ее подчиненных).

По планам императрицы эвакуация воспитанников должна была иметь сословный характер. По повелению от 9 августа обязательной эвакуации подлежали ученицы Екатерининского и Александровского институтов – девочки дворянского и обер-офицерского происхождения. Об эвакуации безродных питомцев воспитательного дома речи долго не велось, но, как представляется, опекуны и чиновники дома готовились к ней, потому что, получив приказ об эвакуации 26 августа, в день Бородина, смогли вывезти из Москвы 417 человек – 333 старших воспитанника и сопровождавших их лиц – быстро и организованно 31 августа. Мария Федоровна дали и жесткие рекомендации: «Мальчики могут... идти пешком до Владимира или Коломны, а для воспитанниц нужны повозки до того или другого места, откуда оба пола могут следовать далее водою». Ее советы выполнены не были. От Москвы до Казани ребят везли на подводах, сухим путем, «поелику по наступлении холодного осеннего времени на воде здоровье детей... может быть подвержено большой опасности»⁹.

В-третьих, императрица и ее помощники не знали реальной обстановки в Москве. На маршруте эвакуации и августейшая попечительница могла попасть впросак, требуя от своих подчиненных неисполнимого. 31 августа, за два дня до вступления французов в Москву, уже по пути в Казань, А.М. Лунину пришлось оправдываться в том, что он «за отъездом» не смог исполнить ее повеления о приеме в московские больницы раненых воинов¹⁰.

Для вывоза из Москвы 21 августа 136 воспитанниц институтов не удалось раздобыть нужного количества карет и колясок. Александровских девиц предполагалось перевозить на телегах. Екатерининские воспитанницы также не помещались в экипажах, и их по очереди планировалось везти на телегах¹¹. Узнав об этом, императрица вознегодовала. Н.И. Баранов убеждал ее, что члены совета сделали все возможное, но «по мере приближения к столице врагов Отечества,.. московские жители уже в разные места разъехались, и когда настала надобность вывозить институты, то уже с величайшим трудом нашли» ограниченное число карет: «Я не желал везти на телегах дочерей дворянства из столицы,.. но таки дерзаю произнести, что крайность вынуждала со всею поспешностью отправиться в путь и тем сохранить личную девиц безопасность»¹². В январе 1813 г., встревожившись из-за «свирепствующих в Казани горячек и скарлатины», Мария Федоровна потребовала найти «особливый дом» для размещения заболевших воспитанников, не считаясь с тем, что в еще переполненной беженцами Казани это было сделать очень трудно. Н.И. Баранову пришлось обратиться к гражданскому губернатору, который пообещал выделить для этих целей «удобный дом, занимаемый ныне благородным собранием»¹³.

Наконец, в-четвертых, императрица и ее сотрудники, как уже отмечалось, преписывались в первую очередь к опекунскому совету. Эвакуация прервала работу Московского совета. Его председатель А.М. Лунин эвакуировал финансовые учреждения Московского дома, почетный опекун Н.И. Баранов руководил вывозом женских институтов. Еще три опекуна покинули Москву по своим делам. Ответственным за оставшиеся в занятой французами Москве воспитательный дом с младшими воспитанниками, больницы и опустевшие здания был главный надзиратель воспитательного дома И.А. Тутолмин. Питомцы воспитательного дома эвакуировались под началом первого бухгалтера П.Б. Шредера. В сентябре и первой половине октября Марии Федоровне и ее помощникам нужно было адресовать письма двум почетным опекунам и бухгалтеру, что выглядело весьма необычно. Конечно, к бухгалтеру обращался Г.И. Вилламов, о прибытии воспитанников в Казань императрице сообщил Н.И. Баранов. 15 октября опекунский совет в урезанном составе возобновил работу в Казани (его третьим участником стал почетный опекун А.И. Муханов)¹⁴.

До середины ноября 1812 г. необычные формы принимала и переписка императрицы с московскими чиновниками. И.А. Тутолмин и главный лекарь больницы для бедных Х.Ф. Оппель отправляли Марии Федоровне всеподданнейшие донесения, она же подписывала на их имя высочайше повеления. Только смотритель Павловской больницы П.П. Носков адресовал свои донесения Г.И. Вилламову. Ситуация и для августейшей попечительницы, и для ее помощников была не очень удобной. Императрица привыкла доверять опекунам, и по ее требованиям 21 октября в Москву прибыл почетный опекун князь С.М. Голицын, затем А.П. Нечаев. Она направила в Москву и петербургского почетного опекуна А.У. Болотникова¹⁵. Со второй половины ноября императрица возвращается к привычному стилю делового общения – адресует повеления и рескрипты почетным опекунам. С ними у Марии Федоровны сложились личные отношения, прежде всего, с председателем Московского совета А.М. Луниным (отвечал за сохранную и ссудную казну). Императрица называла его «любезный мой старик», могла и с ним и советоваться, и поспорить.

Ровным было отношение августейшей начальницы к почетным опекунам Н.И. Баранову (женские институты и воспитательный дом в казанской эвакуации) и А.У. Болотникову (от него потребовали составления общего обзора московских заведений). А.П. Нечаев вместе с Д. Жилярди составлял сметы и проводил подготовку к ремонту. Ужасным почерком он лично писал императрице полуграмотные, не очень вразумительные письма без единого знака препинания. Наконец,

помощники императрицы мягко попросили А.П. Нечаева пользоваться услугами писарей. Почетный опекун подчинился, но постепенно начал возвращаться к своим посланиям.

Особую роль в Москве играл С.М. Голицын. Императрица доверила ему свое любимое детище – открывшееся 1 декабря временное отделение ссудной казны (ломбарда) для помощи пострадавшим москвичам. В ноябре главный надзиратель воспитательного дома И.А.Тутолмин, не справившись с нагрузкой, заболел, и его обязанности пришлось взять на себя С.М. Голицыну.

Итак, 1812 год был отмечен слаженной, энергичной работой императрицы и ее небольшой канцелярии. Высочайшая покровительница благотворительных заведений – лично и через своих сотрудников – требовала еще более интенсивной работы своих подчиненных, особенно сотрудников московских учреждений.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00128.

² Даты в статье даются по старому стилю (юлианскому календарю).

³ ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17952.

⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ. Ч. 1. СПб., 1812. С. 28–29.

⁵ *Фруменкова Т.Г.* Император Павел I и воспитательные дома // Вестник Герценовского университета. 2009. № 10 (72). С. 55.

⁶ РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 60в. Л. 361, 371.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1435. Л. 171–173об.

⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 320. Л. 17–17об, 33–33об, 41–48.

⁹ Там же. Оп. 18. Д. 60а. Л. 31, 48–49об, 55, 56–66; Д. 60б. Л. 11–11об.; *Шукин П.И.* Бумаги, относящиеся до войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Шукиным. Ч. 8. М., 1904. С. 396–398.

¹⁰ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. Л. 69–70, 73.

¹¹ *Шукин П.И.* Бумаги.... Ч. 8. С. 381–384.

¹² РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. Л. 78, 80–81, 107.

¹³ Там же. Д. 62а. Л. 141об.

¹⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. Л. 261, 273.

¹⁵ Там же. Д. 60а. Л. 314–314об; Д. 60б. Л. 95–97.

Комитет образования флота и его роль в подготовке реформы
Центральной морской администрации
в 1825–1827 гг.

Аннотация

В статье на основании ранее не вводившихся в научный оборот архивных источников содержится анализ деятельности Комитета образования флота 1825 г. в связи с его позицией по вопросу морских административных реформ и деятельностью князя А.С. Меншикова на флоте. Автор приходит к заключению о вероятной оппозиционности Комитета плану преобразований, предложенных императором; показана действительная роль князя Меншикова и близких ему чиновников в разработке ключевых актов нового министерства.

Ключевые слова: комитет, флот, Меншиков, Николай I, реформы, управление.

K.V. Donik
*Institute of History of the Russian
Academy of Sciences in St. Petersburg*

The Committee for the organization of the fleet and its role in
preparing the reform of the Central maritime administration
in 1825–1827

Abstract

On the basis of archival sources, that were not previously introduced into scientific circulation, the article contains an analysis of the activities of the Committee for the organization of the fleet in 1825 in connection with its position on the issue of maritime administrative reforms and the activities of

prince A. S. Menshikov in the fleet. The author comes to the conclusion about the possible opposition of the Committee to the plan of reforms proposed by the emperor; shows the real role of prince Menshikov and officials close to him in the development of key acts of the new ministry.

Keywords: committee, fleet, Menshikov, Nicholas I, reforms, management.

Начало царствования императора Николая I являлось периодом интенсивных преобразований в армии и во флоте. Военные реформы, ставшие основой современной армии¹, неоднократно становились предметом внимания историографии. В отличие от них морские военно-административные преобразования конца 1820-х гг. практически не изучались. Дореволюционная историография административных реформ во флоте отражала официальную репрезентацию преобразований, закрепленную в актах государственной власти. Она заключалась в том, что по прошествии двух недель своего правления, 31 декабря 1825 г. в особом указе на имя морского министра вице-адмирала А.В. Моллера император распорядился собрать Комитет образования флота (КОФ)², который приступил к возрождению российского парусного флота, пребывавшего, как известно³, не в лучшем состоянии. Указ обязывал КОФ заниматься совершенствованием военной и административной частей флота⁴. Комитет должен был разработать реформу управления, которая бы изменила оставшуюся с 1802 г. запутанную и неэффективную коллегиальную систему, именуемую «министерством». Далее спустя полтора года, в августе 1827 г., во флоте появилось «настоящее» министерство: преамбула к положению о нем гласила, что «Предварительное образование Морского министерства» подготовлено КОФ; в марте 1828 г. появился Морской штаб, создание которого завершило первый период административных реформ. С точки зрения фактов и формально-юридического взгляда эта история морских преобразований абсолютно точна. Однако появление именно в это время, в 1826–1828 гг. фигуры генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова при Моллере, согласно указу, «для содействия в занятиях»⁵ и введение его в заседания КОФ в июле 1827 г. заставляют задуматься о более сложных обстоятельствах выработки планов по переустройству морской администрации и роли Комитета.

Проблеме функционирования высших комитетов в аппарате государственной власти посвящена обширная литература. Н.П. Ерошкин определял комитеты как «еще один этаж государственного аппарата» и

одновременно инструмент «для разработки законопроектов и оперативного руководства»⁶. КОФ являлся особенным комитетом. Он стал первым комитетом, учрежденным Николаем I⁷, и возник на легитимной основе указа в качестве совещательного органа флота, в котором самые видные представители морского генералитета и администрации должны были решить краугольные для своего ведомства вопросы. В состав Комитета вошли видные мореплаватели и военачальники: вице-адмиралы Д.Н. Сенявин, С.А. Пустошкин, А.С. Грейг, контр-адмирал П.М. Рожнов, капитан-командоры И.Ф. Крузенштерн, М.И. Ратманов и Ф.Ф. Беллинсгаузен⁸. Председателем Комитета являлся действующий глава флота вице-адмирал А.В. Моллер. К указу прилагалось «Высочайше утвержденное начертание предметов занятия Комитета образования флота», на основании которого позднее И.Ф. Крузенштерном будет разработан конкретный план рассмотрения вопросов в Комитете. Комитет подчинялся императору и был обязан каждое собрание вести «журнал», который просматривался Николаем I, оставлявшим на полях свои резолюции. Далее «журнал» возвращался в КОФ и давал старт тем переменам, которые были одобрены.

«Журналы» КОФ, сохранившиеся в фондах РГАВМФ, служат основным источником по истории работы Комитета. Эти документы несут делопроизводственный характер, «журналы» велись в соответствии с определенным формуляром и скреплялись подписью делопроизводителя Комитета Г.А. Харитоновского. Их тексты, описывающие заседания КОФ, предельно формализованы и не вполне отражают контекст дискуссий в Комитете. Единственная «брешь», позволяющая предположить, что его работа была более напряженной, чем это отражено в «журналах» – это резолюции императора.

Первые заседания КОФ, начавшиеся 9 января 1826 г., были посвящены состоянию Балтийского флота и формированию новых штатов. Дискуссиям по этому вопросу в Комитете было посвящено много времени, и после подготовки штатов Балтийскому и гребному флотам Комитет перешел к обсуждению не менее актуальных вопросов, касающихся службы во флоте. Проблема переустройства центрального аппарата управления флотом с первых дней заседаний КОФ словно приобрела статус «отложенной на потом». На первом заседании Комитет, ознакомившись с действующими положениями об управлении флотом, его центральными и портовыми учреждениями, «признал за нужное для дальнейшего заключения об определительности флота нашего и о местных выгодах, и неудобствах содержания его, и производства кораблестроения по разным верфям иметь подробное описание настоящего состояния портов и верфей»⁹. Этот путь не сулил скорого решения вопроса о

переустройстве администрации, который Николаю I представлялся самым главным.

В 1826 г. КОФ собирался 29 раз, но на самом деле ни одного проекта реформы ведомства так и не появилось. При этом сам Николай I не был безучастным наблюдателем работы КОФ. Преследуя идею рационализации государственного управления (через министерскую систему) и избавления от беспорядков, он являлся деятельным сторонником воплощения еще александровского начинания по созданию во флоте управления, единообразного с Военным ведомством. В июле 1826 г. император представил разработанный им лично (вероятно, при участии И.И. Дибича) проект будущей морской администрации, объединенной под началом Морского штаба и базирующейся на министерской структуре, похожей по функциональному делению на департаменты Военно-сухопутного ведомства¹⁰. Реакция КОФ, судя по «журналу», последовала в виде распоряжения делопроизводителю Харитоновскому «собрать все главные учреждения» Военного ведомства¹¹ и составить «план» Морскому, чего, однако, так и не было сделано. Постоянная отсрочка Комитетом составления проекта управления в итоге вызвала гнев царя. Спустя полгода проблема управления флотом не была решена, а проект императора был фактически проигнорирован. На «журнале» от 20 августа 1826 г., посвященном не столь первостепенному, по мнению Николая I, предмету, встречается его резолюция, ранее не вводившаяся в научный оборот в контексте исследования деятельности КОФ: «Вовсе не касалось до того Комитета и принадлежит нарочно для того устроенному; *между тем, те предметы, коими должно сему Комитету заниматься, давно по времени в него не входят.* Я требую, чтобы держались утвержденного мной плана, и чтобы заседания были чаще...»¹², – написал император. После этого заседания состоялись только 2 раза и вовсе прекратились. Если анализировать историю Комитета 1825 г. в целом, то резолюцию можно рассматривать в качестве завершения первого этапа его работы и взаимоотношений с императором, которому не удалось добиться нужных результатов. Одновременно можно говорить о завершении и первого «комитетского» этапа реформирования. Следующая стадия морских административных реформ началась в ноябре 1826 г., с момента назначения генерал-адъютанта князя Меншикова «в помощь» главе КОФ Моллеру. На самом деле, документы личного фонда князя показывают, что в это время осуществление административных преобразований во флоте было полностью передано в руки Меншикову, а Комитет и действующая администрация (морской министр и его чиновники) были фактически отстранены от проведения реформ.

В поручении Меншикову будущего устройства флота просматривалась идея Николая I о назначении того, кто, с одной стороны, был знатоком аппарата Военного ведомства, положенного за образец, с другой, являлся фигурой, не имевшей служебных и иных личных связей с группами интересов внутри морского сообщества, при этом обладавшей личным доверием монарха. Исследование архива Меншикова приводит к заключению о том, что nepотизм и злоупотребления, поразившие верхние уровни морской администрации, являлись существенным фактором ряда политических решений по флоту в конце 1820-х гг., и действующий министр Моллер играл в этом не последнюю роль¹³. С приходом Меншикова в флот активность Комитета резко снижается¹⁴. В начале января 1827 г., когда Меншиков готовился приступить к осуществлению реформ, Моллер представил свой план преобразования морского управления. В архивах этот документ нами не обнаружен, но какова бы ни была его суть, гневный ответ императора означал отказ от реформ по этому проекту как не совпадавшему с представленным им самим ранее в КОФ¹⁵. Ф.В. Булгарин в одной из своих записок Фоку приписывал проект С.А. Пустошкину, члену КОФ¹⁶. А в личном письме одного из чиновников Меншикова А.А. Жандра имеются данные о том, что после тяжелого ранения князя под Варной в августе 1828 г.¹⁷, чиновники моллеровской администрации, перешедшие уже в новое министерство, «толковали с удовольствием, что может быть, пришло время, когда все будет по-старому...»¹⁸, имея ввиду, вероятно, и удаление от дел князя, ставшего олицетворением всех военных реформ и ревизий.

Для преодоления позиции КОФ по административным вопросам, царь распорядился, чтобы Меншиков *присутствовал* на его заседаниях. Однако произошло это лишь накануне обсуждения в Комитете министерского проекта, 25 июля 1827 г. Назначение Меншикова позволило «институционализировать» его как члена Комитета, именем которого и санкционировалось положение о министерстве.

На самом же деле над будущими учреждениями флота с начала 1827 г. работал именно Меншиков, а не КОФ. Составление проекта дежурства в январе 1827 г. он поручил чиновнику сухопутного дежурства А.И. Ноинскому¹⁹, а министерский проект делал сам с помогавшими ему чиновниками, в числе которых был Н. И. Бахтин, состоявший при князе и служивший до этого в Военном министерстве²⁰. «Предварительное образование Морского министерства», знаменовавшее собой окончательный переход флота к министерской системе, судя по записям дневника Меншикова, князь представлял в черновом варианте Моллеру²¹: таким образом формально соблюдался видимый порядок, не допускавший повода для подозрения морского министра в неблагосклонности и недоверии к

нему царя. «Образование» рассматривалось в Комитете в течение нескольких заседаний в июле – августе 1827 г.; лаконичные записи в «журнале» сообщают, что оно обсуждалось членами КОФ, среди которых уже был Меншиков, и 24 августа 1827 г. было утверждено Николаем I в Петергофе²². Преамбула «Образования» содержала упоминание о Комитете²³, которому в 1825 г. были поручены реформы, что было своего рода легитимацией этого акта и флотским учреждением, и шире – морским сообществом.

Примечания

¹ *Kagan F.W.* The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of Modern Russian Army. N.-Y.: St. Martin's Press, 1999. P. 10.

² Комитет 1825 г. не появился, однако, как нечто совершенно новое в своей идее. В 1802–1803 гг. для тех же целей улучшения состояния флота был создан Комитет с таким же названием, известный своим выводом о «*приоритете сухопутных сил* и ограничении задач, решаемых военным флотом, обороной побережья». История отечественного судостроения. В 5 т.: Т. 1. Парусное деревянное судостроение / В.Д. Доценко, И.В. Богатырев, Г.А. Вахарловский, П.А. Кротов, А.Г. Сацкий. СПб.: Судостроение, 1994. С. 289.

³ См., например: [*Головин В.М.*] О состоянии российской флота в 1824 году. Сочинение мичмана Мореходова. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1861.

⁴ Об учреждении Комитета для образования флота, 31 декабря 1825 // ПСЗ РИ-2. Т. 1. 1825. СПб., 1830. № 26. С. 37.

⁵ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 17. Л. 17. О назначении князя Меншикова для преобразования Морского министерства.

⁶ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. С. 169–170.

⁷ Если не считать Следственный Комитет по делу декабристов, переименованный затем в Комиссию. См.: *Эдельман О.В.* Следствие по делу декабристов. М.: REGNUM, 2010. С. 56.

⁸ Об учреждении Комитета для образования флота. С. 37–38.

⁹ РГАВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 445. Л. 3об. Журналы Комитета образования флота с 1826 по 1828 гг.

¹⁰ Там же. Л. 183–183об.

¹¹ Там же. Л. 184.

¹² Там же. Л. 235.

¹³ *Доник К.В.* Кронштадтское следствие 1827 г. и князь А.С. Меншиков: к вопросу реформирования флота в начале царствования Николая I // Историческая память России и декабристы. 1825–2015. Сб. мат. межд. науч. конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.). Иркутск, 2015. С. 426–435.

¹⁴ В 1826 г. КОФ собирался 29 раз, в 1827 г. – 7, в 1828 г. – 3.

¹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3624. Л. 5–5об. Дело о соображении, представленному государю-императору начальником морского штаба Моллером по предмету преобразования Адмиралтейств-коллегии, 6 января 1827 г.

¹⁶ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 144.

¹⁷ Меншиков был вынужден на длительное время оставить управление, вернув его Моллеру как морскому министру.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2-1. Д. 89. Л. 91. Письма А.А. Жандра князю А.С. Меншикову.

¹⁹ Там же. Оп. 7. Д. 134. Л. 86. Дневники А.С. Меншикова.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 101. Л. 1. О наградах следующими чинами надворного советника Андреева и коллежского асессора Бахтина.

²¹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Л. 93об. Дневники князя А.С. Меншикова.

²² Там же. Л. 97.

²³ О предварительном образовании Морского министерства, 24 августа 1827 // ПСЗРИ-2. Т. 2. 1827. № 1325. СПб., 1830. С. 702.

В.В. Ефимова
Петрозаводский государственный университет

Специфика государственного регулирования
торговой деятельности в г. Архангельске
в 1820–1840-е гг.

Аннотация

В самом начале 1820-х гг. царское правительство приняло ряд законодательных мер в целях оживления торговой деятельности в самом северном порте империи. В дореволюционной литературе часто утверждалось, что эти меры были приняты исключительно в интересах иностранцев. Представленные в статье причины, история и цели введения этих мер, а также их комплексный анализ позволяют опровергнуть данные утверждения.

Ключевые слова: государственное регулирование, торговля, Архангельск, купечество, военный губернатор.

V.V. Efimova
Petrozavodsk State University

The specifics of state regulation of trade activities
in Arkhangelsk in the 1820–1840s

Abstract

In the very beginning of the 1820s the tsar government took a number of legislative measures in order to revive trading activity in the northernmost port of the empire. It was often stated in the prerevolutionary literature that those measures had been taken solely for the benefits of foreigners. The reasons, history and the purposes of the measures presented in this article as well as complex analysis allow to refute these statements.

Keywords: government regulation, trade, Arkhangelsk, merchantry, military governor.

© Ефимова В.В., 2021

Для понимания ситуации, которая заставила Александра I в начале 1820-х гг. пожаловать особые льготы архангельскому городскому обществу, дадим некоторые сведения о состоянии внешней и внутренней торговли в Архангельске на рубеже XVIII–XIX веков. В научной литературе не ставится под сомнение утверждение, что к этому времени иностранное купечество полностью вытеснило российское из внешней торговли Архангельска. Дискуссионным лишь остается вопрос о том, какова была степень его преобладания¹. Впрочем, такое положение было не только в Архангельском порте. С целью исправления этой ситуации в 1807 г. Александр I подписал Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах»². Манифест требовал от иностранцев, кто хотел на одинаковых правах с российскими купцами и дальше вести торговлю с Россией, принять ее подданство. Остальные оставались на праве «иностранных гостей» и не имели возможности пользоваться преимуществами, предоставленными гильдейскому купечеству. Поэтому в 1809–1811 гг. торговавшие в Архангельском порту иностранные купцы Ф. Клефекер, Я. Родде, Ф. Кизель, Х. Брюст, Ф. Кропп и В. Брант стали российскими верноподданными, что дало им право ежегодно заявляться в 1-ю гильдию г. Архангельска³. Случившееся во время континентальной блокады Англии (1807–1812) «оживление» Архангельского порта лишь формально и на очень короткий период привело к преобладанию в 1-й гильдии Архангельска отечественного по происхождению купечества (например, в 1808 г. их было 5 человек из 7; в 1810 г. – 6 из 11). Самым состоятельным из них являлся коммерческий советник В.А. Попов. Но численный перевес все равно не привел к преобладанию российского купечества во внешней торговле Архангельска даже в этот период. Если взять в основание такой показатель, как общий торговый оборот, то в 1812 г. у фирм, основанных выходцами из-за границы, он составлял, например: у Амбургера – 2 613677 руб., у Бранта и Родде – 1 455647, у Попова – 109236 рублей⁴. Такая разница объяснялась тем, что иностранные по происхождению (но не по подданству!) купцы помимо собственной торговли занимались комиссионной торговлей. В 1819 г. в 1-й гильдии Архангельска состояло всего 6 человек. Из них только один А. Амосов был «природным» купцом, но и он сумел удержаться в этой гильдии лишь до 1825 г.⁵ Все последующее пятилетие в 1-й гильдии Архангельска числились исключительно купцы с иностранными фамилиями.

Однако следует помнить, что внутреннюю торговлю, то есть подвоз товаров к Архангельскому порту и развоз привозимых сюда из-за границы товаров по внутренним губерниям осуществляло исключительно «природное» купечество и крестьянство, и не только архангельское.

Для того, чтобы разобраться в том, насколько правы те из дореволюционных авторов, кто утверждал, что предоставленные в 1819–1821 гг. льготы были на руку лишь иностранному купечеству, следует более детально проанализировать, какие же преимущества были тогда высочайше пожалованы архангельскому городскому обществу. Основной пакет предложений был представлен военным губернатором А.Ф. Клокачевым Александру I во время его пребывания 28–31 июля 1819 г. в Архангельске⁶ и в конце 1819 – марте 1820 г. во время приезда Клокачева в Петербург⁷. Кем конкретно разрабатывался этот пакет, нам пока установить не удалось. Однако об активном участии в этом деле иностранных по происхождению купцов косвенно свидетельствуют следующие факты. В одном их писем к своему брату Егор Классен (J. G. Classen)⁸ сообщил, что, в ночь на 29 июля с ним в течение около четверти часа царь говорил по-французски, а 30 июля он присутствовал на обеде, к которому был позван из всей архангельской администрации лишь один военный губернатор⁹. 19 января 1820 г. Клокачев, представляя Александру I о необходимости дарования городу дополнительных выгод, приложил к своему рапорту уже упоминавшуюся нами выше записку, которую подписали Егор Классен, Абрам Русатье, Карл Амбургер, Самойла Беккер, Соломон фон Брин и Франц Шольц, из которых лишь последний официально состоял в том году в 1-й гильдии Архангельска¹⁰.

На версии устранения от обсуждения этих мер «природного» купечества настаивал М.К. Сидоров, приводя в своих работах в виде доказательства случай, произошедший 31 июля 1819 г. Он писал, что когда разнеслась весть о желании императора посетить северный край, то по приглашению В.А. Попова в Архангельск отправились «все остатки русского именитого купечества». Попов пригласил царя отобедать на его корабле и в присутствии прибывших купцов предполагал обсудить «нужды» и меры «спасения всего северного края от гибели», среди которых, в частности, предлагалось ограничение «прав иностранцев внутри империи и в русских портах». Царь обещал посетить корабль Попова на обратном пути после осмотра Архангельского военного адмиралтейства и его кораблей. Но генерал-губернатор А.Ф. Клокачев¹¹, «желая угодить иностранцам, по осмотре адмиралтейства, отвлек внимание Государя от корабля Попова расставленными по берегу противу этого корабля и далее девицами в русских нарядах, которые были собраны из окрестных деревень. Таким образом Государь незаметно доплыл в катере до генерал-губернаторского дома. На вопрос Государя о Попове генерал-губернатор доложил, что и Попов приглашен обедать. За обедом, в отсутствие Попова и всего русского купечества были подняты вопросы только о выгодах иностранцев и получены им разные привилегии...»¹².

С.Ф. Огородников, перенеся этот рассказ в свою работу и возложив всю ответственность за его достоверность на М.К. Сидорова, заметил, что таковая «до сего времени впрочем никем не опровержена»¹³. От себя добавим, что группа «природных» купцов во главе с В.А. Поповым, начиная с 1817 г., пыталось «для пособия и усиления здешнего купечества и мещанства и ремесленников в оборотах торговых и ремесленных», пролоббировать учреждение в г. Архангельске городского общественного банка. Но накануне приезда царя в город в феврале 1819 г. под давлением неких «авторитетных граждан» и, видимо, с молчаливого согласия А.Ф. Клокачева, городское собрание отменило свое прежнее постановление об этом¹⁴.

Что же в итоге было пожаловано государем? Прямо во время посещения Архангельска 31 июля 1819 г. царь подписал именной указ А.Ф. Клокачеву, в котором горожанам разрешалось с одобрения последнего строить вместо каменных домов, положенных по плану, деревянные на каменном фундаменте¹⁵. 30 января 1820 г. архангельское градское общество было навсегда освобождено от воинского постоя¹⁶. Таким образом, данные указы касались всех архангелогородцев.

Уже в Петербурге 7 марта 1820 г. царь подписал серию именных указов:

1. Сенату – о допущении нанимать иностранных матросов на купеческие суда, оправляющиеся из Архангельска «*на счет Российских подданных*» (выделено курсивом мною – В.Е.), в течение 10 лет, в надежде, что за это время архангельское купечество «образует» достаточное число матросов и шкиперов из подданных России¹⁷. Учитывая, что на этот момент из всех «природных» купцов только у одного В.А. Попова оставался собственный корабль, способный совершать заграничные рейсы, который к тому же на момент издания этого указа был арестован по причине банкротства его хозяина, то этот указ действительно облегчал положение иностранного по происхождению архангельского первогильдейского купечества.

2. Министру финансов – о предоставлении на рассмотрение в Контору Главному командиру Архангельского порта чертежей и планов купеческих кораблей и судов, строящихся в Архангельской губернии. В указе пояснялось, что делается это для «облегчения купеческого кораблестроения при Архангельском порте» с целью отвращения «медлительности», происходящей от необходимости предоставлять эти планы в Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. Кроме этого, отпуск лесов на кораблестроение отныне дозволялось «чинить» за футовые деньги местному обер-форшмейстеру, также не требуя разрешения Департамента госимуществ этого же

министерства¹⁸. Учитывая, что в Архангельске и других приморских местах губернии не прекращалось строительство купеческих судов для каботажного и внутреннего плавания купцами 2-й гильдии и торгующими крестьянами, состоявших из «природных» жителей, то следует признать, что этот указ был полезен не только иностранному по происхождению купечеству.

3. Министру финансов – об отмене установленного в 1812 г. сбора пошлин с артельщиков, купечеством употребляемых, «а сверх того при даровании льгот Архангельскому купечеству и мещанскому обществу в продолжении льготных лет не взysкивать пошлин и с сидельцов купеческих из крестьян, в Архангельске находящихся, а дозволяется купечеству иметь их без установленных помянутым указом свидетельств»¹⁹. Как видно, данный указ касался не только всего архангельского общества, но и крестьян.

4. Министру финансов – об уменьшении на половину размера установленной пошлины на ввозимый в Архангельский порт сахарный песок, если он будет переделан на тамошних заводах²⁰. Так как на момент издания этого указа «сахарной» льготой мог воспользоваться в равной степени В. Брандт и А. Амосов, владевшие сахарными заводами²¹, то следует признать, что этот указ распространял свое действие в равной степени как на «природных», так и иностранных по происхождению купцов Архангельска.

Следующий указ от 10 марта 1820 г. в большинстве своих пунктов также касался всего «архангельского градского общества»²². Согласно ему все нынешние и будущие граждане Архангельска освобождались от платежа в казну «всех установленных по гильдиям и по мещанству сборов и податей» на 20 лет²³. Но в этом указе был пункт 3, имевший прямое отношение к иностранцам. Согласно ему «для облегчения» положения иностранцев после их записи в состав архангельского общества они освобождались от участия в выборах на общественные должности в течении двух трехлетий. В проекте указа, представленном Клокачевым, причины необходимости принятия такой меры объяснялись просто – чтобы привлечь иностранцев поселиться в г. Архангельске, но освободить их от несения общественной службы предлагалось только на одно трехлетие. Таким образом, в предложенной Клокачевым редакции действительно можно усмотреть факт его покровительства иностранцам, которое не только одобрило правительство, но пошло еще дальше в развитии этой льготы²⁴.

Особое внимание следует обратить еще на два пункта этого указа. В пункте 5 предписывалось купцов 3-й гильдии принимать в 1-ю и 2-ю гильдии только «по одобрению» купцов этих гильдий, Думы и

Магистрата, а наблюдение за этим поручалось Военному губернатору. В проекте Клокачева необходимость введения этой нормы объяснялось так: 1) «чтоб оградить купцов этих гильдий от тех, кто записался в эти гильдии ради того, чтобы пользоваться их правами и преимуществами», 2) «чтоб не мешали бы таковые люди полезной торговле», учитывая, что купцы 1-й и 2-й гильдий, вступая в казенные подряды «должны действительно исполнять их и не угрожать интересам казны». В п. 7 было зафиксировано, что обанкротившиеся купцы теперь не могли «записываться и быть принимаемы в 1 и 2 гильдии» иначе, как «постепенно вступая по гильдиям, начиная с низшей 3 гильдии и переходя из одной в другую чрез 5 лет». В проекте Клокачева такой порядок мотивировался таким рассуждением: «не может быть, что ежели кто, не скрыв капитала объявляет себя несостоятельным, вдруг бы приобрести мог такой капитал, чтобы можно было записаться в высшую гильдию». Мы абсолютно уверены, что данные пункты появились в этом указе под влиянием громкого банкротства В.А. Попова, который, в связи с этим, не сумел выполнить крупный казенный подряд и на 1819 г. заявился в 3-ю гильдию. Именно не выполнением подряда объясняем мы и «поступок» Клокачева с Поповым во время посещения царем Архангельска. Но формально эти пункты в одинаковой степени касались всего купечества безотносительно их происхождения.

Имел отношение к торговой деятельности и указ от 17 октября 1821 г., ставший следствием представленной А.Ф. Клокачевым императору еще в Архангельске записки «О городских общественных выборах в Архангельске». В ней военный губернатор предлагал из-за малого числа купцов, состоящих в 1-й (3 чел.²⁵) и 2-й (10 чел.²⁶) гильдиях, в целях их защиты от более значительного числа купцов 3-й гильдии (50 чел.) и мещанства (до 1100 душ): 1) избирать первых только «в одни почетнейшие должности, как-то: в городские головы, бургомистры магистрата, в директора к общественному хлебному магазину и в члены Коммерческого банка и Коммерческого суда»; 2) производить выборы из купцов 1-й и 2-й гильдий «одними теми же гильдиями, яко особенно привилегиями пользующимися»; 3) выбирать прослуживших по выбору общества 3 года «через 3, или, по крайней мере, чрез 2 трехлетия». Цель этой записки очевидна: с одной стороны, несколько это возможно, освободить состоятельное купечество для торговой деятельности, а, с другой стороны, сохранить за ними ключевые городские должности, которые, безусловно, гарантировали лицам, их занимающих, дополнительные возможности для развития их бизнеса. В итоге 17 октября 1821 г. для Архангельска был введен особый избирательный закон, согласно которому архангельские купцы 1-й и 2-й гильдий могли выбираться только на должности,

указанные Клокачевым, переждав, впрочем, после окончания службы только одно трехлетие²⁷. Таким образом, мы видим, что и этот указ задевал интересы не только купцов 1-й, но и 2-й гильдии, а в этой гильдии абсолютно преобладало «природное» купечество.

Подведем итоги. В самом начале 1820-х гг. в целях оживления торговли и улучшения благосостояния граждан самого северного порта империи Александр I пожаловал г. Архангельску целый комплекс преимуществ и льгот. К самым существенным из них, касавшимся всех членов городского общества, следует отнести освобождение «навсегда» от воинского постоя и на 20 лет от уплаты в казну сборов по гильдиям и мещанству. Для купечества не только 1-й, но и 2-й гильдии, состоявшей полностью из «природных» купцов, помимо этого было облегчено строительство судов и набор для них команд, а также обеспечено занятие ключевых городских должностей. Строго к иностранцам относилась лишь одна норма – освобождение от участия в городских выборах на 6 лет после приписки к архангельскому обществу. Это означает, что те из дореволюционных авторов, которые утверждали, что пожалованные преимущества были приняты в интересах лишь одного иностранного по происхождению купечества, были не объективны. К тому же следует иметь в виду, что все состоявшее в 1-й гильдии Архангельска купечество, несмотря на абсолютное большинство в ней в 1820-х гг. выходившее из-за рубежа, де-юре состояло из российских подданных. Достигли ли своей цели предоставленные архангельскому городскому обществу льготы и преимущества – дело будущих исследований. Например, В.А. Попов, выйдя в 1841 г. в очередной раз с инициативой учреждения городского банка в Архангельске, обосновывал это тем, что «несмотря на дарование г. Архангельску льгот в 1820 г. за 20 лет коммерция не развилась, а многие убыли в низшие гильдии или мещанство, а главная причина – не хватает наличных капиталов для торговли...»²⁸.

Примечания

¹ *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 257, 266–267, 282; *Яковкина И.И.* Внешняя торговля архангельского порта в начале XIX века (1801–1807 гг.) // Вестник Ленинградского университета. 1961. № 8. С. 59–66; *Миронов Б. Н.* К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII – начале XIX в. // История СССР. 1973. С. 129–140; *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 32, 100–101, 177.

² ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 29. № 22418.

³ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 49. Оп. 1. Д. 1364, 1377, 1394.

⁴ *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска... С. 267.

⁵ ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2217, 2432, 2627; Ф. 49. Оп. 2. Д. 527, 580 (данные взяты нами из книг купеческих объявлений о капиталах за 1-ю половину 1820-х гг.).

⁶ О высочайшем посещении государем императором Александром I г. Архангельска в 1819 г. Архангельск, Б.г. С. 7–9; *Гернет С.М.* Император Александр I в Архангельске // *Известия Русского Севера.* 2012. № 3 (15). С. 25–26.

⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3136. Л. 20–25; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 259.

⁸ Классен был старинным другом Вильгельма Брандта. Последний доверил ему во время своего отъезда из Архангельска в Гамбург в 1816–1820 гг. руководить основанным исключительно для комиссионерских операций новым торговым домом. Классен проживал в городе в доме Брандта, в котором и остановился царь // *Томпсон С.Р.* Российская внешняя торговля... С. 341; *Огородников С.Ф.* Очерк... С. 278.

⁹ Император Александр I в Архангельске. Свидетельство очевидца // *Известия Русского Севера.* 2012. № 5(17). С. 33–36.

¹⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3136. Л. 1–19.

¹¹ Имя генерал-губернатора в тексте не названо, но это был А.Ф. Клокачев, правда, летом 1819 г. он был еще только военным губернатором; генерал-губернатором он назначен указом 17 марта 1820 г.

¹² *Сидоров М.К.* Север России // *Русский вестник.* 1866. Т. 63. № 6. С. 715–716; *Его же.* Север России. СПб., 1870. С. 185.

¹³ *Огородников С.Ф.* История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 282.

¹⁴ Подробности этой истории см.: *Ефимова В.В.* Из истории создания общественного банка в Архангельске в первой половине XIX века // *Актуальные проблемы экономики и права:* Сб. тр. Киров, 2020. С. 130–138.

¹⁵ ПСЗРИ-1. Т. 36. № 27908.

¹⁶ Городские поселения в Российской империи. Т. 1. СПб, 1860. С. 8. Впрочем, подобная мера не нова: так, жители порта Одессы еще в 1802 г. были «навсегда» освобождены от постоя (ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20121).

¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. 37. № 28187.

¹⁸ ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 2137. Л. 9.

¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. 37. № 28188; ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 2137. Л. 9об.

²⁰ ПСЗРИ-1. Т. 37. № 28189.

²¹ ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 498. Л. 31; Д. 527. Л. 51, 163; *Огородников С.Ф.* Очерк... С. 280.

²² ПСЗРИ-1. Т. 37. № 28193.

²³ Подобные прецеденты уже были: так, например, в 1802 г. Одессе была продлена подобная льгота еще на 25 лет; с 1806 г. на столько же лет

получила подобную льготу Феодосия. Имел такую льготу и Таганрог (ПСЗРИ-1. Т. 27. № 20121; Т. 29. № 29938; Т. 40. № 30486).

²⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3136. Л. 20–25.

²⁵ Почему Клокачев указал в этой записке, что в 1-й гильдии состоит только 3 купца, не понятно, т.к. на 1818 г. объявили капитал по 1-й гильдии 7 чел. (В. Брант, Ф. Шольц, Б. Клефекер, Ег. Гернет, Ф. Ольдекоп, В. Попов и А. Амосов); на 1819 г. – 6 человек (В. Брандт, Е. Гернет, Ф. Клефекер, Ф. Шольц, А. Амосов, Ф. Ольдекоп) (ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 481, 498).

²⁶ Почему Клокачев указал, что во 2-й гильдии состоит только 10 человек, также не понятно, т.к. на 1818 г. в нее заявилось 14 чел. (все «природные» по происхождению), а на 1819 г. – 15 чел. (из них только один – Х. Брюст – был иностранцем по происхождению) (ГААО. Ф. 49. Оп. 2. Д. 481, 498).

²⁷ ПСЗРИ-1. Т. 37. № 28786.

²⁸ ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 1. Д. 2947. Л. 1–2.

Особенности функционирования
Государственного совета при Николае I (1825–1855 гг.)

Аннотация

Цель статьи – показать специфику деятельности Государственного совета при Николае I, при котором был принят новый уставной документ этого учреждения. Одной из характерных черт работы Совета в 1825–1855 гг. стал тандем его со Вторым отделением СЕИВК и создание при Совете комитетов и комиссий для мобильного и оперативного решения насущных задач внутренней политики; начало перехода на рациональные формы управления и приход в государственную канцелярию чиновников-профессионалов со специальным образованием. В подобном ракурсе проблема не рассматривалась в историографии: представлен новый взгляд на государственное управление второй четверти XIX в.

Ключевые слова: государственное управление, Государственный совет Российской империи, император Николай I, Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

I.V. Ruzhitskaya
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Features of the functioning of the State Council
under Nicholas I (1825–1855)

Abstract

The purpose of the author of the article is to show the specifics of the activities of the State Council under Nicholas I, under which a new statutory document of this institution was adopted. One of the characteristic features of the work of the Council in 1825–1855. it became a tandem with the Second Branch of SEIVK and the creation of committees and commissions under the Council for the mobile and prompt solution of urgent tasks of internal policy;

the beginning of the transition to rational forms of management and the arrival of professional officials with special education in the state chancellery. In this perspective, the problem was not considered in historiography: a new view of public administration in the second quarter of the 19th century is presented.

Keywords: state administration, State Council of the Russian Empire, the Emperor Nicholas I, the Second section of His Imperial Majesty's own chancellery.

Система государственного управления Российской империи, созданная при Александре I, в основном сложилась в первой четверти XIX века. Совершенствовать эту систему выпало на долю его преемника, Николая I, задачей которого стала оптимизация управления, повышение его эффективности, обеспечение его профессиональными кадрами. На деятельность Государственного совета оказывали влияние существующие в империи практики управления со всеми своими недостатками и достоинствами. Так, отсутствие строгого разграничения полномочий между структурами власти препятствовало разделению функций между ними. Это приводило к тому, что «у самодержавия существовало разделение правительственных функций, но не было классического разделения властей»¹, поскольку «на практике теория “разделения властей” сводилась царскими сановниками к простому упорядочению взаимоотношений между высшими государственными учреждениями»². Иллюстрацией могут служить взаимоотношения Государственного совета с Комитетом министров при Александре I, и со Вторым отделением при Николае I.

Процесс управления был осложнен еще и тем, что для российского менталитета характерно предпочтение существующей, реальной практики «писанному» закону и стремление жить не «по закону», а «по справедливости», когда важным критерием решения вопросов является обращение к обычаю. С подобным отношением к законам, не удивительно, что «помимо юридически закрепленных норм и статусов в функционировании государственных учреждений [Российской империи] существовала масса практических приемов принятия даже самых важных политических решений. Это было своего рода “обычное право”»³. Даже появление в новом «Учреждении Государственного совета» 1842-го г. пункта, запрещавшего решать дела в Совете «по справедливости» не привел к полному отказу от подобной практики.

Еще одним фактором, тормозившим процессы управления, стало преобладание в государственном аппарате, в том числе и в его высшем

эшелоне, людей, ориентированных на патримониальные отношения, для которых при принятии решений, главным является не «общее благо» или законные основания, а личные или групповые интересы. Поэтому и после реформ первой четверти XIX в. сохранялся в целом «традиционный» стиль управления, нередко становившийся препятствием на пути успешного и быстрого решения дел.

Необходимость обеспечения государственного аппарата профессиональными управленцами в связи со становлением новой системы управления понимал уже Александр I, при котором были приняты законы об экзаменах «на чин», открыт Царскосельский лицей и т.д. Николай I продолжил дело старшего брата по созданию новой генерации чиновников, но уже в более широком масштабе. И, если в дореформенный период в высших столичных канцеляриях, преобладали, как правило, люди из выслужившихся писарей, то постепенно, в связи с *профессионализацией* и *бюрократизацией* государственного управления на канцелярские должности стали приглашаться лица с высшим образованием. Первой такой структурой, в которой к середине правления Николая I преобладал «образованный элемент», стала государственная канцелярия, в стенах которой нашли себе пристанище выпускники лицеев и университетов, профессионалы, которых готовили к государственной службе. Их усилиями создавалась «новая бюрократическая реальность». В следующее царствование чиновник-профессионал становился все более заметным явлением в государственном аппарате⁴, шел процесс «интеллектуализации бюрократии, формировании нового служебного этоса, веры в прогресс и законность»⁵.

Для повышения эффективности управления империей Николай I создал дополнительные структуры, такие как отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а также многочисленные «особые» комитеты и комиссии, работавшие и при Государственном совете. Современники рассматривали последние как «временные департаменты» Совета. Они стали как бы «личными агентами» императора, помогавшие ему преодолевать межведомственную нерасторопность или некомпетентность администрации. Монарх рассчитывал, что они будут действовать более оперативно, чему должно было способствовать отсутствие между ним и этими структурами посредников. Создавались они для решения отдельных неотложных вопросов управления.

Особенности, присущие системе управления Российской империи в первой половине XIX в., не могли не оказать влияния на деятельность одной из его структур – Государственного совета. Именно это учреждение оказалось в авангарде процессов, происходящих в государственном

управлении второй четверти XIX в.: его канцелярия была первой укрупнена «новыми» кадрами и поэтому медленно, но верно двигалась по пути перехода на рациональные формы управления. Это было отражено и в новом уставном документе Совета – «Учреждении Государственного совета и Государственной канцелярии» 1842 г., который должен был упорядочить процесс производства дел с учетом реальной практики и внесенными в нее нормативными документами 1810–1841 гг. изменениями. «Учреждение Государственного совета» 1842 г., автором которого был государственный секретарь М.А. Корф (1834–1843), суммировало все отдельные постановления по Совету и учло все практические наработки, сделанные в ходе функционирования как самого Совета, так и его канцелярии.

В дореволюционной исторической и, особенно, юридической литературе зачастую этот документ рассматривается как новый этап в деятельности Совета, и не только деятельности делопроизводственной. Советские историки и правоведы, напротив, принижали значение «Учреждения», заявляя, что ничего нового в практику Совета им внесено не было. Ни одна из этих точек зрения не может быть признана верной: с одной стороны, большинство изменений были фактически уже введены в практику Совета, «Учреждение» 1842 г. только узаконило их, с другой – были декларированы новые нормы, соответствующие требованиям времени. Так, после создания Совета он должен был существовать согласно «Образованию» 1 января 1810 г. Однако в законодательстве о Государственном совете постоянно вносились коррективы. Так, хотя согласно «Образованию» юридическую силу имело мнение большинства членов, на деле это правило соблюдалось не всегда: царь рассматривал и мнение меньшинства, и даже мнения отдельных членов Совета. За время своего царствования Александр I из 242 дел, по которым произошли в Совете разногласия, в 159 случаях утвердил мнение большинства (65,7%), в 83-х – меньшинства, а в 4-х согласился с мнением одного члена⁶. Именно поэтому уже в 1816 г. «Подробные правила о производстве дел в Государственном совете» установили обязательность внесения представленного при рассмотрении законопроекта мнения меньшинства в журнал, что с того времени и делалось. Тогда же было принято решение о составлении так называемых меморий. При Николае I в 1827 г. были приняты «особые формы утверждения мнения меньшинства или постановления особой резолюции».

Введение в производство Совета русского языка началось задолго до того, как это было декларировано в «Учреждении» 1842 г., то же можно сказать и о расширении диапазона «советских» дел: с 1811 г. Совет стал рассматривать финансовые дела, в 1823–1825 гг. было принято несколько

указов, которые относили к компетенции Совета рассмотрение смет о доходах и расходах двух столиц, ежегодно вносимые министерством внутренних дел в департамент государственной экономии. С 1812 г. Совет рассматривал судебные вопросы, в том числе приговоры по уголовным делам, со следующего года – гражданские дела. Сказанное относится и к подавляющему большинству делопро-изводственных улучшений.

Исключение из решений Совета формулы – «вняв мнению Государственного совета постановляем» – тоже было отражением существовавшей к этому времени практики: эта формула не употреблялась с 1824 г. (Н.М. Коркунов нашел 31 манифест с этой формулой, последний из которых датировался 7 июля 1812 г., а до этого времени использовалась лишь в 39 манифестах, В.Г. Щеглов обнаружил еще восемь манифестов с той же формулой (5 – за 1817 г. и по одному за 1822, 1823 и 1824 гг.)⁷. Поэтому распространенное в литературе мнение, что упразднение этой формулы привело к падению роли Совета, необубедительно.

Поскольку из «Учреждения» был исключен пункт о принадлежности к ведению Совета «отчетов всех министерств в управлении принадлежащих им частей» («Образование Государственного совета» 1810 г., п. 10), до сих пор делаются выводы о падении роли Совета за счет усиления министерств. Однако эти отчеты предоставлялись Совету только в первые годы его существования, и автор «Учреждения» был прекрасно осведомлен об этом. Зато в число дел Совета было включено «производство следствий над министрами и генерал-губернаторами, в случае обвинений, удостоенных предварительно высочайшего указа»⁸, а это напрямую подчиняло нерадивых глав исполнительных ведомств воле Совета. Кроме того, министры по-прежнему должны были предоставлять дела в Совет прежде, чем они поступали на высочайшее утверждение («дела в департамент поступают или от министров, или по особым высочайшим повелениям») ⁹. Более того, в случае неявки министра в общее собрание, на заседании которого рассматривалось дело по его министерству, оно слушалось *без него*¹⁰. Так что после 1842 г. в отношениях министров с Советом ничего не изменилось, как мало изменилась и вся остальная устоявшаяся практика.

В «Учреждение» был введен ряд положений, которые должны были прекратить практику решения «советских» дел «по справедливости», а также преодолеть разрастание дел за счет несущественных деталей и многочисленных повторов¹¹. Зная о том, как многочисленные реплики с мест и т.п. действия мешают работе, в новый уставной документ Корф включил подробную «инструкцию» о процедуре слушания дел. Например, чтение департаментских журналов не должно было «никогда прерываться до его окончания, а словесные во время оного замечания и рассуждения

строго запрещались», был подробно расписан порядок обсуждения дел после доклада. Подобным образом регламентировано и общение Совета с министрами¹².

Еще раз подчеркну: большинство декларируемых изменений уже были введены в функционирование Совета, требовалось их законодательное закрепление (хотя и это не спасло Совет от нарушений после 1842 г.).

Историю Совета в царствование Николая I условно можно разделить на два этапа – до 1848 г. и после. Рассмотрение наиболее масштабных и значимых дел приходится на первый этап. К таковым относятся, например, Положения и указы для губернаторов и всех мест губернского и уездного управлений 1837 г., документы по реформе государственных крестьян и др. После начала европейских революций 1848 г. внимание власти переключилось на внешнюю политику, «интересных» внутренних дел становилось все меньше. Один из членов Совета в мае 1849 г. констатировал, что «теперешнее положение политических обстоятельств» не позволяет приступить ни к чему решительному, коренному¹³.

Личность самодержца накладывала отпечаток на процесс решения дел: Николай I очень внимательно читал все журналы Государственного совета, о чем свидетельствуют его собственноручные резолюции¹⁴. И, конечно, Николай Павлович не был бы Николаем Павловичем, если бы наряду с упорядочением порядка работы Совета, не принял бы мер к укреплению дисциплины. Если в первые годы его царствования на заседании могло не явиться до половины членов, постепенно посещаемость повышается (к 1828 г. отсутствовало, как правило, не более 5–6 членов), и это напрямую связано с контролем со стороны императора. Все исключения из членов Совета приходятся на царствование Николая I, и это тоже связано с общей тенденцией развития государственного управления в это царствование – попытками привести его в строгий порядок, соответствующий существующему законодательству.

Распространенное в литературе представление о стремлении императора Николая I не «замечать» Совет в структуре власти, не может быть признано справедливым. Несмотря на ряд высказываний самодержца о месте Совета, который, как он говорил, «существует в моем понятии для того, чтобы добросовестно высказывать мне свое убеждение по тем вопросам, по которым я спрашиваю, ни более, ни менее»¹⁵, существуют факты, доказывающие, что иногда Совет довольно упорно сопротивлялся императору, а иногда, под воздействием неопровержимых аргументов, царю приходилось уступать. Конечно, в целом, Государственный совет был полностью подконтролен монарху, но роль советчика и эксперта по целому ряду проблем он выполнял исправно. Император в своем неистребимом стремлении «действовать всегда в соответствии с законом»,

старался поддерживать «реноме» высшего законосовещательного органа империи и без крайней нужды не прибегать к мерам, подрывающим его статус.

Правление Николая I – время складывания системы государственного управления, дожившей в своей основе до 1917 г. В определенном плане это – переходная эпоха со всеми плюсами нового (рационального) и минусами старого (традиционного) управления, что не могло не отразиться на функционировании высшего законосовещательного органа Российской империи – Государственного совета.

Примечания

¹ *Тарановский Т.К.* Особенности российской самодержавной монархии в XIX столетии // *Российская монархия: вопросы истории и теории.* Воронеж: Истоки, 1998. С. 157–171.

² *Ремнев А. В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. С. 76.

³ Там же. С. 9.

⁴ *Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // *Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX в.* СПб.: Алетей, 1999. С. 72.

⁵ Бюрократия и великие реформы в России (1860–70-е гг.). Современная англо-американская историография: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 9.

⁶ *Голиков В.М.* Государственный совет в России в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮЗИ, 1983. С. 15

⁷ *Коркунов Н.М.* Русское государственное право: в 2 т. Т. 2: Особенная часть. СПб., 1893. С. 234; *Щеглов В.Г.* Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 2: Государственный совет в царствование императора Александра I. Ярославль, 1895. С. 487–488.

⁸ Высочайше утвержденное Учреждение Государственного совета и государственной канцелярии от 15 апреля 1842 г. // *ПСЗРИ (1825–1880).* В 55 т. Т. 17. В 2 ч. 1843. Ч. 1. № 15518. Ст. 23. П. 18.

⁹ Там же. П. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. П. 89–90.

¹² Там же. П. 68, 64–87; П. 46–48.

¹³ *Корф М.А.* Дневник (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 12. Л. 234–236).

¹⁴ *Николай I.* Собственноручные резолюции императора Николая I (ГА РФ. Ф. 728. Д. 2271. Р. II. Т. 1–3).

¹⁵ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 129–130.

Г.Н. Биби́ков
*Институт российской истории РАН,
НИУ «Высшая школа экономики»*

Жандармский надзор и местное управление в Российской империи в правление императора Николая I

Аннотация

Статья посвящена истории негласного надзора III отделения и Корпуса жандармов за губернской администрацией в правление Николая I. Рассмотрены предпосылки наделения жандармского ведомства надзорными полномочиями, организационное становление надзора и его основные результаты, отмечена специфика надзора за деятельностью гражданских губернаторов. Автор констатирует, что с начала 1830-х гг. жандармское ведомство выступало важным инструментом кадровой политики верховной власти. С 1840-х гг. его влияние на положение дел в местном управлении снижается.

Ключевые слова: государственное управление, местное управление, Корпус жандармов, тайная полиция, надзор, А.Х. Бенкендорф, Николай I.

G.N. Bibikov
*The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
National Research University «Higher School of Economics»*

Gendarme supervision and local government in the Russian empire in the reign of Nicholas I

Abstract

The article is devoted to the history of the secret supervision of the Third Department and the Corps of Gendarmes over the provincial administration during the reign of Nicholas I. The author examines the main preconditions for the creation of gendarme supervision, its organizational evolution and main

results. A special attention is paid to the specifics of gendarmerie control over civil governors. The author states that since the beginning of the 1830s the secret police was an important tool for the personnel policy of the supreme power. Since the 1840s its influence on the state of affairs in local government is decreasing.

Keywords: public administration, local government, Corps of Gendarmes, secret police, surveillance, Alexander Benckendorff, Nicholas I.

В историографии III отделения собственной его императорского величества канцелярии (далее – III отделение) и Корпуса жандармов предпочтение традиционно отдается сюжетам, связанным с репрессивными и цензурным функциям этих ведомств. Между тем, дореволюционные правоведы отмечали, что в 1830–1840-е гг. на первый план в деятельности III отделения и жандармских офицеров в губерниях вышел надзор за центральными и местными государственными учреждениями и информирование высшей власти о положении дел на местах¹. Долговременное отсутствие доступа к архивам III отделения и Корпуса жандармов, а впоследствии историографическая ситуация советского периода не позволяли наполнить эти послы фактографическим содержанием. В новейшей литературе внимание к истории местного управления обратило внимание историков на участие жандармских чинов в формировании кадрового состава губернских присутственных мест, в то же время, обобщающие исследования роли жандармского ведомства в местном управлении николаевской эпохи отсутствуют.

Становление жандармского надзора за местной администрацией было обусловлено общими тенденциями развития государственного управления начала XIX в. Формирование профессиональной бюрократии выступает закономерным этапом в эволюции европейской монархической государственности Нового времени. В истории Российской империи конец XVIII – начало XIX в. были отмечены интенсивным государственным строительством. Губернская реформа Екатерины II создала систему местных учреждений, при Александре I появились новые высшие и центральные ведомства: Государственный совет, Комитет министров, министерства, главные управления. В идейном контексте эпохи укрепление государственных учреждений было тесно связано с рационализацией управления, стремлением поставить законы в основание их деятельности. На этом фоне неуклонно увеличивался чиновный корпус.

Указанные тенденции, направленные на укрепление каркаса государственных институтов, одновременно таили в себе вызов традиционным прерогативам самодержавной власти и аристократии: административный аппарат постепенно приобретал монополию на представление информации для принятия управленческих решений, что в перспективе вело к узурпации бюрократией значительной доли реальных управленческих полномочий.

Представляется, что этими опасениями было вызвано настойчивое стремление верховной власти наладить надзор за столичным и провинциальным чиновничеством. И если центральные ведомства находились в поле зрения монарха, то контроль за губернскими учреждениями требовал иных подходов. В XVIII – начале XIX в. выстраивается разветвленная система надзора за местным управлением. Высшим государственным учреждением, призванным контролировать исполнение губернскими присутственными местами указов и распоряжений центральных ведомств, являлся Правительствующий Сенат. Екатерина II учредила должность губернского прокурора для непосредственного наблюдения за правильным производством дел. В годы правления Александра I верховная власть чаще прибегает к сенаторским ревизиям для экстренной проверки сведений о «непорядках» в местном управлении. После 1815 г. в практику государственного управления входят командировки армейских генералов, чинов императорской свиты, а также служащих Собственной его императорского величества канцелярии для расследования отдельных злоупотреблений. К тому же времени относятся длительные высочайшие путешествия по внутренним губерниям, во время которых монарх лично вникал в деятельность местных учреждений и принимал кадровые решения. Расширение форм надзора свидетельствовало о стремлении верховной власти получать объективную картину положения дел в местном управлении, периодические ревизии позволяли устранять вопиющие злоупотребления. Однако поступавшие из губерний сведения по-прежнему носили отрывочный характер и быстро устаревали, император далеко не склонен был безоговорочно доверять результатам сенатских проверок. Неслучайно к последним годам правления Александра I относится попытка восстановления генерал-губернаторской модели регионального управления.

Император Николай I с первых лет правления уделял особое внимание положению дел в местном управлении. В 1826–1830 гг. в губернии было направлено 17 сенаторских ревизий, упорядочена и ужесточена отчетность губернских властей, проекты преобразований местных учреждений готовил известный Комитет 6 декабря 1826 г. К

улучшению местного управления император привлек и реорганизованное ведомство высшей полиции в лице III отделения и Корпуса жандармов.

Организационное становление жандармского надзора прошло в несколько этапов. По первому «Положению о Корпусе жандармов» от апреля 1827 г. Европейская Россия была поделена на пять жандармских округов, которые делились на отделения, включавшие в себя по две или три губернии. К началу 1830-х гг. жандармские штаб-офицеры были назначены во все губернии, входившие в состав жандармских округов, к 1837 г. количество жандармских округов возросло до восьми, они охватывали всю империю за исключением Области войска Донского. Единство действий III отделения и Корпуса жандармов обеспечивалось фигурой шефа жандармов, который одновременно являлся главным начальником III отделения. Начальники округов координировали взаимодействие между III отделением и находившимися в губерниях штаб-офицерами.

Возглавивший оба ведомства ближайший сподвижник Николая I, генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф осенью 1826 г. направил в губернии ряд жандармских офицеров с негласной миссией изучить положение дел в местном управлении. В руководство этим чином была составлена секретная инструкция, которая вменяла в обязанность обращать особое внимание на «злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки», следить, чтобы права «граждан» не нарушались «чьей-либо личной властью или преобладанием сильных лиц»². К апрелю 1827 г. была подготовлена дополнительная инструкция, которая подробнее регламентировала порядок действий штаб-офицеров в губерниях. Жандармы были независимы от губернатора и других местных властей и, в свою очередь, не имели права вмешиваться в их деятельность, наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных. Независимое положение штаб-офицера в губернском обществе должны были поддерживать частые ротации и запрет на назначение в губернии, где находились их родовые имения. Губернские штаб-офицеры получали назначения по всеподданнейшим докладам шефа жандармов, Николай I уделял пристальное внимание кандидатам на вакантные должности. Как правило, в Корпус жандармов переходили отставные армейские офицеры, лично известные по военной службе императору и шефу жандармов.

В первые годы по учреждении Корпуса жандармов шел процесс встраивания нового ведомства в сложившуюся систему государственных учреждений. В 1827 г. был опробован опыт привлечения жандармов к надзору за деятельностью рекрутских присутствий, в январе 1830 г. Николай I распорядился прикомандировывать к ревизующим губернии

сенаторам жандармского штаб-офицера. С 1832 г. основной формой отчетности губернских штаб-офицеров стали полугодовые ведомости с характеристикой высших губернских служащих, к середине 1830-х гг. ведомство высшей полиции обладало обширной картотеккой сведений о чиновниках империи. Постепенно выстраивался порядок взаимодействия III отделения с министерствами. Получив неблагоприятные сведения о губернском чиновнике, шеф жандармов передавал их на усмотрение ответственного министра без указаний на источник информации. Ведомства проводили внутренние проверки, в результате которых чиновники могли быть переведены в другую губернию, уволены или отданы под суд.

Особое внимание верховная власть уделяла надзору за губернаторским корпусом. Наиболее значимые сведения о губернаторах шеф жандармов прямо сообщал императору, результатом таких докладов могло стать решение об увольнении или переводе начальника губернии, назначении senatorской ревизии или иной служебной проверки. Кадровые решения в таком случае нередко принимались без консультаций с министром внутренних дел, по ведомству которого служили губернаторы. Так, в результате жандармских донесений в 1830-е гг. были уволены симбирский губернатор А.М. Загряжский, екатеринославский губернатор Н.М. Лонгинов и др. Специфика служебного положения жандармских офицеров состояла в том, что им следовало приобретать «благодарасположение» губернаторов, но одновременно негласно наблюдать за их деятельностью. Это вело к регулярным служебным столкновениям и конфликтам, в разрешении которых, как правило, были вовлечены шеф жандармов и министр внутренних дел.

Таким образом, становление жандармского надзора за местным управлением было вызвано общей логикой развития государственных институтов первой четверти XIX в. С начала 1830-х гг. жандармское ведомство играло ведущую роль в системе надзора верховной власти за положением дел на местах, выступая важным инструментом кадровой политики и элементом государственного управления. Словами А.Н. Бикташевой, «в коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос наряду с ее первыми лицами»³. По материалам жандармских донесений, в николаевское время были уволены или переведены на новое место службы сотни губернских и уездных чиновников. Жандармские офицеры представляли верховной власти детализированную и постоянно обновляемую картину губернской жизни, их записки попадали на стол к императору в считанные дни и давали возможность принимать кадровые решения в обход министерств. Имея опыт наблюдения за деятельностью местных властей, некоторые

жандармские офицеры после ухода из Корпуса жандармов получали назначения в должности военных и гражданских губернаторов.

В то же время, система неформального жандармского надзора имела в глазах императора свои недостатки. Не получив возможности обращаться в присутственные места для изучения делопроизводственных документов, жандармы основывали свои донесения на «толках и слухах» и других сведениях, полученных частным путем и не содержащих доказательной базы для судебного разбирательства. Непубличность кадрового надзора затрудняла прояснение обстоятельств и открывала простор для интриг с использованием личных связей и доносов, жертвой которых становились и сами жандармские штаб-офицеры. Ряд спорных дел, по-видимому, понизил кредит доверия верховной власти к жандармским донесениям. С 1840-х гг. на фоне усиления ведомственного (министерского) надзора за местными учреждениями влияние жандармского ведомства на положение дел в местном управлении постепенно снижается.

Примечания

¹ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. II. Ч. I. С. 70.

² Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1997. С. 473–474.

³ *Бикташева А.Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012. С. 413.

Военно-административная деятельность Н.И. Евдокимова на Северном Кавказе в 20–50-е гг. XIX в.

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные аспекты военно-административной деятельности Н.И. Евдокимова в период Кавказской войны. Цель работы – показать, каким образом военно-политический контекст Кавказской войны способствовал реализации личных качеств Евдокимова как военачальника и администратора. В ходе исследования доказано, что во многом благодаря талантам Н.И. Евдокимова Кавказская война была закончена в более короткие сроки и с меньшими потерями. Автором проведен анализ деятельности отдельного военачальника и администратора в системе взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа, что позволило Евдокимову сформироваться как офицеру-кавказцу, тем самым внося свой вклад в завершение Кавказской войны.

Ключевые слова: Кавказская война, генерал Н.И. Евдокимов, офицер-кавказец, военно-административная деятельность, стратегическое мышление.

R.E. German

Stavropol state pedagogical Institute

Military-administrative activity of N.I. Evdokimov in the North Caucasus in the 20–50s of the 19 century

Abstract

The article considers some aspects of military-administrative activity of N.I. Evdokimov during the Caucasian war. The purpose of the work is to show how the military-political context of the Caucasian war contributed to the realization of Evdokimov's personal qualities as a military commander and administrator. In the course of the study, it is proved that largely due to the talents of N.I. Evdokimov, the Caucasian war was ended in a shorter time and

with fewer losses. A distinctive feature of this article is the analysis of the activities of a separate military commander and administrator in the context of the system of interaction between the Russian Empire and the peoples of the North Caucasus, which allowed Evdokimov to form as a Caucasian officer, thereby contributing to the end of the Caucasian war.

Keywords: Caucasian war, General N.I. Evdokimov, Caucasian officer, military-administrative activity, strategic thinking.

Кавказ – регион с особой историей, географией, культурой, этническим многообразием. История включения Кавказа в состав Российской империи содержит страницы, связанные и с миром, и с войной. Присоединяя Северный Кавказ, Российской империи пришлось применять военную силу. Длительный по времени и многоаспектный комплекс взаимодействий, в том числе военных столкновений, Российской империи с народами Северного Кавказа получил название Кавказская война. В условиях Кавказа войскам Российской империи необходимо было действовать с максимальной эффективностью, поэтому сословно-аскриптивные факторы играли там далеко не самую главную роль, а на первый план выходили талант военачальника и управленческие качества. Именно их наличие позволило Николаю Ивановичу Евдокимову не только пройти путь от младшего офицера до генерала, но и заниматься в 40–50-е гг. XIX в. военно-административной деятельностью, способствовавшей «замирению» Кавказа.

Ранние годы службы Н.И. Евдокимова на Кавказе показали, что данный офицер, помимо храбрости, обладает инициативностью и самостоятельностью мышления. Возможность для более активной реализации этих качеств Евдокимов получает с 20-х гг. XIX в., что по времени совпало с распространением мюридизма – духовного учения, ставшего религиозно-идеологической основой движения горцев против распространения российской власти на Северном Кавказе. В роли военного и духовного главы горцев в этот период утверждается имам Шамиль, власть которого, во многом благодаря его личным качествам, продолжалась 25 лет.

В 40-е гг. XIX в., когда имамат Шамиля достигает максимума своего могущества, Кавказская война приобретает более интенсивный характер. В 1840 г. происходит назначение майора Н.И. Евдокимова на пост Койсубулинского пристава в Дагестане, основной функцией которого было управление местным населением горского общества Койсубу. Главной задачей пристава было удержание в покорности местного

населения и сохранение контроля над стратегически важными пунктами. Пристав также командовал милицией, набранной из местных жителей и помогавшей российским войскам на Кавказе. Чаще всего на должность пристава назначались горцы, находившиеся на русской службе. Но определяющим требованием к кандидату на эту должность было хорошее знание особенностей Кавказа, нравов, религии, обычаев местного населения, их языка и психологии и Н.И. Евдокимов этому требованию соответствовал в полной мере.

Под воздействием религиозной агитации наибов Шамиля приставство Койсубулинское как административная единица перестает существовать, оно стало, как отмечал историк Кавказа А.Л. Зиссерман, «некоторым образом мифом; главные аулы изменили и подчинились Шамилю»¹. Возросшее сопротивление распространению российского влияния на Северном Кавказе было обусловлено «внутренними социальными процессами в горских обществах»², поэтому ни Евдокимов на должности пристава, ни армия в целом не имели возможности подавить возросшее в значительной степени сопротивление горского населения. С 1842 г., после возобновления военных действий, Евдокимову было поручено командовать колонной в составе отряда генерал-лейтенанта К.К. Фези, а позднее он участвовал в экспедиции П.Х. Граббе в Чечню. Участие в этой трагически закончившейся военной операции оказало серьезное влияние на взгляды Евдокимова на способы, методы и средства покорения Кавказа, показало бессмысленность экспедиций, стоивших огромных людских и материальных потерь и не приносивших стратегически значимого результата.

До 1846 г. Н.И. Евдокимов участвует в боевых действиях под командованием Р.К. Фрейтага, Ф.К. Клюге фон Клюгенау, В.С. Голицына, А.Н. Лидерса. В январе 1846 г. Евдокимов был назначен командиром создаваемого Дагестанского полка. Комплектование подразделений Отдельного Кавказского корпуса новыми частями были следствием неудачной экспедиции в Дарго («сахарная» экспедиция) 1845 г. После этой экспедиции было принято решение отказаться от тактики экспедиций, направленных вглубь территории противника, если коммуникации войск не имеют надежного обеспечения³.

В 40-е гг. XIX в. Евдокимову удалось проявить себя и как военачальник, и как администратор на должностях пристава и полкового командира. М.С. Воронцов, сам будучи талантливым администратором и умея подбирать кадры на руководящие должности, в 1850 г. назначает Евдокимова начальником правого фланга Кавказской линии⁴.

Основные действия Кавказской войны в начале 50-х гг. XIX в. развивались на левом фланге Кавказской линии, в Чечне и Дагестане, а

правый фланг находился в некотором отдалении. В круг обязанностей начальника правого фланга входили организация обороны Кубани и лабинских кордонов от набегов племен адыгов, а также постепенное занятие территорий за Лабой в направлении реки Белой. Хотя военно-административная деятельность Н.И. Евдокимова в начале 50-х гг. XIX в. не была отмечена немедленными успехами, но, как показали дальнейшие события, она имела долговременные последствия. Одним из предприятий, сыгравших заметную роль в установление российской власти на Северо-Западном Кавказе, стало строительство Белореченского укрепления. После нескольких экспедиций 1850 г. генерал Евдокимов окончательно убедился в том, что передовые укрепления с реки Лабы должны быть перенесены на реку Белую.

Действия России активизировались на Северо-Западном Кавказе с конца 1853 г. В 1854–1855 г. были прорублены несколько просек в районе Малой Лабы, которые имели стратегически важное значение и дали возможность совершить несколько экспедиций с целью подавления сопротивления отдельных горских аулов. Несмотря на то, что тактика экспедиций Евдокимовым не поддерживалась, с задачей сдерживания горских набегов и продвижения в направлении реки Белой, а позднее – Урупа он справился полностью⁵. Характеризуя Н.И. Евдокимова, М.С. Воронцов обращает внимание на его опытность, энергичность, «военные достоинства»; Евдокимов, по его мнению, смог «...взять тон и манеры, необходимые для тамошнего управления», благодаря чему пользовался уважением и доверием у местного населения⁶.

После окончания Крымской войны в регионе была сосредоточена значительная войсковая группировка, которую решено было использовать в целях скорейшего завершения Кавказской войны. А.И. Бяратинскому удалось составить детальный план прекращения сопротивления в Чечне и Дагестане и скорого окончания Кавказской войны, а также убедить в возможности реализации этого плана на практике императора Александра II. В конце лета 1856 г. А.И. Бяратинский был назначен на должность главнокомандующего, а Евдокимов получил звание генерал-лейтенанта и должность начальника дивизии и командующего войсками левого фланга Кавказской линии.

Боевые операции зимы 1856/57 гг., проводившиеся под командованием Н.И. Евдокимова, были направлены на то, чтобы завершить начатое еще в начале 50-х гг. XIX в. – представить возможность войскам выдвинуться на равнинную часть Чечни, покрытую лесами, передовую линию переместив к предгорьям. А.И. Бяратинский под воздействием первых успехов в Чечне предложил Евдокимову разработать предложения по поводу занятия Аргунского ущелья в максимально

короткие сроки. Евдокимов, имея неоднократный опыт участия в военных экспедициях и помня, сколь много значит в них система коммуникаций, предложение главнокомандующего не поддержал, считая главным препятствием недостаточную обеспеченность тыла. Понимая всю стратегическую важность занятия Аргунского ущелья, Евдокимов предложил не отказываться от этой цели, а достигнуть ее другими методами: не путем экспедиций, а путем постепенного установления контроля над территорией. Предложения Евдокимова в итоге были одобрены Барятинским, Евдокимову была предоставлена возможность действовать по своему усмотрению⁷.

Система действий генерала Н.И. Евдокимова на левом фланге Кавказской линии строилась на том, что «...не штык, а топор был главным орудием завоевания»⁸. Евдокимов продвигался к намеченной цели постепенно, но уверенно, лишая имамат земель, снабжавших «государство» Шамиля продовольствием.

В течение лета и осени 1857 г. боевые действия велись в равнинной части Чечни, направленные на обеспечение прорыва в Аргунское ущелье и, соответственно, приближавшие завершение войны на Северо-Восточном Кавказе. В январе 1858 г. Аргунское ущелье было занято российскими войсками. Отступление войск имамата вызвало резкое падение популярности учения мюридизма в горской среде. Теперь уже сами горские общества, уставшие от войны, нищеты и бесконечных поборов, обращались к российским властям с просьбой защитить их от посягательств Шамиля и его наибов. Народное недовольство режимом Шамиля выражалось и в том, что происходила стихийная замена норм шариата, навязанных в период могущества имамата, на адатные нормы, т.е. народное обычное право. Сам Евдокимов отмечал, что горцы напоминают детей, «освободившихся от жестокого надзирателя» и с увлечением бросаются «на все, что только запрещено мусульманским уставом»⁹.

Как администратор и военачальник, прекрасно знавший Кавказ, Евдокимов не мог не понимать, что в войне наступил перелом и воспользовался им в полной мере: современники сравнивали его с опытным карточным игроком, который «...не намерен был выпустить карты из рук»¹⁰.

Если до занятия Аргунского ущелья Н.И. Евдокимов всячески сдерживал стремление главнокомандующего на Кавказе А.И. Барятинского перейти в немедленное наступление, то после овладения этим стратегически важным участком Чечни, сам стал настаивать на форсировании событий, на немедленных решительных действиях. Местные жители, по оценке Н.И. Евдокимова, «облегчат нам покорение

гор», когда убедятся в том, что войска Российской империи пришли не для кратковременного «набега», а «водворяются прочно», и войну ведут не против горского населения, а против тех, кто их угнетает. Именной сейчас, по мнению Евдокимова, не стоит жалеть сил и средств, направляемых для окончания войны на Кавказе, которая ведется в течение многих лет, истощая государство, которая повлекла как тысячи человеческих жертв, так и многомиллионные финансовые потери¹¹.

Оценивая стратегическое мышление Н.И. Евдокимова, Д.А. Милютин признавал заслугу Евдокимова в том, что он верно оценил момент для нанесения решающего удара по врагу и указал способ нанесения этого удара – сосредоточить все возможные силы и ударить с разных сторон в направлении долины Андийского Койсу¹².

Но для продвижения войск во внутренние районы Дагестана необходимо было завершить боевые действия в горной Чечне, что и было сделано к зиме 1858 г. На Аргунской линии были оставлены только гарнизоны, а в главном вопросе для командования Кавказской армии, в том числе и для Н.И. Евдокимова, стал штурм аула Ведено – своеобразной столицы имамата Шамиля.

Евдокимов продолжал использовать способ действий, опробованный им ранее – после взятия каждого аула в лесах прорубались просеки, прокладывались дороги, при необходимости – строились постоянные или временные укрепления и до окончания этих действий войска не двигались дальше. Практика доказала максимальную эффективность такой тактики. Продвигаясь вглубь территории противника, Евдокимов не оставлял в тылу непокоренных областей.

После штурма Ведено для окончания войны на Северо-Восточном Кавказе оставалось покорить горную часть Дагестана, что было решено сделать объединенным ударом трех отрядов Кавказской армии: Дагестанского под командованием А.Е. Врангеля, Чеченского – Н.И. Евдокимова и Лезгинского – Л.И. Меликова. Общее командование операцией А.И. Барятинский взял на себя¹³. В августе 1859 г. аул Гуниб был взят, а имам Шамиль пленен.

Можно заключить, что победное завершение войны на Северо-Восточном Кавказе стало совместным триумфом А.И. Барятинского, Д.А. Милютина и Н.И. Евдокимова. Для командующего левым флангом Евдокимова были характерны тщательное планирование и подготовка всех войсковых операций, с опорой на данные разведки, в том числе о силах противника, его психологическом состоянии и степени готовности к длительному сопротивлению. Также использовались ложное маневрирование и дезинформация горцев. В результате такой организации деятельности войск провидимые Евдокимовым операции завершались в

оптимальные сроки и обходились малыми потерями. Будучи опытным военачальником, много лет прослужившим на Кавказе, Евдокимов в полной мере представлял собой тип офицера-кавказца, описанный в русской классической литературе. Кроме того, Евдокимов прекрасно понимал сущность российских государственных интересов на Кавказе и цели высшего руководства России. Благодаря тому, что Н.И. Евдокимов блестяще справился с возложенным на него военно-административными обязанностями, завершение Кавказской войны, в течение нескольких десятилетий стоившей Российской империи огромных людских потерь и финансовых затрат, было ускорено.

Примечания

¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Т. 3. СПб., 1884.

² Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. 592 с.

³ Игнатович Д.Л. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845–1861 гг.). Тифлис, 1897. 366 с.

⁴ Русецкий В.В. Военно-административная деятельность Н.И. Евдокимова на Кавказе (1840–1860) // Вестник Московского университета. Сер. 8: «История». 2009. № 2. С. 25–41.

⁵ Анучин Д.Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. № 1. С. 67–178.

⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 10. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. 982 с.

⁷ Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов // Русская старина. 1888. Т. 58. № 4. С. 480–613.

⁸ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. 159 с.

⁹ АКАК. Т. 12. Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1904. 1558 с.

¹⁰ Волконский Н.А. 1858 год в Чечне // Кавказский сборник. 1879. Т. 3. С. 562–624.

¹¹ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1856–1860 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2004. 558 с.

¹² Там же.

¹³ Русецкий В.В. Военно-административная деятельность Н.И. Евдокимова на Кавказе (1840–1860) // Вестник Московского университета. Сер. 8: «История». 2009. № 2. С. 25–41.

Управление Ловичского княжества (1825–1915 гг.)

Аннотация

В статье рассмотрена история учреждения, управлявшего имениями в Королевстве Польском, называемыми Ловичское княжество, которые были подарены 22 июня (4 июля) 1820 г. великому князю Константину Павловичу. Предмет исследования почти не отражен ни в российской, ни в польской историографии. Автор рассматривает организационную структуру и штатный состав Управления Ловичским княжеством.

Ключевые слова: великий князь Константин Павлович, Царство Польское, Ловичское княжество, управление Ловичским княжеством, императорские уделы, Министерство императорского двора, Иоанна Грудзинская, Игнатий Абрамович, Александр Гауке, Павел Иванов, Сигизмунд Велепольский.

A.G. Górak
Maria Curie-Skłodowska University (Poland)

Management Principality of Łowicz (1825–1915)

Abstract

The article examines the history of the institution that managed the estates in the Kingdom of Poland, called the Principality of Łowicz, which were presented on June 22 (July 4) 1820 to the Grand Duke Konstantin Pavlovich. The subject of research is almost not reflected in either Russian or Polish historiography. The author examines the organizational structure and staffing of the principality of Łowicz managers.

Keywords: Grand Duke Konstantin Pavlovich, Kingdom of Poland, Principality of Łowicz, administration of the Łowicz principality, imperial estates, ministry of the imperial court, Joanna Grudzińska, Ignacy Abramowicz, Aleksander Hauke, Pavel Ivanov, Zygmunt Wielopolski.

В Польше название «Княжество Ловичское» (лат. *Ducatus Loviciensis*) использовалось в качестве общего наименования собственности архиепископов Гнезненских – князей католической церкви, выполнявших роль короля во период междоусобицы. В 1773 г. это название впервые появилось в парламентском документе о назначении комиссии по разграничению деревень в его пределах, но оно не было узаконено. В 1795 г. город Лович и Скреневицы со всеми угодиями и землями, принадлежавшими примасам Польши, захватила Пруссия. Звание примасов было упразднено в 1797 г., а их имения были переданы в казну Пруссии¹. Во время существования Герцогства Варшавского, в 1806 г. княжество захватил Наполеон, который позже подарил его маршалу Луи Даву.

В 1815 г. земли княжества оказались в ведении Правительственной комиссии финансов Королевства Польского. В 1820 г. король Польши Александр I указом от 22 июня (4 июля), обнародованным 4 сентября 1820 г., пожаловал имение Лович, состоявшее из нескольких деревень и фольварков (около 60), великому князю Константину Павловичу²: «Желая выразить возлюбленному брату Нашему великому князю Константину особенной знак благоволения за оказанные им для нас особенно важные заслуги в организации наших королевско-польских войск, а равно и в исполнении им обязанностей главнокомандующего этими войсками, жалую возлюбленному брату Нашему великому князю Константину *titulo gratuito* имение Лович, расположенное в воеводстве мазовецком как то: экономию Лович, Попов, Домбковице, Хруслин... (перечислены все жалованные деревни и фольварки со всеми окрестностями и принадлежностями) на правах полной частной собственности»³. Таким же Высочайшим указом, последовавшим затем 8 (20) июля 1820 г., Иоанне (Жанете), урожденной Грудзинской, супруге великого князя Константина, был присвоен титул княгини Ловичской, а управление Ловичскими имениями стало именоваться Княжеством Ловичским⁴.

1. Княжество Константина и Иоанны

Первый брак Великого князя Константина был расторгнут 20 марта (1 апреля) 1820 г., однако его жена ушла сразу после убийства царя Павла. 24 мая 1820 г. в Варшаве великий князь женился на дочери графа Антония Грудзинского Иоанне (Жанетте). Поскольку одним из обрядов бракосочетания является католическое венчание, Иоанна не могла стать великой княгиней Российской империи. С другой стороны, Константин Павлович был первым наследником императорского титула после Александра I по правилам престолонаследия, установленным 5 (16) апреля

1797 г. Павлом I. В зависимости от дальнейшего развития событий Константин даже мог стать самостоятельным правителем России. Но те же правила определения порядка наследования исключали возможность занятия престола теми наследниками, которые формально не приняли православное вероисповедание. Таким образом, католическое венчание могло считаться препятствием, но только для Жанеты.

Дополнение к постановлениям об императорской фамилии, представленное в Манифесте от 20 марта (1 апреля) 1820 г.⁵, запрещало занимать престол детям от неравных браков, однако и этот закон не влиял на права Константина. Кроме того Александр I имел возможность изменить правила престолонаследия, введенные его отцом. Был выбран иной вариант в виде почетной ссылки. Александр I в тайном Манифесте от 16 (28) августа 1823 г., обнародованном после его смерти, лишил Константина прав на престол⁶.

Константин Павлович стал главнокомандующим польской армии, в этой должности он отличился жестокостью и бесчестием, и в итоге стал главной причиной восстания учеников школы подхорунжих, которая начала польско-российскую войну⁷. Как апанаж⁸ Константину и Иоанне (Ловицкой-Романовской) было выделено Княжество Ловичское⁹. Таким образом, создание Княжества помогло предотвратить появление династической проблемы. Тем не менее в 1825 г. почти месяц его официально считали «императором и самодержцем».

Указом Александра I от 27 июня (9 июля) 1822 г. были определены границы Княжества¹⁰. К нему относились мыза¹¹ и земли древнего замка Ловичского, земли вокруг Ловича, а в Скерневицах – дворец, сад и мыза. За счет дополнительной царской дотации в 1829 г. (20 мая – 1 июня) эта собственность была расширена за счет имений Скерневице, Глухув, Бонкув, Езёрко и Компина, выделенных при первом пожаловании и остававшихся в ведении казны Царства Польского. Имение Скерневицы передавал управлявший Правительственной комиссии финансов Мазари, а принимал адъютант Великого князя полковник Филиппеус¹². В том же году (12/24 июня) Константину Павловичу было подарено имение Бельведер¹³. Указ от 9 июля 1822 г. установил внешние границы Ловичского княжества, тем самым обозначая его, хотя официального названия до сих пор не было. Интересно, что княжеский титул присваивался детям Константина и Иоанны, если бы они у них были.

2. Собственность императора Российского

После смерти княгини Иоанны имение Ловичское поменяло свой статус с земель частных и удельных на коронные. Совет управления Царством Польским 22 сентября (2 октября) 1838 г. решил передать

собственность Николаю I. После его смерти тот же Совет 10 (22) июля 1856 г. передал имение Александру II, императору Российскому и королю Польскому¹⁴. К княжеству присоединили также местечко и имение Илов с прилегающими деревнями, позднее купленные в уезде Ловичского имения – Хрусле, Рыби и Тжцианка, а в уезде Равском – Вулька Кросновска.

В 1842 г. территория княжества составляла 69498 морг (единица измерения площади в Речи Посполитой, равная 0,56 га)¹⁵, на которой располагались леса, территория королевских охот со зверинцем, в котором содержались 500 даниэлей (ланей) и до 30 оленей, а также дом для фазанов (бажанциарня).

В княжестве были также две великие ставы Окрент и Рыдван и несколько десятков меньших. Положение крестьян там было лучше, чем в других частях страны ввиду раннего перехода на арендную плату¹⁶. Крепостное право было постепенно отменено, и крестьяне переходили на чинш (арендную плату). Эта реформа, завершенная в 1838 г., имела большое значение для материального благополучия крестьян, которые стали добиваться больших успехов в экономической сфере. В 1847 г. открылся крупный сахарный завод в Лышковичах, и крестьяне начали выращивать сахарную свеклу¹⁷. В январском восстании отличился отряд ловичских крестьян, вооруженных косами под начальством Вавжинца Рыкалы¹⁸.

В самом Ловиче в состав княжества вошли земли с замком и дворцом архиепископов-примасов и фольварк Лович на местности, составлявшей парк и сад. Здания, оставшиеся пустыми, были превращены в казармы и разные правительственные учреждения. Лович XIX в. характеризует цитата из описания российского автора: «Лович отличался большим избытком людей праздных, непродводящих, и торгашей, множеством шинков и всяких гастрономических заведений, где все пилося и елось, а дело на ум не шло. Остались большею частью коренные лентяи, живущие только ярмарками да воспоминаниями золотого разгульного прошлого и надеждами на благие времена в будущем, могущие когда-то вернуться». Далее этот автор пишет: «Мы по адресу их скажем: минувшее навсегда останется прошлым. Оно никогда не возвратится и поэтому напрасно им снится. Похоронив прошлое, надо думать о настоящем. ... может возникнуть польский Манчестер, Лион или другой многолюдный торговый, фабричный и промышленный город»¹⁹.

Надо добавить, что вековое отделение этой территории и местного населения от Мазовецкого региона создало фольклорную единицу, но для Империи Лович был городом стратегического значения. Поэтому его использовали в военных целях. Монастыри Бонифратров и Доминиканцев были преобразованы в казармы.

3. Управление

Управление Ловичского княжества было создано как орган управления имениями Великого князя Константина Павловича и его жены Иоанны. После их смерти княжество стало имением российских императоров и постепенно перешло в ведение Министерства императорского двора. Непосредственное управление осуществляло учреждение, которое располагалось в бывшем архиепископском дворце в Лышковицах²⁰.

В 1869 г. Управлении были следующие должности: управляющий княжеством (администратор), помощник управляющего, делопроизводитель бухгалтерии (контролер), секретарь, переводчик, архивист-журналист, врач, фармацевт, кассир, старший лесничий, управляющий Скерневицким дворцом. Территория княжества принадлежала трем губерниям: Варшавской, Радомской и Петроковской. На территории Петроковской губернии располагалась местность Спала – одно с главных мест отдыха, охоты, дипломатических и неформальных встреч императора²¹.

Значение лесов и охотничьих угодий росло, поэтому к 1874 г. лесная служба была расширена и включала в себя лесничего и четырех младших лесников. 31 декабря 1871 г. дворец Скерневице был передан в пожизненное пользование генерал-маршалу князю Бяргинскому (умер в 1879 г.). Князь держал там силой увезенную с Кавказа черкеску, которую называл Себедианой. Потом дворец перешел в Управление княжеством. До 1894 г. Значение лесов еще больше возросло и штатный состав Лесного управления увеличился. В него входили: лесничий комиссар, его помощник, чиновник и секретарь, а в Скерневицком лесничестве – старший лесничий, а также три – четыре младших (в Бажанциарни и лесных домах: Стжельно, Ставки, Руда), канцеляристы.

После 1904 г. кассы Управления Императорских дворцов и Управления княжества Ловичского были объединены. В 1906 г. княжеству был присвоен первый разряд среди императорских имений. В 1913 г. штат Управления составляли следующие должности: управляющий, помощник управляющего, делопроизводитель по особым поручениям, два делопроизводителя, помощник делопроизводителя, бухгалтер, распорядитель сборов со сдаваемой в аренду недвижимой собственности (бессрочная), архитектор, помощник архитектора, смотритель зданий дворца Скерневице, регистратор – архивист и четыре чиновника. Управление лесной части включало следующие должности: старший лесничий, делопроизводитель и его помощник. Штат лесного хозяйства в Скерневицах составляли: лесничий, делопроизводитель, младший лесник в

Баганцярни, Стшельне и Руде и в поселке Илов и управляющий зоопарком в Скерневице²².

Изменения в штате Управления были произведены в 1845 г. посредством составления соответствующих табелей. В начале 50-х гг. возникла инициатива упорядочения штатов всех управлений Царства Польского путем составления общего расписания должностей по гражданскому ведомству Царства Польского и приведения их в соответствие с должностями и чинами Российской империи. Для этого был учрежден особый комитет под председательством А. Дмитриева. Сначала Комитет работал в направлении не столько сбора информации и введения однообразия, сколько в направлении сокращения штатов, переименования должностей на российский манер и включения штатов в систему рангов и классов чинов. Однако в 1852 г. наместник Царства Польского изменил свое намерение и оставил в силе прежние правила переименования должностей и расписание, которое составлялось на прежних основаниях²³.

Работа шла медленно. Управления стремились вписывать в штаты всех сотрудников, а Комитет, наоборот, сокращать списки служащих. В июле 1853 г. Комитет потребовал утвердить или дать замечания по проектам расписаний²⁴. Однако дело продолжалось до 1855 г. Особые проблемы появились с определением штата и основ выплаты содержания служащим двора цесаревича Константина Павловича и его жены. В делах сохранилась ведомость о бывших служителях их двора, которые оставались на службе во дворцах и управлении княжества Ловичского и в Лазенках²⁵: Станислав Пржыбыльский, Адам Чуперски, Казьмерж Кадыч, Винценты Гавроньски, Станислав Гудвиньски, Якуб Крыспински, Василий Кусов.

С конца 70-х гг. увеличилось значение земель княжества. Его положение стабилизировалось, и прекратилось сокращение штата. В 1874 г. Управление состояло из следующих штатных должностей: управляющий (штальмейстер двора ЕИВ граф Сигизмунд Велепольский, маркиз на Мирове Гонзага Мышковский), его помощник, казначей, секретарь, архивариус, старший лесничий, лесной секретарь и четырех младших лесничих. Кроме того, в Скерневицах работали: интендант дворца (Рене Эдуардович Кастелляс), надзиратель зданий и дворцов кладовых и смотритель Скерневицкого зверинца²⁶. Судя по именам, отчества и фамилиям, это были местные жители, в то время как почти все учреждения в Царстве Польском были русифицированы. Надо подчеркнуть, что это лишь штатные должности, а кроме того работало много внештатных и вольнонаемных. Особое значение имеет расширение штата железнодорожной станции в Скерневицах.

После переноса Управления княжества в г. Скерневицы, что само по себе является весьма важным фактом, в его штате, кроме управляющего с помощником, появились следующие должности: чиновник состоящий при управлении, делопроизводитель по счетной части, секретарь, казначей, бухгалтер, архивариус, интендант Скерневицкого дворца, смотритель зданий и кладовых Скерневицкого дворца, лекарь. Управляющие по-прежнему работали в Варшаве (потом в Замке Королевском). Структурно выделяется лесная часть с лесным комиссаром, его помощником, делопроизводителем, секретарем и лекарем, а также Скерневицким лесничеством в составе: старший лесничий, канцелярист подлесный и четырех младших лесничих²⁷.

Значение Дворца в Скерневицах и центра отдыха и охоты в Спале влияло также на другие структуры, помимо названной администрации железнодорожных станций. 1 января 1886 г. Банк Польский вместе со всеми его отделениями был захвачен Государственным банком Российской империи. Подготовка к этой операции тянулась много лет. В ее рамках было сокращено количество отделений банка. Ввиду этого кажется странным открытие в 1884 г. филиала банка в Томашове, расположенном недалеко от столицы губернии Петрокова и города Лодзи, где уже существовали филиалы Польского банка. В этой же губернии также было отделение в г. Ченстохов.

Данное отделение банка упускается из виду в работах, посвященных Польскому банку, поскольку это было отделение Государственного банка Российской империи. Его штат состоял из следующих должностей: управляющий, контролер, бухгалтер, кассир, старший помощник контролера, старший помощник кассира и канцелярист²⁸. Значимым результатом создания этого отделения было назначение на должность управляющего Н.Н. Юрьенева 21 марта 1884 г.²⁹ Создание единственного в Царстве Польском отделения Государственного банка Российской империи без сомнения было связано с приездами императора и его окружения в Скерневицы и Спалу³⁰. Из других источников известно, что по случаю приезда императора в Скерневицкий уезд направляли земских стражников из других губерний.

4. Администраторы княжества

Должность управляющего Ловичского княжества была сопряжена с другими должностями, связанными с императорским двором – управляющим императорскими дворцами в Варшаве и директором императорских театров там же. Можно выделить два периода в истории этой должности, переломным моментом которой стало посещение Скерневич наследником престола Александром Александровичем.

Сразу после преобразования должности в 1836 г. администратором был назначен гражданский служащий Трофим Ботвинко, который умер, находясь на должности в 1850 г. Следующим (до 1859 г.) администратором был обрусевший польский ренегат, генерал Игнатий Абрамович. Он являлся одновременно и председателем Управления императорских (в то время правительственных) театров, и Главноуправляющим императорских дворцов в Варшаве. После смерти Паскевича в 1859 г. его сменил князь Горчаков. Все должности занял генерал граф Александр Гауке, который был из местных. После его ухода на пенсию 7 июля 1865 г. на пост управляющего назначили чиновника Яна Войцеховского, который служил в Управлении с 1837 г. По всем признакам это было временное назначение.

8 апреля 1868 г. должность управляющего Ловичского княжества получил Сигизмунд Александрович Велепольский³¹, офицер императорской армии, впоследствии исполняющий обязанности президента Варшавы, управляющий конским заводом в Янове. Его пребывание на должности, которую он занимал до 21 февраля 1898 г., открывает новую страницу в истории императорской охоты и отдыха императорской семьи на территории княжества.

На смену С.А. Велепольскому пришел первый коренный русский, можно сказать, профессионал в области управления дворцами, генерал-майор Павел Максимович Иванов – бывший полицеймейстер Кремлевского дворца, а с 1891 г. начальник Варшавского управления императорских дворцов. В 1898 г. его также назначили управляющим Ловичского княжества и императорскими варшавскими театрами. Он занимал свой пост до 11 сентября 1905 г.

Во время его правления штат не был русифицирован, о чем свидетельствуют фамилии чиновников (Адамовски, Малаговски, Дудзински, Пржибылович, Кредык, Дудзински, Рыбицки, Езерски, Троха, Хелмонски, Рошицки, Селицки, Немети, Блендовски, Садовски, Бауер)³². Штат управления был всегда очень стабильным, движение персонала почти не замечалось. После смерти генерала Иванова последним управляющим княжества был внук известного Александра Велепольского егермейстер высочайшего двора действительный статский советник граф Владислав Иосифович, который постоянно работал в Скерневицах. Свою службу он начинал в Управлении княжества еще в 1886 г., а в 1898 г. его назначили управляющим императорской охотой³³. Во время его службы штат Управления увеличился, появились должности архитекторов, а также нескольких делопроизводителей и чиновников³⁴. Новые должностные лица свидетельствуют об изменении значения и функций княжества.

5. Отдых и дипломатия

Земли Княжества привлекали внимание не всех императоров. Как уже было выше сказано, это был апанаж Александра I для брата. Положение изменилось в конце сороковых годов, когда в 1841 г. В Скерневицах по желанию императора Николая I кроме дворца архиепископов был возведен небольшой дворец с садом в итальянском стиле, а также вилла Александрия, предназначенная для адъютантов императора. Николай I сделал Скерневице своей летней резиденцией.

Следующий император Александр II в 1870 г. отдал Скерневице в пожизненное владение фельдмаршалу князю Александру Барятинскому за его заслуги в покорении Кавказа³⁵. Именно он в 1876 г. пригласил на охоту сына императора Александра Александровича, которому охота и местные леса так понравились, что на красивой лесной поляне он решил построить охотничью резиденцию в Спале. Резиденция и охотничье хозяйство были построены сразу после воцарения Александра III. 19 сентября 1884 г. он одобрил проект сразу после встречи в Сквернавцах трех императоров: Александра III, Франца-Иосифа и Вильгельма I³⁶. Впоследствии имели место и другие официальные визиты, но более низкого ранга.

Образцовое хозяйство в Спале было одним из самых великолепных охотничьих угодий в Европе. Главные здания были готовы уже в 1885 г. Семья Александра III с гостями проживала здесь по месяцу (сентябрь-октябрь) в каждые два года. Это место стало любимым местом осенней охоты императора и его окружения, что объясняет рост значения фигуры Велепольского и лесной службы Управления.

Постепенно менялось окружение Спалы. В 1885 г. для специальных поездов была основана железнодорожная станция Елень, а затем была расширена охотничья территория путем выселения нескольких деревень. В 1900 г. Здесь были построены две гостиницы, а в начале XX в. провели канализацию и построили электростанцию.

Николай II также довольно часто посещал Спалу, сначала в качестве наследника престола (1888, 1890, 1892, 1894 гг.), а потом будучи уже императором (1896, 1897, 1900, 1901, 1903, 1908, 1910, 1912 гг.)³⁷. После возрождения Польши Спальский комплекс был резиденцией президентов. Во время Второй мировой войны дворец занимало командование вермахта. В январе 1945 г., вскоре после наступления Красной Армии, дворец был разграблен и сожжён.

6. Итоги

Управление Ловичским княжеством претерпело эволюцию от апанажа и двора Константина Павловича и Иоанны через бюрократизированное учреждение по управлению именными к специальному

управлению по организации отдыха и охоты императора, его окружения и гостей. Впоследствии хозяйственно-финансовые дела отошли на второй план, а главной заботой Управляющих была организация визитов императора, и прежде всего – обеспечение его безопасности и комфорта. Реализатором идеи Александра III был граф Сигизмунд Велепольски, управлявший княжеством в течение 30 лет. С 1884 г. Скерневицы и Спала стали одной из резиденций российских императоров, где обдумывались и решались вопросы, важные для истории российской государственности.

Примечания

¹Устимович М.П. Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (Историческая заметка). Варшава: Губернская литография, 1894. Л. 117.

² См. подробнее: *Барковец А.И., Обатурова М.Н.* Цесаревич Константин Павлович. СПб. 2000; *Кучерская М.* Жизнь замечательных людей: Константин Павлович. М., 2005. URL: BooksShare.net.

³Устимович М.П. Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (Историческая заметка), Варшава: Губернская литография, 1894. Л. 119; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego* [далее: ДПКР]. Т. 7. С. 52–58.

⁴ ДПКР. Т. 7. С. 56. О княгини Ловичской: см. шире: *Kozłowski E.* Joanna z Grudzińskich, księżna Łowicka // *Polski Słownik Biograficzny*. Т. 11. С. 246; *Morawska K.* Z korespondencji ks. Łowickiej // *Przegląd Polski*. 1882. Z. 2/

⁵ ПСЗРИ с 1649 г. Т. XXVII. 1820–1821, № 28208. С. 129–130.

⁶ ПСЗРИ-2. Т. 1 (1825). № 1. Дек. 12. Манифест о вступлении на престол государя императора Николая Павловича; *Староверова Е.В.* Отречение цесаревича Константина Павловича от права наследования престола // *История государства и права*. 2009. № 5.

⁷ *Давыдов Д.В.* Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче, 1999. Публикация Ю. Броматкина по книге: *Давыдов Д.В.* Стихотворения. Военные записки. М. 1999. С. 450–465. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Davidov5>.

⁸ Апанаж – часть наследственных земельных владений или денежное содержание, которые передавались некоронованным членам королевской семьи.

⁹ ДПКР. Т. VII (1820). С. 52–55.

¹⁰ ДПКР. Т. VII. С. 391–400.

¹¹ Мыза – отдельно стоящая усадьба с хозяйством, поместье.

¹² ДПКР. Т. XII. С. 375–381.

¹³ ДПКР. Т. XII. С. 388–392.

¹⁴ Постановления Совета управления Царства Польского: ДПКР. Т. XXVI. 1 (13) XI. 1840 г. С. 163; Т. XXVIII. 21 X (2 XI). 1841 г. С. 413; Т. XXIX. 28 IV (10 V). 1842 г. С. 269.

¹⁵ Морг – единица измерения площади земли в средневековой Западной Европе, равная примерно 0,56 га.

¹⁶ *Chlebowski B.* Księstwo Łowickie, // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, wyd. F. Sulimierski, Br. Chlebowski, Wł. Walewski. Warszawa 1880–1914. Tom V. S. 759–760.

¹⁷ *Warężak J.* Rozwój uposażenia arcybiskupstwa gnieźnieńskiego w średniowieczu z uwzględnieniem stosunków gospodarczych w XIV i XV w. Lwów 1929; *Ego же:* Osadnictwo kasztelanii łowickiej (1136–1847). Część I. Łódź 1952; *Kresa M.* Historia regionu. URL: www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?11=opis-dialektow&12=dialekt-mazowiecki&13=lowickie&14=lowickie-historia-regionu].

¹⁸ *Bartosiewicz D.* Chorąży Wawrzyniec Rykała. URL: <https://dobroni.pl/artukul/chorazy-wawrzyniec/566111>.

¹⁹ *Устимович М.П.* Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (Историческая заметка). Варшава, 1894. Л. 124–125.

²⁰ *Górak A., Latawiec K.* Rosyjska administracja specjalna w Królestwie Polskim 1839–1918. Lublin 2015. S. 140–141.

²¹ *Łomiński L.* Spała i jej okolice. Łódź 1930. S. 12–13; *Zwołiński P.* Puszcza Pilicka – Lasy Spalskie terenem polowań reprezentacyjnych, konspiracja i walki. Spała-Łódź 2009. S. 24–25; *Jaroszewski T., Baraniewski W.* Pałace i Dwory w okolicach Warszawy. Warszawa, 1992. S. 178–200.

²² ГАРФ. Ф. Р-1041. Оп. 2. Д. 39; РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1–13; Памятные книжки Варшавской губернии на 1874, 1889, 1894, 1898, 1911, 1913 г.; *Chlebowski B.* Księstwo Łowickie. Указ. соч. S. 759–760.

²³ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Ф.: Administracja księstwa łowickiego. Д. 3. Л. 6–9; письмо А. Дмитриева к И. Абрамовичу от 1/13 сентября 1852 г.

²⁴ Там же. Л. 12–13.

²⁵ Там же. Л. 79–80.

²⁶ Памятная книжка Варшавской губернии на 1874 г. Варшава, 1874.

²⁷ Памятная книжка Варшавской губернии на 1889 г. Варшава, 1889. С. 174–175.

²⁸ Памятная книжка Петроковской губернии на 1885 г. Петроков, 1885. С. 47–48.

²⁹ *Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanow S.* Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny. Tom III: Zarząd dobrami, finansami, przemysłem i handlem. Lublin, 2018. S. 400.

³⁰ *Górak A.* Struktury Banku Państwowego Imperium Rosyjskiego w Królestwie Polskim (1886–1916) // *Dzieje biurokracji*. Т. VII (2018). S. 199. S. 193–213.

³¹ *Nowak M.* Zygmunt Wielopolski, zarządca Księstwa Łowickiego – przykład kariery polskiego ziemianina w Imperium Rosyjskim // *Dzieje biurokracji*. Т. III. S. 189–203.

³² Памятная книжка Варшавской губернии на 1898 г. Варшава 1898. С. 459–460.

³³ Биографические данные управляющих с книги: *Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanow S.* Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny. T. IV: Resorty komunikacji, poczt i telegrafów, dworu oraz spraw wewnętrznych. Lublin, 2021 – *в печати*.

³⁴ Памятная книжка Варшавской губернии на 1911 г. Варшава, 1911. С. 313; Памятная книжка Варшавской губернии на 1913 г. Варшава, 1913. С. 348.

³⁵ *Верницкая В.* Из Петербурга в Скерневице // Русские в Польше. Варшава, 2009. С. 67–68.

³⁶ *Rafińska M., Kryszak A.* Zjazd trzech cesarzy 15 IX 1884 r. w Skierniewicach. Skierniewice 1995; *Szwarc A.* Dawno temu w Skierniewicach. Zjazd trzech cesarzy z 1884 r. // *Mówią Wieki*, 2007. Nr 2. S. 36–40; *Слоневски М.* «Высочайшая» охота последних Романовых в Королевстве Польском // Царские охоты и потехи: Мат. научно-практ. конф. 23–24 ноября 2017 г. СПб., 2017. С. 231–246.

³⁷ *Czestnych S., Kettering K., Sloniewski M.* Spała – rezydencja carska. Spała – AnImperialresidence. Спала – царская резиденция. Konstancin 2011. С. 73; *Слоневски М.* «Высочайшая» охота последних Романовых в Королевстве Польском // Царские охоты и потехи: Мат. научно-практической конференции 23–24 ноября 2017 г. СПб., 2017. С. 231–246. См. также: *Sloniewski M., Czestnych S.* Pałaciludzie. Historia rezydencji myśliwskiej w Spale 1885–1945, Palace and People. History of Hunting Residence in Spała 1885–1975. Spała 2014; *Dziedzic R., Sloniewski M.* Carskie gospodarstwo łowieckie w Spale w latach 1885–1914, The Tsar’s hunting household in Spała 1885–1914. Warszawa-Spała-Lublin, 2017; *Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н.* Как повлияли увлечения и яркие события в жизни императора Александра III и великого князя Владимира Александровича на формирование их живописных коллекций // Царские охоты и потехи: Мат. научно-практ. конф. 23–24 ноября 2017 г. СПб., 2017. С. 150–152.

Особенности изучения системы
российского самодержавия пореформенного периода
в советской и зарубежной историографии

Аннотация

Определение особенностей системы российского самодержавия занимало одно из центральных мест в исследованиях советских и зарубежных исследователей не только в своем самостоятельном – институциональном, идеологическом и антропологическом – измерении, но и в контексте общей ситуации политического развития Российской империи в пореформенный период. Создававшиеся в данной сфере исследования отличались разным качественным уровнем, с одной стороны, в силу различия цели их создания и, с другой стороны, вследствие разного отношения авторов к выбору документальной базы. Статья является одним из первых исследований, посвященных сравнению взглядов и подходов советских и зарубежных авторов к анализу и интерпретации свойств системы российского самодержавия.

Ключевые слова: самодержавие, власть, реформы, историография, документальная база, концепция, интерпретация.

G.N. Lanskoj
Russian state university for the humanities

The specific features of study of system
of Russian autocratic power of after reforming period
in soviet and foreign historiography

Abstract

Problem of definition of specific features of system of Russian autocracy took one of central places in terms of studies of soviet and foreign scientists not only in its own – institutional, ideological and anthropological – quality but also in context of whole situation of political development of Russian Empire in after reforming period. Studies created in this subjective sphere had different professional level because they were in many occasions distinctive from each other by aim of their creation and by different attitude of concrete authors to choice and to using of documentary base. Paper is one of the first studies devoted to comparison of approaches of soviet and foreign authors to analysis and to interpretation of features of system of Russian autocracy.

Keywords: autocracy, power, reforms, historiography, documentary base, conception, interpretation.

Исследования советских ученых, особенно начавшиеся в конце 1950-х гг. после Научного совета по теме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» под руководством А.Л. Сидорова, отличались углубленным вниманием к архивным документам по истории государственного аппарата и политической системы в целом. Данная тенденция была, в частности, характерной чертой творчества представителей научно-педагогической школы Историко-архивного института и среди них кафедры истории государственных учреждений. В первую очередь, она нашла отражение в работах Н.П. Ерошкина¹, который проанализировал эволюцию системы органов государственной власти и государственного управления России с начала XIX до начала XX в., и применительно к исследованиям, созданным в постсоветский период, – в работах А.С. Сенина². Углубленным вниманием к институциональной структуре аппарата российского самодержавия отличались также исследования ленинградских историков. Результатом их творчества были не только фундаментальные по источниковой базе и концептуальной направленности исследования в области истории государственного управления в России³, но и представляющие безусловный научный и практический интерес научно-справочные издания, одним из организаторов и автором которых был Н.П. Ерошкин⁴.

Исследователям институциональных аспектов функционирования самодержавной системы в России удалось отойти от отличавшихся несколько поверхностным характером типологических оценок существовавшего в тот период политического строя как антинародного и феодально-крепостнического, хотя они, безусловно, выстраивали свои

обобщающие выводы в контексте изложенной в работах В.И. Ленина концепции о революционной ситуации в России. Несмотря на безусловный идеологический детерминизм, многие советские ученые, и в том числе Н.П. Ерошкин, сумели создать широкую и устойчивую базу для понимания особенностей российского самодержавия, без которой отошедшие от ортодоксальных идеологических конструкций работы постсоветского периода выглядели бы поверхностными. Применительно к содержащимся в их исследованиях положениям и выводам об особенностях организации политической власти, о системе взаимодействия представителей высшего слоя бюрократии с социальными слоями дворянства и буржуазии нельзя сделать вывод о том, что доступные для исследования источники были для них только иллюстрацией к заранее предусмотренным выводам. В то же время несомненен тот факт, что советские ученые признавали высшим достижением исторического развития страны социалистическую революцию и исходили из того, что все предшествующие ей процессы в социальной и в институциональной сфере вели к разрушению имперских органов власти и системы самодержавия в целом⁵. Применительно к данному, имевшему почти аксиоматический характер утверждению создававшиеся исследования отличались практически только степенью углубленности анализа политических, идеологических и связанных с ними явлений. В данном случае для исследователей во главе с Н.П. Ерошкиным была характерна значительно меньшая склонность к ортодоксальности выводов и солипсизму отстаиваемых взглядов.

Первой особенностью исследований советских и зарубежных авторов, которая отличает их, например, от посвященных вопросам социальной истории в ее макро- и микромасштабах и проблемам развития российской цивилизации в целом работ постсоветской историографии, являлось целенаправленное изучение самодержавия как исторического феномена. После периода второй половины 1920-х–1950-х гг., характеризовавшегося влиянием на историков взглядов М.Н. Покровского и направленностью их работ в сторону социологических обобщений, советские и зарубежные ученые стали обращаться к изучению системных свойств развития России в период второй половины XIX – начала XX в. Обратившись вначале к вопросам глобального, в определенной мере методологического характера, они в первую очередь стремились объяснить (что было характерно для работ зарубежных авторов, осмысливавших происходящие процессы под влиянием эмигрантской историографии 1920–1950-х гг.) и обосновать (что было свойственно работам советских ученых) закономерность революционных событий как февраля, так и октября 1917 г.

При этом их движение в сфере концептуального осмысления фактов завершения имперского периода в развитии России было разнонаправленным. Отталкиваясь от проявлявшегося во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. «денационализаторского» направления историко-экономической мысли и от интерпретаций, характерных для первого десятилетия после окончания Великой Отечественной войны, советские ученые стремились доказать, что Россия, несмотря на рудименты феодальной системы, дошла к середине 1910-х гг. до высшей стадии капиталистического развития. В частности, важным промежуточным итогом деятельности возглавлявшегося А.Л. Сидоровым Научного совета стало издание сборника статей «Об особенностях империализма в России»⁶. В нем на основании многих исследований, посвященных частным аспектам политической и экономической истории, делался вывод о формировании в качестве основы российского самодержавия «военно-феодального империализма». Под этим термином подразумевалось сочетание черт высокоразвитого государственно-монополистического капитализма и стремящейся воспользоваться его плодами элиты из числа представителей преимущественно дворянской бюрократии и высшего военного командования, выступавшего за подготовку «маленьких победоносных войн». Данное теоретическое понятие отдаленно напоминало известный тезис М.Н. Покровского о том, что в России, еще начиная с середины XVII в., формировался торговый капитализм в «шапке Мономаха».

Зарубежные исследователи, работавшие в странах с капиталистической моделью развития, стремились, напротив, объяснить наступление социалистической революции в Российской империи ее отсталостью по сравнению с теми странами, где такой сценарий развития не состоялся даже при наличии системы социального неравенства. Помимо некоторых отсылок к историсофским общетеоретическим построениям в форме, например, цивилизационной теории, они видели одну из главных причин неизбежного кризиса – систему самодержавия, которую они напрямую на основании социологического признака связывали с сохранением элементов феодализма. Тезис о неэффективности данной системы они адресовали к оценке практически всех явлений заключительного, предреформенного и далее пореформенного периода развития России, начиная с событий Крымской войны.

Применительно к изучению самодержавия, как институционального исторического явления, зарубежные исследователи видели основную причину бесспорной, с их точки зрения, отсталости в том, что представители высших слоев руководства страны во главе с императором опирались не на креативных общественных деятелей, а на готовый

исключительно к подчинению и почти механическому исполнению предписанных ему решений бюрократический аппарат. Именно его деятели выполняли, согласно их наблюдениям, основную работу по восприятию и воплощению на практике нормативно-правовых актов и по контролю их исполнения. В этом плане ключевую роль играли структуры Министерства внутренних дел, которые по существу формировали ось системы государственного управления, начиная с самых верхних уровней организации власти и до самых нижних в рамках централизованного аппарата административных структур регионального уровня. Здесь решение по реализации власти и проведению в жизнь соответствовавших данной цели решений наталкивалось, с точки зрения зарубежных авторов, на некоторое, хотя и довольно пассивное сопротивление органов местного самоуправления, созданных в ходе реформ 1860–1870-х гг., но обычно получали поддержку со стороны традиционалистски настроенных представителей дворянства.

В данной, вполне объективно существовавшей ситуации, создание и наличие которой убедительно показывается в том числе в работах Н.П. Ерощкина, большое значение имел имидж системы самодержавия в сознании образованных и способных также критически воспринимать происходившие вокруг них процессы представителей общества. Это подтверждалось не только происходившими событиями, но и обязательствами верховной власти, для которых был характерен всеобъемлющий патернализм по отношению к гражданам, проявлявшийся и в их самоидентификации. Особое значение для поддержания их авторитета имели явления внешнеполитического и особенно военного развития страны, поскольку проблема определения и подтверждения статуса особой роли России по отношению к странам остального мира и в особенности к западноевропейским государствам имела фундаментальное, магистральное значение. Успешность ее решения, как, например, происходило в связанном с достижениями первого российского императора или, например, в ходе Отечественной войны 1812 г. и последовавшего за ней заграничного похода российской армии, приводила к сплочению различных по степени активности социальных слоев вокруг государственной власти и, следовательно, самой модели самодержавия. Неудачи на внешней арене и тяжело, со сбоями происходившие реформы, напротив, подрывали это единство. Обоснование данной концепции наблюдается в многочисленных монографиях и статьях зарубежных историков и является свойственным для представленной в многочисленных источниках западной историографической традиции в сфере руссификации. Например, известный американский ученый А. Мендель в опубликованном в 1969 г. в Миннеаполисе сборнике «Россия

при последнем царе» сделал вывод о том, что происходившие в конце XIX и в начале XX в. «реформы, направленные на защиту единства нации, подорвали традиционную власть государства. Это стало особенно очевидным во время двух войн на востоке и на западе, приведших русских к общему заключению о том, что самодержавие не в состоянии выполнить обязанность всех правительств – защиту единства и чести нации»⁷.

Главным, в некоторой мере подтекстным утверждением в данной концепции является то, что, с точки зрения зарубежных авторов, при сохранении системы самодержавия любые преобразования могли только ухудшать политическую ситуацию в стране, поскольку мало мобильный бюрократический аппарат выступал в роли сдерживающего, амортизирующего воздействие реформ элемента в сфере государственного управления. Они не поддерживали характерное для многих работ советской историографии стремление, обусловленное концептуальными положениями работ В.И. Ленина, подчеркивать влияние фактора возникновения и развития так называемых «революционных ситуаций» особенно применительно к периоду XIX в., полагая, что демократическое движение могло быть в Российской империи только маргинальным. Поэтому в качестве одного из ключевых факторов развития России они выделяли, например, не серию покушений на императора Александра II, закончившуюся его убийством, а голод 1891 г., который, по их мнению, является признаком неэффективности управления страной даже в ситуации действия внешне достаточно прочной модели управления, выстроенной в период контрреформ Александра III.

Такого рода расстановка смысловых акцентов, которая по существу нивелировала значение любых политических реформ в условиях наличия системы самодержавного управления, отличалась от представлений советских историков, которые стремились показать, что под влиянием усиления или, напротив, ослабления влияния государственного аппарата наблюдалось зеркальное ему колебание волн общественного движения. Ими в условиях перестройки многих детерминистских процессов в развитии отечественной исторической науки было даже выдвинуто и обосновано понятие «революции сверху», которое вызвало широкий резонанс в виде различных по уровню использовавшейся аргументации дискуссий⁸. До этого времени и затем в постсоветский период применительно к периодам относительно стабильных циклов развития России во второй половине XIX и в начале XX в. наиболее авторитетные в данной области специалисты (например, широко цитируемые зарубежными исследователями П.А. Зайончковский и Л.Г. Захарова) использовали для описания сущности и степени результативности происходивших преобразований понятие «консервативной реформы» как

процесса, обозначающего проведения преобразований для консервации существующей системы управления страной⁹.

Представление о том, что наличие системы самодержавия только усугубляло и замедляло процесс проведения преобразований в стране, а не ускоряло его, характерно прежде всего для исследований российских и зарубежных авторов, посвященных проведению аграрных преобразований. Если зарубежные исследователи видели причину такой ситуации в отсталости объекта управления, связанной с характерной для него моделью «традиционной», доиндустриальной системы общественных отношений и, например, с консерватизмом крестьянства как социального слоя, то советские исследователи указывали на наличие в аграрном секторе определенных сдвигов, приводивших к внедрению капиталистических отношений¹⁰. Данная точка зрения, имевшая основания в рамках объективных процессов появления слоя сельских предпринимателей, развития товарно-денежных отношений, соответство-вала и положениям теории В.И. Ленина о наличии прусского пути капиталистического развития. Однако при этом, также как и в зарубежной историографии, указывалось на то, что выстроенная в рамках модели самодержавного управления система контроля и хода преобразований, и реакции на них, управлявшаяся на всех уровнях развития структурами Министерства внутренних дел, не могла оказаться эффективной.

При изучении и интерпретации типологических черт российского самодержавия наряду с исследованием степени его эффективности и имиджевой устойчивости в качестве одного из важных оценочных индикаторов как в зарубежной, так и в российской историографии подчеркивается его совместимость с политической и идеологической моделью конституционализма. В рамках осмысления данной проблемы при наличии заметного консенсуса, основанного на констатации состоявшегося в итоге российской революции прихода к ситуации формального советского парламентаризма и фактической однопартийной диктатуры, в работах ученых, основывавшихся практически на сходном источниковедческом материале, наблюдались определенные нюансы. В частности, применительно ко всем процессам, происходившим в период с появления движения земцев-конституционалистов до свержения монархии, существовали заметные, хотя и кажущиеся схоластическими разночтения между представителями «московской» и «ленинградской» школ историков.

Если московские авторы в лице А.Я. Авреха¹¹ и Е.Д. Черменского¹² писали о том, что представители высших, центральных и местных органов власти не только не могли, но и не хотели проводить реальные политические преобразования политического характера, то ленинградские

исследователи делали акцент, что любые существовавшие реформаторские побуждения наталкивались на слабую эффективность административного аппарата. Об этом, в частности, много писал В.С. Дякин, подчеркивая на многочисленных примерах, что, например, П.А. Столыпин все время искал пути формирования консолидации сословных и политических структур вокруг идеи реализации своих политических инициатив, но не мог преодолеть инерцию различных бюрократических структур, начиная с Государственного совета и заканчивая местными административными учреждениями¹³.

Заключительной характерной для интерпретации специфики российского самодержавия в зарубежной и российской историографии чертой является персонализация многих исследований, заключающаяся в целенаправленном изучении деятельности императоров Александра III и Николая II, а также политических деятелей, бывших их сподвижниками в различных исторических ситуациях. Повышенный интерес к данной тематике объяснялся тем, что наряду с признанием важной роли бюрократического аппарата в формировании, принятии и реализации управленческих решений и одновременно в сдерживании демократических инноваций роль руководителей государства в его развитии признавалась весьма существенной.

В советской историографии в конце 1980-х гг. на фоне постепенного отхода от абсолютизации роли классовой борьбы рабочих и крестьян против представителей зажиточных, и в связи с этим влиятельных слоев населения, с заметной остротой был поставлен вопрос об ответственности конкретных политических лидеров за нарастание оппозиционного движения, приведшее в результате к революции. При этом наблюдалась тенденция, направленная на отделение практических результатов управленческой деятельности от личностных качеств конкретных людей, что свидетельствовало о частичном отходе от социологических концептуальных конструкций к антропологическим. Если в рамках ортодоксальных исследовательских работ, созданных в разгар советского периода, деятельность и убеждения П.А. Столыпина подвергались жесткой критике, в том числе с использованием самых жестких личностных характеристик¹⁴, то в начале 1990-х гг. в условиях курса на рыночные преобразования, взгляды ряда историков на качества этого деятеля резко изменились¹⁵.

Исследования зарубежных историков характеризуются целенаправленной и разносторонней критикой личностных качеств и деятельности Николая II, поскольку он был противником идей конституционализма и либерализма, не объективно воспринимал политические интересы своих подданных и к тому же подвергал себя влиянию исключительно идеологов

консерватизма. В этом плане особенно отрицательным иностранные авторы считали влияние на формирование и принятие значимых политических решений со стороны К.П. Победоносцева. Широко распространенным в работах зарубежных ученых является противопоставление административных способностей последнего российского императора деловым качествам его отца Александра III. По словам французских историков М. Ларана и Ж.-Л. Ванн Регемортера, Николай II «очень отличался от отца – раздражительного богатыря, очевидно несокрушимого, простого первого мужика империи: наследником Александра III стал двадцативосьмилетний молодой человек – хрупкий и осторожный, выросший и воспитанный в противовес английскому воспитанию, хорошо знавший прошлое и учреждения своей страны, языки и культуру стран Запада»¹⁶.

Зарубежными исследователями также уделяется большое внимание имевшимся разногласиям и наблюдавшимся, с их точки зрения, разнонаправленным действиям среди сторонников сохранения системы самодержавия. Ими подчеркивается, что уход с политической сцены и гибель П.А. Столыпина по существу привели к исчезновению реформаторской альтернативы кризису и разрушению имперского государства. Вслед за рядом либеральных политических деятелей, занимавших лидирующие позиции в первых двух составах Временного правительства, они возлагали большую долю ответственности за ускорение деструктивных процессов на Г.Е. Распутина и особенно на жену Николая II Александру Федоровну. По словам бельгийского историка и журналиста И. Тернона, «ответственной за возникший беспорядок была императрица. Ее неправдоподобный мистицизм, любовь императора, убежденность в том, что самодержавие является единственной системой, приемлемой для России, привели к развязке. Появление Распутина подчеркнуло эту неисправность»¹⁷.

Таким образом, в зарубежной, советской и отчасти постсоветской историографии система самодержавного управления рассматривается в качестве основного элемента и источника неизбежного кризиса развития российской истории в период, как последовавший за реформами 1860–1870-х гг., так и предшествовавший ему. В качестве первой и главной особенности данной системы практически все ученые выделяют чрезмерную бюрократизацию административной системы и ее низкую мобильность на высшем, центральном и местном уровнях. На примере проводившихся реформ (большинство которых относится к числу незавершенных) и на основе очевидных и возраставших по численности и масштабам неудач в историографии подчеркивается неэффективность самодержавия как идеологического и политического института.

Недостатком многих исследований, посвященных рассмотренным типологическим свойствам российской самодержавной системы, является их заметная схоластичность и телеологичность. Очень часто авторы научных работ исходят из мысли о том, что революционные события 1917 г. стали закономерным явлением и, следовательно, итогом нарастающего кризиса. Однако представляется совершенно очевидным, что данные, представленные на доктринальном уровне теоретические положения и фактические оценки, далеко не всегда отражают всю сложность и неоднозначность политического развития Российской империи в пореформенный период и в предшествующие ему десятилетия. Для понимания и преодоления возможных в данной области упрощенных интерпретаций необходимо обращаться к имеющим, благодаря своей фундаментальности, непреходящее значение работ Н.П. Ерошкина.

Примечания

¹ *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. 252 с.; *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. 495 с.

² *Сенин А.С.* История российской государственности. М.: Гуманит. изд. центр ВЛДОС, 2003. 336 с.

³ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984. 664 с.

⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917 гг. СПб., 1998–2004. В 4 т.

⁵ *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. М.: Просвещение, 1975. 160 с.; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. 256 с.

⁶ Об особенностях империализма в России: Сб. статей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 440 с.

⁷ *Mendel Arthir.* On interpreting the Fate of Imperial Russia // *Russia under the last tsar.* Minneapolis, 1969. P. 21.

⁸ *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 171 с.

⁹ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. / Под ред. проф. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 178 с.

¹⁰ *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.

¹¹ *Аврех А.Я.* Распад третьейюньской системы. М., 1985. 268 с.

¹² *Черменский Е.Д.* История СССР: Период империализма. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1974. 446 с.

¹³ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. 246 с.; *Дякин В.С.* Буржуазия,

дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: разложение третьейюноньской системы. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1988. 227 с.

¹⁴ Напр.: *Дубровский С.М.* Третьеиюньская монархия и реформы Столыпина: Стеногр. лекции, прочитанной 1 и 3 октября 1936 г.. Л., 1936.

¹⁵ *Зырянов П.Н.* Столыпин без легенд. М., 1991. 63 с.

¹⁶ Laran Michel et van Regemorter, Jean – Louis. Russie – URSS, 1870–1984. Paris, 1986. P. 27.

¹⁷ *Ternon, Yves.* Raspoutine, une tragedie russe. Bruxelles, 1991. P. 8.

А.Е. Иванов

Институт российской истории РАН

Проблема управления высшей школой Российской империи начала XX века: реальность и планы реформирования

Аннотация

Доклад посвящен несостоявшимся попыткам Николая II на рубеже XIX–XX веков сосредоточить управление разноминистерственными высшими учебными заведениями под управляющей эгидой Министерства народного просвещения. Монарх полагал, что охранительный потенциал этого ведомства позволит более эффективно противостоять студенческим беспорядкам и либеральному вольномыслию профессуры. Однако ведомственный бюрократический эгоцентризм центральных ведомств, не желавших делиться своими прерогативами, оказался непреодолимым препятствием даже воле императора.

Ключевые слова: высшая школа, министерство народного просвещения, управление, координация, ведомственность, студенчество, профессура.

The problem of managing the higher school
of the Russian Empire at the beginning of 20 century:
reality and plans for reform

Abstract

The report is devoted to the failed attempts of Nicholas II at the turn of the century to concentrate the management of multi-departmental higher educational institutions under the auspices of the Ministry of Public Education. The monarch believed that the protective potential of this department would more effectively resist student riots and the liberal freethinking of the professors. However, the departmental bureaucratic egocentrism of the central departments, which did not want to share their prerogatives, turned out to be an insurmountable obstacle even to the will of the emperor.

Keywords: Higher School, Ministry of Public Education, Management, Coordination, Departmentalism, Students, Professors.

К моменту Февральской революции управление российской системой высшего образования оставалось многоведомственным: 65 «казенных» высших учебных заведений на правах местных учреждений входили в состав десяти министерств¹, а также святейшему Синоду и Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии Федоровны. Под их же управляющим наблюдением состояли также 59 неправительственных общественно-частных учебных заведений высшего типа. В основе межведомственного распределения всей совокупности высших учебных заведений лежал отраслевой принцип, который, однако, был существенно нарушен. Наиболее упорядоченно организационно выглядели университеты и гуманитарные институты, сосредоточенные под эгидой Министерства народного просвещения, но и в их группе состояли учебные заведения профессиональных специализаций, распыленных по разнопорядковым ведомствам. Так, высшей юридической школой руководили министерства юстиции (Училище правоведения), народного образования (юридические факультеты университетов, Катковский и Демидовский лицеи), а так же ведомство императрицы Марии (Александровский лицей). Распыленными

по разным ведомствам оказались также учебные заведения педагогического, востоковедного профилей, а также инженерные и аграрные институты и факультеты.

В целом российская высшая школа начала XX в., согласно заключению Комиссии по реформе высшей школы Временного правительства, не представляла собой четко скоординированной системы, поскольку была плодом «случайных благоприятных конъюнктур в развитии того или иного ведомства, международных трений, несогласования политики министерств и преследования узковедомственных целей, столь характерных при прежнем режиме².

Самый представительный концентр высших учебных заведений находился под эгидой Министерства народного просвещения – 28 государственных и 39 исправительных. Ключевое положение в их кругу принадлежало университетам. Николай II высоко ставил охранительный потенциал этого центрального учреждения государственной власти, вынашивая идею подчинения ему как профильному ведомству всех разноеведомственных высших учебных заведений, исключая военные и духовные академии. Император полагал, что централизация управления высшей школой сделает более результативной борьбу со студенческими беспорядками и с оппозиционностью профессорско-преподавательского корпуса.

Будучи в курсе такой заинтересованности монарха, да и популярности ее в консервативных околовластных кругах (а может быть, и по прямому – высочайшему – распоряжению), министр народного просвещения И.Д. Делянов в 1895 г. разработал проект переподчинения высшей школы в качестве ведомственно целостной структуры своему министерству, мотивируя это тем, что расплывенность высших учебных заведений по 12 ведомствам причиняет существенный вред всему учебно-воспитательному строю РГИАР³. Но, видимо, ему не удалось преодолеть сопротивление коллег по Комитету министров своим централизаторским вождением. Проект не обрел законодательного статуса.

Сопротивление это было столь однозначным, что Николай II, не оставлявший мысль о единоначальном образе управления высшей школой, предпринял обходной маневр к достижению цели. 5 июня 1899 г. он распорядился, чтобы все «предложения» о новых высших учебных заведениях, а «равно об издании для существующих заведений этого рода правил, определяющих учебную жизнь в них, дисциплину, взаимные отношения учащихся и внутренний быт сих последних, были возбуждаемы по предварительному соглашению с Министерством народного просвещения как главным руководителем учебного дела». 7 июля 1899 г. министр народного просвещения Н.П. Боголепов получил персональное

предписание собственной Его Императорского Величества канцелярии в необходимости «соблюдения относительно высших учебных заведений, хотя бы состоящих в заведовании различных министерств и главных управлений, возможного единообразия в руководстве внутренней жизнью таковых»⁴. Данное «высочайшее» распоряжение было реакцией на студенческие беспорядки, охватившие высшую школу в феврале 1899 г. Однако попытка скоординировать таким образом борьбу ведомств против студенческого движения не устояла перед узковедомственным эгоцентризмом и на этот раз.

Всероссийская студенческая забастовка в феврале – марте 1901 г. вновь возбудила вопрос об управлении раздробленной по ведомствам высшей школой. 20 марта 1901 г. военный министр А.Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «В пятницу на прошлой неделе снова собирались у Государя. Его величество предложил на обсуждение вопрос: не следует ли все высшие учебные заведения (кроме духовных и военных академий) подчинить министру народного просвещения. Все министры дружно восстали против этого». Они опасались, что лишаются самостоятельности в делах академических, и не без основания. Свидетельством тому стало заявление министра финансов С.Ю. Витте о том, чем завершилась его попытка применить у себя в ведомстве «порядки, заведенные в Медицинской академии, лучше университетских». Он «встретил противодействие Боголепова, ибо основания нового устава (1884 года. – *А.И.*) общие для всех высших учебных заведений»⁵. У Витте был давний счет к Н.П. Боголепову: возглавив в 1898 г. ведомство народного просвещения, тот в блоке с главой МВД И.Л. Горемыкиным и обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым стал немедленно критиковать его план открытия политехнических институтов в Петербурге, Киеве, Варшаве и Высшего горного училища в Екатеринославе. На обсуждении этого виттевского проекта в Государственном совете Боголепов позволил себе высокомерно заявить, что в новые высшие учебные заведения «устремятся дети низших сословий» (притом что сам-то он был всего лишь сыном квартального надзирателя). Парируя этот аргумент, С.Ю. Витте заключил: «С такими понятиями нельзя занимать место министра народного просвещения»⁶.

Такой строй межведомственных отношений не предрасполагал к согласованному оптимальному разрешению проблемы централизации руководства имперской высшей школой. Однако эта управленческая проблема не снималась с повестки академической политики и в дальнейшем. В 1910 г. Л.А. Кассо безуспешно попытался провести через Совет министров законопроект «О подведомственности промышленных высших учебных заведений» своему министерству⁷. Но, очевидно, борьба

разных административных интересов и одиозная репутация главы ведомства просвещения даже внутри высшего чиновничества воспрепятствовала взаимодействию с коллегами по Совету министров в этом начинании.

Скоординировать действия по управлению ведомственными системами высшего образования министры могли только посредством совместной разработки законодательных установлений. Таковыми были, например, «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков» 29 июля 1899 г.; «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» 22 декабря 1901 г.; «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 27 августа 1905 г. и пр. Юрисдикция этих нормативных актов постепенно или сразу же распространялась на высшие учебные заведения почти всех ведомств. Но их практическое испытание *всегда* поручалось Министерству народного просвещения. Оно явно внушало доверие Николаю II своей последовательной консервативностью. Это выражалось в бюрократической стилистике управления подведомственными высшими учебными заведениями, в том числе и университетами. Таковую отличала гипертрофированная тенденция ко всеохватной регламентации их жизнедеятельности – организационно-административной, дисциплинарной, учебной и прочей. Эта преимущественно бюрократическая структура лишь на краткое время дважды, в министерствах И.И. Толстого (31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г.) и П.Н. Игнатьева (декабрь 1914 г. – декабрь 1916 г.), несколько «размораживалась», трансформируясь в силу реформаторских вызовов «снизу».

Примечания

¹ Народного просвещения (28), торговли и промышленности (13), внутренних дел (11), земледелия (11), военному (6), морскому (3), путей сообщения (2), императорского двора (1), иностранных дел (1), св. Синода (5), ведомству императрицы Марии (2)

² РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 280. Л. 7.

³ Там же. Оп. 194. Д. 1617. Л. 3об.

⁴ Там же. Оп. 151. Д. 286. Л. 1.

⁵ РГВИА. Ф. 165 (Куропаткин А.Н.). Оп. 1. Д. 1896. Л. 1.

⁶ См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX–начале XX века. М., 1991. С. 164–165.

⁷ Там же. С. 163.

Ф.И. Мелентьев
*Государственный архив Российской Федерации,
НИУ «Высшая школа экономики»*

Наследники престола и карательный аппарат пореформенной России

Аннотация

Статья посвящена изучению восприятия членами российской императорской фамилии местных учреждений административно-полицейского аппарата пореформенной России, в исследование которых значительный вклад внес профессор Н.П. Ерошкин. В основе статьи лежит анализ неопубликованных дневников и писем великих князей Николая и Александра Александровичей, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Автор приходит к выводу о том, что наследники престола видели недостатки тюрем пореформенной России, но в силу разных причин не давали оценку увиденному.

Ключевые слова: тюрьма, пенитенциарная система, Александр II, цесаревич Николай Александрович (1843–1865), цесаревич Александр Александрович, Александр III.

F.I. Melentev
*State archives of the Russian Federation,
National Research University «Higher School of Economics»*

Heirs to the throne and the punitive apparatus of post-reform Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the perception by members of the Russian Imperial Family of local institutions of the administrative and police apparatus of post-reform Russia, to the study of which N.P. Eroshkin made a significant contribution. The article is based on the analysis of unpublished diaries and correspondence of Grand Dukes Nicholas Alexandrovich and

Alexander Alexandrovich, stored in the State archives of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the heirs to the throne saw with their own eyes the shortcomings of prisons in post-reform Russia, but did not give an assessment of what they saw for various reasons.

Keywords: prison, penitentiary system, Alexander II, Tsesarevich Nicholas Alexandrovich (1843–1865), Tsesarevich Alexander Alexandrovich, Alexander III.

Существует известный исторический анекдот о том, как император Александр II во время посещения одной из русских тюрем решил поинтересоваться у заключенных, за что они отбывают наказание. В ответ каждый из них начал убеждать царя, что осужден невинно. И лишь один заключенный признался, что наказан по заслугам. Последнего-то, согласно анекдоту, Александр II и распорядился отпустить, чтобы этот «негодяй» не развратил своих «честных» сокамерников. Хотя образ императора, созданный в анекдоте, вполне вписывается в культивировавшиеся представления о добром царе-освободителе, примечательно, что в ранних версиях анекдота фигурировал его отец Николай I¹.

Разумеется, реальность отличалась от этих идеализированных представлений. Александр II в свою бытность наследником престола совершил несколько путешествий по России, причем наиболее подробно он описывал свои путевые впечатления в письмах к отцу в 1837 г. Николай I требовал, чтобы наряду со всеми казенными учебными заведениями, госпиталями, заведениями приказа общественного призрения цесаревич Александр Николаевич «везде непременно» посещал бы и тюрьмы². Характеризуя августейшие визиты в Шлиссельбургскую крепость-тюрьму, историк М.Н. Гернет писал: «Неизвестно, что влекло этих посетителей на остров, что именно они здесь посещали, что осматривали...»³. Между тем материалы личного происхождения (дневники и письма цесаревича Александра Николаевича и его старших сыновей – великих князей Николая и Александра Александровичей, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации) позволяют рассмотреть восприятие ими русских острогов и в целом практику посещения тюрем, то есть местных учреждений карательного аппарата царской России, как выразился бы Н.П. Ерошкин⁴.

Нельзя сказать, что описание провинциальных тюрем занимало главное место среди путевых впечатлений цесаревича Александра Николаевича. Однако он регулярно сообщал отцу о состоянии мест лишения свободы. Можно заметить, что тюрьмы в европейской части

Российской империи в целом не вызывали нареканий у наследника престола. По наблюдениям цесаревича Александра Николаевича, костромской, вятский, воткинский, тамбовский и воронежский остроги были соответственно «в большом порядке», «в отличном порядке», «в весьма удовлетворительном состоянии», «в надлежащем порядке», «в большом порядке». Ярославский острог был «очень чисто содержан». Приятное удивление наследника вызвал образцовый порядок в остроге на станции Моргуновой под Екатеринбургом, остановка в которой заранее не предусматривалась⁵.

Тем не менее, наследник обращал внимание на «ветхие» остроги в Оренбурге и Калуге, а также отмечал, что новое здание саратовского острога «чисто содержанное, но неудобно устроенное, ибо окна на улицу и потому арестанты легко могут быть в сношении с жителями». И все же наиболее проблемными были сибирские тюрьмы. В Тобольске цесаревич посетил «острог, который также разваливается», а в «Тюмени острог в весьма ветхом положении и недостаточно имеет вместительности, ибо там скопляется иногда до 1000 чел[овек] пересыльных, которых принуждены размещать по вольным квартирам», что, по словам великого князя, представляло «весьма важное неудобство»⁶.

Цесаревич Александр Николаевич делился с Николаем I своими впечатлениями о заключенных. «Проехали в острог, где я видел бывшего начальника гранитной фабрики, несколько монахов-раскольников и некоторых каналов беглых каторжных, которые здесь промышляли разбоями», – писал он о Верх-Исетском заводе, а в письме из Тобольска размышлял, что с пойманными беглыми каторжниками, «с этими бездельниками, мне кажется, надобно бы гораздо строже поступать». Тем не менее наследник престола был готов присоединиться к ходатайству перед Николаем I о прощении одного арестанта в тамбовском остроге⁷.

Отправляя в путешествия по стране своих старших сыновей, великих князей Николая и Александра Александровичей в 1860-е гг., Александр II руководствовался взглядами своего отца на задачи подобных поездок. Поэтому неудивительно, что наследники престола посещали тюрьмы и в эпоху Великих реформ. При этом характерно, что входивший в ближайшее окружение великих князей разработчик отмены телесных наказаний в Российской империи князь Н.А. Орлов заручился поддержкой цесаревича Николая Александровича и убеждал его, что именно тот является главным инициатором реформы⁸. Как бы то ни было, великий князь Николай Александрович был вовлечен в обсуждение пенитенциарной проблематики. В 1861 г. цесаревич стал свидетелем этапирования арестантов, которое произвело на него, как признавался наследник в письме Александру II, «какое-то странное впечатление». С одной стороны,

цесаревичу хотелось освободить узников, но с другой – великий князь Николай Александрович понимал невозможность осуществления своего желания, размышляя о Дон-Кихоте и сцене освобождения неблагодарных колодников⁹.

В дневнике и письмах к Александру II и императрице Марии Александровне за 1863 год цесаревич Николай Александрович описывал ужасающее состояние казанского, ярославского, саратовского и харьковского острогов, упоминал о сырости и духоте в камерах, тесноте и недоброкачественности зданий, о сетованиях местных властей на проблемы тюремной системы¹⁰. Единственным выходом из сложившегося положения представлялось строительство новых тюремных зданий, которое, в частности, завершилось под Петрозаводском и велось в Ярославле¹¹.

Определенное внимание цесаревич Николай Александрович уделял заключенным, о чем можно узнать из его писем к матери, императрице Марии Александровне. Особое любопытство наследник престола проявлял в Шлиссельбургской крепости, где комендант подробно рассказывал о каждом заключенном¹². Сочувствие великого князя Николая Александровича вызвало знакомство в ярославском остроге со священником, обучавшим узников¹³. Характерно, что находясь в тюремном пространстве, наследник, скорее всего, не общался с острожниками напрямую.

Внимание цесаревича Александра Александровича тюремная система привлекала гораздо меньше, хотя и он в 1866 г. отмечал наличие особых арестантских отделений в провинциальных земских больницах¹⁴. В 1869 г. великий князь Александр Александрович отправился в путешествие по России с супругой – цесаревной Марией Федоровной, которая до этого никогда не видела русских тюрем¹⁵. Впрочем, особого впечатления на цесаревича Александра Александровича это посещение не произвело. А саратовский острог, как и в 1863 г., был все так же тесен и неудобен¹⁶.

В ходе знакомства великих князей Александра Николаевича, а также Николая и Александра Александровичей с русскими тюрьмами и острогами, как правило, выяснялось неудовлетворительное состояние исправительных учреждений. Учитывая, что к августейшим визитам администрация, безусловно, готовилась, повседневное состояние тюрем было еще хуже. «Подавляющее большинство этих тюрем размещалось в старых, сырых зданиях, – писал Н.П. Ерошкин. – Обычными явлениями были грязь, теснота, плохое питание, отсутствие медицинского обслуживания, тяжелый тюремный режим»¹⁷. И хотя цесаревич Николай Александрович проявлял заинтересованность в том, чтобы узнать истинное положение дел, ни в дневнике, ни в письмах к Александру II или

императрице Марии Александровне он не высказывал возмущения. Будущий Александр III, существенно меньше обращавший внимание на тюрьмы в целом, также был в курсе проблем в этой сфере, но, как и его старший брат, не выступал против сложившегося порядка. Хотя великие князья были весьма далеки от тюрем пореформенной России, они, по-видимому, не питали иллюзий в отношении возможности их эффективного реформирования. Тем более они не могли себе представить, что их младший брат Павел будет заключен большевиками в тюрьму, а впоследствии расстрелян.

Примечания

¹ Демичев А.А. Монархическое сознание российских подданных XVIII – первой половины XIX в. (по материалам исторических анекдотов) // Идеи и идеалы. 2014. № 1 (19). Т. 1. С. 123.

² Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 21.

³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2. С. 395.

⁴ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 13.

⁵ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 40, 41, 47, 83, 85, 35, 50.

⁶ Там же. С. 66, 90, 79, 58, 61.

⁷ Там же. С. 52, 58–59.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 665. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1об., 4–4об, 8–9об, 10об; Д. 28. Л. 10–10об, 24–31; Д. 29. Л. 12.

⁹ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 29об, 30.

¹⁰ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 42, 69об–70; Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 25об; Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 70об–71; Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 29.

¹¹ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 9; Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 42.

¹² Там же. Л. 3–3об.

¹³ Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 42, 69об.

¹⁴ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. Л. 186, 188.

¹⁵ Там же. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

¹⁶ Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича (Из его дневника за 1869 год) // Бабст И.К., Победоносцев К.П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб., 2010. С. 544.

¹⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 407.

Дворянин или чиновник? Проблемы самоопределения
представителей просвещенной бюрократии
эпохи реформ 60–70 гг. XIX в.

Аннотация

Статья посвящена анализу субъективного социального статуса представителей «просвещенной бюрократии», их самоопределению в сложной системе социальных связей и взаимодействий, определявших политику периода реформ 60-70 гг. XIX в. В статье показано, что этот статус носил конвенциональный характер. Выбирая между «дворянином» и «чиновником», представитель «просвещенной бюрократии» не должен был забывать о своем месте в придворной иерархии.

Ключевые слова: просвещенная бюрократия, дворянство, чиновничество, придворное общество, отмена крепостного права.

N.M. Seliverstova
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia

A nobleman or an official? The problems of selfdetermination
of representatives of the enlightened bureaucracy
during the reform era of the 60–70s 19 century

Abstract

This article is devoted to the analysis of the subjective social status of the representatives of the "enlightened bureaucracy", their self-estimation in a complex system of social ties and interactions that determined the policy of the reform period of the 60-70s 19 century. The article shows that this status was of a conventional nature. Choosing between a "nobleman" and an "official", the representative of the "enlightened bureaucracy" should not forget about his place in the court hierarchy.

Keywords: enlightened bureaucracy, nobility, bureaucracy, court society, abolition of serfdom.

Время подготовки и проведения реформ 60–70 гг. XIX в. стало поворотным для Российской империи, самого императора Александра II и каждого его подданного. Особое место среди тех, чья жизнь была отмечена этой эпохой, занимает группа людей, являвшихся непосредственными организаторами самих реформ. Это представители «просвещенной бюрократии», той части многочисленного российского чиновничества, в среде которой определялись контуры предстоящих преобразований, и из которой кооптировались кандидатуры, занимавшие ключевые посты в администрации, занятой их осуществлением. В отечественной историографической традиции их принято называть «либеральной бюрократией», но зарубежная, и в особенности англоязычная историография усвоила термин «просвещенная бюрократия», который представляется более точным. В этом термине присутствует отсылка к идеям Просвещения, которые способствовали освобождению Европы от обломков «старого режима» и все еще сохранявшими актуальность в предреформенной самодержавной и крепостнической России середины XIX в.

В силу исторической традиции и действовавшего законодательства, чиновники, то есть лица, находившиеся на гражданской государственной службе, по своей сословной принадлежности в большинстве своем относились к дворянству как потомственному, так и личному. Н.П. Ерощкин, характеризуя государственный аппарат первой половины XIX в., использует термин «дворянская бюрократия»¹.

В дворянской среде существовала весьма отчетливая граница, отделявшая служилое дворянство, составлявшее значительную часть чиновничества, от поместного. При всей близости этих социальных групп, их взаимным наложением друг на друга, в конкретной исторической реальности России середины XIX в. у современников не возникало никакой ошибки в практике причисления того или иного индивида к общностям: «чиновничеству» или «дворянству». При этом основанием различия далеко не всегда выступал преобладающий источник дохода, а скорее вопрос самоидентификации. Поэтому иногда мог возникнуть конфликт интересов, затрагивающий вопрос принадлежности конкретного человека к той или иной социальной группе, что заставляло его рано или поздно сделать выбор и занять определенную позицию.

Представители «просвещенной бюрократии», активно вовлеченные в реформаторскую деятельность, как правило выражали точку зрения

государства так, как они ее понимали, воспринимали себя служителями «государственного блага». Будучи сами представителями высшего сословия, иногда обладая поместьями, они говорили о дворянстве в третьем лице множественного или единственного числа: «оно, дворянство» или «они, дворяне».

Любопытно, что в речи сановников старого поколения, участвовавших в Великих реформах, тоже существует это разделение, предполагающее внешнюю, стороннюю позицию говорящего по отношению к такой общности, как дворянское сословие. Например, в записке на имя Александра II, посвященной предстоящей отмене крепостного права, Я.И. Ростовцев хоть и с оговорками, предлагает разрешить мирской общине жаловаться на помещика губернатору, если в применении Положения на местах встретятся какие-либо неудобства «незвизрая на добросовестность дворянства, к которому я имею полную доверенность»².

Очень интересный пример представляет судьба и личность Ю.Ф. Самарина, который, оставив службу в 1852 г., активно участвует в подготовке и проведении реформ, особенно в крестьянской, и который в течении десятилетий находился в тесной связи с кругом просвещенных бюрократов. Занимаясь делами государственной важности, он в то время уже не состоял на государственной службе, и в Самарском дворянском губернском комитете был представителем от правительства, а в Редакционных комиссиях играл роль эксперта, представителя поместного дворянства. В личных письмах, написанных в 1861–1862 гг. Юрий Федорович отождествляет себя с теми, кто готовил крестьянскую реформу, то есть с кругом «просвещенных бюрократов». На обвинения И.С. Аксакова в том, что «Манифест» и «Положения» написаны непонятным языком, Самарин отвечает: «Перечитывая теперь Положение, я сам прихожу в ужас и все-таки я остаюсь при том убеждении, что трудно, даже невозможно было написать его лучше... Положение, и по содержанию, и по форме – вовсе не лирическое произведение,... а сделка между четырьмя далеко, впрочем, не равносильными началами: интересом крестьян, интересом помещиков, взглядом правительства и взглядом нашим»³. Из этих слов видно, что Ю.Ф. Самарин разделяет собственно творцов крестьянской реформы, подлинных «просвещенных бюрократов» и остальное правительство. Отдельно стоят помещики, но даже, обладая крупным поместьем, Юрий Федорович не говорит от лица этой социальной группы. Но кто же это «мы» в более точном отношении? Если учесть, что противостоит им упоминаемый в письмах «Петербург», привычное для лексикона славянофилов наименование чуждой им среды, возможно, это всего лишь два человека – сам Ю.Ф. Самарин и князь В.А.

Черкасский, который также был членом Редакционных комиссий. Но куда более вероятно, что они объединялись в своей деятельности с подлинным автором крестьянской реформы – Н.А. Милютиным.

Имена Милютина, Самарина и Черкасского называет в числе главных деятелей Редакционных комиссий Д.А. Оболенский, когда в своем дневнике от 6 марта 1861 г., пишет об окончании «великого дела»⁴. Эти люди, объединенные общей целью, были ближе друг к другу, несмотря на разницу в социальном статусе. Н.А. Милютин происходил из небогатой дворянской семьи, хотя и приходился племянником П.Д. Киселеву. Он практически не обладал иными источниками дохода, кроме чиновничьего жалованья, но Ю.Ф. Самарин и В.А. Черкасский были богатыми помещиками. В то же время Н.А. Милютин вызывал зависть у подавляющего большинства петербургского чиновничества, эта атмосфера недоброжелательства осложняла его реформаторскую деятельность и всю его жизнь⁵. Вскоре после издания «Манифеста» и «Положений», в апреле 1861 г. Александр II отправил в отставку министра внутренних дел С.С. Ланского и товарища министра Н.А. Милютина.

Участвуя в работе Редакционных комиссий, Н.А. Милютин, прежде всего, опирался на поддержку экспертов-помещиков, знакомых на практике с крестьянским вопросом, а не кабинетных чиновников. Об этом, основываясь на эпистолярном наследии Н.А. Милютина, пишет известный французский историк XIX века А. Леруа-Болье: «Ce bureaucrate, avait été l'un des premiers à réclamer les conseils de grands propriétaires au courant des usages et des besoins du peuple, et c'est parmi ces pomechtchiks, dont il passait pour l'ennemi, qu'il devait trouver ses deux plus intimes et plus fidèles amis, ceux dont le nom reste à jamais inséparable du sien»⁶. («Этот бюрократ одним из первых обратился за советом к крупным землевладельцам, знающим обычаи и нужды народа, и именно среди этих помещиков, для которых он представлялся врагом, он нашел себе двух самых близких и верных друзей, имена которых навсегда остались неотделимы от его имени»).

Д.А. Оболенский, будучи представителем знатного дворянского рода, входивший в близкое окружение великого князя Константина Николаевича, и при этом активный участник реформ, в своих записках достаточно резко высказывался о высшем сословии в целом: «... дворянство как сословие ничего не значит. Выборы его – вздор...»⁷. Еще в 1857 г., когда стало известно о создании Секретного комитета по крестьянскому делу, в частном разговоре с В.А. Долгоруким он подтверждал свою приверженность делу эмансипации крестьян. Весьма примечательно, что Дмитрий Александрович высказывался за приглашение в Санкт-Петербург «тех помещиков, которые, подобно Самарину, занимались крепостным вопросом, и им поручить разработку

тех подготовительных мер, на необходимость которых все указывают единогласно»⁸. При этом он был категорически против того, чтобы департаментские чиновники, привыкшие к канцелярской работе, занимались подготовкой к отмене крепостного права. Он ясно различает «людей сведуших» и «чиновников». Под последними он понимает как рядовых малообразованных представителей бюрократии, так и высших сановников, малокомпетентных, не способных к делу государственного управления.

Александр II как абсолютный монарх, предпринявший масштабные всеохватывающие реформы, в течение всей жизни должен был учитывать сложную систему отношений в придворном обществе, которую французский социолог и историк Н. Элиас называет термином «фигурация»⁹.

Когда весной 1859 г. доброжелательно настроенный Александр II удостоил аудиенции Н.А. Милютина, он напомнил, что общественное мнение (а в устах императора это означало «двор») относится к нему враждебно, выставляя его «революционером». Поэтому, приняв назначение на пост товарища министра внутренних дел, он должен был себя реабилитировать¹⁰. Несмотря на все знания, компетентность, работоспособность и преданность делу Н.А. Милютина, при назначении на новый, более высокий пост, ему нужно было умело встроиться в существующую систему связей, найти новых покровителей и укрепив отношения с уже существующими. Первоначально, даже когда министр внутренних дел С.С. Ланской поручился за Н.А. Милютина, император продолжал всячески противиться этому назначению. Так, он предложил кандидатуру Д.А. Оболенского, не вызывавшего отторжения придворной среды. Но Дмитрий Александрович отказался, сославшись на свою некомпетентность в крестьянском вопросе. Ситуацию помогла переломить поддержка великой княгини Елены Павловны, которая сумела устроить встречу Н.А. Милютина с императрицей Марией Александровной. В итоге положение Н.А. Милютина несколько укрепилось. Затем Александр II дал согласие на то, чтобы Н.А. Милютин был назначен на пост товарища министра внутренних дел, но с указанием «временно исполняющий обязанности». Как писал Н. Элиас: «Реальное положение человека в системе социальных связей придворного общества определялось всегда обоими этими моментами: официальным его рангом и сиюминутной силой его положения»¹¹.

Этот пример демонстрирует, насколько сложным было положение «просвещенной бюрократии», включенной в сословную структуру общества и систему социальных связей, но призванную существенно её реформировать. Будучи чиновниками, они отмечали некомпетентность его

подавляющего большинства; формально принадлежа к высшему сословию, они были для него чужаками, разрушителями векового уклада и благополучия. В силу того, что реформы 60–70 гг. XIX в. проводились «сверху», «просвещенные бюрократы» находились в непосредственной близости от престола, и оказались в пределах влияния придворных кругов. Большинство из них остались верны своему назначению, смогли определиться, найти свое место, и стали частью истории эпохи Великих реформ.

Примечания

¹ *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006. С. 95.

² РГИА. Ф. 869. Оп. 1 Д. 454. Л. 5об.

³ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб., 2016. С. 89.

⁴ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 189

⁵ *Leroy-Beaulieu. A.* Un Homme d'état russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite. Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855–1872). Paris, 1884. P. 34–35.

⁶ *Ibid.* P. 48.

⁷ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 92.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ См.: *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. 368 с.

¹⁰ *Leroy-Beaulieu. A.* Un Homme d'état russe. P. 35.

¹¹ *Элиас Н.* Придворное общество... С. 115.

Секция 2. Российская государственность эпохи революций начала XX века

Р.А. Фандо

*Институт истории естествознания и техники
имени С.И. Вавилова Российской академии наук*

История высших негосударственных учебных заведений в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Аннотация

В статье рассмотрены особенности становления негосударственного высшего образования в Российской империи в конце XIX в. – начале XX в. В этот период в стране наблюдался рост промышленного производства, поэтому ощущалась острая нехватка в квалифицированных кадрах. Решить данную проблему смогли негосударственные учебные заведения, которые по темпам роста и возросшему интересу со стороны населения к ним стали опережать императорские университеты, о чем свидетельствуют статистические данные, приводимые в статье.

Ключевые слова: частные высшие учебные заведения, меценатство, демократизация образования.

R.A. Fando

*S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of Russian Academy of Science*

History of private higher education institutions in the Russian Empire in the late 19 – early 20 century

Abstract

This paper reviews the formation of non-governmental higher education in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century. During this period the country saw the growth of industrial production; therefore, there was an acute lack of high-quality professional cadre. The non-governmental higher education institutions became a solution to this problem. By the early 20th century, these institutions began to outpace the imperial universities in their growth rate and popularity among the population, which is reflected in statistical data provided in the paper.

Keywords: private higher education institutions, patronage, democratization of education.

В России конца XIX – начала XX в. были осуществлены крупные преобразования в законодательстве, экономике, культуре и образовании. В этот период наблюдалось формирование новых типов образовательных учреждений, не зависящих от государственного финансирования и расширяющих спектр направлений профессиональной подготовки в связи с возросшей потребностью в новых специалистах.

История становления неправительственных высших вузов в России имеет глубокие корни. Они были учреждены различными обществами и крупными меценатами уже в начале XIX в. Организованные на средства обществ высшие учебные заведения стали называть «общественными», соответственно финансируемые на деньги конкретных лиц – «частными».

В 1810 г. при финансовой поддержке Купеческого общества любителей коммерческих знаний была открыта Московская практическая академия коммерческих наук. В Москве до этого существовало учебное заведение для обучения купеческих детей. История его началась с того момента, когда в 1772 г. П.А. Демидов пожертвовал на учреждение коммерческого училища 205 тыс. рублей, и уже в 1773 г. был осуществлен первый набор мальчиков, в основном оставшихся без родителей. В 1779 г. по указу Екатерины II училище получило название в честь его создателя и именовалось вплоть до 1800 г. «Демидовским коммерческим училищем»¹. В 1800 г. училище переехало в Санкт-Петербург, в связи с чем в Москве возникла острая необходимость в подготовке специалистов в области торговли². Восполнить эту брешь и помогла Московская практическая академия коммерческих наук.

В 1815 г. Москве на деньги богатого предпринимателя и придворного ювелира, ставшего затем советником Государственного банка России, Ованеса Лазарева было открыто Армянское училище, которое с 1827 г.

стало именоваться Лазаревским институтом восточных языков. Данное заведение полностью финансировалось на средства братьев Ованеса и Овакима Лазаревых, даже после их смерти, и обеспечивало многолетнюю подготовку студентов по изучению восточных языков, армянской литературы и искусства.

Одним из ключевых и острых вопросов российского образования стал пресловутый «женский вопрос». Историки неоднократно указывали на то, что женщины в Российской империи были ущемлены в правах на получение университетского образования³. Несмотря на это, многие женщины, желая продолжить свое образование и изучить научные основы различных дисциплин, проходили обучение на негосударственных Высших женских курсах.

Первое высшее учебное заведение для женщин – Московские высшие женские курсы В.И. Герье были учреждены в 1872 г., Петербургские – в 1878 г. Высшие женские курсы принимали на обучение лиц женского пола, окончивших гимназию с дополнительным восьмым классом, либо выпускниц епархиального училища или другого учебного заведения с правами гимназии. Для зачисления в ряды слушательниц Высших женских курсов требовалось представить обязательное разрешение от родителей или от мужа и справку о политической благонадежности. Окончившие данные курсы имели право работать учителями женских средних учебных заведений и младших классов мужских средних школ.

Негосударственное образование стало в некотором роде «тихой гаванью» для либерально настроенного студенчества, а также возможностью свободного преподавания и дополнительного заработка университетской профессуры. Правительственные учебные заведения после введения Устава 1884 г. находились под пристальным руководством Министерства народного просвещения. Данный устав наделял особыми полномочиями университетских инспекторов. Согласно статье 46 Устава 1884 г. инспектор студентов должен был определяться на должность министром народного просвещения, по представлению попечителя учебного округа. Кроме того, статья 47 того же устава гласила, что инспектор, хотя и подчиняется в своих действиях ректору, тем не менее состоит под непосредственным начальством попечителя⁴. Таким образом, инспектор был поставлен перед ректором в независимое положение, так как мог ходить к попечителю учебного округа самостоятельно с докладом, минуя ректорат. В работе императорских университетов сложилось двоевластие: ректоры и инспекторы часто не могли найти общего решения по ряду злободневных проблем.

17 декабря 1905 г. были изданы «Временные правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения»,

которые устанавливали выборность ректоров и проректоров университетов советами профессоров с последующим утверждением их министерством.

В 1905–1907 гг. популярность частного образования снова возросла, к функционирующим до того времени 14 негосударственным вузам прибавилось еще 36. За 1908–1913 гг. – к ним присоединилось еще 26, при этом половина из них – только в течение 1908–1909 гг. С 1914 по 1917 гг. в этот список еще добавилось 12 неправительственных высших учебных заведений. Согласно А.Е. Иванову до Февральской революции в России работало более 80 общественных и частных учебных заведений, но после свержения царизма их количество упало до 59⁵.

А.Е. Иванов на основе статистических данных установил, что численность студентов в России с 1897 по 1917 гг. возростала в угасающем темпе: в 1897–1908 гг. в среднем на 19,5% в год; в 1908–1914 гг. – на 5,5%; в 1914–1917 гг. – на 3,1 %⁶. К 1897 г. в стране насчитывалась 31 тыс. студентов, а к февралю 1917 г. их число составляло 135 тыс. Т.Э. Петрова считает, что темпы роста студенчества в России до XX в. были «форсированными» по сравнению с развитием западноевропейских студенческих корпораций, вековое отставание от Европы нам удалось преодолеть за несколько десятилетий⁷.

По мнению А.Е. Иванова, рост числа студентов в дореволюционный период в большей степени обеспечивался за счет слушателей неправительственных вузов. Рассмотрев динамику изменения соотношения численности студентов государственных, общественных и частных учебных заведений за период с 1897 по 1914 гг., он отметил, что к 1914 г. наблюдалась тенденция к выравниванию числа учащихся императорских и негосударственных вузов, с незначительным перевесом в пользу первых⁸. Вероятнее всего это было связано с отсутствием ряда ограничений в приеме студентов в частные учебные заведения.

Идея приобщения простых людей к науке и устройства народных университетов пришла в Россию из Европы и Америки. Первые шаги по распространению научных знаний вне стен университетов были сделаны в Англии во второй половине XIX в. В 1875 г. с целью повышения интеллектуального уровня населения было создано «Соединенное университетское бюро», состоящее из представителей Кембриджа, Оксфорда и Лондона. В 1890 г. было создано Американское общество для распространения университетского образования.

В российском обществе конца XIX – начала XX в. наблюдалось активное приобщение населения к знаниям и культурным ценностям, что в конечном итоге способствовало открытию народных университетов, учреждений нового типа, направленных на повышение интеллектуального

уровня всех, кому были закрыты двери в императорские университеты. Кроме вузов, которые назывались «народными университетами» (Московский, Томский и Нижегородский народные университеты), существовала иная форма научно-популярного образования также именуемая «народными университетами», но больше напоминающая научно-популярные лектории. Для того чтобы избежать путаницы – первые из них часто в обиходе стали именовать «вольными школами», а за вторыми закрепилось первоначальное название⁹.

В начале XX в. в Российской империи возросла роль общественных и частных инициатив в области образования и науки, о чем свидетельствует увеличение числа и расширение географии негосударственных вузов и частных исследовательских лабораторий, создаваемых на средства меценатов и различных обществ. Профессорско-преподавательский корпус и студенчество негосударственных вузов часто находились в оппозиции к государственной власти и выступали с идеями демократизации образования.

После Октябрьской революции 1917 г. для негосударственной высшей школы наступил решительный момент. Новое правительство ликвидировало все прежние высшие учебные заведения, чтобы взамен им создать новые, построенные по новым принципам и преследующие перед собой задачи подготовки кадров для страны советов. Благие начинания меценатов в деле приближения науки к народу, которые можно выразить словами основателя Томского народного университета П.И. Макушина «Жизнь свою положу на то, чтобы осуществить идею свободного – истинно народного университета»¹⁰, также были окончательно низвергнуты новой властью. Автономия негосударственных вузов, которую так тяжело продвигали сторонники либеральных реформ, была упразднена Советами народных депутатов. «Революционный хаос» еще несколько лет творился в зданиях частных учебных заведений, после чего началась передача материально-технических ценностей в различные государственные организации и переход профессуры в российские или зарубежные институты науки и образования.

Примечания

¹ История Московского Купеческого Общества. 1863–1913. М.: Московское купеческое общество, 1914. 97 с.

² Бурлова Н.В. Возникновение и развитие системы негосударственного образования в России (конец XIX – начало XX вв.). М.: Государственная академия славянской культуры, 2003. 55 с.

³ Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы

истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153; *Валькова О.А.* Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 82–96.

⁴ Уставы Московского университета, 1755–2005 / авт.-сост. Гена Е.И. М., 2005. 479 с.

⁵ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М.: Институт истории СССР, 1991. С. 100.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ *Петрова Т.Э.* Социология студенчества в России: Этапы и закономерности становления. СПб.: Бельведер, 2000. 241 с.

⁸ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М.: Институт истории СССР, 1991. С. 253.

⁹ *Фандо Р.А.* Расцвет негосударственного высшего образования в дореволюционной России // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 106–119.

¹⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 18. Л. 13–13а (Воспоминания П.И. Макушина о трудностях, связанных с открытием народного университета, б/д).

Дипломатический чиновник при генерал-губернаторе в административной системе Российской империи

Аннотация

В статье на основе документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и законодательных актов анализируется институт дипломатического чиновника при генерал-губернаторе. Основное внимание уделяется сравнению туркестанской и приамурской моделей данного института. Делается вывод, что двойной статус должности дипломатического чиновника стал серьезным административным барьером, не позволившим МИД преобразовать институт дипломатического чиновника в нужном ему направлении.

Ключевые слова: государственное управление, Министерство иностранных дел, дипломатический чиновник при генерал-губернаторе, туркестанское и приамурское генерал-губернаторства, А.Д. Калмыков, Н.В. Богоявленский.

V.I. Kulikov
Russian state University for Humanities

Diplomatic official under the governor-general in the administrative system of the Russian Empire

Abstract

The article analyzes the Institute of a diplomatic official under the Governor-General on the basis of documents from the Archive of foreign policy Of the Russian Empire (AVPRI) and legislative acts. The main attention is paid to the comparison of the Turkestan and Amur models of this Institute. It is concluded that the dual status of the position of a diplomatic official was a serious administrative barrier that did not allow the Ministry of foreign Affairs to transform the institution of a diplomatic official in the right direction.

Keywords: state administration, Ministry of foreign Affairs, diplomatic official under the Governor-General, Turkestan and Amur governorates-General, A.D. Kalmykov, N.V. Bogoyavlensky.

Важная роль во внешнеполитических связях Российской империи с другими странами принадлежала генерал-губернаторам. Они получили право вступать в сношения с пограничными властями соседних азиатских стран, а при самих генерал-губернаторах учреждалась должность дипломатического чиновника. Вместе с тем необходимо отметить, что институт дипломатического чиновника при генерал-губернаторе, несмотря на появление в последнее время ряда интересных работ¹ все еще остается недостаточно изученным в отечественной историографии и рассматривается исследователями исключительно через призму регионального управления.

Практика назначения представителей Министерства иностранных дел в пограничных губерниях России восходит к 20-м годам XIX века. Несмотря на то, что должность дипломатического чиновника в разное время существовала в пограничных регионах как Европейской, так и Азиатской России, данный институт оказался более типичным для азиатских окраин империи. К началу XX века институт дипломатического чиновника получил достаточно широкое распространение в азиатской части страны: при кавказском наместнике (Тифлис), при туркестанском генерал-губернаторе (Ташкент), при начальнике Закаспийской области (Асхабад), при приамурском генерал-губернаторе (Хабаровск). До лета 1905 г. должность дипломатического чиновника существовала также в Порт-Артуре, первоначально при главном начальнике Квантунской области, затем при наместнике на Дальнем Востоке. В мае 1911 г. должность дипломатического чиновника учредили при генерал-губернаторе в Иркутске. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что статус дипломатического чиновника во всех этих регионах заметно различался. По меньшей мере, можно утверждать о существовании двух моделей института дипломатического чиновника – туркестанской (дипломатический чиновник – агент Министерства иностранных дел) и приамурской (дипломатический чиновник – советник генерал-губернатора).

В Туркестанском крае должность дипломатического чиновника существовала с 1869 по 1918 гг. (с перерывом в 1885–1899 гг.). Данную должность включили в штатное расписание по Туркестанскому генерал-губернаторству. Согласно Положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством дипломатический чиновник назначался и увольнялся приказом генерал-губернатора по согласованию с

Министерством иностранных дел, средства на его содержание выделялись из сумм Военного министерства². Должность была отнесена к V классу по «Табели о рангах». Фактически дипломатический чиновник был своего рода «министром иностранных дел» при туркестанском генерал-губернаторе. Первым чиновником, занявшим эту должность, стал К.В. Струве, переведенный в Ташкент с аналогичной должности из Оренбурга. В 1885 г. должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе упразднили, а занимавшего ее дипломата Н.В. Чарыкова перевели в Бухару, где он возглавил российское политическое агентство при эмире. При этом туркестанский генерал-губернатор получил право вызывать политического агента в Ташкент и поручать ему выполнение обязанностей, входивших ранее в компетенцию дипломатического чиновника³. Однако с проведением через пределы Бухарского эмирата железной дороги и появлением там значительного числа русских поселений, деятельность политического агента настолько усложнилась, что его длительные командировки из Бухары в Ташкент сделались обременительными для исполнения им своих прямых обязанностей, и это обстоятельство вызывало серьезное недовольство в Министерстве иностранных дел. Но предложение МИД восстановить должность дипломатического чиновника в Ташкенте натолкнулось на сопротивление со стороны нового туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского, ревниво относившегося к попыткам внешнеполитического ведомства расширить зону своей ответственности в Центральной Азии. Более того, Вревский выступал за упразднение должности политического агента в Бухаре, починявшегося Министерству иностранных дел, и замену его на императорского уполномоченного с правами губернатора, подчиненного, как и все начальники областей Туркестанского края, генерал-губернатору⁴.

В 1897 г. было принято решение включить в состав Туркестанского края Закаспийскую область, ранее подчинявшуюся главнокомандующему гражданской частью на Кавказе. Это стало поводом для возобновления усилий со стороны МИД по восстановлению должности дипломатического чиновника в Ташкенте. К тому же в марте 1898 г. Вревского на посту туркестанского генерал-губернатора сменил С.М. Духовский и феврале 1899 г. по инициативе внешнеполитического ведомства должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе была восстановлена. Но на этом, втором, этапе (1899–1918) дипломатический чиновник уже не только и не столько советник генерал-губернатора по внешнеполитическим делам, сколько агент внешнеполитического ведомства в Туркестанском крае. По образному выражению назначенного на данную должность В.О. Клемма, он стал «оком

Министерства иностранных дел в этой далекой окраине и должен будет следить за тем, чтобы распоряжения и действия местной администрации в пограничных делах соответствовали видам министерства»⁵.

Дипломатический чиновник командировался Министерством иностранных дел в распоряжение туркестанского генерал-губернатора и ведал широким кругом вопросов. На нем лежала обязанность ведения переписки по пограничным делам с местными властями сопредельных азиатских стран, а также с находившимися там российскими консульствами, доклады по всем этим делам туркестанскому генерал-губернатору и МИД, составление обзоров о положении на границе, рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием на территории края иностранных подданных и др.⁶ Соответственно изменился и порядок финансирования его деятельности. В течение первых трех лет после восстановления должности дипломатического чиновника в Ташкенте средства на его содержание поступали за счет контрибуции с населения Ферганской области, наказанного крупным штрафом за участие в Андижанском восстании 1898 г. и только в 1902 г. соответствующая статья расходов вошла в смету Министерства иностранных дел⁷. Если на первом этапе это была штатная должность V класса по «Табели о рангах», то после ее восстановления в 1899 г. данную должность не включили в законодательном порядке в штатное расписание по Туркестанскому краю⁸.

Окончательно определению статусу дипломатического чиновника в Ташкенте мешали частые смены генерал-губернаторов в крае (с момента отставки Вревского за неполных 20 лет сменилось 9 генерал-губернаторов) и существенные различия в их взглядах на роль и место дипломатического чиновника в системе генерал-губернаторской власти. Так, например, Н.И. Гродеков (1906–1908) считал данную должность бесполезной и предлагал ее упразднить⁹, а его сменщик на этом посту П.И. Мищенко, напротив, полагал, что ее надо не только сохранить, но и включить в штатное расписание по Туркестанскому краю¹⁰.

Несколько иное положение занимал чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Должность дипломатического чиновника в Хабаровске учредили в 1897 г. и первым чиновником ее занявшим стал Я.Я. Лютш¹¹. В этой связи укажем, что Лютша позже переведут на должность дипломатического чиновника в Ташкент. Должность дипломатического чиновника в Хабаровске сразу включили в законодательном порядке в систему генерал-губернаторской власти¹². Дипломатический чиновник заведовал дипломатической канцелярией при генерал-губернаторе, и в этом качестве ведал перепиской с местными правительственными учреждениями по дипломатическим делам, а также с пограничными властями соседних государств и

расположенными на их территории российскими дипломатическими представительствами и консульствами. Он также исполнял обязанности юрисконсульта при генерал-губернаторе по вопросам международного права¹³. Как отмечалось в одном из докладов дипломатического чиновника, дипломатическая канцелярия «составляет отдельную часть в административном устройстве управления Приамурским краем, которая ведает не только делами, касающимися политических и экономических сношений края с соседними тремя восточными государствами [Китай, Япония и Корея – *В.К.*], но и разнообразными вопросами, возникшими с 1900 года в северных двух провинциях Маньчжурии»¹⁴. В отличие от Туркестанского края в Хабаровске дипломатический чиновник выступал, прежде всего, как советник генерал-губернатора по иностранным делам и лишь во вторую очередь – как представитель внешнеполитического ведомства. Директор Первого департамента МИД Н.Г. Гартвиг, выражая недовольство таким положением вещей, писал в июле 1901 г. чиновнику по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе А.Н. Грушецкому: «За полтора года пребывания вашего в Хабаровске от вас не было получено ни одного сообщения по каким бы то ни было вопросам, прекратилась даже высылка доставлявшихся в вверенный мне Департамент выдержек из тихоокеанской прессы»¹⁵. В то же время необходимо подчеркнуть, что финансирование деятельности чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторстве также осуществлялось по линии МИД. На положение дипломатического чиновника в Хабаровске непосредственное влияние оказывали административные преобразования на Дальнем Востоке, в частности учреждение Дальневосточного наместничества (1903–1905 гг.), так как в ведение наместника перешли дипломатические сношения по делам Приамурского генерал-губернаторства с соседними государствами¹⁶.

Отсутствие четкости в статусе дипломатического чиновника нередко приводило к недоразумениям. Так, например, в российском посольстве в Токио не имели полного представления о предметах ведения дипломатического чиновника при генерал-губернаторе. В августе 1909 г. второй секретарь посольства А.К. Бугенев по поручению посла Н.А. Малевского-Малевича даже обратился к чиновнику по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе Н.В. Богоявленскому с просьбой разъяснить, в чем именно заключается компетенция дипломатического чиновника¹⁷.

Неупорядоченность статуса дипломатического чиновника негативно сказывалась на эффективности его деятельности. Это понимали и в Министерстве иностранных дел и администрациях генерал-губернаторов в Ташкенте и Хабаровске. В июле 1907 г. в связи с планами правительства

передать Туркестан из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел в Петербурге приступило к работе Особое вневедомственное совещание по подготовке нового положения об управлении краем¹⁸. Несколько позже в Петербурге под председательством товарища министра иностранных дел С.Д. Сазонова состоялось межведомственное совещание (январь 1910 г.), на котором рассматривался порядок сношений японских консулов с российскими властями во Владивостоке и Николаевске¹⁹. В обоих случаях затрагивался вопрос о статусе дипломатического чиновника. В Министерстве иностранных дел решили воспользоваться начавшейся дискуссией в правительственных кругах по вопросу о служебном положении дипломатического чиновника при генерал-губернаторе, собрать с мест необходимую информацию и выработать общую инструкцию для данной должности. По поручению Первого департамента МИД А.Д. Калмыков и Н.В. Богоявленский, возглавлявшие в то время дипломатическую часть соответственно при туркестанском и приамурском генерал-губернаторах, подготовили аналитические записки о положении дипломатического чиновника²⁰. Калмыков, в частности обратил внимание на то, что данная должность не включена в штатное расписание по туркестанскому генерал-губернаторству, вследствие чего дипломатический чиновник не вошел в состав совета при генерал-губернаторе. Богоявленский, указав на двойственность статуса дипломатического чиновника как советника генерал-губернатора по иностранным делам и агента Министерства иностранных дел, сетовал на отсутствие четких правил, определявших деятельность дипломатического чиновника. Он полагал, что решить эту проблему будет можно, если удастся точно определить компетенцию дипломатического чиновника частью законодательным путем, частью путем издания общей инструкции Министерства иностранных дел по соглашению с генерал-губернаторами. Оба чиновника считали необходимым повысить ранг должности до V класса по «Табели о рангах». В МИД к предложениям Калмыкова и Богоявленского отнеслись с большим интересом. Их поддержали новый товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков и директор Первого департамента МИД Е.А. Плансон, в свое время сами занимавшие должность дипломатического чиновника (первый – при туркестанском генерал-губернаторе, второй – при главном начальнике Квантунской области в Порт-Артуре, а затем при заместителе на Дальнем Востоке)²¹.

Но, несмотря на поддержку со стороны руководства МИД, урегулировать вопрос о служебном положении дипломатического чиновника и разработать общую инструкцию о нем так и не удалось. Одновременное соединение в его статусе советника генерал-губернатора

по иностранным делам, с одной стороны, и агента МИД, с другой, предстало слишком серьезным административным барьером, чреватым недоразумениями и конфликтами дипломатического чиновника с генерал-губернатором. Поскольку данная проблема оказалась типична для всех генерал-губернаторств, где существовала должность дипломатического чиновника, разрешить ее Министерство иностранных дел не сумело. В итоге преобразование дипломатической канцелярии генерал-губернаторств ограничилось частичным уточнением компетенции и упорядочиванием правил ведения делопроизводства дипломатического чиновника. От самой же мысли определить на законодательном уровне статус дипломатического чиновника при генерал-губернаторе пришлось окончательно отказаться.

Примечания

¹ *Иконникова Т.Я.* С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при Приамурском генерал-губернаторе // Третьи Гродековские чтения: мат. региональной научно-практической конференции «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 38–41; *Нестерова Е.И.* Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе А.Н. Грушецкий // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России: IV Гродековские чтения. Хабаровск, 2004. Ч. 1. С. 73–77; *Сорокина Т.Н.* Должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева. Омск, 2005. С. 223–260; *Куликов В.И.* Институт дипломатического чиновника в системе управления Туркестанским краем // Труды Историко-архивного института РГГУ. Т. 41. М., 2015. С. 265–273; *Изаксон Р.А.* Деятельность дипломатической канцелярии Иркутского генерал-губернатора накануне и в период Февральской революции 1917 г. // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 233–244.

² АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1274. Л. 20.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 30–33.

⁵ «Он будет оком Министерства иностранных дел в этой далекой окраине». Записка об учреждении должности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе. 1898 г. / Публикация В.И. Куликова // Исторический архив. 2013. № 1. С. 84.

⁶ АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1274. Л. 85об.

⁷ Там же. Л. 121.

⁸ Там же. Л. 127.

⁹ Там же. Л. 131.

¹⁰ Там же. Л. 142.

¹¹ *Иконникова Т.Я.* С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при Приамурском генерал-губернаторе. С. 40–41.

¹² СЗРИ. Т. 2. Учреждение Сибирское. С. 500.

¹³ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 4–5.

¹⁴ Там же. Д. 295. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 273. Л. 5.

¹⁶ ПСЗРИ-3. Т. XXIII. № 23319. С. 876.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 3.

¹⁸ *Шушкова М.Е.* Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в. // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 12.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 16об.

²⁰ См.: АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1274. Л. 123–130; Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 11–35.

²¹ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Оп. 579. Д. 81. Л. 18об–19, 32.

Д.М. Софьин
*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Дневники Великого князя Сергея Александровича
как источник по истории повседневной деятельности
московского генерал-губернатора¹

Аннотация

В статье анализируются возможности дневников Великого князя Сергея Александровича для изучения его деятельности на посту московского генерал-губернатора. Подробно фиксируя распорядок дня Великого князя, дневники дают ясное представление о его повседневной работе как генерал-губернатора, включающей прием докладов, изучение документов, представительские обязанности. Отражая рабочий график Великого князя Сергея Александровича, записи в его дневниках часто имеют эмоциональный окрас, показывают отношение автора к происходящим событиям.

Ключевые слова: Великий князь Сергей Александрович, Дом Романовых, Москва, генерал-губернатор, дневник, история повседневности.

D.M. Sofjin
Perm State National Research University

Diaries of Grand Duke Sergey Alexandrovich
as a source for the history of the daily activities
of the Moscow governor-general

Abstract

This article analyzes the possibilities of the diaries of Grand Duke Sergey Alexandrovich for studying his activities as Moscow Governor-General. By recording the Grand Duke's daily routine in detail, the diaries give a clear picture of his daily work as Governor-General, including receiving reports, studying documents, and performing representative duties. Reflecting the work schedule of Grand Duke Sergey Alexandrovich, entries in his diaries often have an emotional color, show the author's attitude to the events that are taking place.

Keywords: Grand Duke Sergey Alexandrovich, Russian Imperial House, Moscow, Governor-General, diary, history of the everyday.

В XIX – начале XX в. многие члены Российского Императорского Дома вели личные дневники, в том числе и Великий князь Сергей Александрович (1857–1905 гг.). В 1891 г. Великий князь был назначен своим братом, императором Александром III, на пост московского генерал-губернатора, и с этого времени вся жизнь Сергея Александровича была связана с Первопрестольной².

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в личном фонде Великого князя Сергея Александровича хранятся его дневники за 1872–1878 гг.³ и 1892–1905 гг.⁴ Таким образом, дневники охватывают практически весь период нахождения их автора в должности московского генерал-губернатора за исключением самого первого, 1891 г.

В 1890-е–1900-е гг. Великий князь вел дневники в книжках-ежедневниках карманного формата. На каждой странице сверху типографским способом были напечатаны дата и день недели, указаны государственные и церковные праздники, дни рождений и тезоименитств членов Российского Императорского Дома. Великий князь делал записи, не пропуская ни одного дня. По сравнению с юношескими дневниками здесь текст лаконичный, зачастую протокольный, но при этом регулярно встречаются эмоциональные оценки происходящего и откровенные характеристики современников.

И в юности, и в зрелые годы Великий князь Сергей Александрович вел дневник по-русски, время от времени вставляя фразы на французском языке.

К настоящему времени полностью опубликованы дневники Великого князя за 1892–1894 гг. и 1905 г.⁵ готовится научное издание дневников 1895–1897 гг. Кроме того, фрагменты из дневников Сергея Александровича публиковались в ряде других изданий документальных материалов⁶.

Дневники Великого князя Сергея Александровича являются основным источником для реконструкции его повседневной деятельности на посту московского генерал-губернатора.

В дневниковых записях отражается рабочий график Великого князя Сергея Александровича, фиксируются доклады чиновников, приемы посетителей. Докладчиком генерал-губернатора по делам Московской губернии был управляющий его канцелярией В.К. Истомина, которого во время болезни или отсутствия по другим причинам заменяли делопроизводители канцелярии С.М. Борденав или А.П. Гжельский. В дневниках описываются обстоятельства перемен среди личного состава руководства Московской губернией. Так, характеризуются особенности вступления в должность московского губернатора, который был главным помощником генерал-губернатора, – сначала Д.С. Силягина (в 1892 г.), затем его преемника А.Г. Булыгина (в 1893 г.), деятельность московских обер-полицмейстеров А.А. Власовского (с 1892 по 1896 г.) и сменившего его Д.Ф. Трепова. В целом, дневники Великого князя дают практически исчерпывающее представление о характере его взаимодействия и взаимоотношений с губернаторами и обер-полицмейстерами, а также с управляющим канцелярией.

Руководя Москвой, Сергей Александрович пользовался пятью резиденциями, две из которых находились непосредственно в Москве, две в Подмосковье и одна в Санкт-Петербурге. Московскими резиденциями Великого князя были генерал-губернаторский дворец в центре города на Тверской улице и Александринский (Александринский) дворец в Нескучном саду, на окраине тогдашней Москвы. Подмосковные резиденции располагались в соединенном имении Ильинское – Усово, принадлежавшем Сергею Александровичу. Там находились деревянный дворец (в Ильинском) и каменный особняк (в Усово). Во время приездов в Санкт-Петербург Великий князь проживал в Сергиевском дворце на Невском проспекте, приобретенном у князей Белосельских-Белозерских в 1884 г. после женитьбы Сергея Александровича. Дневниковые записи показывают, что выезжая время от времени в Санкт-Петербург, Великий князь продолжал исполнять обязанности московского генерал-губернатора, принимая там доклады управляющего канцелярией В.К. Истомина или его подчиненных и работая со служебными документами. Исполнение своих обязанностей Сергей Александрович передавал московскому губернатору, как правило, только во время своей заграничной поездки.

В генерал-губернаторском доме и Александринском дворце, как свидетельствуют дневники, он принимал доклады чиновников, работал с документами и вел прием посетителей. Во время пребывания в Ильинском

и Усово (обычно с мая по сентябрь каждого года) Великий князь также выслушивал доклады чиновников и разбирал служебные бумаги, но посетителей принимал в генерал-губернаторской резиденции на Тверской, куда с этой целью приезжал не менее одного раза в неделю.

Текст дневников Сергея Александровича открывает широкое поле для изучения его деятельности при помощи методов количественного анализа. Так, например, дневники позволяют произвести точные расчеты времени пребывания Великого князя в каждой из резиденций. Несмотря на то, что Сергей Александрович лично предпочитал проживать в Александрийском дворце и в Ильинском, наибольший удельный вес его местопребывания приходится на официальную генерал-губернаторскую резиденцию. Так, анализ дневниковых записей 1895 г.⁷ показывает, что в пределах Московской губернии Великий князь провел 215 дней (58,9% времени года). Остальное время пришлось на пребывание в Санкт-Петербурге и его окрестностях (74 дня или 20,27% времени года), а также на заграничную поездку (76 дней или 20,82% времени года). В Александрийском дворце Сергей Александрович в 1895 г. прожил 37 дней (10,14% или 17,21%), в Ильинском и Усово – 62 дня (16,99% или 28,84%), тогда как в генерал-губернаторском доме – 116 дней (31,78% от всего времени года или 53,95% от времени пребывания в Московской губернии).

В тексте дневников Сергея Александровича упоминается его участие во множестве протокольных мероприятий, связанных с его службой в должности генерал-губернатора. Так, значительной частью его деятельности в Москве было посещение учебных заведений, больниц, приютов и тюрем, поездки по уездным городам Московской губернии, освящение новых зданий, большие генерал-губернаторские приемы, участие в торжественных балах, организованных как самим Великим князем, так и представителями московской общественности. Часто Сергей Александрович в дневнике не только фиксирует факт события, но и дает ему свою эмоциональную оценку.

Как отмечается в дневниках, большое внимание Великий князь уделял взаимодействию с органами местного самоуправления – Московским губернским дворянским собранием и Московской городской думой.

Как практически каждый член Императорского Дома, Сергей Александрович вел обширную общественную деятельность, которая усилилась с назначением на пост московского генерал-губернатора. С 1891 г. Великий князь входит в ряд общественных организаций в Москве. Так, он становится председателем Совета Лицея в память Цесаревича Николая, которым являлся каждый московский генерал-губернатор. Среди его других общественных обязанностей в Москве – председательство в

комитетах по постройке памятников императорам Александру II и Александру III. Дневники также фиксируют его деятельность в этом направлении.

Дневники раскрывают количественные и качественные стороны взаимодействия московского генерал-губернатора как представителя местного управления с верховной властью и руководителями центральных государственных учреждений. Так, дневниковые записи свидетельствуют, что в 1892–1894 гг. встречи и беседы автора со старшим братом – императором Александром III были достаточно редкими, как и контакты московского руководителя с министрами. Но после вступления на престол племянника Сергея Александровича, императора Николая II, взаимодействие генерал-губернатора с монархом и министрами резко усилилось, стало гораздо более тесным, в том числе количество деловых разговоров с глазу на глаз увеличилось в разы.

Несмотря на краткость дневниковых записей Великого князя, их регулярность, систематичность и эмоциональная окрашенность делают дневники основой источниковой базы для исследования деятельности Сергея Александровича на посту московского генерал-губернатора и, в особенности, его повседневной жизни в тот период. Однако всестороннее изучение данной темы требует привлечения и других источников, в том числе обширной переписки Великого князя, писем и воспоминаний его приближенных, документов из фонда канцелярии московского генерал-губернатора Центрального государственного архива г. Москвы, материалов периодической печати, прежде всего, публикаций в «Московских ведомостях».

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-41012 Палестина «Дневники Великого князя Сергея Александровича, 1895–1897 гг.» / Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-41012 Palestine «Diaries of Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1895–1897».

² Подробнее о великом князе Сергее Александровиче и его деятельности см.: *Боханов А.Н.* Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М., 1997. С. 323–371; *Гришин Д.Б.* Трагическая судьба Великого князя. М., 2006; Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / сост. И.В. Плотникова. Кн. 1–5. М., 2006–2018; На службе у России: Великий Князь Сергей Александрович: мат. науч. конференций 2011–2012 гг. М., 2013; Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству: сб. мат. межрегион. науч. конф., 29–30 мая 2013 г. М., 2015; *Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М., 2016.

³ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 20–27.

⁴ Там же. Д. 28–41.

⁵ Дневник великого князя Сергея Александровича, 1905 год / публ. Д.М. Софьина // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2014. Вып. 2 (25). С. 188–200; Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1892 г. / сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь, 2018; Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1893 г. / сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь, 2019; Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1894 г. / сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь, 2020.

⁶ Великий Князь Сергей Александрович Романов: биограф. материалы / сост. И.В. Плотникова. Кн. 1. М., 2006; Кн. 2. М., 2007; Кн. 4. М., 2011; Кн. 5. М., 2018; Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: док. и мат. (1884–1909 гг.) / авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009.

⁷ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31.

А.А. Орлов
*Смоленский колледж правоохраны и правосудия,
Смоленский государственный университет*

Взаимодействие гражданского общества и российского государства в начале XX в. (на примере деятельности Министерства юстиции по разработке законодательства в сфере обеспечения свободы обществ и союзов)

Аннотация

В статье показан процесс становления институциональных основ гражданского общества в Российской империи, базой которого стало создание нормативного акта, закрепляющего важнейшие политические свободы – свободу создания и свободу деятельности союзов и обществ. Это изменение в законодательстве было продиктовано настроениями либеральных и радикально-демократических масс. Проект нормативного акта, разработанный Министерством юстиции, указывал, что основная цель общества – это достижение своей цели, таким образом, реализовав принцип «разрешено все, что не запрещено законом».

Ключевые слова: общество, союз, Министерство юстиции, политические свободы, регистрация юридического лица.

А.А. Orlov
*Smolensk College of Law Enforcement and Justice,
Smolensk State University*

Interaction of civil society and the Russian state
at the beginning of the 20th century (on the example of the
Ministry of justice on the development of legislation in the field
of freedom of societies and unions)

Abstract

In this article, the author describes the process of formation of the institutional foundations of civil society in the Russian Empire, which was based on the creation of a normative act that establishes the most important political freedoms—the freedom to create and the freedom to operate unions and societies. This change in legislation was dictated by the mood of the liberal and radical democratic masses. The draft normative act was developed by the Ministry of justice, which indicated that the main goal of the society is to achieve its goal, thus implementing the principle «everything is allowed that is not prohibited by law».

Keywords: society, union, Ministry of justice, political freedoms, registration of a legal entity.

Американский философ и юрист Джон Дьюи в своей работе «Либерализм и социальные действия» указывает, что свобода – это реальная власть делать определённые вещи, поэтому требование свободы – это требование власти¹. И эта идея подтверждается фактами из истории развития политических и правовых систем различных государств. Самым известным из них является издание и обнародование Императором Всероссийским Николаем Вторым Манифеста от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Данный законодательный акт предоставлял российскому обществу комплекс политических прав и свобод². Таким образом, население потребовало политической свободы, получило возможность влиять на власть, быть источником власти. Однако лишь провозглашение политической свободы не является действенной мерой для реализации населением своего права на политические свободы, поэтому в государстве необходимо создать гарантию их реализации – законодательное закрепление ответственности за нарушение свободы собраний и союзов. Именно эту цель С.Ю. Витте видел первостепенной в сфере государственного строительства страны, пережившей волну забастовок, стачек и восстаний³.

Подготовка законопроекта об обществах и союзах, порядке их деятельности и ответственности за нарушения в данной сфере С.Ю. Витте поручил С.С. Манухину, министру юстиции Российской империи⁴. Необходимо отметить, что у данного Министерства уже был опыт работы в данной сфере в виде подготовки законодательного акта, регулирующего гражданские правоотношения – Гражданское уложение, которое содержало в себе нормы о порядке деятельности союзов и обществ (Кн. I, разд. I, гл. II «Лица юридические»)⁵.

Сразу после постановки задачи, перед Минюстом и Советом министров возникла проблема – какой тип законодательства в сфере деятельности обществ необходим российскому государству? Демократический тип, при котором нормы законодательства позволяют создавать общества на основе своих идей и независимо осуществлять свою деятельность? Или репрессивный тип, когда нормы законодательства предусматривают создание общества только с разрешения органа юстиции, а деятельность общества полностью регламентируется и контролируется правоохранительными органами⁶. В Министерстве юстиции понимали, что от выбора типа реформы зависит развитие политической жизни страны.

Минюстом был подготовлен законопроект, отвечающий идеям гражданского общества и правового государства, соответствующий законодательству развитых европейских государств – закону Австрийской империи «О союзах и обществах» (1867 г.), закону Французской республики «Об ассоциациях и религиозных конгрегациях» (1901 г.), закону Королевства Пруссия «О союзах, преследующих общественные дела и интересы» (1850 г.)⁷.

По своей структуре заключительный проект Закона «О союзах и обществах» представлял собой нормативный акт, систематизированный в виде правил. Правила включали в себя 31 статью. Статьи с 1 по 28 содержали в себе положения, определяющие дефиницию общества, союза и профессионального союза и указывающие на некоммерческий характер их деятельности; устанавливали порядок их создания; определяли требования к учредительным документам, особенности образования и функционирования объединений в зависимости от участия в гражданско-правовых отношениях, порядок ликвидации и использования имущества этих организаций. Статьи с 29 по 31 содержали нормы, регулирующие ответственность за нарушения закона общественными организациями⁸.

На подготовку Правил активно повлияла зарубежная правовая доктрина – идеи Георга Мейера, Иоганна Брюнчли, Лоренца фон Штейна. Все они считали, что основной проблемой в деятельности обществ и союзов является обеспечение свободы деятельности объединений. Под свободой обществ и союзов европейские юристы понимали правовую реальность, в которой объединения не зависели от политической воли государственных органов и подчинялись не только законам государства, но и уставным документам организации. Таким образом, проблема осуществления свободы обществ состоит в том, что, с одной стороны, деятельность обществ и союзов не должна касаться интересов государственных органов (если только это не противоправная деятельность), с другой стороны, именно государственные органы ведут

регистрацию обществ и союзов, проверяет их уставные документы на юридическую грамотность⁹.

В соответствии с проектом Минюста в законодательство о деятельности обществ и союзов вводилась новелла, согласно которой, они могли быть созданы путем простого уведомления органа власти. В действующем законодательстве Российской империи, а именно в Своде уставов о предупреждении и пресечении преступлений, содержалась норма, согласно которой любому физическому лицу запрещалось создавать юридическое лицо (общество, товарищество) без уведомления государственного органа¹⁰. Таким образом, порядок создания обществ и союзов, предложенный Минюстом в 1905 г., являлся прогрессивным для законодательства Российской империи.

В тоже время Министерство не уделило должного внимания норма-дефинициям, которые бы регламентировали правовое положение обществ и союзов. Так, термин «общество» уже содержался в Гражданском уложении и определялся как соединение лиц, которые объединились для осуществления общепольных целей (благотворительность, развитие спорта, науки, искусства)¹¹. В свою очередь, в тексте Правил «Об обществах и союзах» было указано, что «общество» – это добровольное и рассчитанное на продолжительное существование соединение известного количества лиц для достижения совместными усилиями какой-либо цели¹². Как видим, это определение недостаточно развернуто по сравнению с определением, данным в Гражданском уложении. К примеру, цель общества, по смыслу Временных правил, могла быть не только общепольной, но и политической. Однако, именно этот шаг Минюста позволял реализовать принцип «разрешено все, что не запрещено законом» в сфере создания и деятельности общественных объединений.

Если оценивать юридическую технику законопроекта Минюста, необходимо отметить, что в нем подробно регламентированы основы взаимоотношений государства и общественных объединений. Министерством были установлены порядок и сроки регистрации союзов и обществ. Так, за 14 дней до учредительного съезда учредители должны сообщить о создании общества или союза в отделение местной полиции. После рассмотрения заявления сотрудник полиции передавал его в суд. Если у сотрудника полиции возникали сомнения в правомерности целей и деятельности общества или союза, он мог привлечь судебного следователя, который проводил собственное расследования для выяснения причин создания общества и его назначения. После того, как судья получал заявление о создании общества или союза, он должен был в течение месяца вынести определение о внесении союза в реестр или об отказе в таковом. Если судья получал заявление от следователя, который

провел расследование и вынес положительное заключение, у него было 14 дней на вынесение определения.

В законопроекте регламентирована ответственность за нарушения в сфере создания и деятельности общественных объединений. Так, если общество или союз осуществлял свою деятельность без заявления и судебного определения, то учредители подлежали административной ответственности и уплачивали штраф в размере трехсот рублей. В свою очередь, если заявление было отклонено сотрудником полиции, следователем или судом, а союз или общество осуществляли деятельность, то учредители подлежали уголовной ответственности – лишению свободы на срок до 12 месяцев¹³.

Однако, расширения и либерализации правового поля в сфере создания и деятельности обществ и союзов, к которым стремился Минюст, так и не произошло. На это повлияли продолжающиеся волнения, начавшиеся в 1905 г. Если основная цель Минюста состояла в нормативной регламентации порядка создания и деятельности союзов и обществ, то Совет министров желал оставить общественную самодеятельность под контролем государства, что и было сделано путем внесения в закон ряда поправок по инициативе Министерства внутренних дел.

Примечания

¹ *Дьюи Дж.* Либерализм и социальные действия / Пер. В. Нагдасевой // Демократия и XX век: Хрестоматия по курсу гражданского образования для педагогических университетов. Нижний Новгород, 1997. С. 78.

² Высочайший Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // ПСЗРИ-3. Т. XXV. № 26803.

³ *Лукоянов И.В.* Государственные деятели России глазами современников: С.Ю. Витте. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2018. 672 с.

⁴ *Шевырин В.Д.* Манухин Сергей Сергеевич – министр юстиции Российской империи (21 января 1905 г. – 24 апреля 1906 г.); «Быть слугой закона, а не его рабом...» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2000. № 2. С. 92–98.

⁵ *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. 4. М.: Статут, 2004. 635 с.

⁶ *Туманова А.С., Сафонов А.А.* Правительственная бюрократия позднеимперской России и ее подходы к осуществлению гражданских свобод // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16. Вып. 3. С. 112–131.

⁷ *Котляревский С.А.* Власть и право: проблема правового государства. СПб., 2001.

⁸ Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1906. Отд. 1. № 48. Ст. 308.

⁹ *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм / пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Республика, 1998. 367 с.

¹⁰ *Сергеев С.С.* Общественные организации Российской империи в начале XX века // Живая история. 2016. № 1 (8). С. 3–9.

¹¹ *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. 4. М.: Статут, 2004. 635 с.

¹² Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1906. Отд. 1. № 48. Ст. 308.

¹³ Там же.

А.Н. Недорубов
*Волгодонский инженерно-технический институт –
Филиал Национального исследовательского ядерного
университета "МИФИ"*

Особенности организации системы управления частных железных дорог в России в начале XX в.

Аннотация

В статье рассматривается организация административного управления частными железными дорогами России в начале XX в. в соответствии с законодательством, правовыми актами железнодорожных обществ и сложившейся практикой. Исследование осуществлено с использованием архивных документов.

Ключевые слова: Правления, Управления частных железных дорог, службы и подразделения железных дорог начала XX в.

Features of the organization of the control system of private railways in Russia in the early 20th century

Abstract

The article deals with the organization of administrative management of private Railways in Russia at the beginning of the XX century, in accordance with the established practice, state legislation, and regulations of railway companies. The study was carried out on the basis of archival data.

Keywords: Boards, Departments of private Railways, services and divisions of Railways of the early 20th century.

В дореволюционной России сосуществовали предприятия различной формы собственности. Значительную долю в отраслях тяжелой и легкой промышленности занимали частные предприятия. В 60–70-е годы отечественное железнодорожное строительство в преобладающем большинстве производилось за счет средств частных железнодорожных обществ. После выкупной кампании 80-х годов их количество резко сократилось. Те общества, которые продолжили свою деятельность, «пережив» этот период, должны были учесть недостатки предыдущего этапа деятельности и перейти на новый, более качественный этап своего развития. Это в первую очередь касалось и механизма управления частными железными дорогами. В статье дается характеристика системы управления частными железными дорогами на примере 2-х железнодорожных обществ южного направления – Владикавказской и Юго-Восточных.

Создание сети дорог в России с 1860 по 1917 гг. осуществлялось при широком участии частного капитала в форме акционерных обществ¹, заключавших с правительством соглашения в форме устава. В нём они брали на себя обязательство построить железную дорогу в течение определённого времени и её эксплуатировать. Это и определяло особую структуру управления частными железными дорогами, отличную от казённых дорог.

Руководство дорогой осуществляло Правление Общества, находившееся в Санкт-Петербурге². Именно оно должно было

представлять интересы Общества перед Правительством, Министерством путей сообщения, Министерством финансов и частными лицами.

На Правление Общества возлагались следующие обязанности и права: определение правил и порядка устройства структуры Общества; составление общей годовой сметы по эксплуатации³; ведение бухгалтерского учёта; утверждение расчётов с агентами; составление годовых докладов и отчётов; составление договоров с другими железными дорогами, учреждениями и лицами; кадровые вопросы; заключение мировых сделок; установление и изменение тарифов, с разрешения Министерства финансов; продажа имущества; предварительное обсуждение всех вопросов, подлежащих рассмотрению общего собрания; публиковало от имени Общества сообщения⁴.

Совет Правления состоял из следующих лиц: председатель Правления, 4 члена от акционеров (должны были представить не менее 30 акций) и один член от Правительства, пользовавшийся совещательным голосом⁵. Члены Правления избирали председателя. Члены Правления от Правительства назначались в состав Правления с целью наблюдения, для того, чтобы все постановления и мероприятия Общества и Общего собрания акционеров были согласованы с общим законодательством. Многие из предложений членов от Министерства Финансов, а от МПС в особенности, расценивались как некие указания к руководству (особенно в случае нарушения тарифных норм 1883 г.)⁶.

В структуре Правления были следующие подразделения: канцелярия; бухгалтерия⁷, юридический отдел⁸, технико-эксплуатационное отделение, коммерческое отделение.

Непосредственное руководство строительством ветвей и эксплуатацией железной дороги возлагалось на её Управление⁹. Оно возглавлялось Управляющим, который был обязан производить все работы по утверждённым МПС проектам, счетам, расценочным ведомостям, утверждавшимся Правлением¹⁰.

Высшим управляющим органом на дороге был Совет Управления¹¹. Это коллегиальный орган, который учреждался для большей согласованности действия различных частей Управления, для решения административных и хозяйственных вопросов, рассмотрения контрактов и технических условий по выполнению крупных строительных работ, вопросов, касающихся развития и усиления пропускной способности дороги, причин и обстоятельств серьезных происшествий на дороге и принятия мер по их устранению.

Хозяйственное управление самими железнодорожными предприятиями ложилось на различные службы Управлений, которые были прямо связаны и с паровозогаонным парком, и с его обслуживанием, рельсовым

хозяйством, регулированием товарно-пассажирского движения, сбором платежей и исполнением тарифов. Самое главное, что именно в их ведении были железнодорожные рабочие и служащие, выполнявшие все эти работы.

Служба пути и зданий на частных железных дорогах занималась строительством путевых сооружений и непосредственно самим содержанием дорог и зданий. Для решения этих задач железная дорога делилась на отделения и дистанции (например, на Владикавказской железной дороге было 4 отделения и 23 дистанции пути; а Юго-Восточные железные дороги делились на 6 отделений и 33 дистанции пути)¹².

Служба эксплуатации (на некоторых дорогах эта служба называлась Служба движения) была одной из самых обширных и разветвлённых служб Управления железных дорог. Служба состояла из следующих отделов.

Технический отдел составлял графики и расписания движения, поездов. Распорядительный отдел учитывал подвижной состав, проводил составление товарных и пассажирских поездов по категориям и группам. Отдел претензий вёл учёт недостач, документацию по просроченным платежам, за провоз грузов, взыскивал за порчу имущества. Коммерческий отдел вёл переписку с коммерческими агентствами, арендовал участки, подпадающие в полосу отчуждения, контролировал торговлю в буфетах и организовывал аукционы невостребованных грузов. Хозяйственный отдел занимался обеспечением службы материальными средствами, обмундированием, сигнальными принадлежностями, учетом и инвентаризацией имущества. Отдел товаростанционных работ, вёл учёт расходов, связанных с погрузо-разгрузочными работами. Отдел технической статистики вёл учёт пробега поездов, паровозов и вагонов, проверял документацию по обмену вагонами с другими дорогами, приписывал к парку дороги вагоны, цистерны, принимал частных лиц. Отдел по личному составу кондукторских бригад составлял графики оборотов кондукторских бригад, годовые сметы кондукторской службы. Особым подразделением являлся телеграф¹³.

Службе эксплуатации и телеграфа Владикавказской железной дороги, например, также находились иные хозяйственные объекты: 8 элеваторов, 3 зернохранилища¹⁴ и цементные заводы в Новороссийске¹⁵.

Служба тяги и подвижного состава составляла сметы по графикам движения. Она распределяла подвижной состав и горюче-смазочные материалы, вела закупки, обеспечивала ремонтным оборудованием.

Электротехнический отдел службы обеспечивал отделения и станции, дороги электротехническим оборудованием и ремонтом его. Паровозный отдел следил за своевременной готовностью паровозов к

перевозке, распределением их для ремонта среди депо, внедрением новых технических усовершенствований и составлением к ним технической документации. Вагонный и конвекционный отдел занимался обеспечением готовности вагонов. Отдел водоснабжения обеспечивал подвоз и погрузку на паровозы и в вагоны воды, котлового оборудования. В его подчинении также находилась химическая лаборатория. Отдел заготовки материалов закупал и распределял среди депо, станций и участков оборудование, ремонтные принадлежности и сырьё. Отдел заготовки твёрдого и жидкого топлива закупал и распределял уголь, дрова, мазут, смазочные материалы. В ведении Службы тяги и подвижного состава также находились: главные мастерские, паровозные и вагонные мастерские, депо. Дорога делилась на участки тяги¹⁶.

Служба контроля сборов и её отделы занимались обеспечением контроля, сборами за перевозки, следила за согласованностью тарифной сетки железной дороги, МПС и соседних дорог, экспертизой бланков и билетов¹⁷.

Юридическая служба подчинялась напрямую Управляющему дорогой и Юридическим отделам Правлений – функционально. Помощники юрисконсультов занимались отдельными направлениями правовой деятельности, либо отдельными поручениями. Кроме того, им подчинялись поверенные в делах дороги в отдельных городах¹⁸.

Врачебная часть возглавлялась старшим врачом. Дороги делились на врачебно-санитарные участки: Также они делились на фельдшерские и акушерские околотки. В число служащих данного подразделения входили врачи, провизоры, фельдшеры, больничная прислуга. Помимо прочего, в их ведении находились железнодорожные больницы. Владикавказская дорога, например, владела санаториями в Минеральных водах и Кисловодске¹⁹.

Магазинная часть имела только на частных дорогах. Её задачей была закупка через Главные магазины оборудования и материалов для дороги и хранение их, а также продажа невостребованных грузов.

Учебный отдел, возглавлявшийся заведующим, руководил учебными заведениями. Так, например, Владикавказская железная дорога имела 18 двухклассных начальных училища, 4 одноклассных²⁰ с 11 общежитиями. На Юго-Восточных железных дорогах были 12 двухклассных училищ, 21 одноклассных, с 5 общежитиями²¹.

Кроме указанных, на частных железных дорогах существовали и общеобязательные для всех российских дорог подразделения.

Пенсионные кассы на всех трёх дорогах занимались страхованием жизни служащих, пенсионным обеспечением, выдачей ссуд.

Мобилизационные отделы составляли графики перевозки воинских составов, лошадей, техники для нужд армии и для военного времени графики движения эшелонов.

Охрана внешнего порядка и наблюдение за общественной безопасностью в пределах полосы отчуждения была возложена на *жандармско-полицейские управления*.

Логически завершает всю структуру Управления дорог *канцелярия*. Правитель дел канцелярии руководил обширным аппаратом, в котором состояли столоначальники, их помощники, регистраторы, делопроизводители, журналисты, переписчики, машинистки, контролёры, курьеры²².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, на частных железных дорогах существовал особый орган (Правление), перед которым были ответственны Управления дорог, кроме технической, тарифной и доходной частей (их контролировали МПС, Министерство финансов, Госконтроль).

На некоторых частных железных дорогах существовало объединение Службы движения и телеграфа с коммерческой службой, в единую (например, Владикавказская). Это можно считать рациональным, поскольку функции этих подразделений близки, поэтому они выполнялись одними агентами²³.

На ряде дорог не существовало Материальной службы. Её функции были распределены между Правлением и тремя техническими службами. Преимуществом такой организации состояло в том, что в большей мере обеспечивалось надлежащее качество и количество приобретаемых материалов (соответствующее конкретной службе или участку дороги) при меньшем расходе оборотных средств.

Такие различия в структуре управления дорог были следствием уже наработанного опыта по более эффективному использованию административных возможностей. Служащие на других дорогах присматривались к успехам в той или иной сфере и пытались перенять лучшие стороны.

Примечания

¹ Малов В.А., Шмелёв А.В. Железнодорожное дело в России: экономика, управление, право // Железнодорожный транспорт. 1995. № 7. С. 55.

² Указатель личного состава Правлений Управлений железных дорог на 1 января 1908 г. СПб., 1908. С. 7.

³ Журнал Совещания, состоявшегося 16 октября, 22, 23, 24, 25 ноября 1895 г. При Департаменте железных дорог по рассмотрению сметы Владикавказской железной дороги на 1896 г. СПб., 1896. С. 7.

- ⁴ Устав Общества Владикавказской железной дороги. СПб., 1891. С. 44.
- ⁵ Там же. С. 50.
- ⁶ *Мертенс О.* Тридцать лет русской железнодорожной политике и её экономическое значение. М., 1919. С. 58.
- ⁷ Отчёт Правления Общества Владикавказской железной дороги по эксплуатации. СПб., 1913. С. 6.
- ⁸ Положение о юридической части в Обществе Владикавказской железной дороги. СПб., 1901. С. 3–6.
- ⁹ Устав Общества Владикавказской железной дороги. СПб., 1891. С. 53.
- ¹⁰ Там же. С. 55.
- ¹¹ ГАРО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.
- ¹² Доклады по обследованию железных дорог. Доклад № 19. Юго-Восточные железные дороги // Особая Высшая Комиссия для всестороннего исследования железных дорог. СПб., 1912. 211 с.
- ¹³ Отчет Правления Общества Владикавказской железной дороги по эксплуатации. СПб., 1909. С. 40.
- ¹⁴ Доклад № 24 по обследованию Владикавказской железной дороги // Особая Высшая Комиссия... СПб., 1913. С. 48.
- ¹⁵ *Куприянова Л.В.* Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. 1963. Т. 73. С. 174.
- ¹⁶ ГАРО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 498. Л. 18.
- ¹⁷ Там же. Д. 243. Л. 64.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 990. Оп. 1. Д. 52. Л. 44.
- ¹⁹ Вестник Владикавказской железной дороги. 1913. № 6. С. 46.
- ²⁰ *Москвич Г.Г.* Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель на 1915 год. СПб., 1915. С. 49.
- ²¹ Доклады по обследованию железных дорог. Доклад № 19. Юго-Восточные железные дороги // Особая Высшая Комиссия для всестороннего исследования железных дорог. СПб., 1912. С. 93.
- ²² ГАРО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 72. Л. 6.
- ²³ Там же. Д. 88. Л. 24.

Е.Д. Тогулева
*Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова (Беларусь)*

Эволюция идеи белорусской государственности
в программных документах
Белорусской социалистической громады

Аннотация

В статье рассматривается проблема развития идеи белорусской государственности в программных документах первой белорусской политической партии – Белорусской социалистической громады: зарождение белорусского национального движения и национальной идеи, создание национальной партии, ее требования по национальному вопросу в годы первой российской революции 1905–1907 гг., в период Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций.

Ключевые слова: политическая партия, партийная программа, национальное движение, государственность, автономия, федерация.

E.D. Toguleva
P.M. Masherov Vitebsk State University

Evolution of the idea of Belarusian statehood in the program
documents of the Belarusian socialist assembly

Abstract

The article considers the problem of development of Belarusian statehood in the manifestos of the first Belarusian political party, namely, the Belarusian Socialist Assembly. It looks at the origin of the Belarusian national movement and idea, the creation of the national party, its requirements on the national issue during the First Russian Revolution of 1905–1907, during the World War I, the February and October Revolutions.

Keywords: political party, party program, national movement, statehood, autonomy, federation.

Во второй половине XIX в. активизировался процесс формирования белорусской нации. Это было связано с отменой крепостного права в 1861 г. и формированием буржуазного общества в Российской империи. Одним из признаков национальной консолидации является возникновение и развитие национального движения.

Белорусское национально-освободительное движение берет свое начало с середины XIX в., с момента восстания 1863 г. под руководством К. Калиновского. До этого времени рост революционного сознания белорусов проявлялся, главным образом, в рамках польского революционного движения. И только К. Калиновский одним из первых стал рассматривать белорусский вопрос не как часть польского, а как совершенно самостоятельный. Он стремился пробудить крестьянские массы для борьбы за политическое освобождение Беларуси и Литвы и создание самостоятельной Литовско-Белорусской Республики, а не возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г.¹

Лозунги строительства белорусской государственности в федеративной связи с Россией пропагандировали белорусские народники в публикациях 80-х гг. XIX в. Их воззвания заявляли о существовании самостоятельного белорусского этноса, о законном праве белорусов занимать равное место среди славянских народов, призывали молодежь к объединению в самостоятельную демократическую организацию "Белорусская Громада", которая должна была развернуть борьбу за социальное и национальное освобождение белорусского народа².

Эти идеи белорусских народников оказывали значительное влияние на деятельность белорусских студенческих кружков, которые существовали в 90-е гг. XIX в. в Москве, Петербурге и других городах России. Но деятельность этих кружков не выходила за границы студенческой жизни и была очень короткой.

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Беларусь входила в состав Российской империи, которая была полиэтническим государством, но этот факт не учитывался правящими кругами. На национальных окраинах не существовало системы образования на родном языке, не формировались благоприятные условия для развития национальных культур, а мечты об автономии для национальных меньшинств считались преступлением. Игнорирование национального вопроса со стороны правительства вело к обострению противоречий между центром и окраинами и образованию в конце XIX века национальных политических партий.

В 1902/03 учебном году на основе ученической организации "Кружок белорусского народного просвещения и культуры" была создана Белорусская революционная партия (БРП), которая не была партией в

полном смысле этого слова. Она была только концепцией самостоятельного движения и вывела на порядок дня задачи национального возрождения.

В 1903 г. на основе БРП была создана первая белорусская национальная партия – Белорусская революционная громада (БРГ). По своему социальному составу БРГ была объединением различных слоев белорусского этноса, среди которых преобладали выходцы из ополченной шляхты, зажиточных слоев крестьянства, интеллигенции, чиновничества.

В декабре 1903 г. в Вильно состоялся первый съезд БРГ. Партия выступила с требованием территориальной автономии Беларуси с сеймом в Вильно и предоставления широкой национально-культурной автономии для всех национальных меньшинств, которые проживают на территории Беларуси.

В конце 1904 г. – начале 1905 г. Белорусская революционная громада была переименована в Белорусскую социалистическую громаду (БСГ).

В марте 1905 г. БСГ вместе с эсерами созвала в Минске первый крестьянский съезд. Политические требования Громады в этот период – установление территориальной независимости или автономии Беларуси с сеймом в Вильно. "Каждый народ должен иметь свой сейм, который вел бы его дела..."³.

В январе 1906 г., во время первой российской революции, в Минске состоялся II съезд БСГ, на котором была принята программа партии. В программе ближайшей своей задачей БСГ объявила свержение самодержавия (совместно с пролетариатом России) и высказалась за создание Российской Федеративной демократической республики со свободным самоопределением и культурно-национальной автономией всех народностей, проживающих в государстве, для Беларуси Громада требовала государственной автономии с местным сеймом в Вильно. Подчеркивалось, что верховная власть должна принадлежать законодательному собранию, которое объединяет ее с самым широким местным самоуправлением⁴.

В условиях спада революции, после 1907 года, активные деятели БСГ сгруппировались вокруг издательства легальной белорусской газеты "Наша Нива" и сконцентрировались на культурно-просветительской деятельности.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война как результат противоречий между крупнейшими империалистическими государствами. Уже с лета 1915 г. боевые действия велись на территории Беларуси. В связи с приближением фронта к Вильно в августе 1915 г. прекратилось

издание "Нашей Нивы". В октябре 1915 г. фронт стабилизировался на линии Двинск-Поставы-Барановичи-Пинск. Вильно и почти половина территории Беларуси оказалась под немецкой оккупацией.

Германское правительство с целью ослабления России стремилось использовать и национальный вопрос. Столкнувшись на оккупированных землях не только с поляками, но и с белорусами, литовцами, евреями немцы пытались использовать эту национальное разнообразие, чтобы "разделять и управлять", не допуская полного превосходства одной нации над другими. В результате такой позиции Германии представители белорусского движения, которые остались в Вильно, – а среди них были и такие известные деятели БСГ как А. и И. Луцкевичи, В. Ластовский, Э. Пашкевич и др. – получили возможность поработать на развитие белорусской культуры, языка и образования.

1 января 1916 г. был издан декрет фельдмаршала фон Гинденбурга о признании белорусского языка одним из официальных языков на территории Беларуси, оккупированной германскими войсками. Это активизировало деятельность представителей белорусского движения по организации белорусских школ и издательского дела.

Активизация национальной жизни вызвала создание в Вильно координационного органа белорусских политических, общественных и профессиональных организаций – Белорусского народного комитета, который осуществлял свою деятельность в 1915–1918 гг. Именно БНК поднял вопрос о государственном оформлении оккупированных немцами белорусских земель. Изначально Комитет придерживался концепции Конфедерации Великого княжества Литовского с участием белорусов, поляков, литовцев и евреев. Но Конфедерация не сложилась по причине острых противоречий между ее участниками.

Позднее БНК вместе с другими белорусскими организациями высказался за создание Белорусско-Литовского государства. В Универсале, который был издан от имени БНК, Белорусской социал-демократической группы и Виленского комитета БСГ в сентябре 1917 г., было сказано: "... Беларусь ад вякоў звязана з суседнім эканоміка-гаспадарчым арганізмам з Літвой. Іх звязвае супольная арганізацыя і супольныя інтарэсы прамысловасці і гандлю, супольныя гандлёвыя шляхі – рэкі і сістэма чыгунак... Разарваць гэтую гаспадарчую еднасць – значыць, засадзіць нас, беларусаў, у вечную эканамічную залежнасць ад чужынцаў». Внутреннее разграничение литовских и белорусских земель предполагалось провести «паводле матчынай мовы жыхароў»⁵. В том же сентябре 1917 г. в Вильно была издана так называемая "Основная программа БСГ", где было записано следующее: " БСГ надае незалежнасці і непадзельнасці Беларусі і Літвы ў выглядзе дэмакратычнай рэспублікі,

абнімаючы ўсю Беларусь і ўсю Літву – незалежна ад раздзелу іх ваенным фронтам...»⁶.

По-другому к вопросу о государственном строительстве подходили белорусские национальные организации и комитеты БСГ, которые находились на неоккупированной немцами территории Беларуси. Уже 25 марта 1917 г. на партийной конференции БСГ в Минске принимается резолюция о поддержке Временного правительства, за Российскую федеративную республику и автономию Беларуси в ней. Более подробно национальная программа БСГ была рассмотрена на Петроградской конференции БСГ в июне 1917 г. БСГ ставила задачу добиваться широкого самоуправления Беларуси с законодательным органом – Краевой Радой, избранной на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права; отсутствия таможенных границ между Беларусью и другими частями будущей Российской Федерации; полного политического и экономического равноправия всех национальностей на территории Беларуси; развития национальной культуры и законодательного признания белорусского языка в школах, а также в государственных и общественных учреждениях Беларуси. В июне 1917 г. БСГ выступила против создания национальных полков⁷.

14–22 сентября 1917 г. представители Центральной Рады белорусских организаций, члены БСГ, приняли участие в Демократическом совещании, которое состоялось в Петрограде. На совещании была провозглашена декларация Центральной Рады белорусских организаций, которую подписали деятели белорусского национального движения И. Воронко, К. Душевский, И. Мамонько, Ф. Фальский и Д. Жилунович. В декларации была представлена национальная программа Белорусской Рады, которая содержала основные программные требования БСГ, среди которых провозглашение федеративной демократической Российской Республики с гарантией прав меньшинств, требование предоставить возможность всем народам России, в том числе и белорусам, созвать свои "представительные Учредительные собрания", добиваться равноправия языков в суде, школе, создать Совет по национальным делам, национализация войска и т.д.⁸.

В новой партийной программе, принятой на III съезде БСГ, который состоялся 14–25 октября 1917 г. в Минске, значительных изменений по национальному вопросу не было внесено. По-прежнему рассматривалось законодательное признание белорусского языка, полное самоуправление (автономия) Беларуси с законодательным органом в лице Краевой Рады для разработки законов, которые будут издаваться Российским парламентом, отсутствие таможенных границ между Беларусью и другими частями Российской федерации, полное политическое и экономическое равноправие всех национальностей, которые проживают на территории

Беларуси⁹. В отношении создания национального войска было решено следующее: "III партийный съезд БСГ приветствует создание белорусской народной армии и желает, чтобы она стала революционной гвардией трудового народа Белорусского..."¹⁰. Таким образом, до октябрьских событий в Петрограде БСГ (за исключением Виленской организации) выступала за федеративную демократическую республику в России и автономию Беларуси в ее составе.

Октябрьские события 1917 г. в Петрограде вызвали неоднозначную реакцию со стороны деятелей белорусского национального движения. Левая часть БСГ (Бобруйская организация, Д. Жилунович, И. Середа и др.) надеялась, особенно после выхода известной Декларации прав народов России от 2/15 ноября 1917 г., что их мечта о создании белорусской государственности в границах Российской Федеративной Демократической республики получила реальное основание. Но они считали, что на Беларуси до созыва "Красного сейма" должна править "революционная демократия Беларуси через Советы солдатских, крестьянских и рабочих депутатов"¹¹. Именно поэтому и на Всебелорусском съезде они выступили за организацию "белорусских Советов".

Минская организация БСГ, Великая Белорусская Рада, созданная в октябре 1917 г. на основе Центральной Рады белорусских организаций, и другие белорусские организации видели в петроградских событиях угрозу для белорусской национальной государственности и поэтому призывали белорусскую революционную демократию "не допустить, чтобы вихрь безвластия погубил наше святое национальное дело защиты свобод и прав Белорусского Народа..."¹². Исходя из этого, значительная часть членов БСГ вместе с представителями Великой Белорусской Рады на I Всебелорусском съезде в декабре 1917 г. в Минске выступила за провозглашение независимой Белорусской народной республики, организацию временной народной власти в форме Рады, которая в короткое время должна созвать Учредительное собрание, создать белорусскую армию и др.

В феврале 1918 г. члены БСГ, сторонники создания белорусского государства, выступили с инициативой формирования правительства в форме Народного Секретариата Беларуси, а затем, после подписания 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора между Россией и Германией, приняли участие в провозглашении 9 марта 1918 г. Белорусской Народной Республики, а 25 марта 1918 г. – ее независимости.

Тем временем, Петроградская и Московская организации БСГ не поддержали провозглашение БНР и выступили за создание белорусской государственности на советской основе.

Таким образом, в конце XIX – в начале XX века идет процесс формирования белорусского национального движения, возникает первая белорусская национальная партия – Белорусская социалистическая громада, белорусский национальный вопрос выходит на политическую арену, деятели белорусского движения выдвигают требования государственного оформления белорусских земель и добиваются осуществления своих требований в сложных политических и международных обстоятельствах. В белорусском национальном движении с 1916 г. отсутствует единый подход к государственному оформлению Беларуси. БСГ, за исключением Виленской организации, после Февральской революции и до октябрьских событий 1917 г. выступала за автономию Беларуси в составе Российской федеративной демократической республики. Виленские белорусские деятели, которые находились на оккупированных Германией территориях, видели будущее Беларуси в создании независимой Литовско-Белорусской, а потом Белорусской народной республики.

Примечания

¹ *Біч М.В.* К. Каліноўскі як рэвалюцыйны дэмакрат // *Весці АН БССР. Сер. грам. навук.* 1986. № 1. С. 5.

² Публицистика белорусских народников. Минск, 1983. С. 19–21.

³ НА РБ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

⁴ *Шлюбскі А.А.* Да гісторыі БСГ // *Польмя.* 1925. № 5. С. 158–159.

⁵ НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 81. Л. 16.

⁶ ЦДАМЛМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 139. Л. 15.

⁷ *Пастановы Канферэнцыі БСГ // Вольная Беларусь.* 1917. 27 ліп. С. 3.

⁸ НА РБ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 193. Л. 12.

⁹ Програма Беларускай Соцыялістычнай Громады (Принята III партыйным съездом 14–25 октября 1917 г. в Минске) // *Палітычныя партыі Беларусі: Дапам. для вывуч. гіст. Беларусі.* Мн., 1994. С. 77.

¹⁰ НА РБ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 749. Л. 61.

¹¹ НА РБ. Ф. 15. Оп. 28. Д. 10. Л. 187.

¹² НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 81. Л. 22.

К.А. Соловьев
*НИУ «Высшая школа экономики»,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт российской истории РАН*

Общественное движение накануне 1905 г.: формы и практики

Аннотация

Статья посвящена характеру общественного движения, предшествовавшего Первой русской революции. В центре внимания автора – деятельность «Союза Освобождения», запланировавшего банкетную кампанию, образование политических профессиональных союзов, земский съезд. Этот перечень инициатив как будто бы позволяет говорить о Союзе как о ключевой силе, участвовавшей в эскалации политического конфликта. Однако это утверждение не подтверждается сведениями об организационном и кадровом ресурсе, бывшем в распоряжении «Союза Освобождения». Его роль будет более очевидна, если рассматривать объединение не как классическую политическую партию, а особую сетевую структуру.

Ключевые слова: общественное движение, революция, земство.

K.A. Solovyov
*National research university “Higher School of Economics”,
Russian State University for the Humanities,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*

Political movement on the eve of 1905: forms and practices

Abstract

The article is devoted to the nature of the political movement that preceded the First Russian Revolution. The author focuses on the activities of the "Union of Liberation", which planned a banquet campaign, the formation of political trade unions, and the Zemstvo congress. This list of initiatives seems to make it possible to speak of the Union as a key force involved in the escalation of the political conflict. However, this statement is not confirmed by the information about the organizational and personnel resources that were at the disposal of the "Union of Liberation". Its role will be more obvious if we consider the association not as a classic political party, but as a special network structure.

Keywords: political movement, revolution, the Zemstvo.

О революциях давно спорят, и будут спорить дальше. Многое зависит от точки отсчета, от стиля мышления автора. Кто-то следит за политической конъюнктурой, за схваткой «бульдогов», которые периодически высовываются из-под ковра. Для кого-то важнее биржевые индексы. Для других – газетные репортажи. Тем интереснее революции, не соответствующие канону, которые одним своим фактом ломают привычные шаблоны. Первая русская революция – из их числа. Не вполне ясно, когда она началась, когда завершилась. Современники не были в том единодушны. Они далеко не сразу признали революцию. Некоторые колебались диагностировать ее и осенью 1905 г. Это свидетельство в пользу того, что сам характер политического процесса не укладывался в привычные рамки. Его генезис остается неочевидным для исследователей. Эскалацию политического кризиса можно объяснять убийством В.К. Плеве, первыми шагами князя П.Д. Святополк-Мирского в должности министра внутренних дел, земским съездом в Санкт-Петербурге в ноябре 1904 г. или же Кровавым воскресеньем. Однако первые признаки надвигающегося землетрясения чувствовались раньше, уже в начале 1904 г. Казалось бы, Плеве жив и здоров. Он уверенно противостоит всем оппозиционным течениям и настроен весьма решительно. Тем не менее, 1904 г. начался Третьим съездом по техническому образованию и Девятым Пироговским съездом. Эти профессиональные форумы стали общественно значимыми собраниями, в которых принимали участие тысячи представителей интеллигенции – самых разных занятий. И многие из них уже в январе 1904 г. позволили себе политическую демонстрацию¹.

Технический съезд был закрыт Министерством внутренних дел. Тотчас же открывался Пироговский. Его участники даже успели пообедать с радетелями за техническое образование в России². Это была одна среда,

единый процесс. Это был пожар, столь быстро распространявшийся, что его трудно было тушить.

Как раз тогда (3–5 января 1904 г.) в Санкт-Петербурге на квартире И.А. Корсакова открылся учредительный съезд «Союза Освобождения». В нем приняли участие представители двадцати городов России: Владимира, Вологды, Вятки, Киева, Костромы, Курска, Нижнего Новгорода, Одессы, Орла, Самары, Саратова, Симферополя, Смоленска, Тамбова, Тифлиса, Тулы, Харькова, Чернигова, Юрьева, Ярославля. Съезд проходил на разных квартирах. Прежде всего, обсуждалась программа объединения. Коренной ее пункт – упразднение самодержавия. Ставились разные вопросы: о характере желательного государственного строя, о внешней политике, о будущей тактике. Вопрос о государственном строе был, разумеется, основным. В целях конспирации рукопись доклада была поименована «Об австрийской избирательной реформе, из сочинений Геллерта». Был принят устав Союза. Во главе объединения становился избираемый Совет, который получил право в случае единогласия его членов кооптировать в свой состав «освобожденцев». Союз провозглашался объединением автономных местных и профессиональных организаций³. Он не стремился к партийной монолитности и, в сущности, не мог претендовать на нее. На последнем заседании съезда был избран Совет. О результатах баллотировки знали только те, кто вели подсчет, и, конечно, сами члена Совета⁴. Первый съезд должен был стать началом политического цикла, за которым последовала бы дальнейшая структуризация общественного движения. Определенные шаги в этом направлении были сделаны. 20 февраля 1904 г. состоялся съезд земцев-конституционалистов.

Правда, движение не могло быть должным образом организационно оформлено. Даже *сравнительно* массовое объединение в условиях самодержавной России не имело шансов на существование. Члены «Союза Освобождения» к конспиративной деятельности в большинстве случаев готовы не были. В январе 1904 г. состоялся Первый съезд Союза. На нем были обозначены тактические приемы, сыгравшие ключевую роль в эскалации политического конфликта: организация банкетной кампании, создание профессии-ональных политических союзов⁵. Казалось бы, это и положило начало революционному кризису следующего года. Однако началась русско-японская война. Активность «освобожденцев» фактически сошла на нет. Иными словами, с момента проведения первого съезда и вплоть до «правительственной весны» осени 1904 г. «Союза Освобождения» не было. Был журнал «Освобождение». Были те, кто его распространял. Не было организации партийного типа. Значит ли это, что «Союз Освобождения» не сыграл какой-либо роли накануне Первой

революции? С этим трудно согласиться: его значение поразительно. Его решения, деятельность некоторых «освобожденцев» во многом определили характер политических процессов рубежа 1904–1905 гг.

Что же такое «Союз Освобождения»? Почему он заявил о себе именно тогда, на рубеже 1903–1904 гг.? Чем обусловлена общественная активность начала 1904 г.? Третий вопрос проще, чем может сначала показаться. Ответ на него становится более или менее очевидным, если обратиться к повестке земцев на 1903 г.

Во-первых, в начале 1903 г. в земской среде всерьез продолжало обсуждаться будущее сотрудничество с В.К. Плеве. Казалось, его беседа с председателем московской губернской земской управы Д.Н. Шиповым открывала широчайшие перспективы встраивания органов местного самоуправления в политическую систему страны. Полагалось (и не безосновательно), что министр уже готов к формированию всероссийского представительства с участием земцев⁶. По крайней мере, они активно привлекались к работе министерских комиссий, что внушало определенные надежды и хотя бы временно повышало самооценку⁷. Во-вторых, Земская Россия была взбаламучена деятельностью Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и, прежде всего, местных комитетов. С ними связывалось много надежд. Это была уже инициатива С.Ю. Витте, с подачи которого было создано 82 губернских, 536 уездных и окружных комитетов. К работе были привлечены более 12 тыс. чел. (в первую очередь деятелей местного самоуправления). Отсутствие скорых результатов разочаровывало. Местная администрация регулярно ставила препоны трудам местных комитетов. Важнее другое: эта работа позволила мобилизовать силы значительной части земских собраний, поставить перед ними, в сущности, политические вопросы. По словам Е. Катковой, «только толкуют теперь, что о сельскохозяйственных комитетах, с которыми чуть не во всякой губернии выходят истории. Везде со стороны губернаторов стремление свести деятельность совещаний к нулю, а со стороны земств – вопли о том, чтобы их слышали»⁸. И действительно деятельность многих местных комитетов сопровождалась скандалами⁹.

Волна поднималась, в том числе усилиями власти, и та же власть пыталась сбить ее новыми репрессивными мерами. 8 января были провозглашены карательные меры в отношении неугомонного Тверского земства¹⁰. В апреле 1904 г. не был утвержден в должности председателя Московской губернской земской управы Д.Н. Шипов¹¹. Он целых одиннадцать лет возглавлял Московское земство, а, значит, был в центре всего земского движения России. Это вызвало плохо скрываемое раздражение у земцев даже самых умеренных взглядов.

Правительственное наступление разворачивалось. Прошла ревизия земства в Суджанском уезде, в Курской губернии¹². Все это прямо противоречило словам В.К. Плеве, не устававшего декларировать маргинальность и слабость оппозиции. В июне 1904 г. в интервью французскому корреспонденту он отмечал, что «в России недовольны существующим строем одни “иностранцы”, как-то: поляки, финляндцы и в особенности евреи... Россия и самодержавия – синонимы, а потому русские, избивая евреев, проявляют как патриотизм, так и лояльность». Французский журналист возражал: в оппозиции тон задавали русские люди. «Совершенно верно, – признавал Плеве. – Только их не стоит принимать в расчет. Они не пользуются у народа ни капли доверия, народ издается над ними, так как чувствует, что они действуют в ущерб его интересам. И, кроме того, народ не понимает их». Министр внутренних дел делал вывод, что революция в России невозможна: «Революция производится большинством, а большинство – за нас»¹³.

Согласно теории катастроф, переход системы в новое качество происходит резко, неожиданно. Важна точка бифуркации, когда с прошлым не успевают проститься. Видимо, это случилось 15 июля 1904 г., когда был убит министр внутренних дел В.К. Плеве. В редакцию «Освобождения» об этом сообщил издатель И. Дитц по телефону из Берлина. В семье П.Б. Струве по этому поводу было ликование¹⁴. Самого Струве в Штутгарте тогда не было. Но его близких «била лихорадка». «Убит. Нет его, чиновника-деспота, топтавшего и давившего все живое и желающего жить. Быть может, это радость рабов, которых какая-то внешняя сила избавила [от жестокого хозяина]»¹⁵. В Париже на собрании эсеров многие рыдали (от радости, конечно)¹⁶.

Первые шаги князя П.Д. Святополк-Мирского были весьма красноречивыми. После 20-летнего заключения была освобождена из Шлиссельбургской крепости В.Н. Фигнер. Из ссылки были возвращены Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, Г.А. Фальборк, В.И. Чарнолуцкий и др. Получил возможность вернуться в Россию Н.А. Рубакин. Были восстановлены в правах князь П.Д. Долгоруков, П.Н. Милоков, И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев и многие другие¹⁷.

Святополк-Мирский много общался с земцами. А.А. Стахович писал князю П.Д. Долгорукову: «Вчера провел два часа у Мирского, взаимное интервью. Довольно интересное... О “ней”, Костиной жене, говорили много и свободно. Совестится Манифеста 26 февраля [1903 г.], который он надеется дешифровать, хотя Плеве унес собой шифр в могилу. Созыв выборных губернских земских собраний местных людей для разработки совместно с Министерством разных вопросов – в его программе.

Рыдзевский (мой зять) назначен товарища министра и командиром корпуса жандармов!?!?»¹⁸.

8 сентября на квартире Ф.А. Головина собрались земцы в Москве. Это было будущее Бюро земских съездов. Было принято решение в ноябре во второй столице провести съезд. Харьковский земец В.Г. Колокольцев сообщил об этом своему приятелю С.Н. Гербелью, бывшему харьковскому вице-губернатору, а на тот момент начальника главного управления по делам земского и городского хозяйства. Они вместе пообедали и беседовали о том, что было и что будет. Гербель отметил, что место съезда избрано крайне неудачно. Едва ли великий князь Сергей Александрович содействовал бы проведению этого форума. Он предложил договориться с новым министром внутренних дел. Сам был готов выступить в качестве посредника. В итоге земская делегация встретила с князем Святополк-Мирским. Он отнесся к идее съезда вполне сочувственно. Вместе с тем выдвинул несколько условий. В съезде должны были принимать только председатели губернских земских управ. Это должны были быть те лица, которые прежде собирались под эгидой Д.Н. Шипова. И, наконец, на съезде не должно быть И.И. Петрункевича. Приходилось принимать все условия. В «Союзе Освобождения» решили провести в Петербурге одновременно два съезда, один из которых должен быть нелегальным. В сущности, должно было пройти одно мероприятие, которое не соответствовало бы «видам правительства»¹⁹.

Предчувствуя большие события, цензовая общественность приходила в состояние крайнего возбуждения. Как раз в сентябре М.В. Челноков видел «графиню В.Н. [Бобринскую]; она носится по городу и повсюду ораторствует о необходимости общественным представителям подать коллективное заявление государю, что он должен разделить ответственность перед страной с представителями общества и что д[олжно] б[ыть] немедленно учреждено временное правительство»²⁰.

Уже в конце сентября 1904 г. газеты стали заметно смелее. На это обратила внимание А.В. Тыркова, что не преминула сказать в ближнем кругу П.Б. Струве. Его жена Нина только посмеялась. Тыркова показала газету. Настроение резко изменилось. Н.А. Струве просияла, побежала звонить мужу. Вечером он приехал, привез П.Д. Долгорукова и П.Н. Милокова. «Ну, где ваша конституция? – спросил Милоков. Тыркова показала газеты. Их это не удовлетворило. Милоков полагал, «что пока еще надо годами, а не месяцами считать ход политического освобождения в России». В начале октября он поехал в Петербург на несколько дней. Вернулся окрыленным и совершенно преображенным: «То, что мы задумывали, с таким трудом лепили по маленьким кирпичикам, ценой усилий и ухищрений громоздили, считая, что еще годы и годы придется

вести черную полузаметную работу, все это уже есть». Более того, Милюков пришел к убеждению, что жизнь далеко ушло вперед. Следовало очень спешить, чтобы не отстать, не опоздать²¹.

В начале октября был задержан последний номер газеты «Право». И.В. Гессену пришлось по этому поводу объясняться с главным-управляющим по делам печати Н.А. Зверевым: «Вы можете писать, что Вам угодно, критиковать существующие порядки, как Вам угодно, но только не о конституции. Этого мы не допустим и, как гражданин, я думаю, что Вы делаете величайшую ошибку, мешая министру в его начинаниях»²². Общественное движение тогда шло в разных скоростях. Где-то запаздывало, осторожничало, где-то торопилось, предвкушая скорую победу. Так или иначе, границы дозволенного стремительно расширялись.

8 октября Святополк-Мирский встретался с Ф.А. Головиным. Министр объяснял, что Совет по делам местного хозяйства, задуманный еще В.К. Плеве, предполагалось образовать как представительное учреждение: 40 человек земства, 20 – от Сибири и других окраин. Он высказал опасение, что это могло привести к конституции. «Головин ему отвечал, что огромное большинство земцев и конституции не желает и что только крайние элементы – меньшинство – не удовлетворится реформой [Государственного] Совета». Среди собеседников министра был князь Г.Е. Львов. Он был смущен и растерян: «У нас нет никакой программы». Он мало сомневался в том, что земству нечего будет ответить, если вдруг его спросят. «Князь Львов сказал министру, что на предстоящем совещании среди деятелей несомненно будет поставлен общий вопрос, а общий вопрос есть вопрос конституции. Министр ответил, что он не верит конституции, но если бы этот вопрос оказался поставленным, то и его необходимо было бы разрешить. В вопросе о конституции его, министра смущает, что это равносильно распадению Империи, ибо как удовлетворить тогда Польшу, Армению и другие племена и народности. Свое положение министр находит весьма прочным, поворота к прошлому быть не может и, если бы он, например, сменил Штюмером, то последнему оставалось бы только продолжить начатую политику»²³.

Многое тогда менялось. И.И. Петрункевич получил разрешение приехать в Петербург. Он шел на квартиру директора Департамента полиции А.А. Лопухина на Сергиевской улице. Петрункевич поднялся на верхний этаж. В передней встретил дежурный офицер. Лопухин принял с чрезвычайной учтивостью. Выразил радость в связи со снятием с Петрункевича ограничений. Лопухин обещал устроить встречу с новым министром князем П.Д. Святополк-Мирским²⁴. Через день – два они встретились. В конце октября, вечером, Петрункевич отправился на

Фонтанку. Его провели в кабинет на первом этаже. «Передо мною стоял еще не старый генерал, совсем не воинственного вида, приветливый, с добрыми глазами, простой и симпатичный. Он стоял за письменным столом, разделявшим нас, и протянув руку через стол, он пригласил меня занять кресло, стоявшее против стола». Он подтвердил, что все ограничения, наложенные на Петрункевича, были сняты²⁵. Поговорили о предстоящем земском съезде. Святополк-Мирский не был против, но не мог не доложить об этом императору. Он докладывал государю о съезде председателей управ. Оказалось, что предполагалось собрание земских гласных – а на это разрешения не было. Сам Петрункевич не все знал о предстоящем форуме: он только недавно вернулся в Россию²⁶.

В скором времени Петрункевич и И.В. Гессен оказались в особняке С.Ю. Витте на Каменноостровском проспекте. Витте принял в своем кабинете. Петрункевич пытался доказать, что конституционный строй неизбежен, что правительству придется уступить. Витте возражал тоном, не терпящим возражений: «В своем суждении... вы не принимаете в расчет, во-первых, что государь относится к самодержавию как к догмату веры, как к своему долгу, которого ни в целом, ни в части он уступить кому бы то ни было не может. Это его вера, и вы бессильны ее изменить; во-вторых, общество русское не настолько сильно, чтобы вступить в борьбу с самодержавием, которое опирается на тысячелетнюю историю, на веру в его жизнеспособность и силу и на привычку видеть в нем свою защиту и опору. Крестьянство будет на стороне самодержавия, а не на стороне так называемого общества, которое будирует, не учитывая своих сил». Витте «не верит в силу идей и знает, что человечеством двигают не идеи, а материальные интересы. Интересы же народа тесно связаны с интересами самодержавия, которое одно могло дать народу в 1861 году свободу и землю вопреки желанию дворянства, и тогда будировавшего против самодержавия, как теперь будирует общественность, интересы которой лежат не в одной плоскости с интересами народа»²⁷.

Бюро давно разослало приглашения на земский съезд. Святополк-Мирский отправил в Москву Гербеля уговорить земцев провести съезд не в столице, а где-нибудь в провинции, например, в Нижнем Новгороде. Против этого Министерство внутренних дел обещало не возражать. Миссия Гербеля окончилась неудачей. Бюро стояло на своем, уступать не собиралось. Подготовка к съезду шла полным ходом. 3 ноября состоялось совещание на квартире Ю.А. Новосильцева. Тогда же была избрана комиссия, которая должна была подготовить проект будущих резолюций. Комиссия тут же принялась за работу. Ее результаты могли вызвать немедленный раскол. Смущал 10-й пункт, в котором говорилось о необходимости конституционного строя. Против выступил Д.Н. Шипов.

Он никогда не скрывал своих славянофильских идеалов. И тут говорил о неприемлемости конституции. Но он не хотел мешать работе съезда, а значит, ему не стоило там быть. Этого нельзя было допустить, учитывая колоссальный авторитет Шипова. Комиссии пришлось идти на уступки. Формулировка 10-го пункта была заметно смягчена. Было решено, что обе формулировки будут баллотироваться на съезде. Теперь следовало решать организационные вопросы. С этой целью в Петербург были делегированы Д.Н. Шипов, князь Г.Е. Львов и И.И. Петрункевич. Им предстояло провести переговоры со Святополк-Мирским. Утром следующего дня представители земств были в Петербурге. Вечером их ждал министр. Беседа была доброжелательной и непринужденной. Святополк-Мирский говорил о недоверии императора к собраниям, наподобие предстоявшему. Тем не менее, сторонам удалось договориться. Будущий съезд должен был считаться частным собранием и проходить не публично. Правительство же обещало не препятствовать собраниям, которых следовало проводить на частных квартирах. По окончании же съезда министерство должно было быть оповещено о его резолюциях²⁸.

В условиях «правительственной весны» осени 1904 г. поразительно быстро получало воплощение программа действий, на которые рассчитывали «освобожденцы» еще в начале года. Отлаженная инфраструктура связей позволяла координировать усилия многих людей, определявших лицо общественного движения. Пытаясь осмыслить историю «Союза Освобождения», следует отказаться от привычных понятий и категорий. Это не партия. Сила Союза – не в численности, а в совсем другом. Вокруг журнала «Освобождение» складывался круг литераторов, активистов, читателей. Распространение нелегального издания способствовало налаживанию отношений, контактов. Складывалась сложная сетевая структура, которая оперативно реагировала на печатное слово. В 1902–1903 гг. шло обсуждение вопроса о характере будущей политической организации. Наиболее радикальные элементы рассчитывали на создание партии. Более осторожные полагали необходимым образовать союз, который был бы менее обременительным для его членов²⁹. Б.А. Кистяковский же доказывал П.Б. Струве, что любая такая структура не годится для России. Любой более или менее состоявшийся человек не станет участвовать в кружковой деятельности. Лучше полагаться на личные контакты и связи тех, кто сочувствовал журналу³⁰. Это представлялось не только более безопасным, но и более эффективным путем достижения целей. Тогда, в 1903 гг., точка Кистяковского казалась маргинальной. Однако, в сущности, именно она и была осуществлена. Влияние «Союза Освобождения» заключалось не в его организации, а в модели передачи импульсов политического действия.

На этой почве в 1905 г. и сложится Конституционно-демократическая партия, что в известной мере предопределяет ее судьбу. Во-первых, среда, породившая партию, готовилась к революции, мобилизовалась в условиях революции, отвечала на ее вызовы. Во-вторых, в идейном отношении она представляется довольно аморфной. Она включала сторонников разных взглядов, в большинстве случаев довольно радикальных, изредка – довольно умеренных. Но для всех политическая повестка на тот момент была приоритетной.

Примечания

- ¹ Белокопский И.П. Земское движение. СПб., 1914. С. 185.
- ² Там же. С. 188.
- ³ Там же. С. 191.
- ⁴ Там же. С. 192.
- ⁵ Там же. С. 191.
- ⁶ Записки Д.И. Шаховского (РО ИРЛИ. Ф. 334. Д. 651. Л. 28, 31).
- ⁷ Там же. Л. 28 об.
- ⁸ Обзор выписок из перлюстрированных писем (РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 382. Л. 47).
- ⁹ Там же. Л. 48–49.
- ¹⁰ Белокопский И.П. Указ. соч. С. 193.
- ¹¹ Там же. С. 200.
- ¹² Там же. С. 203.
- ¹³ Там же. С. 204.
- ¹⁴ Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. Воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы А.В. Тырковой-Вильямс (1869–1962). М., 1998. С. 333.
- ¹⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 66.
- ¹⁶ Там же. С. 67.
- ¹⁷ Белокопский И.П. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 90. Л. 53.
- ¹⁹ Там же. С. 212–213.
- ²⁰ Письмо Д.Н. Шипова М.В. Челнокову 27 августа 1904 г. // Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 255–256.
- ²¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 68.
- ²² РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 77. Л. 54. Письмо И.В. Гессена П.Б. Струве от 9 октября 1904 г.
- ²³ Там же. Л. 54–56.
- ²⁴ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 350–351.
- ²⁵ Там же. С. 352.

²⁶ Там же. С. 353.

²⁷ Там же. С. 354.

²⁸ Там же. С. 356–357.

²⁹ Письмо Г.А. Ландау П.Б. Струве, 1905 г. (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 82. Л. 49).

³⁰ Письмо Б.А. Кистяковского П.Б. Струве от 6 апреля 1903 г. (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 80. Л. 121об–122).

С.С. Новосельский

Российский государственный гуманитарный университет

Проекты создания объединенного правительства в условиях революционного кризиса 1905 г. в России

Аннотация

Статья посвящена идее объединения правительственной власти и ее реализации в условиях революционного кризиса 1905 г. в России. Особое внимание уделено дискуссиям о том, на основе какого учреждения в Российской империи должно было возникнуть правительство, а также оценкам его деятельности в общественных кругах. Автором показано, что, несмотря на возобновление в 1905 г. деятельности Совета министров, единого в политическом отношении правительства в России так и не возникло.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, Совет министров, Комитет министров, высшая бюрократия, С.Ю. Витте, правительственная власть.

S.S. Novoselskiy

Russian State University for the Humanities

United government projects in the conditions of the revolutionary crisis of 1905 in Russia

Abstract

The article is devoted to the idea of uniting government power and its implementation in the conditions of the revolutionary crisis of 1905 in Russia. Particular attention is paid to discussions on the basis of which institution in the Russian Empire should have emerged the government, as well as assessments of its activities in public circles. The article shows that despite the reactivation of the Council of Ministers in 1905, a single political government in Russia did not arise.

Keywords: The First Russian Revolution, 1905, Council of Ministers, Committee of Ministers, top bureaucracy, S. Y. Witte, government authority.

Идея о необходимости объединения правительственной власти в рамках одного учреждения бытовала в среде высшей бюрократии с начала эпохи Великих реформ. Еще в 1862 г., читая великому князю Николаю Александровичу лекции по гражданскому праву, К.П. Победоносцев сетовал на отсутствие в России единства управления¹. В условиях обострения революционного кризиса на рубеже 1904–1905 гг. эта идея приобретала все большую популярность. В сложившихся обстоятельствах на роль объединенного правительства могли претендовать Совет министров, не собиравшийся с конца 1882 г., и Комитет министров, который возглавлял С.Ю. Витте.

В подготовленной С.Е. Крыжановским в ноябре 1904 г. записке роль координатора работы ведомств отводилась Комитету министров². На первый взгляд, это предложение полностью отвечало интересам его председателя. Но случилось обратное. Передача в ведение Комитета министров всего делопроизводства, связанного с подготовкой Указа 12 декабря 1904 г., во многом предопределила провал проекта реформы Государственного совета, разработанный С.Е. Крыжановским³.

Представители либеральной оппозиции полагали, что успех объединенного правительства будет обусловлен не его составом или шириной полномочий, а легитимностью кабинета в глазах общественности. По меткому выражению А.А. Кизеветтера, власть должна была не оказывать доверие обществу, а, наоборот, заслужить это доверие⁴. Правые, в свою очередь, утверждали, что проблема заключалась в самой российской бюрократии. Продвижение по службе зависело исключительно от профессиональных качеств, а не политической благонадежности чиновников. В результате, по словам В. А. Грингмута, во власти оказывалось немало «сановных революционеров»⁵.

События 9 января 1905 г. наглядно продемонстрировали дезорганизацию министерского управления. О предстоящей манифестации рабочих было известно лишь двум – трем министрам⁶. 17 января Николай II выразил готовность к слиянию Совета министров и Комитета министров в единое правительственное учреждение. А после обнародования решения о создании в России народного представительства стало окончательно ясно, что правительство сможет противостоять оппозиции в Думе лишь в том случае, если оно будет объединено не только организационно, но и политически.

Поначалу перспектива включения в состав правительства общественных деятелей настораживала чиновников. В частности, Н.И. Вуич опасался, что формирование «кадетского правительства» приведет к утверждению в России «парламентского режима без оппозиции в парламенте»⁷.

Ясности не наблюдалось не только с составом кабинета министров, но и с тем, какое учреждение должно было стать центром объединения правительственной власти. По мнению А.В. Кривошеина, в роли такого центра мог бы выступить Совет министров. Председателю Совета должно было быть предоставлено право предлагать кандидатуры министров на утверждение императору. Отказ от системы всеподданнейших докладов в сочетании с «известной программой будущей правительственной деятельности», по замыслу А.В. Кривошеина, способствовали бы подлинному объединению исполнительной власти⁸. Ему оппонировал В.Н. Коковцов. Подчеркивая, что премьер мог быть самостоятельной политической фигурой лишь в государствах с конституционным строем, министр финансов настаивал на сосредоточении исполнительной власти в Комитете министров⁹.

В итоге чаша весов склонилась в пользу проекта А.В. Кривошеина. Д.М. Сольский убеждал императора, что самодержавие должно быть равноудалено от законодательной и исполнительной власти. Это не только освободило бы монарха от «участия во всех мелочах управления», но и подтвердило бы его статус верховной власти во всем государстве, «а не только главы исполнительной власти, как на Западе»¹⁰. Опытный бюрократ, Д.М. Сольский не называл конкретных имен и учреждений, предоставляя государю возможность принять окончательное решение самому. Но тон записки не оставлял сомнений – объединенным российским правительством мог стать только Совет министров, и возгласить его должен был С.Ю. Витте.

Будущее Совета министров решилось в ходе «домашних совещаний» у того же Д.М. Сольского. Стремление сановников как можно скорее сформировать по-настоящему единое правительство объяснялось не

только предстоящим созывом Думы. После образования Петербургского совета рабочих депутатов в России существовало как бы два правительства: легальное и нелегальное. Это второе, как говорили современники, «антиправительство» «также имело на местах свои органы, делало какие-то распоряжения, посылало какие-то циркуляры»¹¹, привнося еще больший хаос в управление страной.

Тем временем С.Ю. Витте предупреждал Николая II: если император не позволит ему самостоятельно сформировать правительство, то от Совета министров можно будет ожидать «лишь улучшения канцелярского делопроизводства»¹². Как и в случае с Манифестом 17 октября, когда С.Ю. Витте предлагал Николаю II либо подписать Манифест, либо установить военную диктатуру, фактически не оставляя царю выбора, будущий премьер сыграл на нерешительности монарха. Узнав о предложении адмирала Н.М. Чихачева подавить беспорядки в стране силой, С.Ю. Витте незамедлительно призвал Николая II назначить Н.М. Чихачева «первым министром»¹³. Застигнутый врасплох государь направил С.Ю. Витте телеграмму с указанием немедленно возглавить правительство, на которую получил ответ, что «одним механическим объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя»¹⁴. В итоге С.Ю. Витте получил «карт-бланш» на формирование Совета министров.

Общественность, между тем, «уже почуяла портфели»¹⁵, а С.Ю. Витте рассчитывал укрепить авторитет нового правительства в ее глазах. Договориться с кадетами премьеру, как известно, не удалось¹⁶. Однако с правыми тоже. Либералы не могли смириться с присутствием в правительстве столь одиозных фигур, как Д.Ф. Трепов и П.Н. Дурново. Ф.Д. Самарин, в свою очередь, отказался от должности Главноуправляющего землеустройством и земледелием ввиду несогласия с правительственным курсом, который, пусть подчас декларативно, но все же выстраивался на основании Манифеста 17 октября¹⁷. Тогда и возникла идея составить «деловой кабинет из приличных людей» (главным образом, товарищей министров), способных созидательной работой вернуть правительству доверие общества¹⁸. Но и этот шаг не добавил единства Совету министров.

С.Ю. Витте полагал, что основной «заботой правительства должно быть практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы»¹⁹. Но приступить к реализации даже столь расплывчатой программы получалось с трудом. Опасаясь провокаций со стороны революционеров, с 18 по 24 октября члены Совета министров были вынуждены постоянно менять места заседаний, порой прибегая к уже ставшей привычной практике «домашних совещаний»²⁰.

Совет министров нещадно критиковали со всех сторон. Высказывания отличались лишь патетичностью метафор. Пресса писала, что новое правительство «совершает беззакония и зверства, каких Россия не видала даже во времена Иоанна Грозного»²¹. К. И. Пален философски рассуждал в Английском клубе о том, «что у нас никогда не надо радоваться уходу плохих министров: следующие всегда хуже...»²². О прекращении содействия правительству объявили даже октябристы, хотя препятствовать его деятельности они не намеревались²³.

Невысокая эффективность работы Совета министров была обусловлена и вполне объективными факторами. Военный министр А.Ф. Редигер, по должности не принимавший активного участия в заседаниях Совета, вспоминал, что присутствие на них отнимало большую часть его рабочего времени: «...из 92 дней 70 были нарушаемы внешними обязанностями, и только 22 дня, то есть не полная четверть, оставались у меня для моего прямого дела! <...> Пройтись пешком удавалось один – два раза в месяц; о постороннем чтении не могло быть и речи, и я потерял привычку читать газеты. <...> ... я поэтому даже мечтал заболеть хоть тифом, чтобы иметь право уйти!»²⁴.

Было бы наивно полагать, что работавшее в подобном режиме правительство окажется способным подготовить взвешенную программу реформ. Ее первые контуры были намечены новым министром финансов И.П. Шиповым только 14 декабря. Но сам министр хорошо понимал, что масштабные социально-экономические преобразования, способные дать стране «мир, порядок и успокоение», могли быть осуществлены только при содействии Думы²⁵. В том, что избранный в будущем году парламент окажет правительству поддержку, не был уверен никто, и менее других – сами члены правительства.

Возобновление в конце октября 1905 г. деятельности Совета министров, вопреки ожиданиям многих представителей высшей бюрократии, не привело к возникновению в России единого в политическом отношении правительства. Глобальная задача власти на начальном этапе революционного кризиса не совпала с задачей момента на его пике. Если в начале 1905 г. речь шла о создании *института* правительственной власти, то в условиях, когда «смута» в стране окончательно переросла в «революцию», споры об институтах стремительно отошли на второй план. Правительство остро нуждалось в *лидере*, который смог бы преодолеть разногласия в правящих кругах и договориться с обществом, чтобы совместно противостоять революции. Такой фигуры в российском политическом поле не оказалось. Да и правовой статус самого правительства был не до конца определен. Поэтому оно не смогло объединиться не только в период кризиса, но и по

его завершении, хотя последующим председателям Совета министров до поры до времени удавалось координировать работу правительства.

Примечания

¹ *Мелентьев Ф.И.* Россия в лекциях для наследников престола (1860-е гг.) // Российская история. 2017. № 5. С. 147.

² Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. пятая. Государь. Государство. Государственная служба. М., 1996. С. 218.

³ *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 434.

⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 256.

⁵ Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Политические статьи: Выпуск III–IV. М., 1910. С. 325.

⁶ Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. Т. 8. С. 55.

⁷ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 259. Л. 4–5.

⁸ Записка о создании объединенного правительства 6 августа 1905 г. // Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 113.

⁹ Записка, составленная в Министерстве финансов, с возражениями против объединения правительства в форме кабинета министров по западноевропейскому образцу. После 6 августа 1905 г. // Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 117–118.

¹⁰ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 606–7.

¹¹ *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 266–267.

¹² *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 480.

¹³ Там же. С. 484.

¹⁴ *Мосолов А.А.* При дворе императора. Рига, 1938. С. 136.

¹⁵ Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 78.

¹⁶ *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 12–13.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 5. Л. 10–10об.

¹⁸ Авторство этой идеи впоследствии приписывал себе П.Н. Милуков (См.: Милуков П.Н. Три попытки // Самодержавие и либералы в революцию 1905–1907 годов. М.–Л., 1925. С. 54).

¹⁹ Революция 1905 года. Маг. и офиц. док. Харьков, 1925. С. 324.

²⁰ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 473.

²¹ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 317.

²² Там же. С. 315.

²³ Там же. С. 370–371, 476.

²⁴ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 483.

²⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 46. Л. 6.

Н.В. Ростиславлева

Российский государственный гуманитарный университет

Макс Вебер и Георг Еллинек о российской государственности в 1905–1908 гг.

Аннотация

В статье рассматривается восприятие российской государственности известным немецким социологом М. Вебером и немецким правоведом Г. Еллинеком в 1905–1908 гг. В фокусе исследовательского внимания автора – опубликованные сочинения о России М. Вебера, а также анализ докладов и дискуссий, касающихся русской темы, в которых принимали участие М. Вебер и Г. Еллинек. Показано, что и Вебер, и Еллинек подходили к анализу государственности с синтетических позиций, рассматривая ее трансформацию в тесной связи с социальным опытом. Вебер полагал, что в силу особой исторической традиции продвижение России к свободе довольно проблематично, интерпретируя свободу с протестантской точки зрения. Подобные высказывания Вебера можно обнаружить в обсуждении им докладов о России.

Как установлено по косвенным данным, Г. Еллинек также не одобрял особенностей российского конституционализма. Однако его работы в эти годы были очень востребованы в России, так как на их основе шел поиск гармоничного сочетания реформаторства с социальным опытом.

Ключевые слова: М. Вебер, Г. Еллинек, интерпретация российской государственности в 1905–1908 гг.

Max Weber and Georg Jellinek on russian statehood
in 1905–1908

Abstract

The article considers the perception of the Russian statehood by the famous German sociologist M. Weber and the German lawyer G. Jellinek in 1905–1908. The focus of the author's research attention is the published essays on Russia by M. Weber, as well as the analysis of reports and discussions concerning the Russian theme, in which M. Weber and G. Jellinek took part. It is shown that Weber and Jellinek approached the analysis of statehood from a synthetic standpoint, considering its transformation in close connection with social experience. Weber believed that due to a special historical tradition, Russia's advance towards liberty is rather problematic, interpreting liberty from a Protestant point of view.

Similar statements by Weber can be found in his discussion of reports on Russia. As established by indirect evidence, G. Jellinek also did not approve of the peculiarities of Russian constitutionalism. However, his works during these years were in great demand in Russia, since on their basis there was a search for a harmonious combination of reformism with social experience.

Keywords: M. Weber, G. Jellinek, interpretation of Russian statehood in 1905–1908.

Макс Вебер (1864–1920) и Георг Еллинек (1851–1911) были коллегами и друзьями. Вебер, получив юридическое образование в Гейдельберге и Берлине, известен более как социолог, экономист, теоретик исторического знания, попытавшийся вновь соединить историю и социологию. Еллинек – признанный в Европе немецкий государствовед, призывавший изучать государство как особое общественное образование и как правовое явление. Местом их активного сотрудничества стал университетский город на Юго-Западе Германский империи Гейдельберг. Их сближало стремление к синтезу в ходе изучения общественных феноменов. Но пальма первенства в таком способе осмысления социальных явлений принадлежала Еллинеку. В 1911 г. Вебер в своей речи на прощании с другом и коллегой признал его новатором, разрабатывавшим учение о государстве с социальной точки зрения¹. В

современных исследованиях отмечается, что Еллинек синтезировал идею о том, что ядро государственной власти сосредоточено как в институте главы государства, так и в исторически возникших и возникающих территориальных и персональных корпорациях².

Еллинек с 1891 г. был профессором Гейдельбергского университета. До этого он преподавал в Вене и Базеле. Макс Вебер учился в Гейдельбергском университете, но как университетский преподаватель он приехал в этот город в 1897 г. по приглашению Г. Зиммеля, вместе с которым, а также с В. Зомбартом позднее он издавал журнал «Архив социальных наук и социальной политики». В Гейдельберге, как замечала Марианна Вебер, находятся «новые, значительные друзья», среди них Г. Еллинек³. Их пути пересекались не только лично, но и опосредовано.

В Гейдельберге в то время жил русский ученый Богдан Александрович Кистяковский, который защитил диссертацию под руководством В. Виндельбанда и Г. Зиммеля, и продолжал свое обучение у Г. Еллинека, изучая науки о государстве. Богдан Кистяковский был членом Союза освобождения, другом Петра Струве и М. Вебера, а также своеобразным посредником между Россией и Германией. Он знакомил Вебера со своими друзьями и приятелями в русской читальне Гейдельберга, среди них были Федор Степун, Николай Бубнов, Сергей Гессен, Сергей Живаго⁴. Благодаря этому общению Вебер был информирован о ситуации в России и начал изучать сочинения В. Соловьева по религиозной философии и труды историка Михаила Драгоманова. Во второй половине 1905 г. «Вебера захватила революция в России. Он прервал научную работу, выучил за короткий срок [...] русский язык настолько, что мог читать русские газеты и следил с большим напряжением за событиями»⁵. Кистяковский познакомил его с проектом конституции Союза освобождения, который был опубликован в Париже на русском языке, а позже в изложении и на французском⁶. Благодаря ему, он получил представление о целях важнейших политических группировок русского либерализма.

В Гейдельберге вопросы о России обсуждались на заседаниях основанного Ф. Науманом «Национал-социального союза». На одном из заседаний лета 1905 г. выступал с докладом «Европейская часть России. Народ, государство, культура» географ А. Хеттнер, который подчеркивал воздействие на Россию византийской культуры, отметил сильное монгольское влияние на русский народ и склонность России к деспотии, экспансионистской политике и экономическому изоляционизму⁷. Вебер вступил с докладчиком в дискуссию, доказывая, что идея сакральности самодержавной власти глубоко укоренена в русском народе, что «делает невозможным длительное время сохранять конституционное устройств.

[...] Только реформационное религиозное движение расчистило бы путь к конституционализму⁸. Другим недостатком российской государственности являлся, по мнению ученого, династический принцип, мешавший развитию германской дипломатии. Здесь просматривается уже ценностный подход М. Вебера, для которого нация являлась важнейшим приоритетом⁹.

К концу 1905 г. была закончена первая книга «К вопросу буржуазной демократии в России»: ее полное название – «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии» (“Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland”)¹⁰. В этой работе был представлен анализ проекта русской конституции, разработанного группой «Союз освобождения». С одной стороны, ученый высоко оценил этот проект, уточняя, что он «является симптомом определенного политического образа мыслей наиболее деятельных русских идеалистов-патриотов, лично которым принадлежат все наши симпатии, безотносительно к конечным результатам их труда»¹¹. С другой стороны, он осознавал, что в России другая историческая традиция, а свобода выбора, которая возникла на Западе в ходе Реформации XVI в., на российской почве не укоренена. Более того, «все экономические знаки указывают на направление растущей несвободы»¹² в России.

По мнению Вебера, обновление должно происходить на основе западноевропейского опыта, а в России самодержавие, православие и крестьянская община являются воплощением исторической традиции. Его скепсис относительно православной церкви была очень силен: Вебер полагал, что она не способна защитить свободу от произвола государства, не в состоянии освободиться от бюрократии и утвердить принципы самоуправления в церковной жизни. Главную уязвимость либерального конституционного проекта он видел в обусловленности политического индивидуализма, к которому данный проект апеллировал, протестантизм, полагая, что в России в данный момент истинно конституционная реформа осуществиться не может¹³. Протестантская интерпретация свободы стала главной причиной неверия Вебера в успех либеральных реформ в России. По сути, здесь проявляется уже определенная связь изучения трансформации государственного механизма с наличием определенного общественного опыта. Православная церковь как социальный институт была, по его мнению, главным препятствием в продвижении российского государства к конституционализму.

Интерес Вебера к теории государства и ее связи с социумом уже отчетливо проявилось в его работе 1909 г. «Очерк социальной экономики». В 1913 г. он заявил своему издателю о намерении разрабатывать «всеобъемлющее социологическое учение о государстве и господстве». Последняя лекция, которую он прочитал летом 1920 г. в

Мюнхенском университете, называлась «Всеобщее учение о государстве и политика (социология государства)¹⁴.

Еллинек специально российской государственности работ не посвящал, но в сравнительном плане и скорее в негативном ключе привлекал российский опыт. Так в работе 1900 г. «Общее учение о государстве», которая оперативно была переведена на русский язык и опубликована в России¹⁵, автор обобщил большой материал по истории европейской государственности и, рассуждая о конституционной монархии, отмечал: «В подражании английским и, несмотря на республиканские формы, родственным им американским учреждениям, конституционная система реципируется всеми континентальными учреждениями Европы, за исключением России»¹⁶.

Накануне и в годы революции 1905–1907 гг. работы Еллинека активно публикуются в России. В 1906 г. появляется на русском языке сочинение «Декларация прав человека и гражданина». Оно было издано в серии библиотека самообразования Учебного отдела ОРТЗ. В предисловии отмечалось, что все издания этой серии находятся в прямой зависимости от намеченных Комиссией целей¹⁷, т.е. показать роль идеалов и ««тех условий, при которых они могут проникнуть в жизнь и преобразовать ее»¹⁸.

Правовые идеи Еллинека были востребованы в России, поскольку они порывали с умозрительным естественным правом, воспринимаемым на Западе как основу разрыва с традицией, и апеллировали к историческому опыту. В целом, эта работа в большей степени должна была помочь определить правильную границу между личностью и обществом. Еллинек называл – это «величайшей из всех теоретических проблем, возникающих при изучении общества»¹⁹. Что привлекало российское общество эпохи революции в этом произведении? На первый взгляд, концепция основных прав личности. Однако на самом деле опыт Германской империи, который Еллинек препарировал в своих трудах, находил прямые выходы на российскую действительность. Германский юрист показывал, что в Германской конституции 1871 г. нет раздела об основных правах граждан. Потому что они включены в конституции отдельных германских государств. Еллинек подчеркивал: «...в Германской империи объем публичных прав шире, чем в большинстве государств, конституции которых содержат перечень таких прав»²⁰. Отсылка к региональным и корпоративным общностям нашла еще большее воплощение в сочинении Еллинека «Борьба старого права с новым», где тот актуализировал идеи исторического права²¹.

Мы можем судить об отношении Еллинека к российской государственности лишь по косвенным основаниям, по характеру тех

дискуссий, которые вызывали его публичные выступления. Так, в 1908 г. выступление Еллинека на заседании национал-либеральной партии в Гейдельберге вызвало дискуссию, в которой принял участие Вебер и в которой проявилось его до сих пор четко не проясненное отношение к России. Доклад Еллинека назывался «Кайзер и имперская конституция». Вопрос о преобразовании конституций интересовал Еллинека давно. Заслуживает внимание его работа «Изменения и преобразования конституций»²². Еще 18 марта 1906 г. в Венском университете состоялась лекция Еллинека, которая вскоре переводится на русский язык. Он поднимал в ней вопрос о прочности конституций и взаимодействии государственного права и политики, о том, почему конституции под влиянием политических событий изменяются и ставят под сомнение мудрость законодателя²³. В докладе «Кайзер и имперская конституция» речь шла об особенностях парламентаризма. М. Вебер принял активное участие в обсуждении доклада и относительно России заявил: «Имела бы могущественная Россия демократическую конституцию, имела бы она парламентаризм, то можно было бы переживать, то это была бы ужаснейшая власть, которая сейчас для этого не слишком сильна, поскольку в России парламент и конституция не имеют никакого значения»²⁴. Подобное негативное высказывание было, скорее всего, ответом на размышления Еллинека. Это высказывание Вебера очень не понравилось его русским друзьям, и в газете «Русские ведомости в Берлине» появился комментарий Вебера на русском языке, что он не считает опасным для Германии развитие демократии в России. Затем этот текст был опубликован на немецком языке в газете «Ди нойе бадигше цайтунг». Современный немецкий историк Дитер Дальман сомневается, что данный текст написан самим Вебером, как, впрочем, и текст для «Русских ведомостей», но веских доказательств он этому не обнаружил. Дальнейшее изучение данного инцидента невозможно, так как оригинал рукописного текста Вебера не сохранился. Скорее всего, Дальман прав, так как в дальнейшем негативное отношение Вебера к России усиливалось и своего апогея оно достигло в годы Первой мировой войны.

Примечания

¹ Breuer S. Georg Jellinek und Max Weber. Von der sozialen zur soziologischen Staatslehre. Baden-Baden, 1999. S. 6.

² См. об этом подробнее: *Schönberger Ch.* Ein Liberaler zwischen Staatswille und Volkswille // Georg Jellinek – Beiträge zu Leben und Werk. Hg. S.L. Paulson und M. Schulte. Tübingen, 2000.

³ Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007. С. 202.

⁴ *Dahlmann D.* Max Weber und Russland // Max Weber in der Welt. Rezeption und Wirkung. Tübingen. 2014, S. 92.

⁵ *Weber M.* Указ. соч. С. 302.

⁶ *Dahlmann D.* Op. cit. S. 93.

⁷ См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Макс Вебер о России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной России. 2020. Вып. 72. С. 79–91.

⁸ *Weber M.* Zur Rede Alfred Hettner über “Das europäische Russland. Volk, Staat und Kultur”. Editorischer Bericht // Weber M. Gesamtausgabe. Tübingen, 1989. Bd. 10, Abt. 1. S. 695–696.

⁹ *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1920. Tübingen, 1974. 586 s.

¹⁰ *Weber M.* Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Weber M. Gesamtausgabe. Tübingen, 1989. Bd. 10, Abt. 1. S. 71–281. Рус. пер.: *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев, 1906.

¹¹ *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. С. 8.

¹² Там же. С. 270.

¹³ См. подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Указ. соч. С. 80–82.

¹⁴ *Breuer S.* Op. cit. S. 6.

¹⁵ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. XXI.

¹⁶ Там же. С. 470.

¹⁷ *Еллинек Г.* Декларация прав человека и гражданина. М., 1906. С. XIV.

¹⁸ Там же. С. XIX.

¹⁹ Там же. С. 81.

²⁰ Там же. С. 4.

²¹ *Еллинек Г.* Борьба старого права с новым. М., 1908. С. 1.

²² *Еллинек Г.* Изменения и преобразования конституций. СПб., 1907.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ *Weber M.* Über Deutschland und das freie Russland. Editorischer Bericht. Zur Entstehung // Weber M. Gesamtausgabe. Tübingen, 1989. Bd. 10, Abt. 1. S. 685–686; см. также: *Ростиславлева Н.В.* Указ. соч. С. 82–83.

Взгляды Романа Дмовского на перспективы
взаимодействия с российским правительством в 1905–1914 гг.

Аннотация

В работе рассматривается происхождение и развитие взглядов идеолога польской национал-демократии Романа Дмовского на возможности взаимодействия польской общественности с правительством Российской империи. Основной тезис заключается в том, что единственным возможным вариантом для достижения польской национальной автономии с точки зрения Дмовского являлось планомерное давление на правительство в условиях ослабления российской государственности. Рассмотрены идеологические основы, на которых строились представления Дмовского о путях ведения диалога с правительством.

Ключевые слова: Царство Польское, Западный край, польская национал-демократия, Роман Дмовский, национальная политика Российской империи.

S.V. Panov
Russian State University for the Humanities

Roman Dmowski's views on the prospects of interaction
with the russian government in 1905–1914

Abstract

The paper discusses the origin and development of the views of the theorist of Polish National Democracy Roman Dmowski on the prospects of interaction between the Polish public and the Russian Imperial government. The idea is that from the point of view of R. Dmowski the only possible option for achieving Polish national autonomy was systematic pressure on the government in the face of the weakening of Russian statehood. Also reviewed ideological base of the Roman Dmowski's views on the ways of the dialogue with the government.

Keywords: Congress Poland, Western Krai, Polish National Democracy, Roman Dmowski, national policy of the Russian Empire.

Несмотря на то, что Царство Польское и Западный край находились в составе Российской империи достаточно долгое время, политически активная общественность западных окраин была практически изолирована от общественности общероссийской. Население этих территорий была слабо заинтересовано в политических изменениях общероссийского масштаба, однако, будучи по преимуществу польским, стремилось как минимум к максимальному расширению национальных прав поляков в Российской империи, а как максимум – к созданию независимого польского государства. Этим и обуславливалась специфика диалога общественности западных окраин (то есть по сути польской) и российского правительства.

Пример Романа Дмовского является достаточно интересным и показательным в плане данной проблематики. Р. Дмовский был основателем и бессменным лидером польского национал-демократического движения («эндечи»), одним из ключевых авторов её политической доктрины (наряду с З. Балицким) и главой польской фракции в Государственной думе II и III созывов.

Политические взгляды Дмовского, находившиеся под влиянием популярного в тот период социал-дарвинизма¹ предполагали, что политики каждого народа должны представлять только его интересы, что «в международных отношениях нет справедливости и несправедливости, – есть только сила и слабость»². Национальная политика должна была выражать интересы нации как единого целого, быть до предела прагматической и деятельной. Дмовский не только сам придерживался такого подхода, но и ожидал подобного от своих оппонентов, о чём красноречиво говорит свидетельство П.Н. Милюкова о знакомстве с Р. Дмовским на Парижской конференции 1904 г., когда Дмовский был рад тому, что нашёл русского человека, который «не обещает нам всего, что мы требуем»³. Таким образом, Дмовский не считал политику России на западных окраинах аморальной в его понимании морали межэтнических отношений. Однако при этом он и не считал что бенефициаром действий русских властей в данном регионе является русский народ, с его точки зрения вся государственная политика России на западных окраинах подчинялась лишь интересам узкой прослойки чиновничества⁴.

Дмовский критиковал равно как политические планы «угодцев» (сторонников безусловной лояльности разделившим Польшу державам при некой гарантии (договоре, «угоде») о национальных правах поляков),

так и радикалов-социалистов из ППС (которые, с его точки зрения, отрекались от своего отечества под интернациональными лозунгами и толкали польское национальное движение на путь радикализма, который мог спровоцировать русские, прусские и австрийские власти к принятию крайне жёстких политических мер)⁵.

Дмовский полагал, что если русификаторская политика в Западном крае увенчалась частичным успехом, то русифицировать Царство Польское невозможно в принципе. Он считал, что правительство Российской империи не знает, что делать с Царством Польским и не имеет какого-либо плана для дальнейших действий. Однако русские чиновники по-прежнему не желают признавать нужд польского народа, хотя и не могут отказаться от планов русификации⁶.

В 1905 г. в ходе Первой российской революции Дмовский писал, что революция привела к тому, что предыдущий политический порядок уже никогда не будет восстановлен и в будущем Россия либо скатится к продолжительной «анархии», либо же произойдут реформы, которые приведут к ситуации, в которой «общество обретет определенную, возможно, очень небольшую независимость и способность влиять на собственную судьбу»⁷.

Пределом реалистических стремлений он считал польскую национальную автономию в составе России. С его точки зрения поляки должны были согласиться с тем, что они являются подданными иных государств (всячески противостоя при этом ассимиляции и сохраняя национальную идентичность и самобытность), но при этом добиваться наилучших прав для «национального развития»⁸.

Что же он считал необходимым для того, чтобы уступки со стороны правительства произошли? Об этом он писал уже позднее в начале 1910-х годов, ссылаясь на успешный опыт участия польских национал-демократов в событиях Первой российской революции: «Всё же уступки не так велики, как начинали воображать некоторые круги, но они есть и могут считаться таким началом⁹. При каких условиях они произошли? После позорных военных поражений России, после появления признаков повсеместного развала и мятежа во многих точках государства. При каком поведении польского общества? Абстрагируясь от анархии и революционного кипения среди элементов, которых правительство не считает представителями общества, с чем же оно в последнее время сталкивалось в нашей стране?

С самостоятельными попытками контролировать собственную анархию – это правда – но в то же время с действиями в гминах, в которых крестьяне вместе с землянами¹⁰ сопротивлялись правительственным властям, с общим бойкотом правительственной школы, с бойкотом

русского языка на железной дороге, с протестом против ответственной политики и выражением стремления к отдельности автономного Царства Польского, подписанным самыми видными представителями страны, а затем поддержанной десятками тысяч подписей... И все это без каких-либо верноподданнических заверений, без манифестаций лоялизма и привязанности к русским государственным интересам. И всё это не удерживает сегодня русское правительство от размышлений о необходимости уступок нам»¹¹.

Вспоминая тогда, в 1914 г., о революции, он говорил, что диалог с правительством будет начат только после того, как поляки продемонстрируют «сильные национальные стремления, организационную спаянность и энергичность в борьбе с русификацией, что, наконец, все неудачи России в других областях (мы не скрывали, что мы рассчитываем на них) только ускорили бы приближение этого момента»¹².

Отдельным и достаточно интересным аспектом являются взгляды Дмовского на парламентскую политику и методы политической борьбы в Думе.

Дмовский считал, что польская фракция должна выступать в Думе исключительно в качестве представителей своего края и народа. Тем не менее, он настаивал, что решение польского вопроса неотделимо от конституционной реформы. Поэтому Польское коло под его руководством блокировалось с кадетами¹³. При этом Дмовский не рисковал выдвигать польский вопрос на первый план, опасаясь всплеска русского национализма, который мог бы притормозить процесс реформ.

Таким образом, с точки зрения Дмовского, политика польских националистов должна была быть прагматической и «эгоистической».

По его мнению, для достижения политического успеха (реально возможным пределом успеха в 1905–1914 гг. Дмовский считал польскую национальную автономию в составе России) польские националисты должны были проявлять деятельное организованное давление на власти.

Деятельность национал-демократов должна была сочетать как парламентские методы, так и массовые протесты, бойкоты и забастовки. При этом национал-демократы, с точки зрения Дмовского, должны были избегать как крайностей лоялизма (при этом не отказываясь от разумных компромиссов и ставя реалистичные цели), так и от радикализма и насилия (во избежание жёсткой реакции русских властей и общественности). Блокироваться при этом можно было с любыми политическими силами, полезными для дела национал-демократов.

Наибольшая же вероятность успеха для «эндеции», с его точки зрения, была в момент максимального ослабления российской государственности внешними и внутренними проблемами. Также, конституционная

реформа с его точки зрения вполне расширяла пространство для диалога польской общественности и русских властей на западных окраинах России.

Примечания

¹ *Krzywiec G.* Szowinizm po polsku. Przypadek Romana Dmowskiego (1886–1905). Warszawa, 2009.

² *Дмовский П.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 2017. С. 180.

³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1991. С. 253–254.

⁴ *Дмовский П.* Указ. соч. С. 75.

⁵ *Dmowski R.* Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. URL: [http://www.Ruchnarodowy.pl/\(02\)RD_Up_My_Kon.html](http://www.Ruchnarodowy.pl/(02)RD_Up_My_Kon.html) (Дата обращения: 09.11.2020).

⁶ *Dmowski R.* Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. URL: [http://www.Ruchnarodowy.pl/\(02\)RD_Up_My_Kon.html](http://www.Ruchnarodowy.pl/(02)RD_Up_My_Kon.html) (Дата обращения: 09.11.2020).

⁷ *Dmowski R.* Myśli nowoczesnego Polaka. Skultuna, 2007. S. 169–170.

⁸ *Дмовский П.* Указ. соч. С. 187.

⁹ Т.е. началом эффективной национальной политики и диалога польских националистов и русских властей.

¹⁰ Мелкие и средние землевладельцы, не приписанные к крестьянскому сословию.

¹¹ *Dmowski R.* Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. URL: [http://www.ruchnarodowy.pl/\(06\)RD_Up_My_Kon.html](http://www.ruchnarodowy.pl/(06)RD_Up_My_Kon.html) (Дата обращения: 09.11.2020).

¹² Там же.

¹³ *Дмовский П.* Указ. соч. С. 105.

Функционирование цензурных учреждений в Российской империи в 1905–1914 гг.

Аннотация

В статье анализируется влияние реформы законодательства о печати 1905–1906 гг. на характер деятельности цензурных учреждений Российской империи. В результате проведенной реформы правительство потеряло инструменты предварительного контроля за содержанием газет и журналов. Кроме того, произошла децентрализация цензурных полномочий, которая была дополнительно усилена широким применением по отношению к печати законодательства об исключительном положении.

Ключевые слова: цензура, свобода печати, Первая русская революция, местное управление, исключительное положение.

А.Р. Sopova
National Research University «Higher School of Economics»

The activities of censorship agencies in Russian empire in 1905–1914

Abstract

The article considers the influence of the 1905-1906 reform of the legislation on the press on the activities of censorship agencies in Russian empire. As a result of the reform the government lost the instruments of control over the content of newspapers and journals. The system of censorship authorities was decentralized, and this tendency intensified through wide application of the state of emergency rules to press.

Keywords: censorship, freedom of the press, First Russian Revolution, local governance, state of exception.

К началу XX века Цензурные комитеты действовали в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе. Отдельные цензоры были назначены в Вильне, Казани, Киеве, Лодзи, Митаве, Одессе, Ревеле, Риге и Юрьеве. В 1903 г. должности отдельных цензоров были учреждены также во Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове². По Уставу о цензуре и печати 1890 г. в губернских городах, в которых не было отдельных цензоров, цензурный контроль за периодическими изданиями должны были осуществлять вице-губернаторы. При этом до издания Временных правил о повременных изданиях 24 ноября 1905 г. цензурная практика отличалась высоким уровнем централизации. Наиболее важные вопросы, связанные с учреждением новых периодических изданий и наложением административных взысканий, проходили через Главное управление по делам печати, а окончательные решение по ним принимал министр внутренних дел. Реформа законодательства о печати, проведенная в годы Первой русской революции, коренным образом изменила механизмы государственного регулирования печатного слова, а также повлияла на распределение полномочий между цензурными учреждениями.

Временные правила 24 ноября 1905 г. отменили предварительную цензуру и установили уведомительный порядок создания периодических изданий в городах. Заявление об учреждении нового периодического издания теперь следовало подавать губернатору или градоначальнику, а не министру. Министр внутренних дел также лишился права определять запретные для обсуждения в печати вопросы и налагать на газеты и журналы административные взыскания³. Новое законодательство предусматривало для печати исключительно судебную ответственность. На рядовых цензурных чиновников ложилась новая обязанность – подготовка необходимых документов и передача дела прокурору для возбуждения судебного преследования.

Хотя в соответствии с изменившимися политическими условиями цензурные комитеты были переименованы в комитеты по делам печати, а отдельные цензоры – в инспекторов по делам печати, современники скептически относились к провозглашенной свободе слова, в первую очередь, из-за многократного увеличения репрессий против прессы. Так, например, депутат Гегечкори заявил на заседании Государственной думы 19 октября 1911 г., что «число взысканий на периодическую печать увеличилось в конституционную эпоху более чем в 53 раза»⁴. По его подсчетам с 1905 по 1910 гг. печать подвергалась взысканиям 4386 раз, то есть в среднем 73 раза в месяц. Для сравнения он использовал подсчеты административных взысканий, приведенные в исследовании Розенберга и Якушкина, которые насчитали с 1 сентября 1865 г. по 1 декабря 1904 г. 715

взысканий, то есть по 1,5 в месяц⁵. Такой значительный рост был связан с тем, что проведенная реформа лишила цензурные учреждения возможности воздействовать на содержание периодических изданий. Единственным карательным инструментом в руках администрации оставалась возможность возбудить судебное преследование и наложить арест на номер, который уже начал распространяться среди торговцев и подписчиков.

Еще одним результатом реформы стал стремительный рост количества периодических изданий. Если в 1900 г. в Российской империи насчитывалось 1002 периодических издания⁶, то к 1914 г. общее количество зарегистрированных периодических изданий составляло более 3 тысяч⁷. В 1906 г. только в Санкт-Петербурге к выходявшим ранее 419 периодическим изданиям добавились более 100 новых газет и более 250 новых журналов⁸. При уведомительном порядке учреждения газет и журналов администрация была лишена существовавшей ранее возможности предотвратить появление изданий противоправительственного направления. Только большевики с конца 1905 по 1907 гг. основали 197 легальных органов печати, которые согласованно выступали с пропагандой вооруженной борьбы⁹.

В связи с резким ростом объемов печатной продукции министру внутренних дел было предоставлено право «образовывать, где это окажется необходимым, в зависимости от действительных потребностей книгопечатания, особые временные комитеты по делам печати»¹⁰. Но из-за ограниченности ресурсов эта практика не получила широкого распространения. Временные комитеты по делам печати были образованы лишь в Киеве (12 мая 1906 г.), Казани (4 ноября 1906 г.), Вильне (9 марта 1907 г.), Одессе (23 марта 1909 г.) и Риге (23 января 1915 г.)¹¹. Во всех перечисленных случаях временные комитеты были созданы в городах, где уже действовали отдельные инспекторы по делам печати. Новые временные должности инспекторов по делам печати были учреждены только в Баку и Кутаиси¹².

В середине июля 1906 г., то есть спустя более чем полгода после издания Временных правил 24 ноября, начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард писал губернаторам, что «под понятием “должностное лицо по делам печати” закон 24 ноября разумел не специальных должностных лиц, которые имели быть образованными в силу этого закона, а всех тех должностных лиц, которые до издания этого закона исполняли обязанности по цензуре периодических органов печати, а, следовательно в том числе и вице-губернаторов»¹³. Отдельную проблему составляла организация контроля за периодическими изданиями в уездных городах, где до реформы 1905 г. не существовало ни местных газет, ни

специальных должностных лиц по надзору за ними. В большинстве губерний эти новые обязанности были возложены на полицейских чиновников: полицмейстеров и исправников¹⁴.

К дополнительной децентрализации цензурной практики привело широкое использование в отношении печати Положения «О мерах к охранению...» от 14 августа 1881 г.¹⁵ В июне 1906 г. Совет министров пришел к выводу, что для борьбы с революционной печатью необходимо «прибегнуть к чрезвычайной мере, основанной все же на законе»¹⁶, то есть использовать чрезвычайные полномочия местных властей для воздействия на периодические издания. В 1906 г. в порядке чрезвычайной охраны были закрыты «революционные органы» печати, которые, по словам председателя Совета министров П.А. Столыпина, возбуждали «народ к насилиям» или позволяли себе «нападки на особу Государя Императора»¹⁷. После этого наиболее широкое распространение получили взыскания за нарушение обязательных постановлений в порядке охраны, которые на основе Положения от 14 августа 1881 г. издавали местные власти. 2 июня 1907 г., то есть за день до роспуска Государственной думы второго созыва и издания нового избирательного закона, подготовленные по единому образцу обязательные постановления местных властей были опубликованы в Санкт-Петербурге и большинстве губерний¹⁸. Фактически обходным путем была восстановлена система административных взысканий, отмененная Временными правилами 24 ноября 1905 г.

Бельгард считал, что применение обязательных постановлений представителями местной администрации не входит в сферу компетенции Главного управления по делам печати, хотя ему и «приходилось иметь и личные, и письменные сношения по различным вопросам, возникающим в этой области»¹⁹. Ни законодательство о печати, ни само Положение «О мерах к охранению...» 1881 г. не наделяли Главное управление по делам печати и подведомственные ему учреждения подобными полномочиями. Назначенный председателем Московского комитета по делам печати в начале 1909 г. А.А. Сидоров указывает, что Бельгард стремился придать деятельности своего ведомства «правовой характер»²⁰. В частности, после назначения на должность председателя Московского комитета по делам печати Сидоров получил указания «направить деятельность комитета по судебному пути». Ему удалось выполнить это поручение, и под его руководством «комитет возбуждал судебные дела, но стоял совершенно в стороне от административных взысканий, налагавшихся градоначальником, впрочем, сравнительно редко в 1909, 1910 и 1911 годах»²¹.

Таким образом, в административной практике создавалась противоречивая ситуация. В губерниях, где функционировали комитеты по делам печати, фактически возникли два центра по надзору за печатью, которые

вели свою деятельность независимо друг от друга. В губерниях, где специальные должностные лица по делам печати отсутствовали, местные власти соединяли в своих руках полномочия по возбуждению судебных преследований на основании Временных правил 1905 г. и полномочия по наложению административных взысканий. Это противоречие было разрешено в сторону дальнейшей институционализации использования обязательных постановлений.

Через несколько месяцев после гибели Столыпина Бельгард оставил должность начальника Главного управления по делам печати²². Место Бельгарда занял бывший саратовский губернатор граф С.С. Татищев. И, по словам Сидорова, если Бельгард «был сторонником независимости учреждений по делам печати от местной администрации, гр. Татищев создавал такую зависимость»²³. 2 мая 1912 г. новый начальник Главного управления по делам печати разослал циркуляр, в котором обязал инспекторов по делам печати сообщать губернаторам о выявлении в номерах газет и журналов нарушений обязательных постановлений, а также «принимать к руководству получаемые от высшей местной административной власти указания»²⁴. Это способствовало дополнительному росту взысканий, налагаемых на периодическую печать. Так, по данным Ежегодника газеты «Речь», в 1911 г. в административном порядке газеты и журналы были оштрафованы 268 раз на общую сумму 73,45 тысяч руб. В 1912 г. (до 10 декабря) было зафиксировано 317 штрафов на сумму 96,8 тысяч руб. За 11 месяцев 1913 г. (по 20 ноября) периодические издания были оштрафованы 340 раз на 129,7 тысяч руб.²⁵.

Реформа законодательства о печати, проведенная в 1905–1906 годах, во-первых, лишила правительство основных предупредительных инструментов – предварительной цензуры и разрешительного порядка учреждения новых изданий. Потерю этих полномочий цензурное ведомство пытались компенсировать широким применением карательных мер. Во-вторых, основные полномочия по контролю за периодической печатью были переданы на уровень местных должностных лиц. Из-за нехватки ресурсов и ограничений, которые накладывало новое законодательство, было принято решение воспользоваться чрезвычайными полномочиями местных властей, что способствовало еще большей децентрализации цензурного контроля. Местные власти получили возможность действовать в отношении печати по своему усмотрению, что вело к многочисленным злоупотреблениям. Кроме того, такая модель управления цензурой могла иметь только временный переходный характер, так как основанные на затянувшемся действии исключительного положения полномочия местных властей рано или поздно должны были уйти в прошлое.

Примечания

¹ Подготовка данной публикации была осуществлена в рамках деятельности проектной группы «Интеллектуальная история права: от идей к институтам» НИУ «Высшая школа экономики» в 2020 г.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 8 июня 1903 г. Об учреждении должностей отдельных цензоров в городах Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове // ПСЗРИ-3. Т. 23. № 23110.

³ Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату 24 ноября 1905 г. О временных правилах о повременных изданиях // ПСЗРИ-3. Т. 25. № 26962.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты. Сессия V. Ч. 1. СПб., 1911. С. 295.

⁵ См.: *Розенберг В.А., Якушкин В.Е.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. СПб., 1905.

⁶ *Розенберг В.* Несколько цифровых итогов // *Летопись русской печати (1907–1914)*. М., 1914. С. 55.

⁷ *Дергачева Л.Д.* Периодика // *Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века*. Т. 1. М., 2011. С. 287–288.

⁸ *Рейфман Б.В.* Периодическая печать // *Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия* / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2016. С. 696.

⁹ Там же. С. 697.

¹⁰ Именной Высочайший указ, данный Сенату 26 апреля 1906 г. «О временных правилах для неповременной печати» // ПСЗРИ-3. Т. 26. № 27815.

¹¹ *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 324–337.

¹² Там же. С. 375.

¹³ Цит. по: *Патрушева Н.Г., Фут И.П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. док. СПб, 2016. С. 582.

¹⁴ *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – нач. XX века. С. 295–301.

¹⁵ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. 1. № 350.

¹⁶ *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг.* 1906 г. М., 2011. С. 28.

¹⁷ П.А. Столыпин. Грани таланта политика / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2012. С. 478.

¹⁸ *Толстой П.М.* Обязательные постановления о печати в порядке охраны // *Свобода печати при обновленном строе*. СПб., 1912. С. 107.

¹⁹ *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 362.

²⁰ *Сидоров А.А.* Из записок московского цензора (1909–1917) // *Голос минувшего*. 1918. № 1/3. С. 98.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 99.

²³ Там же. С. 100.

²⁴ Цит. по: *Патрушева Н.Г., Фут И.П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 622.

²⁵ *С.Ф.* Репрессии // Ежегодник газеты "Речь" на 1914 года. СПб.: Речь, 1914. С. 47.

А.М. Лаврёнова
Государственный архив Российской Федерации

Покидая Департамент полиции: несколько штрихов
к портрету его директора М.И. Трусевича

Аннотация

В статье, написанной с привлечением материалов Центрального архива ФСБ, речь идет о судьбе бывшего директора Департамента полиции сенатора Максимилиана Ивановича Трусевича и его малоизвестного труда под названием «Высокогорья Центрального Кавказа. Путеводитель и руководство для туристов», которому, несмотря на колоссальную научную и практическую значимость, так и не довелось увидеть свет, но который на время отвел занесенный уже над головой его автора меч репрессий.

Ключевые слова: М.И. Трусевич, Департамент полиции, Кавказ, туризм, Русское географическое общество, Сочи, ВЧК, Московский ревтрибунал.

А.М. Lavryonova
State Archive of the Russian Federation

Leaving the Police Department: a few strokes to the portrait
of its chief, M.I. Trusevich

Abstract

This article, written partially on the base of materials from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia, deals with the fate of the former director of the Police Department Senator Maximilian Ivanovich Trusevich and his little-known research guidebook entitled «The Highlands of the Central Caucasus. A Guide and Manual for Tourists», which, despite its colossal scientific and practical significance, was never published, but albeit temporarily faced off the threat of the political repressions pended above the author.

Keywords: M.I. Trusevich, Police Department (of the Ministry of Internal Affairs) Caucasus, tourism, Russian Geographical Society, Sochi, Cheka, Moscow Revolutionary Tribunal.

Директор Департамента полиции М.И. Трусевич, возглавлявший ведомство с 1906 по 1909 г. и сделавший для него больше, чем все его предшественники, порвал с политической полицией резко и без сожалений и более никогда не предпринимал попыток вернуться в столь знакомый ему мир, несмотря на поступавшие заманчивые предложения¹. Умный человек, чья настойчивость граничила с упрямством, талантливый и энергичный организатор, но одновременно болезненно самолюбивый и даже мстительный – именно таким предстает он на страницах воспоминаний современников². Однако сложившийся образ неполон, ведь в поле зрения историков и мемуаристов, попали годы его директорства и краткий эпизод расследования им убийства П.А. Столыпина. В действительности же, определяющей чертой его личности, как он сам это формулировал, было «стремление к совершенствованию всякого порученного дела при безусловно добросовестном отношении к нему и огромной трудоспособности»³.

Как известно, именно времени его директорства российский полицейский мир обязан систематическим внедрением судебной фотографии, дактилоскопии и антропометрии. При нем были образованы районные охранные отделения, принят закон о реформе сыскных отделений, учреждены курсы для подготовки начальников сыскных отделений, открыт первый в России питомник полицейских собак, основан журнал «Вестник полиции», организован криминалистический музей. В составе Департамента полиции произошел ряд преобразований, был учрежден инспекторский и регистрационный отделы⁴. Директор также добился улучшения материального и служебного положения низших служащих вверенного ему учреждения. Параллельно с руководством

Департаментом, Трусевич вошел в состав Особой междуведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова и возглавил подкомиссию для изучения действующего законодательства о полиции, по итогам работы которой в Государственную Думу было внесено три законопроекта. Колоссальную законодательную работу удалось осуществить всего в два года. В процессе сбора материалов для реформы полиции были обнаружены указания на должностные преступления Московского градоначальника генерал-майора А.А. Рейнбота. Эти данные, оформленные ревизией сенатора Н.П. Гарина, послужили основанием для осуждения Рейнбота к лишению прав и ссылке. Следует отметить, что именно М.И. Трусевич, а не Столыпин, стал инициатором первого междуведомственного совещания по вопросу организации контрразведки⁵ и в своей записке «О мерах по выработке общего плана по обороне Государства» от 22 июня 1908 г. первым из высших чиновников империи предложил комплексный подход к делу борьбы с иностранным шпионажем⁶.

Не пожелав оставаться служить под началом своего бывшего подчиненного П.Г. Курлова, благодаря придворным связям получившего пост товарища министра внутренних дел вопреки воле самого Столыпина, Трусевич навсегда покинул ведомство. «Не заведя никаких личных знакомств с чинами Департамента за время службы в нем, я, уйдя из него, остался совершенно вне этой среды, потерял всякую связь с Департаментом и вообще решил никогда не возвращаться к деятельности, связанной с политикой. Занимаясь ею, нельзя быть достаточно самостоятельным, а меры политической борьбы, применявшиеся в те времена, показались мне бесцельными. Поэтому, вступив в Сенат, я весь досуг и запас энергии использовал для начинаний вполне аполитичных», – позднее признавался он сам⁷.

Область его дальнейших занятий известна – исследование высокогорного Кавказа. Однако сами масштабы этого исследования до сих пор не были как следует изучены, а они поистине впечатляют. Вступив в Русское географическое общество, он предпринял ряд экспедиций на Кавказ, поставив себе целью способствовать упорядочиванию высокогорного туризма, а также восполнить пробел в отечественной литературе, посвященной данному региону. Трусевич задумал создать труд, который совмещал бы в себе всестороннее описание Кавказских высокогорий и детальное исследование путей сообщения вместе с ознакомлением широкой публики с техникой горного туризма.

Сенатор привлек к участию в своей работе почти всех выдающихся русских и иностранных исследователей этого края. На его призыв отозвались ученые: профессор А.И. Воейков (климатолог), профессора

Н.И. Кузнецов и Н.А. Буш (ботаники и исследователи ледников), В.В. Дубянский, В.П. Ренгартен, А.Л. Рейнгард (геологи), К.А. Сагунин (зоолог) и др.; альпинисты Н.В. Поггенполь, А.И. Ендржеевский, А.И. Духовской, М.П. Преображенская, и др.; из иностранцев же – англичане: председатель английского географического общества Д. Фрешфильд, публицист и альпинист Г. Реберн, турист-фотограф Юнг; швейцарцы – К. Эггер, М. Мишер и др.; немцы: профессор Г. Мерцбахер, доктор О. Шустер⁸, Л. Дистель, В. Рикмер-Рикмерс⁹, М. Винклер и др.

Трусевичу удалось собрать колоссальный материал, который лег в основу труда под названием «Высокогорья Центрального Кавказа. Путеводитель и руководство для туристов». Работа, которая так никогда и не увидела свет, состояла из двух томов.

В первом томе были собраны краткие очерки о геологии и ледниках, описаны техника восхождения и возможные опасности в пути, представлены сведения о необходимом снаряжении с указанием всех приспособлений для разных видов путешествий (фирм в России и за границей, торгующих этими вещами, цен, способов домашнего изготовления некоторых из них), способов пользования измерительными, наблюдательными, фотографическими приборами, оказания помощи при заболевании в пути и т.п. Кроме того внимание уделялось вопросу охраны памятников природы, истории и искусства, составлению описаний маршрутов и постановке путеводных знаков¹⁰.

Второй том состоял из двух частей: в первой помещался географический очерк Центрального Кавказа, а во второй – непосредственно маршруты путешествий в высокогорных районах. Интересно, что помимо сведений о геологии, гидрографии, климате, погодных и санитарных условиях, флоре и фауне региона, сенатор Трусевич поместил в свое исследование сотню страниц об истории и этнографии Кавказа. Также одной из особенностей книги являлось то, что едва ли не каждый раздел был снабжен практическими рекомендациями для ведения самостоятельной исследовательской деятельности: от ведения метеорологических наблюдений до собирания ботанических и зоологических коллекций и коллекций минералов. Первая часть книги включала также сведения об охоте и рыбной ловле, местных ценах и т.д.

Что касается второй части, то в ней были представлены сведения о средней, наиболее возвышенной части Центрального Кавказа от Марухского перевала на западе до ущелья р. Ассы на востоке. Все это пространство было разделено на 12 районов, описания которых предваряли всесторонние очерки (каждому из районов было посвящено от 15 до 165 страниц). В описания маршрутов вошли как крупные магистрали, ведущие из главных центров вглубь высокогорий, и широтные

дороги, соединяющие эти магистрали, так и перевальные пути через широтные возвышенности и восхождения на ледники, вершины и панорамные пункты. Всего бывший директор Департамента описал 300 маршрутов. Общее число страниц данной работы, буде она закончена, должно было превысить полторы тысячи. Этот внушительный труд Трусевич дополнил составленным им самим разговорным словарем, предназначенным для общения на карачаевском, осетинском и армянском языках. В дальнейшем сенатор предполагал добавить к ним также грузинский, абхазский, кабардинский, черкесский и сванетский языки¹¹.

Труд должен был также содержать около 200 иллюстраций, 30 карт двухверстного и 7 карт пятиверстного масштаба. Последние должны были быть изготовлены Военно-топографическим отделом Кавказского военного округа, с которым по этому поводу уже было достигнуто соглашение. Двухверстные же карты представляли собой копии с планшетов одноверстной съемки, уменьшенные фотографическим путем до двухверстного масштаба, причем с этих снимков были сделаны клише на алюминиевых досках, хранящихся в литографии Козловской в Петрограде (Большая Зеленина ул., 18).

Труд был представлен автором в дар Министерству путей сообщения с отказом от возмещения понесенных издержек и авторского гонорара, но при условии, принятом на себя министерством, что издание будет выпущено по столь низкой цене, чтобы оно стало доступно широкой публике, хотя бы и в убыток казне. Министерством было отпущено, при участии Общества Владикавказской железной дороги, 15 тысяч рублей с установлением розничной цены за экземпляр всего 2 руб. 50 коп. и с возложением издания, под руководством автора, на Управление железных дорог. Из этой суммы было израсходовано около 3,5 тысячи рублей, но дальнейшие работы остановились из-за начавшейся войны¹².

С началом войны Трусевич бросил все силы на помощь фронту: организовал новый тип дезинфекционных отрядов по борьбе с сыпным тифом на передовых позициях и легкие отряды для транспортировки раненых с поля сражения, заведовал посылкой подарков военнослужащим. 1 января 1917 г. Максимилиан Иванович стал членом Государственного Совета. 4 марта 1917 г. он вместе с многими бывшими царскими сановниками был арестован в здании Государственной думы. Проведя почти полгода в стенах Петропавловской крепости, в августе 1917 г. Трусевич, распродав имущество, уехал с семьей сперва в Эссенуки, а затем в Сочи, где прожил вплоть до 1921 г. Все это время он принципиально отказывался от сотрудничества с белыми ввиду «полной их несостоятельности во всех отношениях»¹³ и предпочел остаться на родине, хотя не раз имел возможность эмигрировать. Сперва бывший

сенатор зарабатывал продажей пирожков, а когда этот промысел стал убыточен из-за дороговизны муки, он в кратчайшие сроки изучил портновское ремесло и начал исполнять заказы, причем дело его оказалось весьма прибыльным. Даже с приходом советской власти, Трусевич не только жил открыто, но и активно участвовал в общественной жизни, состоял в союзе ремесленников, а также был избран его представителем в пленум профбюро и народный суд.

С приходом красных такое положение не могло сохраняться сколько-нибудь продолжительное время, и 27 января 1921 г. был выписан ордер на его арест. Он подозревался в сокрытии звания и нерегистрации. По обыску были изъяты чемодан с разобранной печатной машинкой, виды Кавказа, планы, карты, книги, 13 папок с рукописями¹⁴.

Интересно, что препровождая арестанта в г. Новороссийск, уполномоченный по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом сочинского политбюро в своем заключении от 3 марта 1921 г. одним из основных пунктов обвинения отметил то, что географические труды у Трусевича, якобы, хранились безо всякой пользы и что обвиняемый спрятал их, «надеясь сплавить из Советской России»¹⁵. В Кубано-Черноморской ЧК (Черчека) с мнением сочинских коллег согласились и приняли решение вменить Трусевичу в вину неиспользование его же собственных географических трудов (а также и то, что он «руководитель полиции, верный заветам монархизма, неисправимый контрреволюционер», прикрывался званием портного), и передать его дело в военно-полевую тройку¹⁶.

Коллегия Черчека от 13 апреля 1921 г. постановила факт преступления считать доказанным и, как к врагу трудового народа, применить высшую меру наказания; переписку же сдать в отдел народного образования, а семью выслать в северные губернии, предварительно обследовав на предмет изъятия излишков¹⁷.

Несмотря на то, что тройка отработала по знакомой схеме, привычно приговорив Трусевича к высшей мере, но обилие взятых по обыску научных работ, столь необычное положение бывшего сенатора вкупе с активным заступничеством бывших коллег по секции Иглы¹⁸, ставили чекистов в недоумение и заставили запросить центр о том, что им делать с Трусевичем. Особенно смущала работа о Кавказе, потенциально значимая для народного хозяйства, тем более, что после перевода арестанта из Новороссийска в Краснодар, местные краеведы в своих ходатайствах неизменно упоминали о ее сугубой ценности¹⁹. В связи с этим было решено «дать ему в помещении губчека комнату для обработки материала.... По окончанию работы расстрелять»²⁰.

Однако в мае в Краснодар поступила срочная телеграмма из ВЧК, в которой Трусевича было велено доставить в Москву вместе с делом²¹. Дело было передано в Верховный суд, который затем направил его в Московский ревтрибунал. Не привыкший сидеть без дела даже в заточении, Трусевич восстановил механическую мастерскую в Бутырской тюрьме. Несмотря на перевод в Москву, дело двигалось чрезвычайно медленно, и в общей сложности он провел за решеткой долгих 15 месяцев.

6 ноября 1921 г. было принято Постановление ВЦИК об амнистии к 3-й годовщине революции, в результате чего 17 мая 1922 г. Московский ревтрибунал прекратил дело за отсутствием состава преступления. 18 мая Трусевич был освобожден²². В следственном деле имеется распоряжение о возвращении ему вещей из хранилищ ГПУ, но была ли среди них рукопись Путеводителя, неизвестно.

Примечания

¹ *Пережудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 64.

² *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 86–87; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 233. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 58–59. *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 72–73.

³ ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 1393. Л. 5.

⁴ *Пережудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013. С. 58–60.

⁵ *Зверев В.О.* Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016. С. 24–25, 176–181.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Д-7. 1908 г. Оп. 205. Д. 3. Ч. 6. Л. 12–14.

⁷ ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 1393. Л. 14об–15.

⁸ НАРГО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 45. Интересно, что с Оскаром Шустером Трусевич продолжал вести научную переписку и во время войны, даже когда тот уже умирал от малярии и туберкулеза, высланный в Астраханскую губернию как германский подданный.

⁹ НАРГО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 40.

¹⁰ Высокогорья Центрального Кавказа: Путеводитель и руководство для туристов // Известия Совета обследования и изучения Кубанского края. Т. 3. Краснодар, 1921. С. 125.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Там же. С. 127.

¹³ Цит. по: *Лаврёнова А.М.* От Столыпина до "стольпинских" вагонзакон: Директор Департамента полиции Максимилиан Трусевич за

20 лет советской власти так и не завоевал ее доверия // Родина. 2019. № 11. С. 116.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р-28540. Л. 42–43.

¹⁵ Там же. Л. 76.

¹⁶ Там же. Л. 77.

¹⁷ Там же. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 85, 86, 87.

¹⁹ Там же. Л. 39.

²⁰ Там же. Л. 95.

²¹ Там же. Л. 93.

²² Там же. Л. 129.

А.Л. Юрганов

Российский государственный гуманитарный университет

Российская государственность в кризисном самосознании русского модернизма в годы Первой мировой войны

Аннотация

В настоящей работе исследуется конфликт внутри модернистского лагеря в годы Первой мировой войны, когда часть модернистов вернулась к некоторым идеям славянофильства. Преображая старое славянофильство почти до неузнаваемости, новые славянофилы вводили в теоретическое Кredo модернизма то начало, которое ранее категорически не принималось – это освящение «православного государства». Н.А. Бердяев выступил с радикальной критикой новых славянофилов, защищая прежний тезис модернизма – об абсолютной («предельной») личной свободе. Кризис развернулся таким образом, что к концу Первой мировой войны проиграли обе спорящие стороны, ибо в их сознании проиграл прежде всего сам русский народ, не умевший доказать свою духовную силу.

Ключевые слова: Первая мировая война, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, русский модернизм, русское возрождение, русский Ренессанс, новое славянофильство.

Russian statehood in crisis consciousness of Russian modernism during the First World War

Abstract

This paper explores the conflict within the modernist camp during World War I, when some modernists returned to some ideas of Slavophilism. Transforming the old Slavophilism almost beyond recognition, the new Slavophiles introduced into the theoretical Credo of Modernism the beginning, which was not accepted before categorically – is the consecration of the "Orthodox state". N.A. Berdyaev made a radical critique of the new Slavophiles, defending the previous thesis of modernism – about absolute ("marginal") personal freedom. The crisis unfolded in such a way that by the end of World War I, both contending parties lost, for in their minds lost first of all the Russian people themselves, who could not prove their spiritual strength.

Keywords: World War I, N.A. Berdyaev, V.V. Rozanov, Russian modernism, Russian revival, Russian Renaissance, new Slavophilism.

18 февраля 1915 г. в газете «Биржевые ведомости» была опубликована статья Н.А. Бердяева под названием «Эпигонам славянофильства».

Так начался раскол модернизма. Бердяев вынес несколько вопросов на обсуждение их с теми, кого считал новыми славянофилами. Чтобы спор был предметным, он выдвинул свой тезис: «...славянофильство и западничество одинаково должны быть преодолены в творческом национальном самосознании». Славянофильство и западничество, по его мнению, «были еще выражением национальной незрелости».

Основной вопрос в дискуссии – отношение русского народа к государству. «Розанов проповедует поклонение, почти обоготворение государственной власти, как мистического факта и мистической силы. И в этом есть что-то характерно-русское и опасное. Этот уклон есть и у Булгакова и у многих выразителей "русского направления". В этом обнаруживается не мужественное отношение к государству и власти, вечный русский соблазн покорности и растворения, отдания себя чужой воле», – писал Бердяев.

Этот вопрос он философски переформулировал так: «Нужно ли трансцендентное религиозное освящение государственной власти или имманентное человеческое развитие?» Ответ такой: «Первый путь я

считаю ложным в период возмужалости народа и для России опасным. По этому пути движется "направление" Булгакова, Эрна, св. П. Флоренского. Они ищут в государстве священства по аналогии со священством в церкви, для них государственная власть есть ангельское начало. Этому решительно нужно противопоставить понимание государственной власти, как начала человеческого, со всей относительностью природно-исторического процесса».

Бердяев был решительным сторонником секуляризации государства: «Это путь секуляризации государства, снятия с него трансцендентного освящения во имя имманентного его преобразования и преображения в общественность, *освящаемую изнутри человеческого духа и через творческую активность* (здесь и далее курсив мой – А.Ю.). Булгаков мечтает о "теократии белого царя". Это путь религиозного сервилизма, поддерживающего и сервилизм общественный. Об этом нужно открыто говорить и спорить. Трансцендентное освящение государственной власти есть состояние младенчества и источник рабства. Духовная зрелость переходит к имманентно-свободному освящению общественной и государственной жизни из глубины духа. Духовная эмансипация личности в России должна порвать связи и узы, налагаемые на дух человеческий религиозным материализмом, обоготворением объективно-телесного, материально-относительного, как абсолютного. Вся относительная материальная и историческая жизнь должна быть свободна, автономна, должна направляться религиозно-имманентно, духовно, а не авторитарно. Для трансцендентного сознания государственность остается тем, чем была "конница" для Розанова на тротуаре. Для имманентного сознания – мы сами конница. Вот проблема...».

Итак, Н.А. Бердяев увидел эпигонство славянофильской концепции в дурной привычке «невеститься» по отношению к государственной власти.

Отвечая Бердяеву, Вяч. Иванов признал, что славянофильство в эмпирической (но не метафизической) сфере действительно склонно к такой дурной привычке: «Оставляя в стороне не идущий к делу вопрос, есть ли, действительно, эта черта женской влюбленности и воли к покорствованию в нашем народном характере или ее вовсе нет (я лично думаю, что существенно ее нет, эмпирически же она, к сожалению, зачастую проявляется), – нельзя не видеть, что славянофильству приписана она лишь вследствие ложного истолкования его всегдашних стремлений»¹.

В.В. Розанов прямо говорил: во время войны лучше быть гражданином государства, чем гражданином общества. Однако культ государства возвращался не в виде идеи насилия, – нет! Духом насилия отличалась история государства на Западе Европы («вся западная

политическая история представляет собою насилие сильного над слабым»², в России же власть «есть скорее бремя и долг»³. В насилии нет потребности: «Вся русская история есть тихая, безбурная; все русское состояние – мирное, безбурное. Русские люди – тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, добрых людей. "Русские люди – славные". Кстати, прилагательное "славный" сливается с именем племени – "славяне". Конечно, во всем этом бывали исключения: но исключение – не правило»⁴.

Власть для русского народа – всегда внешнее, инородное, и в этой отчужденности от власти, от мужественного начала, проявляло себя желание славянофилов породниться с государственной властью, но на «бабих» началах. Бердяев мыслил русское Возрождение как пробуждение мужского начала в личности народа вплоть до воплощения этой личностью *своей воли* во власти.

Раскол касался самого сокровенного: можно ли признавать абсолютную значимость надличного фактора в качестве мировоззренческого принципа для личности? Сторонники нового славянофильства утверждали, – да! Можно допустить, что исходным пунктом их интеллектуальной деятельности станет теперь славянское Возрождение, а в нем главной силой осуществления славянского единства будет *православное государство*.

Бердяев противоостоял всякой апологии власти, понимая, что модернистское движение, со времен Первой русской революции исповедовавшее *культ всякой личности*, теряет свою исходную почву, становясь либо частью государственной политики, либо неутешительным аналогом социологической «религии» позитивистов, уверовавших в промыслительные свойства пролетариата, ради которого можно пожертвовать всем, даже жизнью. Н.А. Бердяев не воспринял метафизику славянофилов, прежде всего, как трансцендентную (обезличенную) данность, исходя из модернистской установки, которая культивировалась еще в годы Первой русской революции: ничего не принимать на веру до тех пор, пока личность сама не сделает выбор. Надо избегать всякой надличной санкции, которая бы превращала метафизику в догму и насилие над личностью.

Вяч. Иванов увидел, что Бердяева не устраивает религиозность *до личного опыта* – сама по себе, *в надличной форме*, и считал, что в рассуждениях Бердяева проявляет себя религиозный нигилизм. Он писал: «... его призыв ко всеобщей "секуляризации", под каковою разумеет он снятие "трансцендентной санкции" со всех сфер жизни и культуры так, чтобы безрелигиозными стали и философская мысль, и художественное творчество, и быт, и семья, и государство, пока не найдет человек в себе

самом их "имманентного освящения", – призыв этот есть не что иное, как иконоборство, естественное для религиозного нигилизма, но на почве мирозосерцания христианского и мистического мыслимое, как твердо занятая позиция при условии коренного отрыва личности от символического начала церковного миростроительства»⁵.

Бердяев уловил, что фильство родилось в недрах доктринерского мышления, чуждого всякой сложности бытия. В отличие от славянофилов, он видел сущность интеллектуального кризиса в условиях войны в том, что человечество жаждет нового, конкретного знания о мире, о себе, которое было бы свободно от отвлеченного знания, позитивистского (социологического) или славянофильского (морализаторского). Разрыв состоялся именно потому, что славянофилы-модернисты превращались в доктринеров-метафизиков.

Новая линия разграничения проходила теперь по этой полосе отчуждения, определявшей для Бердяева личную свободу выбора как приоритет перед всякой теорией, перед всякой схемой бытия. Славянофильство – это проявление «исключительного монизма русского мышления».

Бердяев не соглашался со схемой В. Эрна, согласно которой немецкой культуре присуща феноменологичность, а русской культуре – онтологичность. Он считал это упрощением, и пытался найти свое объяснение взаимосвязи немецкого духа с материей. Немец – критик, отвергающий мир извне, он «волонтарист и идеалист», создающий свой мир «из своего духа, из своей воли и чувства»⁶. Немецкая культура выражает «своеобразный онтологизм», имеющий «волонтаристские окраски».

Схема Эрна мало что объясняет, полагал Бердяев, ибо она исходит из моральной доктрины, и не учитывает всего многообразия явлений в каждой культуре. Он отмечал, что в основе немецкого характера лежит волевой акт творения себя в мире: «В начале был волевой акт, акт немца, вызвавшей к бытию весь мир из глубины своего духа. Все рождается из тьмы, из хаоса бесформенных переживаний через акт воли, через акт мысли»⁷. Немецкое сознание своего Я удовлетворено только тогда, когда оно упорядочивает мировой хаос, наделяя созданный мир нормами своего миропонимания. Бердяев, как и славянофилы, противопоставлял немецкую и славянскую народные души, но исходя не из заранее готовой схемы, в которой нет никакой антиномии, а из такого ощущения культурного сознания народа, которое не укладывается ни в какую общую схему: ведь обе культуры онтологичны, но по-разному. Соперничают между собой два разных онтологических проекта.

Русский философ, глядя в современные ему горизонты культуры немецкого народа, усмотрел в них религиозные основания будущей трагедии: «Это – чисто арийская, антисемитическая религия, религия гладкого и пресного монизма, без безумной антиномичности, без апокалипсиса. В этой германской религии нет покаяния и нет жертвы».

Определяя особенности немецкого национального характера, Бердяев не забывал и русский характер: здесь не было противопоставления плохого и хорошего, как у славянофилов, здесь каждый народ представлялся им со всеми органическими недостатками личного развития. Если немец «чувствует себя свободным лишь в казарме», то русский народ недоразвился до рациональности настолько, что в этом «темном вине» сохраняется «мистическая реакция против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей»⁸.

Февральская революция, приход к власти большевиков осенью 1917 г., очевидное поражение русской армии на фронте, полный разлад государства, падение монархии, хаос в общественной жизни, ожидание Гражданской войны – все это привело деятелей культуры славянофильского направления к глубокому разочарованию, которого они не скрывали. Разочарование постигло и критиков славянофилов, в том числе Бердяева, надеявшегося на то, что русский народ сможет возродиться к новой жизни самостоятельно. Словом, оба лагеря констатировали, что их идеи, хотя и не потеряли своей значимости на будущее, не были реализованы. Со смертью Российской империи, с приходом к власти большевиков, все споры о метафизической сущности русского Возрождения в условиях Первой мировой войны становились никому не нужными...

«Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду»⁹, – такими словами Розанов провожал в небытие прежнюю Россию, понимая, что его Россия, придуманная им, воспетая им, потерпела поражение – но нет, не на фронте: прежде всего, в головах сограждан. Высота, на которую пытались взобраться славянофилы, была ложной: оказалось, что нет ничего того, во что они так страстно верили!

Бердяеву не пришлось, как Розанову, огорчаться за русский народ – он не сильно его идеализировал. Но все же «темное вино» оказалось более темным, чем даже ожидал философ. Это не было разочарованием в собственных иллюзиях: это было скорее признание утраты надежд на Возрождение: «Русский народ не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею»¹⁰.

Примечания

- ¹ Иванов Вяч. Живое предание // Родное и вселенское. Статьи (1914–1916). М., 1917. С. 55.
- ² Розанов В.В. Война 1914 года и русские возрождение. Пг., 1915. С. 48–49.
- ³ Там же. С. 50.
- ⁴ Там же. С. 51.
- ⁵ Иванов Вяч. Живое предание // Родное и вселенское. С. 55.
- ⁶ Бердяева Н. Судьба России. М., 1918. С. 168.
- ⁷ Там же. С. 169.
- ⁸ Там же. С. 53.
- ⁹ Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 6–7.
- ¹⁰ Бердяев Н.А. Судьба России. С. III.

А.К. Лаптев
НИУ «Высшая школа экономики»

Государственные учреждения Смоленской губернии в годы Первой мировой войны: новые задачи, проблемы и вызовы

Аннотация

В годы Первой мировой войны местная власть прифронтовых территорий столкнулась с целым рядом кризисных явлений. Губернатор, как начальствующее лицо, аккумулировал на себе все сложности и вызовы военного времени. От его управленческой политики зависело не только благосостояние местного населения, но и военные успехи на фронте. Как губернатор выстраивал свою властную политику? Был ли он единоличным источником управленческих решений, и как проявлялась его руководящая роль? Ответы на эти вопросы позволят по-новому взглянуть на региональную историю и региональное управление в контексте кризиса монархии в России.

Ключевые слова: Первая мировая война, Смоленская губерния, губернская администрация, Минский военный округ, обязательные постановления, снабжение армии, управление в губернии.

State institutions of Smolensk province during the World War I: new tasks, problems and challenges

Abstract

During the First World War, the local authorities of the front-line territories faced a number of crisis phenomena. The governor, as a commanding person, accumulated all the difficulties and challenges of wartime. Not only the welfare of the local population, but also military successes at the front depended on his management policy. How did the governor build his policy of power? Was he the sole source of management decisions, and how was his leadership manifested? Answers to these questions will provide a fresh look at regional history and regional governance in the context of the crisis of the monarchy in Russia.

Keywords: World War I, Smolensk province, provincial administration, Minsk Military District, binding regulations, supplying the army, management in the province.

В преддверии Первой мировой войны смоленский губернатор, как единолично начальствующее лицо, всецело контролировал общественную жизнь в губернии. В большой степени этому способствовало принятое в 1881 г. Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое позволяло вводить на территории губернии положения усиленной и чрезвычайной охраны, а также существенно расширявшее губернаторские полномочия. Указанные правовые режимы были направлены против нарастающего общественного движения и как ответ на убийство Александра II. Закон значительно дополнял права губернатора, органов полиции и жандармерии, в том числе предоставлял начальнику губернии репрессивные права и наделял его судебными полномочиями (заключение в тюрьму, высылка из губернии, наложение штрафов и т.д.)¹.

Однако для введения таких положений требовалось получить согласие министра внутренних дел. Важно отметить, что, начиная с 1881 г., губернаторы большинства регионов России ввели эти режимы в своих губерниях, что объяснялось борьбой с революционными настроениями.

Фактически, введенные первоначально на 6 месяцев, такие режимы просуществовали в губерниях вплоть до 1917 г. После революции 1905–1907 гг. введение таких положений в губерниях не встречало никаких сопротивлений или ограничений со стороны центральной власти, которая пыталась сохранить контроль и, фактически, наделяла губернаторов неограниченной властью в отношении контроля всякой общественной жизни в губернии. Естественно, что эти меры по усилению губернаторской и полицейской власти трактовались законом, как временные, но губернаторы всецело воспринимали такие «чрезвычайные» права», как постоянные и использовали их без оглядки на фактическое положение дел в регионе. В этом смысле Смоленская губерния и губернская администрация не отличалась от остальной территории России².

С началом Первой мировой войны ситуация резко изменилась. На территории Смоленской губернии одновременно были введены режимы чрезвычайного и военного положения, причем последнее распространялось лишь на три западных уезда – Смоленский, Краснинский и Поречский. Такой двойственный правовой статус разделил власть в губернии между смоленским губернатором и начальником Минского военного округа. Важно заметить, что решения последнего имели главенствующий статус³. Губернатор был поставлен в подчиненное положение по отношению к начальнику Минского военного округа и должен был «оказывать всяческое содействие военным властям по исполнению лежащих на них обязанностей»⁴. Вместе с этим, практически вся территория губернии, в соответствии с режимом чрезвычайной охраны, находилась вне ответственности военных властей и номинально была подчинена решениям губернатора, на котором и лежала реальная ответственность перед центральными органами власти.

Практическое управление в губернии в годы войны осуществлялось с помощью обязательных постановлений (прежде всего военных, а также губернаторских), как особых правовых документов. Данные постановления были общеобязательными и безапелляционными по своим возможностям и могли влиять на каждый аспект жизни в губернии⁵. А.С. Минаков в своей монографии, посвященной губернаторам Черноземного центра России, отмечает, что в Орловской губернии за 1914 г. было издано 15 обязательных постановлений, из них только 6 касались наступившего военного времени⁶. За тот же период на территорию Смоленской губернии распространилось 20 обязательных постановлений и 17 из них касались вопросов военного времени. Губернаторской властью было утверждено только 5 постановлений, остальные принадлежали военным властям и особым комитетам. Эта ситуация иллюстрирует тот факт, что губернатор лишился реального сектора власти и старался это исправить. Уже в 1915 г.

было издано 47 обязательных постановлений, из них 20 было утверждено губернатором⁷. Может показаться, что губернская администрация активизировала свою работу, но это лишь на первый взгляд. Большинство обязательных постановлений, касающихся военного времени и которые утверждал губернатор, были идентичны обязательным постановлениям военных властей и особых комитетов. Сложилась следующая ситуация: в смоленских газетах, где публиковались такие документы, в течении нескольких дней появлялись два одинаковых обязательных постановления: одно – от имени, к примеру, военных властей, другое, спустя неделю – от имени губернатора. В этом можно увидеть, как губернатор поддерживал видимость своего присутствия в губернии, создавал иллюзию личного принятия решений, копируя обязательные постановления от военных властей и особых комитетов. Это яркий пример того, каким образом он старался сохранить «легитимность» своего статуса правителя губернии.

Осложнившееся ситуация 1916 г. привела к тому, что Штаб Минского военного округа был перемещен в Смоленск. После этого количество обязательных постановлений резко падает. За 1916 и 1917 гг. от имени губернатора было опубликовано только 4 обязательных постановления⁸. Это объясняется начавшимися проблемами с продовольствием и огромным потоком беженцев. Так, по имеющимся данным, за второе полугодие 1915 г. только через Смоленск проследовало более 628 тыс. беженцев⁹. Губернатор уже не мог заниматься «соперничеством» с военными властями в губернии. Все его внимание было сосредоточено на решении реальных проблем. Отдельно стоит отметить и военное присутствие в губернии. К сентябрю 1914 г. в Смоленске размещалось 28 тыс. военных, а к началу 1917 г. их было уже более 100 тыс., что фактически удвоило довоенную численность населения Смоленска¹⁰. Эти сто тысяч «новых жителей» губернии подчинялись исключительно военным властям и никак не входили в зону контроля губернской администрации.

В каком свете армия и ее структуры представляли перед губернатором? Какой он ее лицезрел? Показательным является внутреннее донесение помощника начальника Смоленского губернского управления. Полное злости и разочарования, оно показывает тот образ армии, который наблюдал не только губернатор, но и все жители Смоленска.

«По замечанию некоторых обывателей и по моим личным наблюдениям, по вечерам, после 9 часов вечера, в особенности по субботам и в праздничные дни, от угла Почтамской и левой стороне Пушкинской и далее по Благовещенской до поворота в художественный кинематограф можно наблюдать целые толпы праздно прогуливающих нижних чинов в компании девиц, специально приезжающих из соседних

деревень, чтобы «погулять с кавалерами» и местных горничных и кухарок ... в 3-ем запасном саперном батальоне пьянство развилось также в значительных размерах: на праздниках 7 унтер-офицеров во главе с прапорщиком Присенковым до того напились, что один из них умер. Пятерых за это разжаловали в низшие звания. Присенков получил 14 суток ареста ... во 2 запасном артиллерийском дивизионе также отсутствует порядок. На это указывает полученное мною сведение о том, что нижние чины массажи не бывают на поверках, занятий почти не производится и офицеры казармы не посещают. Кроме того, по полученным мною сведениям, три нижних чина названного дивизиона самовольно отлучились и совершили нападение на почту где-то в Краснинском уезде. Сведения мною проверяются и о результатах проверки донесу дополнительно».

Естественно, что об этих и многих других фактах, было известно смоленскому губернатору, а некоторые из них он мог наблюдать воочию. Каким образом начальник губернии находился в подчинении у военного командования, которое не могло навести порядок среди войск даже в прифронтовой полосе? Это донесение было составлено 25 января 1915 г. Прошло лишь полгода с начала войны¹¹.

Можно сказать, что в период с 1914 по 1916 гг. губернаторская администрация еще оказывала сопротивление «военной интервенции во власть» старалась показать населению независимость от военных и самостоятельность принимаемых решений, но уже к 1916 г. реальные проблемы вытеснили губернаторскую «гордость», контроль в губернии практически полностью перешел военным властям. Такое перераспределение властных полномочий не привело к сколько-нибудь значимому результату. Армия решала свои проблемы и мало интересовалась общественной жизнью в губернии, используя последнюю для рекрутирования новых солдат и производства обмундирования (к 1917 г. в армию была призвана практически половина трудоспособного крестьянского населения губернии). Продовольственный кризис только усиливался. Имелись и попытки губернатора вовлечь военных в решение продовольственных проблем. Так, происходило использование военнопленных для посевных работ (к 1917 г. на территории губернии на полях и в крестьянских хозяйствах работало более 2,5 тыс. пленных австрийцев и немцев)¹². Такие меры к 1917 г. вряд ли могли выправить бедственное положение с едой.

В целом, с началом Первой мировой войны смоленский губернатор фактически лишился своих уникальных полномочий и главенствующей позиции на всей территории губернии. Теперь всякое его действие требовало согласования с военными властями. В системе вертикального

управления министерства внутренних дел на региональном уровне появилась независимая сила в лице армейского командования, которое было ориентировано на военные успехи, но не имело опыта и не было заинтересовано в организации общественного порядка на подконтрольных территориях.

Примечания

¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. 1. № 350.

² *Гессен В.М.* Исключительное положение. СПб.: Право, 1908.

³ *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Т. 1. Петроград, 1916. С. 15; Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32.

⁴ Приложения к положению о полевом управлении войск в военное время (№ 1–17). СПб., 1914. С. 3.

⁵ О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные постановления от 13 июля 1876 г // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 2. № 56203.

⁶ *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений. Орел, 2011. С. 346–348.

⁷ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 30; 32–34; 37; 39; 41–43; 45; 46; 1915. № 3, № 11–17, 19, 21, 22, 27, 29, 31, 32, 34, 35, 37–42, 48.

⁸ Смоленские губернские ведомости. 1916. № 11; 1917. № 6.

⁹ *Горская Н.И.* Смоленское земство в последние годы своего существования (1905–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 173.

¹⁰ *Кононов В.А.* Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 374.

¹¹ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 27–29.

¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 919. Л. 44.

Государственная помощь беженцам в России в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.)

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об участии российского государства в решении проблемы беженцев в годы Первой мировой войны (1915–1916). Выявляются и характеризуются виды помощи, которые оказывались беженцам за казенный счет.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, Положение об обеспечении нужд беженцев, Особое совещание по устройству беженцев, продовольственная и жилищная помощь, ссуды для беженцев.

Anna N. Gritsaeva
Moscow Institute of Physics and Technology

State aid to refugees in Russia during the First world war (1915–1916)

Abstract

The article deals with the issue of state participation in solving the refugee problem during the First World War (1915–1916). The types of assistance provided to refugees at state expense are identified and characterized.

Keywords: World War 1, refugees, Provision for providing for the needs of refugees, Special meeting on refugee accommodation, food and housing assistance, loans for refugees.

Первую мировую войну государство занялось проблемой беженства, лишь когда она приобрела масштабный характер в условиях неудачной для России весенне-летней военной кампании 1915 г. Вражеское наступление вынудило многих жителей Польши, Прибалтики, Белоруссии покинуть родные края и двинуться – кто пешком, кто на телеге, кто в товарном вагоне – вглубь России. Потоки беженцев с западных окраин наводнили центральные районы империи, которые к такому испытанию оказались не готовы.

В ответ на резкое обострение беженской проблемы Николай II 30 августа 1915 г. подписал «Положение об обеспечении нужд беженцев»¹, причислившее к категории беженцев не только жителей Российской империи, лишившихся крова и обреченных на скитания из-за войны, но и перебравшихся в Россию с началом вооруженного конфликта уроженцев враждебных ей стран. Всем им, за исключением иностранцев немецкой и венгерской национальности, гарантировалось право на государственную помощь.

Упомянутое «Положение» и дополнившие его «Руководящие положения по устройству беженцев»², утвержденные министром внутренних дел 2 марта 1916 г., сформировали систему органов и должностных лиц, отвечавших за реализацию государственных мер по поддержке беженцев. Её возглавило Особое совещание по устройству беженцев, состоявшее из членов Государственного совета и Государственной думы, представителей министерств и ведомств, крупнейших благотворительных обществ, главноуполномоченных по устройству беженцев. В ведении совещания находились вопросы распределения казенных кредитов, отпущенных на нужды беженцев, оценки и возмещения причиненного беженцам эвакуацией материального ущерба, восстановления беженского хозяйства и прочие. Кроме того, оно определило порядок работы назначавшихся императором главноуполномоченных по устройству беженцев, а также условия создания и функционирования местных комитетов помощи вынужденным переселенцам. Председателем Особого совещания являлся министр внутренних дел, которому подчинялся учрежденный в составе Министерства отдел по устройству беженцев, контролировавший деятельность губернаторов и градоначальников в беженской сфере.

Губернаторы и градоначальники, в свою очередь, председательствовали в региональных совещаниях, состоявших из представителей местной администрации, имевших отношение к решению беженского вопроса, земского и городского самоуправления, а также национальных и прочих организаций, оказывавших поддержку беженцам. Региональные совещания устанавливали конкретные нормы помощи беженцам

(например, размер беженского пайка, квартирного довольствия) на подведомственных им территориях, отвечали за координацию работы местных учреждений, участвовавших в призерии вынужденных переселенцев, разбирали сметы этих организаций, требовавшие казенных расходов, и составляли по ним заключения. Вместе со сметами заключения региональных совещаний поступали на рассмотрение в Особое совещание по устройству беженцев.

Субсидии, выделенные казной на призерие беженцев, распределялись между непосредственными исполнителями этой задачи – органами местного самоуправления, комитетами и благотворительными объединениями – во внутренних областях империи – через губернаторов и градоначальников, в прифронтовых районах – через главноуполномоченных по устройству беженцев. Финансирование национальных беженских организаций производилось через их центральные комитеты.

Государство оказывало разностороннюю помощь беженцам. Продовольствие и жилье за его счет полагались осевшим на местах беженцам, в том числе, детям до 14 лет включительно, одному из членов семьи, присматривавшему за малолетними детьми, нетрудоспособным и лицам, принятым на сельскохозяйственные работы³. «Руководящие положения» установили ориентировочные размеры казенных беженских пайков. Стоимость продуктового пайка на одного человека в день в зависимости от местных условий составляла от 15 до 20 коп. Продовольственное пособие выдавалось в полном размере только на четырех членов семьи; начиная с пятого члена, указанная норма снижалась вдвое. На оплату жилья для одного беженца в сельской местности государство намеривалось тратить не более 1 руб. 20 коп. в месяц, в городах – не более 2 руб. С целью экономии для расселения беженцев в городах рекомендовалось использовать в первую очередь здания, принадлежавшие казне, органам земского и городского самоуправления. В деревнях беженцев селили в частных домах, владельцы которых получали установленную государством плату за жилье. Семьи беженцев-горожан «Руководящие положения» предлагали размещать в пределах городов, а семьи беженцев-селян – в уездах, чтобы облегчить им приспособление к новым условиям жизни. Настоятельно советовалось не допускать разделения вынужденных переселенцев, на родине принадлежавших к одному сельскому обществу или приходу.

При помощи казенных продуктового и квартирного пайков власть пыталась воздействовать на беженцев. Стремясь восполнить недостаток рабочих рук в важнейшем для России аграрном секторе экономики, вызванный мобилизацией в армию оцутимой части трудоспособных крестьян, правительство включило в число призреваемых государством

беженцев, занятых сельскохозяйственным трудом. При этом вынужденные переселенцы, работавшие в иных отраслях производства, права на казенный паек не имели. Этому права были лишены и беженцы, уклонявшиеся от всякой трудовой деятельности.

Привлекая беженцев к полевым работам, власти применяли не только поощрительные, но и репрессивные меры. Так, весной 1916 г. администрация Ростова-на-Дону вынесла постановление о принудительном выселении беженцев с городской территории в сельскую местность, ограничивая тем самым их в выборе рода занятий. Вероятно, чтобы предотвратить перемещение трудоспособных беженцев в поисках выгодной работы в другие губернии, саратовский, полтавский и тульский губернаторы запретили выдачу им паспортов и проездных свидетельств⁴.

В 1916 г. во властных структурах возникло намерение выселить из Петрограда беженцев, получавших государственный паек, и тем снизить остроту продовольственного вопроса в северной столице. Для разработки плана выселения при Особом совещании по устройству беженцев была создана специальная комиссия, которая установила, что многие беженцы готовы отказаться от пайка, лишь бы их не трогали.

Намеченная мера обсуждалась Особым совещанием 15 сентября 1916 г. и была признана неэффективной и даже вредной. Члены совещания пришли к заключению, что беженцы вследствие своей сравнительной малочисленности (по данным статистики, осенью 1916 г. в Петрограде, населенном 2 млн человек, проживало не более 78,6 тыс. беженцев, большинство из которых казенной помощью не пользовалось) не могут оказывать сколько-нибудь заметного влияния на ценообразование в столице. Следовательно, их выселение не приведет к урегулированию цен в городе, а лишь создаст властям дополнительные проблемы, связанные с поиском новых мест для размещения беженцев, и негативно отразится на самих беженцах, «заставит их вновь испытать разные невзгоды»⁵.

Против выселения беженцев из Петрограда высказался известный правовед А.Ф. Кони. С его точки зрения, они принесли пользу городу, возместив в некоторой степени убыль рабочих рук, которая возникла в результате призыва части мужского населения Петрограда в действующую армию и привела к появлению в столице женщин-кондукторов, женщин-дворников, женщин-швейцаров. Будучи абсолютно уверенным, что «дороговизна происходит не от беженцев, а от чрезмерного увеличения хищнических appetитов», А.Ф. Кони предлагал бороться с ней, применяя уложение о наказаниях⁶. Ссылаясь на приведенные доводы, Особое совещание постановило «просить министра внутренних дел убедить Совет министров в невозможности осуществить решение о выселении беженцев»⁷.

Государственные средства расходовались на снабжение вынужденных переселенцев одеждой и обувью, на начальное образование для их детей, на окормлявших их священников. Беженцы бесплатно обслуживались в лечебницах, принадлежавших местному самоуправлению.

Те из них, которые не имели права на продуктовую и жилищную помощь за казенный счет, но являлись собственниками земельных участков, недвижимости или банковскими вкладчиками, по «Временным правилам об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению», утвержденным Николаем II 13 мая 1916 г., могли получить ссуду, размер которой зависел от их платежеспособности. Земле- или домовладельцам, чья прибыль с имущества не превышала 300 руб. в год, выдавалась ссуда, равная их доходу. Если прибыль составляла от 300 до 5,3 тыс. руб., то максимальная величина ссуды увеличивалась до 2,3 тыс. руб. Доход от 5,3 тыс. до 10,3 тыс. руб. позволял рассчитывать на ссуду от 2,3 тыс. до 4,05 тыс. руб. Если же прибыль превосходила 10,3 тыс. руб., то ссуда начиналась от 4,05 тыс. руб.⁸ Беженцам, имевшим сбережения в кредитных учреждениях, предоставлялись следующие ссуды: по вкладам до 300 руб. – в размере половины вклада, свыше 300 руб. – 150 руб. плюс сумма годового дохода с вклада⁹. В любом случае величина ссуды не должна была превышать 6 тыс. руб.

Правительственной ссудой обеспечивались беженцы, изъявившие желание обосноваться в Забайкалье: в степной зоне – по 250 руб. на семью, в лесостепной и в таежной – по 400 руб.¹⁰ «Забайкальский проект» преследовал сразу несколько целей: уменьшить число беженцев в густонаселенном центральном регионе, стимулировать освоение малообжитых российских земель, помочь беженцам наладить нормальную жизнь на новом месте. Предложение заинтересовало беженцев. Некоторые из них обратились за разъяснением условий переселения во Всероссийское общество попечения о беженцах.

В рамках мероприятий по поддержке беженцев Министерство земледелия в 1916 г. приняло программу восстановления разрушенных построек на территории, освобожденной от оккупации¹¹. По его подсчетам, в воссоздании нуждались от 1,4 до 2,4 млн строений. Большой объем строительных работ заставил ведомство отказаться от идеи возведения зданий своими силами. Его участие выразилось в снабжении населения строительным материалом и инвентарем на сумму, не превышающую 750 руб. на семью. Руководство строительством было возложено на правительственных чиновников и земских служащих.

В 1916 г. Особое совещание пришло к выводу, что «острота беспомощного положения беженцев в значительной мере миновала», и предприняло попытку сократить расходы государства на мероприятия в

области призрения беженцев¹². Полагая, что «казенный паек... предназначен не для каждого беженца только потому, что он беженец, но для беженцев действительно нуждающихся», при том, что значительной части беженцев уже «представилась возможность упорядочить свое существование собственным трудом», Особое совещание постановило снимать с продовольственного пайка 10 % от общего числа беженцев, призываемых в сельской местности, и 15 % – призываемых в городах¹³. Прочие утвержденные Особым совещанием в 1916 г. нормы казенных расходов составили: на обучение одного школьника-беженца – от 2,5 до 3 руб. в месяц, на баню для одного беженца – от 10 до 20 коп. в месяц, на амбулаторное лечение – 25 коп. на 3 месяца, на стационарное лечение – от 1 до 1,2 руб. в день, на содержание в приюте – от 13,5 до 15 руб. в месяц¹⁴. Фиксировался предельный размер оплачиваемых из бюджета страны затрат на организационные нужды учреждений помощи беженцам. Он зависел от объема деятельности конкретного учреждения. Доля расходов на администрацию и канцелярию при месячном бюджете организации до 10 тыс. руб. не могла превышать 5 %, свыше 1 млн руб. – 1 %¹⁵. Суммы, выделенные на организационные расходы, должны были покрывать затраты и на оказание юридической помощи беженцам.

Из разъяснения, приведенного в циркуляре Министерства внутренних дел от 24 июня 1916 г., адресованном главноуполномоченным по устройству беженцев, губернаторам и градоначальникам, следовало, что принятые Особым совещанием нормы расходов являлись усредненными. При формировании смет они могли быть уменьшены, что приветствовалось. Впрочем, в исключительных случаях допускалось их увеличение. На это требовались, однако, веские причины, «убедительно свидетельствующие о совершенной невозможности обойтись суммами, отпускаемыми по означенным выше расчетам»¹⁶. Каждый случай превышения нормы подлежал всестороннему рассмотрению Особого совещания по устройству беженцев.

Как видно, в годы Первой мировой войны за счет государства был реализован целый комплекс мер по поддержке беженцев, облегчивший им до некоторой степени адаптацию к новым условиям жизни.

Примечания

¹ Положение об обеспечении нужд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1915. № 1. С. 3–5.

² Руководящие положения по устройству беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 10. С. 2–6.

³ Там же. С. 5.

⁴ Труд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19. С. 10.

⁵ Особое совещание по устройству беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 34–35. С. 11.

⁶ Там же. С. 11–12.

⁷ Там же.

⁸ Временные правила об оказании ссудной помощи пострадавшему от войны населению // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19. С. 3.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Переселенческие участки для беженцев в Забайкальской области // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 11. С. 12.

¹¹ Помощь населению, пострадавшему от войны // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 38–39. С. 7.

¹² Циркуляр МВД // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 34–35. С. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Власть и оппозиция в 1916 г.:
смена модели политического взаимодействия

Аннотация

Статья посвящена развитию противостояния между российским правительством и либеральной оппозицией в 1916 г. Автор приходит к выводу, что власть, в целом, демонстрировала желание идти на частичные уступки, а оппозиция воспринимала их как проявление слабости и наращивала свое давление. Оппозиционная тактика была также вызвана внутренним состоянием самих либеральных сил. Новизна работы состоит в исследовании политических механизмов и внутренней логики противостояния.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Прогрессивный блок, Б.В. Штурмер, А.Ф. Трепов, П.Н. Милуков.

F.A. Gayda
Lomonosov Moscow State University

Government and opposition in 1916:
changing the model of political interaction

Abstract

The report is devoted to the development of the confrontation between the Russian government and the liberal opposition in 1916. The author comes to the conclusion that the authorities, in general, showed a desire to make partial concessions, and the opposition perceived them as a manifestation of weakness and increased its pressure. Oppositional tactics were also caused by the internal state of the liberal forces themselves. The novelty of the work lies in the study of political mechanisms and internal logic of opposition.

Keywords: The Russian Empire, The State Duma, Progressive block, B.V. Sturmer, A.F. Treпов, P.N. Milyukov.

В 1915 г. в России рухнуло провозглашенное с началом Первой мировой войны «священное единение», был создан Прогрессивный блок, что привело к разрыву отношений между властью и общественностью, приостановке думской сессии и отставке ряда значимых фигур в правительстве. Политическая конъюнктура в России в 1916 г. определялась постепенно нарастающим социально-экономическим кризисом. В подобной ситуации власть демонстрировала желание идти на частичные уступки, добиваться ограниченных политических сделок, что проявилось в январе – феврале (отставка премьера И.Л. Горемыкина и возобновление думской сессии), сентябре (назначение А.Д. Протопопова) и ноябре (отставка Б.В. Штюрмера и назначение А.Ф. Трепова). Либеральная оппозиция, в свою очередь, воспринимала уступки как проявление слабости и наращивала свое давление. Кроме того, подобная тактика диктовалась необходимостью укрепить единство собственных рядов. Усиление оппозиционной риторики оставляло все меньше возможностей для политического компромисса. Итогом стал «шторм власти», завершившийся Февральской революцией 1917 г.

В январе 1916 г. инициатором политических уступок Думе выступил министр внутренних дел А.Н. Хвостов. Он добился отставки основного виновника приостановки думской сессии в сентябре 1915 г. премьера И.Л. Горемыкина и назначения на его место Б.В. Штюрмера. Затем Хвостов провел переговоры с неформальным лидером Прогрессивного блока П.Н. Милоковым о возобновлении длительной сессии Думы. При этом парламентское большинство не давало никаких гарантий по поводу характера будущей сессии¹. Подобная линия Хвостова оказалась весьма выгодной думскому большинству, поскольку без регулярной работы палаты само существование блока было поставлено под вопрос. «С роспуска настроен[ие] идет вниз», – отмечала в дневнике член кадетского ЦК А.В. Тыркова-Вильямс².

При возобновлении сессии законодательные палаты впервые в их истории посетил император. Однако думское большинство приступило к работе оглашением декларации Прогрессивного блока. Милюков в своем выступлении сравнил правительство с «пятым фронтом», он оценил отношение к власти со стороны думской оппозиции: «Речь сейчас может идти не о доверии, а, в лучшем случае, разве только о некотором формальном, внешнем параллелизме действий, о сходстве шагов в одном направлении. Но, г., насколько сходны могут быть наши шаги даже при условии некоторого параллелизма?». Оппозиционный лидер обвинил правительство в игнорировании требований парламента, поддержал общественные организации от правительственных нападков и, наоборот, назвал неудовлетворительной работу Особых совещаний³.

Несмотря на нападки Думы, премьер не был склонен на открытую конфронтацию с ней. В частности, 21 мая по докладу Штюрмера было упрямлено «Совещание пяти министров», против которого выступил председатель Думы М.В. Родзянко⁴. Уступчивость проявлял и Государственный совет. В апреле-июне в думском варианте им были приняты годовой бюджет, законопроекты о подоходном налоге, должностных преступлениях, реформе Сената⁵.

Тем не менее, весной 1916 г. оппозиция не смогла добиться поставленных текущих задач. Ни с трудом осуществлявшийся в Думе законодательный процесс, продемонстрировавший бессилие блока в этой сфере, ни оппозиционные резолюции съездов общественных организаций не принесли существенных политических дивидендов. Общественные организации рисковали остаться без казенного финансирования. Парламентский блок в мае оказался на грани распада, который попытались спровоцировать левые кадеты. Окончание летней сессии создавало впечатление, что правительство вышло из очередного витка политической игры победителем⁶.

Назначение министром внутренних дел товарища председателя Думы А.Д. Протопопова стало самым необычным кадровым решением за весь третьеиюньский период. Эту кандидатуру для вхождения в правительство активно лоббировали Родзянко, умеренные думские круги, банки, английский король Георг V, а ранее также министр иностранных дел С.Д. Сазонов и министр земледелия А.В. Кривошеин⁷. Несмотря на причастность к либеральному движению, Протопопов, по-видимому, из карьерных соображений, также был участником ряда консервативных салонов (графини С.С. Игнатьевой, П.А. Бадмаева и др.)⁸. Императрица заинтересовалась этой фигурой всего за 9 дней до его назначения, но быстро стала ее сторонницей⁹. Таким образом, Протопопову удалось заручиться поддержкой широчайших кругов. Штюрмер поддержал назначение, поскольку хотел наладить отношения с Думой¹⁰. Как отмечал гр. Б.А. Татищев (в 1911–1916 гг. первый секретарь посольства в Париже), назначение во всем мире было бы воспринято как выражение царского доверия к парламенту¹¹.

Член думского большинства был назначен на ключевой пост в правительстве, однако оно не претерпело никаких иных изменений. В результате в Прогрессивном блоке это было воспринято как провокация и серьезный удар по престижу парламента. «Назначение Протопопова – признак разложения Думы: наш разврат, который надо заклеить», – заявил на совещании блока соратник Протопопова по фракции граф Д.П. Капнист¹². Накануне открытия сессии из состава думского большинства вышла фракция прогрессистов¹³.

Выступая 1 ноября со знаменитой речью «Глупость или измена?», Милюков спасал единство блока, политический престиж оппозиции, но выводил противостояние на принципиально новый уровень. Начался думский «шторм власти». Единственным ответным шагом правительства на выступление Милюкова и последовавшие за ней речи других депутатов стало лишь то, что первоначально они не были опубликованы (полная публикация была осуществлена 29 ноября). 3 ноября правительство приняло решение о привлечении Милюкова к суду за клевету¹⁴, но делать это на практике не торопилось. Выступление в палате 4 ноября военного министра Д.С. Шуваева и морского министра И.К. Григоровича, засвидетельствовавших патриотическое единство с депутатами после их резких нападок на Штюрмера, как и следовало ожидать, в ситуации промолчавшего Совета министров, было воспринято как раскол правительства¹⁵. Отставка Штюрмера 10 ноября стала прецедентом. Премьер уходил под давлением парламента, что также воспринималось как доказательство правоты Милюкова¹⁶.

Новый премьер А.Ф. Трепов сразу после назначения посетил Родзянко и сообщил, что ему было указано «работать в мире» с Думой. Председатель палаты потребовал «полного разрыва с политикой Штюрмера», в частности, удаления ряда министров (в первую очередь, Протопопова) и немедленного суда над бывшим военным министром В.А. Сухомлиновым¹⁷. И Трепов, и Николай II были намерены удовлетворить подобные требования. Только личное вмешательство императрицы воспрепятствовало этому¹⁸. Думская декларация Трепова от 19 ноября содержала обещания срочно провести целый ряд реформ из программы Прогрессивного блока. Премьер также сообщил о заключенной с союзниками Петроградской конвенции 1915 г., по которой Россия по окончании войны получала Проливы. Однако в ответ Дума потребовала устранения влияния «темных безответственных сил» и создания кабинета, готового «в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства»¹⁹. Государственный совет также принял резолюцию об устранении от власти «темных сил» и создании правительства, опирающегося на «доверие страны»²⁰.

Соглашение по сути становилось невозможным: новые уступки означали бы полную капитуляцию верховной власти перед Думой. В свою очередь, и для Думы снижение накала борьбы означало бы признание бессилия или неправоты ее слов. Все последние слова были сказаны. Теперь должна была действовать улица.

Примечания

¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. С. 182–183.

² Дневники. 29 ноября 1916 г. // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. С. 158.

³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стеногр. отчеты. Пг., 1916. Стб. 1305–1321.

⁴ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк: Изд. А.К. Наумовой и О.А. Кусевичкой, 1954–1955. Кн. 2. С. 421–422.

⁵ Государственный совет. Стеногр. отчеты. XII сессия (февраль–июнь 1916 г.). Пг., 1916. Стб. 1197–1200, 1550–1600, 1717–1718.

⁶ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 188–220.

⁷ *Кольшико И.И.* Великий распад: Воспоминания. СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2009. С. 106; Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг.: ГИЗ, Центрархив, 1923–1927. Т. 5. С. 18; *Шаховской В.Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 83–84.

⁸ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 296–299.

⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг.: ГИЗ, Центрархив, 1923–1927. Т. 5. С. 11–12, 16–18, 51, 58, 79.

¹⁰ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Сентябрь (№ 179). С. 103–104.

¹¹ *Татищев Б.А.* Крушение, 1916–1917: Воспоминания // Возрождение. 1949. № 4. С. 119.

¹² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 82–83.

¹³ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 225–227.

¹⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год. М.: РОССПЭН, 2008. С. 544–545.

¹⁵ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 135–136.

¹⁶ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 238–239.

¹⁷ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 118; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 156, 161–162, 172; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 191–193.

¹⁸ Падение царского режима. Стеногр. отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. Л.: Государственное издательство, 1925–1927. Т. 4. С. 30; Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг.: ГИЗ, Центрархив, 1923–1927. Т. 5. С. 146–153, 163–164, 171–173.

¹⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стеногр. отчеты. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 240–259, 396.

²⁰ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 245.

Революционная бюрократия России:
товарищи министров в 1917 г.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы кадровых эволюций второго эшелона в органах исполнительной власти в 1917 г. Анализируются формальные критерии (политические, профессиональные и т.п.) при назначениях, количество должностей, хронологические рамки назначений и отставок, сроки пребывания в должности, позволяющие определить объективные возможности эффективной работы органов исполнительной власти.

Ключевые слова: 1917, Временное правительство, товарищ министра Временного правительства.

N.A. Tyukov
Moscow state pedagogical University

Russia's revolutionary bureaucracy:
deputy ministers in 1917

Abstract

The article deals with the issues of personnel evolution of the second echelon in the executive authorities in 1917. The article analyzes formal criteria (filters (political, professional, etc.) for appointments, the number of posts, the chronological framework of appointments and resignations, the terms of office, which make it possible to determine the objective possibilities of effective work of the executive authorities.

Keywords: 1917, the Provisional Government, Deputy Minister of the Provisional Government.

Вопрос кадров, как в разрезе персонального состава, так и количества должностных лиц, представляется важным моментом для определения реальных возможностей и эффективности в деятельности государственного органа. В кризисные моменты, значение кадров становится определяющим. Однако для системы государственного управления существует существенный набор ограничений, не позволяющих «героям» реализовать на практике свои замыслы как задумано и в «нулевое время».

В 1917 г. управленческий аппарат Временного правительства в заметной мере не смог удержать контроль над страной. Вопрос насколько влияние кадровых эволюций во втором эшелоне могло повлиять на систему, были ли латентные причины снижения уровня и качества управления является предметом данной работы.

В 1917 г. актуализировались революционные запросы – изменение политического строя повлекло за собой изменение системы общественной безопасности, общественного управления, запрос на изменение отношений в сфере труда, земельный вопрос.

Совокупность этих проблем и запросов придает особое значение кадровой составляющей, поскольку важное значение приобретает кто, в каких условиях будет осуществлять управление.

Вопрос о высших чиновниках – министрах, достаточно подробно рассмотрен в историографии. Второму уровню – товарищам министров, внимание уделяется гораздо меньше. Между тем в условиях возрастающей нагрузке на ведомства, политического характера формирования правительства, практически постоянной ротации министров, значение и роль заместителей возрастала.

В данной работе рассмотрены некоторые аспекты функционирования «революционной бюрократии».

Источниковой базой работы являются журналы заседаний Временного правительства¹, а также официальные публикации в газете «Вестник Временного правительства» за 1917 г.

Характер назначений: политический и профессиональный

Временное правительство поэтапно прошло все стадии, характерные для органов власти и управления в 1917 г. – формирование «цензового» органа, его «демократизация» и постепенный переход к профессионализации.

После февральской революции во Временном правительстве объединились де-факто функции центра публичной политики и руководящего органа исполнительной власти. Это получило свое отражение в нехарактерном для органов исполнительной власти Российской империи

резком превалировании политических назначений (над аппаратными и профессиональными) где главенствующую роль играет принадлежность к партии или группе влияния, причем в острых случаях речь идет о персональном участии.

Стремление получить формальный контроль (а не осуществлять непосредственное управление) порождает совмещение должностей. Для Временного правительства характерны двойные (и тройные) назначения: министр-председатель и министр внутренних дел (Г.Е. Львов), заместитель министра председателя и министр иностранных дел (М.И. Терещенко) и финансов (Н.В. Некрасов) и торговли и промышленности (А.И. Коновалов), министр-председатель и военный и морской министр (А.Ф. Керенский).

Персональное участие часто реализуется как перемещение одного и того же лица на должности, зачастую между собой не связанные, что также не порождает непосредственного участия в управлении. Для Временного правительства – это А.Ф. Керенский (юстиции, военный и морской), М.И. Терещенко (иностранных дел и финансов), С.Н. Прокопович (торговли и промышленности и продовольствия), А.И. Шингарев (министерство земледелия и финансов), И.Н. Ефремов (юстиции и государственного призрения), Н.В. Некрасов (путей сообщения и финансов), также связка министр внутренних дел – министр почт и телеграфов (И.Г. Церетели, А.М. Никитин).

Строго говоря, для министров чисто профессиональным можно считать лишь назначение А.В. Ливеровского (МПС), чья карьера была связана с железнодорожным ведомством.

В этих условиях нагрузка по работе ведомства ложилась на товарищей министра.

Второй эшелон оказался подвержен политической специфике назначений в меньшей степени. Межведомственные перемещения носят единичный характер – С.В. Панина занимала должности товарища министра просвещения (с 14.08) и государственного призрения (24.05–12.07). А.Г. Хрущов – земледелия (15.03–25.05) и финансов (с 26.05), причем последний находился в «жесткой связке» со своим другом А.И. Шингаревым.

Более значимым моментом является партийная и «корпоративная» составляющая в таких назначениях. Так, Министерство труда с момента своего создания являлось министерством меньшевиков, Министерство земледелия (с мая) – эсеров (с некоторыми оговорками). Министерство внутренних дел до августа можно назвать кадетским.

Однако в большинстве случаев речь может идти о профессиональных или условно аппаратных назначениях, где опыт работы в профильном

ведомстве или сфере является доминирующим фактором. При этом для товарищей министров характерно отсутствие опыта работы в ведомстве до 1917 г. (исключая трех царских товарищей министров). Однако определенный уровень профессиональной вовлеченности все-же может считаться основным сценарием. При этом уровень этой вовлеченности и его достаточность для осуществления работы в должности требуют отдельной оценки.

Товарищ министра в управлении ведомством

Товарищ министра, осуществляя как правило курирование отдельного направления работы и соответствующих структурных подразделений, обеспечивал подготовку принятия решений по своему направлению и контролировал исполнение. В «политическом» министерстве роль товарищей возрастала, поскольку занятость министра в сфере публичной политики и, зачастую, недостаточная компетентность во всех деталях, не позволяли ему в должной мере оценить предложения и ход их реализации.

Речь может идти также о фактическом и юридическом исполнении обязанностей министра: в МВД (Г.Е. Львов) – возложение непосредственного управления министерством на Д.М. Щепкина (по факту с начала марта) 25 марта²; министерство финансов (Н.В. Некрасов) – М.В. Бернацкий 26 июля назначается товарищем министра с возложением на него управления министерством под общим управлением министра³; в МТиП (А.И. Коновалов) – Н.Н. Саввин – 25 сентября; назначается товарищем министра с возложением...⁴. Были и более экзотические формулировки: В.А. Степанов был назначен в Минторгпром 7 марта «Комиссаром по министерству в помощь министру, предоставлением ему прав товарища министра⁵, с 22 мая (после отставки А.И. Коновалова) – управляющий министерством⁶.

Политическая ситуация в стране приводила к длительным кризисам правительства, в ходе которых требовались оперативно обеспечить управление ведомствами. В этой ситуации прослеживается два варианта: назначение управляющего министерством или возложение управления министерством на товарища министра. В отличие от Российской империи, где назначение управляющих было исключением, в работе Временного правительства оно стало постоянной практикой. Если назначение А. Степанова (22.05–03.07) было вызвано форс-мажором, то постепенно эта практика распространялась (например, назначение В.И. Лебедева, морское министерство (14.06–22.08).

В июльский кризис в правительство вошел как управляющий МВД И.Г. Церетели (10–25.07), госпризрения – А.А. Барышников (10–25.07). 7

июля было принято решение возложить временное заведывание министерствами на товарищей министра в пяти ведомствах (МФ, народного просвещения, госпризрения, МПС, Минюсте)⁷. Однако реализовано оно было не полностью: товарищи вступили в управление в МПС – Г.С. Тахтамышев (11–25.07), Минфине – А.Г. Хрущов (11–7.07) и Миннарпросе – П.Т. Преображенский. Разрешение кризиса политическим путем привело к тому, что во всех случаях были назначены новые министры. Следует отметить и Б.В. Савинкова (управляющий военного, 25.07–30.08, и морского, 22–30.08, министерств), однако это явное политическое назначение.

В сентябре очередной кризис привел к «профессионализации»: за товарищами-управляющими был закреплен статуса министра (Минфин – М.В. Бернацкий и МПС – А.В. Ливеровский. Однако В.Н. Зельгейм (управляющий Минпродом с 3.09) не только не стал министром, но и ушел в отставку.

Это, равно как и частые отсутствия министров на заседаниях правительства, привели к тому, что практика представления ведомств была юридически оформлена.

17 августа было принято постановление Временного правительства, согласно которому определялся порядок присутствия в заседаниях. В деловых заседаниях могли присутствовать министры и товарищи, в отсутствие министров, право решающего голоса имели товарищи, в политических – управляющие⁸.

Присутствие товарищей министров на заседаниях
Временного Правительства
(постоянно или систематически)

		03.03 05.05	06.05 07.07	8–24 июля	25.07 31.08	С 03.0 9
Количество заседаний		70	56	14	29	23
МВД	Щепкин	62	49			
	Салтыков			6		3
Военное	Якубович		35	11	7	6
	Савинков				9	
Морское	Кедров		6			
	Лебедев		11	3		
	Дудоров			3	2	

Минторг-пром	Степанов		36			
	Пальчинский			7		
	Саввин					8
Земледелия	Вихляев		11		4	17
Минфин	Хрущев			6		
	Бернацкий				11	
МПС	Тахтамышев			3		
	Ливеровский			3		
Миннарпрос-вещения	Преображенский			4		
Минюст	Демьянов					15
Минпрод	Зельгейм					10
	Башкиров					4

Такое замещение лишней раз подчеркивает двойную дуалистичность Временного правительства, объединившего в себе законодательные и исполнительные функции и политический и административно-профессиональный принцип формирования.

Нельзя не отметить, что помимо ситуативного включения в работу правительства товарищей министров важным институциональным инструментом управления являлось Совещание товарищей министров, рассматривавшее основной массив требующих принятия решений документов управленческого характера. Решение о создании «Малого совета министров» было принято 8 марта 1917 г.⁹ Совещание для рассмотрения вопросов «которые не имеют принципиального значения и требуют немедленного разрешения» было образовано 19 марта и работало под председательством тов. министра просвещения Д.Д. Гримма¹⁰, товарищей министра юстиции Г.Д. Скаряина (с 12.07)¹¹ А.А. Демьянова (с 25.09)¹². В отличие от Российской империи, руководил Совещанием не министр, а один из товарищей министра.

Увеличение функциональной нагрузки и рост числа должностей товарища министра

Возрастающая нагрузка в решении управленческих задач и необходимость оптимизации процесса управления решались экстенсивным путем. Число должностей товарища министра к октябрю 1917 г. по сравнению с январем увеличилось вдвое (45 по сравнению с 23), а с

учетом вновь образованных министерств – до 55. Всего должности с марта по октябрь занимало 77 человек (без Госконтроля)

Министерство	Товарищей министра на 1 января 1917 г	На октябрь 1917 г.	Всего назначено лиц
путей сообщения	2	4	5
внутренних дел	3	6	9
иностранных дел	2	2	3
юстиции	2	4	5
торговли и промышленности	2	7	10*
народного просвещения	2	4	6
военное	1	4	5
морское	2	2	4
земледелия	2	4	6
финансов	3	5	5
Синод/исповеданий	1	2	2
труда	–	3	4
почт и телеграфов	–	2	3
продовольствия	–	3	6
государственного призрения	–	2	4

* *Н.Н. Саввин – дважды*

Максимальный рост числа должностей пришелся на ведомства, обеспечивавшие ключевые направления социально-экономической жизни – торговли и промышленности (функционально связанное министерство труда); земледелия (функционально связанное министерство продовольствия); финансов, а также МВД.

Динамика отставок и назначений по месяцам показывает два значительных отклонения в отставках – в марте (отставки царских чиновников) и августе (комплекс причин). Число назначений превышает

число отставок, что объясняется созданием новых ведомств и должностей. Видно, что правительственные кризисы не поражали центральный аппарат ведомств в целом.

	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Назначений	20	3	15	10	6	10	3	5
Отставок	11	4	5	5	4	9	4	0

«Срок жизни» в должности как критерий эффективности

Работа в центральном аппарате ведомства подразумевало осведомленность и компетентность в отношении решаемых вопросов и сферы ответственности ведомства. Немаловажную роль играло и понимание принятой в ведомстве бюрократической культуры, в том числе культуры принятия решений. Человек, входящий в ведомство со стороны, был вынужден тратить время для встраивания в систему или реорганизацию ее «под себя».

Собственно, период существования Временного правительства был не столь велик – 8 месяцев (240 дней). В связи с этим, представляет интерес «срок жизни» в определенной должности чиновников высшего управленческого звена.

В целом вновь назначенные товарищи министров пребывали в должности вполне достаточное для адаптации время: четыре месяца и более в должности пребывали более 30 человек. В большинстве они сохранили должность до октября. Два–три месяца – около 30 человек (две трети из которых ушли в отставку, остальные – поздние назначения). Менее двух месяцев в должности пребывали в основном назначенные на должность в сентябре.

Для Временного правительства характерны следующие сценарии появления и «жизни» товарищей министров в ведомствах:

- наращивание структуры (постепенное увеличение числа должностей) – Министерство финансов, Министерство юстиции.
- эволюционная замена (плавные отставки, отчасти с увеличением числа должностей) – Министерство иностранных дел, МПС, Синод / Министерство исповеданий, Министерство труда, Министерство почт и телеграфов.
- замена «команды» частичная (замена министров, опосредовано влияла на отставки группы товарищей министра) – Министерство

земледелия, Министерство народного просвещения. Военное министерство.

– замена «команды» полная (единовременная замена ключевой группы или всех товарищей министра) – МВД (02.08)¹³, Морское министерство (01.06); Министерство продовольствия (16/20 сентября, связана с назначением на пост министра С.Н. Прокоповича (16.09), Министерство государственного призрения (12/19.07)¹⁴.

Министерство торговли и промышленности сочетало все сценарии.

Реорганизация правительства и замена министра таким образом не всегда коррелировали с изменениями во втором эшелоне.

«Командный» принцип в истории российских государственных учреждений не являлся доминантным. Основным недостатком такого принципа является тесная связь лидера и команды – отставка министра, как правило, влечет за собой отставку всех или большинства руководителей ведомства. В 1917 г. проявились другие варианты «командного» подхода, когда смена министра не влекла за собой смену команды – скорее новый министр был членом той же широкой «команды» из той же группы.

Таким образом, мы видим, что в период существования Временного правительства из-за доминирования политического принципа в его формировании роль и фактический статус товарища министра заметно выросли. Решение проблемы нагрузки чиновника решалось экстенсивным путем, за счет увеличения числа должностей. Сроки пребывания в должности представляются в целом достаточными для вхождения в повседневную работу ведомства, однако большое влияние имеет конкретное ведомство.

Примечания

¹ Журналы заседаний временного правительства (ЖЗВП): Март – октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март – апрель 1917 г. М., 2001; Т. 2. Май – июнь 1917 г. М., 2002; Т. 3. Июль – август 1917 г. М., 2004; Т. 4. Сентябрь – октябрь 1917 г. М., 2004.

² Вестник Временного правительства. 1917. 29 марта (№ 19).

³ ЖЗВП. Т. 3. № 149. 26 июля. С. 190.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 3 октября (№ 167).

⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта (№ 3).

⁶ Вестник Временного правительства. 1917. № 61; ЖЗВП. Т. 2. № 86. 21 мая. С. 123.

⁷ ЖЗВП. Т. 3. № 125. 7 июля. С. 62.

⁸ ЖЗВП. Т. 3. Особый журнал заседания. № 157а. 17 авг. С. 369.

⁹ ЖЗВП. Т. 1. № 12. 8 марта. С. 56.

¹⁰ ЖЗВП. Т. 1. № 24. 19 марта. С. 132.

¹¹ ЖЗВП. Т. 3. № 128. 11 июля. С. 82.

¹² ЖЗВП. Т. 4. № 177. 25 сентября. С. 209.

¹³ Отложенная отставка товарищей министра – кадетов. 9 июля принципиально согласившись на ходатайство об отставке Д.М. Щепкина, С.Д. Урусова и С.М. Леонтьева и В.В. Вырубова Временное правительство предложило им исполнять обязанности до назначения преемников (См.: Вестник Временного правительства. 1917. 9 июля. № 100).

¹⁴ 7 июля была утверждена отставка Д.И. Шаховского с поста министра, кадеты – товарищи министра (Панина и Бакунин) подали прошения об отставке.

С.Н. Базанов

Институт российской истории РАН

Объединительное значение I Всероссийского съезда сестер милосердия (август 1917 г.)

Аннотация

Статья посвящена малоизученной проблеме объединения разрозненных общин сестер милосердия в России в годы Первой мировой войны в единый Всероссийский союз сестер милосердия. Он был создан на I Всероссийском съезде сестер милосердия, проходившем в Петрограде 25 августа – 3 сентября 1917 г. Создание союза позволило решить важнейшие вопросы, накопившиеся перед сестринскими общинами за годы войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, общины сестер милосердия, I Всероссийский съезд сестер милосердия, Всероссийский союз сестер милосердия, Российское общество Красного Креста.

S.N. Bazanov

Institute of Russian History Russian Academy of Sciences

The unifying significance of the first All-Russian congress of sisters of mercy (august 1917)

Abstract

The article is devoted to the little-studied problem of uniting disparate communities of sisters of mercy in Russia during the First World War into a single All-Russian Union of Sisters of Mercy for the whole country. It was created by the First All-Russian Congress of Sisters of Mercy, held in Petrograd on August 25–September 3, 1917. The creation of the union made it possible to resolve the most important issues that had accumulated before the sisterhood communities during the war years.

Keywords: World War I, communities of sisters of mercy, I All-Russian Congress of Sisters of Mercy, All-Russian Union of Sisters of Mercy, Russian Red Cross Society.

Уже в первые месяцы начавшейся мировой войны выявилась насущная необходимость в организации широкомасштабной медицинской помощи фронту, а также не только активизировалась деятельность существующих общин сестер милосердия с постоянным штатом, но и развернулся широкий набор нового персонала – сестер военного времени. В связи с этим за годы Первой мировой войны корпус сестер милосердия вырос до небывалых прежде размеров. Только по официальным данным, на нужды армии в годы войны работали около 25 тыс. общинных сестер и сестер милосердия военного времени, прошедших кратковременные курсы, и более 100 тыс. сестер-добровольцев, не имевших специальной медицинской подготовки¹.

К кануну войны в России действовали 109 общин сестер милосердия, при которых были открыты 84 больницы на 2559 коек, 9 родильных приютов, 120 амбулаторий и 10 аптек. Кроме того, функционировали приюты для инвалидов, неизлечимо больных, отставных военнослужащих и их детей, вдовий дом, 4 убежища для отставных сестер милосердия, а также лепрозорий и ряд других медицинских учреждений².

Вполне понятно, управлять таким большим количеством медицинского персонала, распределенного по всей стране и действующей армии, было крайне трудно. Ведь для решения служебных вопросов сестрам милосердия было необходимо сначала обратиться в свою общину, а потом в Главное управление Российского общества Красного Креста. Это было весьма хлопотным, а главное длительным процессом, и на деле выходило так, что эти вопросы практически оставались нерешенными. В связи с этим появилась острая необходимость в специальном органе по управлению сестрами милосердия во всероссийском масштабе. Однако царское правительство, занятое военными задачами, не торопилось с

решением этой проблемы, к тому же вообще не приветствовалось создание каких-либо общественных или профессиональных организаций.

Вскоре после победы Февральской революции произошло реформирование общин сестер милосердия на демократических началах. Прежде всего был изменен устав общин, введено выборное управление, упразднен институт попечителей и старших сестер милосердия, а также уравниены в правах все без исключения сестры. В каждой общине был создан совет сестер милосердия в составе председателя, товарища председателя, секретаря, казначея и заведующего хозяйством. Председателем, как правило, избирали настоятельницу общины.

Кроме того, на местах сестры милосердия стали объединяться в комитеты (по аналогии с солдатскими). Кроме того, в Петрограде, где находилось наибольшее количество общин сестер милосердия, часть из них объединилась в Союз петроградских общин сестер милосердия, избрав из своих представителей Исполнительный комитет³. Исполком ставил цель сплотить все петроградские общины вокруг себя, так как, имея единое управление, можно было успешнее добиваться решения своих задач. Ведь до этого каждая община при необходимости вынуждена была самостоятельно обращаться в Главное управление Российского общества Красного Креста при том, что все они имели одинаковые задачи, которые целесообразно было решать сообща. Исполнительный комитет Союза петроградских общин сестер милосердия сделал запрос в Главное управление Российского общества Красного Креста с просьбой принять его как временный орган будущего Всероссийского союза сестер милосердия. Для этого Исполком просил предоставить ему представительство в Главном управлении Российского общества Красного Креста для участия в его работе⁴.

Вскоре в состав Союза петроградских общин сестер милосердия вошли все столичные общины и состоялось его учредительное собрание. Все делегаты единогласно высказались за необходимость создания Всероссийского союза сестер милосердия. Кроме того, собрание постановило обязать Исполком Союза петроградских общин оповестить все российские общины об этом решении. Предлагалось от каждой общины выделить делегатов для проведения Всероссийского делегатского съезда.

I Всероссийский съезд сестер милосердия состоялся в Петрограде 25 августа – 3 сентября. На нем единогласно была принята резолюция о создании Всероссийского союза сестер милосердия⁵. В ходе работы съезд также избрал Центральное управление Союза, а в один из завершающих дней, 1 сентября, выработал Устав Всероссийского союза сестер милосердия, который ставил задачей «объединить сестер всех ведомств на

почве профессиональных и общественных интересов в целях организации взаимопомощи; оказания материальной поддержки потерявшим трудоспособность; достижения улучшения условий труда; поднятия уровня участия сестер в общественной жизни страны»⁶.

Помимо того, делегаты съезда сочли необходимым обязать Центральное управление Союза рассмотреть правовое и экономическое положение сестер, разработать проекты улучшения их быта и проведение всех этих мероприятий в жизнь через правительственные и общественные организации и учреждения. С этой целью члены Центрального управления были делегированы в Главное управление Российского общества Красного Креста, в Земгор (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов), в Медицинско-санитарный совет, в Совет профессиональных нужд и в ряд других государственных и общественных организаций.

Согласно принятому съездом Уставу сестры милосердия должны были вступать в Союз через свои общины, которые платили вступительный взнос, а затем – ежемесячные взносы. Община должна была предоставить списки своих сестер в районный отдел Союза. Там же, где местный отдел отсутствовал, община, согласно Уставу, могла открывать его самостоятельно, сообщив об этом в Центральное управление Союза. Затем община должна была ознакомиться с Уставом Союза, созвать общее собрание сестер милосердия и избрать правление учреждаемого отдела. При этом сестры милосердия общины обязательно становились членами Союза. Таким образом, I Всероссийский съезд сестер милосердия имел огромное объединительное значение, заключавшееся в том, что на нем был создан единый для всей страны союз сестер милосердия.

Поясним: Центральное управление Всероссийского союза сестер милосердия в организационном отношении подчинялось Комитету по реорганизации Российского общества Красного Креста и Центральной коллегии по управлению делами общества. При этом Союз сестер милосердия был привлечен к участию в управлении обществом Красного Креста, но с правом совещательного голоса.

Следует особо отметить, что деятельность Союза была довольно масштабной. В условиях мировой войны и политической нестабильности в стране сестры милосердия сумели объединиться в крупную организацию, которая за короткое время, отпущенное ей историей, смогла решить важнейшие вопросы, назревшие перед разрозненными общинами сестер милосердия. Благодаря настойчивости сотрудников Центрального управления Союза, материальное положение сестер милосердия существенно улучшилось. Была повышена заработная плата, значительно

усовершенствована система пенсионного обеспечения, введены твердые гарантии условий труда сестер милосердия. Кроме того, Союз активно занялся повышением профессионального уровня сестер. В частности, начали функционировать дополнительные повторные курсы для сестер милосердия военного времени; для женщин, служащих сестрами, но не имеющих диплома, при общинах организовали специальные школы.

В целом можно отметить достаточно активную и продуктивную деятельность Союза. Именно благодаря ему началось основательное реформирование сестринского дела. В перспективе сестры милосердия могли превратиться в серьезную профессиональную корпорацию, имеющую обширный и уникальный опыт медицинского служения.

После выхода России из мировой войны Союз провел весной 1918 г. демобилизацию сестер милосердия. Центральное управление Союза понимало, что всех их устроить в медицинские учреждения не удастся, так как демобилизованных сестер было значительно больше, чем вакансий. Поэтому для их трудоустройства было принято решение повсеместно создавать профессиональные курсы, где сестры могли бы обучаться, например, стенографии, бухгалтерскому делу, кройке и шитью и другим востребованным специальностям. Вместе с тем Союз планировал открыть железнодорожные и почтово-телеграфные курсы. Сестры милосердия, желавшие продолжить обучение, могли пройти курсы подготовки к сдаче экзаменов в любой класс гимназии. Их также должны были принимать в высшие учебные заведения.

Кроме того, часть демобилизованных сестер милосердия планировалось привлечь к работе на местах. Союз хотел, чтобы в каждом сельском населенном пункте был создан медпункт. Однако осуществлению этого плана помешала начавшаяся в стране Гражданская война.

В годы Гражданской войны советская власть потребовала от Союза провести мобилизацию сестер милосердия в Красную армию. Частично это удалось, но на территориях, контролируемых белыми, они тоже были мобилизованы. Причем отметим: определенная часть сестер и к красным и к белым шла добровольно.

Следует отметить, что, как и царское правительство, советское не любило какие-либо общественные организации, неподконтрольные ему, подозревая их в антисоветской деятельности. В связи с этим под давлением новой власти 26 февраля – 1 марта 1919 г. в Москве провели III делегатский Чрезвычайный (ликвидационный) съезд Всероссийского союза сестер милосердия. На нем приняли решение об объединении Союза с существующими профессиональными союзами медицинских работников во Всероссийский профессиональный союз рабочих и служащих лечебно-

санитарных учреждений⁷. Таким образом, Чрезвычайный съезд поставил точку в деятельности Союза.

В заключение подчеркнем, что Первая мировая война стала завершающим этапом сестринского служения в дореволюционной России. Сестры милосердия, являясь незаменимыми помощницами врачей, также стремились окружить своих подопечных поистине сестринской заботой, вселить в них надежду на выздоровление, повысить моральный и боевой дух.

Примечания

¹ *Срибная А.В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М., 2015. С. 163.

² *Чистяков О.В.* Российское общество Красного Креста // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. В 3 т. Т. 3. М., 2014. С. 79–80.

³ *Срибная А.В.* Указ. соч. С. 163.

⁴ Там же.

⁵ Искры. 1917. 27 мая (№ 19).

⁶ *Срибная А.В.* Указ. соч. С. 164.

⁷ Там же. С. 176.

Конституционный проект осени 1917 г.:
неудавшаяся попытка спасения демократии в России

Аннотация

Статья посвящена деятельности Временного правительства в последние месяцы его существования. Автор уделяет внимание мерам Правительства по урегулированию ситуации после корниловского мятежа; обсуждению политической обстановки в Петрограде и действий политических сил, которые прямо влияли на политику Керенского и деятельность государственного аппарата. В статье рассматривается конституционный проект, который предполагал демократическое правление с чертами правового государства, но в силу политической нестабильности не был принят, и начинания буржуазно-демократической революции сошли на нет.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, корниловский мятеж, Демократическое совещание, Особая комиссия Юридического совещания, конституционный проект, Керенский, большевики, Российская республика.

A.A. Olifirenko
Saratov state law Academy

Constitutional project of the autumn of 1917:
a failed attempt to save democracy in Russia

Abstract

This article is devoted to the study of the activities of the Provisional government in the last months of its existence. Attention is paid to the consideration of measures to resolve the situation after the Kornilov revolt; to the consideration of the political situation in Petrograd; to the actions of political forces after the revolt, which directly influenced the actions of Kerensky and his state administration apparatus.

The article also presents an analysis of the constitutional project that could establish a democratic government with the features of the rule of law already on legal grounds. However, due to the ferment of the political forces of the Bolsheviks, this project was not approved and all the beginnings of the bourgeois-democratic revolution came to naught.

Keywords: February revolution, the provisional government, the Kornilov revolt, the Democratic conference, the special Commission of the Legal conference, the constitutional project, Kerensky, the Bolsheviks, the Russian Republic.

Создание правового государства в современной России требует изучения исторического опыта, который был получен в период революционных потрясений 1917 г. Тогда были предприняты попытки демократических преобразований, которые могли способствовать формированию правового государства. Требуется историко-правовой анализ нормативных документов того времени, и прежде всего – конституционного проекта созданного Особой комиссией Юридического совещания в сентябре – октябре 1917 г., основанного на опыте передовых стран того времени. Несмотря на то, что этот проект так и не был реализован, его изучение важно с точки зрения понимания ментального климата изучаемой эпохи. Идеи, которые были высказаны авторами проекта, созвучны современным стремлениям сторонников демократического развития России.

Рассматриваемая тема была частично изучена в отечественной историографии. После эмиграции большей части тех личностей, которые стремились сохранить демократическую власть в выработанных нормативно-правовых документах, была выпущена лишь одна и единственная статья 1947 г. профессора С.Л. Ронина¹. В статье он попытается проанализировать конституционный проект осени 1917 года. Вторая известная работа – статья С.В. Левчука от 2008 г.², где он частично рассмотрел источники проекта конституции. После этой публикации, отдельные исследователи добивались и до этой темы Среди них, в частности, Д.В. Токарева³, Ю.Л. Шульженко⁴, И.Л. Данилевская⁵, М.Ю. Шарапов⁶, Н.А. Шеуджен с М.Р. Хоконовой⁷ и др. Событиям 1917 года посвящены фундаментальные монографии А.В. Шубина⁸, Б.Н. Колоницкого⁹.

Однако не были изучены объективные причины несостоятельности конституционного проекта. В связи с таким положением дел – необходимо разобрать данный вопрос, отталкиваясь не только от работ исследователей,

но и опираясь на мемуары и протоколы заседаний правительства, хранящихся в оцифрованном виде в Президентской библиотеке¹⁰, также отдельного внимания заслуживает Красный архив, где были собраны все переговоры комиссии по конституции¹¹.

Цель статьи – изучить причины разработки нормативно-правовых документов, направленных на спасение демократических основ развития России в условиях нарастания большевистской угрозы в сентябре – октябре 1917 г.

Основными задачами являются:

1) проанализировать события, происходившие в Петрограде рассматриваемого периода, которые прямо влияли на принятие решений Временного правительства.

2) рассмотреть предложенный Особой комиссией Юридического совещания конституционный проект для спасения и закрепления демократических институтов власти;

3) выяснить, как события осени 1917 г., оценивали деятели русской революции, как они видели причины неудачи конституционного проекта.

После падения монархии в ходе Февральской революции к власти в стране пришло Временное правительство из 12 человек, и оно было призвано «удерживать» власть до Учредительного собрания, где и будет принято решение о будущем государственном строе на территории бывшей Российской империи.

Нестабильное положение в стране спровоцировало корниловский мятеж в августе 1917 г. На его подавление глава Временного правительства Керенский призвал все социалистические силы. Думается, что и Корнилов и Керенский проиграли в этом конфликте. Мятежного генерала посадили в тюрьму, а «вождь революции» Керенский стал терять базу своей поддержки¹².

Параллельно с этим стало необходимо разрешить все проблемы, связанные с последствиями мятежа. Для этого, при содействии М.И. Терещенко (министр иностранных дел), была разработана резолюция о создании чрезвычайного органа власти – Директории. Последовавшее одобрение этой инициативы левыми силами содержало оговорку, что в новый орган не должны войти кадеты.

1 сентября 1917 г. был оглашён состав Директории, которую возглавил сам А.Ф. Керенский вместе с соратниками. В этот же день «...Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику»¹³.

В завершение дня ВЦИК предложил провести Демократическое совещание для решения вопроса об организации власти, способной

довести страну до Учредительного собрания¹⁴.

Оно действительно состоялось 14–22 сентября и изначально сформировалось три крыла, которые преследовали свои цели: правое крыло меньшевистско-эсеровского блока – коалиция с буржуазией; центристы – однородное социалистическое правительство; левое крыло – власть Всероссийскому съезду Советов. Однако в конечном итоге была поддержано предложение И.Г. Церетели (1-е крыло) передать окончательное решение вопроса о власти «Временному Совету республики» или Предпарламенту, избранному из числа делегатов совещания. 22–24 сентября шло обсуждение о формировании нового правительства, а 25 числа – уже сформировалось третье коалиционное правительство Керенского. В это же время произошёл переворот в Петроградском Совете и новым председателем стал Л.Д. Троцкий. Отсчёт до нового переворота пошёл¹⁵.

Временное правительство не подозревало об этом, а потому решало дела с фронтом, Керенский был воодушевлён вхождением в Антанту США. Терещенко готовится к новой конференции союзников. Четверной союз уже трещал по швам, и новые наступления Антанты с двух фронтов могли бы добить коалицию агрессоров.

Уже 4 октября в газете «Русские ведомости» появились «детали» расследования мятежа Корнилова, с этого началось изображение Керенского политически шарлатаном и мошенником. А "ленинские газеты, вроде «Рабочего пути» и многих других большевистских изданий, с готовностью перепечатывали все эти публикации"¹⁶.

Стало окончательно ясно, что демократическая революция перейдёт в иное русло «диктатуры пролетариата», лозунги которой начали скандировать люди на улицах.

Эти обстоятельства вынудили Временное правительство взяться за разработку нового демократического законодательства. Для этого была учреждена Особая комиссия Юридического совещания по составлению проекта основных государственных законов¹⁷ под председательством Н.И. Лазаревского (совмещал должность с председателем Юридического совещания при Временном правительстве). Также в состав комиссии были привлечены иные правоведы (преимущественно из партии кадетов): А.А. Боголепов, М.М. Винарев, В.М. Гессен, В.Ф. Дерюжинский, С.А. Котляровский, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде и др.

Необходимо было выработать Конституцию новой страны и в её основу должны быть положены: 1) торжество народного верховенства, с чем связан вопрос о форме правления (монархия или республика); 2) широкое развитие местного самоуправления; 3) признание и обеспечение широкой индивидуальной свободы граждан¹⁸.

Комиссия рьяно вырабатывала новые положения. Стоит учесть нарастание градуса полемики в вопросе о структуре органа народного представительства (законодательного собрания, парламента). А.М. Кулишер и Б.Е. Шацкий выработали «Тезисы по вопросу о верхней палате»¹⁹.

20 октября 1917 г. началось самое одиозное заседание комиссии, обсуждался «представленный А.М. Кулишер и Б.Е. Шацким доклад о двухпалатной и однопалатной системе»²⁰.

Не было оснований к опасению утверждения верхней палаты, которая по мнению И.А. Ивановского, «идет вразрез с интересами демократии. Согласно основным положениям доклада, имеется в виду образовать верхнюю палату на основах, отнюдь не умаляющих права парламента»²¹. Здесь же, указал А.Ф. Мейендорф, следующее: «в докладе слишком отразилась боязнь одиозности верхней палаты, а равно сквозило стремление заранее защитить ее от нападков и доказать, что она не может быть вредной»²². Обе палаты должны быть равноправны. Хотя и следует считаться с особенностями положения текущего момента, но, «Принимая во внимание, что политическая ситуация меняется, идти уже на уступки — преждевременно»²³.

Члены комиссии анализировали опыт европейских государств для обеспечения демократических преобразований пост-революционного российского общества. Они стремились дать полный максимум для экстраполяции опыта и Французской конституции 1789–1791 гг. и Прусской конституции 1850 г. и иных документов на современные реалии Российской республики.

Комиссия высказалась за включение в конституцию декларацию демократических принципов, наполнив формулировки определенным юридическим содержанием, актуальным и для ведущих стран мира. Такие действия мотивировались в виду то «громдное воспитательное влияние»²⁴, которое, в свою очередь был излишним, как для подданных Великобритании, так и для граждан Франции, а в России – наоборот, крайне важно, «так как самые принципы недостаточно вошли в сознание народа и его органов»²⁵. Согласно мнению комиссии, в данной декларации должны быть зафиксированы права свободы граждан на определенные услуги со стороны государства – в первую очередь права позитивного статуса. Также, в неё будет включён перечень основных обязанностей граждан.

С 11 по 24 октября эта комиссия разрабатывала проект конституции. По этому проекту Россия становилась президентской буржуазной республикой с двухпалатным парламентом. Исключительно широкие полномочия президента по своей структуре напоминали компетенцию

царя, а две палаты парламента – старые Госсовет и Госдуму²⁶.

Работа комиссии была прервана Октябрьским восстанием. И с приходом к власти большевиков все надежды на реформистский путь с его либеральными конституционными началами канули в лету.

Уже находясь в эмиграции, Александр Керенский подытоживал последствия прерывания становления демократии в России, при этом, подчёркивая исключительно отрицательные аспекты новой большевистской власти: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений... Русский народ никогда не добьется ни общественного благосостояния, ни благ образования, ни внутреннего порядка, ни международной безопасности, пока большевики держат Россию в тисках партийной диктатуры»²⁷.

Но, если отойти от оценки «Вождя» Февральской революции на действия большевиков, и рассмотреть причины несостоятельности русской демократии с другой стороны, то можно прийти к оценке меньшевика Церетели, который считал, что: «Вся проблема революционной демократии свелась, особенно после июльских событий, к центральной задаче создания сильной демократической власти. И крушение Февральской революции произошло оттого, что революционная демократия не сумела справиться с этой задачей»²⁸.

Если взглянуть на эти события и на события мировые, то становится ясно, что одной из ключевых причин падения демократии является Мировая война, вытягивающая все силы из страны, с другой стороны – правовой нигилизм русского общества. «В России право всегда понималось не как свобода, а как принуждение, личность не являлась субъектом свободы, а должна была подчиняться сверхиндивидуальному началу, которое признавалось высшей ценностью»²⁹. В этом и кроется многовековая проблема русского народа, в правовом нигилизме, это и является одной из основных причин заторможенности создания правового государства, ведь люди не верят в закон, который жёстко и неукоснительно диктует правительство.

Примечания

¹ См.: *Ронин С.Л.* Конституционные проекты Временного правительства России // Советское государство и право. М., 1947. № 4. С. 1–36.

² См.: *Левчук С.В.* Конституционные проекты Временного правительства России в 1917 году // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2008. С. 4–7.

³ См.: *Токарева Д.В.* Конституционное законотворчество и проект Основного закона Временного правительства // Ученые записки ОГУ. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-zakonotvorchestvo-i-proekt-osnovno-go-zakona-vremennogo-pravitelstva> (Дата обращения: 20.10.2020).

⁴ См.: *Шульженко Ю.Л.* У истоков современного российского конституционализма // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-sovremennogo-rossiysko-go-konstitutsionalizma> (Дата обращения: 20.10.2020)

⁵ См.: *Данилевская И.Л.* Идеи парламентаризма в трудах Н.И. Лазаревского // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 2 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-parlamentarizma-v-trudah-n-i-lazarevskogo> (Дата обращения: 20.10.2020)

⁶ См.: *Шарапов М.Ю.* В поисках исторической альтернативы: основные идеи проектов конституционных реформ Российской империи 1917 года // Эпоха науки. 2018. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-istoricheskoy-alternativy-osnovnye-idei-proektov-konstitutsionnyh-reform-rossiyskoj-imperii-1917-goda> (Дата обращения: 20.10.2020)

⁷ См.: *Шеуджен Н.А., Хоконова М.Р.* Разработка Временным правительством конституционных проектов и их содержание // Общество и право. 2019. № 4 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-vremennym-pravitelstvom-konstitutsionnyh-proektov-i-ih-soderzhanie> (Дата обращения: 20.10.2020)

⁸ См.: *Шубин А.В.* Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2017.

⁹ См.: *Колоницкий Б.И.* Революция 1917 года. М.: Эксмо, 2018.

¹⁰ См.: Протокол заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов I созыва от 27–28 августа 1917 г. с приложением принятой на заседании резолюции о поддержке Временного Правительства в его борьбе с заговором Корнилова. URL: <https://www.prlib.ru/item/679604> (Дата обращения 22.10.2020)

¹¹ См.: Красный архив. 1928. № 3. С. 112–140.

¹² *Колоницкий Б.И.* Революция 1917 года. М., Эксмо, 2018. С. 90.

¹³ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 170. Л. 13. URL: <http://projects.Rusarchives.ru/statehood/07-28-rossia-respublika.shtml> (Дата обращения: 25.10.2020)

¹⁴ См.: *Керенский Ф.А.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Изд. центр "Терра": Кн. лавка-РТР, 1996. С. 247.

¹⁵ См.: *Спицын Е.Ю.* Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. III. М.: Концептуал, 2017. С. 37.

¹⁶ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Изд. центр "Терра": Кн. лавка-РТР, 1996. С. 256.

¹⁷ См.: История Государства и права России: Учебник для вузов / Под ред. Чибиряева С.А. 1998. С. 528. Гл. 10. § 3. URL: <https://sci.house/>

prava-gosudarstva-istoriya-scibook/istoriya-gosudarstva-prava-rossii-uchebnik.html (Дата обращения 18.10.2020).

18 См.: Вестник права. 1917. № 20. С. 412–413.

19 *Кудинов О.А.* Проект Основных законов Российской республики 1917 г., разработанный Юридическим совещанием при Временном правительстве // Известия высших учебных заведений. Сер. «Правоведение». 2003. № 1. С. 223.

20 Красный архив. 1928. № 3. С. 132.

21 Там же. С. 135.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же. С. 125.

25 Там же.

26 См.: *Кара-Мурза С.Г.* История советского государства и права. М.: Былина, 1998. С. 13.

²⁷ *Керенский А.Ф.* Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. С. 383.

²⁸ *Церетели И.Г.* Кризис власти. М.: Луч, 1992. С. 272.

²⁹ *Медушевская Н.Ф.* Правовой нигилизм в России // Вестник Московского университета МВД России. 2007. С. 25.

О.А. Шашкова
*Российский государственный гуманитарный университет,
Российский государственный архив литературы и искусства*

«Революция в печати» начала XX века.
Судьба Марии Малых

Аннотация

Через призму драматической судьбы известной русской издательницы социалстки Марии Александровны Малых (1879–1967 гг.), которая являлась одним из организаторов большевистского издательства «Вперед», затем издательства Временного правительства «Освобожденная Россия» и ряда других, рассматриваются ключевые моменты зарождения отечественного оппозиционного книгоиздания начала XX в.

Ключевые слова: оппозиционное книгоиздание, Мария Малых, революция.

O.A. Shashkova
*Russian State University for the Humanities,
Russian State Archives of Literature and Art*

«Revolution in publisher» in the early 20 century.
The fate of Maria Malykh

Abstract

The report, through the prism of the dramatic fate of the famous Russian socialist publisher Maria Aleksandrovna Malykh (1879–1967), who was one of the founders of the Bolshevik publishing house «Vperyod», then the publishing house of the Provisional Government «Liberated Russia» and a number of others, examines the key moments of the birth of domestic opposition XX century.

Keywords: opposition book publishing, Maria Malykh, revolution.

Мария Александровна Малых – первый публикатор многих работ Плеханова, Ленина, Горького, положившая начало большевистскому издательству «Вперед», а затем сотрудница советских издательств, наконец, персональная пенсионерка союзного значения, – стала героиней лишь скромных статей и одной небольшой книги авторства ее внучки¹. В постсоветское время судьбе книгоиздательницы было посвящено три работы².

Подлинным путеводителем в лабиринте жизни Марии Александровны является ее архив, который она собирала и хранила всю жизнь, начиная с отрочества, а в конце пути тщательно редактировала³.

Саму себя на склоне лет Мария Александровна называла «книжной», и именно книги считала своими подлинными друзьями и близкими:

Я ... «всерьез» приняла книги. Я ... жила по книгам и себя сделала «по книге». А такие в жизни вовсе не нужны, таких жизнь бьет. И потому я подошла к концу жизни вся не только «избитая», но и разбитая...»⁴.

Жизнь этой незаурядной женщины началась августовским днем 1879 г., когда в семье иркутского купца, владельца оптовой торговли и золотого прииска Александра Герасимовича Малых (1850–1895 гг.) и его супруги, дочери томского купца Евдокии Иоакимовны (1848–1925 гг.), на свет появился их пятый ребенок – Мария; затем родился еще брат Сергей.

Глухие упоминания, обрывки семейных разговоров о близком когда-то знакомстве родственников с декабристами, о народовольческих устремлениях дяди Марии не прошли бесследно. С 10 лет она начала вести дневник, записывая одолевавшие ее мысли о собственном предназначении, стремлении получить знания, чтобы помочь людям. Уже тогда эта крепкая, не блиставшая красотой девочка, считала своим долгом «жить для других». Но ее альтруизм диктовался не религиозностью, а общим духом времени, весьма критичным по отношению к власти и Церкви. Огромной душевной травмой стала скоропостижная смерть отца. Все заботы легли на плечи матери, отношения Марии с которой складывались непросто. Ее юношеская жажда абстрактной «справедливости» захлестывали все здравые суждения Евдокии Иоакимовны.

Романтика страданий, отрицание ценности собственного счастья были капитальной чертой характера Марии Малых с юности. В уме ей рисовался исключительно идеал борьбы за справедливость. Замужество, дети – только помеха. Отвергнув поприще домашней учительницы по математике, девушка избрала учебу в Женском медицинском институте в Петербурге. Необходимость усиленной подготовки свела семейство Малых с инженером-путейцем Василием Васильевичем Перминовым (1859–1932 гг.). «Милый В.В.» стал для Марии сначала репетитором, затем

другом, потом – самым любимым человеком, которого она, однако, так никогда и не смогла назвать своим мужем.

Именно в столице Мария впервые столкнулась с открытым сопротивлением власти со стороны молодежи, что сразу вызвало ее поддержку и стало представляться «передовыми». Итогом петербургского периода оказалась, однако, не учеба в институте, а переезд в Швейцарию, где осенью 1899 г. Мария Малых стала студенткой Цюрихского университета. Из письма Перминова к Марии от 29 октября:

...Сегодня, моя дорогая Марусечка, ты должна приехать в Цюрих, который с этого дня делается чем-то близким для нас обоих. Здесь пройдут твои лучшие годы за серьезной наукой, за выполнением стремления к давнишней заветной цели. Помоги тебе Бог, моя любимая, хорошая Марусечка, благословляю тебя на серьезный труд ...⁵.

В Цюрихе Малых начала активно посещать не лекции профессоров, а русских политэмигрантов. Здесь впервые познакомилась с работами Г.В. Плеханова, в книгах которого нашла ответы на большую часть мучивших ее вопросов. Именно он убедил Марию заняться изданием дешевых книг для рабочих, причем легальных, прошедших цензуру. Эти издания должны были исподволь воспитывать общественную позицию, сеять недоверие к власти, – и одновременно «замещать» научными знаниями веру в Бога. Этому М. Малых впоследствии долгие годы придавала огромное значение, противопоставляя христианство – учению Дарвина, духовные идеалы – ценностям демократии.

Там же, в Цюрихе, в библиотеке русской колонии она встретила с Иосифом Гаврииловичем Эдельманом (1873–1925 гг.), который стал не только ее мужем, но и оформил идею будущего «Издательства М. Малых». Однако личные качества «Э.», как обычно М. Малых называла Иосифа в своих записях (к моменту встречи уже разведенного отца двух детей), были таковы, что впоследствии она приложила особые усилия, чтобы очистить свой архив от его портретов и переписки.

Их интеллектуальная близость только намечалась, и Мария даже не предполагала, что скоро станет подлинной «Галатеей» Эдельмана, а заодно его сиделкой, матерью их пяти детей, из которых выживут трое. Сам он первоначально смотрел на Марию, скорее, как на удобный «материал», который можно и нужно «использовать до конца и по назначению».

Получив массу рекомендательных писем и тираж «Искры» на тончайшей папиросной бумаге, Мария в конце лета 1900 г. с конспиративной литературой возвращается в Петербург. Все это импонировало ее деятельному характеру. Начались активные контакты с

будущими авторами, первые битвы с цензорами. А Эдельман из Риги, куда он отправился к родным, чтобы подлечиться и завершить учебу, шлет ей письмо—наставление—объяснение в любви:

... Помни же, что я тебя люблю... все скверное далеко от тебя. Твоя чистота святая и целомудренная, и я не такой человек, который, зная тебя, не преклонился бы перед тобою. ... Попросишь ли теперь у Горького его «Песню о Соколе»? дело вот в чем. Разрешение Горького следует использовать, сколько возможно. Если бы мы заполучили его автобиографию и «Песню», нам следовало выпускать эти вещи в целых четырех изданиях: 1) 5000 экз. в «Современной библиотеке» для поддержания престижа нашего издательства, 2) 2000 экз. того же издания, но на лучшей бумаге и с красивой оберткой по 25 коп. 3) 1000 экз. большого формата, это должно быть роскошное издание на китайской бумаге с художественной обложкой и с художественным оформлением... предназначается оно для дам, читающих Горького лежа в качалках на дачах, и на подарок. Посему цена экземпляра может быть рубля 2. Эта книжка должна быть последним словом типографского искусства. 4) Когда эти издания нами будут распространяться, мы должны выпустить 5000 или 10 000 экз. на простой бумаге по 2 коп. или даже 1 коп., чтоб эта «Песня» могла расходиться между крестьянами и рабочими...⁶.

Первая встреча Марии с Горьким оставила в ее душе глубокий след, а его напутствие – «зажигайте других» – она восприняла почти как приказ. Главным в деятельности Малых становится борьба с цензурой и поиск оборотных средств: почти все доходы от изданий вкладывались в новые книги, жертвовались на выпуск «Искры». 22-летняя женщина становится руководителем огромного издательского дела, знакомится с теми, кто совсем недавно были для нее недостижимыми кумирами, – прежде всего с видными социал-демократами.

Учрежденная в самом начале серия «Современная научно-образовательная библиотека» вскоре начала выпускать более серьезную литературу: «Общественно-исторические очерки» К. Каутского, «Классовую борьбу во Франции» К. Маркса с введением Ф. Энгельса и др. Вплоть до осени 1905 г. в этой серии вышло в собственных переводах Марии и Эдельмана более 60 книжек и брошюр, каждая по цене не более 10 коп.

Но успех был куплен очень дорогой ценой: нередко голода, огромного напряжения сил, почти круглосуточной работы. Вскоре удалось организовать на 10-й линии Васильевского острова и собственную типографию. Здесь поселилась она сама вместе с Эдельманом, завершив

«революцию» в личной жизни: после бурного объяснения Иосифа с В.В. Перминовым (к тому времени отцом четверых детей) Мария забирает всю переписку с любимым человеком, ... чтобы через 14 лет, когда семейная драма окончательно опустошит ее, вновь начать «роман в письмах».

Тем временем в «Издательстве М. Малых» приступают к выпуску трех книжных серий: «Общедоступная читальня», «Страницы альбома», «Странички из записной книжки». В ноябре 1902 г. деятельность «Издательства М. Малых» удостоилась специального доклада цензора Н.И. Пантелеева, проанализировавшего 13 брошюр. Он точно угадал, что выпуск дешевых просветительских изданий, а между ними – явно «тенденциозных», нередко и марксистских, – это не случайность; причем цена играет здесь ведущую роль, ибо именно таким образом эта литература начинает «работать» в самых низших слоях, прививая соответствующие настроения.

Зимой 1902/1903 г. Мария вместе с Эдельманом, выехав на лечение за границу, познакомились с В.И. Лениным. Так родились новые издательские планы. В этот период она издает невероятное количество переводов ведущих немецких, австрийских, французских социалистов, десятки произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также К. Каутского, Э. Бернштейна, А. Бебеля, Ф. Меринга, В. Либкнехта и ряда других авторов, не говоря о российском социал-демократе: Устав РСДРП, принятый на I съезде, Программу II съезда партии и др.

Многочисленные переводные издания делались как бы силами соратников Ленина, но в действительности бесконечно правились, редактировались, иногда переводились заново Эдельманом и самой Малых. Впоследствии В.И. Ленин писал: «Малых дала заработок куче здешних лиц, коих партия содержать не в силах. Не забывайте этого»⁷. Сама она позже скупно обмолвилась, что переводы оплачивались по самой высокой существовавшей тогда в России ставке, то была форма поддержки большевиков, однако работа выполнялась из рук вон плохо⁸. Это были почти убытки, так как цена книжек редко доходила до 20–25 коп., а обычно колебалась около 2–5 коп.

Активность издательницы, ее оппозиционность послужили поводом к идее большевиков организовать на базе «Издательства М. Малых» собственное, но под ответственностью Марии Александровны. Проект был явно невыгоден ей, так как пожертвования в фонд партии составили бы более половины заработка, а выплачиваться деньги должны были по первому требованию. Но ее воодушевляла мысль, что она может быть полезной великому делу свержения власти в России. Впрочем, сотрудничество М.А. Малых со всеми оппозиционерами (и выпуск в августе 1905 г. плехановского «Дневника социал-демократа», где

недвусмысленно критиковался Ленин) и стало в итоге причиной решения большевиков организовать собственное издательство ... за счет Марии Малых. Осенью 1905 г. Анна Ильинична Ульянова попросила пожертвовать только что отпечатанный 60-тысячный тираж брошюры «К деревенской бедноте» – «так просил Ильич». Малых бесплатно, молча отдала все, что и положило начало большевистскому издательству «Вперед».

Сама Мария Александровна продолжала жертвовать ЦК РСДРП деньги – и напрямую, и «за переводы», предоставлять свою квартиру для проживания приезжавших из эмиграции соратников Ленина, транспортировать нелегальную литературу. Однако в партию она так и не вступила. С одной стороны, таково было решение «центра», так как выпускать многотысячными тиражами дешевую литературу нелегально было немисливо, а партийного директора привлекли бы к ответственности сразу. С другой, – от раскола в российской социал-демократии устали все, кроме Ленина с ближайшими соратниками и некоторых меньшевистских лидеров. И поощрять этот раскол выбором не следовало. Эту независимость суждений, трезвое отношение к любым авторитетам Мария Александровна хранила всю жизнь. Ее вынужденная беспартийность стала в итоге формой идейной свободы.

Бурную издательскую деятельность, результаты которой плохо поддаются учету (несколько каталогов изданной литературы с сотнями названий неполны) и которая почти 40 раз прерывалась конфискациями отпечатанных тиражей, в 1909 г. завершил судебный процесс. С него Малых сбежала прямо из зала суда под прикрытием адвоката О.О. Грузенберга. Она снова оказалась в Швейцарии, куда вскоре приехал Эдельман с детьми. И там же начались самые тяжкие, самые голодные и морально опустошившие ее годы.

Здесь было все: новые издательские планы – и их провал, аренда небольшого хутора, чтобы можно было прокормиться и собрать самую крупную в Европе библиотеку-музей подцензурной печати («Стан свободы»), – и почти полное разорение, рождение еще троих детей – и смерть двоих из них...

Дни полного голода становились нормой. В один из них она, после 14-летнего молчания, Мария решила послать весточку «В.В.» – Перминову. Два его письма, несколько сотен рублей буквально спасли не только от голода, но и от самоубийства, – такие мысли все чаще приходили Малых в голову. Но эти же письма стали причиной страшного скандала, после которого жизнь под одной крышей с Эдельманом стала невозможной.

События совпали с амнистией «политических» по случаю 300-летия Дома Романовых и персональным для нее, Горького, Луначарского

окончанием преследования. С сыном Борисом она возвращается в Россию, оставив двух младших детей – Алека (шести лет) и Эрику (четырёх лет), на попечение бездетных швейцарских «рабочих-социалистов» супругов Вишу. Кто же знал в конце 1913 г., что события разлучат Марию с детьми почти на 10 лет!

А в России для нее началась совершенно другая жизнь, в которой места личному счастью вновь не нашлось. Но появилась новая работа: на врачебно-питательном пункте в Карпатах, затем на беженском пункте на ст. Сортировочная под Петроградом. И везде талант организатора выводил Марию Малых и ее коллектив в образцовые.

Когда в столице произошел февральский переворот, Марии Александровне предложили возглавить издательство Временного Комитета Государственной думы. Казалось, настало время исполнения всех надежд. Издательство «Освобожденная Россия» заваливает всю страну огромными тиражами своих брошюр. Хорошо шли дела и в собственном издательстве Малых «Знание – сила», которое она организует в мае – июне 1917 г. Но хотя тиражи печатавшихся там работ достигали более 600 тыс. экз., авторитета Временному правительству это не принесло.

В августе 1917 г. Мария Малых как заслуженный революционер уезжает в недавно организованный на Кавказе дом отдыха для ветеранов. Однако все обернулось лечением в неврологическом отделении (и не в последний раз). Только смерть Плеханова вернула Малых в столицу. Так, перескочив из одной реальности в другую, она оказалась «при советской власти».

А дальше началась «битва за детей». Лишь ценой личных встреч с М.И. Калининым и В.И. Лениным ей удалось вырваться в 1922 г. за границу и вывезти оттуда Эрику и Алекса. Вскоре состоялось примирение с матерью, а затем ее похороны, почти совпавшие с похоронами бывшего мужа. В 1932 г. ушел из жизни «В.В.», почти непрестанно болевший с 1915 г. Но на его похороны в Киев Малых уже не поехала. Несчастья шли каскадом: попал в заключение старший сын Борис, и отнюдь не как «политический», ревматизм разбивает другого сына, а в 1938 г. исчезнет дочь, унаследовав отцовский нервный недуг...⁹

Судьба отмерила Марии Александровне Малых затем еще почти четверть века. Ее успели вывезти из осажденного Ленинграда, на защите которого погиб вышедший из тюрьмы Борис. С младшим сыном она навсегда расстанется в 1946 г., успев, однако, покрестить его перед смертью.

Мария Александровна до конца жизни продолжала свои скорбные заметки. Жизнь не примирила ее ни с памятью о прошлом, ни с Богом,

хотя Христа она считала «величайшим мыслителем». До последних дней ее отрадой были книги:

...Я возвращаюсь к своим лучшим друзья. К книгам. Они не изменят, не предадут. Читаю жадно, запоем, все свободное время. ...

Смерть? – уже давно перестала ее бояться.

Нужда? – давно привыкла к ней.

...Темная земная моя дорога.

*Все ночь да ночь. Когда ж рассвет?*¹⁰

Примечания

¹ Бонч-Бруевич В.Д. Большевицские издательские дела. М., 1931. С. 33, 39, 86. Также см.: Иоффе А.М. Издательская деятельность большевиков в 1905–1907 гг. М., 1971. С. 130–137; Блинов А.С., Пострелова Т.А. Мария Малых. Л., 1976. 181 с. и др.

² Пострелова Т.А. Воспоминания о книгоиздательнице Марии Малых (1879–1967) // Невский библиофил: Альманах. Вып. X. СПб., 2005. С. 192–210; Письма М.А. Малых к П.Н. Ариян. Дневник Эрики Эдельман 1929–1931 гг. / публ. Ю.М. Валиевой, пер. с фр. Н.Л. Дмитриевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 2015 год. СПб., 2016. С. 689–748; Шаикова О.А. Роман с революцией Марии Малых // Мастерство историка. Памяти доктора исторических наук И.С. Розенталя: Сб. статей и материалов / Под ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2019. С. 291–320.

³ Личный фонд М.А. Малых хранится в ЦГАИПД СПб. (Ф. Р-8921, 384 ед. хр.), а также в РГАЛИ (Ф. 2281, 37 ед. хр.). Фонд семьи Малых находится в Государственном архиве Томской области (ГАТО. Ф. Р-1878, 37 ед. хр.).

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 8921. Оп. 1. Д. 71. Л. 2–3.

⁵ Блинов А.С., Пострелова Т.А. Мария Малых... С. 54.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 8921. Оп. 1. Д. 49. Л. 20–21об.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 79.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 8921. Оп. 1. Д. 133. Л. 55–57.

⁹ О ее судьбе М.А. Малых узнала только в 1956 г. Тогда же выяснится, что почти одновременно с Эрикой, но в Сибири был расстрелян и брат Сергей.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 8921. Оп. 1. Д. 85.

Секция 3. Российская и советская государственность: преемственность или разрыв

И.Б. Белова
*Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского*

Проблемы формирования и деятельности государственного аппарата российской провинции в первые годы советского периода (по материалам Калужской губернии)

Аннотация

В статье освещены события, связанные с переходом власти к большевистским Советам, показан процесс дальнейшего конструирования власти большевиками и отстранения от нее политических оппонентов. Отражена деятельность по исполнению директив центральной власти по основным проблемам. Показано отношение простых граждан к власти большевиков. Представлены основные итоги партийной чистки 1921 г. по губернии. Названа главная причина, по которой региональная власть не могла решить стоявшие перед ней жизненно важные проблемы.

Ключевые слова: Военно-революционный комитет, губернские съезды советов, губернский исполнительный комитет, Калужская Советская республика, Совет народных комиссаров, большевики, эсеры, дезертиры, трудовая повинность.

Problems of formation and activity of the state apparatus in
the Russian province during the first years of the soviet period
(based on the materials of the Kaluga province)

Abstract

The article highlights the events concerning the transfer of power to Bolshevik Soviets; it also shows how Bolsheviks constructed their power and the way they removed their political opponents. The article depicts the activity of executing the instructions of the central power on key issues and shows the attitude of ordinary people to the Bolshevik power. The main outcome of party purge in the province in 1921 is represented as well. The article identifies the main reason why the regional authorities could not solve the vital problems they faced.

Keywords: Military revolutionary Committee, Provincial congresses of Soviets, Provincial Executive Committee, Kaluga Soviet Republic, Council of people's Commissars, Bolsheviks, social revolutionaries, deserters, labor service.

С целью установление своей власти калужские советы 15 ноября 1917 г. избрали из собственных рядов Военно-революционный комитет (ВРК) и приняли большевистскую программу его деятельности, тем самым ими было проигнорировано принятое накануне (14 ноября) компромиссное решение о создании в Калуге социалистической власти, от народных социалистов до большевиков, предложенное Викжелем. Между тем действовавшая власть не собиралась признавать ВРК, так как в Калуге с 17 октября находились воинские части, верные Временному правительству. Тогда ВРК обратился за военной помощью в Москву, 28 ноября боевые отряды, прибыв в Калугу, вооруженного сопротивления не встретили, зато с этого дня решения Калужского ВРК перестали оставаться лишь на бумаге, как например, приказ от 19 ноября 1917 г. об увольнении должностных лиц и военных начальников и о назначении новых. Таким образом, власть советов была установлена в Калуге 28 ноября 1917 г. с помощью угрозы применения силы.

1 декабря 1917 г. вместо Губернского комиссара Временного правительства был назначен Губернский комиссар ВРК П.Я. Витолин, персону для Калуги новую. Курляндский большевик, латыш Пётр Янович Витолин появился в Калуге после февральских событий в Петрограде, с лета 1917 г. он уже занимал пост председателя Калужского губкома РСДРП(б). По распоряжению Витолина, возглавившего ВРК, 10 декабря 1917 г. в Калуге «произошел расстрел» мирной демонстрации в поддержку Учредительного собрания. В день похорон невинных жертв их участники были рассеяны стрелявшими в них красногвардейцами. Естественно, репутация власти советов в связи с этими событиями сильно пострадала. Граждане Калуги осуждали новую самочинную губернскую власть, к которой и так не испытывали доверия, за очередной произвол и насилие. В знак протеста против неадекватных действий ВРК по отношению к мирным демонстрантам его член Абросимов вышел из калужской организации большевиков.

Вместо распущенного 15 декабря 1917 г. ВРК на пленарном заседании советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран Президиум советов, к которому перешла вся полнота власти в Калуге и губернии. Возглавил президиум все тот же Витолин¹. В то же самое время в уездах до конца декабря продолжалось создание уездных ВРК, объявлявших себя новой властью. Калужская Городская дума была распущена 19 декабря 1917 г. декретом совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, взамен был создан Комиссариат по делам городского самоуправления, 29 декабря появился Комиссариат в губернском земстве².

С проектом новой конструкции власти на I Губернском съезде советов (16–21 января 1918 г.) выступил Витолин. Прежде съезд проголосовал за лишение правых эсеров представительства на нем. Позднее аналогичным образом поступили с левыми эсерами на II Съезде в июле 1918 г. Согласно одобренному съездом проекту, высший орган власти – Губернский съезд советов, формировал исполнительный комитет (губиском), ведающий и городскими, и земскими делами, в уездах и волостях конструкция власти была та же. Членами губискома на съезде стали 66 человек, поровну от рабочих, крестьян и солдат, среди них 13 левых эсеров.

На первом заседании губискома вопреки протесту левых эсеров был избран однопартийный Президиум из трех большевиков, в него вошли Витолин (председатель), Фомин, Комаров. Кроме того, избрали и частично назначили 13 комиссаров, в том числе 2 левых эсеров, которые составили Совет народных комиссаров (СНК), и проголосовали за то, чтобы избранный Президиум губискома стал одновременно президиумом СНК³.

В итоге Витолин возглавил этот общий Президиум. Голосования на съезде показали, что всё предложенное большевиками поддерживалось большинством съезда, так, правые эсеры были изолированы при открытии съезда, а левым не позволили войти в Президиум губискома-СНК.

В феврале 1918 г. в текстах документов органов исполнительной власти появилось наименование «Калужская Советская Республика» (КСР), а затем и печать: «Совет Народных Комиссаров Калужской Советской Республики». О переименовании Калужской губернии в КСР губернская власть официально, через свой печатный орган газету «Калужская правда», население не информировала, как это обычно практиковалось, так что точно неизвестно, какой орган и когда принял и принимал ли вообще решение о таком нововведении. Вместе с тем с большой долей вероятности можно предположить, что это решение Витолина, у которого было достаточно власти, а кроме того, он был инициатором создания СНК, видимо, по примеру Московской области⁴. СНК КСР просуществовал до конца июля 1918 г. и был упразднен. Об этом от имени губискома население оповестил через газету «Калужская правда» от 30 июля 1918 г. его председатель Витолин, который несколько дней назад был вновь избран членом губискома на II Губернском съезде советов (23–27 июля 1918 г.). Кроме того, Витолин продолжал возглавлять губернскую организацию РКП(б) до своего отъезда из Калуги в 1919 г., так что властные рычаги по-прежнему находились в руках Витолина.

Новая конструкция власти в Калужской губернии утверждалась в тот период, когда в центре решали, быть «революционной войне» или миру с немцами на их условиях. На I Губернском съезде советов в январе 1918 г. Витолин заявил, что большевики за «революционную войну» и создание новой социалистической армии. Затем, став председателем Президиума СНК и губискома, он 25 февраля 1918 г. объявил КСР на военном положении, назначил командующего войсками члена искома большевика П. Скорбача, создал военно-революционный штаб для «революционной обороны» и объявил добровольную мобилизацию⁵. Однако население воевать отказалось, и это настроение не изменилось в течение всего периода Гражданской войны.

Годом сплошных мобилизаций (всего 44) стал год 1919-й, столь внушительная цифра объяснялась массовым дезертирством при массовом же пособничестве и укрывательстве дезертиров. Для сравнения в 1915 и 1916 гг. было 9 и 8 мобилизаций соответственно. В Калуге и уездах создали комиссии по борьбе с дезертирством, в которых были задействованы работники отделов управления исполкомов, а также военкоматов, созданных постановлением губискома от 8 апреля 1918 г.⁶ Первоначально предполагалось «искоренить» дезертирство за несколько

недель, но это оказалось утопией. Сельские и волостные советы обвинялись в бездействии. Например, в Лихвинском уезде на фоне всеобщего недовольства крестьян частыми мобилизациями волсоветы даже выносили решения о том, что в армию надо брать лишь коммунистов и им сочувствующих. В начале 1920 г. в Калуге во всех уездах были смещены с должностей военкомы и их помощники также за бездействие⁷. Однако проблема дезертирства существовала до 1925 г.⁸

Основными мерами калужских властей по продовольственному обеспечению в соответствии с планами центра являлись: организация вооруженных отрядов, «добывающих» хлеб для распределения из центра; затем организация комбедов, как способа «отобрания излишков», когда норма – 7 пуд/год на едока при физиологически необходимых 19 пуд.⁹; организация земледельческих коммун. Однако эти меры не обеспечивали выживания населению, которое по этой причине до середины 1920 г. занималось самообеспечением, при этом главным направлением его движения за хлебом была Украина. Со второй половины 1920 г. направление этого движения изменилось в сторону Сибири, т.к. украинский СНК запретил самостоятельные заготовки продовольствия¹⁰.

Созданный 17 мая 1918 г. Губсовнархоз, не располагая финансовыми средствами, был не в состоянии путем национализации изменить в лучшую сторону положение промышленных предприятий губернии. Лишь к 1926–1927 гг. промышленность губернии по некоторым отраслям подошла к довоенному уровню 1913 г.

Деятельность СНК и губискома в финансовой сфере состояла в обложении состоятельных граждан контрибуцией, революционными налогами, запрете для них выезда из пределов Калужской губернии, в обысках в богатых домах и монастырях с целью конфискации ценностей. Именитых граждан по постановлению военно-революционного штаба, созданного СНК, губчека, образованной 12 мая 1918 г., держали в тюрьме, а с 1919 г. и в лагере принудительных работ до тех пор, пока они не внесут требуемую сумму. Все эти и другие меры принудительного характера в условиях огромного дефицита средств, необходимых для развития народного хозяйства, не оправдали возлагавшихся на них надежд. Калужские руководители поняли это довольно быстро по росту антисоветских настроений¹¹.

С введением в 1920 г. всеобщей трудовой повинности в Калужской губернии до конца года были организованы губернский, уездные и волостные комитеты по трудовой повинности в составе представителей отделов управления и труда и военкоматов, подотчетные соответствующим искомам. В 1921 г. возникли губернские и уездные комиссии по борьбе с трудовым дезертирством. Однако с массовым

дезертирством с трудового фронта в течение 1920 и всего 1921 г. не справились ни с помощью вооруженных отрядов, ни выездных сессий ревтрибуналов¹². Объективных причин, лежавших в его основе, власти все это время как бы не замечали.

Граждане Калужской губернии владели голодное существование, но в то же самое время, по их наблюдениям, ответственные работники-члены РКП(б) жили иначе. «Если посмотреть на наших коммунистов... живут как настоящие помещики», – отмечали на собрании рабочие Калужского ремзавода. Крестьяне, видя, как улучшается быт ответственных работников, говорили: «Хочу записаться в РКП(б), а то хозяйство разрушается». В результате партийных мобилизаций на фронты Гражданской войны в 1919 г. половина членов партии Калужской организации оставила ее ряды, отказываясь идти на фронт, что показывает моральный облик значительного количества представителей партии власти. Если же говорить об образовании ответственных работников калужской революционной когорты, то занимавшие самые высокие должности губернского уровня имели лишь начальное образование, а один из председателей губискома не имел и начального. Народ говорил, что достаточно записаться в партию коммунистов, чтобы получить желаемое место. Между тем ответственные работники среди исключенных из партийных рядов Калужской губернии во время партийной чистки 1921 г. составили 37 % против 18 % по России. В общей сложности каждый 5-й коммунист Калужской организации был исключен из партии и соответственно смещен с должности, 2/3 исключенных имели начальное образование¹³.

Вместе с тем основной причиной безуспешной деятельности властей регионального и местного уровней в социально-экономической области, безусловно, следует считать неэффективность экономической политики государства. На местах власти в лучшем случае могли лишь следовать курсом, заданным центром. Между тем проблема необразованности и некомпетентности, злоупотреблений работников властных структур разного уровня послужила для большевистского руководства поводом для обновления кадрового состава путем партийной чистки в 1921 г.

Примечания

¹ Общество и революция. Калужская губерния в 1917 г.: Сб. док. Калуга, 1999. С. 388, 407, 416–418.

² Там же. С. 420, 428.

³ Калужская правда. 25 января 1918. № 18; Установление Советской власти в Калужской губернии: Док. и мат.: март 1917–июль 1918 г. Калуга, 1957. С. 268–270.

⁴ Постановление ВЦИК «Об упразднении СНК Московской области» от 9 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1957. С. 405–406.

⁵ Калужский край: Док. и мат. Кн. третья. Тула, 1982. С. 36–37.

⁶ Там же. С. 39–40.

⁷ См.: *Белова И.Б.* Дезертирство в Советской России в 1918–первой половине 1920-х гг. (по материалам Калужской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «История». 2016. № 2. С. 24–40.

⁸ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2002. С. 9–10.

⁹ *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. Кн. 3. М., 2009. С. 70.

¹⁰ *Давыдов Ю.А.* Мешочки и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007. С. 325.

¹¹ См., например: Калужский край... С. 42–45, 55, 58–59.

¹² См.: *Белова И.Б.* «Народ продолжает уклоняться, не понимая важности задач, стоящих перед страной»: отношение крестьянства к всеобщей трудовой повинности. 1920–1921 гг. // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. Вып. 2. Смоленск, 2017. С. 210–217.

¹³ См.: *Мясников А.А.* Партийная чистка 1921 года (по материалам Калужской и Тульской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2011. С. 15, 20, 21, 25; Калужский край... С. 67; Государственный архив Калужской области. Ф. Р-1498. Оп. 5. Д. 2. Л. 202–202об.

Советские военная разведка и военная контрразведка
в 1918–1921 гг.: из истории становления
центральных органов

Аннотация

В статье изучаются основные направления организационной эволюции советских органов военной разведки и военной контрразведки в годы Гражданской войны, выделяются ключевые этапы истории советских спецслужб. Первый – «генштабистский» этап (май 1918 г. – январь 1919 г. – для военной контрразведки и июль 1919 г. – для военной разведки), отличается отсутствием у занявших ключевые позиции в военных разведке и контрразведке генштабистов «выпуска 1917 года» специальной подготовки и опыта работы, низкой эффективностью деятельности военной разведки и контрразведки. Второй – «большевистский» этап (январь 1919 г. для военной контрразведки и июль 1919 г. для военной разведки – 1921 г.) связан с переходом руководства обеими спецслужбами в руки старых большевиков, имевших опыт нелегальной работы и сумевших использовать накопленные навыки конспирации.

Ключевые слова: Гражданская война, советская военная разведка, советская военная контрразведка, Ф.Э. Дзержинский, Л.Д. Троцкий, С.И. Аралов, М.С. Кедров.

S.S. Voytikov
Moscow Central City State Archive

Soviet military intelligence and military counterintelligence
in 1918–1921: from the history of the formation
of central departments

Abstract

This article examines the main directions of organizational evolution of Soviet military intelligence and military counterintelligence agencies during the Civil War and identifies key stages in the history of these Soviet secret services. Two main stages are distinguished: 1) «Genshtabist» stage (May 1918 – January 1919 for military counterintelligence and July 1919 for military intelligence), during which the lack of special training and experience in intelligence and counterintelligence work among the «1917 issue» general staff members who occupied key positions in military intelligence and counterintelligence led to extremely low efficiency of military intelligence and counterintelligence; 2) «Bolshevik» stage (January 1919 for military counterintelligence and July 1919 for military intelligence – 1921), when the real leadership of both secret services was assumed by Old Bolsheviks with vast illegal experience, who managed to use the skills accumulated before the October Revolution of conspiracy.

Keywords: Russian Civil War, Soviet military intelligence, Soviet military counterintelligence, F.E. Dzerzhinsky, L.D. Trotsky, S.I. Aralov, M.S. Kedrov.

В настоящей статье предлагается исследование организационной эволюции советской военной разведки и военной контрразведки в 1918–1921 гг.

Достойный вклад в изучение истории советских спецслужб в годы Гражданской войны внес целый ряд специалистов, и прежде всего М. Алексеев¹, Н.Д. Егоров², С.В. Карпенко³, В.С. Кириллов⁴, В.Я. Кочик⁵, В.М. Лурье⁶, А.И. Колпакиди, Д. Прохоров, А. Север⁷ (военная разведка); О.В. Каримов (военно-морская разведка), И.И. Васильев⁸, Ю.Б. Долгополов⁹, А.А. Зданович¹⁰, С.З. Остряков¹¹ (военная контрразведка), Г.А. Куренков (организация защиты информации в большевистской партии)¹², П.В. Батулин (военная цензура)¹³, К. Востоков¹⁴, М.А. Партала¹⁵, В.Г. Кикнадзе (радиоэлектронная разведка)¹⁶.

На начальном этапе военного строительства РСФСР руководство военной разведкой, военной контрразведкой и военной цензурой было сосредоточено в Оперативном отделе Наркомата по военным делам (Наркомвоена) РСФСР, который в мае 1918 г. был передан в структуру Наркомата по военным делам. Под руководством большевика из меньшевиков-интернационалистов С.И. Аралова, умело заручившегося поддержкой своих консультантов из «генштабистов 1917 года» (выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии), на протяжении лета 1918 г. отдел становился все более многофункциональным органом и фактически представлял собой альтернативный

возглавляемому Л.Д. Троцким Наркомату по военным делам центр военного руководства¹⁷.

Особый отдел ВЧК, созданный де факто 6 января 1919 г. на основе Отдела военного контроля регистрационного управления Полевого штаба Революционного военного совета Республики (РВСР) и Военного отдела ВЧК, сделал все для ликвидации потенциальной угрозы возрождения военной контрразведки в составе центрального аппарата управления РККА, «создав» в марте 1918 г. «обвинение» одного из отцов-основателей ГРУ Генштаба капитана Г.И. Теодори и проведя в июле 1919 г. аресты по делу «Ставка» о «заговоре в Полевом штабе» Реввоенсовета Республики¹⁸.

Арест по делу «Ставка» первого Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетиса и ряда его сотрудников был непосредственно санкционированной В.И. Лениным спецоперацией Особого отдела ВЧК. Она была направлена на решение следующих задач: 1) Ослабление позиций Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовете Республики для изменения стратегических планов высшего военного руководства Советской России в ходе летней кампании Красной армии 1919 года. 2) Ликвидацию потенциальной угрозы осуществления военного переворота со стороны «генштабистов 1917 года», осмелившихся выдвинуть фактический ультиматум об освобождении члена «коллегии» выпуска Г.И. Теодори самому В.И. Ленину. 3) Чистку руководства военной разведки от военных специалистов и сосредоточение всей разведывательной работы в Красной армии в руках старых большевиков и их попутчиков (представителей других революционных партий, доказавших на деле свою личную преданность Советской власти, т.е. большевистскому режиму)¹⁹.

Расследование в Особом отделе ВЧК дела «Штаба Добровольческой армии Московского района» (подпольной контрреволюционной организации) включало два этапа. Первый – допрос председателем Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым генерала В.И. Соколова 16 марта 1919 г., следствием которого не стали массовые аресты агентов белогвардейцев. Второй этап включал образцово проведенное расследование и последующие аресты в августе 1919 г. Они показали резкое повышение профессионализма центрального органа военной контрразведки, связанного с переходом руководства Особым отделом от действовавшего под непосредственным руководством В.И. Ленина М.С. Кедрова и его сподвижников к Ф.Э. Дзержинскому и его чекисткой команде (данный переход не был явлением одномоментным, он фактически растянулся на два месяца – июль и август 1919 г.).

Агентурная работа Регистрационного управления (РУ) при РВСР была поставлена на принципиально новый уровень после чистки

управления от военных специалистов и постановки на ключевые посты партийных работников в июле 1919 г. Однако отсутствие должного финансирования и постоянная смена руководителей РУ имели следствием низкую эффективность работы управления на всем протяжении Гражданской войны.

Непосредственное курирование Полевого штаба и его Регистрационного управления в 1918–1919 гг. должны были осуществлять Московский комитет РКП(б), столичные райкомы и Серпуховский городской комитет Московской области. Однако единственным из этих органов, способным на деле курировать по партийной линии советскую военную разведку, стал МК РКП(б), которому направляло оперативные и достоверные сводки о настроениях в частях Московского гарнизона и центральном военном аппарате Особое отделение при МЧК²⁰.

В истории центральных органов управления военной разведкой и контрразведкой можно выделить два основных периода.

Первый – «генштабистский» этап охватывает май 1918 г. – январь 1919 г. для военной контрразведки, июль 1919 г. – для военной разведки. В этот период были созданы специализированные отделения в составе Оперативного отдела, переданного из Московского окружного военкомата в Наркомат по военным делам, а затем отделы Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. Однако отсутствие у занявших ключевые позиции в указанных структурах генштабистов «выпуска 1917 года» специальной подготовки и опыта разведывательной и контрразведывательной работы привели к крайне низкой эффективности деятельности этих органов. Как в Опероде Наркомвоена, так и в Полевом штабе РВСР служили главным образом дилетанты от разведки. В результате вплоть до января 1919 г. работу Военного контроля и до июля 1919 г. работу агентурной разведки было невозможно поднять на профессиональный уровень.

Второй этап – «большевистский» – начался в январе 1919 г. для военной контрразведки и в июле 1919 г. для военной разведки и продолжился до 1921 г. В этот период реальное руководство обеими спецслужбами взяли на себя старые большевики с огромным опытом нелегальной работы. Особый отдел ВЧК вначале сам «очистился» от дилетантов из военспецов, а затем провел селекцию кадров Регистрационного управления и действовавших при нем курсов разведки и военного контроля. При этом Особый отдел ВЧК добился серьезных успехов в пресечении активной деятельности противника. Однако новое руководство Регистрационного управления смогло лишь частично улучшить постановку агентурной разведки, которой катастрофически не хватало опытных кадров и финансовых средств. Для данного этапа

характерна полная подконтрольность обеих спецслужб большевистскому руководству: в случае с военной контрразведкой – персонально В.И. Ленину и Оргбюро ЦК РКП(б) как коллегиальному органу, а случае с военной разведкой – Оргбюро и Секретариату ЦК РКП(б).

В целом большевистские вожди и «узкие составы» ЦК РКП(б) осуществляли непосредственное руководство центральными органами советской военной разведки, военной контрразведки и военной цензуры. Весной – летом 1918 г. Оперод Наркомвоена, формально находясь в структуре возглавляемого Л.Д. Троцким ведомства, непосредственно подчинялся прежде всего руководителю Секретариата ЦК РКП(б) Я.М. Свердлову и только во вторую очередь – наркому по военным делам Л.Д. Троцкому и председателю Совнаркома В.И. Ленину. В 1919 г. непосредственное курирование Регистрационного управления осуществлялось Оргбюро ЦК РКП(б) и лично ответственным сотрудником аппарата Секретариата ЦК, вдовой Я.М. Свердлова К.Т. Новгородцевой. Координацию деятельности РВСР и ВЧК с ее Особым отделом осуществляло Оргбюро ЦК РКП(б), активную роль в котором играли Ф.Э. Дзержинский и руководители Политуправления РККА как специального отдела ЦК РКП(б) в армии²¹.

Примечания

¹ См., напр.: *Алексеев М.* Как создавалось ГРУ // Секретное досье. 1998. № 2. С. 38–48.

² *Егоров Н.Д.* Разведка Красной армии против белой эмиграции (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. Цит. по: URL: <http://www.nivestnik.ru/2001/2.shtml>.

³ *Карпенко С.В.* Разведсводки штабов Красной армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангелевщины) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 63–78.

⁴ *Кириллов В.С.* И.С. Уншлихт – Л.Д. Троцкому: «Агентура Запфронта делает все возможное...». Деятельность отечественной военной разведки накануне и в ходе советско-польской войны 1920 года // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 44–50.

⁵ *Кочик В.Я.* Советская военная разведка: структура и кадры 1918–1921 годы. Цит. по: URL: www.pseudology.org/Kochik/Statia02.htm

⁶ *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: Дела и люди. СПб.; М., 2002.

⁷ См., напр.: *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. М., 2000; ГРУ: Уникальная энциклопедия / авт.-сост.: А. Север, А. Колпакиди. М., 2009.

⁸ И.И. Васильев в 1973 г. под руководством профессора А.С. Велидова защитил кандидатскую диссертацию «Создание советской

военной контрразведки (октябрь 1917 – февраль 1919 гг.)). К сожалению, диссертация была защищена в закрытом порядке и остается недоступной исследователям. Опубликованы лишь фрагменты этого труда, см., напр.: *Васильев И.И.* Создание советской военной контрразведки. М., 1973; *Его же.* Истоки // Военные контрразведчики. М., 1978. С. 25–40.

⁹ *Долгополов Ю.Б.* Война без линии фронта. М.: Воениздат, 1981.

¹⁰ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920). М., 2005; *Его же.* Еще раз о «Национальном центре» // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 94–99; *Его же.* Организация и становление спецслужб Российского флота. URL: www.fsb.ru/smi/article/zdanovi2.html.

¹¹ *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979.

¹² *Куренков Г.А.* Защита партийно-государственной тайны в РКП(б)-ВКП(б). 1918–1941 гг. М., 2015.

¹³ *Батулин П.В.* Создание советской военной цензуры в 1918 году // Военно-исторический архив. 2010. № 2 (122). С. 120–137.

¹⁴ См.: напр.: *Востоков К.* Рождение радиоразведки: Она успешно действовала еще в годы Гражданской войны // Независимое военное обозрение. 2000. № 30.

¹⁵ *Партава М.А.* Прошу особого внимания к подпоручику Ямченко // Защита информации. Инсайд. 019. № 5. С. 90–96; «Раз Иван Иванович сердится, я дам вам «Рюрика» // Гангут: научно-попул. сб. статей. Вып. 20. СПб., 1999. С. 33–37.

¹⁶ См., напр.: *Кикнадзе В.Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.

¹⁷ *Войтиков С.С.* Советские спецслужбы и Красная армия. М., 2017. С. 10–71.

¹⁸ Там же. С. 421; Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку / Публ. А.А. Здановича // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 66–67; № 5. С. 75–82.

¹⁹ См. подр.: *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5. С. 91–95; *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. М., 2016.

²⁰ *Войтиков С.С.* Материалы Серпуховского уездного комитета РКП(б) как источник по истории советского военного строительства 1918–1919 гг., делу «Ставка» о «заговоре в Полевом штабе» Реввоенсовета Республики и реакции большевистского руководства на взрыв в Леонтьевском переулке // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1168–1183.

²¹ *Его же.* Советские спецслужбы и Красная армия. С. 492 и др.

Особенности системы управления вооруженными силами
антибольшевистских правительств России
в период Гражданской войны

Аннотация

В статье рассмотрены особенности системы управления вооруженными силами антибольшевистских правительств в период Гражданской войны в России. Автором показаны сходства и различия в строительстве органов военного управления антибольшевистских правительств, обусловленные наличием опытных военачальников, географическими условиями ведения военных действий, внешними факторами. Сделан вывод о сохранении традиций царской армии и соблюдении принципов и правил ее организации, установленных законодательством Российской империи до Октябрьского переворота.

Ключевые слова: Гражданская война, антибольшевистские правительства, система военного управления, Белая армия, структура органов военного управления.

L.R. Parieva
Russian state Humanities University

Features of the control system of the armed forces
of anti-bolshevik governments during the Russian Civil War

Abstract

The article deals with the features of the control system of the armed forces of anti-Bolshevik governments during the Russian Civil war. The author of the article shows the similarities and differences in the construction of military administration bodies of anti-Bolshevik governments, due to the presence of experienced military leaders, geographical conditions of warfare,

and external factors. The article draws conclusions about preserving the traditions of the tsarist army and observing the principles and rules of its organization established by the legislation of the Russian Empire before the October revolution.

Keywords: Civil war, anti-Bolshevik governments, military administration system, White army, structure of military administration bodies.

После революционного переворота 25 октября 1917 г. и падения монархии в России в противовес революционно настроенным массам начало формироваться Белое движение, основными составляющими которого явились военные, общественно-политические и государственные институты, сложившиеся в условиях непримиримой борьбы с новой властью и стремившиеся к поиску решения экономических, политических, национальных проблем огромной страны. В 1918–1920 гг. на территории России образовались четыре центра Белого движения, имевших сходство в положениях политических программ, а, главное, создавших свои вооруженные силы, способные осуществлять боевые действия под единым командованием и с единой стратегией их ведения: Российское правительство (А.В. Колчак), Особое совещание при Главнокомандующем Вооруженных Сил Юга России, Временное правительство Северной области, Правительство Северо-Западной области.

Одной из составляющих государства являлась во все времена армия, взявшая на себя в период Гражданской войны бремя и гражданского, и военного управления страной, оставив решение о государственном устройстве России на усмотрение Учредительного собрания нового созыва после победы над большевиками. Источниками силы сопротивления «белых» власти большевиков явились опыт государственного управления, знание военной науки и любовь к Родине. Военное управление является одной из составляющих государственного управления и представляет собой комплекс мер, направленных на создание вооруженных сил, содержание их на должном уровне, поддержание боевой готовности и непосредственно само руководство вооруженными силами¹.

Целью данной статьи является выявление особенностей системы военного управления, сложившейся в вооруженных силах антибольшевистских правительств, а именно: в Вооруженных силах Юга России (Главнокомандующий – генерал-лейтенант А.И. Деникин), Северо-Западной армии под командованием генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, Северной армии генерал-лейтенанта Е.К. Миллера и на

Восточном фронте адмирала А.В. Колчака, и опиравшейся на накопленный многовековой опыт в деле организации управления воинскими формированиями и регламентирования деятельности органов военного управления Российского государства.

Строительство вооруженных сил на востоке России, начатое Народной и Сибирской армиями, было продолжено «Уфимской директорией» и пришедшим к власти после нее адмиралом А.В. Колчаком, ставшим Верховным правителем России и Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. На всем протяжении правления А.В. Колчака четко прослеживается стремление воссоздания и сохранения традиций Российской империи в военном строительстве. В письме из редакции «Правительственного вестника» к А.И. Деникину есть такая фраза, которая разъясняет стратегию государственного строительства адмирала А.В. Колчака: «Наш метод государственной работы – планомерное восстановление старого аппарата управления, сломанного в минуты революционных увлечений, проявление твердой и беспощадной власти...»². Поэтому органы военного управления имеют структуру, предусмотренную «Положением о полевом управлении войск в военное время»³ 1914 г.: Ставка Верховного Главнокомандующего (ВГК), представлявшая собой направляющий и руководящий орган военного управления, Штаб ВГК, как оперативный орган военного управления, Военное и Морское министерства, Главное управление по делам казачьих войск, как военно-административные органы управления, штабы фронтов, армий, дивизий, полков и т.д.

В сентябре 1918 г. Штаб ВГК имел в своем составе канцелярию Главного управления Генерального штаба и канцелярию Военного ведомства⁴ и охватывал все отрасли военного управления на фронте и территориях военных действий, а также в тылу. К марту 1919 г. Штаб ВГК состоял из следующих управлений: дежурного генерала, 1-го генерал-квартирмейстера, главного начальника санитарно-эвакуационной части, полевого инспектора по технической части, начальника военных сообщений; отделов: военно-морского и речного флота, инспектора артиллерии, ремонта армии и особой канцелярии⁵. Работа по формированию управлений Штаба ВГК велась несколько месяцев, пока не была выработана система, построенная по образцу царской армии, но с учетом особенностей географического и временного характера. К июню 1919 г. после всевозможных реорганизаций структура Штаба ВГК выглядела следующим образом: управления дежурного генерала, 1-го генерал-квартирмейстера, 2-го генерал-квартирмейстера, 3-го генерал-квартирмейстера, главного начальника военных сообщений, полевого инспектора артиллерии, начальника военных сообщений районов, полевое

ветеринарное управление, полевого инспектора по технической части, полевого санитарного инспектора, заведующего военно-судной частью⁶.

Задачи, решавшиеся в процессе своей деятельности Военным министерством, претерпевшего также множество реорганизаций, во многом повторяли направления деятельности Штаба ВГК. Однако, некоторые из них по-прежнему входили в область интересов только Военного министерства: вопросы кредитования по военному ведомству, службы духовенства, подготовки документов на рассмотрение Военного совещания и Совета министров, вопросов по делам казачьих войск, полевого контроля, полевого казначейства, военно-полевого суда. В составе Военного министерства был сформирован Главный штаб⁷, по своей структуре соответствующий Главному Штабу Военного министерства дореволюционного периода и выполняющий схожие задачи. Само Военное министерство состояло из Главного штаба, канцелярии, различных управлений: Главное артиллерийское управление, Главное законодательно-финансовое управление, Главное инженерное управление, Главное военно-санитарное управление, Главное интендантское управление, Ветеринарное управление, Военно-судная часть, Дальневосточная комиссия и отделов (организационный, мобилизационный, дежурного генерала, топографический, квартирмейстерский, осведомительный отделы)⁸.

Размах и размер организационной структуры Штаба ВГК и Военного министерства, количество преобразований и реорганизаций, предпринятых за достаточно короткое время пребывания у власти «омского» правительства, несоответствие строительства такой сложной системы органов военного управления численности армии и положению на фронтах явились характерными особенностями военного управления на востоке России, сопровождавшимися расположением центральных органов управления достаточно далеко от фронта (г. Омск), (максимальное удаление от линии фронта – 1500 верст, минимальное – несколько верст⁹), невозможностью оперативно реагировать на изменения на фронте в связи с его удаленностью, недоверием войсковых формирований штабам и переполнением фронта к началу 1919 г. «массами совершенно небоевого элемента», дошедшего по своей численности до «860 тысяч ртов или, как их называли, «ложек» (в противопоставление штыкам)»¹⁰. Верховным Главнокомандующим были предприняты попытки нормализации работы в военных ведомствах, например, в одном из его приказов отмечалось: «Всем должно быть ясно, что только при совместной работе, когда каждая единица управления государством работает в полном согласии с другой, стремясь к выполнению своей работы с наименьшими ошибками – и

возможна продуктивная деятельность органов государственного управления»¹¹. Однако, эти попытки не увенчались успехом.

Направлением и целями борьбы Добровольческой армии, провозглашенными ее Главнокомандующим генералом А.И. Деникиным, стали: спасение России с помощью создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии, борьба за целостность страны, установление в стране правового порядка и единства, а главной задачей – воссоздание системы управления, материального обеспечения и организации Русской императорской армии. Главным органом военного управления изначально был Штаб Добровольческой армии под руководством генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, состоявший из строевого и отдела снабжений; достаточно большой по численности работавших в нем офицеров, ведавший всеми административными, организационными, хозяйственными вопросами и непосредственно высшим оперативным руководством армией. Штаб Добровольческой армии постепенно структурно преобразовывался в Штаб армии: приказами Главнокомандующего в ноябре-декабре 1918 г. в нем были сформированы управления дежурного генерала, генерал-квартирмейстера, начальника артиллерии, интенданта, запасных частей; полевое казначейство, главное телеграфное отделение¹². По мере увеличения численности армии и расширения контролируемой территории проводились реорганизации органов военного управления. Впоследствии на основе штаба Добровольческой армии для управления армией был создан Штаб Главнокомандующего Вооруженных сил Юга России (ВСЮР)¹³. По «Положению о полевом управлении войск в военное время» Штаб состоял из: управления генерал-квартирмейстера, в ведении которого находились вопросы оперативного характера, боевого состава войск и войсковой разведки; управления дежурного генерала, в зону ответственности которого входили задачи мобилизации и укомплектования войск, вопросы пенсионного обеспечения, перемещения и назначения личного состава; инспектора авиации; инспектора артиллерии; инспектора формирований¹⁴. К управлению генерал-квартирмейстера относилось также топографическое отделение, а к управлению дежурного генерала – наградное отделение. Управление главного начальника снабжений ВСЮР было сформировано при Главнокомандующем ВСЮР¹⁵. На протяжении 1919–1920 гг. Штаб претерпел множество преобразований, реорганизаций, переформирований, в связи с успехами и неудачами в ведении боевых действий с Красной армией вводились новые структурные подразделения, отпадала необходимость в существовании старых.

Система военного управления на юге России не избежала той же ошибки, что и на востоке страны, а именно невероятной бюрократии

штабов Белой армии, воссоздания порядка и традиций управления при царском режиме. Участниками событий отмечались тенденции применения прежних принципов управления многомиллионной армией к армии размером в один пехотный полк, несоответствие количества штабных офицеров боевому составу армии¹⁶. По словам П.Н. Врангеля, в Штабе решались в первую очередь вопросы, может быть, важные, но имевшие «академическое значение» в ущерб принятия «насуточных повседневных мер»¹⁷. Генералом А.И. Деникиным, а впоследствии и его преемником Главнокомандующим Русской армией генералом П.Н. Врангелем предпринимались неоднократные попытки по сокращению количества штабов. Например, П.Н. Врангелем было распущено не менее 360 штабов и других учреждений (планировалось распустить еще 150), но несмотря на эти действия, «соотношение фронтовых и штабных офицеров все еще составляло 1:5»¹⁸.

Очаги Белого движения, возникшие на севере и северо-западе России, были обособлены от крупных «белых» воинских формирований и практически не повлияли на ход Гражданской войны в масштабах страны, но являлись частью Белого движения и внесли свой характерный вклад в борьбу с большевиками, предприняв попытки строительства «белой» государственности на занятых ими территориях и продержавшись у власти довольно длительное время. На севере России имела место быть своя особая модель антибольшевистского правления, она была обусловлена, прежде всего, крупномасштабной интервенцией союзнических войск, а также удаленным положением от центра России и индифферентностью основной массы населения. В организационном плане на Севере России военное ведомство входило в состав правительства Северной области, впоследствии было преобразовано в Штаб Главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте. Его структурные подразделения по названию и по осуществляемым ими функциям полностью соответствовали своим аналогам в военном ведомстве Русской императорской армии, так как их деятельность и организационная структура регламентировались «Положением о полевом управлении войск в военное время». Главной отличительной чертой органов военного управления на севере России было то, что до ухода союзников они подчинялись в оперативном отношении Высшему союзному командованию.

Если говорить о системе военного управления Северо-Западной армии, то к октябрю 1919 г. Штаб Северо-Западной армии имел следующую структуру: отделение генерал-квартирмейстера, отдел дежурного генерала, отдел этапно-хозяйственный, военно-санитарный отдел, военное духовенство, военно-ветеринарный отдел¹⁹, что указывает

на сходство в структуре военных органов управления с другими «белыми» армиями и следование методам и принципам командования, сложившимся в Русской императорской армии.

Несмотря на ошибки в военном управлении, Белое движение сумело создать органы власти и достаточно полноценную армию для борьбы с советским государством, которая смогла одерживать победы на волне нравственного превосходства над большевиками, несмотря на превосходящие силы противника. Всеми «белыми» правительствами в той или иной мере были созданы системы органов военного управления по образу Штаба Верховного Главнокомандующего и Военного министерства, обеспечивавших руководство в оперативном и организационном плане Русской императорской армией. Но, кроме достоинств налаженной системы военного управления, сложившейся в дореволюционный период, «белым» достались в наследство и ее недостатки, вскрывшиеся в период Русско-японской и Первой мировой войн: несогласованность действий фронта и тыла, тенденция к увеличению штатов структурных подразделений органов военного управления, рутинная и бюрократическая порядки, нежелание высших военных начальников брать на себя ответственность и проявлять инициативу. Для всех «белых» правительств были характерны имперские амбиции в строительстве государственного и военного управления, не соотносившиеся с условиями Гражданской войны и состоянием страны, пришедшей к полной разрухе и распаду экономики в силу долгой Первой мировой войны и революций.

Примечания

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Гл. VII. Военное управление. Т. 1. М., 1894. С. 56.

² Цит. по: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. С. 157.

³ Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

⁵ Варламова Л.Н. Военное управление правительства А.В. Колчака: попытки сохранения имперской традиции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 130.

⁶ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 528

⁷ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

⁸ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 79. Л. 122.

⁹ Восточный фронт адмирала Колчака / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д-ра ист. наук С.В. Волкова // Клерже Г. Гражданская война в Сибири. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 287.

¹⁰ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции: В 18 т. Т. 15. М.: Терра, 1991. С. 341.

¹¹ Приказ Верховного Главнокомандующего А.В. Колчака № 154 от 26 июня 1919 г.

¹² Кушер Ю.Л. Вооруженные формирования Белого движения на Юге России: история строительства. 1917–1920 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 82.

¹³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Приказ Главнокомандующего ВСЮР № 2 от 27 декабря 1918 г.

¹⁶ Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд (1917–1919) // Князь Трубецкий. Россия воспрянет! М., 1996. С. 62–63.

¹⁷ Врангель П.Н. Воспоминания Петра Николаевича Врангеля. Спб.: ООО Изд-во «Питер», 2015. С. 59

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 16. Л. 398–409.

Т.И. Хорхордина

Российский государственный гуманитарный университет

Государственная политика в области архивного строительства в годы Гражданской войны

Аннотация

В статье освещаются мероприятия первого в истории России государственного органа управления в области архивного строительства – Главного управления архивным делом. Рассматриваются события и инициативы Главархива, связанные с комплектованием, спасением и собиранием документального наследия России. Анализируется эволюция государственной политики в сфере архивного дела от первых послереволюционных месяцев до окончания войны. Рассматриваются разработанные и утвержденные Совнаркомом РСФСР документы общегосударственного значения – декреты, посвященные архивному делу.

Ключевые слова: архивы, государственная политика, архивное дело, Гражданская война, спасение документального наследия.

State policy in the field of archival construction during the Russian Civil War

Abstract

The article highlights the activities of the first state management body in the history of Russia in the field of archival construction – the Main Archival Administration during the Russian Civil war. The author examines the events and initiatives of the Main Archival Administration (Glavarkhiv) associated with the acquisition, saving and collecting the documentary heritage of Russia. The article analyzes the evolution of state policy in the field of archival processing from the first post-revolutionary months to the end of the war. The article observes the documents of national significance developed and approved by the Council of people's Commissars of the RSFSR, the decrees, dedicated to archives which were adopted during this period of time.

Keywords: archives, state policy, archival processing, Russian Civil War, saving of the documentary heritage of Russia.

Годы Гражданской войны – один из самых напряженных периодов работы архивных учреждений России. Созданное в июне 1918 г. Главное управление архивным делом (ГУАД) отмечало: «самая главная и насущная задача Архивного управления – спасение архивов от грозящей им опасности по той или иной причине». Именно под этим углом зрения и следует рассматривать деятельность архивных учреждений молодой советской России в годы Гражданской войны.

Главархив возглавил масштабную работу по комплектованию архивов, спасению и собиранию документальных комплексов, хранившихся в упраздненных советской властью учреждениях и организациях, церковных архивов, выявлению и передаче на государственное хранение частновладельческих архивов.

Вокруг дела спасения архивов и строительства новой архивной системы уполномоченный Совнаркома Д.Б. Рязанов сумел сплотить ведущих архивистов и историков. С.О. Шмидт писал в этой связи: «никогда не было столь близкого и результативного творческого содружества архивов и исторической науки – и, пожалуй, не только в России». В ноябре 1919 г. Рязанов издает распоряжение, согласно

которому арестованные ВЧК архивисты числились в штате архивов, и жены арестованных могли получать их зарплату.

ГУАД начал функционировать 15 июня 1918 г. первоначально в Петрограде. В Москве создано Московское областное управление, но после переезда Совнаркома в Москву в ноябре 1918 г. оно преобразуется в Главное управление архивным делом.

В 1918 г. образованы Петроградский историко-революционный архив, ядром которого стали документы Комиссии по разборке дел бывшего Департамента полиции, и Московский историко-революционный архив, основу которого составили документы учреждений, занимавшихся политическим сыском и судебными делами.

10 сентября 1918 г. организована комиссия по разборке материалов царской семьи. 14 сентября 1918 г. принято решение о создании Новоромановского архива.

20 января 1919 г. в Москве создано Хранилище частных архивов (Хранчасар). В мае 1919 г. ГУАД опубликовал обращение к владельцам семейных, хозяйственных, служебных документальных собраний с предложением передавать их в Хранилище, «где порученные заботам ученых специалистов они будут сохранены для истории».

Пострадавший от артобстрела во время Октябрьской революции Московский дворцовый архив, находившийся в Троицкой башне Кремля, к лету 1918 г. был разобран.

Начало концентрации материалов русской армии в московском отделении III (военно-морской) секции ЕГАФ положено 27 марта 1919 г. декретом СНК «Об архивах и делах расформированной прежней армии» (27 марта 1919 г.). Московское отделение архива Инспекторского департамента Главного штаба, известное под названием «Лефортовский архив», служило центральным хранилищем военных документов Российской империи. В 1918 г. он объединен с привезенным из Петрограда Военно-ученым архивом Главного штаба, разработавшим инструкцию по сбору документов на фронтах Гражданской войны. В августе 1919 г. при Военно-исторической комиссии Всероссийского Главного штаба создано «Отделение по сбору исторических материалов по боевой деятельности Красной армии», реорганизованное в июле 1920 г. в Архив Красной армии в качестве ведомственного архива при Всероссийском Главном штабе. Всем военным ведомствам было приказано сдавать дела в этот Архив. Так было положено начало организации специального архива для хранения документов, образовавшихся в деятельности военных учреждений и действующих частей Красной армии.

В годы Гражданской войны Совнаркомом РСФСР вырабатываются и утверждаются документы общегосударственного значения, посвященные архивному делу.

Декретом СНК от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел» установлен 5-летний срок передачи «оконченных дел» в госархивы и положено начало концентрации документов пореволюционного периода: предусматривалось включение в ЕГАФ материалов правительственных учреждений, кооперативных организаций, профессиональных союзов.

Декрет СНК «О губернских архивных фондах (Положение)» требовал для сосредоточения документов губернских, уездных, волостных учреждений, входящих в губернский архивный фонд, образовать Центральный губернский архив. Губернский архивный фонд делился на отделы, секции и отделения, чем подчеркивалось единство архивов и делопроизводств центральных и местных учреждений. В губернский фонд временно включались и другие архивные собрания, оказавшиеся в губернии – до перевода их в центр. Речь шла об архивах, эвакуированных в годы Первой мировой войны в центральную Россию из Польши, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины.

В это же время началось собирание фото- и кинодокументов: на основании декрета СНК проведена национализация частной кинофото-промышленности, обеспечившая сохранность многих коллекций кинофотодокументов.

29 июля 1919 г. декретом СНК упразднены ограничительные для государства условия, на которых были переданы бывшими владельцами в публичные библиотеки и музеи архивы умерших деятелей литературы, искусства, науки.

Пока Россия находилась в состоянии Гражданской войны, полномочия Главархива распространялись только на те губернии, в которых удерживали власть органы Советской власти. В освобожденных губерниях направляемые из центра инспекторы назначали уполномоченных Главархива. Их отчеты о мероприятиях по охране документальных материалов, организации губернских и уездных архивов регулярно рассматривались Коллегией.

Поэтому принятие неотложных мер по спасению архивного достояния, а также организация архивов и органов архивного управления в губерниях и налаживание их работы в условиях Гражданской войны стали главными направлениями деятельности ГУАД.

Государственной архивной службой осознана приоритетная роль комплектования: с 1918 г. началась концентрация дореволюционных материалов и начат прием в госархивы документов советского периода.

После разгрома армии А.В. Колчака и установления в Сибири Советской власти деятельность учреждений белой Сибири по собиранию и хранению документальных источников была свернута. В конце 1920 г. по распоряжению Ф.Э. Дзержинского ВЧК вывезла из Сибири и передала в АОР фонды Сибирского правительства А.В. Колчака.

Первые годы советской власти характерны глубочайшими изменениями не только в государственном устройстве, но и всей жизни общества: лишенные своей собственности, переходившей государству, владельцы предприятий, банков, имений покидали их. Главархив принимает неотложные меры по охране их документальных собраний и концентрации в госхранилищах.

В связи с массовым закрытием монастырей, храмов, духовных учебных заведений проблема сохранения архивов церковных учреждений требовала безотлагательного решения. Так, в числе привлеченных к осмотру и охране материалов архива Троице-Сергиевой Лавры был философ Н.А. Бердяев, служивший научным сотрудником в Хранчасаре.

На сохранности архивных документов едва отрицательно не сказалась макулатурная кампания 1919 – начала 1920-х гг., когда в условиях бумажного кризиса Центроутиль ВСНХ готов был использовать архивы правительственных учреждений и бывших частновладельческих предприятий для их утилизации. ГУАД добился ликвидации его противозаконных действий.

Процесс становления архивного дела составляет целостную картину, как архивисты, при нехватке транспортных средств и денег, зачастую жертвуя собственной жизнью, выезжали в удаленные уголки страны для собирания разрозненных документов не только государственных, военных учреждений и общественных организаций, но и архивов церковных и усадебных. О подвижническом характере повседневного труда архивистов свидетельствуют протокольные записи. Так, старший инспектор Главархива М.С. Вишневецкий был командирован в Донскую область, чтобы собрать и привезти материалы о Гражданской войне. Все сроки для возвращения прошли, нет ни сообщения от него, ни материалов. Представители Главархива едут на вокзал, узнают от железнодорожного начальства, что товарный вагон с юга прибыл и поставлен на запасном пути: «Идут к вагону, открывают пломбиром дверь и видят, что на связках дел в жару и без сознания лежит Михаил Станиславович, заболевший в дороге сыпным тифом».

В ноябре 1919 г. на экстренном совещании обсуждается вопрос о создании «рабочих отрядов» из ослабевших от голода и болезней интеллигентов, из-за отсутствия транспорта перевозивших на саночках и

переносивших вручную тюки с бумагами, выброшенными на улицу или рассыпанными по полу упраздненных учреждений.

Врач Главархива установил, что служащие в петроградских архивах и их семьи получили по продовольственным карточкам в октябре 1918 г. на 80% меньше минимальной нормы, «малейшее уклонение от которой приносит непоправимый вред организму». Весной 1919 г. отмечалось: «Вымирание архивных служащих идет гигантскими шагами.....».

Однако ГУАД в системе Наркомпроса РСФСР занимал далеко не ведущую роль. Наркомпрос финансировал его не должным образом. Руководство Главархива старалось облегчить жизнь архивных служащих. 4 ноября 1919 г. на заседании при управляющем ГУАД отмечалось: «Исключительно тяжелые условия жизни, переживаемые служащими учреждений г. Москвы, содержание которых далеко не соответствует ценам на продукты, одежду, обувь и топливо, побудили некоторые учреждения выдать им ссуду в размере месячного оклада содержания с погашением ее в рассрочку на несколько месяцев и, кроме того, специальный аванс на приобретение топлива».

В условиях экономической разрухи и «бумажного голода» при поддержке Рязанова в ноябре 1918 г. создана Научно-издательская комиссия, разработавшая масштабную программу новых и продолжающихся дореволюционных изданий. В ноябре 1919 г. рассматривается вопрос «О микротипировании документов в целях достижения сохранения их в виде точных снимков в течение неопределенно долгого времени».

Большое внимание Главархив уделял взаимоотношениям с Петроградским отделением, где были сосредоточены важные архивы России, и налаживанию работы в северных губерниях страны. В период деятельности «рязановского» ГУАД Петроградское отделение, без преувеличения, являлось «мозговым» центром архивоведческой науки страны.

На совещаниях в Петрограде нередко ставились острые вопросы. 6 февраля 1919 г., в разгар Гражданской войны, Н.В. Голицын обратил внимание собрания на заслуги расстрелянного великого князя Николая Михайловича перед архивным делом и предложил почтить его память.

Наркомпрос РСФСР не всегда поддерживал инициативы Главархива, а иногда и тормозил проведение их в жизнь. ГУАД обратился с письмом в Коллегию Наркомпроса с просьбой рассмотреть проекты декретов «О не выселении губернских архивов из занимаемых ими помещений», «Об учете графических и числовых геодезических материалов». Они приняты не были. Главархиву пришлось вести борьбу против захвата помещений архивов более могущественными ведомствами. Инспекторы докладывали

о стремлении Научно-технического отдела (НТО) СНХ занять помещение, принадлежащее Архиву бывшей Московской духовной консистории. Таких фактов было немало.

Деятельность Главархива при Рязанове, стремившегося ослабить чрезмерную политизацию, строилась на научной основе. В соответствии с Декретом от 1 июня 1918 г. провозглашен принцип гласности в пользовании архивных документов, что не отвечало интересам укрепления новой власти. Воспользовавшись тем, что в августе 1920 г. Рязанов выехал в зарубежную командировку для переговоров о передаче рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса в советские архивохранилища, он был смещен с поста зав. ГУАД. 27 августа 1920 г. «заведование ... принимает на себя зам. нар. комиссара по просвещению М.Н. Покровский», заявивший, что «архивы находятся в руках чужих людей». 16 декабря 1920 г. новый состав Коллегии Главархива утвержден.

Уже 17 сентября 1920 г. создается Госархив РСФСР для хранения «важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов», в составе которого образовано IV отделение для собирания и хранения документов Октябрьской революции.

Создание Госархива РСФСР, вслед за которым потянулась реорганизация секционного деления ЕГАФ, свидетельствовало об изменении курса нового руководства, ориентированного на «политизацию» отрасли, усиление влияния на нее партийных кадров. Вместе с тем начинает будироваться вопрос о выходе архивов из системы Наркомпроса РСФСР. 24 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК по представлению Покровского принимает постановление о передаче ГУАД в подчинение ВЦИК, переименовав его в Центрархив РСФСР.

Речь шла не только об изменении подведомственности архивов. В ведение Центрархива передавались архивные учреждения республики, а также общее руководство постановкой архивной части и текущего делопроизводства во всех правительственных учреждениях РСФСР. Коллегии Управления Центрархивом предоставлялось право брать под собственный контроль «особо важные в историко-революционном и научном отношениях актоохранилища на всей территории РСФСР».

Заместитель заведующего Центрархивом РСФСР В.В. Адоратский поставил перед руководителями архивов задачу «пересмотра состава сотрудников, чтобы освободиться от вредных элементов».

В начале 1920-х гг. процесс политизации архивов нарастает: организовываются политсекции при губернских архивных бюро. В губернских архивах проводится замена беспартийных сотрудников членами партии. По утверждению М.Н. Покровского, упор в 1918–1920 гг.

на культурное значение архивов повлиял на «первоначальный состав архивов, где политический элемент почти отсутствовал».

Победа в Гражданской войне в центральной России укрепила государственный аппарат новой власти и способствовала изменениям и в работе госархивов – начинается переход от мероприятий по спасению архивов к планомерной работе по учету, описанию и широкому использованию архивных документов.

28 октября 1921 г. по предложению Наркомюста принято решение о создании в составе АОР Отдела по отделению церкви от государства, куда стали поступать материалы, характеризующие взаимоотношения церкви и государства. Отдел просуществовал недолго, и в 1922 г. вошел в состав Актохранилища АОР.

Подводя итоги работы архивистов в указанный период, А.С. Николаев писал: «Из ничего, из пустого места, выросло учреждение, поставившее своей задачей спасти, охранить, упорядочить, подготовить для научной работы архивные фонды, разбросанные по всей территории Советской Республики... Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели... В короткий срок сделано много и сделано в невероятно тяжелой обстановке».

Таким образом, период Гражданской войны в судьбах отечественных архивов ознаменовался сложным, но целенаправленным переходом от дореформенной ведомственной разобщенности к научным основам организации архивного дела. Однако становление единой централизованной системы управления архивным делом проходило противоречиво, отражая перипетии борьбы за «огосударствление» и «политизацию» системы архивов на всех уровнях.

Примечания

¹ *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М.: РГГУ, 2007. 198 с.

² *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. М., 1994. 360 с.

³ *Хорхордина Т.И., Волкова Т.С.* Российские архивы: История и современность. М., 2007. 416 с.

Тюркские элиты России: опыт этнокультурного
взаимодействия. Конец XIX в. – 1920-е гг.

Аннотация

Участие тюркских элит в процессах модернизации – это не склад фактов, а творческий процесс. Векторы межкультурного взаимодействия в нем разнообразны и, что главное, обусловлены специфическими обстоятельствами. Возьмем хотя бы их историю получения образования и специализацию обучения. Этот важный ресурс объясняет векторы взаимодействия тюркских элит с модернизационными процессами.

Ключевые слова: тюркские элиты, модернизация, векторы межкультурного взаимодействия, получение образования и специализация обучения.

Tamara Krasovitskaya
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The Turkic elites of Russia: experience of ethno-cultural
interaction. The end of 19th century – 1920s

Abstract

The participation of the Turkic elites in the modernization processes is not a stock of facts, but a creative process. The vectors of cross-cultural interaction in it are diverse and, most importantly, are determined by specific circumstances. Let's take at least their history of education and specialization of training. This important resource explains the vectors of interaction between the Turkic elites and the modernization processes.

Keywords: Turkic elites, modernization, vectors of cross-cultural interaction, education and training specialization.

Участие тюркских элит в процессах модернизации – это не склад фактов, а творческий процесс. Векторы межкультурного взаимодействия в нем разнообразны и, что главное, обусловлены специфическими обстоятельствами. Возьмем хотя бы их историю получения образования и специализацию обучения. Этот важный ресурс объясняет векторы взаимодействия тюркских элит с модернизационными процессами.

Многие не могли (а хотели!) получить образование на родине. Но большинство получили его за рубежом. Стремилась поучиться на юридических, экономических и других общественных факультетах. Политические науки в то время считались субдисциплиной юриспруденции, по крайней мере, в России. Юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который В. Ленин окончил экстерном, оставался одним из лучших центров политических исследований в России. Один из лидеров тюркской элиты И. Гаспринский внимательно изучал опыт французской системы образования.

С начала XX в. во Франции стали учиться российские мусульмане. В 1910 г. в Париже училось до 500 студентов-мусульман, из которых тюрков было до 300 человек. Группа мусульман из России составляла 10 человек, из них две женщины. Большинство же студентов-тюрков обучалось в Германии¹.

В Париже преподавали российские ученые-эмигранты. Профессора-либералы Е.В. де Роберти вместе с М. Ковалевским создали Русскую высшую школу общественных наук. Ковалевский трактовал российские политические практики в рамках «теории социального прогресса». Преподавали цивилист Ю.С. Гамбаров, профессора политэкономии и статистики Московского университета А.И. Чупров и Н.А. Каблуков, историк П.Г. Виноградов, экономист М.И. Туган-Барановский, историк литературы С.А. Венгеров, этнограф Ф.К. Волк, филолог и литературовед Е.В. Аничков, историк права С.А. Котляревский и др.

Конечно, содержание знаний, получаемых тюркскими студентами, отдельная и важная тема. Но интерес тюркских студентов к восприятию западными народами вопроса о власти: должна ли личность подчиниться коллективной воле или наоборот, возрастал. Французский инстинкт решал: власть не принадлежит никому, важно не государство, а равенство всех. Английский инстинкт вел к тому, что власть принадлежит личности. В конечном итоге это идет на пользу всем. И то, и другое называлось демократией, но в совершенно разном значении этого слова. Немецкий инстинкт говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Как видим, в разных странах на этот вопрос давались разные ответы. Таким образом, студенты получали представления, как правительства обосновывают свою политику, применяя те или иные

идеологические концепции, суждения и общественные чувствования, религиозные, конфессиональные представления, традиционные ценности образа.

Поездки за знаниями приняли значительные масштабы и знания обретали новое качество. Этнические элиты ездили за ними за рубеж еще и потому, что зарубежная профессура давала более современную интерпретацию юридически-правовых, например, знаний применительно к реформаторским устремлениям российских тюрко-язычных элит. В начале XX века богослов Мухаммад Абдо выдвинул концепцию реформирования ислама, выделив важность получения знаний для социального обновления. Реформаторские идеи Абдо переведены на татарский язык. Книга «Мусульманские философы» издана в Оренбурге в 1909 г. Огромной популярностью пользовался университет аль-Азхар в Каире. У Абдо учились будущие татарские философы, историки, общественные и религиозные деятели З. Камали, З. Кадыри, М. Биги, Г. Баттал, Г. Расули. Его окончили два ученика Ш. Марджани: К. Сайфутдинов и А. Яхуди. Пройдя университетский курс, они преподавали в нем восточную философию на тюркском отделении. В Казани Сайфутдинов 10 лет вел курс исламской философии в медресе Мухаммадия.

Камали после обучения в Стамбуле естественным и математическим наукам, поступил на философский факультет аль-Азхара. Заместитель директора медресе Галия Г. Шнаси, получив образование в аль-Азхаре, написал учебник на татарском языке по химии.

Многие считали, что мусульмане подходили к знанию абсолютно не творчески, во всем новом они пытались распознать старое, и были равнодушны к современным изменениям. Сегодняшние исследования опровергают такие представления. Да и накануне 1917 г. казанский цензор и историк церкви П.В. Знаменский считал: казанские мусульмане тянулись к практикам «Каира с ее европейскими знаниями и светским направлением. Молодежь стала направляться больше в Каир, чем в Стамбул. По возвращении оттуда молодые люди распространяли новую науку и дома; учебные заведения нового типа в Казани привлекают теперь массу учеников, – видно, что они пришли по душе молодому татарскому поколению. Новое движение не против ислама как необходимого националистического элемента жизни, но оно, конечно, должно значительно ослаблять старое узко-религиозное направление этой жизни. Старое, отживающее поколение татар с его фанатичными муллами и старометодными медресами заметно отстает и стусевывается перед новыми требованиями века»². В учебных заведениях Стамбула в 1909 г. обучалось 63 татарина: в университете – 14, учительских семинариях – 12, средних учебных заведениях – 20, училищах султана – 4, городских

училищах – 10. В бурлящем политическом котле Стамбула в престижном частном учебном заведении «Мектебе мультя-и-шаханэ» Ф. Карими изучал экономику, литературу, историю, филологию, учил турецкий и французский языки. Он особенно интересовался учебными программами, подготовкой учебников, работой Министерства образования. Карими при поддержке отца намеревался продолжить образование в Европе. В одном из писем отец выказал профессиональное знание зарубежных систем образования: ты «вероятно, захочешь продолжить образование в одной из европейских стран на свое усмотрение. Думаю, что если ты заинтересуешься техническими специальностями, то следует выбрать Германию, а если заинтересует литература, искусство, библиотеки – то следует ехать в Париж»³. Часть молодежи, углубив знания в исламоведении в Стамбуле, направлялась в учебные заведения Мекки, Медины и Бейрута.

В Стамбульском университете до 1917 г. получили образование представители крупного тюркского этноса – молодые казахи А. Гайсин, С. Шанов, Д. Келбаев, М. Турганбаев, А. Машаев. Туркестанский губернатор А. Самсонов из письма российского посольства в 1910 г. узнал, что в Стамбуле около 100 студентов из Средней Азии обучаются «расхожим тезисам панисламизма и тюркского шовинизма». Посольство сообщало: «информацию о том, что в Бухару посланы агенты, ... чтобы распространять панисламистскую пропаганду». Охранное отделение 1913 г. указывало: в Турции учатся 250 студентов только из Бухары. «Все, что было среди этих татар интеллигентного, обратило свои взоры на центры умственной жизни мусульманства – Париж, Константинополь и Каир», констатировали имперские структуры в 1910 г.⁴

Что из этого следует для понимания опыта и тенденций этнокультурного взаимодействия элит?

Во-первых, вытесненные в зарубежные университеты, они воспринимали знания как идеологические и символические конструкты. С их помощью формировался главный содержательный общий вектор: *готовность тюркских элит видеть мир в процессе перемен*. Осмыслялись эффективные практики социального конструирования реальности, знакомства с разными философскими теориями о взаимодействии с миром, человеком. В 1910 г. этнограф Л. Штернберг комментировал обучение татар в Каире: «Здесь... английская свобода породила в мусульманстве идеи, которым, может быть, суждено изменить всю психику мусульманского мира»⁵. У мусульман России теорию аналогичности процесса создания тюркской нации созданию наций-государств в Европе выдвинул в 1911 г. один из лидеров движения периода российской революции 1905–1907 гг. азербайджанец Ахмед бек Агаев. Важнейшими

процессами, приведшими к образованию единства мусульманских народов России, он считал культурное и языковое единство. В их результате образовалась общность российских мусульман Кавказа, Крыма, Казани и Оренбурга, основным институтом которой А. Агаев называет школы на тюркском языке, возглавляемые мусульманской интеллигенцией⁶.

Во-вторых, опыт получения университетских знаний превратил видных представителей элит в харизматиков. Этому способствовало и то обстоятельство, что в российских правительственных кругах политическая функция реформ в образовании возобладала над функцией образовательной. Политизация реформ стала причиной непопулярности *гуманистического потенциала культурного пантюркизма*. Восходящие в своих истоках к просветительским установкам и представлениям И. Гаспринского образовательные практики оттеснились на второй план. Пантюркизм воспринимался инородным продуктом идеологического импорта Османской империи. Он особенно раздражал имперский центр. Специальные циркуляры МВД требовали не допускать к преподаванию тех, кто получил образование за границей. 7 октября 1910 г. секретным письмом Столыпин приказал губернаторам окраин «предпринимать обязательно решительные меры для их высылки из империи»⁷.

Столыпин считал, что эти «инородцы» содействуют пробуждению «узкого национально-политического самосознания». Они «ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни». Их следует считать «угрожающими общественному спокойствию и безопасности», в образовании – *конкурентов* школе государственной. С. Максуди приводит данные: «В течение года обыскали 150 мусульман, закрыли более 70 учебных заведений и просветительных учреждений». Попытки найти единое панисламистское движение, заявлял он, обречены на неудачу, потому что такого явления не существует. Максуди критиковал требования Особого противомусульманского совещания (1910 г.) «не допускать в конфессиональных школах преподавание *каких бы то ни было предметов* общеобразовательного характера»⁸.

В-третьих, молодые представители тюркских элит вступали во взрослую жизнь, когда набирал силу профессиональный активизм как способ переустройства общества. Татарский историк Дж. Валиди писал: «В истории татар, вероятно, не было такого глубоко волнующего народную душу вопроса, как вопрос обновления школы»⁹.

В России на рубеже XIX–XX веков зародилась генерация интеллектуалов, открытых светской образованности. Они одними из первых были втянуты в процесс изменения, которое отразилось в том, как они стали смотреть на себя и на окружающий мир. Ситуация рассматривалась

как подготовительный этап вызревания управленческих конструкций. Эти конструкции базировались на почве, отвергающей унификацию.

В-четвертых, по убеждениям большинство представителей тюркских элит были *автономистами-федералистами*. Меньшая часть были *самостийники*. Критика русской историографии рубежа веков и акцент на том, что в Россию населяет лишь русский народ, а не многонациональное население, например В. Ключевским, и сегодня вызывает недовольство тюрков, особенно, татар. В предисловии к первой части семитомной истории татар Р. Хакимов замечает: «государство было Российским, а народ – русским. Для татар и их государственности места не оставалось»¹⁰. Современные татарские историки нацелили исследования истории Волжских Булгар, а не на совместное русско-татарское или русско-тюркское прошлое.

Февраль 1917 г. усилил диалог о федерации как форме будущего государства, при которой возможно сохранить общетюркское единство и общие культурные ресурсы: язык, его инструменты, религию, частично, общую историю.

Диалог пошел по линии горизонтальных связей. Горизонтальные связи подняли проблему этнических территорий и их границ.

В-пятых, в полемике о реформе школы языковая проблема заняла центральное место. Реформаторы и консерваторы, атеисты и религиозные ортодоксы, сторонники национального движения и интернационалисты участвовали в ней в особо острой форме.

Мусульманская школа, кроме арабского языка, использовала язык тюрки. У него долгая история формирования, связанная с появлением на исторической арене современных тюркских народов. Язык тюрки единственным не был, но распространен от Великой стены до Каспия и вверх до Казани. Тюрки имел ряд региональных особенностей, отличавших его от других изводов этого книжного языка, использовался как литературная форма, постепенно вбирая в себя местные народные элементы, что привело к появлению локальных вариантов письменного языка. Огромную роль сыграл чагатайский язык. Ряд этносов оказались в центре пересечения различных языковых практик. В XVI–XIX вв. уже функционировал старо-татарский литературный язык, продолжавший традицию тюрки; имелась и литература различной тематики. Но обретали силу и обрастали своими культурными ресурсами другие родные языки. Важную роль для них сыграло отсутствие общей для тюрков светской власти как регулятора процесса и заказчика культурных продуктов.

Все элиты питались из источников с различным потенциалом культурного самоутверждения, выступали в манифестной форме.

Весь 1917 год, по сути, потрачен на борьбу автономистов-регионалистов (А.-З. Валидов) и тюркистов (С. Максуди), последний отстаивал важность сохранить общий фонд культурного наследия. Победили автономисты, их увлекали карьерные перспективы, создание собственных государственных структур. Их обещали большевики.

В-шестых, сформировалось разделение, напрямую зависящее от политического самосознания элит. Из различных версий: «технологического модернизма» и «модернизма свободы» (по Ю. Хабермасу), они избрали технологии и практики как более им знакомые. Те, которые пошли за большевиками, по сути, встали на путь размена этнокультурного ресурса на ресурс властный. На путь небескорыстного использования взрывоопасного потенциала этнической нетерпимости. Многие умело перемещались в центр событий. В Москву, в Наркомнац, в Наркомпрос, в структуры ЦК РКП (б). Они поддерживали большевистский пафос, пытаясь продвинуть с их поддержкой собственный культурный продукт - разные программы, планы, проекты, периодические материалы и пр.

В-седьмых, важно, что оказавшись в Москве в одних структурах они «облучали» друг друга с разных аспектов, и в региональном, и в общетюркском масштабе (группировались вокруг М. Султангалиева, Т. Рыскулова и др.). Но с образованием советских автономий они пленяла роль локальных лидеров, что усиливало их харизму.

Специфика такого исторического опыта заключалась в особо сложной реализации национальных интересов в советском проекте модернизации. Элиты настаивали на движении к индустриализму с *опорой на собственный культурный ресурс*. Родной язык перемещался в центр внимания их как политиков. Он оставался важной связкой с родной средой. Но языковой ресурс, его возможности в модернизационном процессе и на рынке языков не оценены объективно с позиций их возможности получать современные светские знания. Профессиональные лингвисты в школьных практиках сделали ставку на светские знания как фактор социального выживания и благополучия. Но возможности языкового ресурса в модернизационном процессе на рынке языков не оценены объективно.

Этнические элиты, осваивая современные практики, продолжали ценить этнический потенциал выше прогрессистских советских целей. В ответ советские политтехнологи окрестили эти практики «пантюркизмом», «панисламизмом». Многие по этому основанию были репрессированы, выведены из реального политического процесса.

В целом, советская власть, не возражая против привлечения в советский континуум тюркских элит, оценивала их как деятелей второго ряда. В этом контексте как мешающие советской модернизации

оценивались институты и инструменты, которые складывались у тюркских сообществ на базе собственных культурных традиций. То, что сохранялось и отстаивалось как механизм этого единства, воспринималось как отсталость. В упрощенном смысле процессы рассматривались двояко: с одной стороны, как борьба с «излишествами» самопознания различных этнических сообществ, в том числе с «этническим эгоизмом», с другой – как этап введения народов в более широкое и, как считалось, более культурное пространство. Социальная инженерия подавалась как деятельность, направленная на включение тюркских этносов в строительство социализма (процесс модернизации). Общие цели, таким образом, достигались: идеологическое содержание политики «центра» определяло содержание исторического процесса. Этнические отличия учитывались при осуществлении тех или иных преобразований, хотя вопрос об этнокультурной автономности постепенно элиминировался ссылкой на то, что Страна Советов строилась как сверхнациональное государство. Она считала себя преемницей Просвещения и лидером Прогресса. Все, годившееся для советского строительства, вовлекалось в его сферу и приветствовалось. Все, что сопротивлялось – клеймилось «буржуазными», «феодално-байскими» пережитками, отвергалось, позже – репрессировалось.

Оценка процесса модернизации тюркских этносов, все еще находящихся на стыке традиции и современности, носит преимущественно негативный смысл. Культурные утраты заслоняют ее положительные стороны, обесценивают цели, ценности и достижения. Критики говорят о гипотетической возможности более мягкой, гуманной и терпимой стратегии модернизации. В такой оценке присутствует и неизбежный мотив межэтнического и межцивилизационного конфликта модернизаторов с модернизируемыми. Но не сбросишь со счетов и открывавшуюся интересную лабораторию слияния интеллектуальной истории и политической практики, широких возможностей осмысления хитросплетений национальных и советских идентичностей.

Примечания

¹ *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар. Казань: Иман, 1998. С. 118–119.

² *Знаменский П.В.* Казанские татары. Казань: типолит. Имп. ун-та, 1910. С. 15.

³ *Карими Ф.* Научно-биографический сборник. Казань: Рухият, 2000. С. 79.

⁴ *Adam V.* Russlandmuslime in Istanbul am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Die Berichterstattung osmanischer Periodika über Russland und Zentralasien, Frankfurt am Main, 2002. S. 467.

⁵ Цит. по: *Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В.* Российские мусульмане-татары: от общины к нации (конец XVIII – начало XX вв.). Казань, 2007.

⁶ *Agaev A.* Turk galeme // Turk Yurdu. 1911. № 2. S. 37–42.

⁷ *Adam V.* S. 467.

⁸ *Хабутдинов А.* Лидеры нации. Казань, 2003. С. 95.

⁹ *Валидов Дж.* С. 106.

¹⁰ *Хакимов Р.* История татар: взгляд из XXI века // История татар с древнейших времен. Т. I: Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 3–11.

М.И. Старовойтов
*Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины (Беларусь)*

Административно-территориальное устройство белорусско-российского пограничья в 1920-е гг.

Аннотация

В статье рассмотрена роль этнолингвистического фактора, повлиявшего на изменения в административно-территориальном устройстве белорусско-российского пограничья и на формирование межреспубликанской границы. Выявлены основные этапы решения вопросов в партийных и советских республиканских и союзных органах о границе. Автор считает, что законодательное оформление межреспубликанской границы БССР и РСФСР во второй половине 1920-х годов окончательно определило территориальный статус пограничья, существующий по настоящее время.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, белорусско-российское пограничье, этнолингвистический и экономический факторы, межреспубликанская граница.

Administrative and territorial structure of the Belarusian-Russian border in the 1920s.

Abstract

The article considers the role of the ethnolinguistic factor that influenced the changes in the administrative-territorial structure of the Belarusian-Russian border and the formation of the inter-Republican frontier. The main stages of the border issues solving in the party and Soviet Republican and Union bodies are identified. The author believes that the legislative registration of the inter-Republican border of the BSSR and the RSFSR in the second half of the 1920s finally determined the territorial status of the border area that exists to this day.

Keywords: administrative-territorial structure, Belarusian-Russian border area, ethnolinguistic and economic factors, inter-Republican border.

В отличие от политического и экономического факторов, учитываемых при исследовании изменений в административно-территориальном устройстве (АТУ) в 1920-е годы в белорусско-российском пограничье (БПИ) роль этнолингвистического фактора еще не получила всестороннего освещения. Отдельные аспекты этой проблемы затронуты в монографиях белорусских историков С.А. Елизарова, С.Н. Хомича, российских историков Ю.А. Борисёнка и Е.Г. Карелина. Тем не менее, освещение решения территориальных вопросов в рассматриваемый период в обозначенном регионе требует детализации и конкретизации.

Учитывая возможный объем публикации, используя сравнительно-исторический подход к исследованию обозначенной проблемы, выделим узловые моменты в определении роли этнолингвистического фактора в реформировании АТУ в регионе. Реформирование проходило в условиях советского районирования, национально-государственного строительства на основе советского этнофедерализма и образования СССР, расширения территории БССР, определения и установления межреспубликанской границы, окончательное обозначение которой и привело к формированию БПИ, существующему с начала 1990-х годов уже с прозрачной межгосударственной границей по настоящее время.

Решение ЦК РКП(б) о создании белорусской советской государственности было принято 24 декабря 1918 г. 30 декабря 1918 г. в ноте Польского МИДа было официально заявлено правительству РСФСР о территориальных претензиях¹. В этот же день в Смоленске на VI Северо-Западной областной конференции РКП (б), объявившей себя I съезд КП(б)Б, была принята резолюция об объявлении самостоятельной социалистической республики Белоруссии «из территорий Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний», принято постановление о границах республики и ее административном устройстве. Очевидно, руководство в Москве полагало, что позиция Польши либо заставит эти границы пересматривать, либо они останутся неизменными и будут отвечать в принципе этнотерриториальному расселению белорусов.

Чтобы предотвратить оккупацию всей ССРБ ЦК РКП(б) 16 января 1919 г. принял решение выделить из Белорусской республики Витебскую, Смоленскую и Могилевскую губернии и оставить в ее составе Минскую и Гродненскую. Государство создавалось, как буферное. Разъяснения, в т.ч. и В.И. Лениным, о необходимости принятия такого решения были даны руководству ССРБ. После официального объединения Литвы и Белоруссии для борьбы с агрессией Польши 27 февраля 1919 г. ССРБ как самостоятельное государство юридически перестало существовать. И ЛитБел ССР было буферным государством, которое уже с лета 1919 г. существовало формально.

Во втором провозглашении ССРБ обозначался порядок определения ее границ. В «Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии» 31 июля 1920 г., указывалось, что «Граница ... с Советской Россией и Украиной определяется свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с правительством РСФСР и ССРУ»². Определение и оформление границы ССРБ/БССР и РСФСР окажет существенное изменение в АТУ пограничного региона.

Вопрос о новом административно-территориальном устройстве советских территорий и хозяйственном районировании в конкретную политическую и практическую плоскость был поставлен на VII съезде Советов РСФСР в декабре 1919 г. В обозначенном нами регионе административно-территориальные преобразования проводились в первую очередь с учетом политической, экономической и хозяйственной целесообразности, а не этнографического фактора, на который еще редко обращали внимание. Это видно на примере создания Гомельской губернии (апрель 1919 г.) и Брянской губернии (апрель 1920 г.), что серьезно осложнило решение вопроса о возвращении в состав БССР Гомельского и Речицкого уездов в 1926 г.

Председатель Административной комиссии по районированию М.Ф. Владимирский на 2-й сессии ВЦИК в марте 1921 г. отмечал, что комиссия определила 6 основных признаков при установлении границ административного деления. Из них «национальный состав населения» был последним. Преимущество отдавалось промышленно-распределительным пунктам и тяготению к ним населения³. В последующем стало очевидным, что экономическое районирование не позволяет решать территориальные вопросы в национальных образованиях.

В соседних Витебской, Гомельской, Брянской и Смоленской губерниях, входивших в состав РСФСР, в 1920–1923 гг. происходило частое переформатирование их уездных территорий (создание, передача, упразднение), что меняло АТУ. Документировано такого рода изменения представлены в совместном белорусско-русском издании⁴.

Предлагались и более крупномасштабные изменения. Так, Могилевский уком РКП (б) 12–13 июля 1920 г. даже принял постановление о целесообразности выделения Могилевской губернии «из экономической точки зрения»⁵. Воссоздать Могилевскую губернию путем деления Гомельской губернии на северную и южную части не удалось.

Для ССРБ/БССР важной являлась проблема расширения территории в восточном направлении до ее этнических границ. Первая постановка вопроса о границах относится к ноябрю 1920 г., когда решался вопрос об установлении отношений БССР и РСФСР по примеру УССР и в связи с переговорами в Риге. После изучения точек зрения И.С. Уншлихта, коллеги НКВД РСФСР, решения ЦБ КП(б)Б Политбюро ЦК РКП (б) 18 ноября 1920 г. постановило, что «расширению территории Белоруссии считать несвоевременным»⁶. Позже А.Ф. Червяков так охарактеризовал эту ситуацию. «ЦК предлагал расширить территорию Белоруссии, ...за счет Гомеля и Витебска. Мы тогда сказали, что не управляемся с 6 уездами, ...а белорусский народ просит помочь для того, чтобы подняться после польской оккупации. Нам помогли, оказали огромную помощь...мы смогли подняться на ноги, стали требовать» (*стиль и орфография сохранены – М.С.*)⁷.

В январе 1921 г. вопрос о границах подняла группа коммунистов-белорусов («Письмо 32-х») ⁸. В мае 1922 г. В.М. Игнатовский, представил в ЦК КП (б) Б этнографические материалы по БССР и отметил, что отношение к белорусскому вопросу идет в разрез с решениями X съезда РКП (б) по национальному вопросу⁹. Информация была доведена до ЦК РКП (б). Ответственный инструктор ЦК РКП (б) А.И. Асаткин-Владимирский в отчете о проверке партработы в республике в августе 1922 г. указал: «Заслуживает быть отмеченным, особенно волнующие все круги Советской Белоруссии, вопрос о расширении границ Белорусского

государства до естественных его пределов, согласно этнографическим данным края. Общие интересы БСР и РСФСР говорят за необходимость присоединить к Белоруссии ее этнографические части: Гомельщины, Витебщины и западную часть Смоленщины»¹⁰. Это дало основание руководству БССР вопрос о восточных границах включить 16 сентября 1922 г. в постановление пленума ЦБ КП (б)Б, но его не удалось решить ко времени образования СССР. После принятия в июле 1923 г. Конституции СССР процесс АТУ пограничного региона вступил в новую фазу. Многие административно-территориальные вопросы в республиках необходимо было решать с учетом п. «ш» ст. 1 главы 1 и ст. 6 главы 2 союзной Конституции.

На основе всестороннего изучения белорусского вопроса формирование границы БССР с РСФСР произошло в результате I и II укрупнений/расширений (употребляемые термины) территории БССР. Важнейшую роль в определении восточной границы БССР в первой половине 1920-х годов сыграл этнолингвистический фактор. О том, что этот фактор важнее, всякого рода «выравниваний», всегда спорных экономических факторов, свидетельствует следующее.

По решению Политбюро ЦК ВКП (б) национальный состав и язык населения Гомельского и Речицкого уездов обследовала специальная комиссия под руководством Я.Х. Петерса, предложения которой были утверждены на заседании этого партийного органа 18 ноября 1926 г. На специально созванном по этому поводу объединенном пленуме Гомельского губкома ВКП (б) и ГКК, проходившем 1–2 декабря, секретарь ЦК ВКП (б) Н.М. Шверник дал следующие разъяснения. Вопрос о выделении Гомельского и Речицкого уездов из состава Гомельской губернии два раза обсуждался в ЦК, что говорит о довольно серьезном отношении к этому вопросу. «Первый раз, когда обсуждался этот вопрос, то представленные материалы ...противоречили в отношении национального состава Гомельского и Речицкого уездов. В виду этого ЦК решил послать Комиссию для ознакомления на месте с населением губернии. ... Комиссия ...установила, что разговорный язык в этих уездах белорусский с примесью русских слов, ...что отношение населения к присоединению к Белоруссии отрицательное. < > Центральный Комитет решил считать доказанным, что население...уездов белорусское и считает необходимым присоединить их к Белоруссии... < > Наконец, мы не должны упускать из вида политическое значение этого решения. В то время, как наши западные соседи всячески стараются придушить национальное движение своих меньшинств, стесняя возможность свободного их самоопределения, мы идем навстречу, развивая экономическое благосостояние БССР, **расширяя ее границы на Восток**

до естественных этнографических пределов (выделено – М.С.)»¹¹. Секретарь Брянского губкома А.Н. Рябов в своем выступлении на этом пленуме отметил, что с решением ЦК в отношении отхода Гомельского и Речицкого уездов к Белоруссии с преобладающим количеством белорусов спорить не приходится, но нужно предупредить товарищей из Белоруссии с такими присоединениями не увлекаться, а подойти к этому вопросу побратски. Брянский губком приветствует постановление Политбюро и надеется, что будет проводить данное решение без всяких «задинок»¹². Без «задинок» не обошлось. Руководство Брянской губернии выдвинуло ряд экономических и финансовых претензий. В постановлении от 27 декабря 1926 г. ВЦИК внес ряд конкретных пунктов, конкретизировав предыдущие решения. Гомельский губисполком должен был быть распущен не позднее 31 декабря 1926 г., а передачу уездов произвести немедленно. «Урегулирование спорных вопросов как пограничных, так и имущественно-финансовых возложить на паритетную комиссию»¹³. В процессе работы паритетной подкомиссии (работала в Гомеле с 20 декабря 1926 г. по 20 января 1927 г.) на ее заседаниях 26–28 декабря остро обсуждался вопрос о необоснованности ходатайства ЦИК Брянской губернии о присоединении к ней г. Добруша (расположена писчебумажная фабрика) и одноименного района с частью лесных угодий. Было еще раз обращено внимание, что присоединение части Гомельской губернии к БССР мотивировано, «главным образом, национальным моментом». Вопрос о г. Добруше и о границах решен постановлением ВЦИК. В протоколе заседания подкомиссии от 28 декабря 1926 г. дано «описание новой государственной границы между БССР, с одной стороны, РСФСР и УССР, с другой». В ходе дискуссий на следующих заседаниях были сняты все спорные имущественные вопросы и до весны 1927 г. окончательно определена граница в этом регионе БРП¹⁴.

Опубликованные в 1928 г. данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. окончательно сняли с обсуждения дискуссионные вопросы о национальном составе населения ряда уездов белорусско-российского пограничья. Попытка руководства БССР осуществить в конце 1928 г. III укрупнение территории республики за счет этих спорных уездов в официальном порядке не рассматривалась, о чем автор уже писал. Учитывая, что при расширении восточной границы БССР этнический фактор оказался наиболее доказательным аргументом, на наш взгляд, следует отказаться от употребления в научной и учебной практиках абстрактных стереотипических терминов «расширение», «укрупнение», а использовать сложный термин из документов – «передача территорий с большинством белорусского населения».

Изменения в административно-территориальном устройстве в регионе и законодательное оформление межреспубликанской границы были завершены в начале 1927 г., что свидетельствовало об окончательном оформлении территории белорусско-российского пограничья. С конца 1920-х годов по межреспубликанской границе, а с начала 1990-х годов по межгосударственной границе и до настоящего времени официально территориальных спорных вопросов в этом регионе не позникало. Для этого нет никаких оснований. Это имеет важное значение для современных суверенных независимых государств – Беларуси и России. Это играет важную роль в приграничном и в целом в межгосударственном сотрудничестве.

Примечания

¹ Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1958. С. 17.

² По воле народа: из истории образования БССР и создания КПБ: док. и мат. Минск, 1988. С. 173.

³ Вопросы экономического районирования СССР. Сб. мат. и статей (1917–1929 гг.) / под ред. Г.М. Крижановского. М.: Госполитиздат, 1957. С. 55, 59.

⁴ Гомельская губерния. 1919–1926 гг.: док. и мат. / сост.: М.А. Алейникова и др. Минск: НАРБ, 2009. 270 с.

⁵ Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). Ф. 6622. Оп. 1. Д. 11. Л. 105–105об.

⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 477. Л. 35–42.

⁷ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10919. Л. 224.

⁸ Там же. Ф. 60п. Оп. 3. Д. 748. Л. 418, 420.

⁹ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 675. Л. 40–41об.

¹⁰ Там же. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 477. Л. 64.

¹¹ Государственный архив общественных объединений Гомельской области. (ГАООГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2092. Л. 236–237.

¹² Там же. Л. 240.

¹³ СУ РСФСР. 1927. № 2. Ст. 17. С. 16.

¹⁴ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 946. Л. 52–101.

О.А. Литвинова
*Алтайский государственный технический
университет имени И.И. Ползунова*

Продналоговые кампании начала 1920-х гг.
в системе раннесоветской государственности

Аннотация

В статье показан механизм сбора сельскохозяйственного продовольственного налога в первые годы НЭПа в Сибири. Автор рассмотрел функции органов государственного аппарата, вовлечённых в процесс сбора продналога. В завершение сделан вывод, что сформировавшийся в процессе реализации продналоговых кампаний государственно-аппаратный механизм оперативно реагировал на возникавшие сложности, хотя и представлял собою в большей степени конгломерат государственных органов, а не единую институционализированную систему.

Ключевые слова: продналог, продналоговые кампании, конфискация, НЭП, государственный аппарат, Сибирь.

O.A. Litvinova
Polzunov Altai State Technical University

Tax in kind campaigns of the early 1920s in the system
of early soviet statehood

Abstract

The article shows the mechanism for collecting the agricultural tax in kind in the early of the 1920s in Siberia. The author focus on the functions of the state apparatus involved in the process of collecting the tax in kind. In the end of the article, it was concluded that the state-apparatus mechanism formed in the process of implementing tax campaigns promptly responded to the difficulties, despite the fact that it was more of a conglomerate of state authorities, and not a institutionalized system.

Keywords: tax in kind, tax in kind campaigns, confiscation, NEP, state apparatus, Siberia.

Анализ политической системы любого государства невозможен без обращения к его функциональному аспекту. В этой связи интерес представляет анализ полномочий органов государственной власти первого советского десятилетия – периода решения масштабных и жизненно важных политических и общественных задач. Одной из такого рода задач стало решение продовольственной проблемы в первые годы после окончания основных действия Гражданской войны, т.е. в первые годы НЭПа. В связи с этим внимание автора привлекли продналоговые кампании, проводившиеся в Сибири в 1921–1922 гг. Выбор региона не случаен. Он обусловлен его специфичностью в указанный временной промежуток, в частности, доминированием в экономике аграрного сектора. Данное обстоятельство в ситуации голода в Поволжье 1921 г., а также в условиях разрухи, вызванной Гражданской войной, имело особое государственное значение, поскольку позволяло решить проблему обеспечения продовольственными ресурсами население европейской части страны.

Тема продналоговых кампаний, имевших место в сибирском регионе, в последние годы получила новый импульс в научном освещении¹. Однако имеет смысл комплексно изучить функции органов власти, действовавших в рамках продналоговой кампании, что и вызвало появление данной публикации.

Прежде всего, отметим, что институциональную основу продналоговых кампаний указанного временного промежутка составил Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод), сформированный на II Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 г. В условиях первых месяцев революционных преобразований Наркомпрод осуществлял политику государственной монополии на хлеб. С началом политики продовольственной диктатуры в мае 1918 г. в составе Наркомпрода стали действовать продотряды, объединенные в Продармию, обеспечивавшие сбор продразверстки. В связи с заменой продразверстки на продналог в 1921 г. Наркомпрод начал заниматься разработкой системы налогообложения и вместе с тем продолжил руководство продкампаниями, которые стали осуществляться как мероприятия по сбору сельхозналога.

Обширность территории РСФСР способствовала тому, что в 1918 – начале 1920-х гг. стали создаваться местные органы Наркомпрода. В Сибири соответственно выстроилась региональная вертикаль: Сибпродком – губернские – уездные продовольственные комитеты, действовавшие под

контролем местных Советов. На первый взгляд возникла чётко структурированная система для осуществления сбора сельскохозяйственного продналога. Однако эта система была дополнена иными органами власти, что являлось следствием как специфического положения Сибири в России (отдалённость масштабного по площади региона от политического центра), так наличием в государственном аппарате Советской России большого числа ведомств. Раскроем сформулированный тезис.

Во-первых, в Сибири продовольственные кампании с 1921 г. осуществлялись не только посредством функционирования иерархии органов Наркомпрода, но и под контролем Сибревкома – высшего регионального органа государственной власти (1919–1925 гг.), что в ряде случаев вызывало конфликт интересов. Так система Наркомпрода решала за счёт Сибири проблему продовольственного снабжения европейских губерний России, в то время как Сибревком в своих действиях мог исходить из сохранения интересов местного крестьянства. В научных исследованиях указывается, что в процессе подготовки к сбору продналога в Сибири, 6 мая 1921 г., комиссией при Сибпродкоме было принято решение, что сельхозналог должен собираться не с посевной площади, установленной Сибревкомом, а со всей пашни, включая в неё посев, пар и залежи. Подобное налогообложение, в дальнейшем названное обложением «с удвоенной пашни», было введено на всей территории Сибири, кроме Иркутской губернии и Якутской области².

Вместе с тем, центральный государственный аппарат рассматривал Сибревком и Сибпродком как аппаратный союз, способствовавший успешности хлебозаготовок. Примером тому является отправленная В.И. Лениным в мае 1921 г. телеграмма Сибревкому и Сибпродкому следующего содержания: «ввиду критического состояния снабжения центра в связи с прекращением погрузки на Сев[ерном] Кавказе в порядке боевого приказа под ответственностью Сибревкома и Сибпродкома предлагается в течение мая месяца отправить в центр три миллиона пудов хлеба»³.

Во-вторых, в продналоговые кампании, летом 1921 г. был вовлечен Совет труда и обороны (СТО), образованный годом ранее и возглавляемый председателем СНК, т.е. В.И. Лениным. В частности, 21 июня 1921 г. было принято постановление СНК «О дозготовке хлеба прежнего урожая в максимальных размерах»⁴. Согласно этому документу, в обязанность Наркомпрода вменялось применение решительные мер по проведению дополнительных заготовок хлеба на окраинах страны, а Военному ведомству – подтверждение исполнения постановления Совета труда и обороны от 1 июня 1921 г. об обеспечении вооруженной силой органов

Наркомпрода. 12 августа того же года В.И. Ленин в своем предписании председателям Сибпродкома, Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) указывал на неудовлетворительность работы по отправке зерна в европейскую часть России, заявляя, что создавшаяся обстановка обязывает его взять на себя общее руководство по выполнению боевого задания СТО и ежедневно контролировать транспортировку продовольствия⁵.

В-третьих, в продналоговых кампаниях первых лет НЭПа принимали участие сотрудники сибирских рабоче-крестьянских инспекций. Заметим, что Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ, или Рабкрин) был создан примерно за год до перехода к НЭПу – в феврале 1920 г. Изучение работ историков позволяет выдвинуть тезис, что вовлеченность Рабкрин в 1921 г. в процесс сбора продналога объяснялась двумя обстоятельствами: необходимостью решить вопрос дефицита кадров в продорганах и попыткой государства выстроить каналы обратной связи «крестьянство – органы власти», что позволило бы скорректировать возможные недочеты в организации продкампаний. В исторических исследованиях отмечается, что к началу продналоговой кампании осени 1921 г. налоговый аппарат в Сибири был укомплектован лишь на 50 %. Ввиду недостатка кадров в продналоговом аппарате, согласно приказу по Рабкрину, с 30 сентября 1921 г., основные силы рабоче-крестьянских инспекций были направлены на оказание содействия продорганам. Соответственно продовольственные отделы губернских РКИ были реорганизованы в ударные группы⁶. В процессе продналоговой кампании со стороны крестьян в Рабкрин поступали жалобы, связанные с незаконными действиями работников продорганов. В этих жалобах шла речь о применении силовых мер по отношению к крестьянским семьям, конфискации имущества крестьян, на желавших сдавать налог, арестах крестьян. Исследователи обращают внимание на сложившуюся противоречивую ситуацию: обеспечивая в сжатые сроки сбор сельхозпродукции, сотрудники Рабкрин должны были пресекать злоупотребления продработников⁷.

В-четвертых, в целях обеспечения мер по взиманию сельхозпродукции у крестьянства был привлечён Революционный трибунал, который в случае возникновения противоборства между продорганами и крестьянами регулировал конфликта. По форме такое регулирование конфликта могло выглядеть как судебное рассмотрение спорной ситуации, в то время как по содержанию являлось применением жёстких мер к крестьянам-неплательщикам. В приказе, совместно подписанном одним из районных продкомиссаров и представителем выездной комиссии Алтайского губернского ревтрибунала (приказ по одному из районов Алтайской губернии от 21 января 1921 г.), приказывалось в боевом порядке обязательно осуществить все разверстки сельхозпродукции. При

этом отмечалось, что лица, не выполняющие разверстку, будут объявлены врагами рабоче-крестьянской власти и будут немедленно арестованы, преданы суду ревтрибунала и расстреляны, а имущество их будет конфисковано⁸.

Материалы архивных фондов свидетельствуют, что при замене продразверстки на продналог ревтрибунал продолжал отстаивать интересы государства (а это вполне закономерно), что проявлялось в выносимых его комиссиями карательных судебных приговорах крестьянам-неплательщикам⁹.

В-пятых, действия продорганов по сбору налога, а также ответная реакция крестьянства на эти акты государственного аппарата, регулярно отражались (ежемесячно, а иногда – еженедельно) в докладах и политсводках, составляемых губернскими отделами ГПУ и представителями частей особого назначения. Подобные сводки стали основой для организации следствия по вопросу о превышении продработниками своих полномочий. Так, в апреле 1923 г. в Алтайской губернии (заметим, что эта губерния получила в 1921 г. самое большое продналоговое задание в Сибири) в процессе дознания и следствия находилось 96 дел, открытых по сводкам ГПУ и заявлениям крестьян¹⁰.

В-шестых, координация совокупных действий государственных органов в рамках продналоговых кампаний осуществлялась органами РКП(б). Не являясь формально государственным органом власти, РКП(б) тем не менее была стержнем политической системы Советской России, что и определило её роль в продналоговых кампаниях. Например, в июле 1923 г. секретарь Алтайского губкома направил в секретариаты ЦК РКП (б) и Сиббюро ЦК РКП(б) письмо, в котором отмечалось, что в губернии «проведена большая работа по чистке и оздоровлению продаппарата и выпрямлению его линии». Далее уточнялось, что «значительное число продработников, не исключая ответственных, предано суду», что «при оценке продаппарата и его работы Сибпродкомиссаром аппарат был найден работоспособным и работа его правильной». При этом в документе сообщалось, что «всякий неосторожный шаг в широком расследовании многочисленных жалоб и привлечении к ответственности продработников неизбежно должен привести к разрушению продаппарата в наиболее ответственный момент»¹¹, а потому предлагалось не допустить приезда Сессии Верховного суда ВЦИК для разбора тех продкампаний предшествующего года, в которых имелись «перегибы». Таким образом, местные партийные органы пытались лавировать в многоуровневой и многоплоскостной системе общественно-политических отношений.

В заключение отметим, что функциональный анализ государственного аппарата, задействованного в продкампаниях первых лет НЭПа,

позволяет сделать следующий вывод. Возникший в процессе реализации продналоговой политики государственно-аппаратный механизм достаточно оперативно реагировал на ситуационные вызовы, такие как необходимость конфискации в качестве продналога завышенного количества сельхозпродукции, протестные настроения крестьянства, «перегибы» в действиях представителей продорганов, вызывавшие в свою очередь падение авторитета и отдельных членов компартии, и самой организации в целом. Однако этот государственно-аппаратный механизм был скорее конгломератом государственных органов, а не единой институционализированной системой, о чём свидетельствует недостаточная регламентация функций государственных органов, вовлечённых в процесс продналоговых кампаний.

Примечания

¹ *Дианов А.Г.* Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции в период продналоговой кампании 1921 года. Ч. 1 // Омский научный вестник. История и археология. 2010. № 1 (85). С. 13–16; *Его же.* Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции в период продналоговой кампании 1921 года. Ч. 2 // Омский научный вестник. История и археология. 2010. № 2 (86). С. 5–9; *Кокоулин В.Г.* Продналог и новая экономическая политика в сибирской деревне (1921–1924 гг.) // Прошлое регионов России. 2012. № 3. С. 80–90; *Рогачев А.Г.* Народные ожидания и настроения в Сибири в начале новой экономической политики (НЭП) и степень их отражения в региональной управленческой политике // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6. С. 229–239.

² *Кокоулин В.Г.* Указ соч. С. 80.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. М., 1967. С. 323.

⁴ Декреты Советской власти. Т. XVI. Июнь 1921 г. М.: РОССПЭН, 2004. С. 435–437.

⁵ Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921 г. М.: РОССПЭН, 2009. С. 398–400.

⁶ *Дианов А.Г.* Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции в период продналоговой кампании 1921 года. Ч. 1. С. 14.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 7. Л. 97–97об.

⁹ ГААК. Ф. Р-204.

¹⁰ ГААК. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 25. Л. 18.

¹¹ Там же. Д. 19. Л. 19–20.

История формирования системы
органов мобилизационного планирования экономики
в Советской России и СССР в 1921–1927 гг.

Аннотация

События Первой мировой войны наглядно показали важность заблаговременной подготовки экономики страны к будущей войне. Однако в СССР начало работ в этом направлении долгое время сдерживалось внутрипартийной борьбой, нехваткой финансов и спорами конкурирующих ведомств. Только события «военной тревоги» 1927 г. привели к консолидации советского руководства в вопросах оборонной политики, в результате чего в 1927 г. в СССР сформировалась система мобилизационных органов, просуществовавшая без радикальных изменений вплоть до Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: «военная тревога», оборонная промышленность, мобилизационная подготовка, «оборонка», оборонное строительство, Реввоенсовет.

M.Yu. Mukhin
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The folding of the system of organs of mobilization
preparation of industry in Soviet Russia and the USSR
in 1921–1927

Abstract

The events of the First World War visually demonstrated the importance of preparing the country's economy ahead of time for a future war. However, in the USSR, the beginning of work in this direction was held back for a long time by inner-Party struggle, lack of finance and disputes by competing agencies. However, the events of the "military alarm" of 1927 led to the consolidation of the Soviet leadership in matters of defense policy, which resulted in the formation of a system of mobilization bodies in the USSR in 1927, which existed without radical changes until the Great Patriotic War.

Keywords: "Military anxiety", defense industry, mobilization training, defense construction, Revolutionary Military Council.

В годы Великой Отечественной войны СССР достаточно быстро перестроил свою экономику для обеспечения действующей армии всем необходимым. Однако, детали подготовки механизма такой перестройки, как правило, уходят за скобки внимания.

В данной статье мы позволим себе избрать предметом исследования лишь один достаточно узкий сюжет – историю формирования системы высших и центральных органов мобилизационной подготовки экономики Советского Союза в первой половине 1920-х годов.

Впервые вопрос о начале мобилизационного экономического планирования был поднят ещё осенью 1921 г., когда военное ведомство поставило вопрос о создании перспективной (или, как тогда говорили, «максимальной») программы промышленной модернизации, предусматривавшей не только те ресурсы, которые уже были в распоряжении Совнаркома в текущий момент, но и планируемые результаты экономического роста¹. Уже на этом этапе советское руководство приняло стратегическое решение, которое определило основной вектор мобилизационной подготовки страны на долгие годы вперёд – ставка делалась не на накопление военных запасов, а на подготовку экономики к функционированию в военное время. Предполагалось резервировать не запасы ресурсов на складах, а промышленные мощности для производства этих ресурсов в случае необходимости. Как видим, уже в начале 1920-х годов советское руководство достаточно адекватно подходило к проблеме мобилизационной подготовки, но вопрос упирался в нехватку финансов. Переход к политике НЭПа вывел на первый план вопрос о финансовой стабилизации, а значит – о режиме всемерной экономии. Разумеется, при таком подходе рассчитывать на существенные капиталовложения в некие перспективные проекты на случай гипотетической войны «когда-нибудь»

не приходилось. Тем не менее, определённая работа в этом направлении велась. Так, уже в октябре 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) санкционировало создание Комиссии обороны, на которую возлагалось координация работы различных ведомств в интересах обороны, причём каждый наркомат был обязан создать в своём составе мобилизационный аппарат, работа которого курировалась бы этой Комиссией. Одновременно в качестве постоянной комиссии Реввоенсовета был создан Межведомственный мобилизационный комитет². Однако в данном случае ни у кого не вызывавшая возражений идея мобилизационной подготовки промышленности стала жертвой внутривнутрипартийной борьбы ведущих большевистских лидеров. Дело в том, что во главе обоих новоучреждённых органов мобилизационного планирования встал Л.Д. Троцкий, что и предопределило их бесплодность. Уже в начале 1924 г. и сам Троцкий, и его ближайшие сподвижники, проиграв борьбу за лидерство в Политбюро и ЦК, были отстранены от решения важнейших вопросов политики СССР, после чего работу по подготовке плана экономической мобилизации пришлось начинать фактически «с чистого листа».

В январе 1925 г. наркомат военных и морских дел (НКВМ) СССР возглавил М.В. Фрунзе, который немедленно приступил как к модернизации армии, так и к формированию основных контуров мобилизационной политики страны. В течение 1925 г. военное ведомство подготовило проект закона о мобилизационных мерах, причём эти меры должны были распространяться не только на армию, но и на «страну в целом»³. Судя по всему, именно Фрунзе стал основным инициатором и «лоббистом» идеи создания Военно-промышленного управления (ВПУ) ВСНХ, но сам он увидеть воплощение своего замысла в реальность не успел. 31 октября 1925 г. нарком умер, а приказ ВСНХ о создании в его структуре ВПУ был подписан лишь 4 декабря того же года. Так или иначе, теперь в состав ВСНХ входило учреждение, обладающее прерогативой по составлению мобилизационного плана для промышленности в соответствии с заказами НКВМ. Возглавивший после смерти Фрунзе НКВМ К.Е. Ворошилов сосредоточился по большей части на вопросах сугубо военного строительства. Поэтому в 1925–1927 гг. обсуждение вопросов мобподготовки промышленности сосредоточилось в Комиссии Политбюро под руководством председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова («комиссия Рыкова», она же «Комиссия обороны»)⁴.

Фактически, к середине 1920-х годов вопросы мобилизационной подготовки СССР к будущей войне оказались распределены между несколькими ведомствами. С одной стороны, в СССР продолжал существовать СТО, который формально считался головной организацией по обеспечению координации действий различных ведомств в интересах

обороны. Со стороны другой, созданный в 1924 г. Межведомственный комитет был преобразован в Центральную межведомственную мобилизационную комиссию при НКВМ⁵, но продолжал функционировать, а так как его руководителем являлся начальник Штаба РККА, основные полномочия по практической подготовке мобилизации оказались сосредоточены в военном ведомстве. Наконец, «Комиссия Рыкова» так же претендовала на общее руководство мобилизационным планированием в масштабах страны.

Между тем, ситуация с мобилизационной готовностью вооружённых сил и экономики страны в целом складывалась крайне тяжёлой. В декабре 1926 г. Политбюро получило доклад Штаба РККА, в котором утверждалось: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»⁶. Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, 6 января 1927 г. Политбюро поручило ВПУ ВСНХ и Реввоенсовету СССР проинспектировать положение дел в оборонной сфере, и «доложить о состоянии военной промышленности с точки зрения её соответствия обороне»⁷. Следует учитывать, что дискуссия по поводу положения дел в сфере подготовки мобилизационного планирования развивалась не в безвоздушном пространстве академической теории, а в контексте конкретных международных отношений тех лет. Рубеж 1926/1927 годов ознаменовался крупномасштабным наступлением национально-революционной армии Китая, действовавшей под эгидой Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана. При этом тот факт, что и КПК, и Гоминьдан пользуются и политической, и экономической поддержкой Советского Союза, ни для кого в мире секретом не являлось. С учётом того, что подразделения НРА заняли британские концессии в Ханькоу и Цзюцзяне и перенесли военные действия в бассейн Янцзы, который Лондон едва ли не со времён «Опиумных войн» считал своей сферой влияния, вероятность обострения англо-советских отношений радикально возросла за считанные недели. Соответственно, вопрос о готовности страны к войне именно в начале 1927 г. резко перешёл из категории абстрактных угроз в разряд злободневных проблем, определяющих политическую повестку дня. В этой связи хотелось бы отметить, что, по большому счёту, алармистские настроения в Политбюро полностью оправдались очень скоро. Уже 27 мая 1927 г. правительство Великобритании официально разорвало как дипломатические, так и торговые связи с Советским Союзом. В ответ 1 июня ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором советский народ призывали быть готовым отразить империалистическую агрессию⁸. В историографии эти события получили название «Военной тревоги 1927 г.». Ещё в феврале 1927 г., то

есть до демарша британского правительства, Совет труда и обороны, заслушав отчёт о результатах проверки, проведённой в январе того же года ВПУ ВСНХ, образовал при себе Комиссию обороны, к которой практически полностью перешли функции «комиссии Рыкова». В мае того же года, на своём первом заседании, эта комиссия была переименована в Распорядительное заседание (РЗ) СТО. РЗ СТО представляло собой своеобразный штаб мобилизационной работы, но у этого штаба пока не было низового аппарата, который проводил бы в жизнь вырабатываемые в РЗ приказы и указания. Наконец, 25 июня 1927 г. на заседании РЗ СТО было принято постановление «Об организации центральных мобилизационных аппаратов»⁹. Это постановление делегировало РВС и Госплану по созданию низовых органов мобилизационной подготовки экономики СССР к войне в каждом наркомате. При этом за подготовку промышленности в целом к войне отвечал ВПУ ВСНХ.

Таким образом, 25 июня 1927 г. в СССР впервые была создана система высших и центральных органов мобилизационной подготовки экономики страны к войне. Впоследствии эта система неоднократно проходила те или иные трансформации и модернизации. Однако её базовая структура, основные принципы построения и функционирования оставались неизменными. Именно с этой системой мобилизационных органов СССР вступил в 1930-е годы и начал подготовку к сражениям Второй мировой войны, первые очаги которой уже начали тлеть в Европе и на Дальнем Востоке.

Примечания

¹ Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923. Сб. док. М., 2000. С. 233–236, 247, 250–251.

² *Цветков И.Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России (1695–1945). СПб, 2000. С. 73.

³ *The Soviet Defense Industry from Stalin to Khrushchev.* New Haven. 2008. P. 35, 39–40.

⁴ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и мат. Т. II. Советское военно-промышленное производство (1918–1926). М., 2005. С. 628–630.

⁵ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 28. Д. 130. Л. 42.

⁶ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 65.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 80.

⁸ *Лившин А.Я.* «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 50. Июнь 2015 г. С. 191.

⁹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 28. Д. 130. Л. 40–42.

И.С. Ратьковский

Санкт-Петербургский государственный университет

Дискуссии вокруг создания СССР
в партийно-государственном руководстве в 1922–1923 гг.

Аннотация

В статье рассматривается аргументация сторонников проекта создания СССР И.В. Сталина, рассматривается формирование анти-сталинского блока. Автор делает акцент на продолжении конфликта после вмешательства Ленина, отмечает роль А.А.Сольца и Ф.Э. Дзержинского в ходе разбирательства «грузинского дела».

Ключевые слова: образование СССР, 1922, И.В. Сталин, А.А. Сольц, Ф.Э. Дзержинский, «грузинское дело».

I.S. Ratkovskii

St. Petersburg State University

Discussions around the creation of the USSR
in the party-state leadership in 1922–1923

Abstract

The article discusses the arguments of the supporters of the project of creating the USSR by I.V. Stalin. Indicates the formation of an anti-Stalinist bloc. Emphasis is placed on the continuation of the conflict after Lenin's intervention. The role of A.A. Solts and F.E. Dzerzhinsky in the course of the "Georgian case" proceedings is noted.

Keywords: Formation of the USSR, 1922, I.V. Stalin, A.A. Solts, F.E. Dzerzhinsky, «Georgian case».

Образование СССР, федеральные принципы, на основе которых он был создан, до сих пор являются дискуссионным моментом. Это определяется как самой историей СССР, где события осени–зимы 1922 г. являются отправной точкой, так и прекращением деятельности СССР в 1991 г. Последний момент часто увязывается с ошибочным выбором концепции создания СССР В.И. Ленина, а не варианта, который предложил И.В. Сталин.

Необходимо сразу отметить, что дискуссия вокруг принципов создания СССР проходила в обстановки внутривнутриполитического кризиса 1922 г., когда были важны, как доводы чисто государственного порядка, так и моменты связанные с политической позицией ключевых деятелей партии: И.В. Сталина, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева. Так принципы создания СССР в изложении Ленина и Сталина имели различное восприятие в зависимости от понимания лидерами партии основ внешней политики (идея мировой революции или построения социализма в отдельной стране), внутренней политики (вопрос об автономиях первого и второго уровня) и т. д.

При этом следует учитывать как опыт межреспубликанской (союзной) деятельности в период до создания СССР, так и опыт национального строительства в период после создания СССР.

Первоначальный проект предусматривал вхождение союзных советских республик в состав РСФСР. Это был августовский проект конституционной комиссии под председательством В.В. Куйбышева, в которой преобладали сторонники Сталина. Отметим существование весомых доводов в пользу автономизации республик.

Во-первых, имелся опыт госстроительства в период Гражданской войны. Еще 1 июня 1919 г. была создана комиссия по координации военно-экономических действий советских республик во главе с Л.Б. Каменев. Рассматривался вариант подчинения РСФСР республиканских наркоматов¹. Ход Гражданской войны, когда РСФСР осталась единственной советской республикой, закрепил эту тенденцию. В итоге было принято компромиссное решение о включение республиканских представителей в ВЦИК РСФСР, который выполнял функции союзного органа. Это же было и в ВСНХ РСФСР, куда делегировали представителей республик. В феврале 1921 г. был создан Госплан РСФСР, где ситуация повторилась. На генуэзской конференции 1922 г. РСФСР также представляла интересы других республик.

Во-вторых, была проблема автономий РСФСР – 11 автономных республик и 10 областей и 1 автономная Карельская трудовая коммуна. Многие из этих автономий либо территориально, либо по населению и промышленному потенциалу были неизмеримо больше, чем любая из республик, исключая Украину. Таким образом, если бы осуществился план равноправного вхождения национальных республик в СССР, то того же равноправия потребовали автономии РСФСР. В одном случае были бы «обижены республиканские автономии, в другом – автономии РСФСР. Последних автономий было не только больше, но и развиты они были больше, чем республики Закавказья или Белоруссия. Закономерной была первоначальная поддержка сталинского проекта вступления республик в РСФСР. Однако конфликт вокруг проекта союзного государства вышел на новый уровень.

Против проекта автономизации республик решительно выступили руководители компартии Грузии. 23 сентября 1922 г. представителей республик вызвали на заседание комиссии Оргбюро ЦК РКП (б) по вопросу «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». За сталинский проект проголосовали представители всех республик, за исключением воздержавшегося представителя Грузии. Это было связано с рядом уступок со стороны Центра к республикам. Им разрешили иметь своих представителей в Президиуме ВЦИК, согласовывать назначение уполномоченных общесоюзных наркоматов, назначать в заграничные представительства наркоматов иностранных дел и внешней торговли своих представителей. Наркомат финансов из общесоюзного был переведен в разряд союзно-республиканских.

Комиссия приняла проект за основу и рекомендовала его пленуму ЦК. Однако Ленин заступился за грузинских коммунистов, предложив свой проект союзного государства. Сталин 26 сентября принимает ряд поправок Ленина. Грузинским коммунистам удалось вывести конфликт, вроде бы улаженный путем уступок центра, на новый уровень. Они вновь смогли получить поддержку Ленина.

К этому периоду уже сколотился сильный антисталинский блок ряда ключевых советских деятелей. Помимо Каменева против Сталина выступили Зиновьев и Троцкий. Ленинский проект хорошо сочетался с идеей мировой революции, приверженцами которой они были. 18 октября 1922 г. Ленин вышел на работу. Ленинский проект победил.

Амбиции грузинского руководства остались. В ход на местах шли различные оскорбления с обеих сторон. Более того, грузинские коммунисты написали «жалобу с площадной руганью на Орджоникидзе», обвинив его в склоке. Сталин вынужден был уточнять обстоятельства появления этой жалобы у Орджоникидзе². В конечном итоге ситуация

дошла до рукоприкладства. Так возникало «грузинское дело». Конфликт рассматривался на различных уровнях партийной иерархии³. Ленин был крайне недоволен ситуацией. Сталин в телеграмме Орджоникидзе даже писал, что Ленин взбешен⁴. Он требовал его информировать обо всех фактах инцидента.

Председателем специально созданной Политбюро комиссии был назначен Дзержинский⁵. Вопрос о создании и составе комиссии был решен 25 ноября, о чем сообщал Дзержинскому своей телеграммой Сталин⁶. Комиссия, рассмотрев инцидент, приняла сторону Орджоникидзе, считая, что у него было основание ответить на оскорбление. Ленин, усмотрев возможность сговора, потребовал предоставить ему все документы комиссии, включая заявление пострадавшего Кобахидзе. Обратился он в РКИ к Сольцу. В ответ Сольц сообщил Ленину о пропаже заявления Кобахидзе в ЦКК и наличии объективного мнения Рыкова об оскорблениях Орджоникидзе со стороны Кобахидзе⁷. Тем самым Сольц подтверждал Ленину (через Фотиеву) выводы комиссии Дзержинского. Следует, однако, отметить, что «пропажа» документов под вопросом. Дзержинского и Сольца слишком многое связывало, начиная с совместного обучения в Первой Виленской гимназии. Не только Сольц, но и Дзержинский часто поддерживал Сольца. Дзержинский считал Сольца подлинным революционером и своим близким товарищем⁸. Отметим, что тесные связи у Сольца были и со Сталиным. Так или иначе, документы затерялись, и Ленин мог только возмущаться «великодержавностью» Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского, написав впоследствии специальную статью по этому поводу. Тем самым, у Сталина оставалась возможность при изменении ситуации скорректировать основы СССР. Это и произошло позднее. Союзный договор 1922 г. был существенно откорректирован в Конституции СССР 1924 г.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2441. Л. 1–2.

² Там же. Д. 2491. Л. 1–1об. Д. 2446. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 2461. Л. 1–2; Д. 2491. Л. 1об.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324. Л. 5.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5232. Л. 1–2.

⁶ *Дубинский-Мухадзе И.* Орджоникидзе. М., 1967. С. 270.

⁷ *Ратьковский И.С.* А.А. Сольц и Ф.Э. Дзержинский: история взаимоотношений // Евреи Европы и Ближнего Востока: История, социология, культура. Мат. Межд. научной конференции. Сер. «История и этнография». 2014. СПб., 2015. С. 273–278.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 339. Л. 5.

Секция 4. Государственный аппарат СССР в конце 1920-х – середине 1980-х годов

О.В. Горбачев

Уральский федеральный университет

Переписи населения как инструмент социальной политики советского государства¹

Аннотация

В статье анализируются переписи населения советского периода как ресурс и инструмент социальной политики государства. Идея формирования «нового человека», заявленная в советской идеологии, делала наиболее актуальным повышение уровня образования населения страны. Цель социального обеспечения неимущих граждан прослеживается только в переписи 1926 г. Анализ уровня доходов и бытовых условий в советских переписях, начиная с 1939 г., препятствовало официальному утверждению о достигнутом высоком уровне жизни населения СССР. Полноформатный возврат к социальным вопросам наблюдается только в программе переписи 1989 г., но ее результаты оказались невостребованными по причинам политического характера.

Ключевые слова: СССР, переписи населения, социальная политика, образование, демография.

O.V. Gorbachev

Ural Federal University

Population censuses as a tool of social policy of the Soviet state

Abstract

The article analyzes the population censuses of the Soviet period as a resource and instrument of the state's social policy. The idea of forming a “new man”, declared in Soviet ideology, made it the most urgent to raise the level of education of the country's population. The goal of social security for poor citizens can be traced only in the 1926 census. The analysis of the level of income and living conditions in the Soviet censuses, starting from 1939, was hampered by the official statement about the achieved high standard of living of the population of the USSR. A full-scale return to social issues is observed only in the 1989 census program, but its results were not in demand for political reasons.

Keywords: USSR, population censuses, social policy, education, demography.

Принцип народнохозяйственного планирования, характеризующий советскую экономику, в очень большой степени опирался на доступные статистические данные. Основными источниками этих данных являются, во-первых, материалы текущего статистического учета, а во-вторых, данные единовременных обследований. Переписи населения, важные для любой социально-экономической системы, в советских условиях приобретали особое значение в силу исключительной роли государства в принятии стратегических решений во всех важнейших сферах развития общества.

Несмотря на декларируемые в коммунистической идеологии цели приоритетного развития человеческого капитала с целью достижения баланса способностей и потребностей в «счастливом обществе будущего», в советской статистике изначально присутствовал переко́с в сторону производства средств производства, т.е. тяжелой промышленности. Отчасти он объясняется целями модернизации страны, отчасти – традиционным для России доминированием приоритетов государства над интересами отдельной личности.

Переписи населения интересны тем, что не соответствуют этой тенденции. Они являются источниками информации об обществе, так или иначе заставляя государство выстраивать свою политику в соответствии с потребностями отдельных членов этого общества. Важность переписей в том, что их данные получены «из первых рук», а не в контексте идеологических представлений о «новом советском человеке». Переписи давали возможность государству сформулировать приоритеты социального развития и уточнить направления текущей политики в

образовании, здравоохранении, жилищно-коммунальной сфере и системе социального обеспечения.

Материалы каждой из советских переписей населения (1920, 1926, 1939², 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.) отражают специфику конкретного этапа в развитии страны, хоть и с разной степенью информативности. Поскольку переписи носили инструментальный характер, их программы дают представление о содержании социальной политики государства в конкретный период, понимаемой как направление деятельности государства по социальному развитию страны и общества, повышению благосостояния человека и общества, обеспечению баланса общественных интересов, равных и справедливых возможностей для развития личности³. При этом переписи населения могут быть интерпретированы и как ресурс, и как инструмент социальной политики.

Традиционно особенно значимым направлением социальной политики, в наибольшей степени отвечающим идеологическим задачам большевиков, было образование. Убедительный пример использования материалов переписи населения 1920 г. для определения приоритетов политики в этой сфере демонстрирует работа В.И. Ленина «Странички из дневника». Характерно, что первоначальные задачи переписи формулировались в самом общем виде: «надо осмотреться и подсчитаться»⁴. Тема образования возникла только в 1923 г. Констатируя, что «от всеобщей грамотности мы отстали еще слишком сильно, и даже прогресс по сравнению с царскими временами (1897 г.) [т.е. с годом переписи населения Российской империи. – *О.Г.*] оказался слишком медленным»⁵, было предложено перераспределить средства в пользу народного образования, поднять статус учителя и обеспечить условия для взаимодействия рабочего класса и крестьянства с целью повышения культурного уровня деревни. Эти предложения вскоре попытались реализовать в рамках кампании по борьбе с безграмотностью.

Социальные цели следующей переписи (1926 г.) ставились максимально широко: «[Имея необходимые данные,] мы в состоянии будем более правильно распределять по районам промышленные товары и продовольственные продукты, намечать жел[езно]дор[ожные] линии и гужевые дороги, правильно размещать школы, больницы, амбулатории, библиотеки, избы-читальни, пункты ликвидации неграмотности и пр.». Говорилось также об учете безработных и «требующих общественной помощи граждан»⁶. В этом подробном перечне целей переписи сразу несколько пунктов имеют отношение к сфере образования, что вполне понятно с учетом культурной политики того времени.

Если перепись 1926 г. носила подчеркнуто прикладной характер, что проявилось в количестве и качестве опубликованных материалов, то в

1939 г. Всесоюзная перепись населения имела первоочередной целью демонстрацию завоеваний социализма. «Мы увидим, как из года в год увеличивается в стране рождаемость, крепнет советская семья, непрерывно повышается культурный уровень населения», – писала газета «Правда» еще до начала переписи⁷. Именно с целью показа успехов политики в культурной сфере вопросы об образовании были сформулированы максимально подробно. Не только определялся уровень грамотности, как прежде, но требовалось ответить, в какой школе, в каком классе и на каком курсе учиться опрашиваемый. Вопрос об окончании средней или высшей школы был выделен как самостоятельный⁸.

В соответствии с представлениями того времени, самым убедительным свидетельством растущего жизненного уровня должен был стать рост населения страны. В том числе и по этой причине в программе переписи отсутствовало изучение уровня жизни граждан с целью разработки мер социальной поддержки малоимущих. Государство не хотело брать на себя ответственность за материальное положение своих граждан, в особенности жителей села, ограничиваясь ритуальной констатацией, что «жить стало лучше, жить стало веселей».

При том, что послевоенные переписи населения проводились на значительно более сильной организационной основе, чем довоенные⁹, по официальным декларациям об их реальной программе судить довольно трудно. Последние становятся все более ритуальными, написанными в сложившемся жанре констатации достигнутого страной высокого уровня развития. Тем не менее, и официальная фразеология, и инструктивные материалы для статистиков позволяют понять, что приоритетом власти являлось увеличение доли лиц, занятых умственным трудом, тогда как прежде ориентировались на количество текстильщиков и металлостроителей¹⁰. Накануне переписи 1959 г. обращалось внимание на то, что советские вузы «выпускают почти в три раза больше инженеров, чем высшие учебные заведения США»¹¹. Действительно, ввиду достигнутой всеобщей грамотности перепись 1959 г. стала последней, где ставился вопрос о грамотности; теперь он больше не фигурировал как самостоятельный. Более важным в образовательной политике стало получение дифференцированной оценки уровня образования.

В числе других приоритетов, обозначенных для переписи 1959 г. – высокий уровень рождаемости и низкий – смертности населения, увеличение доли городского населения (миграция из села еще не была осознана как серьезная проблема), улучшение условий труда жителей села (при игнорировании условий их быта)¹².

Перепись 1970 г. впервые выявила проблему старения населения как результата роста средней продолжительности жизни (36,3 млн чел. в

возрасте старше трудоспособного против 25,5 млн чел. в 1959 г.), что ставило задачу увеличения социальной нагрузки на государство в городе и селе (пенсии для колхозников были введены в 1964 г.). Привычно много говорилось о возросшем уровне образования с акцентом на увеличение доли лиц с высшим образованием¹³. Впервые была поставлена задача повышения уровня жизни жителей села. Решать ее предполагалось в контексте поставленной еще Лениным идеи «сближения города и деревни», расширения рамок общественного сектора производства, а фактически – путем распространения городских форм организации производства и быта на деревню. Предполагалось провести «учет лиц, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, их ответы на вопрос, при каких условиях они могли бы принять участие в общественном производстве, дадут возможность существенно пополнить армию рабочих, колхозников, служащих»¹⁴. В результате нового этапа «ликвидации неперспективных деревень» и распространения форм городского строительства на село произошло очередное сокращение числа личных подсобных хозяйств.

Перепись 1979 г. относится к числу наименее информативных. Ее программа была существенно сокращена в сравнении с переписью 1970 г., декларируемая цель выглядела предельно общо – в очередной раз продемонстрировать преимущества социализма в контексте недавно принятой новой Конституции (1977 г.)¹⁵, а опубликованные материалы оказались крайне невелики по объему.

Последняя советская перепись (1989 г.) с учетом скорого крушения СССР стала своего рода декларацией о намерениях при том, что в ней впервые предельно широко была заявлена социальная программа. В формуляр были включены как вопросы, необходимость которых давно отстаивали специалисты (о миграции, о количестве рожденных женщиной детей), так и совершенно новые – о жилищных условиях человека, характере дома, размере занимаемой жилой площади, уровне комфортабельности жилья¹⁶. Вопросы о жилье прямо соотносились с правительственной программой, предполагавшей обеспечение в 2000 г. каждой семьи отдельной квартирой¹⁷.

Предпринятый анализ позволяет сделать вывод, что инструментом реальной социальной политики в наибольшей степени была перепись 1926 г., программа которой отражала реальный уровень общественных противоречий в СССР. Условия Гражданской войны сильно влияли на качество и возможности использования результатов переписи 1920 г., а кризис власти в годы «перестройки» – переписи 1989 г., несмотря на ее социально-ориентированную программу. Что касается остальных советских переписей, то наиболее последовательно их результаты

работали в сфере образования. Включению в формуляр вопросов об уровне доходов, жилищных условиях и пр., начиная с переписи 1939 г., мешало утверждение о достигнутом высоком уровне жизни в СССР. Лозунг «все во имя человека, все во благо человека», распространяемый на все сферы деятельности советского режима, делал излишней чрезмерную концентрацию на социальных вопросах в советских переписях.

Примечания

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-29-07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбург–Свердловска)».

² Была проведена после того, как результаты очередной переписи 1937 г. были дезавуированы властью.

³ Социальная политика // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/3639211> (Дата обращения: 22.11.2020).

⁴ О Всероссийской переписи. Ко всему населению РСФСР // Правда. 1920. 15 августа. С. 2.

⁵ Ленин В.И. Странички из дневника // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 45. С. 363–368.

⁶ О Всесоюзной переписи населения: Обращение правительства Союза ССР к населению Союза // Известия. 1926. 14 дек.

⁷ Дело громадного политического и народнохозяйственного значения // Правда. 1939. 9 янв.

⁸ См.: Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М.: Статистика, 1964. С. 12.

⁹ См.: Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Clem R.S. (ed). Ithaca: Cornell Univ. Press, 1986. P. 57.

¹⁰ См. напр.: Пробная перепись населения 1976 года: мат. по массово-разъяснительной работе. М.: Статистика, 1976. С. 8.

¹¹ Всесоюзная перепись населения // Правда. 1959. 15 янв.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Володарский Л. Население страны Советов // Правда. 1971. 7 мая. С. 3.

¹⁴ Завтра – перепись // Правда. 1970. 14 янв.

¹⁵ См.: Завтра – перепись населения // Правда. 1979. 16 янв.

¹⁶ Прогноз на завтра // Правда. 1989. 12 янв.

¹⁷ Страна в зеркале статистики. Началась Всесоюзная перепись населения // Известия. 1989. 12 янв.

Советские государственные праздники как коммуникативный проект власти и общества

Аннотация

Среди механизмов коммуникации советской власти и общества в 1920–1930-е гг. особое значение имели государственные праздники. В статье рассматривается деятельность партийных, государственных и общественных институтов (Агитпропотдел ЦК ВКП(б), Наркомат просвещения, профсоюзы, Государственный институт истории искусств, Общество строителей Международного Красного стадиона), основной целью которых было изучение технологий управления массовым сознанием, формирования «массового» мышления.

Ключевые слова: советские государственные праздники, Агитпропотдел, наркомат просвещения, профсоюзы, Государственный институт истории искусств, Общество строителей Международного Красного стадиона.

E.V. Barysheva
Russian State University for the Humanities

Soviet state holidays as a communicative project of authorities and society

Abstract

Public holidays had a particular importance among the communication mechanisms of the Soviet government and society in the 1920–1930s. The article examines the activities of party, state and public institutions (Agitprop Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, People's Commissariat of Education, trade unions, the State Institute of Art History, the Society of Builders of the International Red Stadium), the main purpose of which was to study technologies for managing mass consciousness, the formation of "mass" thinking.

Keywords: soviet public holidays, agitpropotdel, people's commissariat of education, trade unions, state institute of art history, society of builders of the international red stadium.

Государственные и партийные органы прибегали к различным технологиям управления массовым сознанием, формирования «массового» мышления, в том числе организацией системы советских праздников. Созданием специального канона празднования занимались специальные комиссии ЦК РКП(б) и местных партийных органов по разработке и проведению праздничных торжеств, призванные соблюдать единую партийную линию в ходе организации и проведения массовых мероприятий.

5 октября 1920 г. на совещании ЦК РКП(б), посвященном празднованию годовщины Октябрьской революции, было принято решение «централизовать все дело по подготовке Октябрьских торжеств в одной комиссии» и уже 7 октября 1920 г. состоялось заседание Всероссийской центральной комиссии по проведению октябрьских торжеств¹.

Организацией революционных праздников и юбилеев занимался Центральный комитет ВКП(б). Его агитационно-пропагандистский отдел (Агитпроп) рассылал на места циркуляры, письма, телеграммы о характере и задачах праздничных кампаний, утверждал призывы, лозунги, тексты воззваний, обращений, листовок. Для местных пропагандистов издавались специальные пособия и рекомендации. На местах эту работу проводили соответствующие отделы губернских, городских, уездных, районных комитетов партии, а также производственные партийные ячейки, советские, общественные организации и специально организованные праздничные (октябрьские) комиссии.

Агитпроп состоял из пяти подотделов: агитации, пропаганды, учета местного опыта, распределения литературы и национальных меньшинств. Общее руководство политической и производственной агитационной работой местных органов партии и партийный контроль над агитационной работой соответствующих советских и профессиональных учреждений возлагались на агитационный подотдел Агитпропа. Подотдел пропаганды систематически инструктировал местные партийные комитеты.

Подотдел Учета местного опыта систематизировал партийный опыт пропаганды на местах, изучал методы, способы и формы агитации, разрабатывал новые формы агитации и пропаганды².

Занимались организацией государственных праздников и различные структуры Наркомата просвещения. В январе 1918 г. в Петрограде при

Наркомате просвещения был создан «Театральный совет Российской республики». Возглавил совет нарком просвещения А.В. Луначарский. В состав совета вошел В.Э. Мейерхольд. «Театральный совет» решал проблемы организации народных празднеств, гуляний, эстрадных и цирковых номеров.

В 1919 г. в отделе театра и зрелищ Наркомпроса для подготовки к празднованию 1 мая 1920 г. создается Секция массовых представлений и зрелищ. Как вспоминала Э. Шуб, работавшая с 1918 г. секретарем заведующего ТЕО, «здесь вырабатывались планы проведения народных массовых празднеств – веселого Мая, великой даты Октября, древонасаждения и др. А также намечались планы массовых монументальных спектаклей на открытом воздухе, в которых должны были принимать участие профессиональные актеры, певцы, оркестры, хоры. И обязательно ставилось целью вовлечение массы зрителей в ход действия. Работа этой секции протекала больше в поисках, в дискуссиях и не имела тогда осязаемых практических результатов, кроме нескольких массовых постановок, среди которых особенно известно "Взятие Зимнего дворца"...»³. Несмотря на столь критическую оценку деятельности ТЕО Секции массовых представлений и зрелищ, заслуга ее заключалась в выработке новых подходов к массовым праздничным действиям и методик работы с населением.

Работой по организации праздников активно занимались и профсоюзные организации. Руководил работой местных профсоюзов в данной сфере Культсектор Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Для организации торжеств создавались местные профсоюзные юбилейные (октябрьские) комиссии, участвовавшие в совместных с партийными комиссиями организационных мероприятиях.

Культсектор ВЦСПС доводил до местных профсоюзных организаций нормативные и методические документы партийно-государственных органов, разрабатывал и рассылал на места собственные инструкции и методические рекомендации по проведению праздничных мероприятий. Как правило, методические материалы содержали лозунги, конкретизировавшие отраслевые и местные задачи, инструкции по эффективному оформлению праздничных демонстраций и шествий. Сотрудники центрального аппарата ВЦСПС выезжали на предприятия для оказания практической помощи. ВЦСПС также выделял средства для проведения праздников и контролировал их расходование.

Огромную роль в организации и проведении празднеств, массовых шествий и гуляний сыграло созданное в 1920 г. под руководством Н.И. Подвойского «Общество строителей Международного Красного стадиона»

(ОСМКС). Стадион не был построен, а главными направлениями деятельности Общества стали формирование новой советской праздничной культуры, организация повседневной жизни граждан. Методическая комиссия Международного Красного стадиона на основании изучения опыта проведения праздничных мероприятий издавала специальную методическую литературу,

Общество строителей Международного Красного стадиона стало одной из «экспериментальных площадок», на которой заботливо возвращались будущие «строители коммунизма» и где отрабатывались технологии воздействия на общественное сознание⁴.

Распространение методических рекомендаций, сценариев и опыта проведения праздничных мероприятий было возложено на штат инструкторов, подготовку которых вели в самом ОСМКС.

В 1926 г. Обществу строителей Международного Красного стадиона была поручена разработка сметы и художественного оформления демонстрации и военного парада. Об этом свидетельствует протокол заседания клубно-спортивной секции по проведению 10-й годовщины Октября, состоявшегося 28 декабря 1926 г., на котором среди других членов секции присутствовали Н. И. Подвойский и Н. Н. Евреинов. На этом заседании среди прочих вопросов, вынесенных на обсуждение, прозвучало, что все праздники, начиная с 1 мая, должны использоваться как подготовка к 10-летию юбилею революции⁵.

В 1929 г. правление Научно-методического общества «Международный Красный стадион» под руководством секторов искусств и массовых мероприятий Наркомата просвещения и культсектора ВЦСПС приступило к «научному изучению» массовых пролетарских празднеств: анализировались его элементы, взаимодействие участников, оформление заводов, колонн демонстрантов. Бригады научных работников и культармейцев по заранее разработанному плану вели наблюдения на фабриках и заводах за степенью вовлечения рабочих в праздник, произведенным впечатлением и влиянием на участников, и делали попытку понять, «как поднять эту активность, самодеятельность и инициативу масс на высшую ступень, соответственно содержанию и величию Октября, что тормозит эту активность»⁶.

Аналогичной работой по изучению праздников в это же время занимались и в Ленинграде. Созданный еще в 1912 г. Институт истории искусств возник в Санкт-Петербурге как научно-просветительский центр с библиотекой и искусствоведческими курсами. В дальнейшем он неоднократно менял свое название: Российский институт истории искусств в 1920–1924 гг., Государственный институт истории искусств (ГИИИ) в 1924–1931 гг., Государственный институт истории искусств, Ленинград-

ское отделение Государственной академии искусствознания в 1931–1933 гг., Государственная академия искусство-знания (ГАИС) в 1933–1935; Государственный научно-исследовательский институт искусствознания (ГНИИС) в 1935–1936 гг.

На существовавшем с 1920 г. факультете истории театра, возглавляемом А.А. Гвоздевым, анализировалось художественное оформление массовых празднеств. Материалы о них были опубликованы в сборниках «Массовые празднества» (1926) и «Опыт организации массового празднества» (1931). В рамках факультета была организована театральная лаборатория во главе с Н.П. Извековым. Здесь изучалось театральное оформление октябрьских празднеств и Первомайской демонстрации. Выработанные основные приемы и методы изучения праздников затем были использованы в деятельности Бюро учета массовых празднеств Социологического комитета института⁷.

Бюро по учету массовых праздников не только фиксировало то или иное произведение искусства, но и изучало реакцию массового зрителя на уличные зрелища⁸. Учет изобразительных средств проводился силами научных сотрудников института и студентов (по данным 1926 г. в опросах участвовали 300 человек).

Сотрудники секции изучали приемы художественной агитации и пропаганды, начиная с первых дней Октябрьской революции, а также собирали различного рода материалы, в том числе историографические и библиографические данные о художественной агитации и пропаганде.

Уже в 1926 г. предполагалось, что Бюро учета массовых празднеств, кроме своей текущей работы по изучению празднеств Ленинграда, расширит свою деятельность и продолжит исследования не только по всей стране, но и за рубежом. Основной своей задачей Бюро видело «всестороннюю методологическую и организационную работу по учету празднования 10-летия Октябрьской революции»⁹.

Кабинет художественной агитации и пропаганды должен был сосредоточить работу на изучении художественной стороны методов агитации и пропаганды. Музей-архив собирал и хранил уже имеющиеся материалы, начиная с первых празднований дней Октября: фотографии, макеты, эскизы, сценарии, описания празднования, газеты, листовки и другие издания, протоколы Первомайских и других праздничных комиссий и т.д.¹⁰

В феврале 1928 г. произошло слияние секции изучения художественной политики и секции изучения художественной агитации и пропаганды революции в секцию изучения искусства и художественной политики Октябрьской революции, которая занималась, в том числе созданием кинофильмов «Первомай» и «Массовые пролетарские

празднства», а также выставок документов к годовщинам и юбилеям Октябрьской революции.

К 1932 г. музей института (к этому времени – ГАИС) обладал фондом материалов по истории массовых празднеств в Ленинграде за 15 лет. Однако из-за материальных проблем в 1932 г. президиумом ГАИС Музей массовых празднеств был ликвидирован, а его материалы перешли в ведение Общества строителей Международного Красного стадиона¹¹.

В Москве учет массовых праздников к 10-летию юбилею Октябрьской революции велся родственным институтом – Государственной академией художественных наук в Москве (1921–1931 гг.), на базе которой и была создана Государственная академия искусствознания. Комиссия революционного театра в составе ГАХН предприняла в 1927 г. первую попытку учета массовых праздников в Хамовническом районе Москвы в дни юбилея¹².

Проведение научных исследований праздничных практик и создание специальных органов для их изучения свидетельствовало о том, что власть придавала большое значение праздникам как способу коммуникации с обществом.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 5. Л. 2.

² См.: Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36. С. 27–38.

³ Шуб Э. Крупным планом // Шуб Э. Жизнь моя – кинематограф. М.: Искусство, 1972. С. 45.

⁴ Подробнее см.: Барышева Е.В. «Режиссеры, организующие массы»: Из истории общества строителей Международного Красного стадиона (1920–1933) // Труды историко-архивного института. Памяти А.Д. Степанского. М., 2014. Т. 40. С. 68–80.

⁵ ГА РФ. Ф. 545. Оп. 10. Д. 494. Л. 28.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-4346. Оп. 1. Д. 504. Л. 5.

⁷ Государственный научно-исследовательский институт театра и музыки. Л.; М., 1947. С. 20.

⁸ Массовые празднества: Сборник Комитета социологического изучения искусств. Л., 1926. С. 3.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. Д. 21. Л. 6об.

¹⁰ Там же. Д. 33. Л. 62.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-4346. Оп. 1. Д. 241. Л.4 об.

¹² Театральная секция // Бюллетень ГАХН / под ред. проф. А.А. Сидорова. М., 1927/28. № 10. С. 35–39.

А.К. Гагиева
*Республиканская академия государственной службы
и управления Республики Коми*

Проведение административной реформы 1929 г.
в Коми Области как один из рычагов укрепления
административно-командной системы управления

Аннотация

На основе впервые введенных в научный оборот архивных источников и литературы рассматриваются вопросы влияния административной реформы 1929 г. на формирование административно-командной системы управления. На примере национального региона показано постепенное отстранение Советов от реальной власти и принятия решений. Прекращение деятельности волостных съездов Советов приводило к ограничению народовластия, регламентации деятельности и усилению партийно-хозяйственного аппарата.

Ключевые слова: волость, Советы, исполнение, бедняки, административная реформа, система управления.

A.K. Gagieva
*Republican Academy of Public
Administration and Administration Komi Republic*

Administrative reform in 1929 in the Komi Region
as one of the levers of strengthening the administrative and
command management system

Abstract

On the basis of archival sources and literature first introduced into scientific circulation, the issues of the influence of the administrative reform of 1929 on the formation of the administrative and command management system are considered. The example of a national region shows the gradual removal of Councils from real power and decision-making. The termination of the activity of volost congresses of Soviets led to the restriction of the people's power, regulation of activities and strengthening of the party and economic apparatus.

Keywords: municipality, Councils, Executive Committee, poor, administrative reform, management system.

Изучение административной реформы 1929 г. в Коми Области до недавнего времени не являлось предметом специального обсуждения. В литературе она упоминалась в контексте развития советской модели управления, расширения прав коми народа, укрепления власти на местах и т.д.¹ Сегодня настала пора рассмотреть реформу 1929 г. с позиций укрепления административно-командной системы управления. Это стало возможным благодаря новым историческим источникам, не введенным до настоящего времени в научный оборот, и появлению интересных исторических теорий и концепций².

В марте 1929 г. VII Коми областной съезд Советов принял решение о внутриобластном районировании. Вместо уездов и волостей были образованы районы и сельсоветы. Одновременно с ликвидацией волостей, была уничтожена система низовых волостных съездов Советов, которые продолжали еще существовать. Вопросы, решаемые здесь, были связаны с повседневной жизнью населения. При этом обсуждение проходило очень активно и живо. Например, в 1929 г. на каждом из волостных съездов Советов Ижмо-Печорского уезда по отчету о работе уисполкома было задано большое количество вопросов (от 30 до 90), было много выступлений в прениях по основным проблемам жизни волостей. Они включали замлеустройство, транспорт, выделение Печорского бассейна в отдельный округ, расширение сети политико-просветительных учреждений, народного образования с целью повышения культурного уровня народа и так далее³.

Административная реформа не только уничтожила систему волостных съездов, но и прямо или косвенно повлияла на формирование системы последующих выборов. Декларировалось, что основной задачей этой реформы являлось приближение органов Советской власти к массам. Районирование позволило разукрупнить уездные органы власти и

управления в области: вместо четырех уездов были созданы девять районов, вместо 96 волостей были образованы 134 сельсовета и один поселковый совет. Численно вырос и советский аппарат низовых органов власти, что позволило усилить партийный контроль над исполнением директивных указаний сверху. Кроме этого, путем проведения реформы, можно было усилить влияние на избирателей при выборах на уровне деревни. Так, с 3 января по 5 февраля 1929 г. проходила выборная кампания по Печорскому уезду, уже с учетом новых задач, поставленных центральными органами. В информации Печорского укома ВКП(б) по итогам кампании особое внимание было обращено на ее положительные и отрицательные стороны. Было отмечено «развертывание подготовительной работы среди бедноты, беспартийного актива, батрачества, женщин и молодежи, своевременная наметка и обсуждение кандидатов в члены сельсоветов, ревизионных комиссий, составление наказов и т.д. Руководство выборными собраниями со стороны партячеек было достаточным, фактов командования, нажима, отказа от руководства не было». Всего по уезду «было проведено 81 бедняцкое собрание с участием 1495 чел., в т. ч. 646 женщин. В тех сельсоветах, где беднота была активна, кандидаты от партячеек проходили на 90 % (с. Ермица), в других местах – на 80 %. Женских собраний было проведено 10, участвовало 230 человек. Там, где для большего вовлечения женщин на выборные собрания устанавливались временные детясли, явка женщин доходила до 90 %, а по уезду в целом 59,8 %». В результате, «в новый состав сельсоветов было избрано 59 женщин, т.е. 17,4 % от всех избранных (в кампании 1928 г. было избрано 39 женщин или 12,8 %)». Впервые женщины были избраны на руководящие посты в низовых Советах (две женщины стали председателями сельсоветов и одна заместителем председателя). В информации укома также отмечалось, что в ходе выборной кампании «кулацкие элементы частично имели влияние на отдельных бедняков, середняков и батраков», особенно в тех населенных пунктах, где отсутствовали партийные и комсомольские ячейки, а в ряде деревень (Оксино) кулаки «сами организованно обсуждали кандидатов в члены сельсовета». Говоря о результатах выборов, отмечалось, что все представители органов власти и управления были либо коммунистами, либо сочувствующими. В качестве основных, традиционных, недостатков были названы: «слабая агитационная работа среди населения, пассивность некоторых общественных организаций, слабая работа культурно-просветительских учреждений, отсутствие работы с беспартийным активом, затяжной характер кампании»⁴.

Административная реформа, в определенной мере, затронула и экономические права Автономной области Коми. 14 января 1929 г.

Президиум ВЦИК принял постановление о вхождение Коми АО в Северный край с центром в Архангельске. Основными причинами этого решения были названы – слабость экономики, бюджета, малочисленность населения, невозможность своими силами освоить природные богатства. Это было сделано вопреки решительной позиции делегатов Шестого областного съезда Советов Коми АО, которые выступили против включения области в состав края.

Опасения делегатов съезда, что область будет полностью зависеть от краевого руководства, только частично были сняты Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1928 г. «О взаимодействиях между автономными областями, входящими в состав краевых (областных) объединений и органами краевой (областной) власти». Здесь определялись границы полномочий областных органов управления. В документе указывалось, что «автономные области независимы от краевых органов управления в областях: организационной, административной, народного образования и архивного дела, здравоохранения, соцобеспечения, юстиции, местного хозяйства, земельного управления и местного бюджета»⁵.

Председатель Коми облизполкома В.П. Юркин, выступая на седьмом областном съезде (март 1929 г.) с отчетным докладом о работе областного исполнительного комитета, уже не скрывал реальный расклад сил во местных структурах области, отмечая, что работа протекала по указаниям шестого областного съезда Советов и под непосредственным руководством Компартии. В качестве основного позитивного момента он отметил, что главной опорой местной власти стал советский актив, представлявший весьма существенную и влиятельную силу – около 3,5 тыс. чел., причем подавляющее большинство (3,3 тыс. активистов) работали в сельской местности. Проведенное между съездами обследование работы всех низовых Советов (сельских и волостных) показало, что «они являются не только административным органом, но и руководят советским строительством и вполне удовлетворяют потребности трудящихся масс»⁶.

10 апреля 1929 г. бюро Коми обкома ВКП(б) постановило назначить сроки проведения досрочных перевыборов в партийных, советских, комсомольских и профорганизациях в связи с районированием. Были определены следующие сроки: 15 июня – 15 июля – перевыборы низовых Советов, 1–15 августа – проведение районных съездов Советов, 28 августа – 1 сентября – проведение областного съезда⁷.

Перевыборная кампания в низовые Советы показала определенные позитивные сдвиги в политической активности различных групп населения. Из-за сохранения волостного деления, при котором основной ячейкой власти были волисполкомы, а не сельсоветы, пришлось проводить

перевыборную кампанию для создания в деревне сельсоветов. Из-за спешки в подготовке внеочередных выборов должной подготовки не было проведено. В итоге, снизилась явка населения. Так, «по данным 57 сельсоветов средняя явка избирателей по области составила 50,8 % (женщин 45 %, мужчин 58 %), в Советы было избрано 14,4% женщин, партийно-комсомольская часть составила 14,2 %»⁸.

3 мая 1929 г. Президиум Коми Областного Исполнительного комитета принял постановление по вопросам перевыборной кампании. В нем ставились конкретные задачи перед местными органами советской власти, советским активом деревни: «добиться большего участия рабочих, батраков и беднячества; добиваться увеличения числа женщин в составе всех Советов не менее, чем до 30 %; резко увеличить в сельсоветах и их выборных органах представительство батрачества (в частности указывалось, что на областном съезде Советов в качестве делегатов должно быть не менее 1 батрака от района; представительство беднячества в сельсоветах и выборных органах предлагалось довести не менее чем до 40-45 %)»⁹.

Облисполком 16 мая 1929 г. отправил в уездные исполкомы указания о проведении отчетно-выборной кампании, в которых говорилось, что главная обязанность уисполкомов «тщательно провести перевыборную кампанию, чтобы создать крепкие работоспособные Советы из рабочих, батраков, бедняков и лучшей части середняков. Не должно быть ни одного избирательного участка, где бы ни проводилось женского и бедняцкого собрания. Решения же принятые на общих избирательных собраниях граждан «должны были стать итогом всей предыдущей проведенной работы и формально принять заранее подготовленные постановления: о членах сельсовета и его президиума, о наказе избирателей, о делегатах на районный съезд, об организации секций при сельских советах. Для того чтобы не допустить в сельсоветы «кулаков и их подпевал, растратчиков, пьяниц» требовалось предварительно обсуждать всех кандидатов на собраниях женского и советского актива села, на женских и бедняцких собраниях. В каждом выбранном Совете должны быть представлены батраки, причем, их процентное количество должно быть не ниже, чем процент бедняцких хозяйств села, а женщин должно быть не менее 30%»¹⁰.

В июле 1929 г. в Коми автономной области прошли первые районные съезды Советов, на которых были избраны районные органы власти – райисполкомы. Делегаты съездов единогласно санкционировали проведение коллективизации и ликвидации кулачества, как класса. Восьмой областной съезд Советов, августа 1929 г., окончательно придал легитимность политике раскулачивания деревни в Коми АО. Административная реформа была очень «вовремя» проведена именно с

учетом проблем решения коллективизации, и очень хорошо вписалась в проводимую государством политику уничтожения и вытеснения наиболее экономически и политически активной части крестьянства и замены этого слоя колхозниками, полностью экономически зависимыми от политики государства. Например, в декабре 1929 г. из 16 председателей сельсоветов Усть-Вымского района было 13 бедняков, 2 середняка и 1 рабочий, из них 9 коммунистов и комсомольцев¹¹.

Однако в различных районах Области итоги выборов оказались неравнозначными. Так, в июле 1929 г. на Усть-Цилемской районной партконференции при подведении первых выборов в районе было отмечено слабое вовлечение батрачества в органы власти и его низкая активность. Недостатками кампании были также названы: «слабое руководство со стороны парторганизаций, срыв собраний бедноты в отдельных местах, несерьезный подбор кандидатов» в сельские Советы (в результате было отведено 24 % кандидатур). Явка на избирательные собрания в среднем по Усть-Цилемскому району составила 67,1 % избирателей, что было ниже, чем в предыдущую кампанию. Мужское население, явившееся на выборы, составило 75 %, женское – 59,7 %. Всего было избрано 338 членов сельсоветов, в т. ч. женщин 59 (17,4 %), батраков 12 (3,5 %), рабочих 19 (5,6 %), бедняков 143 (42,3 %), служащих 22 (6,5 %). Представительство коммунистов в сельсоветах по сравнению с волносполкомами выросло почти в два раза – до 48, также в Советы было избрано 26 комсомольцев¹². В Удорском районе было отмечено, что из-за недостаточного руководства со стороны уездного исполкома по подготовке перевыборов кампания прошла «не совсем удовлетворительно, формально. Привлечение бедноты и батрачества, а особенно женщин, было слабое. Слабо выдвинуты работники с производства, женщины...»¹³.

На 8-м Коми областном съезде Советов, работавшем 3–7 августа 1929 г., председатель облисполкома И.Г. Коюшев подвел итоги избирательной кампании по области в целом. В целом, перевыборная кампания, несмотря на некоторое снижение участия избирателей (до 50,8 %, в том числе мужчин 58 %, женщин 45 %) в связи с районированием, перестройкой системы советских учреждений, недостаточным временем на ее подготовку, была признана как удовлетворительная¹⁴.

Таким образом, к 1929 г. на изучаемой территории наблюдались активизация политической жизни, вовлечение населения в избирательные процессы, появление новых органов власти и управления. Советы, как реальный орган народовластия были постепенно отстранены от принятия решений. Они были низведены до учреждений, регистрирующих «готовые решения». Сам принцип народовластия был формализован. Наблюдались случаи вмешательства в деятельность Советов всех уровней. Особенно

ярко это проявилось при проведении перевыборных и выборных кампаний. На изучаемой территории массовым стал подбор и выдвижение кандидатов в Советы партийными органами. И если на начальном этапе выборы кандидатов в депутаты являлись выбором трудящихся для трудящихся, то к 30-м годам выборы стали подконтрольны партийно-государственным функционерам. Это позволяло сохранять власть в руках номенклатурной партийно-государственной администрации.

Примечания

¹ Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964; Очерки истории Коми областной организации КПСС. Сыктывкар, 1987; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004; *Попов А.А., Кузванова О.Ю., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д.* История Коми с древнейших времен до современности. В 2 т. 2-изд. Сыктывкар, 2011. С. 272–313.

² Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: Сб. научных статей / под ред. О.В. Горбачева, Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 558 с.

³ Национальный архив Республики Коми (НАРК) Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 480. Л. 13.

⁴ НАРК Ф. П-446. Оп. 1. Д. 254. Л. 43–44.

⁵ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 322.

⁶ Там же. Д. 2306. Л. 1–2.

⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 123. Л. 15в.

⁸ Там же. Р-3. Оп. 1. Д. 93. Л. 37.

⁹ Там же. Ф. Р-592. Оп. 1. Д. 21. Л. 99.

¹⁰ Там же. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3.

¹¹ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 340. Л. 81.

¹² Там же. Ф. П-445. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 33.

¹³ Там же. Ф. П-257. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹⁴ Там же.

Государственная политика в 1940–50-е гг. в организации
исторических юбилеев союзных и автономных
республик СССР

Аннотация

В статье, в том числе на документах РГАНИ, анализируется политика организации исторических юбилеев в союзных и автономных республиках СССР. Предлагается рассматривать эти события как переплетение амбиций местных руководителей, форму идеологической мобилизации и политики памяти. Делается вывод, что послевоенная «юбилеемания» фиксирует окончательное превращение прошлого в важный символический ресурс советской идеологии. Указывается, что юбилеи оказались вписаны в логику функционирования административной системы СССР.

Ключевые слова: исторические юбилеи, административная система СССР, советская политика памяти, концепт «добровольное присоединение», декады искусства и культуры народов СССР.

V.V. Tikhonov
Russian state university for the Humanities

State policy in the 1940s and 50s. in the organization
of historical anniversaries of the union and autonomous
republics of the USSR

Abstract

The article analyzes the policy of organizing historical anniversaries in the Union and Autonomous republics of the USSR, including documents of the RGANI. It is proposed to consider these events as a complex interweaving of local leaders' ambitions, a form of ideological mobilization and memory politics. It is concluded that the post-war «anniversary mania» records the final transformation of the past into an important symbolic resource of Soviet ideology. It is indicated that the anniversaries were inscribed in the logic of the functioning of the administrative system of the USSR.

Keywords: historical anniversaries, the administrative system of the USSR, the Soviet policy of memory, the concept of «voluntary accession», decades of art and culture of the peoples of the USSR.

В послевоенное время Советский Союз буквально накрыла волна исторических юбилеев¹. Причин для этого было немало. Во-первых, юбилейные торжества – это апробированный способ идеологической мобилизации населения. Во-вторых, история показала свою пропагандистскую эффективность в годы Великой Отечественной войны, поэтому юбилеи рассматривались как действенная форма воспитания советского патриотизма. И, в-третьих, повышенное внимание к истории отражало общий консервативный поворот советской идеологии в позднесталинское время. Идеологи выстраивали континуитет между величием социалистического государства и его многочисленными историческими предшественниками. Прошлое в этом контексте оказывается не менее важным символическим ресурсом, чем грядущее «светлое будущее».

Формально советское законодательство не предполагало проведения юбилеев, связанных с административно-территориальными образованиями. В постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке празднования юбилеев» от 10 апреля 1941 г. разрешалось праздновать юбилеи общественных организаций, выдающихся государственных и общественных деятелей, ученых и т.д. Впрочем, это не мешало организации целой серии юбилеев образований республик и автономных областей. Причем интенсивность таких мероприятий была настолько высока, что в центре начали бить тревогу, поскольку каждый юбилей обходился союзному бюджету недешево.

8 февраля 1950 г. заместитель заведующего Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) К.Ф. Калашников подготовил записку, в которой указал на практику частого проведения юбилейных торжеств, в том числе и в связи с небольшими датами в 5 и 10 лет. Он доказывал, что это снижает значимость юбилейных дат и наград с ними связанных, и напоминал, что в постановлении 1941 г. прописывается, что юбилеи можно отмечать в дни двадцатилетия, пятидесятилетия, столетия и далее². Но записка, очевидно, не стала руководством к действию. Впрочем, заметно, что центральное руководство все избирательнее подходило к разрешению провести юбилейные торжества.

В 1930–40-е гг. история играла одну из важнейших ролей в идеологической консолидации народов СССР. Если в 1920-е гг. и отчасти в 1930-е гг. поощрялся культ исторических событий и персонажей,

связанных с освободительным движением (как правило антицаристским), то в 1940-е гг. окончательно утвердился канон, по которому прогрессивным считалось только то, что вело к объединению с «великим русским народом»³. Фактически история представляла в качестве телеологической модели, сутью которой являлось историческое движение народов СССР к их неизбежному объединению в рамках союза⁴. В этой связи был развенчан культ Кенесары Касымова в Казахстане и Шамиля на Северном Кавказе. На смену приходила идеологема «дружбы народов» и идеоконцепт «добровольное воссоединение/присоединение».

Апогеем послевоенной политики памяти можно считать юбилей 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954). Именно он стал образцом для целой серии коммемораций, посвященных «добровольным» воссоединениям и присоединениям, прокатившимся в 1950-х гг. Местные руководители использовали юбилей в качестве способа привлечь дополнительное финансирование масштабных проектов, возможности «засветиться» перед центральным руководством и т.д. Но, начиная с начала 1950-х г., союзное руководство старалось умерить пыл республиканских руководителей, поскольку союзному бюджету такие юбилей влетали в копеечку. Заявки на их проведение проходили экспертизу в центральных научно-исследовательских институтах исторического профиля. Например, неоднократно отклонялись предложения Кабардинского обкома о проведении юбилей 400-летия «добровольного присоединения» Кабарды к России. После нескольких экспертиз такой юбилей было разрешено организовать в 1957 г.⁵ В этом же году прошла целая серия подобных юбилеев, отмечавших «добровольное присоединение» Черкессии, Адыгеи, Башкирии.

Концепт «добровольное присоединение» прочно входил в школьное образование и риторику местного руководства, становясь тем самым элементом массовых представлений. Коммеморации «добровольных присоединений», проводившиеся на протяжении всей послевоенной советской истории, прочно вошли в арсенал политики памяти, а затем и массовые представления о прошлом. Их активно используют и на современном этапе, несмотря на указание историков, что формулировка «добровольное вхождение» сильно упрощает исторический процесс⁶.

В 1950-е гг. был окончательно выработан алгоритм проведения таких юбилеев. В организационном плане он мало чем отличался от стандартных советских годовщин. Предполагалась массивная поддержка печати, в том числе и центральной. В данном случае юбилей становился хорошим поводом заявить о республике на общесоюзном уровне. К знаменательной дате историками готовились сборники документов и научные издания, приуроченные к юбилею. Организовывались массовые мероприятия

(митинги, шествия и т.д.). Проводилась серия культурных мероприятий (концертов, спектаклей). Наконец, в честь юбилея строились социальные и культурные объекты, получавшие названия в честь знаменательного события. Впрочем, центральная власть старалась умерить аппетиты республик. Например, в 1958 г. Удмуртской АССР было отказано в возведении монумента 400-летия добровольного присоединения Удмуртии к России из-за его высокой стоимости. Вместо этого было решено поставить значительно более дешевый обелиск⁷.

В послевоенное время продолжались проводиться и декады искусства и культуры народов СССР⁸. Декады играли роль презентации успехов советской национальной политики, являясь своеобразным смотром достижений республик, их витриной. В то же время они становились элементом реальной национальной политики, формой ранжирования народов по степени благоволения к ним со стороны союзного руководства. Одновременно декады являлись формой знакомства советских граждан с национальной культурой народов их страны⁹. Москва, выступавшая центром декад, выполняла функцию многонациональной столицы, воплощавшей единство страны. Серия декад автономных республик РСФСР прошла в 1959 г.¹⁰ Иногда проводились недели искусства и культуры не только республик, но и краев. Так, в 1958 г. в Москве прошла неделя Алтайского края¹¹. В союзных республиках проводились ответные Дни русской культуры, а в автономных – Дни Москвы. Таким образом, символически формировалось единое властное пространство советского государства.

Итак, в 1940–50-х гг. исторические юбилеи становятся значимым фактором жизни советского государства. Послевоенная «юбилеямания» демонстрирует, что прошлое (в том числе и далекое, а не только связанное с революционным процессом) окончательно превратилось в важный символический ресурс. Одновременно исторические юбилеи вписывались в логику функционирования властной вертикали в СССР: проведение юбилейных торжеств позволяло привлечь дополнительное государственное финансирование и давало шанс местным руководителям сделать важный шаг в их карьере.

Примечания

¹ Обзоры и анализ юбилейных торжеств см.: *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. М.; СПб.: Нестор-История, 2017; 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М., 2019; Куда дул ветер хрущевской «оттепели»? Взгляд в зеркало двух исторических юбилеев? М., 2020.

² Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову «О праздновании юбилеев союзных и автономных республик и областей». 8 февраля 1950 г. // Советская национальная политика: идеология и практика. 1945–1953. М., 2013. С. 246–248.

³ Подробнее см.: *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. Гл. I, VII; *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009; *Его же.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017 и др.

⁴ Стоит отметить, что такая модель довольно типична для построения национального государственного нарратива.

⁵ *Тихонов В.В.* История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения» к России // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 107–114.

⁶ *Трепавлов В.В.* «Добровольные вхождения в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 53. Л. 53–54.

⁸ О довоенных декадах см.: *Невежин В.* Застолья Иосифа Сталина. Большие кремлевские приемы. Кн. 1. М., 2011. С. 309–326; *Каплан И.Р.* Товарищи по искусству: фестиваль народного искусства и дружбы народов в СССР в середине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». 2020. Т. 19. № 1. С. 78–94.

⁹ Э. Скотт рассматривает их как форму внутренней «народной дипломатии». См.: *Скотт Э.* Свои чужаки: Грузинская диаспора и эволюция советской империи. М., 2019. С. 181–184.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 71. Л. 11–12, 25–26.

¹¹ Там же. Д. 48. Л. 15–16.

«Танковый вызов» накануне войны и
«танковый ответ» АБТУ РККА¹

Аннотация

Весь период между двумя мировыми войнами СССР напряженно готовился к новой войне. В 1930-е гг. ставка была сделана на оснащение Красной армии новой техникой, в том числе танковыми вооружениями, что оценивалось как своего рода ответ на вызов предвоенного времени. В конце 1930-х гг. этот вызов обрел черты новой угрозы со стороны противотанковой артиллерии. Пришедшее в результате репрессий новое руководство бронетанковыми войсками было вынуждено искать ответ на этот новый «танковый вызов». Ответом стало создание танков с противоснарядным бронированием – Т-34 и КВ.

Ключевые слова: Красная армия, подготовка к войне, репрессии в армии, «танковый вызов», АБТУ РККА, Д.Г. Павлов, танк Т-34, танк КВ.

A.A. Kilichenkov

Russian State University for the Humanities

«Tank challenge» on the eve of war and
«tank response» of ABTU RKKA

Abstract

The entire period between the two world wars, the USSR was preparing intensely for a new war. In the 1930s. the stake was made on equipping the Red Army with new equipment, including tank armaments, which was assessed as a kind of response to the challenge of the pre-war period. In the late 1930s. this challenge has acquired the features of a new threat from anti-tank artillery. The new leadership of the armored forces, which came as a result of repressions, was forced to seek an answer to this new "tank challenge". The answer was the creation of tanks with anti-cannon armor – T-34 and KV.

Keywords: Red Army, preparation for war, purge in the army, "tank challenge", ABTU RKKA, Dmitry G. Pavlov, T-34 tank, KV tank.

В период предвоенной пятилетки 1938–1942 гг. командование Красной армии и советское руководство столкнулось с совершенно новыми факторами развития танковых вооружений и подготовки их к войне. Первым из них стала необходимость учета боевого опыта, только что полученного советскими танкистами в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов второй половины 1930-х гг. Танковые войска Красной армии приняли активнейшее участие во всех этих военных столкновениях, интенсивность которых только возрастала. Вторым очевидным фактором стало все более ощущавшееся приближение второй мировой войны.

К этому времени военное руководство СССР окончательно укрепилось в убежденности, что в этой войне танковые войска будут играть роль главной ударной силы. И эту роль должна была обеспечить новая, уже третья по счету, программа предвоенного танкостроения. Однако в процесс начавшегося осознания сути нового «танкового вызова» ворвались массовые репрессии, обрушившиеся на руководство Автобронетанковым управлением во второй половине 1937 г. Были арестованы, а затем расстреляны начальники и заместители руководителей АБТУ, начальники отделов и отделений: И.А. Халепский, Г.Г. Бокис, Н.П. Бебрис, В.М. Бегунов, И.К. Грязнов, В.Д. Залесский, Н.Г. Игнатов, В.М. Копосов, М.Л. Лебедь, М.М. Ольшанский, С.П. Урицкий и другие бывшие и действующие сотрудники АБТУ, начальники АБТВ округов. Почти все они имели опыт первой мировой и гражданской войны, закончили Военную академию или высшие командные курсы, накопили большой опыт руководства войсками. Главное, это были военачальники, создавшие советские бронетанковые войска и готовившие их к войне. На смену им пришли сталинские выдвиненцы, самым ярким представителем которых стал комкор Д.Г. Павлов, ставший в июле 1937 г. заместителем, а в декабре – начальником АБТУ. Павлов принадлежал к большой группе т.н. «испанцев» – советских военных советников, участвовавших в гражданской войне в Испании на стороне республиканского правительства. Все они – танкисты, летчики, моряки, артиллеристы – получили большой боевой опыт современной войны и стали кадровым резервом Сталина, щедро продвигавшего их на самые высокие посты в руководстве советских вооруженных сил. Но «испанцы», как правило, имели очень мало командного опыта и практически не имели опыта руководства военными структурами.

Комкор Павлов не был исключением. До Испании он успел лишь два года покомандовать механизированной бригадой и всего через год стал начальником важнейшего управления наркомата обороны. Ситуация, в которой оказался новый начальник АБТУ, усугублялась кризисом советского танкостроения.

К концу второй пятилетки стало ясно, что программа принятия на вооружение новых образцов колесно–гусеничных танков Т-43, Т-46, ПТ-1 и Т-29 провалилась. Развернувшиеся репрессии позволили очень быстро «обнаружить причину» этого провала. 17 июля 1937 г. военная группа Комиссии партийного контроля направила докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, в которой раскрыла факты вредительства в танковой промышленности: «В результате проведенного вредительства в танковой промышленности и в 8-м главке НКОП, руководство главка и танковых заводов находится в положении растерянности и неспособности ликвидировать в наикратчайший срок последствий вредительства»².

И ситуация, действительно, была критической. Опыт испанской войны совершенно ясно указывал на провал прежней концепции танкостроения, когда скорость и маневренность считались лучшей защитой танка от огня противотанковой артиллерии. Последовавшие вскоре конфликты на Дальнем Востоке еще раз подтвердили эту истину. В ситуации приближавшейся Второй мировой войны сформировался еще более грозный, чем прежде «танковый вызов» – угроза почти одномоментного устаревания советской танковой армады и потеря Красной армией своей ударной мощи, обесценивание колоссальные затрат на ее создание. От нового руководства автобронетанкового управления требовалось дать немедленный ответ на этот вызов. Для этого требовалась срочная и масштабная аналитическая работа по переосмыслению всего развития советских бронетанковых войск и немедленной корректировке программы их строительства на третью пятилетку.

И комкор Павлов, действительно, начал действовать. Придя на должность руководителя АБТУ, он сразу предложил пересмотреть содержание программы танкостроения третьей пятилетки. 21 февраля 1938 г. Павлов направил доклад наркому обороны Ворошилову с обоснованием необходимости «коренного пересмотра всей системы автобронетанкового вооружения»³. И это выглядит более чем обоснованным. Павлов к тому времени был не только самым знаменитым танкистом страны, но и единственным начальником такого уровня, получившим большой опыт современной танковой войны. Кто как не он, видевший гибель десятков боевых машин от огня пушек противника, должен был поставить вопрос о полной устарелости советского танкового парка, его беззащитности перед противотанковой артиллерией, о создании танка с противоснарядным

бронированием? В те же февральские дни 1938 г., выступая в ВАММ им. Сталина он говорил ровно об этом: «Страшна противотанковая артиллерия и артиллерия, стреляющая прямой наводкой... количество потерь от огня прямой наводкой исчисляется в процентах около 200 к наличию танков, т.е. каждый танк был подбит почти 2,5 раза»⁴.

Но анализ текста доклада наркому Ворошилову показывает, что в феврале 1938 г. нового начальника АБТУ более всего беспокоила не слабость броневой защиты танков, а... их многотипность⁵, которая усложняла «эксплуатацию и ремонт, снабжение запчастями и подготовку кадров. Разные же тактико-технические показатели (по скорости, проходимости, бронированию и вооружению) этих машин, действующих в одном соединении» приводили «к неправильному боевому использованию»⁶. Однако новым это предложение назвать трудно. Павлов лишь повторил требование... Сталина и содержание основных пунктов программы АБТУ, подготовленной еще до его прихода в Управление в сентябре 1936 г.⁷

Но все же необходимо отдать должное комкору Павлову – он, действительно, попытался найти ответ на рост угрозы противотанковой артиллерии. В упомянутом докладе Ворошилову предлагалось создать «гусеничный танк-истребитель ПТО с броней 50-55 мм»⁸. Но вот вместо многочисленных легких танков БТ предлагалось создать новый колесно-гусеничный танк.

И здесь просто необходимо коснуться доминирующего в последнее время мнения, что Д.Г. Павлов вернулся из Испании с идеей замены колесно-гусеничного танка чисто гусеничным. Так, авторы уважаемого сайта «Т-34 Информ», известные историки танкостроения И.Г. Желтов и А.Ю. Макаров приводят в качестве подтверждения этой версии фрагмент его упомянутого выступления перед слушателями ВАММ: «...прошу меня не обвинять, я патриот гусеничного танка. Очень люблю эту "лягушку" Т-26 и не променяю ее ни на какой вид существующих у нас танков. Если мне скажут – на каком идти в бой, лучше на Т-26. ... Если нужна точка зрения для армии – какой танк лучше, колесно-гусеничный или гусеничный, отвечу так – во всей Европе от колесно-гусеничных машин отказались по двум причинам – сложна в производстве, сложна в ремонте и восстановлении и не дает особых преимуществ. Что касается нашей точки зрения, я думаю, по ходу развития в дальнейшем танковой промышленности вы эту точку зрения сами почувствуете на своих вооружениях»⁹. Но при внимательном прочтении становится ясно, что комкор Павлов говорил не столько о преимуществах гусеничной схемы движения, сколько о своем пристрастии к Т-26 и, самое главное, он так и

не дал ответа о том, какой танк нужен Красной армии – гусеничный или колесно-гусеничный.

Другим и более весомым аргументом является его отношение к колесно-гусеничным танкам уже в бытность начальником АБТУ и предложения по конструированию танков в ходе третьей пятилетки. Ярким подтверждением тому стал его доклад на имя председателя Совнаркома Молотова от 14 марта 1938 г., в котором новый начальник бронетанкового управления сформулировал свой подход к выбору прототипа будущего танка. Павлов не стал предлагать немедленно отказаться от колесно-гусеничной схемы и перейти на чисто гусеничную. Вместо этого он предложил создать два опытных образца нового танка взамен БТ – гусеничный (13 т.) и колесно-гусеничный (15 т.) с одинаковым дизельным двигателем и вооружением с тем чтобы по результатам испытаний оставить на вооружении только один тип¹⁰. Иначе говоря, Павлов совершенно не исключал возможность принятия на вооружение новой колесно-гусеничной машины. Не изменил он своего отношения к этому танку и полтора года спустя. 30 сентября 1939 г., когда вопрос о принятии на вооружении Т-34 уже был фактически решен, начальник АБТУ обратился к наркому Ворошилову с предложением о замене состоявшим в производстве танков машинами новых типов. При этом гусеничный А-32 (Т-34) должен был заменить Т-26 и Т-28, а вот танки БТ Павлов предлагал заменить... колесно-гусеничным А-20¹¹.

Вплоть до конца 1939 г. Павлов все еще оставался в рамках прежних представлений и об основных типах танков, и о необходимости колесно-гусеничного хода. Фактически, всего его предложения были «оптимизацией» имевшегося набора танковых вооружений. Но все же некоторый шаг на пути к будущей «тридцатьчетверке» Павловым был сделан. По его предложению ГВС принял решение «В целях дальнейшего совершенствования танков создать два опытных образца – один гусеничный и второй колесно-гусеничный с шестью ведущими колесами» (вес – 13–14 т (гусеничный) и 15-16 т (колесно-гусеничный), вооружение – 1–45 мм, 3 пулемета (1 – зенитный), скорость – 50-60 км/ч, броня – 30 мм в уязвимых местах). Работы над этими заданиями впоследствии привели к созданию А-20 и А-32, а затем и Т-34.

Но полного понимания необходимости увеличения бронирования еще не возникло, увеличение толщины брони предусматривалось только для танка-истребителя ПТО. В отношении остальных танков было принято другое решение: «В целях сокращения толщины брони, резкого улучшения ее качества и сопротивляемости и уменьшения веса танка – просить Комитет обороны принять необходимые меры к производству двухслойной и экранированной брони».

Финальная точка в разработке программы танкостроения третьей пятилетки была поставлена только 7 августа 1938 г. принятием постановления Комитет обороны при СНК СССР № 198сс «О системе танкового вооружения РККА»¹². Принятый перечень работ в рамках третьей программы совершенно явственно указывал на приоритеты, обозначенные военно-политическим руководством, главным из которых стала скорее забота о модернизации накопленного наследия двух предыдущих программ, нежели создание принципиально новых боевых машин с противоснарядным бронированием, способных стать «ответом» на «танковый вызов» конца 1930-х гг. Эта неспособность правильной оценки ситуации вызова и адекватной расстановки приоритетов привела к тому, что конструкторские бюро и танковые заводы оказались перегружены заданиями по разработке многочисленных модернизированных образцов и созданию новых, что неминуемо вело к запаздыванию в разработке будущих Т-34 и КВ.

Особенно страдали от этой «модернизационной» перегрузки коллективы конструкторских бюро заводов, и без того ослабленные последствиями репрессий. Но именно в конструкторских бюро, в инженерной среде сформировалось намного более адекватное представление об истинном характере «танкового вызова» конца 1930-х гг. Тогда же в сентябре 1939 г. в АБТУ была направлена аналитическая записка «Рост противотанковой обороны в период 1918–1937 гг.», подготовленная инженерами завода № 185 им. Кирова Мостовым, В. Федоровым и А.И. Воробьевым. Документ содержал краткий обзор развития средств противотанковой артиллерии с момента ее зарождения и до конца 1930-х гг.¹³ Вывод авторов о том, что «наиболее грозным и опасным врагом для танков является противотанковая пушка», подтверждался расчетами бронепробития различных орудий и опытом боевых действий в Испании и на Хасане¹⁴. На этой основе авторы пришли к заключению: «броня большинства современных быстроходных танков не способна противостоять современной противотанковой артиллерии, а поэтому толщина брони должна быть резко увеличена [...] для решения тех задач, которые раньше разрешались танками легкого бронирования типа БТ и Т-26, необходимо создать новый тип танка с утолщенной броней, обеспечивающий полную защиту экипажа и наиболее жизненных агрегатов танка от поражения снарядами противотанковой артиллерии»¹⁵.

Инженеры-танкостроители первыми осознали, что прежняя ставка советского танкостроения на скорость и мобильность танков как лучшее средство защиты себя исчерпала, и что единственным ответом на «танковый вызов» конца 1930-х гг. может быть только увеличение толщины брони. Усиление бронирования предлагалось обеспечить также

за счет максимального применения больших углов наклона брони – 45–50 град.

И тот факт, что именно танкостроители, а не специалисты танкового управления сумели осознать перспективу среднего танка, говорит об отсутствии у военных ясного видения роли и места танков в будущей войне и, как следствие, невозможности определить структуру автобронетанковых войск Красной армии в преддверии войны. Но почему это смогли сделать инженеры-танкостроители? Причины кроются в разнице ситуаций. Над военными разных стран, включая СССР, довлела субординация, и, как следствие, сложность в формировании собственного мнения. Ошибочные решения и просчеты вышестоящего командования блокировали зарождение иного взгляда. Инженеры, не связанные военной дисциплиной и подчиненностью, изначально были свободнее во взглядах. Более того, заданные статусом и функциями отличия от военных специалистов снимали ограничения мыслительного процесса. Ну, и, наконец, преимущества образования и опыта позволяли рассматривать танк как техническую конструкцию в ее проекции на модель будущей войны.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по проекту FSZG-2020-0001 (номер государственного учета – АААА-А20-120090990081-7) «Вызовы глобальных конфликтов и национальная идентичность: исторический опыт и современность России и постсоветского зарубежья».

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 383. Л. 121–125. Опул.: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 2 (1933–1937): Сб. док. / Сост. Т.В. Сорокина / Под ред. А.А. Кольтюкова. М., 2011. С. 678–680. См. также: Istmat.info. URL: <http://istmat.info/node/48679> (Дата обращения: 24.09.2019).

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 55. Л. 2.

⁴ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 799. Л. 38.

⁵ В докладе упоминались 9 типов танков, находившихся на вооружении, 7 типов новых танков и 10 типов бронеавтомобилей.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 55. Л. 1–2.

⁷ Подробнее см.: *Киличенков А.А.* Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг. // Вестник РУДН. Сер. «История России». Т. 18. № 4. (2019). С. 962–984.

⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 55. Л. 4.

⁹ Т-34. Информ. URL: <https://t34inform.ru/publication/p01-5.html> (Дата обращения: 09.09.2020).

¹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 55. Л. 14, 20.

¹¹ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 928. Л. 125.

¹² ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 35. Л. 215–225. Оpubл.: Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941). М., 2015. С. 180–184. См. также: Istmat.info. URL: <https://istmat.info/node/57427> (Дата обращения: 17.05.2020).

¹³ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 1581. Л. 1–52.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 7, 9.

Ю.А. Соколова

Российский государственный гуманитарный университет

Государственное управление дошкольными учреждениями
и детскими домами в РСФСР
в годы Великой Отечественной войны

Аннотация

Статья посвящена организации работы детских дошкольных учреждений и детских домов в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрен комплекс мероприятий и проблем, связанных с эвакуацией детских домов и дошкольных учреждений, обеспечением, размещением и поддержкой детей. Рассмотрена деятельность Наркомата народного просвещения РСФСР в решении перечисленных проблем.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Наркомпрос РСФСР, детские дошкольные учреждения, детские дома, эвакуация, дети.

Yu.A. Sokolova

Russian State University for the Humanities

State management of preschool institutions and children's houses
in the RSFSR in the years of the Great Patriotic War

Abstract

This article is devoted to the consideration of issues related to the organization of the work of preschool institutions, orphanages during the war. A set of measures and problems related to the evacuation of orphanages and preschool institutions, provision, accommodation and support of children is considered. Directly, the role and activities of the People's Commissariat of Public Education of the RSFSR in addressing these issues are considered.

Keywords: the Great Patriotic War, People's Commissariat for Education of the RSFSR, preschool institutions, orphanages, evacuation, children.

Война принесла неисчисляемое количество бед, но самыми тяжелыми были тяготы тех, чье детство выпало на это тяжело время, оставившее неизгладимый след на судьбе целого поколения. Миллионы детей испытали горе потери родных и близких, всю тяжесть военного времени. Соответственно, забота о детях, стала одной из приоритетных задач государства. В 1943 г. газета «Правда» писала: «...Наша святая обязанность сохранить детей, золотой фонд нашей Родины, нашего будущего... Мы обязаны не только сохранить жизнь каждого ребенка, но и воспитать из них достойных своих отцов советских патриотов»¹.

По большей части ответственность в данном вопросе была возложена на Наркомат просвещения РСФСР. Руководство страны всегда придавало большое значение организации и деятельности этого органа, поскольку в его функции входила и идеологическая составляющая, что в условиях сталинского режима имело огромное значение.

В начале 1940 г. были укреплены подразделения наркомата, осуществлявшие задачу всеобщего обучения. Так, был повышен ранг дошкольного отдела, он стал именоваться Управлением по дошкольному воспитанию². Проведенное повсеместно с началом Великой Отечественной войны сокращение штатов не миновало Наркомпрос. Если в 1940 г. штаты его центрального аппарата насчитывали 650 единиц, то к концу 1941 г. осталась лишь половина сотрудников³. Многие подразделения были объединены. Так, Управление по дошкольному воспитанию, в связи с войной приказом от 17 июля 1941 г. было объединено с Управлением детских домов в единое Управление детских домов и дошкольных учреждений⁴. Руководство им, секретариатом Наркомпроса, инспекцией при наркомате, специальным отделом осуществлял нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин⁵.

Хозяйство наркомата по тем временам было огромным. Наряду с крупнейшими университетами, педагогическими и учительскими институ-

тами, музеями, библиотеками, учреждениями методического и научно-исследовательского характера, в его ведении находился целый комплекс детских учреждений. До начала Великой Отечественной войны в РСФСР насчитывалось 1347 детских домов и интернатов (контингент составлял 155751 детей)⁶ и 5000 детских садов⁷. Однако, их количество стремительно увеличивалось. Уже к 1 января 1943 г. в системе Наркомпроса РСФСР насчитывалось 3000 детских домов с контингентом порядка 500 тысяч детей⁸.

Авианалет немецких захватчиков 22 июля 1941 г. показал, что оставаться детям в столице уже не безопасно, поэтому руководством страны принимается решение об эвакуации детских учреждений в Рязанскую, Тульскую и Ярославскую области⁹.

Ввиду стремительно приближающейся линии фронта через несколько недель стало очевидным, что нахождение детей в ближайших к Москве областях опасно, и началась спешная работа по эвакуации в отдаленные районы страны¹⁰: в Западную Сибирь, на Урал, в Поволжье и Центральную Азию. Основную работу по эвакуации детей Наркомпрос РСФСР осуществлял в направлении Западной Сибири¹¹.

3 сентября 1941 г. Наркомат разослал письмо в наркомпросы автономных республик, заведующим краевыми, областными, районными отделами образования, с указанием, чтобы в период с 25 сентября по 15 октября 1941 г. были проведены совещания работников дошкольных учреждений с целью определения приоритетных задач по организации размещения эвакуированных детских домов и интернатов¹². Также, Наркомпрос РСФСР постановил в месячный срок назначить директоров эвакуированных детских домов и интернатов, укомплектовать детские учреждения всем необходимым: игрушками, учебниками, одеждой, подобрать кадровый состав¹³. В целях максимального размещения детей Советом народных комиссаров РСФСР 3 июля 1941 г. было издано постановление «О расширении детских домов и детских садов в связи с новым приемом детей лиц, мобилизованных в ряды Красной Армии»¹⁴.

В Западную Сибирь дети начали прибывать осенью 1941 года. В Новосибирскую область в сентябре 1941 г. прибыло 1360 детей, в октябре поступило еще 1495. Дети прибывали и в составе различных детских учреждений – интернатов, детских домов, а также вместе с семьями. Бывали случаи, когда дети прибывали одни, и тогда их нужно было определить в детские дома¹⁵. С мая по июнь 1942 г. приток детей резко возрос, и такой темп сохранялся до конца 1942 г. Всего за 1942 г. Новосибирским эвакуационным пунктом было принято 73939 детей¹⁶.

Без внимания не были оставлены и дети с ограниченными возможностями. Для них в общей сложности было организовано 245

учреждений¹⁷. В Западную Сибирь были эвакуированы дома малютки, детские ясли, сады, детдома, пионерские лагеря, интернаты из Тамбовской, Курской, Рязанской, Смоленской, Сталинградской, Московской областей, Москвы и других регионов. Особенно много было детских учреждений из Ленинграда.

Согласно данным Переселенческого управления РСФСР на 1 апреля 1943 г., в Западно-Сибирский регион прибыло 359,9 тысяч детей¹⁸. Учреждения, педагоги, воспитатели работали на пределе возможностей. Такое количество детей не всегда удавалось разместить и обеспечить всем необходимым. В помещениях, где размещались дети, порой было грязно и неуютно, не было электричества, медицинское обслуживание отсутствовало, не хватало белья, обуви, одежды, инвентаря. Даже писать было нечем. «Писали на старых книгах и газетах, между строк». Не хватало квалифицированных педагогических кадров, особенно воспитателей¹⁹. Так, например, имевшиеся в Куйбышевской области 31 детский дом были переполнены, вместо 3102 человек по плану Наркомпроса РСФСР в них содержалось 3700 детей²⁰. В этой связи приходилось идти на различные ухищрения, чтобы как-то сбалансировать загруженность.

В начале войны для освобождения мест в детских домах для эвакуированных детей по окончании 5 классов детям выдали свидетельства о рождении «с плюсом в 2 года» и отправляли работать на завод, либо в ремесленные училища²¹. В целях улучшения медицинского обслуживания и санитарного состояния детских учреждений 24 марта 1942 г. СНК РСФСР было принято постановление «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений», в соответствии с которым в детских учреждениях Западной Сибири ввели должности врачей-инспекторов по руководству медицинским обслуживанием эвакуированных детей²².

В течение войны дети продолжали прибывать из самых разных уголков. Например, для детей, эвакуированных из Прибалтики, по распоряжению Наркомпроса РСФСР от 11 августа 1942 г. в Челябинской области были открыты национальные школы для эстонских детей с преподаванием на родном для них языке²³. В Западной Сибири в годы войны находились детские учреждения для польских детей и испанский детский дом²⁴. В 1943 г. государство поручило Наркомпросу РСФСР заботу о детях польских эмигрантов. При Наркомпросе был создан Комитет по делам польских детей²⁵. В 1943 г. в Красноярский край был эвакуирован детский дом из Польши. Это был особый детский дом, в который Союз Польских патриотов Москвы собирал польских сирот. В 1944 г. здесь содержалось 110 детей, которых обслуживало 47 человек²⁶.

организовать контроль за беспризорностью и установить общий контроль за деятельностью дошкольных учреждений и детских домов.

Примечания

¹ Правда. 1943. 16 июля. С. 5.

² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2593. Л. 119; Д. 2595. Л. 67–73.

³ Там же. Д. 2677. Л. 98; Д. 2690. Л. 173, 202; Д. 2705. Л. 27

⁴ Там же. Д. 2691. Л. 102–103.

⁵ Там же. Оп. 70. Д. 1368. Л. 61.

⁶ Там же. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 682. Л. 31.

⁷ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2798. Л. 19–20.

⁸ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 613. Л. 143.

⁹ *Белая К.Ю.* Из истории дошкольного воспитания в Москве // Дошкольное воспитание. 1997. № 9. С. 11.

¹⁰ *Алексеев В.В.* Организация дошкольного воспитания в годы Великой Отечественной войны // В мире научных открытий. 2015. № 3. С. 46.

¹¹ *Снегирева Л.И.* Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5. С. 143.

¹² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1368. Л. 108.

¹³ Там же. Д. 1407. Л. 14–15.

¹⁴ *Дубинская Т.И.* Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. 2011. № 11. С. 47–48.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Снегирева Л.И.* Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5. С. 144.

¹⁷ *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. М., Воениздат, 1985. С. 308.

¹⁸ Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: Т. 1. «Исход» / сост. и отв. ред. Л.И. Снегирёва. Томск, 2005. С. 321.

¹⁹ *Славко А.А.* детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского Университета. 2010. № 1. С. 6.

²⁰ Там же.

²¹ *Багинский В.В.* А человек – живёт! URL: www.sormovich.nnov.ru (Дата обращения 11.05.2020)

²² Постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // Сборник постановлений Правительства РСФСР. 1942. № 6. Ст. 47.

²³ *Дорошева О.А.* Эвакуированные детские учреждения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. Т. 3. № 11. С. 91.

²⁴ *Снегирева Л.И.* Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5. С. 144.

²⁵ *Ковригана М.Д.* В неоплатном долгу. М., Политиздат, 1985. С. 77.

²⁶ *Филиппова И.С.* Условия жизни польских детей-сирот на территории Минусинского района в военное время URL: [www. memorial.krsk.ru](http://www.memorial.krsk.ru) (Дата обращения: 07.10. 2020)

²⁷ *Варехина А.Н.* Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 33.

²⁸ *Дорошева О.А.* Эвакуированные детские учреждения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. Т. 3. № 11. С. 90.

²⁹ Великая Отечественная война: Юбилейный стат. сборник. М., 2015. 116 с.

³⁰ Справочник для заведующих детскими садами. М., 1952.

³¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2798. Л. 20; Д. 2844. Л. 62; Оп. 70. Д. 10886. Л. 4; Д. 10917. Л. 108.

³² *Александрова Г.И.* Коммунистическая партия – организатор всенародной заботы о детях, оставшихся без родителей в годы Великой Отечественной войны. Иваново, 1977. С. 93; *Синицин А.М.* Забота о беспризорных и безнадзорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 24.

³³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3045. Л. 54–55.

³⁴ Там же. Оп. 70. Д. 1529. Л. 13, 34.

А.И. Бутвило
независимый исследователь, Петрозаводск

Третий путь: отвергнутый вариант совершенствования
советской системы государственного управления
экономикой в середине 50-х гг. XX в.

Аннотация

В СССР имели место две модели организации управления промышленностью и строительством: отраслевая и территориальная (на базе советов народного хозяйства). Обе модели исключали из процесса реального управления местные партийно-государственные органы. В период короткого пребывания во главе правительства Г.М. Маленкова была предпринята попытка пойти по третьему пути – существенного расширения соответствующих полномочий местных органов. Она была свернута почти сразу и потому почти не привлекала внимания исследователей. Но ее анализ важен для понимания потенциальных возможностей модернизации советской модели государственного управления.

Ключевые слова: отраслевое управление, территориальное управление, советы народного хозяйства, министерства, региональные партийно-государственные органы.

A.I. Butvilo
Independent Researcher, Petrozavodsk

The third way: the rejected method of improvement
of the soviet state management of the economy
in the middle of the 1950s

Abstract

There were two industrial and construction management organization models in the USSR, Industry branch management and territorial administration based on national economy councils. Both models excluded regional party-state bodies from the real management. During the short period of G.M. Malenkov being the head of the government an effort was made to use the third model. It included a substantial expansion of local authorities powers. It was curtailed almost immediately and it didn't draw researches' attention. Nevertheless it is important to analyze it for further understanding of the potential modernization of the Soviet public administration.

Keywords: industry branch management, territorial administration, national economy councils, ministries, regional party-state bodies.

Советская система государственного управления промышленностью и строительством сложилась в своих основных чертах в период индустриализации. Она строилась на непосредственном управлении предприятиями со стороны отраслевых народных комиссариатов. Появление в процессе индустриализации новых предприятий и целых отраслей промышленности приводило к образованию новых наркоматов. Аппарат управления становился все более громоздким и дорогостоящим.

Первые попытки совершенствования сложившейся модели управления были предприняты после Великой Отечественной войны. 28 марта 1946 г. каждый заместитель Председателя Совета министров СССР получил задание курировать определенную группу хозяйственных министерств¹. Но задача оказалась непосильной. 8 февраля 1947 г. последовало постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации работы Совета министров СССР». «В связи со значительным увеличением числа министерств и комитетов при Совете министров СССР» образовывались отраслевые бюро при Совете министров СССР: по металлургии и химии, по машиностроению, по топливу и электростанциям и т. д. Возглавлялись они заместителями председателя Совета министров СССР². На практике возник еще один уровень управления за счет ограничения прав отраслевых министерств. Положение предприятий при этом не изменилось. В последующие годы происходила лишь текущая корректировка этой системы.

Принципиально новую модель предложил и попытался реализовать Н.С. Хрущев. Упразднение отраслевых министерств и переподчинение предприятий и хозяйственных организаций советам народного хозяйства экономических административных районов должно было преодолеть

недостатки отраслевой системы управления, в т. ч. пресловутые встречные перевозки, обеспечить межотраслевое взаимодействие в развитии регионов. Смещение Н.С. Хрущева привело к восстановлению отраслевой модели управления промышленностью и строительством, которая просуществует вплоть до крушения советской модели социализма.

При всех различиях у двух моделей управления было много общих черт, поскольку обе они были инвариантами советской социалистической системы управления экономикой. Для нас важно, что в обоих случаях оказывались лишенными сколько-нибудь существенных полномочий местные партийные и советские органы. Те же совнархозы, будучи территориальными органами, создавались центром и ему подчинялись. В большой степени это предопределялось несовпадением административно-территориального устройства и деления на экономические административные районы. Отказавшись от «сталинской» отраслевой системы управления хозяйством, Н.С. Хрущев предпочел передать соответствующие полномочия «экстерриториальным территориальным» органам.

Хрущевская совнархозовская реформа вошла в советскую историю как своеобразный эксперимент, хронологически непродолжительный и во многом случайный («волюнтаристский») эпизод. Однако из поля зрения зачастую выпадает еще более кратковременная и быстро свернутая попытка усовершенствовать советскую модель управления экономикой за счет существенного расширения прав местных партийно-государственных органов. Ее анализ представляет интерес по двум причинам. Во-первых, он позволяет более глубоко понять возможности и пределы модернизации советской социалистической экономической модели. Во-вторых, в ходе этого «маневра» был предпринят достаточно объективный анализ унаследованного от И.В. Сталина хозяйственного механизма, дающий возможность развеять многие иллюзии относительно достижений эпохи «высокого тоталитаризма».

Вышеупомянутый сталинский хозяйственный механизм начали реформировать, даже не дождавшись его физической смерти. На известном совместном заседании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР 5 марта 1953 г. только что избранный Председателем Совета министров СССР Г.М. Маленков внес предложение об упразднении 12-ти и образовании 4-х новых министерств. Конечно, изменения от 5-го марта следует рассматривать прежде всего в контексте «трансфера власти», поскольку новые «суперминистерства» возглавили члены высшего эшелона партийно-государственной власти. Но очень скоро стало ясно, что речь идет не только о персональных перемещениях, но и о более серьезной реформе.

11 марта 1952 г. были упразднены некоторые отраслевые бюро при Совете министров СССР³. 15 марта на сессии Верховного Совета СССР принимается постановление о ликвидации еще 6-ти и образовании 3-х новых министерств. Внося соответствующее предложение, Г.М. Маленков заявил: «...мероприятия по укрупнению ныне существующих министерств, по объединению в одном министерстве руководства родственными отраслями народного хозяйства, культуры, управления... длительное время, при жизни товарища Сталина, вместе с ним вынашивались в нашей партии и правительстве. И теперь... мы лишь ускорили проведение в жизнь назревших организационных мер по дальнейшему улучшению руководства государственной и хозяйственной деятельностью»⁴.

Упоминание И.В. Сталина имело целью, скорее всего, политическую легитимацию реформы. Но то, что она не была экспромтом, похоже на правду, как и то, что у Г.М. Маленкова в этом вопросе были серьезные союзники. Главным из них, судя по всему, был Л.П. Берия, поскольку сразу после ареста последнего начался процесс разделения новых и восстановления ранее существовавших министерств и отраслевых бюро Совета министров СССР.

Отказ от попыток повышения эффективности управления хозяйственным строительством за счет оптимизации системы министерств не снял саму задачу. Но на выбор методов ее решения все большее влияние стала оказывать борьба за политическое лидерство между Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым. Первый возглавлял государственный аппарат, второй – партийный. И потому последовала атака на систему государственного управления. Н.С. Хрущев инициировал проверку форм и методов работы ряда центральных и местных государственных органов. В представленной в Президиум ЦК КПСС 15 января 1954 г. докладной записке о результатах этой проверки существующий государственный аппарат был назван громоздким, дорогостоящим и бюрократическим. В подтверждение этого в записке приводились красноречивые факты и примеры. Так, в проверенных районах райкомы партии, райисполкомы и управления сельского хозяйства получали ежедневно по дюжине директив сверху. На областном уровне их число достигало 25–30 в день⁵. В результате «многие руководящие работники почти все свое время затрачивают на составление и переписывание директив»⁶.

В записке назывались причины такого положения дел: 1) «недостатки деятельности центрального аппарата», так, только Министерство сельского хозяйства СССР тратило ежедневно 23 пуда бумаги⁷; 2) «наличие сложной и громоздкой отчетности», в частности, для колхозов было установлено 45 форм отчетности, включавших 9700 показателей, а вместе с дополнительной отчетностью – 17 000 показателей; 3) отсутствие

государственного органа, специально занимающегося борьбой с бюрократизмом, после ликвидации ЦКК-РКИ⁸. Называлась еще одна причина, представляющая интерес для нас: «отсутствие четко установленной ответственности и прав местных органов»⁹.

Возможно, выводы эти были не слишком глубоки, но они давали Н.С. Хрущеву хороший повод для пока еще завуалированной атаки на Г.М. Маленкова. 19 января 1954 г. он направил в Президиум ЦК КПСС записку с критикой канцелярско-бюрократического стиля работы партийных, советских и хозяйственных органов и с предложением поручить союзным и республиканским министрам, ЦК компартий союзных республик, обкомам и крайкомам КПСС проанализировать недостатки в своей работе и внести соответствующие предложения¹⁰.

В постановлении Президиума ЦК КПСС от 25 января 1954 г. было много общих положений и призывов к восстановлению «ленинских принципов организации аппарата», однако ряд моментов не позволили свести все к очередной шумной агитационно-пропагандистской кампании. В частности, партийным и советским органам поручалось внести предложения о расширении прав и повышении ответственности местных органов управления¹¹.

Поиски главного виновника и источника проблем в управлении промышленностью длились недолго. 14 октября 1954 г. последовало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата». Обратим внимание на один тезис: «В руководстве отдельными отраслями промышленности... имеет место чрезмерная централизация. Поскольку в ведении республиканских министерств находится лишь незначительная часть предприятий и организаций, Советы министров и министерства республик по ряду отраслей, подведомственных союзно-республиканским министерствам, по существу отстранены от руководства предприятиями, расположенными на территории республик»¹².

После этого начался процесс передачи предприятий и хозяйственных организаций из союзного в республиканское подчинение. В июле 1955 г. пленум ЦК КПСС поручил дополнить его переводом главков, трестов и отраслевых НИИ из Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик «в места сосредоточения соответствующих отраслей промышленности»¹³.

Предварительные итоги проделанной работы были подведены в записке заместителя заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС Я. В. Сторожева на имя Н. С. Хрущева от 25 декабря 1955 г. Он сообщал, что получено более тысячи предложений местных партийных и советских органов о расширении их прав, в т. ч. 319 касались бюджетно-финансовой

сферы, 197 – планирования народного хозяйства, 126 – капитального строительства и т. д. При этом автор записки отмечал, что «процесс централизации начался еще до Великой Отечественной войны в связи с известными фактами вредительства в промышленности и сельском хозяйстве. Затем сказалась война и возникшие после ее окончания трудности восстановления народного хозяйства»¹⁴.

Прямым результатом этой «излишней» централизации стали фактически полное отстранение областных и районных органов от процесса планирования, а также отсутствие у них прав, позволяющих решать насущные нужды своих регионов. Вследствие этого они «обращаются с многочисленными просьбами в Советы министров союзных республик, а Советы министров союзных республик в свою очередь по той же причине нередко адресуются в Союзное правительство. (...) Совет министров РСФСР в 1953 году получил 151000 документов... ..ежедневно поступало около 500 бумаг, три четверти из них – это просьбы от министерств и местных Советов, в том числе и по незначительным вопросам. Просят, например, чтобы Правительство РСФСР установило основные цены на такие изделия как петля унитазная, кронштейн для сливного бачка, полухомут для ухвата, пипетка...»¹⁵.

В записке предлагалось подготовить проекты постановлений о расширении прав Советов министров союзных республик, их министерств и ведомств, местных Советов. Формально предложение было поддержано. В феврале 1956 г. его закрепила резолюция XX съезда КПСС: «необходимо... осуществлять дальнейшее расширение прав республиканских министерств в повседневном управлении предприятиями»¹⁶.

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О реорганизации министерств СССР в связи с передачей ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик» от 30 мая 1956 г. в подчинение последних переводились предприятия и организации пищевой, мясной и молочной, рыбной, легкой, текстильной, деревообрабатывающей промышленности, автомобильного транспорта, речного флота, промышленности строительных материалов и т. д.¹⁷.

Казалось бы, реформа, имевшая целью реальное расширение полномочий регионов в управлении экономикой, пошла полным ходом. Но уже 22 января 1957 г. Н.С. Хрущев направляет в Президиум ЦК КПСС записку «Некоторые соображения об улучшении руководства промышленностью и строительством», положившую начало совнархозовской реформе, которая, как уже отмечалось выше, вновь отстранила местные партийные и советские органы от руководства промышленностью и строительством¹⁸.

Что же произошло? Безусловно, сказались пресловутый «волонтаризм» Н.С. Хрущева, его склонность к необдуманным реорганизациям, отмеченная в свое время И.В. Сталиным. Но следует признать, что имелись и объективные причины, вынудившие тогдашнего советского лидера совершить очередной поворот в экономической политике. Определенный свет на эти причины проливает записка заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Е.И. Громова от 18 января 1957 г. Он писал, что «расширение прав союзных республик в руководстве хозяйственным и культурным строительством... повлекло за собой создание на местах дополнительно некоторых министерств. За последние три года число министерств в республиках (без РСФСР) возросло с 262 до 344... образование новых министерств привело к увеличению административно-управленческого персонала. (...) Местные партийные и советские органы не сумели добиться коренного изменения работы управленческого аппарата, изжития канцелярско-бюрократического стиля руководства. ... за последнее время работа по дальнейшему упрощению и совершенствованию аппарата управления ослабла...»¹⁹.

Н.С. Хрущев увидел, что осуществленная реорганизация ничего принципиально не изменила, особенно в положении предприятий, в том, что в советский период именовалось «хозяйственным механизмом». И он пошел по пути иной реорганизации. Тоже сугубо административной, организационной. Вариант с новым нэпом не рассматривался в принципе. Может быть, интуитивно, Н.С. Хрущев почувствовал, что его советская экономика не переживет, что и подтвердила спустя 30 лет «перестройка».

Примечания

¹ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 29–31.

² Там же. С. 38, 40.

³ Жуков Ю.Н. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 605.

⁴ Заседания Верховного Совета СССР [3-го созыва]. Четвертая сессия (15 марта 1983 г.): Стеногр. отчет. М., 1953. С. 8.

⁵ Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964. М., 2009. С. 92, 95.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. С. 100.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп. и испр. В 16 т. Т. 8. М., 1985. С. 441.

¹³ Там же. С. 522.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 458. Л. 1–2.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... Т. 9. М., 1986. С. 27.

¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Протоколы. Постановления. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 304.

¹⁸ Там же. С. 333.

¹⁹ Там же. С. 113–117.

И.К. Ушакова

МУК "Павлово-Посадский музейно-выставочный комплекс"

Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР в 1943–1965 гг. В этот период взаимоотношения церкви и советского государства приобрели новый вектор развития, вместо конфронтации начинается сотрудничество, в том числе во внешнеполитической деятельности.

Ключевые слова: государственной церковные отношения, Русская православная церковь, Совет по делам РПЦ, Московская патриархия.

Activities of the Council for the affairs of the Russian orthodox church under the Council of ministers of the USSR

Abstract

The article examines some aspects of the activities of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR in 1943–1965. During this period, the relationship between the church and the Soviet state acquired a new vector of development; instead of confrontation, cooperation begins, including in foreign policy.

Keywords: state church relations, the Russian Orthodox Church, the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, the Moscow Patriarchate.

История существования Русской православной церкви (РПЦ) в Советском Союзе довольно противоречива, и государство, и церковь прошли несколько этапов становления и развития взаимоотношений. Один из них активизация церковной жизни в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления, когда в государственно – церковных отношениях произошел кругой поворот от конфронтации к диалогу, к установлению лояльных отношений государства и церкви. В это время Русской православной церкви были предоставлены довольно широкие права и возможности, а в целях контроля за её деятельностью и для своевременного регулирования государственно-церковных отношений был создан специальный орган государственного управления – Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР (Совет). Этот государственный орган осуществлял непосредственное руководство деятельностью церкви в 1943–1965 гг. Изучение истории создания и деятельности Совета позволяет проследить развитие взаимоотношений государства и церкви изнутри, выявить степень зависимости церковной жизни и иерархии Русской православной церкви от политических интересов атеистического государства. Определить место церкви в политической, экономической, социальной структурах советского общества.

Истинные причины изменений в политике Советского государства по отношению к церкви следует искать среди внешнеполитических проблем

СССР лета – начала осени 1943 . С 1943 г. Сталин "начал размышлять о послевоенном переделе мира, разрабатывал планы создания мировой державы. В этих его замыслах церкви отводилась немаловажная роль. 5 июня 1943 г. Сталин подписал секретное постановление ГКО "об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР", в котором религиозные организации впервые были отнесены к сфере интересов советской внешней разведки."¹ К тому же летом – в начале осени 1943 г. шла подготовка к Тегеранской конференции, на которую Сталин возлагал большие надежды в плане открытия союзниками второго фронта в Европе. В этот же период поступают просьбы от руководства Англиканской церкви, которая возглавляла ряд благотворительных организаций по оказанию помощи Советскому Союзу, разрешить визит своей делегации в Москву².

Кроме того, положением русской православной церкви в СССР интересовались и другие члены антигитлеровской коалиции. Накануне конференции отказать или провести не на должном уровне встречу такой делегации было равно поражению. Представителя Англиканской церкви должен был принимать глава Русской православной церкви, поэтому подготовка Архиерейского Собора и избрание патриарха были проведены "с большевистскими темпами" (выражение Сталина). Встреча с митрополитами состоялась в ночь с 4 на 5 сентября, а Собор был открыт 8 сентября 1943 г.³. Встреча делегации англиканской церкви с Московским Патриархом состоялась 20 сентября 1943 г.⁴.

Версию о том, что главным в установлении деловых отношений государства и церкви был внешнеполитический аспект, необходимость выхода СССР на мировую арену в качестве сверхдержавы, оказывающей ощутимое влияние на взаимоотношения государств, подтверждают основные направления деятельности Совета по делам Русской православной церкви и Московской патриархии. Уже в 1944–1945 гг. РПЦ восстанавливает связи с православными церквями стран Восточной Европы и Ближнего Востока.

Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР был создан постановлением Совнаркома СССР № 993 от 14 сентября 1943 г.⁵ Формально Совет находился в ведении Совнаркома СССР, однако его главным, правда неофициальным, начальником являлось управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Совет регулярно отчитывался и просил разрешение на то или иное действие именно в этой инстанции.

Деятельность Совета за время его существования с 1943 по 1965 гг. можно поделить на два периода: 1) с 1943 г. до смерти Сталина плюс два-три года после, когда партийные лидеры были заняты борьбой за власть, и пружиня политика по отношению к церкви продолжалась инерция. В это

время церкви были предоставлены довольно широкие права и возможности. 2) 1956–58 гг. – 1965 г. К 1958 г. партия берет под свой контроль государственно-церковные отношения и начинается новый период гонений на церковь. В первый период Совет старался проводить гибкую политику и конструктивно, с наименьшими потерями для обеих сторон решать проблемы государственно-церковных отношений, во второй – начинается открытый и грубый нажим на церковь, запрещения и ограничения по всем вопросам жизни и деятельности церкви, вплоть до запретов на колокольный звон, проповеди, ограничение дней проведения богослужений. Но, несмотря на такое отличие двух периодов, основные методы работы не менялись, суть государства была неизменна, и церковь всегда в советском государстве являлась нежеланным гостем.

Основные направления деятельности Совета были определены и закреплены Положением о Совете и должностными инструкциями для сотрудников Совета. Но в этих документах поставлены только задачи и не раскрыты пути их решения. Правовое положение Совета как посредника между государством и церковью, который решений не принимает, но за всем следит, создавало необычные условия для его деятельности.

Методика работы Совета довольно подробно отражена в циркулярных – инструктивных письмах Совета для уполномоченных, в стенограммах совещаний – семинаров сотрудников и других документах. Установление официальных отношений с церковью было для советского государства новой отраслью управления, до этого все вопросы решались полицейскими методами секретными отделами органов безопасности. Теперь эту работу нужно было легализовать и воспитать штат новых сотрудников, которые часто были далеки от проблем государственно-церковных отношений и нуждались в очень подробных инструкциях.

Один из основных и наиболее часто поднимаемых вопросов в первые годы работы Совета – как следует сотруднику учреждения, контролирующего деятельность церкви, обращаться с духовенством. На совещании – семинаре уполномоченных Совета, состоявшемся 20–21 сентября 1944 г. в г. Новосибирске отмечалось, что "некоторые уполномоченные не нашли правильной формы обращения с духовенством: ведут с ними служебную переписку, называют их по духовному сану". И далее даются указания: "Переписку вести не нужно, а все вопросы разрешать устно во время приема в служебном кабинете. Называть нужно по имени и отчеству"⁶. О недопустимости переписки и выдачи каких-либо письменных справок неоднократно указывается в циркулярных - инструктивных письмах.

Кроме того, предписывалось поддерживать официально-дружеские отношения с духовенством. "В юбилейные или торжественные для церкви дни некоторые правящие епископы приглашают уполномоченных на обед

или завтрак. Уполномоченному не следует отказывать, так как это может быть истолковано духовенством как пренебрежительное отношение со стороны уполномоченного. Во время посещения уполномоченный должен держать себя с достоинством и не допускать излишеств и болтливости. Можно выступить с кратким приветствием от своего имени"⁷. Кроме того, Совет предупреждал, что "все случаи взяточничества, принятия услуг от представителей культов в какой бы то ни было форме, сращивания, панибратства Совет будет пресекать самыми суровыми мерами". В пример приводился уполномоченный Совета при Совнаркомом Белорусской ССР Лобанов, который был "снят с работы и арестован за систематическое пьянство с архиепископом Минским и другие дискредитирующие его действия"⁸.

Предоставив церкви некоторую свободу, государство сделало все, чтобы получить из этого максимальную выгоду. Русская православная церковь была обложена всевозможными налогами, государство получало деньги не только за какую-либо производственную деятельность, но и от доходов каждого священника за совершение различных треб (крещение, отпевание, венчание и др.). В 1945 г. общая сумма налогов с каждого служителя культа составляла 75% годового дохода⁹. Кроме получения высоких налогов от деятельности церкви, государство пошло на предоставление широких прав монастырям. За ними закрепили земли, разрешили заниматься промыслами и организовывать кустарные мастерские. В постановлении Совета министров СССР от 29 мая 1946 г. «о православных монастырях» § 9 гласит, что «хозяйства православных монастырей привлекаются, начиная с 1946 г., к обязательным поставкам государству». По продуктам земледельческого производства (зерно, рис, картофель) – по нормам установленным для единоличных крестьянских хозяйств; по продуктам животноводства – по нормам сдачи, установленным для подсобных и пригородных хозяйств, государственных и кооперативных предприятий и учреждений¹⁰. Церковные учреждения стали целенаправленно включать в государственный механизм советского государства.

Осуществляя руководство внешнеполитической деятельностью церкви, Совет в начале 1945 г. разрабатывает план мероприятий по отрыву приходов греко-католической (униатской) церкви в СССР от Ватикана и их последующее присоединение к РПЦ. Для реализации плана предлагались различные средства: от расширения и активизации деятельности Русской православной церкви до административных мер – "захват" собора и создание инициативной группы внутри униатской церкви, которая выполнит все распоряжения Совета¹¹. Сразу же после освобождения оккупированных территорий СССР партия и правительство

стремились всеми средствами укрепить свою власть здесь, так как западные области Украины и Белоруссии, республики Прибалтики только накануне войны вошли в состав СССР и еще не стали полностью советскими. К тому же большинство населения по своим религиозным убеждениям смотрело в сторону Ватикана, который проводил антисоветскую политику. Поэтому ликвидация греко-католической церкви преследовала две цели: борьбу с Ватиканом и укрепление советского влияния на западе страны.

В целях борьбы с Ватиканом Совет предлагал провести ряд мероприятий по укреплению влияния Русской православной церкви за границей: ликвидировать автокефалию Польской православной церкви и присоединить ее к Московской Патриархии; принять в юрисдикцию Московской Патриархии причта и прихода русской церкви в г. Бари (Италия); ускорить приезд из Парижа в Москву Митрополита Евлогия, являющегося экзархом Вселенского патриарха по всей Европе и высказывающего желание перейти в юрисдикцию Московской Патриархии и др.¹² А также Совет предложил "в целях противопоставления претензиям Ватикана на руководящее мировое значение, организовать и провести в Москве всемирную конференцию всех христианских (некатолических) церквей"¹³.

Стремление укрепить положение Русской православной церкви за границей, поднять ее авторитет связано с желанием советского государства создать "второй Ватикан" в Москве, организовать мощное движение православных церквей во главе с Московской патриархией, которое сможет подобно Ватикану и в противовес ему оказывать влияние на международную политику, конечно же, в интересах СССР. В целях борьбы с Ватиканом и повышения международного авторитета Русской православной церкви Московская патриархия в конце 1940-х годов провела работу по присоединению большей части приходов Зарубежной Русской православной церкви, установлению и укреплению связей с православными церквями стран социалистического лагеря и православными церквями Ближнего Востока.

Возобновление отношений Русской православной церкви с православными церквями Ближнего Востока, прерванных после Октябрьской революции, имело любопытный неофициальный аспект. Совет сообщает правительству, что "в 1945 г. Восточные патриархии неоднократно обращались к патриарху Московскому Алексию за материальной помощью, ссылаясь на то, что в дореволюционное время они имели постоянную материальную помощь от Правительствующего Синода"¹⁴. В связи с этим в докладе партии и правительству Совет высказал следующее мнение: «В виду усиливающейся заинтересованности

церковными делами на Ближнем Востоке со стороны англичан и попытками подчинить своему влиянию руководителей восточных православных церквей, является настойчивой необходимостью, в противовес этому, значительное усиление авторитета Русской православной церкви и организация моральной и материальной поддержки восточным церквам»¹⁵.

Решение о субсидировании Ближневосточных патриархов было принято на высшем уровне, и поддержка международных акций Русской православной церкви со стороны этих церквей щедро оплачивалась Советским правительством. В соответствии с планом мероприятий, санкционированных Постановлением Совета министров СССР от 29 мая 1946 г. церковная делегация Русской православной церкви в составе митрополита Ленинградского Григория (Чукова), протопресвитера Н.Ф. Колчицкого и священника Фомичева Н. совершила поездку в страны Ближнего Востока. С 12 ноября по 6 декабря 1946 г. делегация поселила Иран, Ливан, Сирию, Палестину и Египет. С санкции правительства "митрополит Григорий конфиденциально вручил денежные средства, как помощь от Московского патриарха, Антиохийскому патриарху Александру в сумме 25 тыс. американских долларов и Иерусалимскому патриарху Тимофею в сумме 35 тыс. американских долларов"¹⁶. В том же 1946 г. митрополит Николай (Ярушевич) для поездки в Турцию получил через Наркомфин "для специальных целей 50 тыс. американских долларов"¹⁷.

В качестве регулярной материальной помощи Московская патриархия предоставляла Восточным патриархам храмы подворья на территории СССР, которые давали 10–15 тыс. годового дохода в валюте. Восточные патриархи имели хорошие аппетиты. Так в 1955 г. патриарх Александрийский Христофор требует, чтобы ему выплатили за 10 лет около 150 тысяч долларов доходов от подворья, которое ему обещали в 1945 г., но отдали только в 1955 г.¹⁸ Таким образом православные церкви Ближнего Востока были готовы поддерживать акции Русской православной церкви на международной арене, но за определенную материальную поддержку.

После смерти Сталина государственная политика по отношению к церкви изменилась, начинается наступление на религию и церковь. Однако внешнеполитическую деятельность церкви эти процессы практически не затронули, напротив происходит дальнейшее расширение и активизация внешних акций Русской православной церкви. Совет получает от ЦК партии указание "усилить работу по привлечению Русской православной церкви и ее деятелей к борьбе за мир, разоблачению антисоветской пропаганды, ведущейся в зарубежных странах, к разъяснению советского

законодательства о культурах и положения религии в СССР, а также активизировать борьбу Русской православной церкви с Ватиканом и другими враждебными Советскому Союзу зарубежными церковными центрами"¹⁹.

В период создания Совета и принятия решения о расширении прав Русской православной церкви главную роль сыграла возможность широкого использования внешнеполитической деятельности церкви в политических маневрах СССР на международной арене. Потому за все время существования Совета по делам Русской православной церкви контроль за зарубежной работой церкви являлся одной из главных задач Совета, а направление этой деятельности определялось в Управлении пропаганды и агитации ЦК КПСС.

В первые послевоенные годы деятельность Совета и Русской православной церкви была связана с необходимостью выхода СССР на широкую международную арену в качестве страны победительницы и укрепления позиций в странах народной демократии и на Балканах. Во второй половине 1950-х годов Совет поставил перед Русской православной церковью другую задачу: развертывание широкой миротворческой деятельности и выступление с инициативой проведения различных акций международного характера в защиту мира. И это было одним из противоречий эпохи: проведение политики "железного занавеса" и гонки вооружений, и в то же время поддержка и активизация миротворческой деятельности Русской православной церкви и расширение ее внешнеполитических связей. Однако суперзадачей Совета и ЦК партии было создание в Москве "второго Ватикана" мощного центра православных церквей во главе с Московской патриархией, который сможет подобно Ватикану и в противовес ему оказывать влияние на международную политику и станет проводником политических интересов СССР в Европе и в мире.

Примечания

¹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в 1943–1957 гг. // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 36–56.

² Алексеев В. Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 42–44.

³ Одинцов М.И. И. Сталин: «церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 155–157.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

⁷ Там же. Л. 47.

- ⁸ Там же. Д. 7. Л. 66-67.
⁹ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 38.
¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 50–53.
¹¹ Там же. Д. 29. Л. 66об.
¹² Там же. Л. 67.
¹³ Там же. Л. 68.
¹⁴ Там же. Д. 80. Л. 137.
¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 31.
¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 1.
¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 81. Л. 84.
¹⁸ Там же. Д. 1225. Л. 45.
¹⁹ Там же. Д. 1744. Л. 45.

С.А. Байбаков
МГУ имени М. В. Ломоносова

Пересмотр замысла конституционной реформы в СССР после смещения Н.С. Хрущева (1964–1968 гг.): историографический аспект

Аннотация

В статье объясняется, почему после смещения Н.С. Хрущева партийно-государственное руководство СССР во главе с Л.И. Брежневым отказалось от дальнейшего продвижения «осеннего» проекта Конституции, подготовленного в августе – сентябре 1964 г. Автор определяет вклад историков, юристов, политологов в изучение темы в последние годы. На основе архивных документов он показывает, когда и по чьей инициативе была возобновлена работа по написанию проекта третьей Конституции.

Ключевые слова: проект третьей Конституции СССР, отказ от хрущевского варианта конституционной реформы, возобновление подготовки конституционной реформы в 1968 г., обновление состава Конституционной комиссии и руководства рабочей группы, проект рабочей группы А.Н. Яковлева.

Revision of the concept of constitutional reform in the USSR
after the removal N.S. Khrushchev (1964–1968):
historiographical aspect

Abstract

The article explains, why after N.S. Khrushchev's removal, the party and state leadership of the USSR, headed by L.I. Brezhnev, refused to further promote the "autumn" draft of the Constitution, prepared in August–September 1964. The author defines the contribution of the historians, legal scholars and political scientists who studied this topic in recent years. Based on archival documents, he shows when and on whose initiative the work on writing of the third Constitutional draft was resumed. The author gives a detailed description of the draft of the new Constitution of the USSR in 1968, compiled under the leadership of A.N. Yakovlev.

Keywords: the third Constitutional draft of the USSR, rejection of Khrushchev's version of the constitutional reform, resumption of preparation of the constitutional reform in 1968, updating the composition of the Constitutional Commission and the leadership of the working group, the Yakovlev working group's project.

В ходе подготовки проекта третьей Конституции СССР был период, представляющий необычайный интерес и одновременно серьезные трудности для историка. Осенью 1964 г. накануне смещения Н.С. Хрущева работа над его очередным вариантом была внезапно прервана, причем совершенно немыслимым, можно даже сказать скандальным образом. На приглашение руководителя редакционной подкомиссии Л.Ф. Ильичева собраться и обсудить план дальнейших действий никто не явился. Вскоре после того, как Л.И. Брежнев был избран первым секретарем ЦК КПСС, его 11 декабря 1964 г. назначили председателем Конституционной комиссии вместо Н.С. Хрущева. Казалось, нет никаких видимых препятствий для окончательной доработки составленного в августе–сентябре 1964 г. «осеннего» варианта проекта, его обсуждения и принятия. Тем более, что и сам Брежнев и его ближайшие сподвижники по партийно-государственному руководству ранее возглавляли подкомиссии по

основным разделам будущей конституции и были хорошо осведомлены о степени готовности целостного проекта и вставших в ходе процесса его создания проблемах.

Однако соответствующего распоряжения «сверху» так и не последовало. Более того, перерыв в работе Конституционной комиссии и ее рабочих органов растянулся почти на 4 года, что само по себе свидетельствовало о серьезных проблемах, возникших не только перед составителями текста будущего Основного Закона, но и перед высшими партийно-государственными руководителями. Ведь именно они должны были не только формулировать принципиальные установки, но и при необходимости корректировать поставленные задачи, а также сдвигать дело с мертвой точки, когда в ходе практического воплощения исходных принципов в конкретные конституционные нормы механизм их выработки пробуксовывал. О том, что обновленное высшее руководство не только не было удовлетворено итогами проделанной в ходе хрущевской «оттепели» работы, но и не имело своей четко сформулированной более реалистичной альтернативы, свидетельствует в частности оценка сложившейся ситуации в конце 1964 – начале 1965 гг., данная А.И. Микояном. В ответ на вопросы, заданные ему, как председателю президиума Верховного Совета СССР, являвшемуся одновременно членом президиума ЦК КПСС и Конституционной комиссии, он заявил, что подготовка проекта затянется еще на несколько лет (два-три года), поскольку «то, что мы делаем, делает комиссия, нет уверенности, что эта Конституция будет такой, какой нужно» и призвал «не форсировать это дело»¹.

Лишь введение в политический оборот в 1967 г. понятия о «развитом социализме», построенном в СССР к тому времени и его последующая концептуализация помогли негласно (ведь третья программа КПСС, принятая в 1961 г., официально продолжала действовать в первоначальном виде до 1986 г.) дезавуировать положение о развернутом (непосредственном) переходе к коммунизму. Опираясь на эту теоретическую новацию, можно было попытаться скорректировать концептуальный замысел конституционной реформы: приблизить к реальности перспективные установки, умерить намеченные радикальные шаги по демократизации советского государства и общества, чреватые их дестабилизацией, ослабить внимание общественности к угрозе возможных рецидивов злоупотребления властью со стороны первых лиц партийно-государственной элиты, ссылаясь на проведенные после XX съезда КПСС мероприятия по укреплению социалистической законности и правопорядка. Наметив новые общие очертания конституционной реформы, Брежнев и другие высшие руководители сочли возможным санкционировать возобновление работы по подготовке проекта. Решение

по этому вопросу было принято на заседании политбюро ЦК КПСС 20 июня 1968 г.

Новым руководителем рабочей группы вместо Ильичевы был назначен А.Н. Яковлев, заместитель заведующего (с 1969 г. и о заведующего) отделом пропаганды ЦК КПСС. Тогда же были заменены председатели ряда подкомиссий и обновлен состав редакционной подкомиссии. Рабочей группе было поручено в месячный срок подготовить проект Конституции и объяснительную записку к нему². Основная трудность в изучении взглядов наиболее влиятельных членов политбюро и секретарей ЦК КПСС, решавших судьбу подготовленных вариантов проектов, заключается в недоступности на сегодняшний день источников, отражающих их персональную позицию, ее аргументацию и последующую динамику. Тем не менее, некоторые позитивные сдвиги в изучении означенной проблемы наметились в постсоветский период.

В эти годы основное внимание историков было сосредоточено на конституционных проектах периода хрущевской «оттепели». А.А. Данилову и А.В. Пыжикову удалось проследить большую подготовительную работу, проведенную еще до официального создания Конституционной комиссии, показать ход формирования и содержательную сторону ее деятельности, реконструировать организационный механизм (формы и методы) выработки конституционных норм. Они же опубликовали важные документы по рассматриваемой теме: Данилов – стенограммы двух заседаний Конституционной комиссии, а Пыжиков – один из двух вариантов проектов 1964 г., хотя автор и не уточнил, что воспроизвел его «летнюю» редакцию³.

Тщательное изучение современными исследователями (в том числе автором этих строк) работы подкомиссий и их рабочих групп позволили убедительно обосновать концептуальное положение о том, что облечь переход от социализма к коммунизму в четкие конституционные нормы им никак не удавалось и дальше повторения заимствованных из Программы КПСС деклараций дело не шло. Брежнев, руководивший в 1962–1964 гг. одной из ключевых подкомиссий по вопросам государственного управления, работы советов и общественных организаций, мог в этом убедиться еще летом 1962 г., получив первые варианты материалов к проекту. Сообщая авторам свое мнение, Леонид Ильич сосредоточил внимание на наиболее существенных недостатках и путях их преодоления.

Вопрос о соотношении деятельности Советов и общественных организаций он требовал разработать «не только в общей форме, но и в виде четко сформулированных принципов, которые можно положить в основу конкретных статей», рассчитанных как на текущий этап, так и

перспективу. Проблему сочетания государственных и общественных начал Леонид Ильич призывал «не уводить в область чистой теории», «не отрывать ее от жизни», «от окружающей действительности». Он предостерегал составителей материалов от умозрительного конструирования системы органов государственной власти и государственного управления и рекомендовал положить в основу их действующую структуру. Для того, чтобы правильно определить перспективу развития советской государственности и избежать прожектерства, Брежнев видел только одно действенное средство – глубже и полнее изучать повседневную практику соответствующих органов, которая только может явиться ключом к решению возникших проблем. Для этого сотрудники аппарата президиума должны были выехать на места, использовать наработки ученых и практиков, извлечь нужные сведения из ранее подготовленных аналитических материалов и информационных справок⁴. Между тем, конкретных предложений по статьям о государственных и общественных структурах на этапе постепенного перехода к коммунизму сам Брежнев не сформулировал.

Собранный по его совету эмпирический материал плохо увязывался с метафизически провозглашенной перспективой, свидетельствуя, если не о ее утопичности, то, по крайней мере, о преждевременности. Однако открыто и публично признать несостоятельность прогностической установки недавно принятой программы КПСС, преемники Хрущева сочли несолидным и опрометчивым.

Наиболее заметным явлением в современной российской историографии явилась попытка А.Н. Медушевского создать первую аналитическую (в отличие от прежних описательных), строго аргументированную концепцию истории советского конституционализма⁵. Он типизируется автором как «номинальный», при этом его главной чертой считается доведенный до предела разрыв между реальностью коммунистической диктатуры и нормами писанной Конституции, преодолеваемой с помощью террора. Исследователь оговаривается, что к числу действующих норм Конституции относится положение о руководящей роли компартии и некоторых социальных гарантий граждан.

В качестве теоретико-методологической основы своей концепции исследователь использует теорию когнитивной истории. Ее сущность заключается в «изучении целенаправленной человеческой деятельности», воплощенной «в интеллектуальных продуктах», в данном случае – в советских конституциях. По словам Медушевского, революция 1917 г. породила социальный миф – марксистско-ленинскую доктрину происхождения и развития государства, предназначенного для ликвидации эксплуатации и построения общества, основанного на социальной

справедливости и равенства. В отличие от других теорий, построенных на обобщении обширного эмпирического материала, это учение представляло собой систему символов, построенных на вере, а его истинный смысл может быть понятен только учеными, владеющим навыками толкования текста. Применительно к проекту 1964 г. подобный когнитивный поход позволяет установить, что он базировался на двух противоречивых началах: во-первых, стремлении сохранить устой существующей системы, а во-вторых, придать импульс ее развитию. С этой целью Хрущевым была предпринята попытка конституционализации «коммунизма». Его действия объясняются поиском альтернативы сталинской сверхцентрализованной и бюрократизированной модели государственного управления. Попытки соединить в конституционном проекте ограниченную демократизацию однопартийной системы при сохранении ее фундаментальных ценностей с идеей возврата к первоизначальным истокам коммунистической идеологии, сформулированной В.И. Лениным и представляющей собой социальную утопию, выявило фундаментальные противоречия идеологии и права, породило массу концептуальных противоречий в проекте, создало ситуацию «конституционного тупика» и стремления политической элиты вообще отказаться от реформы сталинской Конституции.

Рассматриваемое нами возобновление работы над проектом последней Конституции СССР Медушевский необоснованно начинает с 1969 г. и вписывает ее в первую фазу позднесоветского номинального конституционализма, определяемую им как «коллективный диссонанс». Он выражался в «общей дезориентации разработчиков в отношении основополагающих принципов конституционного конструирования». Подобное дискомфортное состояние объясняется провалом попыток ограниченной демократизации при Хрущеве и консервативным поворотом брежневского режима после 1964 г.⁶ С предложенным термином, определяющим особенности данного этапа можно согласиться. Вместе с тем непонятно, почему он начинается не с 1968 г., когда под руководством А.Н. Яковлева рабочей группой был подготовлен очередной проект новой Конституции. Кроме того, вряд ли можно столь категорично писать о провале (по крайней мере, полном) ограниченной демократизации при Хрущёве, а в консервативном повороте второй половины 1960-х гг. не видеть попыток более реалистичных оценок состояния и перспектив развития советского общества и государства.

В последние годы появилось несколько работ, в которых отражены интересующие нас вопросы. Из них следует выделить, в первую очередь, монографию, специально посвященную истории создания третьей союзной Конституции. Ее автором является И.Н. Стрекалов, недавний выпускник магистратуры юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Написанная им работа интересна, прежде всего, богатым архивным материалом, в том числе впервые введенным в научный оборот. Применительно к рассматриваемой теме заслугой молодого исследователя является выявленный им в ГАРФе проект Конституции СССР 1968 г.⁷ Остается надеяться, что новые рассекреченные источники позволят ученым в будущем заполнить пробелы в изучении подготовки проекта третьей Конституции СССР в 1964–68 гг.

Примечания

¹ Цит. по: *Стрекалов И.Н.* Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. С. 50.

² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 31. Л. 26.

³ *Данилов А.А.* «Утаенная Конституция Никиты Хрущева». Стенограммы заседаний Конституционной комиссии 1962–1964 гг. // Исторический архив. 1977. № 1. С. 46–53; *Пыжиков А.В.* «Хрущевская «оттепель». М.: Олма-пресс, 2002. С. 398–458.

⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 199–201; Д. 10. Л. 55–57.

⁵ *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 9–10, 441–498.

⁶ Там же. С. 502.

⁷ *Стрекалов И.Н.* Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. С. 59–62.

П.М. Машеров в воспоминаниях современников:
портрет руководителя и человека

Аннотация

В статье раскрывается информационный потенциал воспоминаний, характеризующих первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии в 1965–1980 годах Петра Машерова. Автор пришел к выводу, что характерной чертой мемуаров является высокая оценка деятельности П.М. Машерова и его человеческих качеств, элементы идеализации. Для большинства мемуаристов недостатки политика отходили на второй план, заслоняемые масштабом его личности, заслугами перед страной и народом и трагической гибелью. Тем не менее, воспоминания позволяют реконструировать близкий к объективности облик П.М. Машерова.

Ключевые слова: П.М. Машеров, воспоминания, информационный потенциал, характеристика, личная оценка, исторический портрет, историческая память.

A.N. Dulau
Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Belarus)

P.M. Masherov in the memories of his contemporaries:
portrait of a leader and a man

Abstract

The article reveals the information potential of memories that characterize the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1965–1980, Pyotr Masherov. The author came to the conclusion that a characteristic feature of the memoirs is a high assessment of the activities of P.M. Masherov and his human qualities, elements of idealization. For the majority of memoirists, the politician's shortcomings faded into the background, overshadowed by the scale of his personality, services to the country and people and tragic death. Nevertheless, the memories allow us to reconstruct the image of P. M. Masherov close to reality.

Keywords: P.M. Masherov, memories, information potential, characteristic, personal assessment, historical portrait, historical memory.

*«Мысленно вижу его необычный ум, широкую щедрую натуру,
нежное любящее сердце, красивое доброе лицо,
легкую спортивную походку.*

*А рядом другой образ – строгий, требовательный к себе и
окружающим, волевой, смелый, сильный духом, имеющий свои убеждения
и не поступающийся ими, беспрдельно любящий свою Родину и народ»*

Ольга Мироновна Пронько,
сестра П.М. Машерова

Петр Миронович Машеров (1918–1980) – один из ярчайших политических деятелей Беларуси советской эпохи. Простой сельский паренек прошел путь от учителя Россонской школы до первого секретаря ЦК КПБ в 1965–1980 гг., заслужив в годы войны звание Героя Советского Союза, а своей послевоенной деятельностью – Героя Социалистического Труда. Но, главное, снискав любовь и уважение белорусского народа благодаря лидерским качествам, вкладу в развитие экономики, социальной сферы, науки и культуры республики. И не в меньшей степени – благодаря порядочности и человечности, заботе о людях.

Память о Петре Мироновиче сохраняется в современной Беларуси. Тем не менее, личность и жизненный путь П.М. Машерова не получили должного внимания белорусских историков. На фоне огромного количества публицистических статей на сегодняшний день в отечественной историографии отсутствует его обстоятельная научная биография.

Важным источником сведений о П.М. Машерове и его деятельности являются воспоминания современников. Писались они, как правило, спустя пару десятилетий после гибели П.М. Машерова. Нами были использованы воспоминания родных и близких, партийных и государственных деятелей, работавших с Петром Мироновичем, ученых и деятелей культуры, а также простых тружеников, которые встречались с П.М. Машеровым. Воспоминания позволяют проследить формирование личности политика, основные вехи его биографии, характеризуют как человека и руководителя.

Уже в детстве и юношестве у П.М. Машерова под влиянием родительского воспитания, а также исторических условий и обстоятельств жизни формировались качества личности, которые проявились в дальнейшем. Это подробно раскрыто в воспоминаниях сестры – О.М. Пронько¹.

Во время учебы в Витебском государственном педагогическом институте и работы учителем физики и математики в Россонах (Витебская область), а также в годы Великой Отечественной войны, когда П.М. Машеров стал руководителем подпольного и партизанского движения на Россонщине, ярко проявились такие его качества, как трудолюбие, активность, инициативность, организаторские способности, уверенность в себе и доверие к людям, твердость, целеустремленность, ответственность, умения преодолевать трудности и добиваться результата, сплотить людей и мобилизовать их для решения поставленных задач².

Помимо лидерских задатков Петру Мироновичу был присущ ряд качеств эффективного управленца, о чем пишут его соратники по партийной работе. В частности, в воспоминаниях отмечаются его высокий интеллект, наличие стратегического мышления, умения вникнуть в суть проблемы. Н.И. Дементей писал: «Петр Миронович был глубоким аналитиком, проницательным психологом, имел философский склад ума»³. «Мы, работавшие под его руководством и рядом с ним, всегда отмечали и ставили на первое место его глубокий аналитический ум. Он мыслил настолько глубоко, что это делало его необычайно проницательным и выводило на нестандартные, неожиданные подходы и решения самых сложных задач и в экономике, и в политике, и в культуре, и в социальной жизни народа. А для руководителя такого ранга наличие глубокого ума – это самое главное качество» – вспоминал А.Н. Аксенов⁴. При этом П.М. Машеров не считал свое мнение истиной в последней инстанции. «При П.М. Машерове Бюро ЦК и по форме, и по содержанию было коллегиальным органом, соблюдался демократический централизм»⁵. Петр Миронович мог согласиться с человеком, который аргументированно доказывал ошибочность его точки зрения.

Будучи коммунистом и искренним поборником социализма, Машеров не был догматиком. Согласно воспоминаниям Н.И. Дементя, «Петр Миронович Машеров не раз отмечал, что социалистический строй несет в себе больше возможностей и преимуществ для развития человека, производительных сил, чем капиталистический. Если бы научились, говорил он, использовать хоть 15 процентов преимуществ социализма, вырвались бы далеко вперед»⁶. В.С. Шевелуха писал, что П.М. Машеров был убежден: командно-административные методы управления производством себя изжили, должны быть заменены экономическими. Он не только поддерживал реформы А.Н. Косыгина, «но и сам осуществлял и выработывал соответствующие новации в республике. <...> В условиях социализма Петр Машеров твердо настаивал на реорганизации управления производством, но без коренной ломки сложившейся системы»⁷.

Понимая, что экономическое развитие в эпоху НТР должно осуществляться на научной основе, П.М. Машеров содействовал развитию научных исследований и внедрению их результатов в производство, сам интересовался развитием науки. Е.М. Бабосов, который не раз становился свидетелем общения П.М. Машерова с учеными, отмечал, что «... очень глубокое впечатление производила научная интуиция Петра Мироновича. Было очень приятно слышать о глубине его научных познаний, которые высказывали и Келдыш, и Александров, Моисеев и особенно Патон»⁸. Кстати, тотальная мелиорация полевских болот, которую часто ставят в вину П.М. Машерову, проводилась в соответствии с научными рекомендациями. При этом Н.П. Машерова подчеркивает, что отец не перекладывал вину на ученых, т.к. решение о мелиорации принимал сам как руководитель⁹.

Для Петра Мироновича были характерны широкий кругозор и компетентность в различных сферах. И.П. Шамякин описывает, как присутствовал на Бюро ЦК КПБ, на котором обсуждался вопрос о застройке парковой магистрали. Петр Миронович поразил писателя своей заинтересованностью и компетентностью в вопросах архитектуры. «Новой гранью открылся на том бюро П.М. Машерау. Па-першае, нейкай надзвычайнай, я сказаў бы, апантанай зацікаўленасцю ў тым, якой будзе Паркавая магістраль. Па-другое, нечаканым высокім прафесіяналізмам: добра падрыхтаваўся да размовы. Не дылетанцтваваў. Паміма рэплік, першы сакратар гаварыў добрую гадзіну. Мяне проста ашаламіла, якой ён бачыў гэтую магістраль. Цуд! <...>»¹⁰.

Машеров тщательно готовился к выступлениям на пленумах ЦК и съездах партии. Он давал подчиненным конкретные задания, неоднократно обсуждал с ними основные тезисы и положения доклада, а затем мог совершенствовать текст вплоть до момента выступления¹¹.

Мемуаристы подчеркивали такие качества Машерова, как трудолюбие и потрясающая работоспособность: «Сам Машеров трудился много, напряженно, буквально горел на работе. Нередко его рабочий день продолжался с 8 часов утра до 2 часов ночи»¹². В страду на полях он мог появиться в 4–5 часов утра и провести день с комбайнерами¹³. Причем стиль его труда в значительной мере был «некабинетным». Поездки, а также полеты на вертолете по регионам, посещение колхозов и совхозов, промышленных предприятий, строек были характерной чертой работы Петра Мироновича. Они давали возможность получать информацию из личных наблюдений и первых уст, беседуя как с местными руководителями, так и с простыми тружениками села и рабочими. Причем, как правило, о маршрутах первого секретаря ЦК КПБ на местах заранее не знали, к тому же П.М. Машеров мог неожиданно их менять.

Соратников поражала активность П.М. Машерова. Ю.П. Смирнов вспоминал: «Поразительно, но Петра Мироновича хватало на все. На постоянные поездки по республике, в Москву, с дипломатическими миссиями в другие страны, на встречи с учеными и писателями, деятелями культуры, с молодежью, с ветеранами Великой Отечественной войны, на детальное обсуждение проектов метрополитена, аэропорта “Минск-2”, памятников и архитектурных ансамблей. И при этом он много читал, умел охватывать и синтезировать огромное количество самой разнообразной информации. Его рабочий день не ограничивался жесткими рамками, он работал, как говорят, не оглядываясь на часы, и часто безо всякого отдыха»¹⁴. Супруга писала: «Мне вспоминаются наши праздники, дни рождения. Он с нами за столом всегда сидел очень мало. “Вы тут посидите, а мне надо подумать”, – говорил. Большая у него была работа и трудная. Он знал, что отвечает за все, и болел душой за дело. И в семье была соответствующая атмосфера...»¹⁵.

Современники характеризуют Машерова как прекрасного организатора. «Он мог в короткое время «вздыбить», поднять людей, всю республику, на преодоление самых сложных, иногда внезапно возникающих задач. Вспомним постигшие республику стихийные бедствия – засуху 1966 года, наводнение 1976 года <...>», – писал А.Н. Аксенов¹⁶.

Мемуаристы отмечают также такое качество Машерова-руководителя как умение подбирать кадры, создавать условия для работы, в то же время, строго наказывать за допущенные промахи. «Он мог, как никто, строго спрашивать за дело. Но этот спрос был не формальный, а по существу. То есть не просто властным по должности, а на основе глубокого анализа результатов практической деятельности работника, допущенных им просчетов и ошибок. И это не унижало кадры, не обижало

их, а побуждало к действию, к поиску, к достижению лучших результатов. Тем более что этот спрос, эта требовательность проявлялись на фоне его личной самоотверженности, его постоянного горения, его кипучей творческой натурой»¹⁷. При этом Петр Миронович искренне переживал за людей, особенно за молодых: «Если молодежь его подводила – он черный ходил. Помню, поставил председателем одного из райкомов молодого парня. Талантливый, но потом оказалось, что дом себе построил на коммуникациях от местной школы. Отец это узнал – очень страдал. Говорил: как так, он же коммунист?!» – вспоминала дочь Наталья¹⁸.

Принципиальность Машерова проявлялась не только в отношении кадров. Петр Миронович стремился отстаивать справедливость в различных ситуациях (по выражению супруги, «он всегда лез на рожон, не думая о последствиях»). Так, когда стоял вопрос о снятии Н.С. Патоличева с должности первого секретаря ЦК КПБ за «провалы в сельском хозяйстве», и многие в традициях того времени стали его обвинять, слово взял П. М. Машеров, который сказал: «А почему мы обвиняем одного Патоличева? Мы все виноваты, все члены ЦК»¹⁹. А Полине Андреевне объяснил, что будет хорошо работать везде, хоть в школе, хоть в районе, но останется честным.

При этом П.М. Машеров был человеком системы, вынужденным играть по правилам. В частности, А. Петрашкевич и И. Шамякин оставили подробное описание приезда в Минск Л.И. Брежнева в 1978 г. для награждения города Звездой Героя, отметив славословие генсеку из уст Петра Мироновича. «Благодарственная речь по установленным правилам должна была перечислить все звания и обоим невероятных эпитетов в честь титулованной высшей персоны наивысшей власти и потому оказалась не только трафаретной, но и довольно приторной от излишней патетики и патоки», – писал А. Петрашкевич²⁰.

Обаяние П.М. Машерова, его харизма не оставляли людей равнодушными. Г.Н. Буравкин так описывал впечатление от первой встречи с Машеровым: «Увидел я Машерова на каком-то большом торжестве, когда он еще не был первым лицом республики. Его облик очень легко и натурально соединился в моих глазах с тем россонским учителем и партизаном, о котором я столько знал от родителей и односельчан. Он поистине излучал необыкновенное обаяние и почти физически осязаемую теплоту. Позже я не единожды замечал, как при его появлении самые разные люди вдруг светлели душою и доверчиво тянулись к нему. Такую человеческую реакцию не могли вызвать не одна, даже самая высокая должность, никакие начальнические или актерские способности. Это должно было находиться глубоко внутри, в самой сути характера и естественности поведения. Во время официальных и

неофициальных встреч он очень быстро становился своим и для рядовых рабочих, и для заслуженных ветеранов, и для утомленных вечными женскими заботами сельских доярок и птичниц»²¹.

Доступность, демократичность, интерес Петра Мироновича к людям, теплое отношение к ним, стремление помочь не были чем-то показным. При встречах с людьми он спрашивал «Чем вам помочь?», и помогал²². Землякам Машерова запомнилось, как он откликнулся на просьбу не закрывать больницу в д. Мошканы, для которой даже было построено новое здание. Также для местных жителей организовали лечение и протезирование зубов²³. До конца своей жизни он поддерживал соратников по партизанской борьбе, при необходимости помогая им личными деньгами.

Достигнув властных высот, П.М. Машеров оставался скромным человеком. Это проявлялось как в быту, так и в работе. Семья его не пользовалась какими-то особыми привилегиями. Как вспоминала дочь Наталья, отец говорил: «Все, что сделано для упрощения быта, – сделано так только потому, что мне надо больше времени, чтобы работать, потому что от меня зависит жизнь очень многих людей. Вы эти привилегии не заработали»²⁴. «Например, по утрам мы мотались, как и все, по городу, чтобы детей распахать в детский сад, в школу. Нам не разрешалось машину брать для личных нужд. Еще пример: на Платонова были склады, куда жены руководителей ездили за дефицитными вещами. Отец однажды дал указание проверить, чьи жены и на каких машинах ездят на эти склады – и ему выложили список. Так он пришел домой и говорит маме: “Ну, Полина, радуйся, что тебя в списке нет”»²⁵.

Таким образом, воспоминания обладают значительным информационным потенциалом для создания исторического портрета П.М. Машерова, а также изучения памяти о Петре Мироновиче. Объем и содержательное богатство воспоминаний различны. В них содержатся как факты, так и оценочные суждения. Наибольший интерес представляют описываемые мемуаристами ситуации, в которых П.М. Машеров раскрывается в действиях.

Характерная черта всех воспоминаний – высокая оценка деятельности Петра Мироновича и его человеческих качеств, элементы идеализации. Он предстает как величественная, сильная, даже героическая («Герой», «человеческая глыба», «личность былинная, глубоко народная»), но в чем-то трагическая фигура (в мемуарах А. Петрашкевича), и как живой человек, достоинства которого значительно превосходили недостатки. Очевидно, такой облик П.М. Машерова близок к объективности. Это подтверждается и тем, что воспоминания литераторов содержат также умеренную критику Петра Мироновича. Но

даже для тех, кто видел его недостатки, они отходили на второй план, заслоняемые масштабом личности, заслугами перед страной и народом и трагической гибелью политика.

Примечания

¹ «Не говори с тоской, их нет...»: Воспоминания о Петре Мироновиче Машерове / сост.: М.П. Кузьмич, С.М. Шабашов, А.В. Русецкий и др. Витебск, 2003. С. 13–24.

² Там же. С. 25, 29, 30–31.

³ Там же. С. 145.

⁴ Сын белорусского народа Петр Машеров. К 95-летию со дня рождения. Воспоминания и статьи. М., 2013. С. 91.

⁵ «Не говори с тоской, их нет...»... С. 145.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Сын белорусского народа Петр Машеров... С. 112.

⁸ Там же. С. 198–199.

⁹ *Инанец С.* «Мама плакала, когда узнала, что его переводят в Москву». Дочь о жизни и смерти Петра Машерова // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/580177.html> (Дата обращения: 25.11.2020).

¹⁰ *Шамякин I.* Роздум на апошнім перагоне: Дзённікі 1980–1995 гадоў. Мінск: Маст. літ., 1998. С. 293–294.

¹¹ «Не говори с тоской, их нет...»... С. 134; Сын белорусского народа Петр Машеров... С. 197–198.

¹² «Не говори с тоской, их нет...»... С. 146.

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Сын белорусского народа Петр Машеров... С. 378.

¹⁵ «Не говори с тоской, их нет...»... С. 199.

¹⁶ Сын белорусского народа Петр Машеров... С. 92.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Инанец С.* Указ. соч.

¹⁹ Цит по: «Не говори с тоской, их нет...»... С. 204.

²⁰ *Петрашкевич А.* Петр Машеров: «Теперь я знаю...»: из документального повествования / пер. с бел. И. Кочетковой // Ekniga.org. URL: <https://ekniga.org/dokumentalnaya-literatura/biografii-i-memuary/232096-masherov-tereg-ya-znayu.html> (Дата обращения: 25.11.2020).

²¹ Сын белорусского народа Петр Машеров... С. 203–204.

²² «Не говори с тоской, их нет...»... С. 40.

²³ Там же. С. 164, 169.

²⁴ Цит. по: *Инанец С.* Указ. соч.

²⁵ *Инанец С.* Указ. соч.

Секция 5. Государство и общество на рубеже XX–XXI веков

Л.Е. Лаптева

Институт права и национальной безопасности РАНХиГС

Административная этика в России: история и современность

Аннотация

В статье ставится вопрос об этике управленца как средстве преодоления современного кризиса модели рациональной бюрократии. Рассмотрена роль этики в полицейском государстве и делается вывод о том, что нерешенность вопроса об ответственности бюрократии не дает искомого результата даже при формальной смене целеполагания в управлении. Замкнутость бюрократической корпорации связана не только с преобладанием дисциплинарной ответственности, но и с традиционными системами запретов и ограничений, вытекающими из особенностей статуса государственного служащего.

Ключевые слова: этика, российская бюрократия, рациональная бюрократия, государственная служба.

Administrative ethics in Russia: history and contemporaneity

Abstract

The article deals with a problem of ethics in management as a mean of overcoming the current crisis of the rational bureaucracy model. The role of ethics in the police state is considered. The conclusion is made that ethical regulation would not result in positive changes in management unless the issue of responsibility is resolved. That would not work even with a formal change in goal-setting is made. The bureaucratic corporation closed nature is closely connected not only with the predominance of disciplinary responsibility but also with the traditional systems of prohibitions and restrictions arising from the civil servant status.

Keywords: ethics, Russian bureaucracy, rational bureaucracy, civil service.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что модернизационные процессы, которые преобразили мировую экономику и политику второй половины XX в., бросили национальным государствам вызовы универсализации и глобализации и создали новую структуру общественных отношений. Дистанцирование международной бюрократии высокого уровня от жизни рядовых граждан отдельных стран не могло не повлиять на общий психологический строй чиновничества и привело к кризису модели рациональной бюрократии. На смену сложившейся системе отношений между государственной бюрократией и гражданским обществом пришел кризис доверия и стремление даже не к пересмотру, а, скорее, к восстановлению параметров классического «общественного договора».

Важным элементом целеполагания в рамках обновленного общественного договора должно стать определение задач публичного управления в духе классики, ныне изрядно искаженной. А ведь классическое понимание помещает эти задачи в сферу служения общественным интересам, а вовсе не интересам «начальства» или разных групп лоббистов. Подобное уточнение (скорее даже восстановление) цели государственного управления актуально и для нашей страны. Но вот что интересно – с момента оформления в Европе современного государства

так называемый, кризис бюрократии возникает периодически и каждый раз разговор о его преодолении выходит на этику.

Известно, что в российских исторических реалиях редкие каналы связи между властями предержажшими и гражданским обществом часто давали сбой. Это поддерживало недоверие общества в отношении бюрократии, которая плохо осознавалась самой бюрократией. В полном мере осознав себя Элитой, далекий от народа «административный класс» привык жить своими интересами, стараясь реагировать только на запросы, которые поступают «сверху». Не снабженные оценочной коннотацией, просто определенные в свое время как признаки классической бюрократии корпоративность и закрытость время от времени осуждаются и даже объявляются устаревшими. Но корпоративность имманентна бюрократии хотя бы потому, что статус государственного служащего подразумевает комплекс запретов и ограничений, которые не распространяются на обычных граждан и формируют высокомерное ощущение причастности управленцев к особым делам, если не сказать – касте. Идея служения давно не в чести. Опросы последних лет показали: чем выше служебное положение человека, тем ниже у него уровень социальной ответственности¹. Это тревожный симптом, и он не добавляет доверия в обществе.

Конечно, за прошедшие два десятилетия нового века усложнились задачи, стоящие перед современным государством во всех сферах жизнедеятельности. В частности, встал вопрос повышения социальной отдачи от публичного управления – независимо от конкретной области административной деятельности или характеристик взаимодействующих субъектов. Во всём мире сейчас много говорят о необходимости гуманизации управления, смены его базовых принципов. New Public Management (NPM), в 1990-е гг. рассматривался как очередная панацея, а предполагал всего лишь использование методов частного менеджмента в публичной сфере. Однако, «приведя к довольно существенным улучшениям, он принес и значительные издержки, породил новые проблемы, поскольку расширил область личного усмотрения чиновника. В частности, возник слой «привилегированных контракторов», получающих выгодные государственные заказы не благодаря оптимальному предложению своих услуг и тем более их наилучшему исполнению по соотношению «цена-качество», а вследствие своих «особых» тесных связей с заказчиками»². Иными словами, задача формирования доверия между властью и обществом по-прежнему не решена.

Решить такую задачу невозможно без укрепления положительного образа государства и государственного служащего в глазах общества: обыденному сознанию свойственно отождествлять государство с

государственным аппаратом. А образ этот во многом определяется нравственным обликом чиновников, особенно тех из них, которые контактируют с населением, непосредственно или через СМИ. Проведенные недавно в РАНХиГС социологические исследования говорят о том, что: «именно нравственные качества представителей госслужбы определяют отношение к оценке работы государственного органа власти и управления, а профессиональные и деловые качества учитываются слабее»³.

Вот и ныне очевидная необходимость решения проблемы бюрократической некомпетентности и ограничения бюрократического произвола в отечественной административной практике ставит на повестку дня вопрос о моральных качествах государственного служащего. Нормативы правильного поведения на госслужбе получают закрепление как рекомендательные моральные принципы и этические нормы.

Новое – это хорошо забытое старое. Этика уже не раз в истории представлялась панацеей от «самовольства» государственных служащих. Она ставилась во главу угла в европейских полицейских государствах. По мнению М. Раева, в России времен Петра и Екатерины правители не располагали необходимыми для активизации общественных институтов социальными ресурсами, отчего и стали позволять себе достаточно дорогое удовольствие, каковым являлась в то время полиция⁴. Но полицейское государство вошло в государственную практику только тех европейских стран, которые не обладали развитым общественным ресурсом. Неслучайно в истории, скажем, Великобритании, этот сюжет отчетливо не прослеживается. Более того, Россия не могла позволить себе разветвленную систему полиции в городах и, особенно в сельской местности, отчего и шел поиск альтернативных общественных структур, на которые можно было бы перенести тяжесть полицейских функций, связанных с благоустройством. Признаки такого поиска мы встречаем постоянно, пока Александр II не нашел идеальную модель в лице земских учреждений.

Есть и еще одна несостыковка, которая часто преподносится как истина, не требующая доказательств, хотя доказательства здесь были бы более чем уместны. Речь идет о приписываемом историкам и даже историкам права мнения, будто тип «полицейского государства» только «изначально не содержал в себе ничего скверного, угрожающего». Идея права и человеческого достоинства, понятие правового государства противопоставляются понятию государства полицейского⁵. Между тем, правовое государство представляет собой естественное логическое следствие развития государства полицейского. Право ведь такой же обоюдоострый инструмент, как полиция. Идеология европейского

правового государства стала прямым следствием развития государства законности, каковым по праву считается полицейское. Никто не станет оспаривать тот факт, что в XVIII веке развивается и распространяется идея законности в администрации и суде. Изначально поставленная на защиту государственных властных институтов, к концу века законность служит уже и для защиты прав и достоинства подданных как в суде, так и в администрации.

Таким образом, вопросы законности, защиты прав личности, как и этические вопросы государственной службы, ставились во главу угла далеко не только в XX веке. Начало возведения моральных норм в ранг закона в нашей истории связывается прежде всего с екатерининским Уставом благочиния 1782 г., в котором добронравие рассматривалось как один из столпов «общего блага». Идеи устава Екатерина, как и многие другие, почерпнула из европейской политико-правовой мысли, прежде всего, трактата «О полиции» Де Ла Мара. Этика возводилась им в ранг главного средства исправления нравов. Вот и Наказ управе благочиния (ст. 41 Устава 1782 г.) содержал правила, которым должны были следовать не только служащие городской полиции, но и обыватели: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; твори ему добро, колико можешь; с пути сошедшему указывай путь» и т.д. По представлениям европейской полицейистики для достижения общего блага не только полицейские, но и подданные должны были обладать необходимыми для исполнения долга перед обществом нравственными качествами.

На первый взгляд, представления полицейистов вполне соответствовали базовому концепту Московского тяглого государства, тоже основанному на идее долга. Однако на деле между полицейским и тяглым государством существовали принципиальные различия. Достаточно сказать, что в Московском государстве долг подразумевал обязанности подданного перед Государем, и служилые люди были слугами (даже холопами) именно Государя, а не государственными служащими. В свою очередь, полицейское государство знаменует собой конец представлений о государстве как вотчине. Именно в период становления полицейского государства возвращаются в юридический оборот естественно-правовые представления древности о достоинстве человека, его праве на жизнь, формируется концепция неотъемлемости статуса лица без решения суда равных и т.д.

В России начало процессу осмысления этих представлений и даже включения некоторых положений в законодательство тоже относится к правлению Екатерины Великой, которая даровала подданным две Жалованные грамоты: дворянству – освобождение от обязательной службы, городам – гарантию от произвольных поборов местных властей.

Александр I осознал и даже отчасти решил задачу «постановить и учредить на неприменяемом законе»⁶ самодержавное правление. Предпринятая в 30-х гг. XIX в. систематизация российского законодательства (не знающая мировых аналогов по уровню юридической техники) и последующие реформы 60-х–70-х гг. почти завершили процесс формирования юридических основ русской государственности. Почти – поскольку свойственная любому полицейскому государству замкнутость бюрократической корпорации и ее ориентация на ответственность перед начальством, а не перед общественностью и судом, в ходе реформ остались почти непоколебленными.

Екатерининский полицейский устав в числе качеств, необходимых для успешного отправления должности полицейского, называл здравый рассудок, добрую волю в отпращивании порученного, человеколюбие, верность к службе Его Императорского Величества, усердие к общему добру, радение о должности, честность и бескорыстие. Управе благочиния предписывалось выслушивать всех без изъятия – убогих, богатых, сильных, бессильных, знатных и незнатных, давать правый и равный суд всякому состоянию, покровительствовать невинному и скорбящему. Отдельно упоминалось воздержание от взяток, «ибо они ослепляют глаза, развращают ум и сердце, устам же налагают узду». Подобные требования составляют основу современных этических кодексов.

Конечно, этические нормы и прежде, и позднее помещались в общеобязательные акты и в существенной степени обеспечивались юридическими санкциями. Достаточно вспомнить Домострой и позднее перекочевавшие из него в Соборное уложение 1649 г. нормы семейного права. Однако нравственность государственной службы долгое время не очень волновала властителей, если, конечно, не считать включенных в нормативный массив еще со времен раннего русского средневековья требований «городскими кунами не корыстоваться, судом не мстить и не отчитись»⁷.

Екатерининские правила сохранялись в Своде законов Российской империи на протяжении всего XIX в., но на качества управленцев влияли слабовато. Этика государственной службы успешно замещалась соображениями целесообразности. Слабел и профессионализм чиновничества, в том числе и полицейских. К.П. Победоносцев, известный поборник бюрократического стиля управления и, кстати говоря, противник жесткого проведения принципа законности в управлении, которого здесь никак нельзя упрекнуть в предвзятости, писал: «В общем управлении давно укоренилась эта язва – безответственность, соединенная с чиновничьим равнодушием к делу. Все зажили спустя рукава, как будто всякое дело должно идти само собою, и начальники в той же мере, как

распустились сами, распустили и всех подчиненных... Нет, кажется, такого идиота и такого негодного человека, кто не мог бы целые годы благоденствовать в своей должности в совершенном бездействии, не подвергаясь никакой ответственности и ни малейшему опасению потерять свое место. Все уже до того привыкли к этому положению, что всякое серьезное вмешательство в эту спячку считается каким-то нарушением прав⁸.

В итоге до конца Российской империи бесконтрольность и безответственность связывались с понятием бюрократии как ее родовыми признаками. Подданные были дистанцированы от управленческих элит и относились к ним с подозрением. Эти проблемы прослеживаются и в современности. Но нынешний всплеск дегуманизации и дезтизации управления связан с рядом новых исторических обстоятельств. И речь не столько о цифровизации управления, на которую часто грешат (и которая вносит свою лепту), сколько о навязанной культуре показного потребления, которая стала нормой во всем мире. «Эта культура поддерживается относительной простотой получения банковских кредитов, на которые можно купить статусные вещи. В подобных условиях быть скромным, прислушиваться только к своим естественным потребностям становится неприлично»⁹. Презрительное отношение к «нестатусным лузерам» то и дело транслируется бюрократами, в том числе и в нашей стране. Впрочем, и это не ново: поговорка о том, что «встречают по одежке» придумана не сегодня.

Думается, что один только государственный надзор за этическим поведением чиновников мало даст для исправления ситуации. Во всяком случае, включение представителей научно-преподавательской общественности в дисциплинарные комиссии министерств и ведомств мало влияет на их работу. Это и не удивительно: слабость общественных институтов составляла и составляет традиционную проблему России. За свою многолетнюю историю бюрократический класс научился виртуозно имитировать институты гражданского общества, симулякры, призванные обслуживать его интересы. К сожалению, вплоть до наших дней российское общество не научилось самостоятельно создавать эффективные инструменты общественного контроля.

Что касается правительственного надзора за управлением, то в его глазах соображения целесообразности нередко затмевали закон. Интересно, что в 90-х гг. XIX в. Министерство внутренних дел возражало против расширения прав Сената в области предания суду высших чиновников. Утверждалось, что рассмотрение вопроса в поле законности может затронуть губернаторов, которые «в особых обстоятельствах чисто технически нарушат закон». Министерство настаивало, чтобы такие дела

рассматривали Комитет министров и император, учитывая соображения целесообразности того или иного незаконного решения. Соответствующие идеи нашли воплощение в законе от 26 мая 1897 г.¹⁰

После Октябрьской революции ситуация парадоксально быстро пришла к дореволюционному состоянию. Даром, что в управление были призваны свежие силы из самых, что ни на есть, демократических слоев. Левая оппозиция РКП (б) уже в 20-е гг. предупреждала, что бюрократизм расшатывает «моральные скрепы» советского общества. Об опасности превращения новых управленцев «в оторванных от масс, в стоящих *над* массами привилегированных лиц», говорил и основатель Советского государства¹¹.

Позднее, уже в 30-е годы, находящийся в эмиграции Л. Троцкий снова отмечал бесконтрольность сталинской бюрократии, «которая пожирает, растеривает и расхищает значительную часть народного достояния». Он, кстати говоря, относил любую (не только советскую) бюрократию к одной из форм социального паразитизма, называя ее «паразитической корпорацией»¹².

В эпоху «оттепели» в Советском Союзе была предпринята, возможно, самая отчаянная в нашей истории попытка институционализации общественного контроля за бюрократией. В 60-е годы появилась практика отчетов руководителей отделов и управлений исполкомов местных Советов и руководителей предприятий, учреждений, обслуживающих население, перед гражданами на их общих собраниях, созываемых по месту жительства или по месту работы граждан. Исполкомы местных Советов даже создавали графики проведения таких отчетов. При этом учитывалось, прежде всего, желание граждан заслушать отчет именно данного должностного лица¹³. Партийные документы подчеркивали, что «служить народу – значит служить и конкретным людям, народ составляющим». Среди требований, предъявляемых к государственным служащим, упоминается «внимательное, заинтересованное отношение к нуждам и заботам гражданина». Советское государство добивалось, чтобы «в каждом учреждении царил атмосфера благожелательности и уважения к человеку»¹⁴. Впрочем, и это не помешало формированию в среде управленцев пресловутого ощущения элитарности.

В постсоветское время оптимизация управления долгое время связывалась только с показателями экономической эффективности, что часто оставляло за скобками вопрос о человеке. Неспособность бюрократии адекватно реагировать на вызовы сегодняшнего дня породила к жизни политику «оптимизации» управления всеми (в том числе и социальными) сферами жизни общества. Все это в очередной раз возрождает интерес к этической стороне государственной службы. Но

проблемы остаются старыми: личная этика входит в противоречие с императивами, задаваемыми этикой профессиональной. Поэтому, как и 200 лет назад, при установлении этических правил главное – найти условия, при которых у конкретного гражданского служащего требования профессиональной этики будут преобладать над личными ценностями.

Примечания

¹ *Аузан А.* Современный руководитель должен обладать широким кругозором // *Российская газета*. 2019. 24 дек.

² *Оболонский А.В.* Этика и ответственность в публичной службе // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015. № 1. С. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-i-otvetstvennost-v-publichnoy-sluzhbe> (Дата обращения: 24.03.2020)

³ *Магомедов К.О.* Проблема нравственности государственных гражданских служащих в социологическом измерении // *Мониторинг общественного мнения*. Март–апрель 2013. № 8 (114). С. 109.

⁴ *Raeff M.* The well-ordered police state: social and institutional change through law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983.

⁵ *Филиппов А.Ф.* Политическое и полицейское // *Независимая газета*. 2013. 15 февр.

⁶ Эта задача была сформулирована в составленном по поручению царя М.М. Сперанским «Введении к Уложению государственных законов 1809 г.»

⁷ В данном случае цитируется известная ст. 3 Псковской судной грамоты, содержащая текст присяги псковского посадника.

⁸ Цит. по: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. М.: Наука. 1991. С. 131.

⁹ *Кофтушкин Д.Э.* Развитие общества потребления в России: кредитный фактор // *Журнал социологии и социальной антропологии*. СПб. 2011. Т. XIV. № 5 (58). С. 104.

¹⁰ ПСЗРИ-3. № 14151.

¹¹ *Ленин В.И.* Соч. Изд. 4. Т. 25. С. 457.

¹² *Троцкий Л.Д.* Классовая природа Советского государства. 1932. URL: www.komintern-online.com

¹³ *Лазарев Б.М.* Особенности применения принципов советской государственной службы в современных условиях // *Проблемы сравнительного правоведения*. М.: ИГП АН СССР. 1978. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 15.

Развитие института работы с обращениями граждан в историческом аспекте

Аннотация

В статье рассматривается развитие института работы с обращениями граждан в историческом аспекте. Анализируются характерные особенности становления и развития данного института в различные исторические периоды. Излагаются современные тенденции качественного обновления деятельности государственных органов по рассмотрению жалоб и заявлений граждан путем внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: институт, обращение, заявление, жалоба, обратная связь, контроль, реформа, законодательство, управление, эффективность, технологии.

N.I. Balakhontsev
Russian University of Transport

Development of the institution of work with citizens' appeals in the historical aspect

Abstract

The article examines the development of the institution of dealing with the appeals of citizens in the historical aspect. The characteristic features of the formation of this institution at different periods of its development are analyzed. It outlines current trends in the qualitative renewal of government complaints and complaints through the introduction of digital technologies

Keywords: institute, appeal, statement, complaint, feedback, control, reform, legislation, management, efficiency, technology.

Развитие института работы с обращениями граждан в России имеет многовековую историю. Процесс его становления был довольно долгим, проходил в течение нескольких этапов, связан с формированием упорядоченных правовых норм и методов управления и имел свои характерные особенности.

Так, для развития института работы с обращениями граждан в XVI–XVII вв. характерным являлось стремление властей рассматривать затрагиваемые в челобитных вопросы и чаще всего их удовлетворять. В порядке рассмотрения челобитий проглядывался главный принцип складывавшегося российского самодержавия – московский царь оставался единственной после Божьего Суда высшей инстанцией, в воле которого было карать и миловать всех без исключения подданных в государстве¹.

Институт челобитья выполнял в Московском царстве ряд важных социально-политических функций и позволял:

- устанавливать определенный канал обратной связи от отдельных слоев населения к органам государственной власти, вплоть до высших;
- снижать накал социального напряжения;
- формировать механизмы обеспечения единства народа и царя, когда царь выступал как последняя инстанция защиты обиженных и угнетённых;
- обеспечивать защиту народа от произвола приказной бюрократии и местной власти.

Однако отсутствие должного контроля со стороны высшей власти за рассмотрением насущных жалоб, особенно на злоупотребление бояр, произвол приказных людей, безответственно относящихся не только к нуждам просителей, но иногда и к жизненно важным интересам государства, приводило к снижению авторитета царя, отделяло его от народных масс.

Большое влияние на развитие института подачи жалоб и заявлений оказали административные реформы Петра I. Однако созданные Петром Сенат и коллегии не смогли существенно освободиться от большого количества челобитчиков и челобитных.

Развитие надзора за деятельностью правительственных учреждений со стороны царя в дальнейшем нашло свое отражение в учреждении нового надзирательно-контрольного органа в виде генерал-рекетмейстера, который рассматривал челобитные на решения коллегий.

К концу своего правления Петру I удалось на законодательном уровне отрегулировать порядок подачи челобитий, упорядочить систему гласного и негласного государственного контроля, которая постепенно приобретала единую форму². В то же время введение гербовой бумаги для подачи жалоб стало дополнительным бюрократическим барьером.

В период царствования Екатерины II объём правомочий лиц, выступающих с обращениями в государственные органы, по-прежнему был различным и зависел от их сословной принадлежности. Самым большим объёмом прав обладали дворянские собрания, которые могли направлять представления о своих нуждах и пользах генерал-губернатору или губернатору, а жалобы – Сенату и императорскому величеству. Крестьяне же в соответствии с рядом актов 30-х годов XVIII в. могли направлять прошения только должностным лицам местного уровня, при этом им было запрещено жаловаться на действия помещиков, которым они принадлежали. Городское население представления о общественных нуждах и пользах могло направлять только губернатору³.

В начале XIX в. административная система петровских коллегий со всей очевидностью показала свою отсталость и неэффективность. Ярким примером стала беспомощность царской власти. в решении одной из главных задач управления – поддержания обратной связи при реализации права жалобы на имя государя. Это право то запрещалось, то вновь разрешалось, учреждались и изменялись государственные должности и специальные ведомства по рассмотрению прошений, но вся коллегияльная система управления и коллежское делопроизводство не справлялись с потоком челобитий, которые годами, а иногда целыми десятилетиями рассматривались центральными и провинциальными органами⁴.

Проводимые в XIX в. реформы, направленные на централизацию управления, реализовывались через целую систему мер и новых институтов власти, функции которых затрагивали и сферу обращений подданных.

Однако и после проведенных преобразований сохранялись многие проблемы, связанные с подачей и рассмотрением жалоб, среди которых:

- сословный характер процедуры подачи жалобы и ограниченный круг вопросов, подлежащих обжалованию, которые подавались на имя царя;

- отсутствие законодательных норм, регулирующих работу канцелярии по существу изложенного в жалобе вопроса;

- большинство жалоб канцелярией пересылалось именно в те департаменты и учреждения, на чьи решения или действия жаловались заявители;

- сложный порядок подачи прошений на имя царя, который требовал от заявителя наличия определенных знаний, которыми в основном обладало лишь дворянство.

Такое положение существовало до 1905 г., когда после революционных событий Николай II своим указом возложил на Совет министров рассмотрение и обсуждение жалоб и прошений, поступающих на

Высочайшее имя. Таким образом, была разрушена многовековая сословная система подачи жалоб, и это право предоставлялось всем без исключения подданным России. Однако ее действенность продолжала оставаться крайне низкой⁵.

В первые годы советской власти одной из социальных задач советских органов стало обеспечение исполнения законодательных актов пролетарского государства, в том числе и в вопросах подачи жалоб и заявлений. Защита интересов граждан становилась уже не милостью, а обязанностью власти. Обращения и жалобы превращались в форму и инструмент политического взаимодействия власти и общества.

Совершенствование организации работы с обращениями граждан продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны – создавались специальные органы государственного контроля, в функции которых входила работа с жалобами и заявлениями, совершенствовалась нормативно-правовая база подачи жалоб.

При этом, когда на местном и вышестоящих уровнях гражданам не удавалось решить свои вопросы, они писали И.В. Сталину, что, как правило, приводило к положительному результату.

В послевоенные годы в стране действовала разветвленная система государственного контроля, начали внедряться новые организационные формы контроля за деятельностью государственного аппарата и методы привлечения трудящихся к этой работе.

В советское время работа с обращениями граждан считалась неотъемлемой частью деятельности государственных и партийных органов. Обращения трудящихся к представителям власти трактовались как участие населения в управлении государством и служили доказательством тесной связи народа и партии, а письма граждан в государственные органы зачастую являлись источником достоверной информации о жизни отдельных слоев общества. В 1968 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о порядке рассмотрения обращений граждан, который действовал с 1968 г. Созданная система работы с письмами и обращениями граждан включала контроль исполнения, правила переадресации предложений, заявлений и жалоб, ответственность за нарушение установленных сроков.

В то же время состояние нормативной базы в этой сфере в советский период не полностью раскрывало содержание государственно-правового института обращений граждан, предмет обращений был сужен до предложений, заявлений и жалоб, направленных на улучшение деятельности государственных органов и общественных организаций.

Нестабильность политической власти в первой половине 1990-х годов значительно ослабила реальную защищенность прав граждан.

Органы государственной власти, в том числе и местные чиновники, часто не принимали необходимых мер по жалобам граждан.

Защита прав граждан в данной сфере была обеспечена принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации, установившей их право на обращение, что с формально-юридической точки зрения ставило право на обращение в один ряд с основными конституционными правами граждан.

Важнейшую роль в развитии института работы с обращениями граждан сыграл принятый 2 мая 2006 г. Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Вместе с тем существовавшие противоречия в реформирующемся российском обществе, дисбаланс публичных и частных интересов являлись одной из причин неэффективности обратной связи власти и граждан, в том числе ограничивали возможности личности воздействовать на власть.

Последние два десятилетия характеризовались последовательным внедрением информационных технологий в деятельность различных структур, отвечающих за работу с обращениями граждан. Однако, основным способом обращения до сих пор являются письменные сообщения с использованием почтовой связи, электронной почты или заполненные форм на сайтах органов власти.

Эти способы взаимодействия затрудняют адресацию обращений, затягивают сроки пересылки и ответов, не всегда гарантируют доставку и ответы, не предоставляют информацию о получении и ходе рассмотрения. Они неэффективны при рассмотрении обращений, трудоемки внутри органов власти, формируют неэффективную систему обратной связи и процедур рассмотрения повторных обращений, а также не формируют единую аналитику и базу знаний, имеют низкий уровень автоматизации.

Чтобы преодолеть перечисленные недостатки, во исполнение поручения Президента России от 1 марта 2020 г. Минкомсвязи разработал законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации"» № 02/04/06-20/00105458 от 29 июня 2020 г., который предполагает использование портала госуслуг в качестве единого окна и основного способа для направления обращений. Документ также предусматривает сохранение возможности направления обращений через многофункциональные центры предоставления госуслуг или в почтовых отделениях.

Для реализации изменений на портале госуслуг будет создан рубрикатор «определенных жизненных ситуаций для направления обращений»; автоматическое направление обращения в уполномоченный орган власти; получение уведомлений о ходе рассмотрения обращения;

структурирование обращений, формирование базы знаний, использование технологий искусственного интеллекта для обработки типовых запросов»⁶.

В рамках Федеральной программы «Цифровое государственное управление» предполагается решить одну из основных проблем – отсутствие рассмотрения обращений по существу в погоне за ростом статистики исполненных документов за счет введения различных уровней зрелости государственных и муниципальных услуг и использования технологии искусственной интеллекта для анализа текста обращений

Важную роль в работе с жалобами и предложениями должны сыграть также Центры управления регионами (ЦУР), которые с 2020 г. должны создаваться в субъектах РФ и муниципальных образованиях, и представлять собой офисы, которые займется сбором и обработкой обращений и жалоб граждан в государственные структуры по всей стране. При этом все центры будут объединены в единую централизованную систему, и будут учитывать не только жалобы с официальных порталов организаций, сайта госуслуг и горячих линий, но и обрабатывать упоминания в социальных сетях и обращения в мессенджерах⁷.

Принцип работы ЦУР – выявление проблем, их оперативное и качественное решение, а также предотвращение появления аналогичных проблем в будущем. За 2019 г. новая технология позволила проанализировать более 900 тысяч обращений от жителей, отследить динамику по обозначенным проблемам и своевременно принять меры для улучшения ситуации. В результате количество повторных жалоб удалось снизить на 70%⁸.

Таким образом, формирующиеся механизмы электронной демократии имеют огромный потенциал взаимодействия органов власти и граждан. Их внедрение может привести к следующим социально-политическим результатам:

1. Существенное повышение эффективности рассмотрения жалоб и предложений за счет установления впервые в истории России реальной обратной связи между гражданами и властью и рассмотрения обращений по существу.

2. Повышение качества управления в стране, регионах и муниципалитетах в целом и по каждому направлению деятельности в отдельности.

3. Реализация принципа единой системы публичной власти, а следовательно – повышение авторитета власти и доверия к ней у населения.

В целом следует признать устойчивой исторической тенденцией XVI–XXI вв. – непрерывное развитие правовой регламентации порядка обращений поданных и граждан в органы власти и создание

соответствующих времени институтов по работе с ними. В настоящее время основная задача в этой сфере сводится к установлению действенных юридических гарантий эффективного функционирования административных и судебных процедур обращений, образованию современных институтов реализации права граждан на обращения и жалобы на основе применения цифровых технологий в соответствии с национальным проектом «Цифровая экономика».

Примечания

¹ Ильин В.С., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. С. 154.

² Кабаиов С.Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 52.

³ Обращения граждан в федеральные органы исполнительной власти. URL: https://vuzlit.ru/1259030/istoricheskoe_razvitiye_institutov_obrascheniya_grazhdan. (Дата обращения: 23.11.2020)

⁴ Кабаиов С.Ю. Указ. соч. С. 83.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ На портале госуслуг появится сервис для жалоб на госуслуги. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-07-27_na_portale_gosuslug_poya_vitsya/ (Дата обращения: 26.11.2020)

⁷ Известия: Минкомсвязь предложила направить 26 млрд руб. на Центры управления регионами. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9031891>. (Дата обращения: 26.11.2020)

⁸ Президент РФ поручил выделить финансирование АНО «Диалог» для создания в регионах центров управления. URL: <https://d-russia.ru/prezident-poruchil-vydelit-finansirovanie-ano-dialog-dlja-sozdaniya-v-regionah-centrov-upravleniya.html>. (Дата обращения: 26.11.2020)

Влияние советской ментальности на представления российского общества о механизмах управления¹

Аннотация

Автор исследует проблему влияния ментальных установок российского общества на восприятие и оценку механизмов управления. В работе показано, что в советский период сформировались определенные ментальные установки относительно механизма управления – недоверие к западной модели парламентской демократии, идеализация советских принципов организации выборных органов власти, патерналистическое отношение к органам власти, восприятие насилия и принуждения как универсального инструмента управления. В современные дни это становится призмой оценки работы современных органов власти и в тоже время мешает налаживанию диалога между обществом и властью.

Ключевые слова: общественное сознание, ментальные установки, патернализм, советская власть, парламент.

A.D. Popova
Ryazan State University named S.A. Yesenin

The influence of Soviet mentality on the representations of Russian society about governance mechanisms

Abstract

The author investigates the problem of the influence of the mental attitudes of the Russian society on the perception and assessment of control mechanisms. The study showed that during the Soviet period, certain mental attitudes were formed regarding the management mechanism - distrust of the Western model of parliamentary democracy, idealization of the Soviet principles of organizing the work of elected government bodies, a paternalistic attitude towards government bodies, the perception of violence and coercion as a universal tool of government. This plays the role of a prism for evaluating the work of modern government bodies and at the same time hinders the establishment of a dialogue between society and government in modern days.

Keywords: public consciousness, mental attitudes, paternalism, Soviet authority, parliament.

История советского периода нашей страны представляет уникальный опыт попытки использования совсем иных управленческих механизмов, чем были приняты в большинстве стран. Начиная с буржуазной американской революции XVIII в. страны западной демократии пытаются воплотить модель государственного устройства, основанную на концепции разделения властей, системе сдержек и противовесов. В России общественная практика и теоретическая политическая мысль родила другую модель – Советы. Концептуальные элементы этой модели были обоснованы В.И. Лениным в его работе «Государство и революция», где им доказывалось, что западный парламентаризм никак не может рассматриваться в виде демократической модели управления обществом². Он подробно расписывает принципы организации советской власти, которые видятся ему гарантом народовластия. Такими принципами становятся отказ от принципа разделения («сами принимаем законы, сами их исполняем»), непривилегированное положение народных избранников (зарплата не выше средней зарплаты рабочего), исполнение обязанностей народного депутата на непрофессиональной основе, то есть депутат сохранял рабочее место, на котором продолжал работать, и только время от времени уезжал на сессии. В качестве важнейшего принципа провозглашалась выборность и сменяемость в любой момент, а не гарантия пребывания до истечения срока. Эта модель стала весьма важным аргументом партии большевиков летом 1917 г. в борьбе за власть. Она оказалась очень понятной народу и легла на его представления о власти, сформировавшиеся до революции. Парламентская система западного типа существовала в России очень недолго и в весьма усеченной форме,

поэтому оказалась малопонятной широким слоям населения, а вот Советы были близки к общинному идеалу.

К сожалению, реализовать его не получилось. Без политической конкуренции довольно быстро советские органы бюрократизировались, выборы превратились в профанацию, произошло слияние партийного и советского аппарата. Однако как показывает анализ писем во власть в разные исторические периоды (1960-е годы³, период перестройки⁴) советская власть все равно оставалась для советских людей олицетворением народовластия. Анализ этих источников показывает, что граждане уже в 1960-е гг. видели недостатки советского государственного аппарата, его недемократический характер, что вызвало целый ряд замечаний и предложений. Однако стоит отметить, что эти критические замечания имели цель именно усовершенствование советского аппарата, а не замена его на механизм западной парламентской демократии. В частности, граждане предлагали ввести обязательные альтернативные выборы, поставить в местах голосования кабинки таким образом, что прохождение через них станет обязательным, вернуться к выборам от предприятий и организаций. Не менее ярко эта тенденция проявилась и период перестройки, когда граждане выступали именно за возрождение советской власти, практически единодушно вспоминая ленинские принципы организации власти Советов. Знакомство с выступлениями граждан на современных форумах⁵ показывают, что ленинская модель организации представительных органов до сих пор для многих представляется образцом народовластия, а их недостатки – незначительные ошибки, допущенные по вине отдельных лиц («в СССР было много искажений истинного социализма. У власти были не коммунисты, а карьеристы, которые называли себя коммунистами и дискредитировали саму идею коммунизма»)⁶. Исполнение депутатом обязанностей на непрофессиональной основе и сейчас видятся как гарант близости власти к народу. Поэтому современные депутаты, которые выполняют свои обязанности на профессиональной основе, получая весьма солидную зарплату, вызывают недовольство. Деятельность советских депутатов мифологизируются, многие забывают, что депутаты фактически не выдвигались народом, и фактически даже не избирались, а реальной властью они не обладали. Их работа сводилась не к обсуждению законов, а к решению небольших социальных вопросов.

Несоответствие между пропагандируемым идеалом и реальностью, в совокупности с историческими особенностями взаимодействия власти и общества в государствах восточного, типа углубили еще одну ментальную черту российского общества по отношению к власти: это явно завышенные требования к органам власти, сочетающие с перманентным

недовольством. Патернализм как черта ментальности сформировался еще до революции и укрепился в годы советской власти, когда пропаганда постоянно внушала обществу, что власть у нас народная и заботиться о каждом человеке, что весьма хорошо сочеталось с дореволюционной ментальной установкой о заботливом царе. Анализ современных форумов показывает, что народ ждет от власти просто волшебных действий: как по взмаху волшебной палочки власть она решит все общие и частные проблемы – выдаст всем квартиры, оплатит всем получение высшего образования, разгонит вирус. При этом большинство шагов власти изначально обречены на повышенную критику и недовольство. Доходит до смешного: если до введения бесплатного питания для детей начальных классов на форумах активно ностальгировали, что якобы в советское время всех детей кормили бесплатно (хотя это было не так), то после введения этого бесплатного питания на форумах стали мелькать упреки «до чего страну довели: детей в школе подкармливать нужно». Особенно ярко это отношение проявилось в условиях эпидемии: противо-эпидемиологические мероприятия называют издевательством и в тоже время в росте заболеваемости оказываются виноваты именно органы власти («Государство никогда не справится с вирусом, потому что оно на нём ЗАРАБАТЫВАЕТ (маски, перчатки, штрафы, вакцина и пр). но кроме того ещё и приучает народ: шаг влево, шаг вправо считается побегом»)⁷. Граждане с сожалением рассуждают, что в западных странах государство заботиться о своем народе, а не пугает его штрафами, хотя там тоже введены довольно жесткие ограничения, поддерживаемые еще более жесткими санкциями, чем у нас.

Однако идея народовластия причудливо переплетается с весьма недемократичными представлениями. В частности, идея народовластия сочетается в сознание людей с представлением о насилии как ведущем инструменте решения общественных проблем. Опять же эта ментальная черта выросла из вековых традиций взаимоотношений власти и общества, в которых было мало места диалогу, но всегда находилось место насилия, чинимым с двух сторон. В письмах советских людей за различные периоды, как и на современных форумах при обсуждении практически любой проблемы используются термины «заставить», «обязать», «принудить», «ввести ответственность», следуют призывы использовать радикальные меры по отношению к нежелательным элементам. Так, в период перестройки лесоповал, тяжелые сельскохозяйственные работы прописывались как и к артистам, исполняющим современную музыку, так и к партработникам, и даже к ученым-историкам. О том, что данные люди имеют определенные профессиональные знания, которые могут быть использованы на пользу народа, в основном авторы не вспоминают.

Таким образом, в общественном сознании современного российского общества по отношению к государственной власти проявляются ментальные установки, которые выросли из советского периода истории и переплелись с дореволюционными ментальными установками. Такими установками стали недоверие к западной модели парламентаризма и уверенность в том, что выполнение обязанной депутата на непрофессиональной основе делает власть поистине народной, причудливое сочетание идей патернализма с недоверием к власти, представление о насилии как универсальном инструменте управления. Все это не лучшим образом сказывается на результативности диалога между властью и обществом, возможностью консолидации для решения единых задач.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130/20).

² Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1977. С. 46.

³ ГА РФ Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323, 324, 327.

⁴ ГАРФ. Ф. А-644. Оп. 1. Д. 70, 71, 73, 159, 236, 417.

⁵ Форум Леди.Майл. URL: <https://lady.mail.ru/forum>; Яндекс.Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/> (Дата обращения: 28.11.2020).

⁶ Яндекс.Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nsm/pravda-ili-loj-povolnam-nashei-pamiati--test-o-byte-i-jizni-v-sovetskom-soiuze-5f7082fe6e33974a0194b801> (Дата обращения: 28.11.2020).

⁷ Яндекс.Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/samolet/pochemkovid-dlia-naroda-pochemu-vlast-ne-mojet-spravitsia-s-pandemiei-5f7db1dfdee6654398092e44> (Дата обращения: 28.11.2020).

Ф.Г. Тараторкин
Российский государственный гуманитарный университет

Союз писателей СССР и политика перестройки
(1985–1989 гг.)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы влияния социально-политических процессов периода Перестройки на литературный процесс и деятельность Союза писателей СССР. Используются материалы личного архива Г.М. Маркова – многолетнего руководителя Союза писателей СССР.

Ключевые слова: перестройка, советская литература, Союз писателей СССР, ЦК КПСС, Г.М. Марков.

F.G. Taratorkin
Russian State University for the Humanities

The Union of Writers of the USSR
and the Politics of Perestroika (1985–1989)

Abstract

In the article there are overviewed the questions of influence of the social and political process of the period of Perestroika upon the literary process and the USSR Writer's Union. There are used the materials of the personal archive of G.M. Markov – the long-standing chairman of the USSR Writer's Union.

Keywords: Perestroika, Soviet literature, USSR Writer's Union, CPSU Central Committee, G.M. Markov.

История перестройки – сложная и многоаспектная тема, включающая в себя проблематику не только политического, экономического, социального, но и культурологического, литературоведческого характера. Речь идет о такой важной составляющей перестройки, как гласность. Уникальную роль политики и практики реализации этой «духовной реформы» последних советских лет ещё только предстоит изучать, но уже сегодня признано, что её «движущими силами» были советские литераторы, ставившие перед властью и обществом «неудобные» вопросы советского бытия ещё в годы хрущёвской оттепели.

В период перестройки, сравнимый с революцией, происходили не пережитые до сих пор волнующие открытия новых имён, новых произведений, новых фактов и новых событий. А свершали эти открытия в первую очередь советские писатели, заполнив страницы «толстых» журналов художественной прозой и поэзией, беллетристикой и публицистикой. Тогда тиражи самых читаемых литературных изданий достигли семизначных цифр, продемонстрировав тем самым величайший спрос советской интеллигенции на знание неизвестных страниц своей истории и культуры.

Но мало кто задумывался тогда, в пылу разоблачений, обвинений, поисков правых и виноватых, каких профессиональных и нравственных усилий требовала гласность от самих писателей, оказавшихся на её передовой линии. О сложных, порой драматических обстоятельствах перестройки в рядах Союзов писателей (СП) СССР и РСФСР написано немало. Публикуются документальные материалы о последних писательских съездах, о дискуссиях в прессе, об идейных расколах, пертурбациях в руководстве союзами и т.д. Но взвешенной картины истории советского писательского труда в годы перестройки пока нет.

Эта непростая тема, её изучение и преподавание, видимо, должно найти место в курсах по литературе и истории, источниковедению и археографии.

Известно, что писателям ещё с ленинских времён власть отводила роль «инженеров человеческих душ», внимательно следила за их деятельностью, позже объединила их в творческий союз, контролировала. В позднесоветское время рост номенклатурной статусности и подконтрольности власти Союза писателей СССР достиг апогея. СП СССР курировали секретари ЦК КПСС М.А. Сулов, М.В. Зимянин, а в КГБ СССР – Ф.Д. Бобков, И.П. Абрамов. При этом подчёркивалась лояльность этого контроля: к праздникам Г.М. Марков – первый секретарь правления Союза писателей СССР в 1971–1986 гг., председатель правления СП СССР в 1986–1989 гг., член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР – получал от руководства этих партийно-государственных учреждений

красочные поздравительные открытки с рукописными приписками: «Ваш», «жму руку», «сердечно», «искренне» и т.п. Оргсекретарь правления СП СССР (фактически лицо, ответственное за взаимодействие с Лубянкой) Ю.Н. Верченко на заседании правления СП СССР однажды констатировал, что осталось достичь одного – закрепления за Г.М. Марковым «Чайки», как положено по статусу союзному министру.

Накануне перестройки в рамках «юбилейного триумфализма» 50-летие СП СССР (25 сентября 1984 г.) было отмечено торжественной речью Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного совета СССР К.У. Черненко (буквально накануне ставшего трижды Героем Социалистического Труда), сборником материалов Пленума правления СП («Под знаменем партийности и народности»), награждениями орденами и медалями. Председателю правления СП СССР Г.М. Маркову было присвоено второе звание Героя Социалистического Труда. При этом среди удостоенных этого звания оказался и академик М.Б. Храпченко (при Сталине в 1939–1948 гг. – председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР), считавшийся олицетворением и знаменем не просто консервативных, а откровенно реакционных настроений и подходов в литературоведении и литературной критике. Справедлива ли была такая репутация, вопрос всё же дискуссионный: многие исследования М.Б. Храпченко («Лев Толстой как художник», «Николай Гоголь: литературный путь, величие писателя»), статьи академика в ежегоднике «Контекст») занимают значительное место в истории советского литературоведения.

Несмотря на такое доброжелательное внимание, среди советских писателей не все были безоговорочно лояльны к власти, присутствовало инакомыслие, диссидентство и фракционность, которые с конца 1970-х гг. обнаруживали себя всё более. В 1979 г. группа известных литераторов (Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Рейн, В. Высоцкий и др.) самиздатским способом выпустила альманах «Метрополь», один экземпляр которого был нелегально вывезен в США и там опубликован. Авторский состав и тексты альманаха служили своего рода демонстрацией «альтернативности духа» официальной советской литературе и её руководству, как впрочем, и самой власти. Этот вызов свидетельствовал о готовности части литераторов в самом Союзе писателей и вне его пойти на открытое идейное размежевание, которое они и свершили в период перестройки и гласности.

Это размежевание проявилось в деятельности «толстых» литературно-художественных журналов уже в 1987 г., когда они стали в своих публикациях отражать идеологически разные течения общественно-политической мысли, традиционно обозначаемые в отечественной историографии как «славянофильство» и «западничество». По этой линии

журналы (и газеты, и прочие издания) раскололись на два воинствующих лагеря: «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва» (реакционные в обвинениях западников) и «Огонёк», «Знамя», «Октябрь» (по сути антисоветские).

Подобный раскол присутствовал и в руководстве Союзов писателей на союзном и российском уровнях. Выступавшие за перестройку на писательских съездах члены Союзов увлеклись критикой их руководства в рамках перестроечной риторики и борьбы с бюрократией, её якобы засильем в правлениях Союзов. В декабре 1985 г. на Съезде писателей РСФСР прозвучали нападки на С.В. Михалкова, впервые в выступлениях ораторов был использован термин «секретарская литература». В июне 1986 г. на VIII съезде писателей СССР был поставлен «вопрос» о Г.М. Маркове. Следуя «линии партии», под предлогом борьбы с «тормозящими» перестройку элементами, практически к 1986 г. в этих структурах была произведена смена руководства. Позднее длинный список кадровых перестановок был продолжен. Аналогичная ситуация была и в других творческих союзах.

Этот краткий обзор перестройки в писательской среде показывает, насколько сложна и многогранна эта тема. И тем важнее и актуальнее выглядит проблема её источникового обеспечения.

На первый взгляд, существует огромное количество опубликованных и архивных материалов, в частности, большой архив Союза писателей СССР. Но перестроечное время требует презентации в специальных обзорах, комплексных публикациях с учётом археографических нормативов. Иными словами, нужны большие исследовательские и публикаторские работы по специальным научно-образовательным проектам.

Особую важность представляют материалы личного происхождения: мемуары, письма, проанализированные не с литературоведческой, а с общественно-исторической точки зрения.

В этой связи научно интересен и перспективен для разработки личный архив Г.М. Маркова, находящийся частично у автора этих строк и частично – на государственном хранении в Научной библиотеке Томского государственного университета (по желанию Георгия Мокеевича). Учитывая личность Г.М. Маркова и его роль в истории Союза писателей СССР, можно без преувеличения отнести материалы этого архива к ценнейшим источникам по истории *института советского писательства* как инструмента коммуникации власти и общества.

Большую часть архива составляют письма писателей Г.М. Маркову, в том числе и в годы перестройки, отразившие всю гамму настроений в писательской среде и в целом в советском истеблишменте.

Вот несколько примеров из почты единомышленников.

С.В. Сартаков 18 июня 1987 г.: *«вылезают на поверхность самые гнусные элементы, которым и руки нельзя подавать»*; Е.А. Исаев 26 декабря 1987 г.: *«думаю, жизнь надолго выбилась из колеи»*; Н.П. Воронов: *«очень жалею, что в нашей общественной жизни верх одерживает направление демагогическое, контрпродуктивное»*; А.И. Смердов 13 февраля 1988 г.: *«донимают болезни, но большие, чем болезни, удручают общественные наши события, по живому разрывающие литературное наше братство: демагогия, болтовня, безответственная и огульная критика»*; А.С. Иванов 28 декабря 1988 г.: *«желаю Вам стойкости в стоянии на страже здоровых сил советской литературы, ещё сохраняющихся в наше смутное и разнузданное время»*; Ф.К. Салманов (бывший заместитель министра геологии СССР, один из руководителей освоения месторождений нефти и газа в Западной Сибири, в т.ч. в Томской области) 27 декабря 1988 г.: *«...вывести литературный корабль из омуты литературной смуты и привести его к надёжным гаваням мастерства, таланта, любви к Родине»*; Е.К. Лигачёв: *«стойкому борцу против предателей советской культуры. 3/III-90 г.»*

Примеры из почты «идейных оппонентов».

В.А. Коротич, главный редактор журнала «Огонёк»: 3 января 1989 г.: *«желаю Вам сил и вдохновения в Вашем высоком служении литературному делу»*; Е.А. Евтушенко: 19 апреля 1991 г.: *«всегда считал Вас своим учителем в литературе, добрым помощником в житейских неурядицах, выручателем и заступником»*.

После 1989 г. бурное развитие альтернативных литературных объединений и уменьшение внимания партийно-государственных органов к литературному процессу привело к постепенному оттеснению Союза писателей СССР на периферию государственной политики в области культуры.

М.Д. Пищук
Российский государственный гуманитарный университет

Русская Reconquista: пути институционализации
русского национализма в условиях становления
российской государственности в конце XX в.

Аннотация

В статье рассмотрена проблема институционализации русского национализма в условиях становления российской государственности в 1990-е гг. Автор, в отличие от работ других исследователей, анализирует русский национализм как историческое явление современной России. Рассматриваются проблемы межэтнических конфликтов с участием русского населения, партийного строительства и формирования течений внутри русского националистического движения.

Ключевые слова: русский национализм, российская государственность, межэтнические конфликты, националистические движения, региональный сепаратизм, партийное строительство, этническая политика.

M.D. Pishchuk
Russian State University for the Humanities

Russian Reconquista: ways of institutionalization
of russian nationalism in the conditions of formation
of Russian statehood at the end of the 20 century

Abstract

This article reflects the problem of the institutionalization of ethnic Russian nationalism in the conditions of the formation of Russian statehood in the 1990s. In a specific study, the author, unlike other works, considers ethnic Russian nationalism as a historical phenomenon in modern Russia. The author studies the problems of interethnic conflicts with the participation of the ethnic Russian population, party building and the formation of trends within the ethnic Russian movement.

© Пищук М.Д., 2021

Keywords: Russian nationalism, Russian statehood, interethnic conflicts, nationalist movements, regional separatism, party building, ethnic politics.

Процесс становления русского национализма в 1990-е годы до сих пор мало изучен. Авторы либо кратко констатируют существовавшие в это время русские движения¹, либо рассматривают русский национализм в контексте более общих проблем². Попытки изучить «наследие» русского национализма 1990-х гг. часто были направлены на сбор «первичных фактов»³. Автор данной статьи считает, что понимание процессов становления русского национализма необходимо для решения «русского вопроса»⁴. Русский национализм следует рассматривать с позиции развития идей и структур. Термин «реконкиста» отражает усилия русских националистов по институционализации своего положения в политической системе России. Цель исследования состоит в том, чтобы ответить на вопрос: удалось ли русскому национализму занять какое-либо значимое место в системе российской государственности или нет.

В начале 1990-х гг. на фоне агрессивного национализма малых этносов «русский вопрос» имел менее выраженный характер. Национализм малых этносов еще в конце 1980-х гг. создал крепкие организационные структуры и получил поддержку региональных элит⁵, в том время как русский национализм с самого начала натолкнулся на противодействие со стороны всех уровней власти. Первые стихийные проявления русского национализма не имели четкой программы⁶: в 1980–1990-е гг. они возникали в местах межэтнических конфликтов на Северном Кавказе, Юге России, в Поволжье и Сибири. Уникален был конфликт в Республике Тыва⁷, в ходе которого русские из соседних регионов поддержали русских из Республики Тыва, что вызвало серьезное беспокойство у руководства РСФСР. Объединение русских происходило и на фоне сопротивления политике суверенизации. В 1990–1991 гг. острый конфликт произошел в Еврейской Автономной области⁸, где на протяжении почти двух лет русское большинство сопротивлялось желанию руководства области стать Еврейской Республикой.

Если говорить не о стихийных проявлениях русского национализма, а об организованных группах, то следует выделить несколько течений среди националистов: 1) перестроченное (совместно с монархическим); 2) гибридное (национал-большевизм); 3) радикальное; 4) умеренное (легальный); 5) региональное.

Перестроечный национализм создавался интеллигенцией, продвигавшей идею национальной свободы русского народа. Представителями этого направления были А.И. Солженицын и В.В. Аксютин.

Сотрудничество с диссидентским движением и зарубежным русским сообществом активно поддерживалось (НТС; журналы «Посев» и «Грани»; эмиграция). Перестроечный национализм был «базовой площадкой» для русских движений, но выполнить более актуальные задачи он не смог. Позднее, из среды перестроечного национализма в 1990-е гг. вырос промонархический национализм. Монархисты продвигали идеи антикоммунизма, дореволюционных идеалов (РОВС; И.А. Ильин) и христианства (Союз православных хоругвеносцев). Поскольку идея реставрации монархии была нереализуема, то основная задача монархистов заключалась в реабилитации «белых». Помимо этого, монархисты, актуализируя дореволюционные идеи, осуществляли де-факто процесс рефлексии русского национализма.

Национал-большевизм (НБ) как идея синтеза левых и правых взглядов была характерна для того времени⁹, поскольку недавно вышедшие из тоталитарной левой идеологии люди не могли резко изменить свои взгляды. Продвигаемый НБ коллективизм, антилиберализм и антикапитализм был во многом знаком гражданам бывшего СССР. Ярким представителем такого синтеза был Фронт национального спасения (ФНС), представлявший собой широкую коалицию оппозиционных политических сил. Однако по мере приближения к событиям осени 1993 г. ФНС становился все более радикальной левой организацией¹⁰. Союз же с ФНС заключило Русское национальное единство (РНЕ), с которым они вместе участвовали в вооруженном противостоянии в Москве осенью 1993 г.¹¹ После этих событий ФНС перестал существовать, а РНЕ с 1994 г. взяло курс на пассивную поддержку Президента РФ. Единственным носителем идеологии НБ после 1994 г. осталась Национал-большевистская партия во главе с Э.В. Лимоновым.

Во второй половине 1990-х гг. начался рост радикального национализма, основателями которого были РНЕ и Народная национальная партия. Идеология радикалов состояла из расизма, неоязычества, неонацизма и германофильства. Многие радикалы осознанно стремились к маргинальному статусу, противопоставляя себя существующему строю. Такие организации как Общество Нави или РКЦ ИПХ и вовсе напоминали религиозные секты, а не политические движения. В конце 1990-х гг. радикальный национализм состоял из небольших экстремистских групп. Радикальный национализм не способствовал укреплению позиций русского национализма, но из его недр вышли многие представители «уличных националистов» 2000-х гг.

Важное значение для русского национализма имели умеренные или легальные националисты. Одной из наиболее успешных легальных партий националистов была ЛДПР, активно продвигавшая идеи о закреплении

особого статуса русских. Основной проблемой ЛДПР, как и других умеренных правых, было то, что протестный электорат принадлежал левым, которые продвигали в основном социально-экономическую повестку. К парламентским выборам 1995 и 1999 гг. были созданы и другие правые объединения: Конгресс русских общин, Национально-республиканская партия России, Российский общенародный союз, Консервативное движение России и др. Несмотря на скромные результаты, полученные на выборах, опыт партийного строительства был важен для русских националистов. Провал же умеренного русского национализма говорил о том, что им нечего было предложить населению, уставшему от этнической повестки и занятому экономическим выживанием.

Региональный русский национализм был представлен целым рядом националистических движений, которые стремились создать новые этнические идентичности: «сибиряки», «уральцы», «казахчи республики», ингерманландцы, северорусы, рутенцы, «дальневосточники». Эти движения свидетельствовали о кризисе русской идентичности.

Подводя итоги, следует сказать, что осуществить институционализацию русского национализма в 1990-е гг. не удалось. Процесс «реконкисты» русского национализма окончился почти полным провалом. Единственное, что удалось сделать, так это вывести в публичный дискурс «русский вопрос». Можно выделить несколько причин провала «реконкисты»: 1) отсутствие политического опыта; 2) отсутствие актуальных идей; 3) ориентированность большинства населения на социально-экономическую повестку; 4) негативное отношение русских к этнической повестке; 5) противодействие власти русским националистам.

Примечания

¹ *Багненко В.А.* Идентификация современных направлений русского национализма // *Colloquium-Journal*. 2019. № 2/4. С. 52–60; *Староконь Е.В.* Современный русский национализм и его проявления // *Молодой ученый*. 2018. № 16. С. 258–261.

² *Еременко Ю.Е.* Альтернативы современной русской национальной идеи // *Вестник ДГАУ*. 2018. № 4/2. С. 22–29.

³ *Верховский А.М.* Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центр «Сова», 2009.

⁴ *Галицкий В.П.* Радикализм в национальных отношениях в современной России и проблема «русского национализма // *Вестник экономической безопасности*. 2015. № 6. С. 66–70.

⁵ *Барбашин М.Ю.* Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2012. С. 237–239.

⁶ *Савченко И.В.* Стихийный русский национализм и причины его роста // Вестник Государственного университета управления. 2011. № 26. С. 370–376; *Стукалов П.Б.* Проблемы генезиса и сущности идеологии русского национализма в современных отечественных исследованиях // Исторический журнал. 2018. № 1. С. 177–186.

⁷ *Пищук М.Д.* «Русский исход»: Этнополитический конфликт в Республике Тыва в 1990–1993 гг. // Войны в истории: Сб. мат. 10-й Межд. конф. молодых ученых и специалистов «С1ю-2020». М.: РОССПЭН, 2020. С. 217–220.

⁸ *Пищук М.Д.* «Республики не будет». Еврейская АО и ее путь к самостоятельности в 1990-1991 гг. // Левые идеологии, движения и организации в истории: Сб. избранных статей участников 9-й Межд. конф. молодых ученых и специалистов «С1ю-2019». М.: РОССПЭН, 2019. С. 127–136.

⁹ *Кочетков А.В.* Русские националисты и рабочее движение в 90-х гг. XX века // Вопросы национализма. 2019. № 1. С. 166–170.

¹⁰ *Тарасова Е.А.* Фронт национального спасения как массовое общественно-политическое движение в России в 1992–1993 гг. // Труды ИФ СПбГУ. 2013. № 14. С. 332–335.

¹¹ *Кузьмин А.Г.* Раскол в Русском национальном единстве: жизнь после смерти? // Политэкс. 2008. № 4. С. 113–115.

Ю.А. Реент
*Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний России*

Реорганизация управления пенитенциарной системой
России и перевод ее в состав Министерства юстиции
на рубеже XX–XXI вв.

Аннотация

Централизованная система управления пенитенциарной сферой появилась в России в 1879 г. вместе с учреждением Главного тюремного управления Министерства внутренних дел. С 1895 г. по 1922 г. ведомство находилось в составе Министерства и наркомата юстиции. По истечении века вновь было решено включить его в структуру органов юстиции. Это «возвращение» стало уже четвертым. Статья содержит характеристику основных этапов реорганизации учреждений, исполнявших уголовные наказания в виде лишения свободы, с периода, предшествующего распаду СССР, до учреждения Федеральной службы исполнения наказаний России. В связи с закрытостью «тюремного ведомства» информация о его деятельности долгое время была недоступна широкому кругу исследователей.

Ключевые слова: история России, исправительно-трудовая система, места лишения свободы, уголовно-исполнительное ведомство, Федеральная служба исполнения наказаний России.

Yu. A. Reent (Reent)
*Academy of Law and Management of
the Federal Penal Service of Russia*

Reorganization of the management of the Russian penitentiary
system and its transfer to the Ministry of justice
at the turn of the 20–21 centuries

Abstract

The centralized system of management of the penitentiary industry in Russia appeared in 1879 together with the establishment of the Main prison Department of the Ministry of internal Affairs. From 1895 to 1922, the Department was part of the Ministry of justice. At the end of the century, it was again decided to include it in the structure of justice bodies. But this "return" was the fourth. The article describes the main stages of reorganization of state institutions that carry out criminal penalties in the form of imprisonment from the period preceding the collapse of the USSR to the establishment of the Federal penitentiary service of Russia. Due to the closure of the "prison Department", information about its activities was not available to a wide range of researchers for a long time. The author describes the most important events of this transition period.

Keywords: history of Russia, correctional labor system, places of deprivation of liberty, criminal Executive Department, Federal penitentiary service of Russia.

В ходе инициированной М.С. Горбачевым «перестройки» активизировался поиск новой идеологии в деятельности центрального аппарата «тюремного» ведомства, вследствие чего был осуществлен ряд административных реформ. Главное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) СССР в апреле 1988 г. преобразовали в Главное управление по исправительным делам (ГУИД), а в 1990 г. – в Службу по исправительным делам и социальной реабилитации (СИДиСР) СССР, которая ненадолго объединилась с Главным управлением лесных исправительно-трудовых учреждений (ГУЛИТУ) МВД СССР. Вскоре вновь произошло их разделение.

После распада СССР уже с начала 1992 г. остро стоял вопрос о преобразовании оставшейся в наследство советской пенитенциарной системы. Заметим, что учреждения, исполнявшие административные и уголовные наказания, находились в ведении целого ряда ведомств. Так, в Вооруженных Силах до 2003 г. существовала сеть гауптвахт, исполняющих кроме прочего функции камер предварительного заключения, следственных изоляторов. В дисциплинарных батальонах отбывали наказание военнослужащие срочной службы, совершившие воинские и менее тяжкие уголовные преступления¹.

Аналогичные специализированные учреждения имелись у КГБ-МГБ-ФСБ. Так, следственный изолятор «Лефортово» в конце 1993 г. был передан в подчинение Генеральной Прокуратуре, однако позже возвращен

в Федеральную службу безопасности, а потом вновь передан в МВД, где и сосредоточилась основная масса мест лишения свободы. В 1994 г. вся система лесных ИТУ окончательно слилась с Главным управлением по исполнению уголовных наказаний (ГУИУН) МВД РФ. На 1 января 1995 г. в его ведении находились 731 колония, 180 следственных изоляторов и тюрем. Общее число заключенных превышало 930 тысяч человек².

В организационно-правовом отношении огромное значение имел принятый 21 июля 1993 г. Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы». В соответствии с ним система исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) была преобразована в уголовно-исполнительную (УИС). Согласно рекомендациям Совета Европы реорганизация должна была предусматривать децентрализацию управления и демилитаризацию. С целью выработки комплексной программы оздоровления ведомства была создана представительная группа научных работников и крупных пенитенциаристов-практиков, которая разработала Концепцию реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 г.), утвержденную в январе 1996 г.³.

Важнейшими инструментами ее реализации стали новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации, а также Постановление Правительства РФ № 729 от 16 июня 1997 г. «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах штатной численности» и Указ Президента РФ от 8 октября 1997 г. «О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД Российской Федерации», предусматривающий ее передачу из МВД в Министерство юстиции. На этой основе 21 июля 1998 г. принимается Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы», который объявил о ее переходе из состава МВД в Минюст России. Указом Президента РФ № 904 от 28 июля 1998 г. это решение было закреплено окончательно.

Важное место в системе Министерства юстиции было уготовано Главному управлению исполнения наказаний. Перевод его органов и учреждений из МВД начался в 1998 г., а завершился в 1999 г. Её базовыми элементами оставались исправительные, специализированные лечебные и воспитательные колонии. Следственные изоляторы и тюрьмы в этом ряду заняли отдельную нишу. Вместе взятые они призваны использоваться для исполнения наказания в виде лишения свободы. Основная их часть имела и имеет до сих пор территориальное (областное) подчинение, однако ныне ликвидированная сеть лесных исправительных учреждений нередко располагалась на территории нескольких субъектов Федерации. К началу

2000 г. В системе ГУИН насчитывалось 732 исправительные, 63 воспитательные колонии, 193 тюрьмы и следственных изолятора, где содержалось более 1 млн 6 тыс. человек⁴ и трудилось более 300 тыс. сотрудников.

Большинство бед российского тюремного ведомства проистекало от хронического недофинансирования. По оценкам начальника ГУИН России В.У. Ялунина, УИС «обеспечивалась средствами из государственного бюджета, не превышающих 60 % ее реальных потребностей, а ... на медицинское обеспечение осужденных – в объемах не более 20 %»⁵. В последние месяцы нахождения УИС в составе МВД РФ на ее содержание выделялось только 10 % от необходимых средств. В ряде регионов с 1995 г. по 1998 г. задержки выдачи денежного довольствия сотрудникам колоний, тюрем и СИЗО доходили до трех месяцев.

Уголовно-исполнительным кодексом РФ (1997 г.) было предусмотрено введение системы учреждений, *исполняющих наказание в виде ограничения свободы*. К ним следует отнести арестные дома и исправительные центры, сеть которых только предстояло создать. Для исполнения наказания в виде обязательных общественных исправительных работ учреждены уголовно-исполнительные инспекции. Определялось, что большинство из них составят уже имевшиеся в составе МВД инспекции, которые необходимо было перевести в Минюста до 2000 г. На исполнение *высшей меры наказания* с 1997 г. был наложен мораторий. Наказания, не связанные с перечисленными мерами воздействия, была призвана осуществлять Служба судебных приставов Минюста России. В первую очередь, ей вменено в обязанности *исполнение приговоров в части имущественных взысканий*.

Осуществленные в конце XX в. преобразования чрезвычайно обострили кадровую проблему. Многие сотрудники колоний, СИЗО и тюрем опасались, что вместе с переводом из МВД потеряют льготы, предусмотренные для военнослужащих и лиц, приравненных к ним. Активные слухи о том, будто сотрудников УИС переведут в разряд гражданских служащих, приводили к тому, что наиболее опытные из них пытались уйти на пенсию, перевестись в иные правоохранительные структуры.

В целях дальнейшего развития данной сферы управления Правительством России 28 августа 2001 г. была принята Федеральная целевая Программа реформирования уголовно-исполнительной системы Минюста РФ, рассчитанная на 2002–2006 гг.

Государство и общество были озабочены результатами преобразований в сфере уголовно-исполнительной системы. Вызвано это разными причинами, но особенно – ростом преступности. Так, в 1991 г. на 100 тыс.

населения приходилось убийств: в США – 10, в России – 10,9, но в 2000 г. уже соответственно – 5,5 и 21,⁶. По официальной статистике в том же 2000 г. количество раскрытых преступлений, совершенных только в подразделениях УИС, составило 170 тысяч⁷. Министр юстиции Ю.Я. Чайка на служебных совещаниях подчеркивал, что «особенно тяжелая обстановка в следственных изоляторах. В ряде из них находится в 2–3 раза больше людей, чем положено по норме. По халатности и недосмотру персонала из некоторых следственных изоляторов бегут опасные преступники». Сохранялись кадровые и материально-технические проблемы, однако в результате реформы удалось добиться перелома в деятельности системы мест лишения свободы, наметилась тенденция ее оздоровления.

На рубеже XX–XXI веков в пенитенциарной политике произошли позитивные перемены. Так, удалось увеличить нормативную площадь на заключенного СИЗО с 2 до 4 м². В июне 1999 г. Государственная дума приняла постановление об объявлении амнистии, затронувшей интересы более 200 тыс. заключенных. В 2000 г. осуществлена еще одна массовая амнистия в честь 55-летия Победы в Великой Отечественной войне, в ходе которой вышли на свободу более 100 тысяч заключенных. Всего же удалось снизить численность осужденных и арестованных, содержащихся в местах лишения свободы, почти на 350 тысяч⁸. Чрезвычайно важным было отследить вызванные амнистиями изменения криминальной ситуации, проанализировать их и, по возможности, предельно локализовать их негативные последствия.

Особое значение имело вступление в силу Закона РФ № 25-ФЗ от 9 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и другие законодательные акты Российской Федерации». На этой базе был подготовлен и введен в действие с 1 июля 2002 г. новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ. В нем удалось устранить многие недостатки предшествующего, учесть изменения в государстве и мировом сообществе. Особое внимание было уделено гуманизации условий содержания заключенных. На 1 февраля 2002 г. в учреждениях УИС находилось 971,8 тыс. заключенных (95,3 % лимита наполнения), которые содержались в 749 исправительных колониях; 64 воспитательных колониях; 184 следственных изоляторах (СИЗО); 13 тюрьмах; 168 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, и помещениях, функционирующих в режиме тюрем. В 1863 уголовно-исполнительных инспекциях на учете находилось 760 тыс. человек⁹.

По состоянию на конец 2003 г. уголовно-исполнительная система выглядела следующим образом. На балансе ГУИН Минюста РФ менее чем

за два года «население» мест лишения свободы сократилось на 149,1 тыс. человек (на 15,2 %). В то же самое время к наказаниям, не связанным с лишением свободы, было привлечено на 540 тыс. человек больше (прирост – 72,3 %). За год камерные площади в следственных изоляторах были увеличены на 10 тыс. мест, что позволило обеспечить на одного заключенного в среднем 3,8 м² «жилой» площади. Тем не менее, все еще не хватало 22 тыс. мест¹⁰.

Велась работа по укреплению материальной базы колоний. В 2003 г. балансовая прибыль от производственной деятельности превысила уровень 2002 г. на 30 млн рублей. Рентабельность возросла на 0,9 % и составила 6,3 %. В то же время, не было обеспечено работой 305 тыс. осужденных, что составило около половины всех лиц, содержащихся в учреждениях УИС. С целью компенсации недостатка рабочих мест было сформировано 711 специализированных сельских участков и 69 крупных сельскохозяйственных предприятий; за которыми закреплено 357 тыс. га сельскохозяйственных угодий.

Совершенствовались и режимные нормы. Были разрешены длительные свидания в колонии и за ее пределами, краткосрочные и длительные отпуска, в том числе с выездом к месту жительства, телефонные переговоры с родственниками. В регионах принято более 300 нормативно-правовых актов, направленных на государственную поддержку учреждений УИС. Общий объем финансовой помощи, льготы по уплате налогов и сборов в ценах 2002 г. составили более 300 млн рублей.

Этапным стало новое преобразование органов государственного управления, проведенное Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». В соответствии с ним окружные (федеральные), республиканские (в составе России), краевые и областные управления юстиции были расформированы. Вместо них были учреждены территориальные органы Федеральной службы судебных приставов и Федеральной регистрационной службы. Главное управление исполнения наказаний было преобразовано в Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН) России. Общее и правовое обеспечение ее деятельности осталось за Министерством юстиции. Высшее руководство ФСИН стало подчинено непосредственно Президенту Российской Федерации.

Оценивая проведенные на рубеже XX–XXI веков реформы в сфере руководства управлением пенитенциарных учреждений Российской Федерации, следует отметить, что важнейшие преобразования уголовно-исполнительной системы стали осуществляться в русле основных

требований и рекомендаций, выработанных мировым сообществом, но с обязательным учетом российской специфики. В настоящее время УИС России развивается на основе Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденной 4 октября 2010 г. Распоряжением Правительства России.

Как подчеркнул Президент России В.В. Путин, «Нужно совершенствовать эту систему, нужно повышать уровень гражданского контроля... В этой связи могу напомнить, что у нас созданы соответствующие комиссии, которые должны работать, которые будут получать поддержку со стороны государства, со стороны Президента. Надеюсь, что они тоже сыграют свою позитивную роль в решении этих проблем, которые, безусловно, в системе есть»¹¹.

Примечания

¹ Преступления против воинской службы // Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Гл. 33 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://dokipedia.ru/document/5149509> (Дата обращения: 04.09.2020).

² *Зубков А.И.* Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М.: Penal Reform International, 2000. 86 с.

³ Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 г.). М.: ГУИН Минюста России, 1996.

⁴ *Зубков А.И.* Указ. соч. 86 с.

⁵ *Ялунин В.У.* Доклад // Всероссийское совещание по проблемам соблюдения законности и прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Минюста России: Сб. мат. М.: РПА МЮ РФ, 2003. 119 с.

⁶ *Побезайло Э.Ф.* Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 23–36.

⁷ ЦОС ГУИН Минюста России. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации // Российская юстиция. 2001. № 5.

⁸ *Сергеев В.* Вступительная статья // Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., Penal Reform International, 2000. С. 4–12.

⁹ Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002): Историко-правовой очерк. М.: Норма, 2002. С. 387.

¹⁰ История пенитенциарной системы в составе Минюста России // Службы и учреждения Министерства юстиции России: история и современность. К 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г. М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2014. С. 39.

¹¹ *Путин В.* Говорить, что надо все переломать в системе ФСИН, было бы неправильно // Адвокатская газета. 2018. 20 дек.

Общественные организации в России:
«приводные ремни» или гражданское общество
(проблемы методологии и реальность)

Аннотация

В статье кратко охарактеризована история становления и развития гражданского общества в России. Автором обосновывается тезис о том, что политические партии, являясь важнейшим элементом гражданского общества, в условиях действительно демократического общества фактически формируют государственную власть – законодательную, исполнительную и судебную.

Автор считает, что гражданское общество призвано быть единственной, интегральной, активной властью, для чего должны быть внесены существенные изменения в функционирование политических механизмов современной России. Полноценное гражданское общество – важнейшая гарантия дальнейшей демократизации, назревшей модернизации и самого сохранения страны.

Ключевые слова: гражданское общество, политические партии, демократия, разделение властей, государство, интерес, граждане.

V. V. Fortunatov
*Petersburg State University of means of communication
of Emperor Alexander I*

Public organizations in Russia: "drive belts" or civil society
(problems of methodology and reality)

Abstract

The article summarizes the history of the formation and development of civil society in Russia. The article substantiates the thesis that political parties, being the most important element of civil society, in a truly democratic society actually form a state power – Legislative, Executive and Judicial.

The article proposes to revise the idea of civil society, about its relationship with the state. The author believes that civil society is intended to be the only, integral, active power, for which significant changes should be made in the functioning of political mechanisms in modern Russia. A full civil society is the most important guarantee of further democratization, overdue modernization, and the preservation of the country itself.

Keywords: civil society, Political parties, Democracy, separation of powers, The state, Interest Citizens.

К методологическим проблемам изучения гражданского общества относятся: происхождение (история, этапы развития); структура (классификация) и сущность этого феномена; место и роль общественных организаций (гражданского общества) в политической системе социума, особенно взаимодействие с государственными структурами; условия (предпосылки), основные направления, оценки функционирования гражданского общества в целом и его отдельных звеньев¹. Без краткого рассмотрения этих основополагающих моментов представляется крайне сложным оценить, в какой степени за тридцать лет постсоветского развития общественным организациям страны удалось эволюционировать от «приводных ремней от партии к массам» к полноценному гражданскому обществу в современном понимании.

В мировой и российской истории элементы будущего гражданского общества возникли одновременно с зарождением и оформлением государств в общем процессе политогенеза². Потребность в создании объединений по интересам (купцов, ремесленников, культурных деятелей и т.д.), религиозных и территориальных общин определялась тем, что государственным органам даже при самых благородных намерениях обычно не хватало сил, ресурсов, управленческих механизмов для учета всех многообразных интересов жителей конкретной страны³.

История гражданского общества в России напоминает «американские горки», имеет дискретный, прерывистый характер. Монголо-татарские ханы, «люди в ботфортах» при абсолютизме и «люди в кожанках или френчах» были не склонны считаться с любыми проявлениями самодеятельности⁴. «Извольте быть благонадежны!», – таково было

главное требование государства к общественным организациям. Реализацию Властью этого принципа проанализировала Т.П. Коржихина⁵, известная среди специалистов своими энциклопедическими познаниями по истории общественных организаций⁶.

В борьбе с всевластием КПСС, которая оценивалась как «партия-государство», ещё в рамках «перестройки» возродилась многопартийность, из Конституции СССР была удалена статья 6 и принят Закон «Об общественных организациях» (1990). Осенью 1991 г. руководители большинства общественных объединений отмежевались от «гэкачепистов» и КПСС. КПСС и КП РСФСР были запрещены. 30 сентября 1991 г. прекратил свое существование ВЛКСМ. Некоторые всесоюзные объединения трансформировались во всероссийские. Некоторые руководители общественных организаций советского периода в постсоветский период превратили собственность руководимых структур в личное имущество, использовали для этих целей самые разнообразные «схемы». Данная сторона истории гражданского общества в России ещё не скоро получит освещение.

Почему же через тридцать постсоветских лет полноценного гражданского общества в России, как считают многие, так и не сложилось?

Под "гражданским обществом" в современной политологии понимается совокупность внесударственных (неполитических) общественных отношений и институтов, выражающая разнообразные ценности, интересы и потребности членов общества. Некоторые авторы обращают внимание на наличие антигражданского общества (запрещенные религиозные секты, террористические и другие объединения лиц, находящиеся вне закона).

В современной России деятельность общественных организаций регламентируется Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (последняя редакция), а также федеральными законами «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», «О негосударственных пенсионных фондах». Правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента государственной регистрации данного объединения.

По официальным данным, в России зарегистрировано более 200 тыс. общественных организаций, объединений, фондов и т.д. При этом, согласно многочисленным социологическим опросам, российские граждане не участвуют и не хотят участвовать в работе каких-либо общественных объединений, не знают о существовании большинства из них, никогда не пользовались услугами общественных организаций, не

получали от них помощи или даже консультации. Такому положению вещей есть объяснение.

Дело в том, что главной опорой гражданского общества в США, Канаде, большинстве европейских стран, в Австралии, Новой Зеландии является средний класс, составляющий 70-80% в составе населения. Это люди материально обеспеченные и располагающие свободным временем для общественной деятельности. А в России после дефолта 1998 г. этот социальный слой, по мнению большинства социологов и политологов, сократился до 15–20% в составе населения. В условиях пандемии 2020 г. существует очевидная угроза практически полного исчезновения среднего класса в России, так как меры поддержки малого и среднего бизнеса оказались явно недостаточными.

Высшее руководство только в связи с вереницей «цветных революций» на постсоветском пространстве, «арабской весной» и угрозой «березовой революции» в России вспомнило о гражданском обществе. Было резко увеличено финансирование (через предоставление грантов) своих, российских общественных объединений. В 2005 г. в России была создана Общественная палата (ОП), которую многие аналитики оценивают как некий суррогат отсутствующего в России гражданского общества, которое высшая власть хочет создать традиционным способом «сверху»⁷.

Достаточно последовательно стала ограничиваться деятельность негосударственных некоммерческих организаций (НКО), получающих деньги из-за рубежа. В конце 2005 г., несмотря на оппозицию под общим лозунгом «Нет – ужесточению контроля над гражданским обществом»⁸, Государственная дума приняла Федеральный закон «О некоммерческих организациях». По этому закону все некоммерческие организации должны регистрироваться при создании и регистрировать все изменения в уставных документах в Росрегистрации. В 2020 г. давление на НКО вступило в новую стадию.

Основные функции гражданского общества, взаимоотношения с государственными органами обозначаются, как правило, чересчур абстрактно и неточно:

- объединение, консолидация общества;
- введение социальных конфликтов в цивилизованные рамки;
- создание норм и ценностей, которые затем становятся государственными;
- образование сферы, в которой формируется активный человек;
- воздействие на государство в целях его изменения в соответствии с демократическими нормами и интересами граждан.

Гражданское общество существует и функционирует в диалектическом, противоречивом единстве с государством. В большинстве

развитых западных государств в соответствии с конституциями, законами о выборах, о политических партиях политические партии побеждают на выборах, занимают определенное место в законодательном органе, формируют правительство, превращаются в правящие партии, которые используют государственные структуры для достижения своих программных целей и выполнения предвыборных обещаний. Различные общественные объединения, поддерживающие победившие политические партии, получают реальные шансы на поддержку государством своих уставных целей и задач, для чего государством выделяются значительные средства и совершенствуется законодательство. Среди функций Правительства РФ в обновленном тексте Конституции РФ в статье 114е записано, что оно «осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики».

В рамках действующей политической системы, как представляется, речь должна идти не о каком-то невнятно декларируемом контроле со стороны гражданского общества, каких-то его структур по отношению к государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной). При столь важной роли политических партий вполне логичным было бы создание действенного, оперативного и по большей части гласного, публичного механизма контроля за действиями членов партии, которые стали государственными мужами.

Весьма туманными следует признать и рассуждения о том, что фактически гражданское общество берет на себя часть функций государства. «Единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ», – говорит статья 3.1. Конституции Российской Федерации. Гражданское общество, выражая интересы всего населения, в лице своего наиболее важного вида – политических партий – является средством (каналом, формой) реализации многонациональным народом своего права формировать государственную власть. Поэтому гражданское общество, общественные организации должны рассматриваться не как «пятое колесо в телеге» (дореволюционный период), не как «приводные ремни от партии к массам» (советский период), а как единственная, всеобъемлющая, интегральная власть, которая формирует свои полномочные структуры, как главный государствообразующий фактор. Не пора ли признать деление Власти на три или четыре «ветви» неверным и безнадежно устаревшим? Да и само понятие «гражданское общество» нуждается в уточнении.

Институционализация гражданского общества на исходе постсоветского тридцатилетия далека от завершения. В России нет

официального законодательства о лоббизме, но олигархические группировки имеют достаточно каналов воздействия на законодателей. В России граждане не имеют возможности присутствовать в зале заседаний органов законодательной, исполнительной и судебной властей, хотя такая практика была бы очень полезна для разных групп населения, особенно молодежи. В финансовом отношении российские общественные организации во многом полностью зависят от государства.

Для самодержавного, тоталитарного или авторитарного режимов гражданское общество является помехой, «пятым колесом в телеге». Дальнейшая демократизация российского общества, необходимая модернизация страны невозможны без активного участия граждан. Наиболее важными в этом контексте представляются следующие задачи:

- комплексный научный анализ исторического опыта и современного состояния гражданского общества в России;
- широкая общественная дискуссия по проблемам дальнейшего функционирования гражданского общества в стране;
- корректировка российского законодательства с целью создания благоприятных правовых условий для становления гражданских институтов;
- вовлечение россиян, особенно молодёжи, в структуры гражданского общества;
- мониторинг процесса функционирования гражданского общества с корректировкой текущей деятельности.

Россиянам стоит «ополчиться» против собственной отсталости и понять, что без развитого гражданского общества граждане не смогут отстаивать свои интересы.

Примечания

¹ Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. II. Теоретико-методологические аспекты исследования. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998 и др.

² Фортунатов В.В. У истоков гражданского общества в России // Гражданское общество в России и его перспективы в XXI в. / Под общ. ред. С.М. Климова, Г.А. Мохорова, В.Г. Марахова. СПб.: ИВЭСЭП, 2017. С. 33–35.

³ Фортунатов В.В. Пятая власть. Очерки истории и современного состояния гражданского общества в России. СПб.: Знание, 2010. 112 с.

⁴ Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже 19–20 вв. М., 1982.

⁵ Коржухина Т.П. Извольте быть благонадёжны! М., 1997. С. 20.

⁶ Коржихина Т.П. *Общественные организации в СССР: Материалы к источниковедению и историографии*. М.: РГГУ, 1992. 178 с.

⁷ Фортунатов В.В., Самылов О.В. *Почему нужна Общественная палата: какое гражданское общество необходимо постсоветской России // Гражданское общество в России и его перспективы в XXI в.* СПб.: ИВЭСЭП, 2017. С. 185–189.

⁸ См.: Лукашевский С. *Демократия в России–2005: радикальная «суверенизация» // Демократия вертикали: сб. статей*. М.: Центр «Сова», 2006. С. 35–38.

А.А. Сундиева, М.С. Стефко, О.Е. Черкаева
Российский государственный гуманитарный университет

Университетские музеи: модели развития в контексте научной и культурной политики Российского государства¹

Аннотация

В статье рассматриваются модели развития университетских музеев в России в период с XVIII по начало XXI в. На каждом этапе модель музея является результатом государственной политики в области науки и культуры, а также частной и общественной инициативы. На протяжении веков неизменным остаётся понимание высокого значения университетских музеев для развития науки и образования в профессиональном сообществе. Университетские музеи обладают огромным потенциалом, который раскрывается при грамотном использовании его ресурсов в реализации самых разнообразных проектов – исследовательских, образовательных, просветительских.

Ключевые слова: культурная политика, научная политика, университетские музеи, университетские коллекции, ведомственные музеи, музейные комплексы, вузовские музеи.

University museum: development models in the context of scientific and cultural policy of the Russian state

Abstract

The article examines the models of development of university museums in Russia in the period from the XVIII to the beginning of the XXI century. At every stage, the museum model is the result of public policy in the field of science and culture, as well as private and corporate initiative. For centuries, the understanding of the high importance of university museums for the development of science and education in the professional community has remained unchanged. University museums have enormous potential, which is revealed through the competent use of its resources in the implementation of a wide variety of projects – research, educational, and educational.

Keywords: Cultural policy, scientific policy, university museums, university collections, departmental museums, museum complexes, university museums.

«Написать историю музея – значит дать представление об эволюции двух понятий: музей и время»², – писал в предисловии к «Веку музеев» Жермен Базен. Когда целью исследования является история университетских музеев, конструкция усложняется. Дуальная конструкция «музей – время» становится триадой «музей – университет – время». Также само понимание времени требует уточнения: это не только общие тенденции, «дух эпохи», интересы отдельных коллекционеров, но вполне конкретная позиция государства относительно задач, присущих университетам. Таким образом, университетский музей оказывается результатом встречного движения частной, общественной и государственно-инициатив, изменение каждой из них рождает новые модели развития университетских музеев.

Университетские музеи в России появились в процессе развития науки и системы образования: упоминание о «каморе натуральных вещей» (кабинете натуральной истории) встречается ещё в «Проекте об учреждении Академии наук и художеств» (1724). Первым российским университетом стал основанный в январе 1755 г. Московский университет. Буквально с первых дней создания в него стали поступать естественно-

научные коллекции и книги. О дарении университету крупной минералогической коллекции промышленников Демидовых, стало известно уже в феврале 1755 г., через месяц после указа об основании самого университета. Университет еще не имел собственного здания, поэтому разместили минералы в университетской библиотеке. Коллекции и книги в едином физическом пространстве – традиция, существовавшая в коллекционерской практике XVIII в. Как только университет в 1791 г. обрел собственное помещение, в нем был организован Минеральный кабинет, а затем Естественнонаучный музей. В тесном тандеме с музеем возникло и действовало Императорское Московское общество испытателей природы. И к 50-летию Московского университета сложился учебно-научный центр: университетская кафедра, музей и научное общество. Эта модель была закреплена Университетским уставом 1804 г. и тиражировалась при создании новых университетов.

Важно отметить, что музей мыслился как важная часть художественного и шире – гуманитарного образования. В этой связи необходимо упомянуть открытие первого учебного художественного музея при Академии художеств в Санкт-Петербурге в 1758 г.

Университетский устав 1835 г. продолжил линию развития научных школ, поощряя существование в университетах научных объединений и создание музеев. В главе IX Устава «Учебные и вспомогательные пособия и заведения» читаем:

«При университетах состоят разные учебные пособия, заведения и собрания, коих число и состав определяется особым распоряжением министерства народного просвещения по мере способов, кои к образованию их представиться могут. Таковы суть: 1) Библиотека. 2) Астрономическая обсерватория. 3) Физический кабинет. 4) Химическая и вместе фармацевтическая лаборатория. 5) Минералогический кабинет. 6) Ботанический кабинет. 7) Ботанический сад. 8) Зоологический кабинет. 9) Технологический кабинет и собрание машин и моделей для прикладной математики. 10) Собрание архитектурных моделей. 11) Музей изящных искусств и древностей. 12) Собрание для рисовальной школы. 13) Анатомический театр и собрание препаратов. 14) Зоотомический театр и собрание препаратов. 15) Фармакологическое собрание. 16) Собрание хирургических инструментов. 17) Собрание акушерских инструментов. 18) Медицинский клинический институт. 19) Хирургический клинический институт. 20) Повивальный институт. 21) Практическое ветеринарное заведение. 22) Манеж»³.

Предусмотренные Уставом кабинеты (музеи), как правило, состояли под началом докторов наук, профессоров. В 1837 г. Министерство народного просвещения официально утвердило должности хранителей музеев (в ряде вузов они существовали и ранее).

Музеи активно участвовали в том прорыве, который совершило научное знание в XIX столетии, стали научной базой для ряда научных

направлений – археологии, этнографии, биологии, зоологии, геологии, палеонтологии, антропологии. Возглавили музеи крупнейшие ученые, в России – Д.Н. Анучин, А.П. Богданов, В.И. Вернадский и др. Под их руководством осуществлялось комплектование вузовских музеев, что повышало их научную и культурную значимость.

Вузовские музеи России практиковали международный обмен коллекциями. Это благотворно влияло на их деятельность, поскольку способствовало интенсивному пополнению фондов. Во второй трети XIX века были продолжены заложенные в XVIII – начале XIX века традиции, в том числе и в деле комплектования фондов. Накопление музейных фондов происходило за счет покупок, экспедиций, даров, обмена, работ вузовских специалистов и студентов. Практиковался прием экспонатов на временное хранение, но многие музеи отказались от комплектования фондов по «случайному» принципу, придерживаясь системности и научности. Более пристальное внимание начали уделять не внешней стороне музейных предметов, а их научному значению⁴.

Во второй половине столетия университетские кабинеты, музеи, ботанические сады, обладая огромными возможностями для познавательной и научной деятельности, стали приоткрывать свои двери для широкой публики, знакомя ее с новейшими научными достижениями. Их культурная работа приобрела общегородской характер, становилась частью городской культуры.

В XX в. происходит важное изменение в структуре организации науки: по уставу Академии наук СССР 1925 г. первенство в деле выявления и развития наиболее важных фундаментальных направлений науки перешло к Академии наук и системе научно-исследовательских институтов, а университеты и высшая школа в целом больше ориентировались на подготовку кадров.

Интересно, что в законодательстве о высшей школе в советский период музей как структурная единица университета напрямую упоминается только в Постановлении ЦИК СССР 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах». Первый пункт Постановления предписывает: «Построить весь учебный процесс в высшей школе и техникумах на следующих основах: а) всемерно усилить лабораторную работу (самостоятельная работа студентов по индивидуальным заданиям в специально оборудованных для этого помещениях-лабораториях, мастерских, кабинетах, музеях и т.д.) под обязательным руководством преподавателей, широко практикуя различные упражнения по предмету, графические занятия, проектирование и т.п...»⁵. Далее их место в законодательстве занимают «научные кабинеты» и «другие структурные подразделения»⁶. Однако в XX в. в СССР университетские

музеи сохранили свои разросшиеся коллекции и активно использовали их в учебном процессе, усилив интерес к истории самой науки и истории учебных заведений. Более того, появлялись новые модели организации научного знания и образования, облечённые в форму музея.

Уникальным российским опытом сочетания фундаментальных исследований в области естественных, а отчасти и гуманитарных, наук и трансляции их достижений в образовательные программы стал научно-учебный Музей землеведения МГУ им. М.В. Ломоносова, созданный решением Совета министров СССР 23 августа 1950 г. Концепция музея не предполагала и не предполагает механического суммирования экспозиций профильных учебных музеев. Она призвана показать единую картину взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов и процессов, объясняющих происхождение Земли как космического тела и планеты Солнечной системы, а также последующего формирования ее оболочечной структуры.

В середине XX века появилась новая группа музеев – музеи истории университетов. В значительной степени именно они проложили мост между университетами и городскими сообществами.

До распада Советского Союза координационную деятельность вел межведомственный Научно-методический совет по работе вузовских музеев СССР (НМС) при Учебно-методическом управлении по высшему образованию Минвуза СССР, созданный приказом № 250 от 25 марта 1968 г. В его состав входили и представители Министерства культуры СССР. Основным направлением деятельности НМС было оказание помощи вузовским музеям страны в организации их научно-экспозиционной, научно-фондовой, научно-исследовательской, учебно-воспитательной работы, а также популяризации научных знаний. Особо значительным делом НМС была инвентаризация вузовских музеев и выпуск двух изданий справочника «Музеи вузов СССР» и издания «Музеи университетов Евразийской ассоциации». Еще одна особо значимая заслуга НМС – разработка и выпуск "Типового положения о музее высшего учебного заведения", которое было утверждено приказом Минвуза СССР № 725 от 5 ноября 1984 г. Инвентаризация и Типовое положение сыграли положительную роль в становлении и развитии вузовских музеев страны⁷.

После распада СССР прекратили существование государственные структуры, координирующие деятельность вузовских музеев. Однако музеи выживали, как могли, и немаловажную роль в «борьбе за существование» играли и играют такие объединения вузовских музеев, как Ассоциация музеев высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Научно-методический центр университетских музеев Евразийской

ассоциации университетов. В 1990-е г. сокращается финансирование высшей школы, кроме того, статус университетских музеев и их коллекций претерпевает изменение с точки зрения законодательства. Закон 1996 г. «О музейном фонде РФ и музеях в РФ» содержит положение, согласно которому «все музейные экспонаты, имеющиеся в федеральном государственном образовательном учреждении, являются государственной собственностью и входят в состав государственной части Музейного фонда РФ»⁸. Таким образом, к хранению предметов в университетских музеях предъявляются такие же требования, как и к хранению в федеральных музеях, однако музей выводится за рамки профильной деятельности уже Министерством высшего образования и науки. Таким образом, правовой статус музея, обеспечивающего учет, сохранность, изучение этих коллекций в университете, остается неопределённым и по-разному может интерпретироваться сторонами (руководством музея, ректоратом, учредителем, проверяющими ведомствами).

Приказом Министерства образования РФ от 29 ноября 2013 г. № 1296 «О признании недействующими на территории Российской Федерации некоторых правовых актов СССР и признании утратившими силу некоторых правовых актов РСФСР в сфере образования» было упразднено Типовое положение о музее высшего учебного заведения. В действующем Федеральном законе "Об образовании в Российской Федерации" о научных коллекциях – ни слова, а музей лишь упоминается в статье 27 (п. 2) в длинном перечислении того, что образовательная организация может иметь в структуре, предусмотрев это своим локальным нормативным актом. Несмотря на огромную значимость в образовательном процессе научных и учебных коллекций вузов, на всю культурную и историческую ценность музеев, вузы не получают никаких дополнительных средств на их учет, пополнение и сохранение. Не единичны случаи, когда из-за нехватки помещений музейные экспозиции не получают развития, а то и сворачиваются. Абсолютный минимум университетских собраний учтен в Государственном музейном фонде⁹.

Роль вузовских музеев как научных центров не нова. В них проводятся конференции, обрабатываются материалы экспедиций, издается специальная литература. Образовательная деятельность музея – основополагающая для университетского музея с момента его создания. Новой для него становится общественная публичная деятельность, ««третья роль», «третий путь», связанный с превращением университета в центр общественных коммуникаций и публичных мероприятий»¹⁰.

В отечественной практике университетских музеев есть модели развития, заслуживающие внимания.

Музей истории Сыктывкарского государственного университета (университет основан в 1972 г.), созданный в 1982 г. на общественных началах и активно работающий в таком формате почти 10 лет, вошел в 1991 г. в структуру университета как отдельное подразделение. В 1992 г. он был переименован в Музей истории просвещения Коми края, что концептуально соответствует пониманию просвещения как триединства «науки, культуры, образования». В 1994 г. открыт для посещения, т.е. становится общедоступным музеем и «одним из самых привлекательных мест г. Сыктывкара»¹¹. Отметим, что вход в музей был и остается бесплатным для всех категорий посетителей.

Реализация полноценной и масштабной научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, научно-исследовательской и просветительской деятельности не осталась незамеченной – в 2002 г. музей получил Государственную премию Республики Коми. В постоянной экспозиции представлены наука, культура, образование Коми края от Стефана Пермского, а также этапы становления и развития самого университета, его историческое прошлое, научные достижения учёных вуза и студенческая жизнь.

Ещё один интересный аспект просветительской деятельности музея – создание на его основе Коми отделения Шалапинского центра (с 1995 г.). Шалапинское общество регулярно проводит в музее бесплатные музыкально-тематические вечера, где задействованы артисты республиканского театра оперы и балета, филармонии, студенческие музыкальные коллективы¹².

При своей «открытости» городу музей проводит серьёзную исследовательскую работу. В перечне основных публикаций музея 19 монографий, 5 учебных пособий, 2 путеводителя, 9 сборников научных трудов, 27 аннотированных научных каталога личных фондов (воспоминания, документы) и ряд других изданий, опубликованных на основе изучения музейных фондов¹³.

Музей истории просвещения Коми края – не единственный в составе СГУ. Здесь сформировался целый музейный комплекс, в который входят Музей археологии и этнографии, Зоологический музей, Музей истории Коми пединститута, а также виртуальный филиал Русского музея.

Университеты по своей универсальной природе (подготовка специалистов различных профилей, сочетание образовательной и мощной исследовательской компоненты) должны иметь разные музеи, продуманная и выстроенная взаимосвязь которых усиливает степень эффективности работы целого комплекса.

Такие комплексы существуют в различных университетах – Казанском, Томском, Дальневосточном, Нижегородском, Пермском. При

этом богатейшие собрания Томского¹⁴ и Казанского университетов¹⁵ представляют интерес с точки зрения развития классической модели развития университетских музеев XIX в. Они позволили сохранить уникальные научные школы, традиции, формы научной деятельности, этические константы, лишь частично претерпевшие изменения на протяжении советского и постсоветского времени в контексте научной и культурной политики государства. Яркий пример – Гербарий им. П.Н. Крылова Томского государственного университета. Этот первый за Уралом гербарий, основанный в 1885 г. ботаником П.Н. Крыловым, насчитывает сегодня более 500 тыс. образцов и входит в число наиболее крупных Гербариев России. В его составе также уникальная библиотека ботанической литературы, которая, как и коллекции, широко используются для учебных и просветительских целей. Это музей в музее, в котором бумага высокого качества для монтирования растений, мебель, специальные коробки для хранения образцов, проникновенное обращение к будущим коллекторам бережно сохраняются до сих пор. Уже к 1931 г. все имевшиеся коллекции (тогда – около 200 тыс. гербарных листов) стали доступны для широкого пользования, на все материалы были составлены инвентарные книги, проведены подсчеты гербарных листов. Образцовый уровень организации научного собрания, который не был нарушен ни в годы войны, но в период тяжелых 1990-х годов, сохраняется и в наши дни. Руководство Гербарием переходит от руководителей научной школы к наиболее талантливым и увлеченным ученикам. Результаты научных исследований публикуются, а наиболее популярные коллекции доступны как внутри университета, так и для публики.

Тенденция открытия своих музеев и коллекций для публики выражается не только в деятельности, но и в названии музеев – музей Томского университета входит в состав экскурсионно-просветительского центра Томского государственного университета. Включенность в городскую среду и неразрывную связь со знаковыми событиями города демонстрирует Музей Нижегородской радиолaborатории Нижегородского университета, посвященный первому советскому научно-исследовательскому центру в области радиотехники. В состав университета, кроме радиолaborатории, входит ещё Музей Нижегородского университета, созданный, как и большинство музеев учебных заведений, на основе исторических, археологических, этнографических, естественнонаучных и научно-технических коллекций.

В Казанском государственном университете, которому уже более двухсот лет (основан в 1804 г.), сегодня 9 музеев. Даже простое перечисление их названий (Археологический музей, Геологический музей им. А.А. Штукенберга, Ботанический музей, Этнографический музей,

Зоологический музей им. Э.А. Эверсмана, Музей-лаборатория Е.К. Завойского, Музей Казанской химической школы, Музей истории педагогического образования) свидетельствует о комплексности использования музейной формы в научной и образовательной деятельности вуза. Эти музейные коллекции стали первыми публичными музейными собраниями Поволжского региона. Сегодня они имеют международный статус.

Воплощением идеи университетского музея XXI в. как с точки зрения открытости, так и в плане участия в решении стратегических задач развития университета, стала деятельность Музея истории Пермского университета. Руководство университета, позиционирующего себя как «активного и авторитетного субъекта информационной деятельности»¹⁶ в городской медиасфере в целях реализации стратегии своего развития, оценило потенциал музея в достижении поставленной цели. Музей, созданный в 1973 г. и обладающий коллекциями греческих и египетских предметов из бронзы, стекла, кости и керамики, русского и восточного декоративно-прикладного искусства, западноевропейской графики, активно работал также в сложные 1990-е – начале 2000-х годов. Этот факт был отмечен органами региональной власти – в 1999 г. сотрудники музея получили губернаторскую премию в сфере культуры и искусства, в 2006 г. – краевую премию в сфере искусства и культуры.

К столетию университета стала очевидной необходимость «модернизации музея, обновления экспозиции, изменения формата взаимодействия с университетским, городским, профессиональными сообществами»¹⁷. Активная позиция директора музея, привлечение в качестве партнеров сотрудников пермских музеев (взаимодействие с ними традиционно для музея), поиск новых форм финансирования привели к тому, что в 2016 г. проект «Campus Martius, или «Как стать гражданином Пермского университета», был признан победителем Благотворительного конкурса В. Потанина в номинации «Меняющийся музей в меняющемся мире». Цель проекта была сформулирована как «популяризация коллекций музея истории среди абитуриентов, студентов и преподавателей Пермского университета». В результате его реализации музей получил около 50 м² дополнительного рекреационного, выставочного и образовательного пространства¹⁸. В 2018 г. музей стал лауреатом премии Международного комитета университетских музеев и коллекций Международного совета музеев (за реализация проекта «Campus Martius...»). Жюри отметило работу музея как «особенно интересный случай, потому что он обеспечивает инновационное решение для музея с ограниченным пространством, ограниченными ресурсами... Музей истории Пермского университета ... теперь является частью культурной

карты города»¹⁹. Такая оценка связана с тем, что музей проводит публичные лекции, организует экскурсии по городу как для тех, кто связан с университетом, так и для всех желающих.

Проект совершенно иного масштаба, представляющий собой перспективную модель развития деятельности университетских музеев в XXI в. в контексте научной и культурной политики государства, связан с Санкт-Петербургским государственным университетом. Классические университетские коллекции, сформированные на протяжении XVIII–XIX вв., (Музей истории ЛГУ создан как отдельное подразделение в 1945 г.), мемориальные предметы и профильные коллекции при факультетах, собранные в период полевых практик в советское время, – весь этот широчайший спектр объектов, отражающий усилия профессорско-преподавательского состава по обеспечению учебного процесса наглядными материалами и мемориализации пространства на протяжении почти трех столетий оказался «вне закона».

Неопределённость статуса музейных коллекций университета с 1990-х годов, отсутствие локальных нормативных актов привело к тому, что формы и методы работы с предметами коллекций интерпретировались на разных факультетах по-разному, отсутствовали единые стандарты учета и документации коллекций, а возникающие новые музеи (музей В.В. Набокова СПбГУ, 1998, 2007; Музей истории физики, 2001; Музей современного искусства им. С.П. Дягилева, 2008) не соответствовали понятию музей с точки зрения закона «О музейном фонде РФ и музеях в РФ». Несмотря на то, что это типичная ситуация для университетских (и всех вузовских) музеев в постсоветское время, её решение в Санкт-Петербургском университете становится в настоящее время образцовым для музеев данной группы. После проверки университета в 2011 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия и выявления ряда нарушений, руководство университета признало, что в СПбГУ не существует музеев и музейных ценностей с точки зрения действующего музейного законодательства Российской Федерации.

В 2011 г. был создан музейный комплекс Санкт-Петербургского государственного университета и поставлена задача собрать всю информацию об университетских музейных ценностях, объединив ресурсы для работы с ними. Результаты проделанной работы оказались впечатляющими – коллекционный фонд СПбГУ не уступает по количеству коллекциям крупнейших музеев страны и составляет около 3 млн объектов²⁰.

Изменения, внесённые в 2016 г. в закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», дали

возможность вузовским музеям включить предметы, зарегистрированные в книгах учёта, в государственную часть Музейного фонда РФ. Активный мониторинг состояния коллекций университета, проведенный в 2016 г., позволил разработать «первоочередные меры по организации государственного учёта, документации, атрибуции, хранения коллекций, а также доступа к этим коллекциям универсантов и внешних пользователей»²¹. Внимание к коллекциям было привлечено со стороны высших органов управления культурой в нашей стране. Университет посетил министр культуры, а следующим шагом стала работа Министерства культуры РФ по оценке коллекций университета. Экспертная работа сотрудников министерства в 2017 г. подтвердила, что СПбГУ обладает уникальными вузовскими музейными коллекциями – как по составу, так и по количеству.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2017 г. № 1402 «О внесении изменений в устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»» пункт 14 дополнен следующими подпунктами, по сути, позволяющими осуществлять музею полноценную музейную деятельность:

«ц) учет и хранение, обеспечение безопасности и сохранности музейных предметов и музейных коллекций, выявление, соби́рание и изучение музейных предметов и музейных коллекций, осуществление просветительной, научно-исследовательской деятельности, а также представление обществу музейных предметов и музейных коллекций путем публичного показа, воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей, размещения сведений о музейных предметах и музейных коллекциях в информационно телекоммуникационной сети "Интернет";

ч) предоставление музейных предметов и музейных коллекций, хранящихся в Санкт-Петербургском университете, для экспонирования, фото-, кино-, видеосъемки (воспроизведения) и переиздания документов, а также предоставление услуг по фото-, кино-, видеосъемке (воспроизведению) музейных предметов и музейных коллекций,

копированию архивных документов и переизданию документов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

ш) предоставление прав на использование в коммерческих целях изображений музейных предметов и товарного знака в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

щ) распоряжение в соответствии с законодательством Российской Федерации исключительными правами на результаты интеллектуальной

деятельности, созданными и приобретенными в процессе осуществления деятельности Санкт-Петербургского университета;

ы) предоставление цифровых изображений музейных предметов и музейных коллекций, хранящихся в Санкт-Петербургском университете, во временное возмездное и безвозмездное пользование, если это не нарушает авторских прав иных лиц»²².

Таким образом, с 2017 г. музейная деятельность стала «узаконенным» видом деятельности университета, в результате которой университет получил как новые возможности для её реализации, так и определенные обязательства перед обществом и государством, связанные с сохранностью и популяризацией коллекций. Как и для всех государственных музеев страны, важной задачей университета стал поиск дополнительных источников финансирования своих музеев – привлечение спонсоров и выполнения работ в рамках государственного задания. Уникальный потенциал университетских музеев служит базой для сотрудничества с самыми разнообразными партнёрами.

Реализация масштабной программы, связанной с открытием всех музеев университета не только для преподавателей и студентов, но и для широкой публики, стала одной из важнейших задач в развитии университета и повышении его конкурентоспособности. Заслуживает внимание поэтапность действий и их последовательность при достижении поставленной цели. На VII Санкт-Петербургском международном культурном форуме в 2018 г. был представлен альбом «Коллекция знаний: музеи и коллекции Санкт-Петербургского государственного университета»²³, жанр которого был определён как презентационный. Таким образом, решена первоочередная задача – демонстрация максимально широкому спектру российского и международного сообщества всего разнообразия и богатства собраний университета, доступных для ознакомления и изучения (в альбоме получили освещение коллекции, имеющие свои экспозиции, которые может посетить любой желающий – всего их здесь 19).

В настоящее время на портале университета в разделе «Экспозиции и коллекции СПбГУ» размещена информация о 9-ти музеях и Гербарии. Это Музей истории СПбГУ, Музей-архив Д.И. Менделеева, Музей В.В. Набокова, Музей современного искусства им. С.П. Дягилева, Музей истории физики и математики, Минералогический музей, Палеонтологический музей, Петрографический музей, Палеонтологический музей и Гербарий СПбГУ. Здесь же доступны «Музейные коллекции онлайн» – это электронный каталог, включающий 1459 экспонатов, 6 персоналий, 21 выставку и 4 альбома. По отдельным коллекциям можно совершить виртуальные туры и прослушать аудиогиды. Использование с

2017 г. специально приобретенной университетом автоматизированной информационной системы, позволяющей ставить на государственный учет и популяризировать коллекции, вывело музеи университета на качественно новый уровень.

В настоящее время всё многообразие университетских коллекций, которое распределено на музейные и учебно-научные коллекции, структурировано с точки зрения организационных форм. Музейные коллекции входят в состав Управления экспозиций и коллекций в статусе отделов, а «учебно-научные коллекции функционируют в рамках научно-образовательных подразделений СПбГУ или как самостоятельные подразделения»²⁴. Этот опыт, безусловно, может и должен быть использован вузовскими музеями в зависимости от возможностей самих вузов – организационных, финансовых и других.

Еще один момент в концепции развития музеев СПбГУ, заслуживающий особого внимания – сохранение специфики университетского музея при открытости музеев для публики, т.е. приоритет в использовании коллекций для учебных и научных целей и формирование своей собственной аудитории. Согласно такому пониманию, коллекции Санкт-Петербургского университета «не только представляют прошлое, они моделируют будущее в интересах национальной науки и образования»²⁵.

В своём развитии университетские музеи России прошли значительный путь, модели работы музеев варьировались в зависимости от системы организации науки, государственной поддержки, финансовых возможностей, уровня развития научных школ университетов. Однако понимание высокого значения университетских музеев для развития науки и образования остаётся в профессиональном сообществе неизменным. Приведённые примеры, как современные, так и исторические, показывают, что университетские музеи обладают огромным потенциалом, который раскрывается при грамотном использовании его ресурсов в реализации самых разнообразных проектов – исследовательских, образовательных, просветительских. Выполняя свою социальную миссию как транслятора знаний, общечеловеческих и национальных ценностей, университетский музей развивается в контексте приоритетов национальной научной и культурной политики, становясь коммуникативной площадкой для широкой публики, открывая для неё доступ к хранимому и изучаемому наследию.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Концептуальный замысел музея РГГУ: предпроектное исследование». Грант РГГУ № 2020-1-2.

² *Bazin G.* The Museum Age. New York, 1967. P. 5.

³ Университетский Устав (26 июля 1835). URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (Дата обращения: 20.11.2020)

⁴ *Таран А.В.* Университетские музеи России: прошлое, настоящее, будущее // *Обсерватория культуры.* 2005. № 2. С. 65.

⁵ Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» // *СЗ СССР.* 1932. № 68. Ст. 409.

⁶ Постановление СНК СССР от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой; Типовой устав высшего учебного заведения, утверждённый СНК СССР 5 сентября 1938 г.; Положение о высших учебных заведениях СССР, утверждённое постановлением Совета министров СССР от 21 марта 1961 г. № 251.

⁷ *Смулов А.В.* Вузовские и академические музеи России в современном социокультурном пространстве // *Жизнь Земли.* 2020. Т. 42 (3). С. 268.

⁸ Федеральный Закон от 26 мая 1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 1996 № 22. Ст. 2591.

⁹ *Смулов А.В.* Вузовские и академические музеи России в современном социокультурном пространстве // *Жизнь Земли.* 2020. Т. 42. С. 268.

¹⁰ *Ромашова М.В.* Университетские музеи: проблемы управления и развития // *Ars Administrandi. Искусство управления.* 2015. № 3. С. 132.

¹¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина: офиц. сайт. URL: <https://www.syktstu.ru/about/social-infrastructure/museums/> (Дата обращения 20.11.2020)

¹² *Бурлыкина М.И.* Особенности развития провинциального университетского музея на современном этапе // *Жизнь Земли.* Т. 33. 2011. С. 138.

¹³ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина: офиц. сайт. URL: <https://www.syktstu.ru/about/social-infrastructure/museums/> (Дата обращения 20.11.2020)

¹⁴ Томский государственный университет: офиц. сайт. URL: <http://www.tsu.ru/> (Дата обращения: 20.11.2020)

¹⁵ Казанский (Приволжский) федеральный университет: офиц. сайт. URL: <https://krfu.ru/> (Дата обращения: 20.11.2020)

¹⁶ *Ромашова М.В.* Университетские музеи: проблемы управления и развития // *Ars Administrandi. Искусство управления.* 2015. № 3. С. 132.

¹⁷ Там же. С. 133

¹⁸ Пермский государственный национальный исследовательский университет: офиц. сайт. URL: <http://psu.ru> (Дата обращения: 20.11.2020)

¹⁹ Пермский государственный национальный исследовательский университет: офиц. сайт. URL: <http://psu.ru> (Дата обращения: 20.11.2020)

²⁰ Музеи Университета: победный рывок из прошлого в будущее. Часть 1 // Санкт-Петербургский государственный университет: офиц. сайт. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/muzei-universiteta-pobednyu-ryvok-iz-proshlogo-v-budushchee-chast-pervaya> (Дата обращения: 20.11.2020)

²¹ Музеи Университета: победный рывок из прошлого в будущее. Часть 1 // Санкт-Петербургский государственный университет: офиц. сайт. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/muzei-universiteta-pobednyu-ryvok-iz-proshlogo-v-budushchee-chast-pervaya> (Дата обращения: 20.11.2020)

²² Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2017 г. № 1402 «О внесении изменений в устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Санкт-Петербургский государственный университет" // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7226.

²³ Коллекция знаний: музеи и коллекции Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2018. 288 с.

²⁴ Экспозиции и коллекции СПбГУ // Санкт-Петербургский государственный университет: офиц. сайт. URL: <https://spbu.ru/universitet/ekspozicii-i-kollekcii-spbgu> (Дата обращения 20.11.2020)

²⁵ Музеи Университета: победный рывок из прошлого в будущее. Часть 2 // Санкт-Петербургский государственный университет: офиц. сайт. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/muzei-universiteta-pobednyu-ryvok-iz-proshlogo-v-budushchee-chast-vtoraya> (Дата обращения: 20.11.2020)

Механизмы информационно-коммуникационного
взаимодействия при предоставлении гражданам
государственных услуг в социальной сфере:
институциональный аспект

Аннотация

В статье рассмотрены процедуры взаимодействия гражданина с Пенсионным фондом Российской Федерации. Услуги и сервисы этой организации, предоставляемые в электронном виде, объединены на Портале электронных сервисов и услуг. Анализируются возможности современных информационных технологий для оказания государственных услуг в социальной сфере. Автором утверждается, что оказание услуг населению в цифровой среде является показателем уровня информационной культуры.

Ключевые слова: гражданин, государственная услуга, информационная культура, информационные технологии, Пенсионный фонд Российской Федерации, портал электронных сервисов и услуг, цифровая среда.

А.А. Yaganova
Russian State University for the Humanities

Mechanisms of information and communication interaction
in the provision of public services to citizens
in the social sphere: an institutional aspect

Abstract

The article discusses the procedures for the interaction of a citizen with the Pension Fund of the Russian Federation. The services and services of this organization, provided in electronic form, are combined on the Portal of electronic services. The possibilities of modern information technologies for the provision of public services in the social sphere are analyzed. The author argues that the provision of services to the population in a digital environment is an indicator of the level of information culture.

Keywords: citizen, public service, information culture, information technology, Pension Fund of the Russian Federation, portal of electronic services and services, digital environment.

На протяжении многих веков россияне взаимодействуют с государством по социальным вопросам. Современный этап этого взаимодействия характеризуется широким внедрением информационно-коммуникационных технологий при предоставлении публичных услуг. Так, одним из ожидаемых результатов реализации программы «Информационное общество 2011–2020 гг.»¹ является предоставление государственных услуг и совершение юридически значимых действий в электронном виде.

Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФ РФ) и его территориальные органы предоставляет гражданам государственные услуги в соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»². Закон регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия.

Порядок предоставления конкретной государственной услуги Пенсионного фонда РФ устанавливает административный регламент. Перечень 28 государственных услуг и подуслуг, предоставляемых Пенсионным фондом РФ, сформирован и утвержден распоряжением Правления Пенсионного фонда³.

Государственные услуги предоставляются непосредственно Пенсионным фондом и его территориальными органами. Также, в соответствии с законодательством, за получением отдельных государственных услуг можно обращаться в многофункциональные центры

предоставления государственных и муниципальных услуг. Кроме того, Пенсионный фонд одним из первых стал уделять большое внимание вопросам предоставления услуг в электронном виде.

Через сайт Пенсионного фонда РФ⁴ можно получить значительную часть услуг, связанных с реализацией социальных прав. Можно подать в электронном виде заявление для оформления пенсии, социальной льготы. Также в электронном виде можно получить государственную поддержку – материнский семейный капитал. Используя ресурсы сайта, можно получить выписку о состоянии индивидуального лицевого счета, рассчитать будущую страховую пенсию (с учетом сформированных пенсионных прав), заказать справку о размере пенсии и установленных социальных выплатах, получить выписку из федерального регистра лиц, имеющих право на получение социальной поддержки. Конечно, при необходимости визита в территориальное подразделение Пенсионного фонда можно записаться на прием, но, как видим, значительный круг вопросов решается и при электронном обращении.

С помощью сервиса информирования о пенсионных правах на сайте Пенсионного фонда можно узнать – кто является страховщиком по формированию пенсионных накоплений (ведь в систему гарантирования прав застрахованных лиц по обязательному пенсионному страхованию вошли и негосударственные пенсионные фонды). Электронные сервисы позволяют контролировать уплату страховых взносов работодателем. Все услуги и сервисы, предоставляемые в электронном виде, объединены на Портале электронных сервисов и услуг Пенсионного фонда⁵:

Для удобства пользователей сайт структурирован не только по типу получаемых услуг (пенсии, социальные выплаты, материнский капитал и др.), но и по доступу к ним – с установленным порядком регистрации или без него. Чтобы получить в полном объеме услуги Пенсионного фонда РФ в электронном виде, необходимо иметь подтвержденную учетную запись на едином портале государственных услуг⁶, реализовав механизм авторизации в Единой системе идентификации и аутентификации⁷ (ЕСИА).

Логин и пароль, указанные при регистрации на едином портале государственных услуг, прошедшие регистрацию в ЕСИА, можно использовать на порталах сервисов и услуг всех органов государственной власти России.

При соблюдении определенных условий можно оформить назначение пенсии через Личный кабинет на портале государственных услуг. В соответствующем разделе своего Личного кабинета за месяц до наступления права на пенсию можно заполнить все необходимые личные данные, указать вид пенсии, есть ли иждивенцы, трудоустроены ли в

настоящее время. Здесь же, находясь на этапе подачи заявления, сразу же можно указать предпочтительные даты получения пенсии и способ ее доставки (через почту или кредитную организацию, с которой у Пенсионного фонда заключено соглашение). Можно определиться со способом доставки позднее. После прохождения этой процедуры можно через личный кабинет отслеживать движение и статусы своего заявления. А, тем временем, специалист клиентской службы территориального органа проверит по базам данных наличие электронного и/или бумажного макета выплатного дела; через информационные ресурсы Пенсионного фонда проверит полноту и достоверность документов, находящихся в макете выплатного дела.

Макет – это пакет документов для назначения пенсии. Он формируется заблаговременно. Подать документы на назначение пенсии может как сам гражданин, так и его работодатель. Если макет выплатного дела сформирован заранее, то через свой кабинет человек получит уведомление о назначении ему пенсии⁸.

Через Личный кабинет также работают сервисы по назначению срочной и единовременной выплаты из средств пенсионных накоплений. Для получения выплат из средств пенсионных накоплений должны совпасть два фактора: необходимо иметь право на назначение страховой пенсии, а также средства пенсионных накоплений.

Порядок подачи такого заявления максимально упрощен. Необходимо ввести личные данные, причем часть из них уже присутствует в Личном кабинете. Установлена следующая процедура: для срочной выплаты необходимо выбрать срок – не менее 120 месяцев; для единовременной выплаты необходимо указать способ получения этих средств (например, через Почту России или на банковскую карту). Таким образом, все действия производятся в цифровой среде, приходить в территориальное подразделение Пенсионного фонда лично не нужно⁹.

Так же через электронные сервисы можно дистанционно управлять своими пенсионными накоплениями. В личном кабинете можно подавать электронное заявление на переход из Пенсионного фонда РФ в негосударственный пенсионный фонд, на возвращение из негосударственного пенсионного фонда обратно в Пенсионный фонд России, а также на переход из одного негосударственного пенсионного фонда в другой негосударственный пенсионный фонд. Также дистанционно можно сменить управляющую компанию или инвестиционный портфель управляющей компании, если страховщиком гражданина является Пенсионный фонд¹⁰.

Вне зависимости от того, в каком фонде граждане формируют свои пенсионные накопления, сервис позволяет подавать электронное

заявление о прекращении их дальнейшего формирования в пользу страховой пенсии. Помимо этого, можно составить электронное заявление, где будут определены правопреемники средств пенсионных накоплений и то, в каких долях эти средства будут распределяться между ними.

Здесь необходимо учитывать важное требование: для подписания и подачи в Пенсионный фонд России всех перечисленных заявлений через «Личный кабинет» необходима квалифицированная электронная подпись – это требование законодательства. Подробную информацию о подаче заявлений с квалифицированной электронной подписью можно получить в инструкции¹¹ на сайте Пенсионного фонда.

Таким образом, электронно-цифровая среда предоставляет множество возможностей: заказывать справки и документы, направлять онлайн-вопросы, пользоваться пенсионным калькулятором, формировать платежные документы для уплаты страховых взносов и т.д.

В качественном и своевременном оказании услуги также заинтересованы специалисты и руководители территориальных подразделений, так как существует созданная по заказу Министерства экономического развития России¹² информационная автоматизированная система мониторинга качества государственных услуг (ИАС МКГУ)¹³.

С 2020 г. в России ввели электронную трудовую книжку¹⁴. Это в перспективе обеспечит постоянный и удобный доступ работников к информации о своей трудовой деятельности, а работодателям откроет новые возможности кадрового учета. Переход на электронные трудовые книжки носит добровольный характер и позволяет сохранить бумажную книжку столько, сколько это необходимо. Электронная трудовая книжка не предполагает физического носителя и будет реализована только в цифровом формате. Просмотреть сведения, составляющие содержание электронной трудовой книжки, можно будет в личном кабинете на сайте Пенсионного фонда России или на портале государственных услуг, а также через соответствующие приложения для смартфонов. При необходимости сведения электронной трудовой книжки будут предоставляться в виде бумажной выписки. Предоставить ее сможет нынешний или бывший работодатель (по последнему месту работы), а также управление Пенсионного фонда России или многофункциональный центр государственных услуг¹⁵. Услуга предоставляется экстерриториально, без привязки к месту жительства или работы человека.

Следует отметить, что на соответствующей странице¹⁶ на портале государственных услуг Российской Федерации размещены прототипы суперсервисов, которые можно протестировать пользователям – получателям услуг, оставив свой отзыв, комментарий. Команда

разработчиков проанализирует все поступившие замечания и дорабатывает суперсервисы с их учетом.

Таким образом, государственные услуги в электронном виде, оказываемые населению в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁷, очень активно развиваются. Новый способ предоставления государственных услуг сводит к минимуму посещение госорганов и использование бумажных документов. Для каждого конкретного случая ведомства запрашивают электронные документы из цифрового профиля гражданина, не беспокоя его. Электронный робот анализирует запрос и практически «в один клик» формируется необходимый комплекс документов и готовится заявление. Часто в одном заявлении может быть объединено несколько электронных услуг, что автоматически влечет формирование алгоритма помощи в оформлении положенных льгот и выплат¹⁸. За всеми этапами рассмотрения заявления гражданин может следить в личном кабинете десктопной версии, а также в мобильном приложении портала государственных услуг России.

Государственные сайты и порталы эффективно предоставляют услуги. При этом учитывается механизм защиты персональных данных и их конфиденциальность. Сайты постоянно актуализируются и модернизируются, что влияет на положительное отношение к ним со стороны граждан. Они востребованы и удобны, но не всегда дружелюбны и надежны. Программное обеспечение имеет определенный алгоритм действий, и реальные жизненные ситуации конкретного гражданина не всегда в нем отражены. Тогда, для решения возникших проблем, необходимо лично обратиться к специалисту для решения проблем.

Обобщая сказанное, мы можем говорить уже о понятии «Информационная культура», видя основное ее предназначение в информационном обеспечении жизнедеятельности человека при получении государственных услуг, особенно в социальной сфере.

Примечания

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 30.11.2019) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество" // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.10.2020)

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // Официальный интернет-

портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.10.2020)

³ Распоряжение Правления ПФ РФ от 12.07.2018 № 352р (ред. от 13.01.2020) «Об утверждении Перечня государственных услуг, предоставляемых Пенсионным фондом Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.08.2020)

⁴ Пенсионный фонд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.pfrf.ru/> (Дата обращения: 05.10.2020).

⁵ Портал электронных сервисов и услуг Пенсионного фонда: офиц. сайт. URL: <https://es.pfrf.ru/> (Дата обращения: 05.10.2020)

⁶ Официальный интернет-портал государственных услуг. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (Дата обращения: 05.10.2020)

⁷ Единая система идентификации и аутентификации // Официальный интернет-портал государственных услуг. URL: <https://esia.gosuslugi.ru/idp/rlogin?cc=bp> (Дата обращения: 05.10.2020)

⁸ Пенсионный фонд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.pfrf.ru/> (Дата обращения: 05.10.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Инструкция для подачи заявлений с использованием электронной подписи // Пенсионный фонд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://es.pfrf.ru/uspninstruction/> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹² Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/main> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹³ Информационная автоматизированная система мониторинга качества государственных услуг. URL: <https://vashkontrol.ru/hershel> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹⁴ Пенсионный фонд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.pfrf.ru/> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹⁵ ГБУ города Москвы "Многофункциональные центры предоставления государственных услуг": офиц. сайт. URL: <https://md.mos.ru/> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹⁶ Суперсервисы: госуслуги без бумажных документов и визитов в госорганы // Официальный интернет-портал государственных услуг. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.10.2020).

¹⁸ Минкомсвязь России представила пять новых суперсервисов // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39494/> (Дата обращения: 05.10.2020).

И90 История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина, Москва, 19 декабря 2020 г. / Сост. Л.Д. Шаповалова. М.: РГГУ, 2021. 521 с.

ISBN 978-5-7281-2988-2

Сборник содержит доклады и сообщения участников Международной научной конференции, посвященной истории российской государственности и приуроченной к 100-летию со дня рождения доктора исторических наук профессора МГИАИ (ныне РГГУ) Николая Петровича Ерошкина, основателя научно-педагогической школы истории государственных учреждений России. В материалах конференции отражены различные точки зрения и концепты ключевых проблем и составляющих российской государственности: государственного аппарата, российской бюрократии, государственной идеологии и государственного устройства.

УДК 930.1(063)

ББК 63.1я431

Научное издание

**История
российской государственности**

Доклады

*Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
профессора Н.П. Ерошкина*

Москва, 19 декабря 2020 г.

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Компьютерная верстка

Л.Д. Шатовалова

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 30.03.2021
Формат 60×84¹/₁₆
Уч.-изд. л. 28,2. Усл. печ. л. 30,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 1179

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06